СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ІОАННА,

АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО, ЗЛАТОУСТАГО,

БЕСѢДЫ

НА ЕВАНГЕЛІЕ

СВЯТАГО АПОСТОЛА И ЕВАНГЕЛИСТА

ІОАННА БОГОСЛОВА,

ПЕРЕВЕДЕННЫЯ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

ЧАСТЬ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРИГОРІЯ ТРУСОВА.

1862.

От С. Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать вновь позволяется. 1862. Февраля 25.

Цензоръ *Архимандритъ Фотій.*

БЕСѢДА 47.

Рече же имъ Іисусъ: аминь, аминь глаголю вамъ, аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго, ни піете крове Его, живота не имате въ себѣ. Ядый мою плоть и піяй мою кровь, имать животъ въ себѣ (Іоан. 6, 53. 54).

Когда бесѣдуемъ о предметахъ духовныхъ, ничто житейское, ничто земное да не будетъ въ душахъ нашихъ; но все это да будетъ удалено, все да будетъ устранено, чтобы мы могли всецѣло предаться одному слушанію божественныхъ словъ. Если при входѣ въ городъ Царя затихаетъ весь шумъ: то гораздо болѣе въ то время, какъ духъ бесѣдуетъ съ нами, мы должны внимать съ глубокимъ безмолвіемъ и съ великимъ страхомъ. И что сегодня читано, то, дѣйствительно, достойно страха. Что же именно,—послушай. «Истинно говорю вамъ, говоритъ Христосъ, если кто не будетъ ѣсть плоти моей и пить крови моей, тотъ не будетъ имѣть жизни въ себѣ». Такъ какъ Іудеи предъ симъ говорили, что это не возможно: то Онъ показываетъ, что не только не невозможно, но и весьма необходимо. Поэтому и присовокупляетъ: *ядый мою плоть и піяй мою кровь, имать животъ вѣчный, и Азъ воскрешу его въ послѣдній день*. Слова Его: «если кто ѣстъ отъ хлѣба сего, не умретъ во вѣ-

ки», легко могли показаться имъ странными, какъ и тогда, когда они говорили: Авраамъ умеръ, и Пророки умерли, какъ же ты говоришь: не вкуситъ смерти (Іоан. 8, 52). Поэтому Онъ, чтобы разрѣшить такое недоумѣніе и показать, что (ядущій Его плоть и пьющій кровь) дѣйствительно не умретъ на всегда, упомянулъ о воскресеніи. Часто же говоритъ о таинствѣ (причащенія), чтобы показать, какъ оно необходимо и что оно непремѣнно должно быть. *Плоть моя истинно есть брашно и кровь моя истинно есть пиво* (ст. 55). Что значатъ эти слова? Ими Онъ хочетъ или сказать то, что плоть Его есть истинное брашно, спасающее душу, или же увѣрить ихъ въ сказанномъ, такъ чтобы они не считали словъ Его загадкою и притчею, но знали, что непремѣнно должно ѣсть Его тѣло. Далѣе говоритъ: *ядый мою плоть, во Мнѣ пребываетъ* (ст. 56); этимъ показываетъ, что такой человѣкъ соединяется съ Нимъ. Слѣдующія же слова, если не вникнуть въ ихъ смыслъ, представляются какъ будто не имѣющими связи съ предъидущими. Какая въ самомъ дѣлѣ, говорятъ, послѣдовательность—сначала сказать: *ядый мою плоть, во Мнѣ пребываетъ*, и за тѣмъ продолжать: *якоже посла Мя живый Отецъ, и Азъ живу Отца ради* (ст. 57)? Однакожъ между этими словами есть большое соотвѣтствіе. Такъ какъ (Христосъ) много разъ говорилъ о жизни вѣчной; то, въ подтвержденіе того же, и присовокупилъ: *во Мнѣ пребываетъ*. Если же во Мнѣ пребываетъ, а Я живу: то явно, что и

онъ будетъ жить. Потомъ говоритъ: *якоже посла Мя живый Отецъ*. Это—сравненіе и уподобленіе. Онъ какбы такъ сказалъ: «Я живу такъ, какъ Отецъ». А чтобы ты не счелъ Его нерожденнымъ, Онъ тотчасъ прибавилъ: *Отца ради;* но этимъ показываетъ не то, будто Онъ для своей жизни имѣетъ нужду въ какомъ-либо содѣйствіи. Еще прежде Онъ опровергъ эту мысль, сказавъ: *якоже Отецъ имать животъ въ себѣ, тако даде и Сынови животъ имѣти въ себѣ* (Іоан. 5, 26). Если же (допустить, что) Онъ нуждается въ содѣйствіи: то будетъ слѣдовать, что Отецъ не далъ такъ (т. е. Сыну имѣть животъ въ себѣ), и значитъ, тѣ слова ложны; а если далъ, то Сынъ уже не имѣетъ нужды ни въ какомъ постороннемъ содѣйствіи. Что же значитъ: *Отца ради*? Здѣсь Христосъ указываетъ только причину, говоря какбы такъ· «какъ живетъ Отецъ, такъ и Я живу. И *ядый Мя, и той живъ будетъ Мене ради* (ст. 57). Жизнь здѣсь разумѣетъ не обыкновенную, но прославленную. А что Онъ говоритъ о жизни не обыкновенной, но о той славной и неизреченной, это видно изъ того, что всѣ и невѣрующіе и непосвященные тоже живутъ, хотя и не вкушаютъ той плоти. Видишь, что рѣчь идетъ не объ этой жизни, но о той. Онъ какбы такъ говоритъ: «ядущій Мою плоть не погибнетъ по смерти и не подвергнется наказанію». И не объ общемъ также воскресеніи говоритъ, такъ какъ всѣ одинаково воскреснутъ, но о воскресеніи особенномъ, славномъ, соединенномъ съ наградою. *Сей есть*

хлѣбъ, сшедый съ небесе: не якоже ядоша отцы ваши манну, и умроша: ядый хлѣбъ сей, живъ будетъ во вѣки (ст. 58). Непрестанно повторяетъ одно и тоже для того, чтобы напечатлѣть это въ душѣ слушателей (такъ какъ ученіе объ этомъ было почти послѣднее), и чтобы утвердить вѣру въ догматъ о воскресеніи и жизни вѣчной. Итакъ, (Христосъ) говоритъ и о воскресеніи частію потому, что сказалъ о жизни вѣчной, а частію и для того, дабы показать, что эта жизнь не теперь, но будетъ по воскресеніи. Откуда же, скажешь, это видно?—Изъ Писанія. Къ нему при всякомъ случаѣ отсылаетъ Онъ Іудеевъ, повелѣвая изъ него удостовѣряться въ томъ. А словами: *даяй животъ міру* (ст. 33), Онъ возбуждаетъ въ нихъ соревнованіе, чтобы, такимъ образомъ, они не лишали себя этого дара по крайней мѣрѣ изъ ревности, что другіе наслаждаются имъ. О маннѣ же часто упоминаетъ для того, чтобы и различіе показать между ею и небеснымъ хлѣбомъ, и привесть ихъ къ вѣрѣ. Ибо, если для Него возможно было безъ жатвы, безъ хлѣба и другихъ снадобей сохранить, въ продолженіи сорока лѣтъ, жизнь ихъ предковъ: то тѣмъ болѣе это возможно будетъ теперь, когда Онъ пришелъ совершить большія дѣла. Съ другой стороны, если то были нѣкіе образы, и однакожъ тогда собирали пищу безъ пота и трудовъ: то тѣмъ болѣе это будетъ теперь, когда во всемъ большое различіе, когда смерти уже нѣтъ и мы пользуемся истинною жизнію. Хорошо и то, что Христосъ часто упоминаетъ о

жизни: потому что жизнь вожделѣнна для людей и ничто такъ не пріятно, какъ — не умирать. И въ ветхомъ завѣтѣ было обѣщаніе долговѣчности и многолѣтія, но теперь обѣщается не просто долговѣчность, но жизнь, конца не имѣющая. Вмѣстѣ съ тѣмъ Христосъ хочетъ показать, что Онъ отмѣняетъ наказаніе, бывшее слѣдствіемъ грѣха, уничтожаетъ тотъ смертный приговоръ и, вопреки прежнему опредѣленію, вводитъ не просто жизнь, но жизнь вѣчную. *Сія рече на сонмищи, уча въ Капернаумѣ* (ст. 59), гдѣ Онъ совершилъ много чудесъ, и гдѣ поэтому Его должны были слушать съ особеннымъ вниманіемъ.

2. Но для чего Онъ училъ въ синагогѣ и во храмѣ? Какъ для того, чтобы уловить собиравшійся въ нихъ народъ, такъ и для того, чтобы показать, что Онъ дѣйствуетъ не противно Отцу. *Мнози же слышавше отъ ученикъ Его, рѣша*: *жестоко есть слово сіе* (ст. 60). Что значитъ: *жестоко есть*? Значитъ: сурово, трудно, тягостно. Но вѣдь Онъ ничего такого не говорилъ; потому что и бесѣдовалъ не о жизни и дѣятельности, но о догматахъ, часто упоминая о вѣрѣ въ Него. Такъ чтоже, то ли значитъ: *жестоко есть слово*, что Онъ обѣщаетъ жизнь и воскресеніе? То ли что онъ сказалъ: *съ небесе снидохъ*? Или то, что нельзя спастись не ядущему Его плоти? Это ли, скажи мнѣ, жестоко? Но кто станетъ утверждать это! Итакъ, что значитъ: *жестоко*? Значитъ — неудобопріемлемо, превышаетъ ихъ немощь, наводитъ великій страхъ. Они думали, что Онъ говоритъ нѣчто такое, что

выше Его достоинства и далеко превосходитъ Его силы; почему и говорили: *кто можетъ Его послушати*, желая, можетъ быть, тѣмъ оправдать себя, потому что намѣрены были отстать отъ Него. *Вѣдый же Іисусъ въ себѣ, яко ропщутъ о семъ ученицы Его* (а такое вѣдѣніе тайныхъ помысловъ есть доказательство Его Божества), говоритъ: *сіе ли вы блазнитъ* (ст. 61); *аще убо узрите Сына человѣческаго восходяща, идѣже бѣ прежде* (ст. 62). Такъ же Онъ поступилъ и съ Наѳанаиломъ, сказавъ: *зане рѣхъ ти, видѣхъ тя подъ смоковницею, вѣруеши: больша сихъ узриши* (Іоан. 1, 50),—и съ Никодимомъ: *никтоже взыде на небо, токмо Сынъ человѣческій, сый на небеси* (Іоан. 1, 13). Чтоже? Къ недоумѣніямъ Онъ присовокупляетъ новыя недоумѣнія? Отнюдь нѣтъ; напротивъ, величіемъ и множествомъ догматовъ хочетъ удержать ихъ при себѣ. Сказавъ просто: *съ небесе снидохъ*, и не присовокупивъ ничего больше, Онъ тѣмъ скорѣе соблазнилъ бы ихъ; но сказавъ: тѣло мое—жизнь міра, также: *якоже посла Мя живый Отецъ, и Азъ живу Отца ради*, и еще: *съ небесе снидохъ*, Онъ тѣмъ разрѣшаетъ ихъ недоумѣніе. Ибо кто говоритъ о себѣ что-нибудь одно великое, того, конечно, еще можно подозрѣвать во лжи; но кто, вслѣдъ за тѣмъ, высказываетъ столь многое, тотъ уничтожаетъ всякое подозрѣніе. Все же Онъ и дѣлаетъ и говоритъ для того, чтобы удалить ихъ отъ мысли, что отецъ Его Іосифъ. Значитъ, Онъ говорилъ такъ не для усиленія соблазна, а на-

противъ для его уничтоженія. Ибо кто считалъ бы Его сыномъ Іосифа, тотъ не принялъ бы Его словъ; а кто убѣдился, что Онъ сошелъ съ неба и опять взойдетъ туда, тотъ удобнѣе могъ внимать Его словамъ. Послѣ того Христосъ присовокупляетъ и другое рѣшеніе ихъ недоумѣнія, говоря: *Духъ есть, иже оживляетъ, плоть не пользуетъ ничтоже* (ст. 63). Это значитъ: что говорится обо Мнѣ, тому должно внимать духовно; а кто внимаетъ чувственно (σαρκικῶς), тотъ ничего не пріобрѣтаетъ и не получаетъ никакой пользы. Сомнѣваться же въ томъ, какъ Онъ сошелъ съ неба, и думать, что Онъ—сынъ Іосифа, и спрашивать: *како можетъ намъ дати плоть свою ясти*,—было дѣломъ плотскаго слушанія, между тѣмъ какъ все это слѣдовало понимать таинственно и духовно. Но откуда, скажешь, они могли понять, что такое значитъ ѣсть плоть? Потому-то имъ и слѣдовало выждать удобнаго времени и распросить, а не оставлять Его. *Глаголы, яже Азъ глаголахъ вамъ, духъ суть и животъ суть* (ст. 63), т. е. божественны и духовны, не заключаютъ въ себѣ ничего плотскаго, и не подлежатъ естественному порядку, но чужды всякой этого рода необходимости и выше законовъ, дѣйствующихъ на землѣ, и имѣютъ смыслъ другой, особенный. Такимъ образомъ, какъ здѣсь сказалъ: *духъ*, вмѣсто того, чтобы сказать: *духовные* (глаголы); такъ тамъ, сказавъ: *плоть*, разумѣлъ *не плотскіе* (предметы), но плотское слушаніе, намекая вмѣстѣ и на Іудеевъ, такъ какъ они всегда желали плотскаго, между тѣмъ

какъ надлежало желать духовнаго. Ибо, кто предметы духовные станетъ понимать чувственно, тотъ не пріобрѣтетъ никакой прибыли. Что же, развѣ Его плоть не есть плоть? Безъ сомнѣнія, — плоть. Какъ же Онъ сказалъ; *плоть не пользуетъ ничтоже*? Это Онъ сказалъ не о своей плоти, — отнюдь нѣтъ, — но о тѣхъ, которые Его слова понимаютъ чувственно. Что же значитъ понимать чувственно? Смотрѣть на предметы просто и не представлять ничего больше, — вотъ что значитъ понимать чувственно. Но не такъ должно судить о видимомъ, а надобно внутренними очами прозирать во всѣ его тайны. Вотъ это значитъ понимать духовно. Вѣдь, кто не ѣстъ Его плоти и не піетъ Его крови, не имѣетъ жизни въ себѣ: какъ же плоть ничего не пользуетъ, когда безъ ней невозможно жить? Не видишь ли, что слова: *плоть не пользуетъ ничтоже,* сказаны не о плоти Его, но о плотскомъ слушаніи? *Но суть отъ васъ нѣцыи, иже не вѣруютъ* (ст. 64). Опять, по своему обычаю, придаетъ важность своимъ словамъ, предрекая будущее и показывая, что Онъ говорилъ все это не потому, чтобы искалъ славы у нихъ, а потому, что заботился о ихъ благѣ. Сказавъ: *нѣцыи*, Онъ чрезъ то исключилъ (изъ числа невѣрующихъ) учениковъ; потому что въ началѣ Онъ говорилъ: *и видѣсте Мя, и не вѣруете* Мнѣ (ст. 36), а теперь: *суть отъ васъ нѣцыи, иже не вѣруютъ. Вѣдяше бо искони, кіи суть не вѣрующіи и кто есть предаяй Его. И глаголаше: сего ради рѣхъ вамъ, яко ни-*

ктоже можетъ пріити ко Мнѣ, аще не будетъ ему дано свыше отъ Отца моего (ст. 64. 65). Здѣсь Евангелистъ указываетъ намъ на добровольное, принятое Христомъ, домостроительство (спасенія) и на Его незлобіе. И слово: *искони*, здѣсь поставлено не безъ цѣли, но чтобы ты позналъ Его предвѣдѣніе и то, что Онъ еще прежде этихъ словъ, и не послѣ того, какъ Іудеи возроптали и соблазнились, а еще прежде, зналъ предателя, — что было доказательствомъ Его Божества. За тѣмъ присовокупилъ: *аще не будетъ ему дано* свыше *отъ Отца моего*, убѣждая ихъ считать Бога Отцемъ Его, а не Іосифа, и показывая, что увѣровать въ Него дѣло немаловажное. Онъ какбы такъ говорилъ: «не тревожатъ, не смущаютъ, не удивляютъ Меня невѣрующіе. Я знаю это гораздо прежде, чѣмъ случилось. Знаю, кому далъ Отецъ (увѣровать въ Меня)».

3. Но когда ты слышишь: *далъ*, не думай, чтобы было раздаяніе просто по жребію, а вѣруй, что получаетъ тотъ, кто оказывается достойнымъ принять. *Отъ сего мнози отъ ученикъ Его идоша вспять, и ктому не хождаху съ Нимъ* (ст. 66). Не безъ причины Евангелистъ не сказалъ: отошли, но *идоша вспять*. Этимъ Онъ показалъ, что они, отдѣлившись (отъ Христа), прервали преспѣяніе въ добродѣтели и потеряли ту вѣру, которую прежде имѣли. Но съ двѣнадцатью (учениками) этого не случилось. Поэтому Онъ и говоритъ имъ: *еда и вы хощете ити* (ст. 67), — чѣмъ опять показываетъ, что не нуж-

дается въ ихъ служеніи и благоугожденіи, и не за тѣмъ водитъ ихъ съ собою. Иначе — сталъ ли бы Онъ спрашивать ихъ такъ? Почему же Онъ не похвалилъ ихъ? Почему не превознесъ? Частію для того, чтобы соблюсти приличное Учителю достоинство, а частію для того, чтобы показать, что Онъ этимъ способомъ скорѣе могъ привлечь ихъ къ себѣ. Ибо, если бы Онъ похвалилъ, то они могли бы подумать, что оказываютъ Ему услугу, и поддаться какой-нибудь немощи человѣческой. Когда же показалъ, что не нуждается въ ихъ слѣдованіи за Нимъ, то этимъ болѣе удержалъ ихъ при себѣ. И смотри, съ какою мудростію Онъ говоритъ. Не сказалъ: отойдите, потому что это значило бы отгонять, но говоритъ вопросительно: *еда и вы хощете ити*, — чѣмъ показываетъ, что Онъ устраняетъ всякое насиліе и принужденіе и хочетъ, чтобы они оставались при Немъ не изъ-за какого-либо стыда, но—по чувству благодарности. А тѣмъ, что не укорилъ ихъ явно, но коснулся незамѣтно, Онъ показалъ, какъ должно любомудрствовать въ подобныхъ случаяхъ. Но съ нами бываетъ напротивъ, и это естественно, потому что мы все дѣлаемъ ради своей славы. Поэтому и думаемъ, что наше благосостояніе уменьшается, когда уходятъ служащіе намъ. Но Христосъ не сталъ ни ласкать, ни отгонять, а только спросилъ. И это не потому, чтобы Онъ презиралъ учениковъ, но потому, что не хотѣлъ удерживать ихъ при себѣ силою и принужденіемъ; ибо оставаться по этой причинѣ все равно, что и отойти. Что же Петръ? *Къ кому идемъ*?

Глаголы живота вѣчнаго имаши. И мы вѣровахомъ и познахомъ, яко Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго (ст. 68, 69). Видишь ли, не слова Христовы были причиною соблазна, а невниманіе, безпечность и неблагодарность слушателей? Если бы Онъ и не сказалъ (тѣхъ словъ), они и тогда соблазнились бы и не успокоились бы потому что непрестанно думали о пищѣ тѣлесной и были пригвождены къ землѣ. Вѣдь вмѣстѣ же съ ними слушали и эти (Апостолы); однакожъ высказали совсѣмъ не то, что они, говоря: *къ кому идемъ*? Этотъ отвѣтъ обнаруживаетъ великую любовь. Онъ показываетъ, что для нихъ Учитель дороже всего — и отцевъ, и матерей, и имѣній, и что, оставивъ Его, они не могли бы уже найти, куда прибѣгнуть. Но чтобы не показалось, будто слова: *къ кому идемъ*, Петръ сказалъ потому, что не было никого, кто бы принялъ ихъ, Онъ тотчасъ присовокупилъ: *глаголы живота вѣчнаго имаши*. Другіе внимали (словамъ Христовымъ) чувственно и съ умствованіями человѣческими; а они (Апостолы) духовно, предоставляя все вѣрѣ. Потому и Христосъ говорилъ: *глаголы*, *яже Азъ глаголахъ*, *духъ суть*, т. е. не предполагай, что ученіе, содержащееся въ Моихъ словахъ, подлежитъ обыкновенному порядку вещей и тѣмъ законамъ, по которымъ все совершается. Предметы духовные не таковы: они не могутъ быть подчинены законамъ земнымъ. На это и Павелъ указываетъ, говоря: *да не речеши въ сердцѣ твоемъ*: *кто взыдетъ на небо*, *сирѣчь Христа свести. Или*

кто снидетъ въ бездну, сирѣчь Христа отъ мертвыхъ возвести (Рим. 10, 6). *Глаголы живота вѣчнаго имаши.* Вотъ они уже приняли ученіе о воскресеніи и о будущемъ воздаяніи. Смотри же, какое братолюбіе и какую любовь высказываетъ Петръ, отвѣчая за весь ликъ (Апостоловъ). Не говоритъ: я позналъ, но: *познахомъ.* Особенно же обрати вниманіе на то, какъ принаравливается къ самымъ словамъ Учителя, говоря не то, что говорили Іудеи. Тѣ говорили: *сей есть сынъ Іосифовъ*, а Петръ: *Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго*, и еще: *глаголы живота вѣчнаго имаши*; (и онъ говорилъ такъ), вѣроятно, потому, что часто слышалъ слова Христовы: *вѣруяй въ Мя имать животъ вѣчный.* Припомнивъ, такимъ образомъ, самыя слова, Онъ показалъ тѣмъ, что содержитъ (въ памяти) все сказанное. Что же Христосъ? Не похвалилъ и не превознесъ Петра, хотя это и сдѣлалъ при другомъ случаѣ; но что говоритъ? *Не Азъ ли васъ дванадесяте избрахъ, и единъ отъ васъ діаволъ есть?* Такъ какъ Петръ сказалъ: *и мы вѣровахомъ*; то Христосъ исключаетъ изъ сего лика Іуду. Въ другомъ мѣстѣ Петръ не сказалъ ничего объ ученикахъ, но на вопросъ Христа: *вы же кого Мя глаголете*,—отвѣчалъ: *Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго* (Матѳ. 16, 15). Но такъ какъ здѣсь сказалъ: *и мы вѣровахомъ*, то Христосъ, по справедливости, не оставляетъ Іуду въ ликѣ учениковъ. А это Онъ сдѣлалъ съ намѣреніемъ заранѣе отвратить вѣроломство пре-

дателя; и хотя зналъ, что это будетъ безполезно, тѣмъ не менѣе исполнялъ свое дѣло.

4. И смотри, съ какою мудростію поступилъ Христосъ! Онъ и не открылъ вполнѣ предателя и не оставилъ его совсѣмъ неизвѣстнымъ, дабы онъ, съ одной стороны, не сдѣлался более безстыднымъ и упорнымъ, а съ другой, думая, что остается неизвѣстнымъ, не отважился безстрашно на злодѣяніе. Съ этою-то цѣлію (Христосъ), продолжая свою бесѣду, изобличаетъ его яснѣе. Въ самомъ дѣлѣ, сначала Онъ включилъ и его въ число прочихъ, сказавъ: *суть нѣцыи отъ васъ, иже не вѣруютъ*. А что здѣсь Онъ разумѣлъ и предателя, это показалъ Евангелистъ словами: *вѣдяше бо искони, кіи суть невѣрующіи, и кто есть предаяй Его*. Но такъ какъ Іуда остался при Немъ, то Онъ изобличаетъ его сильнѣе, говоря: *единъ отъ васъ діаволъ есть*, и, такимъ образомъ, наводитъ страхъ на всѣхъ вообще, желая прикрыть его. При этомъ справедливо можетъ возникнуть недоумѣніе: отъ чего теперь ученики не говорятъ ничего, а въ послѣдствіи (при подобныхъ словахъ) приходятъ въ страхъ и въ недоумѣніи смотрятъ другъ на друга и спрашиваютъ: *еда азъ есмь, Господи* (Матѳ. 26, 22)? И Петръ подаетъ знакъ Іоанну, чтобы онъ узналъ о предателѣ и спросилъ у Учителя, кто это (Іоан. 13 24)? Итакъ какая тому причина? Петръ тогда еще не слышалъ: *иди за Мною, сатано* (Марк. 8, 33), а потому и не имѣлъ никакого опасенія. Когда же подвергся упреку,

и не смотря на то, что говорилъ отъ великаго расположенія (къ Учителю), не только не заслужилъ одобренія, но и услышалъ названіе сатаны; то при словахъ: *единъ отъ васъ предастъ Мя* (Іоан. 13, 21), справедливо уже убоялся. Съ другой стороны, и Христосъ теперь не говоритъ: *единъ отъ васъ предастъ Мя*, а: *одинъ отъ васъ діаволъ есть*. Посему они даже не поняли этихъ словъ, а думали, что Онъ только укоряетъ за лукавство. Но для чего Онъ сказалъ: *не Азъ ли васъ дванадесяте избрахъ, и единъ отъ васъ діаволъ есть?* Дабы показать, что Его ученіе чуждо ласкательства. Такъ какъ въ то время, когда всѣ оставили Его, они одни остались при Немъ и чрезъ Петра исповѣдали Его Христомъ: то, дабы не подумали, что Онъ станетъ за это льстить имъ, Онъ (тѣми словами) удаляетъ ихъ отъ такой мысли. Онъ какбы такъ говоритъ: ничто не можетъ отклонить Меня отъ обличенія людей злыхъ; не думайте, что Я стану льстить вамъ за то, что вы остались при Мнѣ, или что Я не буду обличать порочныхъ, потому что вы послѣдовали за Мной. Къ этому не склонитъ Меня и то, что гораздо сильнѣе могло бы склонить Учителя. Кто самъ собою остается при Учителѣ, тотъ представляетъ тѣмъ свидѣтельство своей любви къ Нему; а избранный Учителемъ почитается отъ людей несмысленныхъ за безумнаго и отвергается ими. Но и это не удержитъ Меня отъ обличеній». Между тѣмъ въ этомъ и теперь язычники обвиняютъ Христа, но напрасно и неразумно. Богъ никогда не дѣлаетъ лю-

дей добрыми чрезъ насиліе и принужденіе, и Его избраніе призываемыхъ не насильственное, но совершается чрезъ увѣщаніе. А чтобы тебѣ увѣриться, что Его званіе не соединено съ насиліемъ, смотри, сколько погибло людей званныхъ. Отсюда видно, что въ нашей волѣ — и спасеніе, и погибель.

5. Итакъ, слыша это, научимся всегда трезвиться и бодрствовать. Іуда былъ причтенъ къ тому святому лику, сподобился столь великаго дара, совершилъ чудеса (потому что и онъ вмѣстѣ съ прочими былъ посланъ воскрешать мертвыхъ и очищать прокаженныхъ) и не смотря на это, какъ скоро былъ порабощенъ тяжкимъ недугомъ — страстію сребролюбія, предалъ и своего Владыку. И ничто не принесло ему пользы: ни благодѣянія, ни дарованія, ни пребываніе со Христомъ, ни служеніе, ни омовеніе ногъ, ни общеніе въ трапезѣ, ни храненіе ковчежца; но это все обратилось даже въ поводъ къ его наказанію. Будемъ же бояться, чтобы и намъ чрезъ сребролюбіе не сдѣлаться подражателями Іудѣ. Ты не предаешь Христа; но, когда презираешь нищаго, истаевающаго отъ голода или гибнущаго отъ холода, навлекаешь на себя тоже осужденіе. Также, когда мы недостойно пріобщаемся таинъ, мы погибаемъ наравнѣ съ христоубійцами. Когда похищаемъ, когда угнетаемъ бѣдныхъ, навлекаемъ на себя величайшее наказаніе.—и весьма справедливо. Въ самомъ дѣлѣ, доколѣ будетъ такъ владѣть нами любовь къ настоящимъ вещамъ — излишнимъ и безполезнымъ? А богатство и принад-

лежитъ къ вещамъ излишнимъ, отъ которыхъ нѣтъ никакой пользы. Доколѣ не взирать на небеса, не трезвиться, не знать сытости въ наслажденіи этими земными и преходящими благами? Ужели мы не знаемъ изъ опыта ихъ ничтожества? Представимъ себѣ бывшихъ до насъ богачей. Не сонъ ли всѣ ихъ блага? Не тѣнь ли и цвѣтъ, не потокъ ли протекающій? Не повѣсть ли и басня? Вотъ такой-то былъ богатъ: гдѣ же теперь его богатство? Сгибло и истлѣло. А грѣхи, совершенные изъ-за него, и наказаніе за грѣхи остаются. Но еслибы даже и наказанія не было и царства не предстояло: и тогда слѣдовало бы уважать (въ бѣдномъ) одноплеменность и однородность съ нами, и постыдиться того, что онъ подобострастенъ намъ. Между тѣмъ мы кормимъ псовъ (многіе же кормятъ и дикихъ ословъ, и медвѣдей, и другихъ разнаго рода звѣрей), а презираемъ человѣка, истаевающаго отъ голода; такимъ образомъ, для насъ чужое дороже роднаго и свое хуже того, что не наше и не родственно намъ. Но не пріятно ли, скажешь, строить великолѣпные домы, имѣть множество рабовъ и, покоясь на ложѣ, смотрѣть на золотой сводъ? Но это излишне и безполезно. Есть другія зданія гораздо великолѣпнѣе и лучше этихъ. Ими нужно увеселять свои взоры,—и никто тому не воспрепятствуетъ. Хочешь ли видѣть прекраснѣйшій сводъ? Когда настанетъ вечеръ, смотри на небо, усѣянное звѣздами. Но это, скажешь, не мой сводъ? Напротивъ, этотъ даже болѣе твой, чѣмъ тотъ. Онъ для тебя и созданъ и принадлежитъ

тебѣ наравнѣ съ твоими братьями. А тотъ не твой, но твоихъ наслѣдниковъ, послѣ твоей смерти. Притомъ, этотъ (сводъ небесный) можетъ принесть величайшую пользу, потому что своею красотою возводитъ къ Создателю; а тотъ причинитъ тебѣ величайшій вредъ, сдѣлавшись въ день суда твоимъ грознымъ обвинителемъ, потому что онъ былъ облеченъ золотомъ, когда Христосъ не имѣлъ и необходимой одежды. Не будемъ же впадать въ столь великое безуміе; не станемъ гоняться за тѣмъ, что мимолетно и убѣгать того, что пребываетъ постоянно; не будемъ предателями своего спасенія, но станемъ держаться надежды на блага будущія,—старики, какъ вѣрно знающіе, что намъ не долго остается жить,—юноши, какъ вполнѣ убѣжденные, что (и для нихъ) немного остается времени; ибо день Господень придетъ, какъ тать ночью. Итакъ, зная это, жены да умоляютъ мужей, мужья да убѣждаютъ женъ, да учимъ юношей и дѣвъ, и всѣ да наставляемъ другъ друга — презирать настоящія блага и искать будущихъ, чтобы и сподобиться ихъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ котораго и съ которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 48.

И хождаше Іисусъ по сихъ въ Галилеи: не хотяше бо во Іудеи ходити, яко исках у его Іудее убити. Бѣ же близъ праздникъ іудейскій потченіе сѣни (Іоан. 7, 1. 2).

Нѣтъ ничего хуже зависти и злобы. Чрезъ нихъ смерть вошла въ міръ. Ибо, когда діаволъ увидѣлъ человѣка въ чести, то не вынесъ его благоденствія и сдѣлалъ все, чтобы погубить его. Да и вездѣ отъ этого корня можно видѣть такой плодъ. Такъ и Авель убитъ; такъ и Давидъ едва не погибъ; такъ (пострадали) и многіе другіе праведники. Также сдѣлались христобійцами и Іудеи, на что и указалъ Евангелистъ словами: *и хождаше Іисусъ по сихъ въ Галилеи*; ибо не имѣлъ власти *во Іудеи ходити, яко искаху его Іудее убити*. Что ты говоришь, блаженный Іоаннъ? Не имѣлъ власти Тотъ, кто могъ дѣлать все, что хотѣлъ? Кто сказалъ: *кого ищете*, и тѣмъ отбросилъ ихъ назадъ, кто могъ присутствовать и не быть видимымъ,—тотъ не имѣлъ власти? Какъ же Онъ послѣ явился между ними и среди храма, во время праздника, при народномъ собраніи и въ присутствіи убійцъ бесѣдовалъ съ ними о томъ, что наиболѣе ихъ раздражало? Этому и они удивлялись, говоря: *не сей ли есть, его же ищутъ убити; и се не обинуясь глаголетъ, и ничесоже ему глаго-*

лютъ (ст. 25, 29). Чтоже это за загадочныя слова? Нѣтъ, Евангелистъ сказалъ это не съ тѣмъ, чтобы мы сочли его слова загадочными, но чтобы показать, что Христосъ обнаруживалъ и свойства божества и свойства человѣчества. Такимъ образомъ, когда онъ говоритъ, что Христосъ не имѣлъ власти, то выражается о Немъ, какъ о человѣкѣ, такъ какъ Онъ многое дѣлалъ и по-человѣчески; а когда говоритъ, что Онъ стоялъ среди ихъ, и они не удержали Его, то, очевидно, указываетъ на силу Его божества. Онъ и убѣгалъ, какъ человѣкъ, и являлся, какъ Богъ, будучи истинно тѣмъ и другимъ. Что злоумышленники не могли удержать Его, когда Онъ былъ среди ихъ, это показывало Его неодолимость и непобѣдимость; а что Онъ уклонялся, этимъ подтверждалъ Онъ свое воплощеніе и удостовѣрялъ въ немъ, чтобы ничего не могли сказать ни Павелъ самосатскій, ни Маркіонъ, ни зараженные ихъ недугомъ. Итакъ, этимъ Онъ заграждаетъ уста всѣмъ. *По сихъ... бѣ праздникъ іудейскій потченіе сѣни*. Выраженіе: *по сихъ*, означаетъ не другое что, какъ то, что (Евангелистъ) для краткости опустилъ много времени, протекшаго между двумя событіями. И это видно изъ того, что когда Христосъ сидѣлъ на горѣ, тогда былъ праздникъ Пасхи (Іоан. 6, 3. 4), а теперь (Евангелистъ) упоминаетъ о праздникѣ Кущей. Такимъ образомъ, изъ событій въ теченіе пяти мѣсяцевъ Онъ ни о чемъ другомъ намъ не разсказалъ и ничего иного не передалъ, кромѣ чуда надъ хлѣбами и бесѣды (Господа) къ народу, ѣвшему хлѣ-

бы. Между тѣмъ Христосъ постоянно совершалъ чудеса и бесѣдовалъ не только днемъ и вечеромъ, но часто и ночью. Такъ, напримѣръ, ученикамъ, по сказанію всѣхъ Евангелистовъ, Онъ предсталъ ночью. Отъ чего же они (Евангелисты) опустили тѣ событія? Отъ того, что невозможно было всего пересказать. При томъ, они и старались особенно говорить о томъ, изъ-за чего могло возникнуть со стороны Іудеевъ какое-либо порицаніе или противорѣчіе. Событій, подобныхъ тѣмъ (которыя опущены), было много; и потому Евангелисты, написавъ много разъ, что Христосъ и больныхъ исцѣлялъ, и мертвыхъ воскрешалъ и возбуждалъ удивленіе, иногда объ этомъ и не говорятъ. Но когда имъ предстояло говорить о чемъ-либо необычайномъ, или разсказывать что-нибудь такое, что могло бы, по видимому, служить для Него порицаніемъ, объ этомъ они повѣствуютъ. Такъ, вотъ и теперь Евангелистъ замѣчаетъ, что братья Его не вѣровали въ Него, хотя въ этомъ обстоятельствѣ заключается не мало поноснаго для Него. Подлинно достойно удивленія правдолюбіе Евангелистовъ, (достойно удивленія) какъ они не стыдятся говорить о томъ, что, по видимому, служитъ къ поношенію Учителя, и даже стараются больше повѣствовать объ этомъ, чѣмъ о чемъ-либо другомъ. Посему-то теперь и Іоаннъ, пройдя молчаніемъ многія — и знаменія, и чудеса, и бесѣды Христовы, тотчасъ приступилъ къ слѣдующему (повѣствованію). *Рѣша*, говоритъ, *къ нему братія его: прейди отсюда въ Іудею, да и ученицы твои ви-*

дятъ дѣла, яже твориши (ст. 3). *Никтоже бо въ тайнѣ творитъ что, и ищетъ самъ явѣ быти. Яви себе міровi. Ни братія бо его вѣроваху въ него* (ст. 4. 5). Какое же, скажешь, здѣсь невѣріе, когда они просятъ Его творить чудеса? Даже — очень большое. Невѣріе выражается и въ ихъ словахъ, и въ ихъ смѣлости, и въ ихъ неумѣстномъ дерзновеніи. Они думали, что имъ, какъ родственникамъ, можно свободно говорить съ Нимъ. Ихъ просьба, по видимому, дружеская, но въ словахъ много обиднаго: ими они упрекаютъ Его и въ малодушіи и въ славолюбіи. Сказавъ: *никтоже въ тайнѣ творитъ что*, они тѣмъ обвиняютъ Его въ малодушіи и вмѣстѣ выражаютъ подозрѣніе къ Его дѣламъ, а присовокупивъ: *ищетъ явѣ быти*, —упрекаютъ въ славолюбіи.

2. Но ты обрати лучше вниманіе на силу Христову. Изъ числа говорившихъ это одинъ былъ въ послѣдствіи первымъ іерусалимскимъ епископомъ, именно блаженный Іаковъ, о которомъ и Павелъ говоритъ: *инаго же отъ апостолъ не видѣхъ, токмо Іакова брата господня* (Гал. 1, 19). Говорятъ также, что и Іуда сдѣлался достойнымъ удивленія. Хотя они и присутствовали въ Канѣ, когда вода была претворена въ вино; однакожъ отъ того не пріобрѣли еще никакой пользы. Отъ чего же у нихъ такое невѣріе? Отъ худаго расположенія души и зависти: сродникамъ знаменитымъ какъ-то обыкновенно завидуютъ сродники не столько знаменитые. Кого же они здѣсь называютъ учениками? Народъ, слѣдовавшій за

Христомъ, а не двѣнадцать (Апостоловъ). Что же Христосъ? Смотри, какъ кратко Онъ отвѣчалъ. Не сказалъ: «вы кто таковы, что даете Мнѣ такіе совѣты и учите Меня»? А что? *Время мое не у пріиде* (ст. 6). Мнѣ кажется, здѣсь Онъ намекаетъ и на нѣчто другое. Быть можетъ, они изъ зависти замышляли даже предать Его Іудеямъ, а потому, обнаруживая это, Онъ и говоритъ: *время мое не у пріиде*, т. е. время креста и смерти. Зачѣмъ же прежде времени вы торопитесь убить Меня? *Время же ваше всегда готово есть*. Какбы такъ говорилъ: «хотя бы вы постоянно обращались съ Іудеями, они не умертвятъ васъ, потому что вы ревнуете о томъ же, о чемъ и они; а Меня они готовы немедленно убить. Такимъ образомъ, для васъ всегда есть и время,— не подвергаясь опасности, обращаться съ ними; а для Меня время будетъ тогда, когда настанетъ время креста, когда Мнѣ должно будетъ умереть». А что Онъ дѣйствительно это разумѣетъ, видно изъ слѣдующихъ за тѣмъ словъ: *не можетъ міръ ненавидѣти васъ* (ст. 7). Ибо какъ онъ можетъ ненавидѣть тѣхъ, кто одного съ нимъ желаетъ и одного домогается? *Мене же ненавидитъ, яко азъ обличаю его, яко дѣла его зла суть*, т. е. Меня ненавидитъ за то, что Я укоряю и обличаю. Научимся отсюда удерживаться отъ гнѣва и не сердиться, когда намъ что-либо совѣтуютъ и люди незначительные. Если Христосъ съ кротостію перенесъ совѣтъ людей невѣровавшихъ, которые совѣтовали то, чего не слѣдовало совѣтовать, и совѣтовали не отъ доб-

раго расположенія: то какое мы получимъ прощеніе, мы—земля и пепелъ, если будемъ негодовать на совѣтниковъ, когда они хотя немного ниже насъ, считая ихъ совѣты недостойными насъ? Вотъ смотри, съ какою кротостію Христосъ отстраняетъ отъ Себя ихъ обвиненіе. На ихъ слова: *яви себе мірови*, Онъ говоритъ: *не можетъ міръ ненавидѣти васъ, мене же міръ ненавидитъ*, и этимъ уничтожаетъ ихъ обвиненіе. «Не только, говоритъ, Я не ищу славы у людей, но и непрестанно обличаю ихъ, хотя и знаю, что это раждаетъ ненависть ко Мнѣ и готовитъ мнѣ смерть». Когда же, скажешь, Онъ обличалъ? Но когда же и переставалъ обличать? Не говорилъ ли Онъ: *не мните, яко азъ на вы реку ко Отцу*: *есть, иже на вы глаголетъ*, *Моѵсей* (Іоан. 5, 45), — еще: *разумѣхъ вы*, *яко любве божія не имате въ себѣ* (—42),—и еще: *како можете вѣровати, славу* отъ человѣкъ *пріемлюще, и славы*, *яже отъ единаго Бога*, *не ищете* (—44)? Видишь ли, какъ всѣмъ этимъ Онъ показалъ, что ненависть къ Нему происходила отъ Его открытыхъ обличеній, а не отъ нарушенія субботы? А для чего Онъ посылаетъ ихъ на праздникъ, говоря: *вы взыдите въ праздникъ, азъ не у взыду*? Дабы показать, что Онъ не нуждается въ нихъ и не хочетъ, чтобы они льстили Ему, и что Онъ дозволяетъ имъ соблюдать іудейскіе обряды. Но какъ же, скажешь, Онъ пошелъ на праздникъ, когда прежде сказалъ: *не взыду?* Онъ не просто сказалъ: *не взыду*, но прибавилъ: теперь, т. е.

вмѣстѣ съ вами; *яко время мое не у исполнися* (ст. 8). Но вѣдь Онъ имѣлъ быть распятъ въ слѣдующую Пасху. Почему же бы и Ему не идти (теперь)? Если же не пошелъ потому, что еще не настало Его время, то слѣдовало бы и совсѣмъ не ходить. Но Онъ пошелъ не для того, чтобы пострадать, а чтобы преподать имъ ученіе. Зачѣмъ же (пошелъ) тайно? Могъ Онъ, конечно, прійти и явно и быть среди Іудеевъ и удержать ихъ неистовое нападеніе, что нерѣдко и дѣлалъ; но Онъ не хотѣлъ такъ дѣйствовать всегда. Ибо еслибы Онъ пришелъ явно и опять поразилъ ихъ слѣпотою, то этимъ яснѣе выказалъ бы свое божество и еще болѣе открылъ бы его, чего пока не слѣдовало дѣлать. Но такъ какъ они (Его братья) думали, что Онъ остался (въ Галилеи) по малодушію: то (своимъ появленіемъ на праздникъ) Онъ, напротивъ, показываетъ и безбоязненность и мудрую предусмотрительность, а равно и то, что Онъ, напередъ зная время, въ которое пострадетъ, съ наступленіемъ этого времени, вполнѣ охотно пойдетъ во Іерусалимъ. Мнѣ, впрочемъ, кажется, что въ словахъ: *вы взыдите,* Онъ высказываетъ и эту мысль: «не думайте, что Я принуждаю васъ противъ воли оставаться со Мной»; а въ слѣдующихъ за тѣмъ: *время мое не у исполнися*, показываетъ, что Ему надлежало еще совершать и чудеса и говорить бесѣды, чтобы и больше увѣровало народа и тверже стали ученики, видя дерзновеніе Учителя и все, что Онъ потерпѣлъ.

3. Итакъ, научимся изъ сказаннаго уступчи-

вости и кротости Спасителя: *научитеся отъ мене* (говоритъ Онъ), *яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Матѳ. 11, 29),—и отвергнемъ всякую гнѣвливость. Возстанетъ ли кто противъ насъ,—мы да будемъ смиренны. Станетъ ли кто поступать съ нами нагло,—мы да будемъ услужливы. Будетъ ли кто язвить и терзать насъ насмѣшками и ругательствами,—не будемъ отвѣчать тѣмъ же, чтобы мщеніемъ за себя не погубить себя. Гнѣвъ есть звѣрь, звѣрь жестокій и лютый. Чтобы укротить его, будемъ припѣвать себѣ стихи изъ божественнаго Писанія и говорить: *земля еси и пепелъ* (Быт. 3 19),—и: *почто гордится земля и пепелъ* (Сир. 10, 9),—также: *устремленіе ярости его паденіе ему* (Сир. 1, 22),—и еще: *мужъ ярый не благообразенъ* (Прит. 11, 25). Подлинно нѣтъ ничего хуже, ничего безобразнѣе гнѣвнаго лица; если же — лица, то тѣмъ болѣе — души. Какъ тогда, когда разрываютъ грязь, обыкновенно бываетъ зловоніе: такъ и тогда, когда душа возмущается гнѣвомъ, появляется великое безобразіе. Но не могу, скажешь, вынести поношенія отъ враговъ. Отъ чего же,— скажи. Если врагъ сказалъ правду, то еще прежде его, тебѣ самому слѣдовало бы укорить себя, и ты долженъ благодарить его за обличеніе; если же ложь, не обращай на то вниманія. Онъ назвалъ тебя нищимъ,—посмѣйся этому. Назвалъ низкимъ или безсмысленнымъ, — пожалѣй о немъ. Ибо кто скажетъ *брату своему: уроде, повиненъ есть гееннѣ огненнѣй* (Матѳ. 5, 22). Итакъ, когда кто ста-

нетъ поносить тебя, помысли о томъ наказаніи, которому онъ подлежитъ,—и не только не будешь гнѣваться, но и прольешь слезы. Никто не сердится на одержимыхъ лихорадкою или горячкою, но всѣ жалѣютъ о подобныхъ людяхъ и плачутъ. А такова и душа разгнѣванная. Если же хочешь и отмстить, смолчи, — и тѣмъ нанесешь врагу смертельный ударъ. Если же будешь отвѣчать на укоризну укоризною, то возгнетешь огонь. Но присутствующіе, скажешь, будутъ обвинять въ малодушіи, если стану молчать. Не въ малодушіи будутъ обвинять, а подивятся любомудрію. Если же ты, подвергшись поношенію, станешь огорчаться, то чрезъ это будешь поносить самъ себя, потому что заставишь думать, что сказанное о тебѣ справедливо. Отъ чего, скажи мнѣ, богачь смѣется, когда слышитъ, что его называютъ нищимъ? Не отъ того ли, что не сознаетъ за собою нищеты? Такъ и мы, если на бранныя слова будемъ отвѣчать болѣе смѣхомъ, чрезъ то представимъ величайшее доказательство, что мы не сознаемъ за собою того, въ чемъ укоряютъ насъ. При томъ же, доколѣ намъ бояться сужденій людскихъ? Доколѣ будемъ презирать общаго всѣмъ Владыку и прилѣпляться къ плоти? *Идѣже бо въ васъ зависть и рвеніе и распри, не плотстіи ли есте* (1 Кор. 3, 3)? Будемъ же духовными и обуздаемъ этого страшнаго звѣря. Между гнѣвомъ и бѣшенствомъ нѣтъ никакого различія; гнѣвъ есть тоже бѣснованіе, только временное, или даже онъ хуже и бѣснованія. Бѣсноватый можетъ еще получить прощеніе; а гнѣваю-

ющійся подвергнется тысячѣ мученій, какъ добровольно стремящійся въ бездну погибели. Да и прежде будущей геенны, онъ уже здѣсь терпитъ наказаніе, такъ какъ во всю ночь и во весь день носитъ въ помыслахъ души своей непрестанное смятеніе и незатихающую бурю. Итакъ, дабы избавиться и наказанія въ жизни настоящей и мученія въ будущей, отринемъ эту страсть и будемъ выказывать всякую кротость и уступчивость. Чрезъ это мы обрѣтемъ покой нашимъ душамъ и здѣсь и въ царствіи небесномъ, котораго и да сподобимся всѣ мы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ котораго и съ которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 49.

Сія рекъ, оста въ Галилеи. Егда же взыдоша братія его, тогда и самъ взыде въ праздникъ, не явѣ, но яко тай (Іоан. 7, 9. 10).

Когда Христосъ совершалъ что-либо, какъ человѣкъ, то совершалъ не для увѣренія только въ своемъ воплощеніи, но и для наученія насъ добродѣтели. Ибо, еслибы Онъ всегда поступалъ, какъ Богъ, то откуда могли бы мы узнать, что намъ должно дѣлать въ затруднительныхъ обсто-

ятельствахъ? Если бы, напримѣръ, и въ настоящемъ случаѣ, когда Іудеи дышали убійствомъ, Онъ вдругъ предсталъ среди ихъ и удержалъ ихъ порывъ (къ убійству), и если бы такъ поступалъ всегда: то мы, не имѣя возможности сдѣлать тоже, между тѣмъ находясь въ подобныхъ обстоятельствахъ, откуда могли бы узнать, какъ намъ должно поступить? Слѣдуетъ ли тотчасъ же умереть, или нужно что-нибудь предпринять, чтобы придать дѣлу благопріятный оборотъ? Итакъ, поелику мы, не имѣя равныхъ (съ Нимъ) силъ, не знали бы что намъ дѣлать въ трудныхъ обстоятельствахъ: то Онъ своимъ примѣромъ научаетъ насъ и этому. *Сія*, сказано, *рекъ* Іисусъ, *оста въ галилеи. Егда же взыдоша братія его, взыде и самъ, не явѣ, но яко тай*. Слова: *взыдоша братія его*, показываютъ, что Онъ не хотѣлъ идти съ ними. Поэтому и остался тамъ, гдѣ былъ, и не явилъ себя, хотя братья нѣкоторымъ образомъ и понуждали Его къ тому. Но отъ чего Онъ, бесѣдовавшій всегда явно, теперь идетъ на праздникъ какбы тайно? — (Евангелистъ не сказалъ тайно, но: *яко тай*),—отъ того, что Ему надлежало чрезъ это научить насъ устроять наши дѣла. А кромѣ того, не все равно было для Него, явиться ли среди Іудеевъ въ то время, когда они кипѣли и пламенѣли отъ гнѣва, или послѣ, при окончаніи праздника. *Жидове же искаху его* (въ праздникъ) *и глаголаху: гдѣ есть онъ* (ст. 11)? Прекрасныя поистинѣ дѣла у нихъ въ праздничные дни! Порываются къ убійству и совѣщаются

на праздникѣ схватить Его! Такъ говорятъ они и въ другомъ мѣстѣ: *что мнится вамъ, яко не имать ли пріити въ праздникъ* (Іоан. 11, 56); и здѣсь: *гдѣ есть онъ?* Отъ чрезмѣрной ненависти и вражды не хотѣли даже назвать Его по имени. Великое уваженіе къ празднику, великое благоговѣніе! Хотѣли уловить Его въ самый праздникъ! *И ропотъ многъ бѣ о немъ въ народѣхъ* (ст. 12). Мнѣ кажется, что ихъ раздражало самое мѣсто совершенія чуда, и что они въ одно и тоже время и свирѣпѣли и боялись, но не столько негодовали изъ-за прежняго чуда, сколько опасались, чтобы Онъ не совершилъ чего-либо подобнаго. Но вышло совсѣмъ иначе: они сами, противъ воли, сдѣлали Его извѣстнымъ. *Овіи глаголаху, яко благъ есть: иніи же глаголаху: ни, но льститъ народы* (ст. 12). Первое, я думаю, — мнѣніе народа, а послѣднее — князей и священниковъ, потому что клеветать было свойственно ихъ зависти и злобѣ. *Льститъ*, говорятъ, *народы*. Но какимъ образомъ, скажи мнѣ. Развѣ Онъ совершаетъ чудеса призрачныя, а не дѣйствительныя? Но опытъ свидѣтельствуетъ противное. *Никтоже явѣ глаголаше о немъ страха ради Іудейскаго* (ст. 13). Видишь ли, начальники—люди развращенные, а подначальные хотя и здраво судятъ, но лишены надлежащаго мужества, котораго преимущественно недостаетъ у народа? *Абіе же въ преполовеніе праздника взыде Іисусъ, и учаше* (ст. 14). Чрезъ промедленіе Онъ сдѣлалъ ихъ внимательнѣе. Тѣ, которые искали Его въ первые

дни праздника и говорили: *гдѣ есть онъ*, теперь, увидѣвъ Его неожиданно передъ собою, смотри, какъ поспѣшили къ Нему и старались внимать Его словамъ — и тѣ, которые называли Его добрымъ, и тѣ, которые не считали такимъ:—одни, чтобы получить пользу и подивиться, другіе, чтобы схватить Его и задержать. Говорили же они: *льститъ народы*, вслѣдствіе Его ученія о догматахъ, такъ какъ не понимали того, что Онъ говорилъ; а—*благъ есть*, вслѣдствіе Его чудесъ. Итакъ, Онъ предсталъ предъ ними, послѣ того какъ утишилъ ихъ ярость, чтобы они внимательно могли выслушать Его слова, когда гнѣвъ не заграждалъ уже ихъ слуха. Чему Онъ училъ Евангелистъ того не сказалъ; говоритъ только, что Онъ училъ дивно, что плѣнилъ ихъ и произвелъ въ нихъ перемѣну:—такова была сила Его словъ! Тѣ, которые говорили: *льститъ народы*, теперь, перемѣнившись въ своихъ мысляхъ, дивились Ему и потому говорили: *како сей книги вѣсть, не учився* (ст. 15)? Видишь ли, какъ Евангелистъ показываетъ, что и здѣсь ихъ удивленіе было полно злобы? Не сказалъ, что они дивились ученію, или что принимали слова Его; но просто: *дивились*, т. е. приходили въ изумленіе и въ недоумѣніи говорили: *откуда сему сія* (Марк. 6, 2)? Между тѣмъ это недоумѣніе должно было привести къ сознанію, что въ Немъ не было ничего человѣческаго. Но такъ какъ этого они не хотѣли исповѣдать, но ограничивались только удивленіемъ; то послушай, что говоритъ самъ Христосъ: *ученіе мое*

нпьсть мое (ст. 16). Опять отвѣчаетъ на ихъ тайную мысль, обращая ихъ къ Отцу и желая тѣмъ заградить имъ уста. *Аще кто хощетъ волю его творити, разумпьетъ о ученіи, кое отъ Бога есть, или азъ отъ себе глаголю* (ст. 17). Эти слова значатъ вотъ что: «отриньте отъ себя злобу, гнѣвъ, зависть и ненависть, которую напрасно питаете противъ Меня, и ничто не помѣшаетъ вамъ познать, что мои слова—по истинѣ слова Божіи. Теперь эти страсти омрачаютъ васъ и искажаютъ въ васъ правильное и свѣтлое сужденіе. А если исторгнете ихъ изъ себя, то уже не будете подвергаться этому». Но Христосъ такъ не сказалъ, потому что этимъ слишкомъ уязвилъ бы ихъ; а все это прикровенно выразилъ въ словахъ: кто творитъ волю Его, *разумпьетъ о ученіи, кое отъ Бога есть, или азъ отъ себе глаголю*: т. е., или я возвѣщаю что-либо чуждое и новое, и противное. Ибо выраженіе: *отъ себе*, всегда употребляется въ слѣдующемъ значеніи: я не говорю ничего неугоднаго Богу, но чего хочетъ Отецъ, того—и Я. *Если кто волю его* творитъ, *разумпьетъ о ученіи*. Что значитъ: если кто волю Его творитъ? — Значитъ: если кто любитъ жизнь добродѣтельную и хочетъ быть внимательнымъ къ пророчествамъ, чтобы видѣть, сообразно ли съ ними Я говорю, или нѣтъ, тотъ уразумѣетъ силу моихъ словъ.

2. Какъ же (Его ученіе есть) Его и не Его?— Ибо Онъ не сказалъ: это ученіе не мое, но сказавъ прежде: *мое*, и такимъ образомъ усвоивъ

его себѣ, потомъ уже присовокупилъ: *нѣсть мое*. Какъ же одно и тоже (ученіе) можетъ быть и Его и не Его?—Его, потому что Онъ говорилъ не какъ наученный;—не Его, потому что оно было ученіе Отца. А какъ же Онъ говоритъ: все Отчее—мое, и все мое,—Отчее (Іоан. 17, 10). Если оно потому не твое, что оно Отчее: то тѣ слова (все Отчее—мое) будутъ ложны, такъ какъ поэтому самому оно должно быть твое. Но слова: *нѣсть мое*, весьма ясно показываютъ, что Его ученіе и ученіе Отца—одно и тоже. Онъ какбы такъ говорилъ: (мое ученіе) ничуть не отлично (отъ ученія Отца), какъ ученіе другаго (лица). Ибо хотя во Мнѣ ѵпостась и другая; но Я и говорю и дѣлаю такъ, что нельзя подумать, будто Я говорю и дѣлаю что-либо отличное отъ Отца: Я говорю и дѣлаю тоже самое, что — и Отецъ. Потомъ присовокупляетъ и другое неопровержимое умозаключеніе, выставляя на видъ нѣчто человѣческое и научая примѣромъ изъ обыкновенной жизни. Что же это такое? *Глаголяй отъ себе славы своея ищетъ* (ст. 18), т. е., «кто хочетъ ввести свое какое-либо ученіе,—хочетъ не для чего другаго, какъ для того, чтобы чрезъ то пріобрѣсть себѣ славу. Если же Я не хочу снискивать Себѣ славу, то для чего Мнѣ желать вводить свое какое-либо ученіе? *Глаголяй отъ себе*, т. е. высказывающій нѣчто свое и отличное, говоритъ для того, чтобы пріобрѣсть себѣ славу. Если же Я ищу славы Пославшаго Меня, то для чего Я сталъ бы учить другому?» Видишь ли, что была нѣкоторая причина, почему Онъ и

тамъ говорилъ, что не дѣлаетъ ничего самъ отъ Себя (Іоан. 5, 30)? Какая же это причина? — Та, чтобы увѣрить, что Онъ не ищетъ славы у людей. По этой же причинѣ, говоря о Себѣ смиренно, Онъ произноситъ: «Я ищу славы Отца», и такимъ образомъ, вездѣ хочетъ убѣдить ихъ, что Онъ не желаетъ славы (человѣческой). А почему Онъ выражается смиренно, на это много есть причинъ: напримѣръ, — чтобы не подать о Себѣ мысли, что Онъ не рожденъ или богопротивенъ, чтобы увѣрить, что Онъ облеченъ плотію, чтобы снизойти немощи слушателей, чтобы научить людей быть скромными и не говорить о самихъ себѣ ничего великаго. Когда же Онъ выражается о Себѣ возвышенно, то на это можно найти только одну причину — величіе Его естества. Но если (Іудеи) соблазнились и тѣмъ, что Онъ сказалъ: *прежде Авраама азъ есмь* (Іоан. 8, 58), то чего не случилось бы съ ними, еслибъ они постоянно слышали рѣчи возвышенныя? *Не Моусей ли даде вамъ законъ, и никтоже отъ васъ творитъ закона; что мене ищете убити* (ст. 19)? Какую, скажешь, связь, или что общаго имѣютъ эти слова съ преждесказанными? Іудеи взводили на Него два обвиненія: — одно, что раззорялъ субботу, — другое, что Бога называлъ Отцемъ своимъ, дѣлая себя равнымъ Богу. А что это было не ихъ мнѣніе, а мысль Его самаго, и что онъ называлъ Бога своимъ Отцемъ не такъ, какъ другіе, но въ смыслѣ отличномъ и особенномъ, это видно изъ слѣдующаго. Многіе часто называли Бога своимъ Отцемъ,

напримѣръ: *не Богъ ли единъ созда васъ и не Отецъ ли единъ всѣмъ вамъ* (Малах. 2, 10)? Однакожъ отъ этого люди не были равны Богу. Потому-то слыша эти слова, (Іудеи) и не соблазнялись. Притомъ, какъ тогда, когда они говорили, что Онъ не отъ Бога, Онъ неоднократно вразумлялъ ихъ, и какъ оправдывалъ Себя въ нарушеніи субботы; такъ и теперь, еслибы то было ихъ мнѣніе, а не мысль Его самаго, Онъ исправилъ бы его и сказалъ: «зачѣмъ вы считаете Меня равнымъ Богу,—Я не равенъ». Но Онъ ничего такого не сказалъ, а (сказалъ) даже напротивъ и дальнѣйшими словами доказалъ, что Онъ равенъ Богу. Ибо слова: *якоже Отецъ воскрешаетъ мертвыя и живитъ*, *тако и Сынъ*; и: *да вси чтутъ Сына*, *якоже чтутъ Отца*; и: *дѣла, яже онъ творитъ*, *сія и Сынъ такожде творитъ* (Іоан. 5, 19, 21, 23),—всѣ эти слова доказываютъ Его равенство (со Отцемъ). И о законѣ Онъ также говоритъ: *не мните*, *яко пріидохъ разорити законъ*, *или пророки* (Матѳ. 5, 17). Такъ Онъ обыкновенно исторгаетъ изъ ихъ ума несправедливыя о Немъ мнѣнія. Здѣсь же не только не опровергаетъ мнѣнія о равенствѣ Его со Отцемъ, но еще и утверждаетъ его. Поэтому же и въ другомъ мѣстѣ, когда они сказали: *твориши себе Бога*, Онъ не отвергъ этого мнѣнія, а напротивъ подтвердилъ, сказавъ: *да увѣсте*, *яко власть имать Сынъ человѣческій отпущати грѣхи на земли, глагола разслабленному*: *возми одръ твой и иди* (Матѳ. 9, 6). Итакъ, сначала Онъ говорилъ про-

тивъ того ихъ обвиненія, что Онъ дѣлаетъ Себя равнымъ Богу, показывая, что Онъ не только не богопротивенъ, но и говоритъ одно и тоже (съ Богомъ) и учитъ тому же самому, чему и Богъ. А теперь Онъ уже приступаетъ къ обвиненію въ нарушеніи субботы, говоря: *не Моvсей ли даде вамъ законъ, и никтоже отъ васъ творитъ закона*? Онъ какбы такъ говорилъ: «Законъ предписываетъ: *не убій*, а вы убиваете и еще обвиняете Меня, какъ преступающаго законъ»! А почему Онъ сказалъ: *никтоже*?—Потому, что всѣ искали Его убить. «Если же Я, говоритъ, и нарушилъ законъ, то — для спасенія человѣка; а вы преступаете его для злодѣянія. Если мой поступокъ и былъ нарушеніемъ закона, то онъ совершенъ для спасенія, и вамъ, которые преступаете важнѣйшія заповѣди, не слѣдовало судить Меня: потому что ваше преступленіе есть разрушеніе всего закона». Вслѣдъ за тѣмъ Христосъ вступаетъ съ ними въ состязаніе; и хотя много бесѣдовалъ объ этомъ и прежде, но тогда—возвышеннѣе и согласно съ своимъ достоинствомъ, а теперь—смиреннѣе. Почему же такъ? Потому, что не хотѣлъ часто раздражать ихъ: ибо теперь они и безъ того пламенѣли гнѣвомъ и порывались къ убійству. Поэтому Онъ и старается убѣдить и успокоить ихъ двумя слѣдующими доводами: во первыхъ обличаетъ ихъ дерзкое покушеніе, говоря: *что мене ищете убити*, и присовокупляя съ кротостію: *человѣка, иже истину глаголахъ*; а во вторыхъ показываетъ, что они, дыша убійствомъ, недостойны судить другаго. Но

ты обрати вниманіе на смиреніе, съ какимъ спрашиваетъ Христосъ, и на дерзость, съ какою они отвѣчаютъ. *Бѣса ли имаши* (говорятъ они): *кто тебе ищетъ убити* (ст. 20). Это—слова гнѣва и ярости, вылившіяся изъ ихъ души, потерявшей всякій стыдъ и крайне смущенной отъ неожиданнаго обличенія въ томъ, о чемъ они думали. Ибо какъ разбойники, распѣвающіе во время своихъ замысловъ, когда хотятъ сдѣлать неосторожнымъ того, противъ кого злоумышляютъ, дѣлаютъ это чрезъ молчаніе: такъ — и Іудеи. Но Христосъ не обличаетъ ихъ за это, чтобы не сдѣлать ихъ еще болѣе безстыдными, и опять начинаетъ оправдываться въ нарушеніи субботы, заимствуя свои доводы противъ нихъ отъ закона.

3. И смотри, какъ мудро! «Нисколько не удивительно, говоритъ, что вы не слушаете Меня. Вы не слушаете и закона, которому, какъ вамъ кажется, вы повинуетесь и который считаете даннымъ отъ Моусея. Поэтому ничего нѣтъ страннаго, если вы не внимаете моимъ словамъ». Такъ какъ они говорили: *Моусею глагола Богъ, сего же не вѣмы, откуду есть* (Іоан. 9, 29); то Онъ показываетъ, что они оскорбляли и Моусея. Ибо онъ далъ законъ, а между тѣмъ они не слушали закона. *Едино дѣло сотворихъ, и вси дивитеся* (ст. 21). Смотри: когда Ему нужно оправдываться и опровергать взводимое на Него обвиненіе, Онъ не упоминаетъ объ Отцѣ, но выставляетъ свое лице. *Едино дѣло сотворихъ*. Этимъ хочетъ показать, что не совершить того дѣла значило бы нарушить законъ, что есть мно-

гое, что выше закона, и что Моусей допустилъ заповѣдь вопреки закону и въ тоже время высшую закона. Ибо обрѣзаніе выше субботы, хотя оно не установлено закономъ, а перешло отъ отцевъ. «А Я совершилъ дѣло, которое выше и превосходнѣе даже обрѣзанія». Далѣе не упоминаеть о заповѣди закона, т. е. о томъ, что священники нарушаютъ субботу, какъ сказалъ объ этомъ выше, но (говоритъ) съ большею силою. Выраженіе же: *дивитеся*, значитъ: смущаетесь, тревожитесь. Если закону надлежало быть совершенно неизмѣннымъ, то обрѣзаніе не было бы выше его. Онъ не сказалъ также: Я совершилъ дѣло важнѣе, чѣмъ обрѣзаніе; но обличаетъ ихъ сильнѣе, говоря: *аще обрѣзаніе пріемлетъ человѣкъ* (ст. 23). Видишь ли, что законъ тогда преимущественно и остается въ своей цѣлости, когда Христосъ нарушилъ его? Видишь ли, что (такое) нарушеніе субботы есть соблюденіе закона, такъ что если бы не была нарушена суббота, то чрезъ это по необходимости былъ бы нарушенъ законъ? «Значитъ и Я не нарушилъ законъ». И не сказалъ: «вы гнѣваетесь на Меня за то, что Я совершилъ дѣло большее, чѣмъ обрѣзаніе»; но, высказавъ только свое дѣло, предоставилъ имъ на судъ, не важнѣе ли обрѣзанія всецѣлое здравіе. «У васъ, говоритъ, нарушается законъ для того, чтобы человѣкъ получилъ знакъ, ни-мало не способствующій здоровью; и между тѣмъ, когда человѣкъ избавляется отъ столь тяжкой болѣзни, вы досадуете и негодуете»! *Не судите на лица* (ст. 24). Что значитъ—*на лица*?—«Моусей пользует-

ся у васъ большимъ уваженіемъ; но вы произносите судъ, основываясь не на достоинствѣ лица, а на существѣ дѣлъ: ибо это значитъ судить справедливо. Почему никто не обвинялъ Моусея? Почему никто не возставалъ противъ его повелѣнія нарушать субботу ради заповѣди, отвнѣ привнесенной въ законъ? Между тѣмъ Моусей допускаетъ, чтобы та заповѣдь (о обрѣзаніи) была выше его собственнаго закона, — заповѣдь, которая установлена не закономъ, а привнесена отвнѣ (что особенно удивительно); а вы, не будучи законодателями, сверхъ мѣры защищаете законъ и мстите за него. Но Моусей, повелѣвшій нарушать законъ ради заповѣди не законной, заслуживаетъ вѣры болѣе васъ». Словами: *всего человѣка*, Христосъ показываетъ, что обрѣзаніе приносило только часть здравія. Какое же здравіе отъ обрѣзанія?—Всякая душа, сказано, которая не обрѣжется, погубится (Быт. 17, 14). «А Я возставилъ (отъ одра) не отчасти только больнаго, а совершенно разслабленнаго. Итакъ *не судите на лица*». Будемъ увѣрены, что это сказано не жившимъ только тогда, а и намъ, чтобы мы ни для чего не нарушали справедливости, но все для ней дѣлали. Нищь ли кто, или богатъ, мы не должны обращать вниманія на лица, но обязаны изслѣдывать ихъ дѣла. *Не помилуеши*, сказано, *нищаго на судѣ* (Исх. 23, 3). Что это значитъ? Значитъ: не преклоняйся и не смягчайся, если несправедливо будетъ поступать и нищій. Если же не должно быть пристрастнымъ къ нищему, то гораздо болѣе—къ богатому. Это говорю я не къ

судьямъ только, но и ко всѣмъ людямъ, чтобы они нигдѣ не нарушали справедливости, но вездѣ соблюдали ее свято. *Любитъ*, сказано, *правду Господь*: *любяй же неправду ненавидитъ свою душу* (Пс. 44, 8; 10, 5). Не будемъ же ненавидѣть свои души, не будемъ любить неправду. Прибыли отъ ней и теперь, безъ сомнѣнія, мало или вовсе нѣтъ, а въ будущемъ—много вреда. А лучше сказать, мы и теперь не можемъ наслаждаться отъ ней удовольствіемъ. Ибо когда мы живемъ въ роскоши съ злою совѣстію, то не наказаніе ли и не мученіе ли это? Возлюбимъ же справедливость и не будемъ никогда преступать этого закона. Какой плодъ принесетъ намъ настоящая жизнь, если отойдемъ безъ добродѣтели? Что тамъ за насъ будетъ предстательствовать? Дружба ли, родство ли, или чье либо благоволеніе? Но что я говорю о чьемъ либо благоволеніи? Хотя бы мы имѣли отцемъ Ноя, или Іова, или Даніила,—и это нисколько не поможетъ намъ, если намъ будутъ измѣнять наши собственныя дѣла. Намъ только одно нужно—добродѣтель души. Она въ состояніи будетъ спасти насъ и избавить отъ вѣчнаго огня. Она введетъ насъ въ царство небесное, котораго и да сподобимся всѣ мы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ котораго и съ которымъ Отцу, вмѣстѣ со святымъ Духомъ, слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 50.

Глаголаху убо нѣцыи отъ Іерусалиммлянъ: не сей ли есть, его же ищутъ убити; и се не обинуяся глаголетъ, и ничесоже ему не глаголютъ. Еда воистинну разумѣша князи, яко сей есть воистинну Христосъ; но сего вѣмы, откуду есть **(Іоан. 7, 25. 26).**

Въ божественномъ Писаніи ничего не сказано безъ цѣли: потому что все изречено Духомъ Святымъ. Посему мы должны все тщательно изслѣдывать. Часто и по одному въ немъ слову можно дойти до цѣлой мысли, какъ, напримѣръ, и въ предложенномъ нынѣ мѣстѣ. Многіе *отъ Іерусалиммлянъ глаголаху*: *не сей ли есть, егоже ищутъ убити, и се не обинуяся глаголетъ, и ничесоже ему не глаголютъ*. За чѣмъ прибавлено: *отъ Іерусалиммлянъ*?—Этимъ Евангелистъ показываетъ, что тѣ, которые по преимуществу удостоились великихъ чудесъ, были жалче всѣхъ,—что тѣ, которые видѣли величайшее знаменіе Его божества, все предоставляли суду своихъ развращенныхъ начальниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, не великое ли то было знаменіе, что люди, неистовствовавшіе и дышавшіе убійствомъ, — люди, слѣдившіе за Нимъ и искавшіе

Его убить, имѣя уже Его въ рукахъ своихъ, — вдругъ успокоились? Кто могъ бы это сдѣлать? Кто могъ бы такъ скоро укротить столь великое неистовство? Однакожъ и послѣ такихъ знаменій, смотри, — какое у нихъ безуміе и неистовство! *Не сей ли есть, егоже ищутъ убити?* Смотри, какъ они сами себя осуждаютъ! *Егоже ищутъ убити*, говорятъ, *и ничесоже ему не глаголютъ*. И не просто ничего не говорятъ Ему, но даже тогда, какъ Онъ говоритъ съ дерзновеніемъ. А говоря съ дерзновеніемъ и со всею свободою, Онъ еще болѣе долженъ былъ раздражить ихъ; но они ничего Ему не дѣлаютъ. *Еда воистинну разумѣша, яко сей есть Христосъ?* А вамъ какъ кажется? Вы какой произносите о Немъ судъ? Мы, говорятъ, — противоположный. Поэтому они говорили: *но сего вѣмы, откуду есть*. Какая злоба! Какое противорѣчіе! Не слѣдуютъ даже приговору начальниковъ, а произносятъ свой судъ, несправедливый и достойный ихъ безумія. *Сего вѣмы*, говорятъ, *откуду есть. Христосъ же егда пріидетъ, никтоже вѣсть, откуду будетъ* (ст. 27). Между тѣмъ начальники ваши, бывъ спрошены, именно говорили, что Онъ долженъ родиться въ Виѳлеемѣ. Были опять и такіе, которые говорили: *мы вѣмы, яко Моѵсеови глагола Богъ, сего же не вѣмы, откуду есть* (Іоан. 9, 29). Смотри, это рѣчи пьяныхъ. И опять: *еда изъ Галилеи Христосъ приходитъ; не отъ Виѳлеемскія ли веси* (ст. 41, 42)? Видишь ли приговоръ людей неистовствующихъ? «Знаемъ (гово-

рятъ) и не знаемъ. Христосъ приходитъ отъ Виѳлеема, и *Христосъ же егда пріидетъ, никтоже вѣсть, откуду будетъ*. Что яснѣе этого противорѣчія? Но они заботились только о томъ, чтобы не вѣровать. Что же на это (сказалъ) Христосъ? *И мене вѣсте, и вѣсте, откуду есмь: и о себѣ не пріидохъ, но есть истиненъ пославый мя, егоже вы не вѣсте* (ст. 28); и еще: *аще мя бысте вѣдали, и Отца моего вѣдали бысте* (Іоан. 14, 7). Какъ же Онъ говоритъ, что они знаютъ и Его, и откуда Онъ; а потомъ—что не знаютъ ни Его, ни Отца? — Говоря такимъ образомъ, Онъ не противорѣчитъ Себѣ, — нѣтъ; а напротивъ говоритъ совершенно согласно съ самимъ Собою. Говоря: *не вѣсте*, Онъ разумѣетъ другое вѣдѣніе, подобно тому, какъ говорится: *сынове Иліи, сынове погибельніи, не вѣдуще Господа* (1 Цар. 2, 12), — и въ другомъ мѣстѣ: *Ісраиль же мене не позна* (Исаіи 1, 3). Въ этомъ смыслѣ и Павелъ говоритъ: *Бога исповѣдуютъ вѣдѣти, дѣлы же отмещутся* (Тит. 1, 16). Значитъ, и знающему можно не знать. Итакъ Онъ говоритъ вотъ что: «если вы Меня знаете, то знаете, что Я—Сынъ Божій». Ибо слова: *откуду есмь*, указываютъ здѣсь не на мѣсто, какъ это видно изъ прибавленія: *и о себѣ не пріидохъ, но пославый мя истиненъ есть, егоже вы не вѣсте*. Подъ невѣдѣніемъ Христосъ разумѣетъ здѣсь невѣдѣніе дѣлами, о которомъ говоритъ и Павелъ: *Бога исповѣдуютъ вѣдѣти, дѣлы же отмещутся*. То былъ грѣхъ не невѣдѣнія,

а злой и порочной воли. Они знаютъ, и однакожъ хотятъ не знать. Но какая во всемъ этомъ связь? Какимъ образомъ Христосъ, въ обличенiе ихъ, говоритъ тоже, что и они? Ибо когда они сказали: *но сего вѣмы, откуду есть*, Онъ присовокупилъ: *и мене вѣсте*. Какъ же они говорили: *не вѣмы*, когда вотъ сами же говорятъ: *вѣмы*? Но говоря: *вѣмы, откуду есть*, они не иное что высказывали, какъ то, что Онъ отъ земли и сынъ тектона. А Христосъ, говоря: *вѣсте, откуду есмь*, т. е. не оттуда, откуда вы предполагаете, но оттуда, гдѣ Пославшiй Меня,—возносилъ ихъ мысль на небо. Слова: *о себѣ не прiидохъ*, намекаютъ на то, что они знали, что Онъ посланъ отъ Отца, хотя и не признавались въ томъ. Итакъ Онъ изобличаетъ ихъ двоякимъ образомъ. И во первыхъ, чтобы пристыдить ихъ, Онъ открыто объявляетъ предъ всѣми то, что они говорили только тайно. Потомъ открываетъ и то, что было у нихъ въ душѣ, говоря какбы такъ: «Я не изъ числа людей отверженныхъ и не изъ тѣхъ, которые приходятъ безъ всякой причины; *но истиненъ есть пославый мя, егоже вы не вѣсте*». Что значитъ: *истиненъ пославый мя*?— Если Онъ истиненъ, то и послалъ истинно. Если Онъ истиненъ, то слѣдуетъ, что истиненъ и Посланный.

2. Это же Онъ доказываетъ и другимъ образомъ, уловляя ихъ собственными ихъ словами. Такъ какъ они говорили: *Христосъ егда прiидетъ, никтоже вѣсть, откуду будетъ;* то Онъ и отсюда выводитъ заключенiе, что Онъ

самъ и есть Христосъ. *Никтоже вѣсть,* — они говорили, имѣя въ виду какое-либо опредѣленное мѣсто. А онъ отсюда и доказываетъ, что Онъ — Христосъ: потому что пришелъ отъ Отца, а знаніе Отца Онъ всюду приписываетъ Себѣ одному, говоря: *не яко Отца кто видѣлъ, токмо сый* отъ Отца (Іоан. 6, 46). Слова Христовы раздражили ихъ; потому что, сказавъ: вы незнаете Его (Отца), и обличивъ въ томъ, что они, зная, притворяются незнающими, Онъ дѣйствительно укололъ и уязвилъ ихъ. *Искаху убо, да имутъ его: и никтоже возложи нань руки, яко не у бѣ пришелъ часъ его* (ст. 30). Видишь ли, какъ невидимою силою они удерживаются и какъ ихъ гнѣвъ обуздывается? Но отчего Евангелистъ не сказалъ, что (Христосъ) удержалъ ихъ невидимою силою, но — *яко не у бѣ пришелъ часъ его?* — Онъ хотѣлъ выразиться человѣкообразнѣе и смиреннѣе, чтобы на Христа смотрѣли и какъ на человѣка. Онъ вездѣ говоритъ о Немъ возвышенно; а потому по мѣстамъ примѣшиваетъ и это. Когда же Христосъ говоритъ: *яко отъ него есмь*; то говоритъ не какъ пророкъ, которому сообщается вѣдѣніе, но какъ созерцающій Его (Отца) и сущій съ Нимъ. *Азъ вѣмъ его*, говоритъ, *яко отъ него есмь* (ст. 29). Видишь ли, какъ Онъ всюду подтверждаетъ слова свои: *не о себѣ пріидохъ*, и: *пославый мя истиненъ есть,* стараясь убѣдить въ томъ, чтобы не считали Его чуждымъ Богу. И смотри, какой плодъ отъ смиренныхъ словъ. Послѣ этого, ска-

зано, многіе говорили: *Христосъ, егда пріидетъ, еда больша знаменія сотворитъ, яже сей творитъ* (ст. 31). Сколько же (Христосъ сотворилъ) знаменій? Было только три знаменія, именно — претвореніе воды въ вино, знаменіе надъ разслабленнымъ и надъ сыномъ царедворца, а больше Евангелистъ не сообщилъ ни объ одномъ. А изъ этого видно, что Евангелисты, какъ я часто говорилъ, многое проходятъ молчаніемъ и говорятъ намъ (преимущественно) о томъ, изъ-за чего злодѣйствовали начальники. *Искаху убо, яко да имутъ его* и убіютъ. Кто искалъ? — Не народъ, который не домогался начальства и не могъ быть увлеченъ завистію, а священники. Народъ, съ своей стороны, говорилъ: *Христосъ, егда пріидетъ, еда больша знаменія сотворитъ*? Впрочемъ и это не была вѣра здравая, а — вѣра, какая обыкновенно бываетъ у простаго народа. Сказавъ: *егда пріидетъ*, народъ тѣмъ показалъ, что онъ не вполнѣ убѣжденъ, что Іисусъ есть Христосъ. Итакъ, или по этой причинѣ народъ сказалъ тѣ слова, или — потому, что говорилъ при многолюдномъ собраніи. Такъ какъ начальники всячески старались доказать, что Онъ не Христосъ, то народъ сказалъ: положимъ, что Онъ не Христосъ; но развѣ Христосъ будетъ лучше Его? Люди простые и грубые, какъ я всегда говорю, привлекаются не ученіемъ или проповѣдію, а чудесами. *Слышаша Фарисее народъ ропщущъ, послаша слуги, да имутъ его* (ст. 32). Видишь ли, что нарушеніе субботы было только предлогомъ и что болѣе всего

уязвляло ихъ именно это (сочувствіе народа)? Такъ какъ въ настоящемъ случаѣ они не находили ничего ни въ Его словахъ, ни въ дѣлахъ, за что бы могли обвинить, то хотѣли схватить Его ради народа; но сами не смѣли, предвидя опасность, а послали наемныхъ слугъ. Какое насиліе и неистовство, или лучше, какое безуміе! Сами много разъ покушались (взять Его), но не могли;— и вотъ поручаютъ это дѣло слугамъ, чтобы какъ-нибудь удовлетворить своей ярости. Много бесѣдовалъ Онъ и при купѣли, и они ничего такого не сдѣлали; намѣревались, правда, схватить Его, но не рѣшились. А теперь они уже не могутъ болѣе выносить, такъ какъ народъ готовъ былъ притечь къ Нему. Что же Христосъ?—*Еще мало время съ вами есмь* (ст. 33). Имѣя силу и преклонить и устрашить слушателей, Онъ произноситъ слова, исполненныя смиренномудрія, и говоритъ какбы такъ: «зачѣмъ вы старастесь убить Меня и преслѣдовать? Потерпите немного; и Я дозволю вамъ задержать Меня и безъ вашего старанія». Потомъ, дабы кто не подумалъ, что въ словахъ: *еще мало время съ вами есмь*, Онъ говоритъ объ общей для всѣхъ смерти (а такъ и дѣйствительно думали),—дабы, говорю, кто не подумалъ этого, а вмѣстѣ и того, что по смерти Онъ уже не будетъ дѣйствовать, — Онъ присовокупилъ: *и идѣже есмь азъ, вы не можете пріити.* Если бы Онъ долженъ былъ остаться въ области смерти, то и они могли бы (туда) придти: потому что всѣ мы туда отходимъ. Эти слова людей простыхъ преклонили къ Нему, дерзкихъ устра-

шили, а любознательныхъ побудили спѣшить къ слушанію, потому что уже не много остается времени и не всегда можно будетъ пользоваться такимъ ученіемъ. И Онъ не сказалъ просто: здѣсь есмь, но *съ вами есмь*, т. е., хотя вы Меня преслѣдуете и гоните, но Я и на короткое время не перестану устроять ваше счастіе, говорить то, что относится къ вашему спасенію и наставлять васъ. *И иду къ пославшему мя*. Это, естественно, могло устрашить ихъ и привесть въ безпокойство: потому что (здѣсь) Онъ показываетъ, что придетъ время, когда они будутъ нуждаться въ Немъ. *Взыщете*, говоритъ, *мене*, — не только не забудете, но и *взыщете мене*,—*и не обрящете* (ст. 34). Когда же Іудеи искали Его? Лука говоритъ, что о Немъ плакали жены, — а вѣроятно, и многіе другіе, какъ тогда, такъ и при плѣненіи города, вспоминали о Христѣ и Его чудесахъ и желали Его присутствія.

3. Все же это Онъ сказалъ для того, чтобы привлечь ихъ къ Себѣ. И дѣйствительно, какъ то, что уже не много оставалось времени, такъ и то, что, по отшествіи, Онъ будетъ для нихъ вожделѣннымъ и что уже нельзя будетъ найти Его,—все это могло расположить ихъ обратиться къ Нему. Ибо, если бы Его присутствіе не должно было сдѣлаться для нихъ вожделѣннымъ, то въ Его словахъ не было бы для нихъ ничего особенно важнаго. Съ другой стороны, если оно и должно было сдѣлаться вожделѣннымъ, но можно было бъ найти Его, то и этимъ Онъ не смутилъ бы ихъ. Равнымъ образомъ, если бы Онъ

еще долгое время оставался среди нихъ, то и въ этомъ случаѣ они были бы беззаботны. Но теперь Онъ со всѣхъ сторонъ тревожитъ ихъ и устрашаетъ. А словами: *иду къ пославшему мя*, показываетъ, что отъ ихъ злаго умысла Онъ не потерпитъ никакого вреда и что Его страданіе будетъ добровольное. Итакъ, Онъ изрекъ два предсказанія,—одно, что спустя немного времени Онъ отойдетъ,—другое, что они не придутъ къ Нему. Что Онъ предсказалъ свою кончину,—это, конечно, не было дѣломъ ума человѣческаго. Смотри, вотъ и Давидъ говоритъ: *скажи ми, Господи, кончину мою и число дней моихъ, кое есть, да разумѣю, что лишаюся азъ* (Пс. 38, 5). Да и подлинно никто не можетъ узнать этого. Отъ одного же (предсказанія) получаетъ достовѣрность и другое. А я думаю, что тѣ слова прикровенно относились и къ слугамъ и что Христосъ и къ нимъ обращалъ свою рѣчь, чѣмъ наиболѣе и привлекъ ихъ къ Себѣ, показавъ, что знаетъ, зачѣмъ они пришли; Онъ какбы такъ говорилъ: потерпите не много, и Я отойду. *Рѣша же Іудеи къ себѣ: камо сей хощетъ ити* (ст. 35)? Правду сказать, тѣмъ, которые желали освободиться отъ Него и употребляли всѣ средства, чтобы не видѣть Его, не слѣдовало бы доискиваться этого, а слѣдовало сказать: мы и рады (что ты уходишь); когда только это будетъ?— Однакоже слова (Христовы) нѣсколько тронули ихъ и они стали спрашивать другъ друга, дѣлая неразумныя предположенія: *камо хощетъ ити? Еда въ разсѣяніе Еллинское*? Что значитъ:

въ разсѣяніе Еллинское? — Такъ Іудеи называли язычниковъ: потому что тѣ были повсюду разсѣяны и безпрепятственно смѣшивались одни съ другими. Этому же поношенію подверглись въ послѣдствіи и сами Іудеи: потому что и они были разсѣяны. Но въ древности весь Іудейскій народъ былъ собранъ въ одно мѣсто, и Іудея нельзя было найти нигдѣ, кромѣ Палестины. Потому-то они и называли язычниковъ разсѣяніемъ, понося ихъ и величаясь собою. А что значитъ: *идѣже азъ* иду; *вы не можете пріити?* Въ то время Іудеи были уже смѣшаны съ язычниками и находились во всѣхъ странахъ свѣта; слѣдовательно, если бы Христосъ указывалъ здѣсь на язычниковъ, то не сказалъ бы: туда *вы не можете пріити.* А тѣ, которые говорили: *еда въ разсѣяніе Еллинское хощетъ ити*, не сказали: и губить (еллиновъ), но: *учити.*—Такимъ образомъ, они уже оставили свой гнѣвъ и повѣрили словамъ Его; ибо если бы не повѣрили, то не стали бы спрашивать другъ друга: *что есть сіе слово.* — Но это было сказано Іудеямъ; а я боюсь, что бы и къ намъ не имѣли приложенія тѣ слова, т. е., что гдѣ Онъ, туда мы не можемъ придти,—по причинѣ нашей жизни, исполненной грѣховъ. О своихъ ученикахъ Христосъ говоритъ: *хощу, да, идѣже есмь азъ, и тіи будутъ со мною* (Іоан. 17 24); объ насъ же, боюсь, чтобы не было сказано противнаго: *идѣже есмь азъ, вы не можете пріити.* Въ самомъ дѣлѣ, какъ намъ придти туда, когда мы поступаемъ вопреки заповѣдямъ? Вѣдь

и въ настоящей жизни, если кто-либо изъ воиновъ станетъ дѣйствовать несоотвѣтственно съ достоинствомъ царя, то не будетъ имѣть возможности видѣть царя, а напротивъ лишится своей власти и подвергнется величайшему наказанію. Такъ и мы, если будемъ похищать и лихоимствовать, если станемъ оказывать несправедливости и обиды и не будемъ творить милостыни: то не только лишимся возможности придти туда; но и потерпимъ тоже, что случилось съ (юродивыми) дѣвами. А они не могли войти туда, гдѣ былъ Женихъ, но удалились, потому что угасли ихъ свѣтильники, т. е. оставила ихъ благодать. Дѣйствительно, этотъ огонь, который мы получили по благодати Духа, если захотимъ, мы можемъ усилить; если же не захотимъ, — тотчасъ угасимъ его. А когда онъ угаснетъ, въ нашихъ душахъ не останется ничего, кромѣ тьмы. Какъ съ возженіемъ свѣтильника появляется большой свѣтъ: такъ съ его погашеніемъ не остается ничего, кромѣ мрака. Поэтому сказано: *Духа не угашайте* (1 Ѳессал. 5, 19). Угасаетъ же Онъ тогда, когда не имѣетъ елея, когда подвергается какому-либо сильному напору вѣтра, когда подавляется и стѣсняется (ибо и отъ этого гаснетъ огонь); а подавляется онъ житейскими заботами и угасаетъ отъ злыхъ пожеланій. Но, при этомъ, ничто такъ не угашаетъ огнь Духа, какъ безчеловѣчіе, жестокость и хищничество. Если мы, не имѣя елея, нальемъ еще холодную воду (а это и есть лихоимство, охлаждающее уныніемъ души обижаемыхъ): то отъ чего тогда онъ можетъ загорѣться? И вотъ

мы отойдемъ отсюда, неся съ собою золу и пепелъ, окруженные великимъ дымомъ, который будетъ обличать насъ въ томъ, что мы угасили свои свѣтильники. Ибо гдѣ дымъ, тамъ необходимо допустить угасшій огонь. Но не дай Богъ никому услышать этотъ гласъ: *не вѣмъ васъ* (Мате. 25, 12). А когда можно услышать его, какъ не тогда, когда, видя бѣднаго, мы остаемся въ такомъ же расположеніи духа, какбы не видѣли? Если мы не хотимъ знать Христа, когда Онъ алчетъ: то не узнаетъ и Онъ насъ, когда мы будемъ нуждаться въ Его милости. И справедливо: ибо кто презираетъ несчастнаго и не подаетъ своего, тотъ не долженъ надѣяться получить что-либо изъ того, что́ не его. Посему, умоляю васъ, будемъ всячески стараться и заботиться, чтобы не оскудѣлъ у насъ елей, чтобы наши свѣтильники были украшены, и мы могли вмѣстѣ съ Женихомъ войти въ брачный чертогъ, чего и да сподобимся всѣ мы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ котораго и съ которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 31.

Въ послѣдній же день великій праздника стояше Іисусъ и зваше, глаголя: аще кто жаждетъ, да пріидетъ ко мнѣ и піетъ. Вѣруяй въ мя, якоже рече писаніе, рѣки отъ чрева его истекутъ воды живы (Іоан. 7, 37, 38).

Приступающіе къ божественной проповѣди и внимательные къ вѣрѣ должны выказывать расположеніе жаждущихъ и возжигать въ себѣ такое же, какъ у нихъ, желаніе. Чрезъ это они будутъ въ состояніи вѣрнѣе удержать въ себѣ говоримое. Жаждущіе, взявъ чашу, выпиваютъ ее съ великою охотою, и тогда только успокоиваются. Такъ и тѣ, которые слушаютъ божественныя слова, если будутъ принимать ихъ съ жаждою, никогда не отстанутъ отъ нихъ прежде, нежели совершенно насытятся. А что всегда должно жаждать и алкать, объ этомъ сказано: *блажени алчущіе и жаждущіе правды* (Матѳ. 5, 6). И здѣсь (въ евангельскомъ чтеніи) Христосъ говоритъ: *аще кто жаждетъ, да пріидетъ ко мнѣ и піетъ*. Эти слова означаютъ: «Я никого не влеку принужденіемъ и насиліемъ; но кто имѣетъ великое усердіе, кто пламенѣетъ желаніемъ, того Я призываю». Но почему Еванге-

листь замѣтилъ, (что это было) *въ послѣдній день великій*? Потому, что первый и послѣдній дни были великими, а средніе между ними большею частію проводимы были въ увеселеніяхъ. Почему же (Христосъ) говоритъ: *въ послѣдній*? Потому, что въ этотъ день всѣ были въ собраніи. Въ первый день (Господь) еще не пришелъ, объяснивъ своимъ ученикамъ и причину этого. Во второй же и въ третій день, Онъ не говоритъ ничего такого, чтобы не тратить напрасно словъ, такъ какъ (Іудеи въ эти дни) предавались увеселеніямъ. Но въ послѣдній день, когда они возвращались домой, Онъ даетъ имъ напутствіе ко спасенію и громко говоритъ (тѣ слова), частію для того, чтобы показать свое дерзновеніе, частію по причинѣ многочисленности народной. А чтобы показать, что Онъ говоритъ о питіи духовномъ, присовокупляетъ: *вѣруяй въ мя, якоже рече писаніе, рѣки отъ чрева его истекутъ воды живы*. Чревомъ называетъ здѣсь сердце, подобно тому, какъ и въ другомъ мѣстѣ говорится: *и законъ твой посредѣ чрева моего* (Псал. 39, 9). Но гдѣ сказано въ Писаніи: *рѣки отъ чрева его истекутъ воды живы*? Нигдѣ. Что же значатъ слова: *вѣруяй въ мя, якоже рече писаніе*? Здѣсь надобно поставить точку, такъ чтобы слова—*рѣки отъ чрева его истекутъ*—были изреченіемъ самого Христа. Такъ какъ многіе говорили: *сей есть Христосъ*, и еще: *Христосъ, егда пріидетъ, еда больша знаменія сотворитъ*; то Онъ показываетъ, что должно имѣть (о Немъ) правое познаніе и убѣждать-

ся не столько чудесами, сколько Писаніемъ. Дѣйствительно, многіе, хотя и видѣли Его чудодѣйствовавшимъ, однакожъ не принимали за Христа, а напротивъ готовы были сказать: *не писаніе ли рече, яко отъ сѣмене Давидова Христосъ пріидетъ* (Іоан. 7, 42)? Поэтому Христосъ весьма часто обращался къ Писанію, желая показать, что не избѣгаетъ доказательствъ отъ Писанія; поэтому же и теперь отсылаетъ ихъ къ Писаніямъ. Итакъ, выше Онъ говорилъ: *испытайте писаній* (Іоан. 5, 39), и еще: *есть писано во пророцѣхъ, и будутъ вси научени Богомъ* (Іоан. 6, 45), — также: *Моѵсей на вы глаголетъ* (Іоан. 5. 45). Равнымъ образомъ и здѣсь говоритъ: *якоже рече писаніе, рѣки отъ чрева его истекутъ*, указывая этими словами на обиліе и независтность благодати. Это же самое Онъ и въ другомъ мѣстѣ выражаетъ словами: *источникъ воды, текущія въ животъ вѣчный* (Іоан. 4, 14), т. е. (вѣрующій въ Него) будетъ имѣть великую благодать. Итакъ, въ томъ мѣстѣ Онъ называетъ ее животомъ вѣчнымъ, а здѣсь водою живою. Живою же называетъ ее потому, что она всегда дѣйственна. Ибо благодать Духа, когда войдетъ въ душу и утвердится въ ней, течетъ сильнѣе всякаго источника, не прекращается, не истощается и не останавливается. Такимъ образомъ, чтобы показать и неоскудѣваемость дара благодати и вмѣстѣ неизреченную ея дѣйственность, Онъ назвалъ ее источникомъ и рѣками,—не одною рѣкою, но безчисленными. А въ томъ мѣстѣ (Іоан. 4, 14) обиліе (благодати)

Онъ представилъ подъ образомъ теченія. И всякій ясно увидитъ истину сказаннаго, если представитъ себѣ мудрость Стефана, языкъ Петра, силу Павла, — какъ ничто ихъ не останавливало, ничто не удерживало, ни ярость народная, ни возстанія тиранновъ, ни козни демоновъ, ни ежедневныя смерти, и какъ, напротивъ, они, подобно рѣкамъ, съ великимъ стремленіемъ несущимся, все увлекали въ слѣдъ за собою. *Сіе же рече о Дусѣ*, говоритъ (Евангелистъ), *егоже хотяху пріимати вѣрующіи: не убо бѣ Духъ святый* (Іоан. 7, 39). Какъ же Пророки пророчествовали и творили безчисленныя чудеса? Апостолы изгоняли (демоновъ) не Духомъ, но властію, полученною отъ Христа, какъ Онъ самъ говоритъ: *аще азъ о веельзевулѣ изгоню бѣсы, сынове ваши о комъ изгонятъ* (Мате. 12, 27)? А это Онъ говорилъ съ тѣмъ, чтобы показать, что прежде креста не всѣ изгоняли (демоновъ) Духомъ, но полученною отъ Него (Христа) властію. Посему-то, когда Онъ хотѣлъ послать ихъ (Апостоловъ на всемірную проповѣдь), тогда сказалъ: *пріимите Духъ святъ* (Іоан. 20, 22), какъ и въ другомъ мѣстѣ сказано: *пріиде на нихъ Духъ святый* (Дѣян. 19, 6), и тогда стали творить чудеса.

2. А когда посылалъ ихъ (прежде страданія), тогда не сказано, что Онъ далъ имъ Духа Святаго, но—*даде имъ власть*, говоря: *прокаженныя очищайте*, *бѣсы изгоняйте*, *мертвыя воскрешайте*, *туне пріясте*, *туне дадите* (Мате. 10, 1. 8). Относительно же Пророковъ всѣ-

ми признано, что они имѣли дарованіе Святаго Духа; но эта благодать оскудѣла, отступила и изсякла на землѣ съ того дня, какъ сказано было: *оставляется домъ вашъ пустъ* (Матѳ. 23, 38). Впрочемъ, и прежде этого дня, она уже начала становиться рѣдкою. Ибо у нихъ (Іудеевъ) не было уже Пророка, и благодать не осѣняла ихъ святыни (τὰ ἅγια). Итакъ, поелику Духъ Святый былъ отъятъ: а между тѣмъ въ послѣдствіи Онъ имѣлъ излиться обильно, и это изліяніе началось послѣ креста, не только съ обиліемъ, но и съ большими дарованіями; (ибо дѣйствительно чудеснѣе былъ даръ, когда, напримѣръ, сказано: *не вѣсте, коего духа есте* (Лук. 9, 55), и опять: *не пріясте бо духа работы, но пріясте духа сыноположенія* (Рим. 8, 15). Древніе, хотя сами и имѣли Духа, но другимъ не сообщали. Напротивъ, Апостолы исполнили Духомъ безчисленное множество: поелику, говорю, (вѣрующіе) имѣли получить такую благодать, но она не была еще дарована, то и сказано: *не у бо бѣ Духъ святый*. Итакъ, указуя на эту-то благодать, Евангелистъ сказалъ: *не у бо бѣ Духъ святый*, т. е. не былъ еще дарованъ, *яко Іисусъ не у бѣ прославленъ* (Іоан. 7, 39), называя славою крестъ. Мы были врагами и грѣшниками, были лишены дара Божія и стали ненавистными Богу; а благодать есть свидѣтельство примиренія, и даръ подается не врагамъ и лицамъ ненавистнымъ, но друзьямъ и людямъ благоугодившимъ. Поэтому надлежало прежде принестись за насъ жертвѣ, разрушиться враждѣ во

плоти, и намъ содѣлаться друзьями Божіими, и тогда уже получить этотъ даръ. Если такъ было при обѣтованіи, данномъ Аврааму, то тѣмъ болѣе (должно быть) при благодати. Показывая это, Павелъ говоритъ: *аще бо сущіи отъ закона наслѣдницы, испразднися вѣра, законъ бо гнѣвъ содѣловаетъ* (Рим. 4, 14. 15). Слова его значатъ слѣдующее: «обѣтовалъ Богъ Аврааму и сѣмени его дать землю; но потомки сдѣлались недостойными этого обѣтованія и не могли благоугодить (Богу) собственными трудами. Поэтому пришла вѣра — дѣло не трудное, чтобы привлечь благодать и чтобы не отпали обѣтованія». *Сего ради отъ вѣры*, продолжаетъ Апостолъ, *да по благодати, во еже быти извѣстну обѣтованію* (Рим. 4, 16). Потому—*по благодати*, что не могли (стяжать этого) дѣлами. Но почему (Господь), сказавъ «по Писанію», не приводитъ самаго свидѣтельства? Потому, что Іудеи были заражены превратными понятіями. Одни говорили—*сей есть Пророкъ*, другіе—*льститъ народы*, иные—не отъ Галилеи *Христосъ приходитъ*, но *отъ Виѳлеемскія веси*, другіе — *Христосъ, егда пріидетъ, никтоже вѣсть, откуду будетъ;* словомъ — мнѣнія были разнообразны, какъ обыкновенно бываетъ въ волнующемся народѣ. Да, они и внимали тому, что говорилось, не надлежащимъ образомъ и не съ тѣмъ, чтобы узнать истину. Потому-то Онъ ничего не отвѣчаетъ имъ, хотя они говорятъ: *еда отъ Галилеи Христосъ приходитъ*? А Наѳанаила, который выразился сильнѣе и разительнѣе: — *отъ Назаре-*

та можетъ ли что добро быти, — Онъ похвалилъ, какъ истиннаго израильтянина. Они, равно какъ и тѣ, которые говорили Никодиму: *испытай и виждь, яко пророкъ отъ Галилеи не приходитъ* (Іоан. 7, 52), говорили это не съ тѣмъ, чтобы узнать истину, но чтобы только опровергнуть мнѣніе о Христѣ; а онъ (Наѳанаилъ) говорилъ это потому, что любилъ истину и въ точности зналъ всѣ древнія Писанія. Итакъ, поелику они имѣли одну только цѣль — опровергнуть то, что Онъ есть Христосъ, то Онъ ничего и не открылъ имъ. Притомъ, тѣ, которые и себѣ самимъ противорѣчили, говоря иногда: *никтоже вѣсть, откуду приходитъ*, а иногда — *отъ Виѳлеема*, очевидно стали бы противиться и послѣ того, какъ узнали бы истину. Пусть они не знали мѣста (Его происхожденія), именно—что Онъ изъ Виѳлеема, такъ какъ Онъ жилъ въ Назаретѣ, хотя и это для нихъ не извинительно, ибо Онъ не тамъ родился: но ужели они не знали и рода Его, именно —что Онъ изъ дома и племени Давидова? Какъ же они говорили: *не отъ сѣмене ли Давидова Христосъ пріидетъ* (Іоан. 7, 42)? Но тѣми словами они и это хотѣли затемнить, потому что обо всемъ говорили злонамѣренно. Почему бы имъ, пришедши къ Нему, не сказать: «такъ какъ мы всему прочему удивляемся въ Тебѣ, но Ты повелѣваешь вѣровать въ Тебя по Писаніямъ, то скажи, какимъ образомъ Писанія говорятъ, что Христосъ долженъ придти изъ Виѳлеема, между тѣмъ какъ Ты пришелъ изъ Галилеи»? Но они ничего такого не сказали,

а напротивъ все говорятъ съ злымъ умысломъ. А что они не искали истины и не желали узнать ее, (въ объясненіе этого) Евангелистъ тотчасъ присовокупилъ: *нѣцыи хотяху яти его, но никтоже возложи нань руцѣ* (ст. 44). Если уже ничто другое, по крайней мѣрѣ это могло привести ихъ въ умиленіе, но они не умилились, какъ говоритъ Пророкъ: *раздѣлишася, и не умилишася* (Пс. 34, 15).

3. Такова-то злоба! Ничему не хочетъ уступить, къ одному только стремится—погубить того, кто подвергся ненависти. Но что говоритъ Писаніе? *Изрываяй яму искреннему впадется въ ню* (Притч. 26, 27). Это сбылось и тогда. Они хотѣли погубить Христа, чтобы уничтожить Его проповѣдь; а случилось противное. Проповѣдь, по благодати Христовой, процвѣтаетъ; а у нихъ все исчезло и погибло: они лишились и отечества, и свободы, и безопасности и богослуженія, потеряли всякое благоденствіе, и сдѣлались рабами и плѣнниками. Итакъ, зная это, никогда не будемъ злоумышлять противъ другихъ, памятуя, что мы изощряемъ чрезъ это мечь противъ себя самихъ и наносимъ себѣ глубочайшую рану. Но тебя оскорбилъ кто-нибудь, и ты хочешь ему отмстить? Не отмщай. Ибо такимъ только образомъ ты дѣйствительно будешь въ состояніи отмстить. Если же будешь самъ мстить, тогда не отмстишь. И не думай, что эти слова—загадка, нѣтъ, это—истина. Какъ и какимъ образомъ? Такъ, что когда ты не мстишь, тогда поставляешь Бога врагомъ ему (обидчику); а когда

самъ отмщаешь, тогда этого уже не бываетъ. *Мнѣ отмщеніе, азъ воздамъ, глаголетъ Господь* (Рим. 12, 19). Если мы имѣемъ рабовъ, и они, разсорившись между собою, не намъ предоставятъ расправу и наказаніе, а присвоятъ ихъ себѣ самимъ; то хотя бы они послѣ тысячу разъ приступали къ намъ, мы не только не отмщаемъ за нихъ, а напротивъ еще гнѣваемся на нихъ, называя ихъ бѣглецами и забіяками. «Все, говоримъ, слѣдовало предоставить намъ; но такъ какъ — ты прежде отмстилъ самъ за себя, — то уже не докучай намъ». Тѣмъ болѣе скажетъ это Богъ, который повелѣлъ все предоставлять Ему. Да и не стыдно ли, что мы отъ своихъ рабовъ требуемъ такого любомудрія и послушанія , а Господу не предоставляемъ того, чего требуемъ себѣ отъ рабовъ? Это я говорю потому, что вы склонны мстить другъ другу; между тѣмъ, кто истинно любомудрствуетъ, тотъ не долженъ этого дѣлать, а напротивъ долженъ прощать и оставлять грѣхи, хотя бы за это и не было той великой награды — отпущенія собственныхъ грѣховъ. Если ты осуждаешь согрѣшившаго, то за чѣмъ же, скажи мнѣ, самъ грѣшишь и впадаешь въ тоже самое? Оскорбилъ ли кто тебя? Не оскорбляй его взаимно; иначе самъ себя оскорбишь. Ударилъ ли кто тебя? Не плати ему тѣмъ же; иначе между вами не будетъ различія. Опечалилъ ли кто тебя? Не огорчай его съ своей стороны; потому что прибыли отъ этого нѣтъ никакой, между тѣмъ ты опять сдѣлаешься подобнымъ ему. Только тогда ты въ состояніи будешь образу-

мить его, когда перенесешь обиду спокойно и съ кротостію; только чрезъ это ты устыдишь его и укротишь его гнѣвъ. Никто не исцѣляетъ зла зломъ, но зло (исцѣляется) добромъ. Такъ любомудрствуютъ и нѣкоторые изъ язычниковъ. Если же у несмысленныхъ язычниковъ такое любомудріе, то постыдимся быть хуже ихъ. Многіе изъ нихъ были обижены, и переносили (терпѣливо) обиды. Многіе были оклеветаны, и не отмщали, подвергались навѣтамъ, и благодѣтельствовали. Но я боюсь не мало, чтобы нѣкоторые изъ нихъ не оказались выше насъ по жизни и чрезъ то не увеличили нашего наказанія. Въ самомъ дѣлѣ, если мы, которые получили Духа, ожидаемъ царствія (небеснаго), любомудрствуемъ о небесахъ, не боимся геенны, имѣемъ повелѣніе быть Ангелами, пользуемся таинствами, — если мы не достигнемъ даже до ихъ добродѣтели; то какое будемъ имѣть извиненіе? Если намъ должно превосходить Іудеевъ, ибо сказано: *аще не избудетъ правда ваша паче книжникъ и фарисей, не внидете въ царствіе небесное* (Матѳ. 5, 20); то тѣмъ болѣе—язычниковъ. Если (должны мы превосходить) фарисеевъ; то тѣмъ болѣе — невѣрныхъ. Если же и въ томъ случаѣ, когда мы не превзойдемъ по жизни Іудеевъ, для насъ заключено царство небесное; то какъ сподобимся достигнуть его, когда окажемся хуже и язычниковъ? Итакъ, удалимъ отъ себя всякую раздражительность, и гнѣвъ, и ярость. *Таяжде глаголати мнѣ нелѣностно, вамъ же твердо* (Филип. 3, 1). И врачи употребляютъ нѣсколь-

ко разъ одно и тоже лекарство. Такъ и мы не перестанемъ одно и тоже внушать, объ одномъ и томъ же напоминать, учить, умолять. Вѣдь у насъ много житейскихъ заботъ, которыя могутъ приводить насъ въ забвеніе; а потому и наставленіе намъ нужно постоянное. А что мы не напрасно и не безъ пользы собираемся здѣсь, представимъ доказательство на это въ дѣлахъ, чтобы чрезъ то сподобиться и будущихъ благъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ котораго и съ которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 52.

Пріидоша же слуги ко архіереомъ и фарисеомъ, и рѣша имъ тіи: почто не приведосте его? Отвѣщаша слуги: николиже тако глаголалъ есть человѣкъ, яко сей человѣкъ (Іоан. 7, 45. 46).

Нѣтъ ничего яснѣе, ничего проще истины, если мы дѣйствуемъ не злонамѣренно; но когда мы поступаемъ злонамѣренно, тогда нѣтъ ничего ея труднѣе. Вотъ поэтому-то фарисеи и книжники, люди, считавшіеся самыми мудрыми, хотя всегда находились со Христомъ (съ тѣмъ, чтобы строить противъ Него козни), и видѣли чудеса,

и читали Писанія, однакожъ не получили никакой пользы, а напротивъ еще потерпѣли вредъ. А слуги, которые не могли сказать о себѣ ничего такого, были уловлены одною только бесѣдою Христа и, отправившись связать Его, возвратились, сами связанные удивленіемъ. Но не одному только благоразумію ихъ надобно удивляться, именно тому, что они не имѣли нужды въ чудесахъ, но плѣнились единственно ученіемъ; ибо не сказали: никогда человѣкъ не чудодѣйствовалъ такимъ образомъ, но — что? *Николиже тако глаголалъ есть человѣкъ*. Да, не одному только этому благоразумію ихъ надобно удивляться, но и дерзновенію, потому что они такъ говорили пославшимъ ихъ, (говорили) фарисеямъ, которые враждовали противъ Него и всячески вооружались. *Пріидоша же*, сказано, *слуги, и рѣша имъ фарисее*: *почто не приведосте его?* Что они пришли, это гораздо болѣе значило, чѣмъ—если бы они остались: въ послѣднемъ случаѣ они освободились бы отъ гнѣва ихъ (фарисеевъ), а теперь они дѣлаются провозвѣстниками Христовой мудрости и выразительнѣе обнаруживаютъ свое дерзновеніе. И не говорятъ они: «не могли мы (привести Его) по причинѣ народа, потому что народъ внималъ Ему, какъ Пророку»; а что? *Николиже тако глаголалъ есть человѣкъ*. Они могли выставить и то оправданіе; однакожъ открываютъ свое истинное мнѣніе. А своимъ мнѣніемъ они показали, что не только удивляются Ему, но и осуждаютъ фарисеевъ за то, что они послали ихъ связать

того, кого надлежало слушать. Между тѣмъ, они и слышали не продолжительную бесѣду, а краткую. Да когда умъ безпристрастенъ, тогда и нѣтъ нужды въ пространныхъ рѣчахъ: такова истина! Что же фарисеи? Тогда какъ надобно было придти въ умиленіе, они напротивъ того, съ своей стороны, обвиняютъ слугъ, говоря: *еда и вы прельщени есте* (ст. 47)? Еще ласкаютъ ихъ и не употребляютъ рѣзкихъ словъ, изъ опасенія, чтобы они совершенно не отдѣлились. Однакожъ обнаруживаютъ гнѣвъ, хотя и говорятъ снисходительно. Имъ слѣдовало спросить, что Онъ говорилъ, и подивиться Его словамъ; но они этого не дѣлаютъ, зная, что будутъ уловлены, а напротивъ хотятъ убѣдить ихъ (слугъ) доказательствомъ весьма несмысленнымъ. Почему никто, говорятъ, *отъ князь вѣрова въ онь* (ст. 48)? Такъ ужели въ этомъ, скажи мнѣ, ты обвиняешь Христа, а не тѣхъ, которые не вѣровали? *Но народъ*, говорятъ, *иже не вѣсть закона*, *прокляти суть* (ст. 49). Оттого-то вы еще болѣе достойны обвиненія, что народъ увѣровалъ, а вы не увѣровали. Народъ поступалъ именно такъ, какъ слѣдовало поступать знающимъ законъ: какимъ же образомъ *прокляти суть*? Вы прокляты, не соблюдающіе закона, а не они, повинующіеся закону. Притомъ же не слѣдовало изъ-за невѣрующихъ обвинять того, кому не вѣруютъ. Такой способъ (обвиненія) неправиленъ. Вотъ и вы не вѣровали Богу, какъ говоритъ Павелъ: *что бо*, *аще не вѣроваша нѣцыи*, *еда невѣрствіе ихъ вѣру Божію*

упразднитъ? Да не будетъ (Рим. 3, 3). Да и Пророки всегда обвиняли ихъ, говоря: *услышите князи содомстіи* (Ис. 1, 10), и: *князи твои не покаряются* (ст. 23), и также: *не вамъ ли есть, еже разумѣти судъ.* (Мих. 3, 1)? И вездѣ очень сильно порицаютъ ихъ. Что же? Ужели поэтому станетъ кто-нибудь обвинять и Бога? Да небудетъ: ибо это ихъ вина. А чѣмъ другимъ можно лучше доказать ваше незнаніе закона, какъ не тѣмъ, что вы не повинуетесь ему? Но такъ какъ они сказали, что никто изъ князей не увѣровалъ въ Него, но (увѣровали только) незнающіе закона: то ихъ справедливо укоряетъ Никодимъ, говоря такимъ образомъ: *еда законъ нашъ судитъ человѣку, аще не слышитъ отъ него прежде* (ст. 51)? Этими словами онъ показываетъ, что они и не знаютъ закона, и не исполняютъ закона. Если законъ заповѣдуетъ не убивать ни одного человѣка, напередъ не выслушавъ его, а они устремились къ этому прежде, чѣмъ выслушали: то они — преступники закона. А такъ какъ они сказали, что *никтоже отъ князь вѣрова въ онь*, то Евангелистъ замѣчаетъ, что (Никодимъ) былъ *одинъ отъ нихъ*, дабы показать, что и начальники вѣровали въ Него. Правда, они еще не обнаруживали надлежащаго дерзновенія, однакожъ были преданы Христу. Смотри, какъ осторожно (Никодимъ) обличаетъ ихъ! Онъ не сказалъ: «а вы хотите Его убить и безъ изслѣдованія осуждаете человѣка, какъ обманщика». Нѣтъ, не такъ сказалъ онъ, но съ большею снисходительностію, чтобы

остановить ихъ сильный порывъ и безразсудное стремленіе къ убійству. Поэтому-то онъ обращается къ закону, говоря: *аще не слышитъ отъ него* внимательно *и разумѣетъ, что творитъ* (ст. 51). Слѣдовательно нужно не просто только выслушать, но и (выслушать) внимательно. Ибо это значатъ слова: *и разумѣетъ, что творитъ*, т. е. чего онъ (обвиняемый) хочетъ, и почему, и для чего, не для ниспроверженія ли общественнаго порядка, и (не замышляетъ ли чего) какъ врагъ. Итакъ, поелику они съ сомнѣніемъ сказали, что никто изъ князей не увѣровалъ въ Него; то и не отвѣчали ему ни сурово, ни снисходительно.

2. Въ самомъ дѣлѣ, какая, скажи мнѣ, послѣдовательность въ томъ, что на его слова: «законъ нашъ не судитъ никого» они отвѣчаютъ: *еда и ты отъ Галилеи еси* (ст. 52)? Тогда какъ имъ слѣдовало доказать, что они не безразсудно послали взять Его, или что нѣтъ надобности позволять Ему защищаться, они весьма грубо и съ большимъ гнѣвомъ возражаютъ: *испытай и виждь, яко пророкъ отъ Галилеи не приходитъ* (ст. 52). Что же сказалъ этотъ человѣкъ? То ли, что (Христосъ)—Пророкъ? Сказалъ, что не должно убивать безъ суда. А они съ укоризною возразили ему это, какъ человѣку, нимало несвѣдущему въ Писаніи. Это тоже, какъ если бы кто сказалъ: «пойди, научись»; ибо это означаютъ слова: «*испытай и виждь*». Чтоже Христосъ? Такъ какъ они неоднократно упоминали о Галилеи и Пророкѣ: то Онъ, чтобы избa-

вить всѣхъ отъ такого неправильнаго предположенія и показать, что Онъ не изъ числа Пророковъ, но — Владыка міра, говоритъ: *Азъ есмь свѣтъ міру* (8, 12),—не Галилеи только, не Палестины, не Іудеи. *Ты о себѣ самъ свидѣтельствуеши: свидѣтельство твое нѣсть истинно* (8, 13). Какое безуміе! Онъ постоянно отсылалъ ихъ къ Писаніямъ, а они говорятъ: *ты о себѣ самъ свидѣтельствуеши*. Что же Онъ свидѣтельствовалъ? *Азъ есмь свѣтъ міру*. Великое это изреченіе, по-истинѣ великое! Однакожъ оно не очень изумило ихъ, потому что теперь Онъ не равнялъ Себя съ Отцемъ и не называлъ Себя ни Сыномъ Его, ни Богомъ, но только свѣтомъ. Впрочемъ, они хотѣли и это опровергнуть, такъ какъ это гораздо больше значило, чѣмъ слова: *ходяй по мнѣ не имать ходити во тьмѣ*; свѣтъ и тьму Онъ разумѣетъ въ духовномъ смыслѣ (ст. 12), т. е. не останется въ заблужденіи. Здѣсь Онъ и Никодима привлекаетъ и ободряетъ, такъ какъ онъ обнаружилъ великое дерзновеніе, и слугъ выхваляетъ, которые поступили такимъ же образомъ. Ибо то, что Онъ воззвалъ, показываетъ, что Онъ хотѣлъ, дабы и они услышали. Вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ показываетъ и то, что они (Іудеи) строятъ ковы втайнѣ, во мракѣ и заблужденіи, но не преодолѣютъ свѣта; и Никодиму припоминаетъ слова, которыя сказалъ ему прежде: *всякъ, дѣлаяй злая, ненавидитъ свѣта и не приходитъ къ свѣту, да не обличатся дѣла его* (Іоан. 3, 20). Такъ какъ они (фарисеи) сказали, что никто изъ князей не увѣровалъ въ

Него, то Онъ и говоритъ: *дѣлаяй злая не приходитъ къ свѣту*, показывая этимъ, что они не пришли не по слабости свѣта, но по развращенію своей воли. *Отвѣщаша и рѣша ему: ты о себѣ самъ свидѣтельствуеши*. Чтоже Онъ? *Аще азъ свидѣтельствую о себѣ, истинно есть свидѣтельство мое: яко вѣмъ, откуду пріидохъ и камо иду, вы же не вѣсте, откуду прихожду* (Іоан. 8, 14). Что Онъ прежде самъ сказалъ, то теперь они противопоставляютъ Ему, какъ изреченіе, особенно важное. Чтоже Христосъ? Опровергая это и показывая, что Онъ говорилъ прежде примѣнительно къ нимъ и къ ихъ предположенію, такъ какъ они принимали Его за простаго человѣка, говоритъ: *аще азъ свидѣтельствую о себѣ, истинно есть свидѣтельство мое, яко вѣмъ октуду пріидохъ*. Что это значитъ? Значитъ: Я—отъ Бога, и Богъ, и Сынъ Божій. А Богъ Самъ о Себѣ достовѣрный свидѣтель. *Вы же не вѣсте*: вы, говоритъ, по своей волѣ поступаете худо, и зная притворяетесь незнающими, обо всемъ говорите по человѣческому разумѣнію, не желая помыслить ни о чемъ выше того, что видимо. *Вы по плоти судите* (ст. 15). Какъ жить по плоти значитъ худо жить, такъ и судить по плоти значитъ судить несправедливо. *Азъ не сужду никомуже. И аще сужду азъ, судъ мой истиненъ есть* (ст. 16). Эти слова значатъ: «вы судите несправедливо». Но если мы несправедливо судимъ, могли сказать они, то почему ты не обличаешь насъ, почему не наказы-

ваешь, почему не осуждаешь? Потому, отвѣчаетъ Онъ, что Я не для этого пришелъ. Это именно и значатъ слова: *азъ не сужду никомуже. Но и аще сужду азъ, судъ мой истиненъ есть.* Ибо, если бы Я захотѣлъ судить, то вы были бы въ числѣ осужденныхъ; но и это говорю Я, продолжаетъ Онъ, не съ тѣмъ, чтобы судить. Впрочемъ, не потому Я сказалъ: говорю не съ тѣмъ, чтобы судить, будто бы не надѣялся уличить васъ, еслибы сталъ судить: нѣтъ, если бы Я сталъ судить, то справедливо осудилъ бы васъ; но—потому, что теперь не время суда. Далѣе Онъ сдѣлалъ намекъ и на будущій судъ, сказавъ: *яко единъ нѣсмь, но азъ и пославый мя Отецъ* (ст. 16), и вмѣстѣ указалъ, что не Онъ одинъ осуждаетъ ихъ, но и Отецъ. Затѣмъ прикрылъ это, приводя (Отца) во свидѣтельство о самомъ Себѣ: *и въ законѣ же вашемъ писано есть, яко двоихъ человѣковъ свидѣтельство истинно есть* (ст. 17).

3. Что бы сказали здѣсь еретики? Что Онъ имѣетъ большаго предъ людьми, если эти слова будемъ разумѣть просто? По отношенію къ людямъ такъ опредѣлено потому, что никто одинъ и самъ по себѣ не заслуживаетъ довѣрія. Но въ отношеніи къ Богу можетъ ли это имѣть какое-либо значеніе? Почему же сказанно: *двоихъ?* Потому ли *двоихъ*, что они два, или что они люди? Если потому, что они—два, то почему Онъ не прибѣгъ къ Іоанну, и не сказалъ: свидѣтельствую о Себѣ Я, и свидѣтельствуетъ обо Мнѣ Іоаннъ? Почему—не къ Ангелу? Почему не къ

Пророкамъ? Вѣдь Онъ могъ бы найти множество и другихъ свидѣтельствъ. Но Онъ хочетъ показать не только то, что два, но и то, что Они одного и тогоже существа. *Глаголаху же ему: кто есть Отецъ твой?* А Онъ отвѣчаетъ: *ни мене вѣсте, ни Отца моего* (ст. 19). Такъ какъ они зная говорили, какъ незнающіе, и какбы искушали Его; то Онъ и не удостоиваетъ ихъ отвѣта. Поэтому-то, наконецъ, Онъ говоритъ обо всемъ яснѣе и съ большимъ дерзновеніемъ, имѣя о Себѣ свидѣтельство въ знаменіяхъ и въ ученіи своихъ послѣдователей, (и зная) что ужс близокъ крестъ. *Вѣмъ*, говоритъ Онъ, *откуду пріидохъ*. Это не очень тронуло ихъ; но слѣдующія затѣмъ слова: *и камо иду*, болѣе устрашили ихъ, потому что показывали, что Онъ не пребудетъ въ смерти. Но почему Онъ не сказалъ: «знаю, что Я—Богъ», но: *вѣмъ, откуду пріидохъ?* Онъ всегда примѣшиваетъ уничиженное къ высокому, и объ этомъ послѣднемъ говоритъ прикровенно. Такъ сказавъ: *азъ свидѣтельствую о себѣ*, и доказавъ это, Онъ перешелъ къ словамъ уничиженнѣйшимъ, какбы такъ говоря: «Я знаю, отъ кого Я посланъ, и къ кому возвращаюсь». Въ этомъ случаѣ (Іудеи) ничего не могли возразить; потому что слышали, что Онъ отъ Него посланъ и къ Нему отходитъ. Я, говоритъ, не сказалъ ничего ложнаго: откуда Я пришелъ, туда и отхожу—къ истинному Богу. Но вы не знаете Бога. Поэтому судите по плоти. Вы слышали столько свидѣтельствъ и доказательствъ, и еще говорите: «(свидѣтельство твое) *нѣсть истин-*

но». Моусея вы признаете достовѣрнымъ, какъ въ томъ, что говоритъ онъ о другихъ, такъ и въ томъ, что говоритъ о себѣ: а Христа—нѣтъ. Это значитъ судить по плоти. Но *азъ не сужду никомуже*. Между тѣмъ въ другомъ мѣстѣ Онъ сказалъ: *Отецъ не судитъ никомуже* (Іоан. 5, 29). Какъ же здѣсь говоритъ: *и аще азъ сужду, судъ мой истиненъ есть, яко единъ нѣсмь* (ст. 16). Опять Онъ говоритъ примѣнительно къ ихъ мнѣнію. То есть, судъ мой есть судъ Отца. Не иначе судилъ бы и Отецъ, если бы сталъ судить, нежели какъ и Я сужу. И Я не иначе сужу, какъ судилъ бы и Отецъ. Но для чего Онъ упомянулъ и объ Отцѣ? Для того, что они не признавали Сына достойнымъ вѣры, если Онъ не будетъ имѣть свидѣтельства отъ Отца. Въ иномъ смыслѣ эти слова не имѣютъ силы. Ибо у людей тогда свидѣтельство бываетъ истиннымъ, когда двое свидѣтельствуютъ въ чужомъ дѣлѣ. Въ этомъ состоитъ свидѣтельство двоихъ. Если же кто самъ будетъ свидѣтельствовать о себѣ, то это уже не свидѣтельство двоихъ. Видишь ли, что Онъ сказалъ это не для чего другаго, какъ для того, чтобы показать свое единосущіе (со Отцемъ), показать, что Самъ по Себѣ Онъ не имѣетъ нужды въ постороннемъ свидѣтельствѣ и что Онъ ничѣмъ не меньше Отца? Въ самомъ дѣлѣ, смотри, какая самостоятельность (αὐθέντιαν): *азъ есмь свидѣтельствуяй о мнѣ самомъ, и свидѣтельствуетъ о мнѣ пославый мя Отецъ* (ст. 18). Не могъ бы Онъ сказать этого, если бы но

существу былъ меньше (Отца). А чтобы ты не подумалъ, что это сказано ради числа, — замѣть власть (Его), ничѣмъ не отличную (отъ власти Отца). Человѣкъ свидѣтельствуетъ тогда, когда самъ по себѣ заслуживаетъ довѣрія, а не тогда, когда имѣетъ нужду въ свидѣтельствѣ, и свидѣтельствуетъ въ чужомъ дѣлѣ; а въ своемъ дѣлѣ, когда нуждается въ свидѣтельствѣ другаго, Онъ уже не заслуживаетъ довѣрія. Но здѣсь—совсѣмъ напротивъ. Ибо, и свидѣтельствуя въ своемъ дѣлѣ и говоря, что объ Немъ свидѣтельствуетъ другой, Онъ называетъ Себя достовѣрнымъ, показывая въ томъ и другомъ случаѣ свою самостоятельность. Въ самомъ дѣлѣ, для чего, сказавши—*единъ нѣсмь, но азъ и пославый мя Отецъ*,—и также—*двоихъ человѣковъ свидѣтельство истинно есть*,—не пересталъ говорить, но присовокупилъ: *азъ есмь свидѣтельствуяй о мнѣ самомъ*? Очевидно, для того, чтобы показать свою самостоятельность. И напередъ Онъ сказалъ о Себѣ самомъ: *азъ есмь свидѣтельствуяй о мнѣ самомъ*. Этимъ Онъ показываетъ и равночестность свою (съ Отцемъ), и вмѣстѣ то, что нѣтъ никакой пользы для тѣхъ, которые говорятъ, что знаютъ Бога Отца, между тѣмъ не знаютъ Его (Сына). А это, говоритъ, зависитъ отъ того, что не хотятъ Его познать. Поэтому-то и говоритъ, что безъ Него невозможно познать Отца, чтобы хотя такимъ образомъ привлечь ихъ къ познанію Его. Такъ какъ они, оставляя Его, всегда старались узнать Отца, то онъ говоритъ: не можете познать Отца безъ

Меня. Такимъ образомъ, тѣ, которые хулятъ Сына, не Его только хулятъ, но и (Отца) родшаго Его.

4. Будемъ мы избѣгать этого, будемъ прославлять Сына. Еслибы Онъ былъ не одного и тогоже естества (съ Отцемъ): то не сталъ бы говорить такимъ образомъ. И если бы Онъ только училъ (такъ), а на самомъ дѣлѣ былъ другаго существа: то можно было бы, и не зная Его, знать Отца, и на оборотъ, совершенно зная Его,— не знать Отца. Ибо, кто знаетъ человѣка, тотъ не знаетъ еще Ангела. Такъ, скажешь; но, кто знаетъ тварь, тотъ знаетъ и Бога. Нѣтъ; многіе знаютъ тварь, или, лучше сказать,— всѣ люди, потому что видятъ ее, и однакожъ не знаютъ Бога. Итакъ, будемъ прославлять Сына Божія не только этою (словесною) славою, но и славою дѣлъ. Ибо первая безъ послѣдней ничего не значитъ. *Се ты,* сказано, *Іудей именуешися,* *и почиваеши на законѣ, и хвалишися о Бозѣ. Научая убо инаго, себе ли не учиши? Иже въ законѣ хвалишися, преступленіемъ закона Бога безчествуеши* (Рим. 2, 17. 21. 23). Смотри, какъ бы и намъ, которые хвалимся правотою вѣры, не обезчестить Бога своею жизнію, не соотвѣтствующею вѣрѣ, и не подать повода къ хулѣ на Него. Господь хочетъ, чтобы христіанинъ былъ для вселенной учителемъ, закваскою, свѣтомъ и солію. А что значитъ свѣтъ? Жизнь свѣтлая, не имѣющая въ себѣ ничего темнаго. Свѣтъ не себѣ полезенъ, равно какъ и соль и закваска, но приносятъ пользу другимъ. Поэтому отъ насъ требуется, чтобы мы не себѣ толь-

ко были полезны, но и другимъ. Вѣдь соль, если не осоляетъ, уже не есть соль. Но этимъ показывается также и то, что если мы будемъ вести жизнь добродѣтельную, то и другіе непремѣнно будутъ жить такъ же; равно какъ и на оборотъ— пока мы сами не будемъ добродѣтельными, не принесемъ никакой пользы и другимъ. Да не будетъ у насъ ничего неразумнаго, ничего суетнаго. А таковы мірскія дѣла, таковы житейскія заботы. Потому-то и дѣвы названы юродивыми, что они заботились о пустыхъ мірскихъ дѣлахъ, собирали здѣсь, а не отлагали туда, куда слѣдовало. Но я боюсь, чтобы и намъ не потерпѣть тогоже. Боюсь, чтобы и намъ не придти одѣтыми въ нечистыя одежды туда, гдѣ всѣ имѣютъ одѣянія свѣтлыя и блистательныя. Ибо нѣтъ ничего грязнѣе, ничего сквернѣе грѣха. Потому-то и Пророкъ, изображая природу грѣха, взывалъ: *возсмердѣша и согниша раны моя* (Псал. 37, 6). И если хочешь узнать зловоніе грѣха, то представь его себѣ по совершеніи, въ то время, когда освободишься отъ пожеланія, когда уже не будетъ безпокоить тебя огонь (страсти): тогда ты увидишь, каковъ грѣхъ. Представь себѣ гнѣвъ, когда находишься въ спокойномъ состояніи. Представь любостяжаніе, когда бываешь чуждъ этой страсти. Нѣтъ ничего гнуснѣе, ничего отвратительнѣе хищенія и любостяжанія. Мы часто говоримъ объ этомъ не потому, будто хотимъ тревожить васъ, но для того, чтобы доставить вамъ великую и чудную пользу. Кто не исправился, услышавъ однажды, можетъ быть—исправится, услышавъ въ

другой разъ, а кто пропустилъ въ другой разъ,— исправится въ третій. Да сподобимся же всѣ мы, освободившись отъ всякаго зла, имѣть благоуханіе Христа, Ему же съ Отцемъ, вмѣстѣ со Св. Духомъ, слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 53.

Сія глаголы глагола Іисусъ въ газофилакіи, уча въ церкви, и никтоже ятъ его, яко не у бѣ пришелъ часъ его (Іоан. 8, 20).

Какъ безумны Іудеи! Еще до Пасхи искали Іисуса, потомъ, когда нашли Его среди народа, много разъ пытались схватить Его, и сами непосредственно, и чрезъ другихъ, но не могли; и при всемъ этомъ не подивились силѣ Его, — но продолжали упорствовать въ своей злобѣ и не отставали (отъ ней). А что они всегда старались (схватить Его), объ этомъ говоритъ (Евангелистъ): *сія глогола въ газофилакіи*, *уча въ церкви*, *и никтоже ятъ его*. Онъ говорилъ въ церкви и въ качествѣ учителя, что въ особенности могло раздражать ихъ; притомъ, говорилъ то, изъ-за чего они досадовали и обвиняли Его въ томъ, что Онъ творитъ Себя равнымъ Отцу: ибо такой именно смыслъ имѣютъ слова: *двоихъ человѣковъ свидѣтельство истинно есть*. И однакожъ, не смотря на то, что Онъ говорилъ это въ

церкви и (говорилъ) какъ учитель: *никтоже*, сказано, *ятъ Его, яко не у бѣ пришелъ часъ его*, т. е. не наступило еще то благопріятное время, въ которое Онъ хотѣлъ быть распятымъ на крестѣ. Такимъ образомъ, и тогда это было дѣломъ не ихъ силы, но Его смотрѣнія. Они и прежде хотѣли (взять Его), но не могли. Такъ точно и тогда они не могли бы (взять Его), если бы Онъ самъ не соизволилъ на это. *Рече же имъ паки Іисусъ*: *азъ иду, и взыщеше мене* (ст. 21). Для чего Онъ часто говоритъ объ этомъ? Для того, чтобы потрясти и устрашить ихъ души. Въ самомъ дѣлѣ, смотри, какой страхъ это наводило на нихъ! Не взирая на то, что хотѣли умертвить Его, чтобы избавиться отъ Него, они стараются узнать, куда Онъ отходитъ. Такъ важнымъ они представляли себѣ это! А съ другой стороны, Онъ хотѣлъ научить ихъ, что это дѣло (смерть Его) не зависитъ отъ ихъ насилія, но что еще издревле Онъ предъизобразилъ его; вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ предуказалъ уже этими словами и воскресеніе. *Глаголаху убо*: *еда ся самъ убіетъ* (ст. 22)? Что же Христосъ? Опровергая предположеніе ихъ и показывая, что такое дѣло (самоубійство) есть грѣхъ, говоритъ: *вы отъ нижнихъ есте* (ст. 23). А это значитъ: «нѣтъ ничего удивительнаго, что такъ думаете вы, люди плотскіе и не помышляющіе ни о чемъ духовномъ. Но Я ничего такого не сдѣлаю *Азъ отъ вышнихъ есмь; вы отъ міра сего есте* (ст. 23)». Здѣсь опять говоритъ о мірскихъ и плотскихъ помыслахъ. Отсюда видно, что и слова:

азъ нѣсмь отъ міра сего, означаютъ не то, будто бы Онъ не принялъ плоти, но что Онъ далекъ отъ ихъ лукавства. Въ самомъ дѣлѣ, Онъ и объ ученикахъ говоритъ, что они *не суть отъ міра*, и однакожъ они имѣли плоть. Такимъ образомъ, какъ Павелъ, говоря: *вы нѣсте во плоти* (Рим. 8, 9), не безтѣлесными называетъ ихъ (Римлянъ); такъ и Онъ, когда говоритъ объ ученикахъ, что они не отъ міра, свидѣтельствуетъ этимъ не о другомъ чемъ, какъ только о ихъ любомудріи. *Рѣхъ убо вамъ: яко аще не имете вѣры, яко азъ есмь, умрете во грѣсѣхъ вашихъ* (ст. 24). Дѣйствительно, если Онъ для того пришелъ, чтобы взять грѣхъ міра, и если можно совлечься грѣха не иначе, какъ чрезъ крещеніе; то въ невѣрующемъ по необходимости остается ветхій человѣкъ. Кто не хочетъ умертвить его (ветхаго человѣка) и погребсти чрезъ вѣру, тотъ умретъ съ нимъ, и отойдетъ туда, чтобы понести наказаніе за прежніе грѣхи. Поэтому (Христосъ) говорилъ: *а не вѣруяй уже осужденъ есть* (Іоан. 3. 18), не потому только, что онъ не вѣруетъ, но и потому, что отходитъ отсюда съ прежними грѣхами. *Глаголаху убо ему: ты кто еси* (ст. 25)? Какое безуміе! Послѣ столь продолжительнаго времени, послѣ знаменій и ученія, они еще спрашиваютъ: *ты кто еси*? Чтоже Христосъ? *Начатокъ, яко и глаголю вамъ* (ст. 25). А это значитъ вотъ что, «вы недостойны даже слушать слова мои, не только знать, кто Я; потому что вы все говорите съ намѣреніемъ искусить Меня и ни мало не

внимаете словамъ моимъ. Во всемъ этомъ Я могъ бы теперь же обличить васъ (это именно значатъ слова Его: *много о васъ имамъ глаголати и судити* [ст. 26]), и не только обличить, но и наказать; *но пославый мя*, т. е. Отецъ не хочетъ этого. *Не пріидохъ бо, да сужду мірови, но да спасу міръ* (Іоан. 12, 47). *Не посла бо Богъ Сына своего,* сказано, *да судитъ мірови, но да спасется имъ міръ* (Іоан. 3, 17). Итакъ, если Онъ для этого послалъ Меня, а Онъ *истиненъ* (ст. 26); то Я справедливо не сужу теперь никого, но Я говорю то, что служитъ ко спасенію, а не къ обличенію. Говоритъ же это Онъ для того, дабы не подумали, что Онъ, слыша все, что они говорили, не мститъ имъ по слабости, или что Онъ не разумѣетъ ихъ мыслей и насмѣшекъ. *Не разумѣша убо, яко Отца имъ глаголаше* (ст. 27). Какое безсмысліе! Непрестанно говорилъ имъ о Немъ (Отцѣ), и—они не понимали! Вслѣдъ за симъ, такъ какъ ни многими знаменіями, ни ученіемъ не могъ привлечь ихъ къ Себѣ,— Онъ начинаетъ уже бесѣдовать о крестѣ, говоря: *егда вознесете Сына человѣческаго, тогда уразумѣете, яко азъ есмь, и о себѣ ничесоже творю, но якоже научи мя Отецъ мой, сія глаголю. И пославый мя со мною есть: не остави мене единаго Отецъ* (ст. 28, 29). Этимъ показываетъ, что справедливо сказалъ: *начатокъ, яко и глаголю вамъ*.

2. Такъ-то они были невнимательны къ словамъ Его! *Егда вознесете Сына человѣче-*

скаго. Не ожидаете ли вы, что тогда по преимуществу избавитесь отъ Меня, когда умертвите Меня? Но Я говорю: «тогда-то особенно вы и узнаете, *яко азъ есмь,* изъ (имѣющихъ быть) знаменій, изъ (моего) воскресенія и (вашего) плѣненія»; ибо все это дѣйствительно достаточно высказывало силу Его. И не сказалъ Онъ: тогда узнаете, кто Я, но:—когда увидите, что Я ничего не потерплю отъ смерти, *тогда*, говоритъ, *уразумѣете, яко азъ есмь* т. е. Христосъ, Сынъ Божій, все носящій и устрояющій, и (что Я) не противникъ Его (Отца). Поэтому-то Онъ и присовокупилъ: *и о себѣ ничесоже* глаголю. Вы узнаете тогда и то и другое—и силу мою, и единомысліе мое съ Отцемъ. Въ самомъ дѣлѣ, изреченіе—*о себѣ ничесоже* глаголю—показываетъ и неразличность существа, и то, что Онъ не говоритъ ничего, несогласнаго съ мыслями Отца. «Когда вы лишены будете богослуженія, когда вамъ не позволено будетъ даже служить Ему (Отцу), какъ прежде; тогда вы узнаете, что это Онъ дѣлаетъ въ отмщеніе за Меня, негодуя на тѣхъ, которые не послушали Меня». Какбы такъ Онъ говорилъ: «если бы Я былъ противникъ Богу и чуждъ Ему, то Онъ не воздвигъ бы противъ васъ столь великаго гнѣва». Объ этомъ говоритъ и Исаія: дастъ *лукавыя вмѣсто погребенія его* (Ис. 53, 9); и Давидъ: *тогда возглаголетъ къ нимъ гнѣвомъ своимъ* (Пс. 2, 5); и самъ Христосъ): *се оставляется домъ вашъ пустъ* (Матѳ. 23, 38). Тоже самое показываютъ и притчи, когда, напримѣръ, (Христосъ) говоритъ: *что*

сотворитъ дѣлателемъ тѣмъ господинъ винограда того? Злыхъ злѣ погубитъ ихъ (Мате. 21, 40). Видишь ли, что Онъ вездѣ говоритъ такъ потому, что они еще не вѣровали? Но если Онъ погубитъ ихъ, какъ и дѣйствительно погубитъ, потому что сказано: *враги моя оны, иже не восхотѣша мене, да царь быхъ былъ надъ ними, приведите сѣмо, и изсѣцыте* (Лук. 19, 27); то почему Онъ называетъ это не своимъ дѣломъ, но (дѣломъ) Отца? Потому, что говоритъ приспособительно къ ихъ немощи, а вмѣстѣ съ тѣмъ воздаетъ честь и Родшему Его. Поэтому Онъ не сказалъ: «оставлю домъ вашъ пустъ», но: *оставляется*», — выразился безлично. Между тѣмъ, такъ какъ Онъ сказалъ: *коль краты восхотѣхъ собрати чада твоя, и не восхотѣсте,* и потомъ уже присовокупилъ: *се оставляется*; то этимъ и показываетъ, что именно Онъ произвелъ это запустѣніе. Такъ какъ вы, говоритъ Онъ, не хотѣли познать Меня, когда Я благодѣтельствовалъ и служилъ вамъ: то узнаете, кто Я, когда подвергнетесь наказаніямъ. *И пославый мя* Отецъ *со Мною есть.* Чтобы не подумали, что выраженіе — *пославый мя*—означаетъ, что Онъ меньше (Отца), — говоритъ: *со Мною есть.* То (выраженіе) указываетъ на домостроительство, а это на божество. *И не остави мене единаго, яко азъ угодная ему всегда творю* (ст. 29). Опять Онъ низшелъ къ рѣчи уничиженной, непрестанно обращаясь къ тому, что они говорили, именно что Онъ не отъ Бога, и что не соблюдаетъ субботы. Приспособи-

тельно къ этому Онъ говоритъ: *угодная ему всегда творю*, показывая, что и нарушеніе субботы угодно Ему. Такъ Онъ говорилъ и предъ крестомъ: думаете ли, *яко не могу умолити Отца моего*,—хотя однимъ только словомъ: *кого ищете*, повергъ ихъ ницъ на землю. Почему же Онъ не говоритъ: ужели вы думаете, что Я не могу васъ погубить, когда доказалъ это самымъ дѣломъ? Изъ снисхожденія къ ихъ немощи; а притомъ Онъ всячески старался показать, что не дѣлаетъ ничего противнаго Богу. Такъ точно и здѣсь Онъ говоритъ человѣкообразно. А въ какомъ смыслѣ сказано: *не остави мене единаго*,—въ такомъ же и это: *яко азъ угодная ему всегда творю. Сія ему глаголющу, мнози вѣроваша въ него* (ст. 30). Когда (Христосъ) низшелъ къ рѣчи уничиженной, тогда многіе увѣровали въ Него. Ужели и послѣ этого станешь еще спрашивать, для чего Онъ говоритъ уничиженно? Евангелистъ ясно указалъ на причину этого, когда сказалъ: *сія ему глаголющу, мнози вѣроваша въ него.* Чрезъ это событіе Онъ какбы вопіетъ: «не смущайся, слушатель, если услышишь что-нибудь уничиженное; потому что тѣ, которые послѣ столь продолжительнаго ученія не увѣровали, что Онъ отъ Отца, по справедливости должны были слушать рѣчь болѣе уничиженную, чтобы увѣровать. И это же служитъ оправданіемъ тому, что будетъ говорено далѣе уничиженнаго. Итакъ, они увѣровали, но не надлежащимъ образомъ, а просто и какъ случилось, плѣнившись и успокоившись уничиженностію Его

словъ. Что дѣйствительно они имѣли вѣру несовершенную, это открываетъ Евангелистъ въ слѣдующихъ за тѣмъ словахъ, въ которыхъ они опять оскорбляютъ Его (Христа). А что это тѣ же самыя лица (о которыхъ говорилось выше), на это указалъ (Евангелистъ) словами: *глаголаше убо Іисусъ къ вѣровавшимъ ему Іудеомъ: аще вы пребудете во словеси моемъ* (ст. 31), показывая тѣмъ, что они еще не приняли ученія Его, но только внимали Его словамъ. Поэтому (Христосъ) и выразился сильнѣе: прежде Онъ просто сказалъ — *взыщете мене*, а теперь присовокупилъ — *и во грѣсѣхъ вашихъ умрете*. Онъ показываетъ и то, какимъ образомъ это произойдетъ: т. е. пришедши туда (въ вѣчность), вы уже не будете имѣть возможности умолить Меня. *Сія глаголю въ мірѣ.* Этими словами Онъ открылъ уже, что Онъ отходитъ къ язычникамъ. Но такъ какъ Іудеи еще не поняли, что Онъ прежде говорилъ имъ объ Отцѣ: то Онъ снова вѣщаетъ о Немъ. А Евангелистъ представилъ и причину, почему Онъ говорилъ уничиженно.

3. Вотъ, если съ такимъ тщаніемъ, а не какъ-нибудь, мы станемъ изслѣдовать Писанія: то будемъ въ состояніи достигнуть своего спасенія. Если будемъ постоянно упражняться въ нихъ, то узнаемъ и правые догматы и жизнь добродѣтельную. Хотя бы кто былъ крайне упрямъ, и непреклоненъ, и лѣнивъ; хотя бы прежде онъ не пріобрѣлъ никакой выгоды: при всемъ томъ въ настоящее время соберетъ плодъ и получитъ какую-нибудь пользу, хотя и не такую, чтобъ могъ

ее чувствовать, но все же получитъ. Если тотъ, кто приходитъ въ мvроварницу и сидитъ въ подобныхъ заведеніяхъ, невольно проникается благоуханіемъ: то гораздо болѣе — тотъ, кто ходитъ въ церковь. Какъ отъ бездѣйствія раждается лѣность: такъ и отъ упражненія появляется усердіе. Поэтому, хотя бы ты былъ исполненъ безчисленнымъ множествомъ грѣховъ, хотя бы ты былъ нечистъ, не убѣгай здѣшняго собранія. Но чтожъ, скажешь, если я слушаю, но не исполняю? Не малое пріобрѣтеніе и это—признать себя достойнымъ сожалѣнія. Не безполезенъ и этотъ страхъ; не безплодна и эта боязнь. Если только будешь сокрушаться о томъ, что, слушая, не исполняешь, то непремѣнно придешь когда-нибудь и къ исполненію. Кто бесѣдуетъ съ Богомъ и слушаетъ бесѣду Божію, тому невозможно не получить никакой пользы. Вѣдь мы тотчасъ же поправляемъ на себѣ одежду и умываемъ руки, какъ только хотимъ взять Библію, Видишь ли, какое благоговѣніе еще прежде чтенія? Если же мы со вниманіемъ и читать будемъ, то пріобрѣтемъ великую пользу. Въ самомъ дѣлѣ, если бы (это чтеніе) не приводило душу въ благоговѣніе, мы не стали бы умывать рукъ; сверхъ того, жена, если она непокрыта, тотчасъ надѣваетъ покрывало, представляя этимъ свидѣтельство своего внутренняго благоговѣнія; а мужъ, если голова его покрыта — обнажаетъ ее. Видишь ли, какъ внѣшній видъ бываетъ провозвѣстникомъ внутренняго благоговѣнія? Потомъ, и сѣвши слушать, человѣкъ часто вздыхаетъ и осуждаетъ свою настоящую жизнь

Итакъ, будемъ внимать Писаніямъ, возлюбленные! И если не другое что, то, по крайней мѣрѣ, Евангеліе да будетъ для насъ предметомъ особеннаго вниманія, да будетъ всегда въ нашихъ рукахъ. Вѣдь только что откроешь эту книгу, тотчасъ увидишь предъ глазами имя Христово и тотчасъ услышишь слова: *Іисусъ Христово рождество сице бѣ: обрученнѣй бо бывши матери его Маріи Іосифови... обрѣтеся имущи во чревѣ отъ Духа свята* (Мате. 1, 18). А кто услышитъ это, тотчасъ пожелаетъ дѣвства, подивится рожденію, отрѣшится отъ земли. Немаловажно и то, что ты увидишь Дѣву, сподобившуюся Духа, и—Ангела, бесѣдующаго съ нею. Между тѣмъ это (пишется) еще въ началѣ. Если же ты будешь продолжать чтеніе до конца, то тотчасъ отвергнешь все житейское и будешь смѣяться надъ всѣмъ земнымъ. Если ты богатъ, — за ничто почтешь богатство, когда услышишь, что она, обрученная тектону и произшедшая изъ смиреннаго дома, содѣлалась Матерію твоего Владыки. Если ты бѣденъ, — не будешь стыдиться своей бѣдности, когда узнаешь, что Творецъ міра не устыдился бѣднѣйшаго дома. Помышляя объ этомъ, ты не станешь похищать, не будешь лихоимствовать, не станешь брать того, что принадлежитъ другимъ; напротивъ, скорѣе самъ сдѣлаешься любителемъ бѣдности и будешь презирать богатство. А достигнувъ этого, ты избѣжишь всякаго зла. Далѣе, когда увидишь Его (Христа) лежащимъ въ ясляхъ, тогда не будешь стараться украсить свое дитя золотомъ или устроить

для своей жены серебряное ложе. А не заботясь объ этомъ, ты не станешь изъ-за этого лихоимствовать и похищать. Много и другихъ выгодъ можно получить (отъ чтенія св. Писанія), которыхъ нельзя теперь пересказать въ подробности; но ихъ узнаютъ тѣ, которые сдѣлаютъ опытъ. Посему умоляю васъ и пріобрѣтать книги (св. Писанія), и усвоять себѣ мысли ихъ, и начертывать ихъ въ душахъ. Іудеямъ, такъ какъ они не были внимательны, повелѣно было привѣшивать книги къ рукамъ; а мы даже и не на рукахъ, а въ домѣ полагаемъ ихъ, тогда какъ надлежитъ отпечатлѣвать ихъ въ сердцѣ. Чрезъ это мы очистимъ (отъ всякой скверны) настоящую жизнь и достигнемъ будущихъ благъ, которыхъ да сподобимся всѣ мы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ котораго и съ которымъ Отцу, вмѣстѣ со св. Духомъ, слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 54.

Глагола убо Іисусъ къ вѣровавшимъ ему Іудеомъ: аще вы пребудете во словеси моемъ, воистинну ученицы мои будете: и уразумѣете истину, и истина свободитъ вы (Іоан. 8, 31. 32).

Великое намъ нужно терпѣніе, возлюбленные! А терпѣніе бываетъ тогда, когда въ насъ глубоко укоренены догматы. Подлинно, какъ дубъ, глубоко пустившій свои корни въ нѣдра земли и тщательно обвязанный, не можетъ быть исторгнутъ никакимъ порывомъ вѣтра: такъ точно и душу, пригвожденную страхомъ Божіимъ, никто не въ состояніи будетъ ниспровергнуть; потому что пригвожденіе еще сильнѣе укорененія. Объ этомъ-то и Пророкъ молится, говоря: *пригвозди страху твоему плоти моя* (Псал. 118, 120). Такъ и ты пригвозди себя и прикрѣпи, какбы гвоздемъ, глубоко вонзеннымъ. Какъ съ трудомъ можно овладѣть человѣкомъ пригвожденнымъ: такъ, напротивъ, легко взять и не трудно ниспровергнуть непригвожденнаго. Вотъ это и случилось въ то время съ Іудеями: они и слушали (Христа), и увѣровали, и опять совратились. Поэтому-то Христосъ, желая углубить въ нихъ вѣру, такъ чтобы она не была поверхностною, пронзаетъ душу ихъ словами, самыми разительными. Конечно, имъ, какъ вѣрующимъ, естественно бы-

ло бы и обличенія перенести; но они тотчасъ вознегодовали. Какъ же (Христосъ) въ этомъ случаѣ поступаетъ? Сначала увѣщаваетъ: *аще вы пребудете во словеси моемъ, воистинну ученицы мои будете, и истина свободитъ вы* (ст. 31). Какбы такъ говоритъ: «Я намѣренъ нанести вамъ глубокую рану, но вы не бойтесь». Впрочемъ, этимъ же самымъ Онъ уже смирилъ и гордость ихъ души. Отъ чего, скажи мнѣ, освободитъ? Отъ грѣховъ. Чтоже эти гордецы? *Семя Авраамле есмы, и никомуже работахомъ николиже* (ст. 33). Тотчасъ ниспала мысль ихъ, а это произошло отъ того, что они были крайне пристрастны къ предметамъ мірскимъ. *Аще пребудете во словеси моемъ.* Этимъ Онъ показалъ, что Онъ знаетъ тайны ихъ сердца, знаетъ, что они хотя и увѣровали, но не были твердыми въ вѣрѣ. При этомъ Онъ обѣщаетъ имъ нѣчто великое, именно — что они будутъ Его учениками. Такъ какъ нѣкоторые прежде отпали отъ Него, — то, намекая на нихъ, Онъ говоритъ: *аще пребудете*; ибо и тѣ слушали и увѣровали, но отпали, потому что не были твердыми въ вѣрѣ. Въ самомъ дѣлѣ, *мнози отъ ученикъ его идоша вспять, и ктому не хождаху съ нимъ* (Іоан. 6, 66). *Уразумѣете истину*, т. е. Меня, потому что *азъ есмь истина* (Іоан. 14, 6). Все іудейское было образомъ, а истину вы узнаете отъ Меня, и она освободитъ васъ отъ грѣховъ. Какъ тѣмъ (прежнимъ Іудеямъ) Онъ говорилъ: *во грѣсѣхъ вашихъ умрете*; такъ и этимъ сказалъ: *свободитъ вы.*

Не сказалъ: «Я избавлю васъ отъ рабства», но представилъ имъ самимъ уразумѣть это. Чтожъ они? *Сѣмя Авраамле есмы, и никомуже работахомъ николиже*. Но если ужъ слѣдовало негодовать, то справедливѣе было бы (негодовать) на то, что Онъ сказалъ прежде, именно: *уразумѣете истину*, и—сказать: «чтоже? Развѣ теперь мы не знаемъ истины? Значитъ, законъ и наше знаніе — ложь»? Но они ни о чемъ этомъ не заботились, а безпокоятся о мірскихъ дѣлахъ, предполагая этого рода рабство. Есть, подлинно, есть и теперь много такихъ, которые стыдятся вещей безразличныхъ и этого рабства; но не стыдятся рабства грѣховнаго, и лучше хотѣли бы тысячу разъ назваться рабами въ этомъ отношеніи, нежели однажды — въ томъ. Таковы-то были и Іудеи. — Они и не знали другаго рабства, а потому и говорятъ: «ты назвалъ рабами людей, происшедшихъ отъ рода Авраамова,—людей благородныхъ». Но, по этой именно причинѣ, ихъ не слѣдовало называть рабами, Мы, говорятъ, никогда не были рабами. Вотъ чѣмъ тщеславятся Іудеи! Мы *сѣмя Авраамле*, мы— Израильтяне, А о своихъ дѣлахъ никогда не упоминаютъ. Поэтому Іоаннъ взывалъ къ нимъ, говоря: *не начинайте глаголати въ себѣ: отца имамы Авраама* (Матѳ. 3, 9). Но почему Христосъ не обличилъ ихъ? Вѣдь они много разъ бывали въ рабствѣ: и у Египтянъ, и у Вавилонянъ, и у многихъ другихъ (народовъ). Потому, что Онъ говорилъ не для состязанія съ ними, но для ихъ спасенія, и пользы: вотъ о чемъ Онъ за-

ботился. Онъ могъ бы, конечно, сказать о четырехъ стахъ лѣтъ рабства; могъ бы сказать о семидесяти; могъ бы сказать о рабствѣ во времена судей, иногда въ продолженіе двадцати лѣтъ, иногда двухъ, иногда семи; могъ бы сказать, что они никогда не переставали быть рабами. Но Онъ старался доказать не то, что они были рабами людей, но что они — рабы грѣха. А это рабство и есть самое тяжкое: отъ него можетъ избавить одинъ только Богъ; потому что никто другой не можетъ отпускать грѣховъ, что они и сами признавали. И такъ какъ они признавали это дѣломъ Божіимъ, то Онъ и приводитъ ихъ къ этому, и говоритъ: *всякъ, творяй грѣхъ, рабъ есть грѣха*, показывая, что Онъ говоритъ объ этой свободѣ, о свободѣ отъ этого именно рабства. *Рабъ же не пребываетъ въ дому; сынъ пребываетъ во вѣкъ* (ст. 34. 35). И здѣсь Онъ незамѣтно ниспровергаетъ постановленія закона, указывая на прежнія времена. Чтобы они не ссылались (на законъ) и не говорили: «мы имѣемъ жертвы, предписанныя Моvсеемъ; онѣ могутъ насъ освободить», — для этого Онъ и присовокупилъ тѣ слова. Иначе, какую послѣдовательность имѣли бы слова Его? *Вси бо согрѣшиша, и лишени суть славы Божіей, оправдаеми туне благодатію его* (Рим. 3, 23), даже самые священники. Поэтому и Павелъ говоритъ о священникѣ, что онъ *долженъ есть, якоже о людехъ, такожде и о себѣ приносити за грѣхи, понеже и той немощію обложенъ есть* (Евр. 5, 2. 3). Вотъ это и выражается сло-

вами: *рабъ не пребываетъ въ дому*. А сверхъ того здѣсь Христосъ показываетъ и равночестіе свое съ Отцемъ и различіе между свободнымъ и рабомъ. Ибо приточное изреченіе имѣетъ именно этотъ смыслъ, т. е. что рабъ не имѣетъ власти, что и означается словомъ: *не пребываетъ*.

2. Но для чего Онъ, говоря о грѣхахъ, упомянулъ о домѣ? Чтобы показать, что какъ хозяинъ надъ домомъ, такъ Онъ властвуетъ надъ всѣмъ. Выраженіе: *не пребываетъ*, значитъ — не имѣетъ власти раздавать даровъ, такъ какъ (рабъ) не домовладыка. А сынъ — домовладыка; это и означаютъ слова: *пребываетъ во вѣки*, по переносному выраженію (взятому) съ вещей человѣческихъ. Чтобы не сказали: Ты кто? Онъ какбы такъ говоритъ: «все—мое, потому что Я—Сынъ и пребываю въ домѣ Отца», называя домомъ власть. Такъ Онъ и въ другомъ мѣстѣ называетъ начальство домомъ Отца: *въ дому Отца моего обители многи суть* (Іоан. 14, 2). Такъ какъ рѣчь была о свободѣ и рабствѣ, то Онъ справедливо употребилъ такое переносное выраженіе, говоря, что они не имѣли власти отпускать (грѣхи). *Аще убо Сынъ вы свободитъ* (ст. 36). Видишь ли единосущіе Его съ Отцемъ, (видишь ли) какъ Онъ показываетъ, что имѣетъ одинаковую съ Нимъ власть? *Аще Сынъ вы свободитъ*, то уже никто не станетъ этому противорѣчить, и вы будете имѣть вѣрную свободу, потому что *Богъ оправдаяй: кто осуждаяй* (Рим. 8, 33. 34)? Этимъ онъ показываетъ, что Онъ свободенъ отъ грѣха, и вмѣстѣ намекаетъ

на свободу только по имени. Послѣднюю даютъ и люди, но первую (даруетъ) одинъ Богъ. А чрезъ это Онъ убѣждаетъ ихъ стыдиться не того рабства, но рабства грѣховнаго. И чтобы показать, что они, хотябъ и не были рабами, такъ какъ отвергли отъ себя то рабство, тѣмъ не менѣе — рабы, Онъ тотчасъ присовокупилъ: *воистинну свободни будете* (тамъ же). А этимъ присовокупленіемъ Онъ и показываетъ, что ихъ свобода не истинная. Потомъ, чтобы они не сказали, что не имѣютъ грѣха (а можно было думать, что они и это скажутъ), смотри, какъ Онъ подвергъ ихъ обвиненію въ немъ. Не обличая всей ихъ жизни, Онъ выставляетъ на видъ то злодѣяніе, которое они только еще хотѣли совершить, и говоритъ: *вѣмъ, яко сѣмя Авраамле есте, но ищете мене убити* (ст. 37). Незамѣтно и мало по малу отстраняетъ ихъ отъ этого родства (съ Авраамомъ), научая не превозноситься имъ; потому что какъ свобода и рабство, такъ и родство зависятъ отъ дѣлъ. И не сказалъ Онъ тотчасъ: «вы не дѣти Авраама, вы человѣкоубійцы, а Онъ праведникъ», но пока еще соглашается съ ними, и говоритъ: *вѣмъ, яко сѣмя Авраамле есте,* но не въ этомъ дѣло: а потомъ произноситъ противъ нихъ болѣе сильное обличеніе. И весьма часто можно видѣть, что Онъ, намѣреваясь совершить что-нибудь великое, послѣ совершенія, говоритъ съ большимъ дерзновеніемъ, такъ какъ свидѣтельство отъ дѣлъ заграждало имъ уста. *Но ищете мене убити.* «Чтожъ, скажутъ, если справедливо»? Напротивъ, совсѣмъ несправедливо. Поэтому

Онъ представляетъ и причину: *яко слово мое не вмѣщается въ вы* (тамъ же). Какъ же было сказано, что они увѣровали? Но я уже сказалъ, что они опять отложились. Поэтому-то Онъ сильно и обличаетъ ихъ. «Если вы тщеславитесь родствомъ съ нимъ (Авраамомъ), то вамъ надобно выказывать и жизнь его». И не сказалъ Онъ: «вы не вмѣщаете слова», но: *слово мое не вмѣщается въ вы*, показывая тѣмъ высоту своихъ догматовъ. А за это не убивать слѣдовало, а напротивъ еще болѣе почитать и уважать, чтобы научиться. «Чтожъ, могли сказать, можетъ быть, Ты отъ Себя это говоришь»? Поэтому Онъ присовокупилъ: *азъ, еже видѣхъ у Отца моего, глаголю*: *и вы убо, еже видѣсте у отца вашего*, *творите* (ст. 38). «Какъ Я, говоритъ, и словами и истиною являю Отца, такъ и вы — своими дѣлами. Я имѣю не только одно и тоже существо съ Отцемъ, но и одну и туже истину». *Рѣша ему: отецъ нашъ Авраамъ есть. Глагола имъ Іисусъ*: *аще чада Авраамля бысте были*, *дѣла Авраамля бысте творили*: *нынѣ же ищете мене убити* (ст. 39. 40). Часто Онъ говоритъ здѣсь объ ихъ преступномъ намѣреніи и упоминаетъ объ Авраамѣ; и это для того, чтобы и отклонить ихъ отъ этого родства, и уничтожить излишнее ихъ тщеславіе, и убѣдить полагать надежду спасенія уже не на Авраама и не на родство по естеству, но — на родство по душевному расположенію. Ибо то именно и служило для нихъ препятствіемъ приступить ко Христу, что они почитали это род-

ство достаточнымъ для своего спасенія. Но о какой говоритъ Онъ истинѣ? О той, что Онъ равенъ Отцу. Дѣйствительно, за это Іудеи искали убить Его, какъ Онъ и говоритъ: *ищете мене убити, яко истину вамъ глаголахъ, юже слышахъ* отъ Отца моего (ст. 40). Дабы показать, что это не противно Отцу, Онъ опять прибѣгаетъ къ Нему. *Рѣша ему: мы отъ любодѣянія нѣсмы рождени: единаго отца имамы, Бога* (ст. 41). Что вы говорите? Вы имѣете отцемъ Бога, и обвиняете Христа, когда Онъ говоритъ это! Видишь ли, что Онъ называлъ Бога Отцемъ своимъ въ особенномъ смыслѣ?

3. Такъ какъ Онъ отстранилъ ихъ отъ родства съ Авраамомъ; то они, не имѣя ничего сказать противъ этого, отваживаются на нѣчто еще большее, — прибѣгаютъ къ Богу. Но Онъ лишаетъ ихъ и этой чести, говоря: *аще Богъ отецъ вашъ бы былъ, любили убо бысте мене: азъ бо отъ Бога изыдохъ, и пріидохъ: не о себѣ бо пріидохъ, но той мя посла. Почто бесѣды моея не разумѣете; яко не можете слышати словесе моего. Вы отца вашего діавола есте, и похоти отца вашего хощете творити. Онъ человѣкоубійца бѣ искони, и во истинѣ не стоитъ: егда глаголетъ лжу, отъ своихъ глаголетъ* (ст. 42—44). (І. Христосъ) отстранилъ ихъ отъ родства съ Авраамомъ; но такъ какъ они отважились на большее, то Онъ уже наноситъ имъ ударъ, говоря, что они не только не чада Авраама, но что они сыны діавола. Чрезъ это Онъ

нанесъ имъ рану, равную ихъ безстыдству. И это не оставляетъ безъ свидѣтельства, но подтверждаетъ доказательствами; потому что убивать, говоритъ, свойственно злобѣ діавола. И не сказалъ просто: «дѣла», но: *похоти* его творите, показывая, что какъ онъ (діаволъ), такъ и они крайне склонны къ убійствамъ, и что причиною этого зависть. Въ самомъ дѣлѣ, діаволъ погубилъ Адама не потому, чтобы могъ обвинять его въ чемъ-нибудь, но по одной только зависти. Вотъ на это Христосъ и здѣсь указываетъ. *И во истинѣ не стоитъ,* т. е. въ доброй жизни. Такъ какъ (Іудеи) постоянно осуждали Его, (утверждая), что Онъ не отъ Бога; то Онъ говоритъ, что и это (обвиненіе) происходитъ оттуда же (отъ діавола). Ибо онъ первый породилъ ложь, сказавъ: *въ оньже аще день снѣсте отъ него, отверзутся очи ваши* (Быт. 3, 5). Онъ же первый и воспользовался ею. Люди пользуются ею, не какъ своею, но какъ чужою, а онъ — какъ своею. *Азъ же, зане истину глаголю, не вѣруете мнѣ* (ст. 45). Какая послѣдовательность въ этихъ словахъ? «Ни въ чемъ не обвинивъ Меня, вы хотите убить Меня. Вы преслѣдуете Меня, потому что вы враги истины. Если же не потому, то скажите вину мою». Поэтому и присовокупилъ: *кто отъ васъ обличаетъ мя о грѣсѣ* (ст. 46)? Іудеи еще говорили: *мы отъ любодѣянія нѣсмы рождени.* Хотя многіе изъ нихъ были рождены и отъ любодѣянія, потому что у нихъ были и незаконные браки; однакожъ Онъ не обличаетъ ихъ

въ этомъ, а продолжаетъ говорить о томъ (о чемъ говорилъ прежде). Доказавъ всѣмъ вышесказаннымъ, что они не отъ Бога, а отъ діавола, потому что и убивать есть дѣло діавольское, и лгать—дѣло діавольское, а вы (говоритъ) дѣлаете и то и другое,—теперь показываетъ, что любовь есть признакъ происхожденія отъ Бога. *Почто бесѣды моея не разумѣете?* Такъ какъ они всегда съ недоумѣніемъ спрашивали: что это Онъ говоритъ: *аможе азъ иду, вы не можете пріити* (ст. 22); то Онъ и отвѣчаетъ: «вы не разумѣете бесѣды моей потому, что не вмѣщаете въ себѣ слова Божія. А это происходитъ съ вами отъ того, что ваши помышленія пресмыкаются по землѣ, между тѣмъ какъ слова мои гораздо выше». Чтожъ, если они и дѣйствительно не могли разумѣть? Но здѣсь слово—*не можете* значитъ: не хочете, потому что вы (говорилъ Іисусъ) пріучили себя пресмыкаться долу и ни о чемъ великомъ не помышляете. А такъ какъ они говорили, что преслѣдуютъ Его по ревности будто бы къ Богу; то Онъ всюду старается показать, что преслѣдовать Его значитъ ненавидѣть Бога, напротивъ, говоритъ, любить Его—значитъ знать Бога. *Единаго отца имамы Бога*. Вотъ чѣмъ хвалятся—честію, а не дѣлами. Итакъ, что вы не вѣруете, это доказываетъ не то, будто Я чуждъ Богу; напротивъ, невѣрованіе служитъ знакомъ того, что вы не знаете Бога. Причина же этому та, что вы хотите лгать и творить дѣла діавольскія, а это происходитъ отъ бѣдности души, какъ говоритъ Апостолъ: *идѣже бо въ васъ*

зависти, и рвенія, и распри, не плотстіи ли есте (1 Кор. 3, 3)? Почему вы не можете? Потому, что *похоти отца вашего хощете творити*,—(объ этотъ) стараетесь, ревнуете. Видишь ли, что слово: *не можете*, означаетъ нехотѣніе? *Сего Авраамъ нѣсть сотворилъ* (ст. 40). Какія же дѣла его? Кротость, снисходительность, послушаніе; а вы поступаете напротивъ, вы не покорны и жестоки. Но откуда имъ пришло на мысль прибѣгнуть къ Богу? Христосъ показалъ, что они недостойны Авраама. Вотъ, чтобы избѣжать этого, они и прибѣгли къ большему. Такъ какъ Онъ укорилъ ихъ въ убійствѣ; то они этимъ говорятъ, какбы въ нѣкоторое оправданіе себѣ, что они отмщаютъ за Бога. Но (Христосъ) показываетъ, что и это самое служитъ признакомъ противниковъ Божіихъ. Выраженіе: *изыдохъ*, означаетъ, что Онъ отъ Бога. Говоритъ — *изыдохъ*, указывая на свое пришествіе къ намъ. А такъ какъ можно было ожидать, что они скажутъ: «Ты говоришь что-то странное и новое»; то Онъ и прибавляетъ, что пришелъ отъ Бога. Поэтому, говоритъ, естественно, что вы не слушаете моихъ словъ, такъ какъ вы отъ діавола. Въ самомъ дѣлѣ, за что вы хотите убить Меня? Въ чемъ можете обвинить Меня? Если же ни въ чемъ; то почему не вѣруете Мнѣ? Доказавъ такимъ образомъ, изъ ихъ лживости и склонности къ убійству, что они происходятъ отъ діавола, Онъ вмѣстѣ показалъ и то, что они чужды Аврааму и Богу, такъ какъ, съ одной стороны, ненавидятъ человѣка, который не сдѣлалъ ничего

худаго, а съ другой — не слушаютъ слова Его. Такъ Онъ всюду показываетъ, что Онъ не противникъ Божій и что они не по этой причинѣ не вѣровали въ Него, но потому, что были чужды Богу. Въ самомъ дѣлѣ, если не вѣруютъ Тому, Кто грѣха не сотворилъ, Кто говоритъ, что Онъ пришелъ отъ Бога и отъ Него посланъ, Кто изрекаетъ истину, и такъ изрекаетъ истину, что вызываетъ всѣхъ обличить Его во лжи; то очевидно, что невѣрующіе не вѣруютъ въ Него, потому, что они люди плотскіе. Онъ зналъ, вѣрно зналъ, что грѣхи унпчижаютъ душу. Потому-то сказано: *понеже немощни бысте слухи* (Евр. 5, 11). Подлинно, кто не можетъ презрѣть вещей земныхъ, — тотъ можетъ ли когда-нибудь любомудрствовать о небесномъ?

4. Посему, умоляю, — будемъ всячески стараться исправить нашу жизнь, очистить нашу душу, чтобы ничто нечистое не служило для насъ препятствіемъ. Засвѣтите въ себѣ свѣтъ знанія, и не бросайте сѣменъ въ терніе. Кто не знаетъ, что любостяжаніе порокъ, какъ узнаетъ что-нибудь большее? Кто не отвращается отъ этого (земнаго), тотъ какъ возжелаетъ того (небеснаго)? Хорошо похищать, только не гибнущія вещи, а царство небесное. *Нуждницы*, сказано, *восхищаютъ е* (Матѳ. 11, 12); слѣдовательно, не лѣностію можно достигнуть его, но стараніемъ. Что же значитъ: *нуждницы*? Потребно большое усиліе, потому что путь тѣсенъ; нужна душа юношеская и бодрая. Похищающіе хотятъ всѣхъ предварить, не смотрятъ ни на что, ни на порицаніе,

ни на осужденіе, ни на наказаніе; но думаютъ лишь объ одномъ, какъ бы овладѣть тѣмъ, что хотятъ похитить, и предупреждаютъ всѣхъ, находящихся впереди. Станемъ же и мы восхищать царство небесное. Это похищеніе не грѣшно, а похвально; грѣхъ здѣсь—не похищать. Здѣсь наше богатство не причиняетъ ущерба другимъ. Постараемся же восхитить это (царство небесное); и если насъ удручаетъ гнѣвъ, если тревожатъ вожделѣнія, то препобѣдимъ природу, содѣлаемся кроткими, потрудимся не много, чтобы навсегда успокоиться. Не похищай золота, но похищай богатство, при которомъ золото представляется грязью. Скажи мнѣ: если бы предъ тобою лежали свинецъ и золото, — чтобы ты похитилъ? Не очевидно ли — золото? Итакъ, въ томъ случаѣ, когда похищающаго наказываютъ, ты предпочитаешь вещь лучшую: уже ли же тогда, когда похищающій заслуживаетъ честь, ты не отдашь предпочтенія лучшему? Вѣдь не избралъ ли бы ты (изъ двухъ вещей) предпочтительно эту (лучшую), если бы за похищеніе той и другой было наказаніе? Но здѣсь нѣтъ ничего такого, а напротивъ здѣсь блаженство. Какъ же можно, спросишь, похитить (царство небесное)? Брось то, что у тебя въ рукахъ. Доколѣ будешь держать это,— не можешь похитить того. Представь мнѣ человѣка, у котораго руки наполнены серебромъ: въ состояніи ли онъ будетъ похитить золото, пока держитъ серебро, а не броситъ его и не сдѣлается свободнымъ? Похищающій не долженъ быть ничѣмъ связанъ, чтобы не быть задержаннымъ,

Вѣдь и нынѣ есть враждебныя силы, которыя нападаютъ на насъ и стараются отнять у насъ (царство небесное). Но будемъ убѣгать отъ нихъ, будемъ убѣгать, не оставляя за собою ничего, за что бы они могли ухватиться. Пресѣчемъ нити, обнажимъ себя отъ предметовъ житейскихъ. Какая намъ нужда въ шелковыхъ одеждахъ? Доколѣ будемъ укутываться въ эти смѣшныя одѣянія? Доколѣ будемъ зарывать въ землю золото? Я желалъ бы перестать всякій разъ говорить объ этомъ; но вы не позволяете, подавая всегда поводъ къ тому и побужденіе. Теперь, по крайней мѣрѣ, оставимъ это, чтобы, и другихъ научивъ своею жизнію, получить обѣтованныя блага, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ котораго и съ которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 55.

Отвѣщаша убо Іудее и рѣша ему: не добрѣ ли мы глаголемъ, яко самарянинъ еси ты и бѣса имаши? Отвѣща Іисусъ: азъ бѣса не имамъ, но чту Отца (Іоан. 8, 48. 49).

Злоба безстыдна и дерзка. Когда бы надобно было устыдиться, тогда она еще болѣе ожес-

точается. Такъ было и съ Іудеями. Имъ надлежало бы придти въ умиленіе отъ словъ (Іисуса Христа) и подивиться дерзновенію и послѣдовательности Его бесѣды; а они, напротивъ, поносятъ Его, называютъ Самаряниномъ, утверждаютъ, что Онъ бѣса имѣетъ, и говорятъ: *не добрѣ ли мы глаголемъ, яко самарянинъ еси, и бѣса имаши*? Когда Онъ говорилъ нѣчто высокое, тогда этимъ людямъ, крайне безчувственнымъ, казалось это безуміемъ. И хотя Евангелистъ выше нигдѣ не замѣтилъ, что они называли Его Самаряниномъ; но изъ приведенныхъ словъ можно заключать, что они часто это говорили. Говорятъ: *бѣса имаши.* Но кто имѣетъ бѣса? Тотъ ли, кто чтитъ Бога, или—кто оскорбляетъ чтущаго? Чтоже Христосъ,—эта кротость, эта снисходительность? *Азъ бѣса не имамъ, но чту Отца, пославшаго мя.* Когда надлежало научить ихъ, смирить великое ихъ надменіе и наставить не гордиться Авраамомъ, — тогда Онъ былъ строгъ; а когда Ему самому надобно было перенести отъ нихъ поношеніе, тогда Онъ выказываетъ великую кротость. Когда они говорили: мы имѣемъ отцемъ Бога и Авраама, — тогда Онъ сильно поразилъ ихъ; а когда Его самого называли имѣющимъ бѣса, тогда отвѣчаетъ кротко, научая насъ отмщать за то, чѣмъ оскорбляется Богъ, и не обращать вниманія на оскорбленія, наносимыя намъ. *Азъ не ищу славы моея* (Іоан. 8, 50). «Это, говоритъ, сказалъ Я съ тѣмъ, чтобы показать, что вамъ, какъ человѣкоубійцамъ, не прилично называть Бога отцемъ; значитъ, Я

сказалъ это ради чести Его, и за Него Я слышу это, за Него вы безчестите Меня. Но Я нисколько не обращаю вниманія на это оскорбленіе. Вы дадите отвѣтъ въ своихъ словахъ Тому, за Кого Я слышу это нынѣ. *Азъ не ищу славы моея.* По этой-то причинѣ, вмѣсто того, чтобы наказывать васъ, Я обращаюсь къ убѣжденію и совѣтую вамъ дѣлать то, посредствомъ чего вы не только избѣжите наказанія, но и получите вѣчную жизнь». *Аминь, аминь глаголю вамъ: аще кто слово мое соблюдетъ, смерти не имать видѣти во вѣки* (Іоан. 8, 51). Здѣсь Онъ говоритъ не объ одной только вѣрѣ, но и о чистой жизни. Выше Онъ сказалъ: *имать животъ вѣчный* (Іоан. 5, 24); а здѣсь говоритъ: *смерти не имать видѣти,* указывая вмѣстѣ и на то, что они ничего не могутъ Ему сдѣлать. Ибо если не умретъ тотъ, кто соблюдаетъ слово Его; то тѣмъ болѣе самъ Онъ. Это поняли и они, и потому говорятъ: *нынѣ разумѣхомъ, яко бѣса имаши: Авраамъ умре и пророцы (умроша)* (8, 52),—т. е. умерли тѣ, которые слушали слово Божіе; такъ ужели не умрутъ слушавшіе твое слово? *Еда ты болій еси отца нашего Авраама* (ст. 53)? Какое тщеславіе! Опять обращаются къ родству съ нимъ (Авраамомъ). Имъ слѣдовало бы сказать: «ужели ты больше Бога, или: ужели слышавшіе тебя больше Авраама»? Но они не говорятъ этого, потому что почитали Его меньшимъ даже Авраама. Христосъ уже прежде доказалъ, что они — человѣкоубійцы, и тѣмъ отстранилъ ихъ отъ родства съ Авраамомъ. Но

такъ какъ они оставались при своихъ мысляхъ; то вотъ Онъ снова идетъ къ тому же другимъ путемъ, показывая что они напрасно трудятся. Впрочемъ о смерти Онъ нисколько съ ними не бесѣдовалъ, и даже не открылъ и не сказалъ, какую разумѣетъ смерть. Теперь Онъ только увѣряетъ ихъ, что Онъ выше Авраама, чтобы хотя этимъ пристыдить ихъ. Вѣдь конечно, говоритъ Онъ, если бы Я былъ и обыкновеннымъ человѣкомъ,—и тогда не слѣдовало бы убивать Меня, потому что Я не сдѣлалъ ничего худаго. Но если Я притомъ говорю истину, и не имѣю никакого грѣха, и посланъ отъ Бога, и больше Авраама; то не безумствуете ли вы и не напрасно ли трудитесь, стараясь умертвить Меня? Что же они? *Нынѣ разумѣхомъ, яко бѣса имаши*. Но не такъ (поступила) Самарянка; она не сказала Ему: «бѣса имѣешь», но только вотъ что: *еда ты болій еси отца нашего Іакова* (Іоан. 4, 12)? Это—потому, что Іудеи были поносители и убійцы, а она желала научиться. По этой-то причинѣ она и выразила недоумѣніе, и давала отвѣты съ приличною скромностію, и называла Его Господомъ. И дѣйствительно, Кто обѣщаетъ гораздо большія (блага), и Кто достоинъ вѣры, Того слѣдовало не оскорблять, а, напротивъ, почитать: но Іудеи называютъ Его имѣющимъ бѣса. Тѣ слова, слова Самарянки, были выраженіемъ недоумѣнія; а эти (слова Іудеевъ) выказываютъ людей невѣрующихъ и развращенныхъ. *Еда ты болій еси отца нашего Авраама*? Значитъ, по тѣмъ словамъ своимъ (ст. 52), Онъ былъ больше Авраама.

И когда вы увидите Его вознесеннымъ, тогда признаете, что Онъ дѣйствительно больше. Поэтому Онъ говорилъ: *егда вознесете* меня, *тогда уразумѣете, яко азъ есмь* (Іоан. 8, 28). И смотри, какая мудрость: сперва отстранилъ ихъ отъ родства (съ Авраамомъ); затѣмъ показываетъ, что Онъ больше его, а чрезъ это даетъ уже замѣтить, что Онъ несравненно больше и Пророковъ. А они всегда называли Его Пророкомъ; поэтому Онъ и говорилъ: *слово мое не вмѣщается въ вы* (Іоан. 8, 37). Тамъ Онъ говорилъ, что воскрешаетъ мертвыхъ (Іоан. 5, 21), а здѣсь, что вѣрующій въ Него не узритъ смерти; а это гораздо важнѣе, чѣмъ не допустить навсегда остаться во власти смерти. Отъ того-то они еще болѣе вознегодовали. Что же они (говорятъ)? *Кого себѣ самъ ты твориши* (ст. 53)? И эти слова также укоризненны. Ты, говорятъ, самъ Себя величаешь. Но Христосъ на это отвѣчаетъ: *аще азъ славлюся самъ, слава моя ничесоже есть* (ст. 54).

2. Что говорятъ при этомъ еретики? «Слышалъ (говорятъ) Христосъ: *еда болій еси отца нашего Авраама*, — но не смѣлъ сказать имъ: такъ точно, а говоритъ прикровенно». Чтоже? въ самомъ дѣлѣ слава Его ничего не значитъ? Для нихъ (Іудеевъ) — ничего. Поэтому какъ (прежде) Онъ говорилъ: *свидѣтельство мое нѣсть истинно*, примѣняясь къ ихъ мнѣнію (Іоан, 5, 31); такъ и здѣсь говоритъ: *есть славяй мя* (ст. 54). Но почему Онъ не сказалъ: Отецъ, пославшій Меня, какъ говорилъ прежде, но: *егоже*

вы глаголете, яко Богъ вашъ есть. И не познасте его (ст. 54 55)? Онъ хотѣлъ показать, что они не знаютъ Его не только какъ Отца, но и какъ Бога. *Азъ же вѣмъ его* (ст. 55). Слѣдовательно, когда говорю: *азъ вѣмъ его*, — это не хвастовство; а если бы сказалъ: не знаю Его, — эта была бы ложь. Но вы, когда говорите, что знаете Его, говорите ложь. Такимъ образомъ, какъ вы лжете, говоря, что знаете Его, такъ и Я (солгалъ бы), еслибъ сказалъ, что не знаю Его. *Аще азъ славлюся самъ*. Такъ какъ они говорили: *кого себе самъ ты твориши*, — то Онъ и отвѣчаетъ: если Я самъ Себя творю (кѣмъ-либо), *слава моя ничесоже есть*. — Итакъ, Я знаю Его совершенно, а вы не знаете Его. Впрочемъ, какъ въ отношеніи къ Аврааму Онъ не все отнялъ у нихъ, но сказалъ: *вѣмъ яко сѣмя Авраамле есте* (Іоан. 8, 37), дабы чрезъ это подвергнуть ихъ большему осужденію; такъ и здѣсь не все отнялъ у нихъ, но что (говоритъ)? *Егоже вы глаголете...* Дозволивъ имъ хвалиться этимъ на словахъ, Онъ сдѣлалъ вину ихъ болѣе тяжкою. Какимъ же образомъ вы Его не знаете? Вы поносите Того, Кто все и говоритъ и дѣлаетъ для Него, чтобы прославить Его, и Кто посланъ отъ Него. Но это (скажутъ) остается безъ свидѣтельства. Напротивъ, дальнѣйшія слова служатъ тому доказательствомъ. *И слово его соблюдаю* (ст. 55). При этомъ они, конечно, могли бы обличить Его, если бы только имѣли что-нибудь (сказать противъ Него): потому что это служило самымъ сильнымъ доказательствомъ тому, что Онъ по-

слань отъ Бога. *Авраамъ, отецъ вашъ, радъ бы былъ, дабы видѣлъ день мой: и видѣ, и возрадовася* (тамъ же, ст. 56). Опять показываетъ, что они чужды Аврааму, такъ какъ чему онъ радовался, о томъ они скорбятъ. А подъ днемъ, мнѣ кажется, Онъ разумѣетъ здѣсь день креста, который (Авраамъ) прообразовалъ принесеніемъ овна и Исаака. Чтожъ они? *Четыредесятъ лѣтъ* (*) *не у имаши, и Авраама ли еси видѣлъ* (ст. 57)? Христосъ говоритъ имъ: *прежде даже Авраамъ не бысть, азъ есмь.* А они *взяша каменіе, да вергутъ нань* (ст. 58). Видишь ли, какъ Онъ доказалъ, что Онъ больше Авраама? Ибо кто радъ былъ видѣть день Его и почиталъ это для себя вожделѣннымъ, тотъ, очевидно, признавалъ это для себя благодѣяніемъ и былъ меньше Его. А такъ какъ они говорили, что Онъ сынъ тектона, и ничего большаго о Немъ не представляли; то Онъ мало по малу возводитъ ихъ къ высокому о Себѣ понятію. Итакъ, когда они услышали, что не знаютъ Бога, тогда не огорчились; а когда услышали: *прежде даже Авраамъ не бысть, азъ есмь,* тогда— какъ будто унижалось ихъ благородство — они вознегодовали и стали бросать (на Него) камни. *Видѣ день мой, и возрадовася.* Этимъ показываетъ, что не по неволѣ идетъ на страданіе, потому что хвалитъ того, кто радовался о крестѣ, такъ какъ крестъ былъ спасеніемъ вселенной.

(*) Въ славян. переводѣ Библіи: «пятидесятъ».

А они бросали камни: такъ-то они склонны были къ убійству и дѣлали это самовольно, безъ всякаго изслѣдованія. Но почему Онъ не сказалъ *прежде даже Авраамъ не быть*, Я былъ, но—*азъ есмь*? Какъ Отецъ Его употребилъ о Себѣ это слово: *есмь*, такъ—и Онъ. Оно означаетъ присносущность бытія, независимо ни отъ какого времени. Поэтому слова Его и показались имъ богохульными. И если они не потерпѣли сравненія съ Авраамомъ, хотя это и не такъ важно; то могли ли перестать бросать въ Него (камни), когда Онъ сталъ часто сравнивать Себя съ Богомъ? Поэтому Онъ, дѣйствуя по человѣчески, снова убѣгаетъ и скрывается. Предложивъ имъ достаточное наставленіе и исполнивъ свой долгъ, Онъ вышелъ изъ церкви и пошелъ исцѣлять слѣпаго, чтобы самыми дѣлами показать, что Онъ прежде Авраама. Но, можетъ быть, кто нибудь спроситъ: почему Онъ не уничтожилъ ихъ силу? Въ этомъ случаѣ они, можетъ быть, увѣровали бы. Онъ исцѣлилъ разслабленнаго, — и они не увѣровали. Онъ совершилъ множество и другихъ чудесъ, и во время самаго страданія повергъ ихъ ницъ на землю, и омрачилъ очи ихъ, — и они не увѣровали. Возможно ли же, чтобы они увѣровали, если бы Онъ уничтожилъ ихъ силу? Такъ, нѣтъ ничего хуже души ожесточенной; хотя бы она видѣла знаменія, хотя бы чудеса, — она все остается въ томъ же безстыдствѣ. Вотъ и Фараонъ, не смотря на множество казней, вразумлялся только тогда, когда терпѣлъ наказаніе, и до послѣдняго дня остался все такимъ же гони-

телемъ тѣхъ, которыхъ отпустилъ. Поэтому-то Павелъ неоднократно говоритъ: *да не ожесточится нѣкто отъ васъ лестію грѣховною* (Евр. 3, 13). Какъ силы тѣлесныя со временемъ мертвѣютъ и теряютъ всякую чувствительность; такъ и душа, одержимая многими страстями, становится мертвою для добродѣтели. Тогда, что бы ты не представлялъ ей, она ничего не чувствуетъ; хотя бы угрожалъ наказаніемъ или чѣмъ другимъ, она останется безчувственною.

3. Посему-то умоляю васъ, пока еще имѣемъ надежду спасенія, пока можемъ обратиться, будемъ всячески о томъ заботиться. Ибо какъ отчаявшіеся кормчіе, предавъ судно на волю вѣтра, сами нисколько не помогаютъ ему: такъ точно поступаютъ, наконецъ, и тѣ, которые потеряли всякую надежду (спасенія). Завистливый только то имѣетъ въ виду, какъ бы удовлетворить своему желанію; и хотя бы пришлось ему подвергнуться наказанію, или смерти,— онъ остается преданнымъ одной своей страсти. Человѣкъ распутный и любостяжательный поступаютъ такъ же. Если же такъ велика сила страстей; то гораздо болѣе (должна быть) сила добродѣтели. Если мы презираемъ смерть для первыхъ; то тѣмъ болѣе (должны презирать) для послѣдней. Если тѣ (одержимые страстями) пренебрегаютъ своею душею; то тѣмъ болѣе мы должны пренебрегать всѣмъ для своего спасенія. Въ самомъ дѣлѣ, какое будетъ для насъ оправданіе, когда погибающіе такъ много заботятся о своей погибели, а мы не выкажемъ и такого (какъ у нихъ)

старанія о своемъ спасеніи, но всегда будемъ истаевать отъ зависти? А вѣдь, нѣтъ ничего хуже зависти. Чтобы погубить другаго, (завистливый) губитъ и себя самого. Глазъ завистливаго снѣдается печалію. Завистливый живетъ въ непрерывной смерти, всѣхъ считаетъ своими врагами, даже и тѣхъ, которые ничѣмъ его не обидѣли. Онъ скорбитъ о томъ, что воздается честь Богу; радуется тому, чему радуется діаволъ. Пріобрѣлъ ли кто почтеніе у людей? Это не честь; не завидуй. Почтенъ ли кто у Бога? Поревнуй ему и будь подобенъ. Но ты не хочешь? Зачѣмъ же еще и губишь себя? Зачѣмъ бросаешь и то, что имѣешь? Ты не можешь сравняться съ нимъ и сдѣлать что-нибудь доброе? Для чего же еще предпринимаешь и худое? Если ты не можешь раздѣлять съ нимъ труды его, ты долженъ, по крайней мѣрѣ, радоваться вмѣстѣ съ нимъ, чтобы получить пользу отъ этого сорадованія. Вѣдь часто достаточно бываетъ и одного произволенія, чтобы получить великое добро. Вотъ, Іезекіиль говоритъ, что Моавитяне за то были наказаны, что радовались (несчастію) Израильтянъ (Іезек. 35, 12); а были и такіе, которые спаслись потому, что воздыхали о бѣдствіяхъ другихъ. Если же есть нѣкоторое утѣшеніе для тѣхъ, которые воздыхаютъ о чужихъ бѣдствіяхъ; то гораздо болѣе (утѣшенія) для тѣхъ, которые радуются почестямъ другихъ. Богъ обвинилъ Моавитянъ за то, что они радовались (несчастіямъ) Израильтянъ. И хотя самъ же Онъ наказывалъ ихъ, однакожъ Онъ не хочетъ, чтобы мы радовались на-

казанію другихъ даже и тогда, когда Онъ самъ наказываетъ; потому что и Самъ не охотно наказываетъ. Если же должно соболѣзновать о наказываемыхъ, то тѣмъ болѣе не должно завидовать тѣмъ, кому воздается честь. Чрезъ это именно погибли Корей и Даѳанъ; кому они завидовали, тѣхъ сдѣлали болѣе славными, а на себя навлекли наказаніе. Зависть есть звѣрь ядовитый, звѣрь нечистый, зло произвольное, не заслуживающее прощенія, порокъ, которому нѣтъ оправданія, причина и матерь всѣхъ золъ. Итакъ уничтожимъ ее съ корнемъ, чтобы избавиться и отъ настоящихъ бѣдъ и сподобиться будущихъ благъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ котораго и съ которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 56.

И мимоидый (Іисусъ) *видѣ человѣка слѣпа отъ рождества. И вопросиша его ученицы его, глаголюще: равви, кто согрѣши, сей ли, или родителя его, яко слѣпъ родися* (Іоан. 9, 1—2).

И мимоидый видѣ человѣка слѣпа отъ рождества. Будучи весьма человѣколю-

бивъ и заботясь о нашемъ спасеніи, а притомъ желая заградить уста нечестивымъ, Господь не опускаетъ ничего, что только Ему (совершать) подобало, хотя бы никто Ему не внималъ. Это зналъ и Пророкъ, и потому говорилъ: *яко да оправдишися во словесѣхъ твоихъ, и побѣдиши, внегда судити ти* (Пс. 50, 6). Поэтому-то и теперь, когда (Іудеи) не приняли Его высокаго ученія, и даже назвали Его бѣснующимся и покушались убить,—Онъ, выйдя изъ храма, исцѣляетъ слѣпаго. Такимъ образомъ, своимъ отсутствіемъ Онъ укрощаетъ ихъ ярость, а совершеніемъ чуда смягчаетъ ихъ жестокосердіе и упорство, и удостовѣряетъ въ словахъ своихъ. И совершаетъ Онъ чудо не обыкновенное, но такое, которое теперь только въ первый разъ послѣдовало: ибо *отъ вѣка нѣсть слышано, яко кто отверзе очи слѣпу рождену*. Слѣпому, быть можетъ, кто-нибудь и отверзалъ очи, но слѣпорожденному—еще никто. А что Спаситель, выйдя изъ храма, пошелъ нарочно для этого дѣла,—видно изъ того, что самъ Онъ увидѣлъ слѣпаго, а не слѣпый подошелъ къ Нему,—и такъ пристально посмотрѣлъ на него, что обратилъ вниманіе и учениковъ. Вотъ это и подало имъ поводъ къ вопросу; ибо видя, какъ Онъ пристально смотритъ (на слѣпаго), они спросили Его, говоря: *кто согрѣши, сей ли, или родителя его*? Странный вопросъ! Какъ онъ могъ согрѣшить до рожденія? Или какъ могъ быть наказанъ за грѣхи родителей? Какимъ же образомъ они пришли къ такому вопросу? Преж-

де сего, исцѣливъ разслабленнаго, (Христосъ) сказалъ: *се здравъ еси, ктому не согрѣшай* (Іоан. 5, 14). Итакъ, вспомнивъ, что тотъ разслабленъ былъ за грѣхи, они говорятъ: «пусть тотъ разслабленъ былъ за грѣхи: но что Ты скажешь объ этомъ? Онъ ли согрѣшилъ? Но этого нельзя сказать: потому что онъ слѣпъ отъ рожденія. Или родители его? Не нельзя и этого (сказать): потому что сынъ не наказывается за отца». Такимъ образомъ, какъ мы, когда видимъ страдающее дитя, и говоримъ: «что сказать объ немъ, что сдѣлало это дитя»,—этимъ не спрашиваемъ, а выражаемъ недоумѣніе: такъ точно и ученики, когда говорили это,—не столько спрашивали, сколько недоумѣвали. Что же Христосъ? *Ни сей согрѣши, ни родителя его.* Этимъ впрочемъ Онъ не освобождаетъ ихъ отъ грѣховъ; ибо не просто сказалъ: *ни сей согрѣши, ни родителя его*, но присовокупилъ: *яко слѣпъ родися.* Но да прославится Сынъ Божій. «Согрѣшилъ и онъ, (согрѣшили) и родители его: но не въ этомъ причина слѣпоты». Не означаетъ также (Христосъ) этими словами и того, что не этотъ, а другіе подвергались слѣпотѣ по этой причинѣ, то есть за грѣхи родителей: потому что за грѣхи одного нельзя наказывать другаго. Если же допустимъ это, то должны будемъ допустить и то, что (слѣпорожденный) согрѣшилъ до рожденія. Значитъ, какъ словами: *ни сей согрѣши,* не то утверждаетъ, что можно отъ рожденія согрѣшить и быть за то наказаннымъ; такъ равно, сказавши: *ни родителя его*, выра-

жаетъ не ту мысль, что можно быть наказаннымъ за родителей. Такое мнѣніе (Господь) опровергаетъ чрезъ Iезекiиля: *живу азъ, глаголетъ Господь, аще будетъ еще глаголема притча сія: отцы ядоша терпкое, а зубомъ чадъ ихъ оскомины быша* (Iез. 18, 3). Да и Моvсей говоритъ: *да не умрутъ отцы за сыны* (Втор. 24, 16). И объ одномъ царѣ повѣствуется, что онъ потому не сдѣлалъ этого (не убилъ дѣтей убiйцъ), что соблюдалъ законъ Моvсеевъ (4 Цар. 14, 6). Если же кто скажетъ: какъ же написано: *отдаяй грѣхи отецъ на чада до третiяго и четвертаго рода* (Исх. 20, 5),—то мы отвѣтимъ на это, что это не всеобщее опредѣленіе, а сказано примѣнительно къ изшедшимъ изъ Египта. Слова эти значатъ вотъ что: «такъ какъ изшедшіе изъ Египта, не смотря на знаменія и чудеса, сдѣлались хуже своихъ предковъ, которые ничего этого не видѣли: то ихъ постигнетъ тоже самое, что постигло ихъ предковъ, потому что они дерзнули на такія же преступленія». А что это именно о нихъ сказано, въ томъ вполнѣ увѣрится всякій, кто вникнетъ въ это мѣсто.—Итакъ почему (слѣпорожденный) родился слѣпымъ? Да явится, говоритъ (Христосъ), слава Божія. Вотъ опять новое недоумѣніе: какъ будто, безъ его наказанія, нельзя было явиться славѣ Божіей! Но совсѣмъ не то и сказано, чтобы нельзя было; конечно, было можно: но да явится (слава Божія) и на немъ. «Итакъ, скажешь, онъ обиженъ былъ ради славы Божіей»? Чѣмъ же обиженъ, скажи мнѣ? Что, если бы

Господу было угодно, чтобы онъ и совсѣмъ не родился? Я, съ своей стороны, утверждаю, что онъ получилъ даже благодѣяніе отъ своей слѣпоты, потому что прозрѣлъ внутренними очами. Что пользы въ зрѣніи Іудеямъ? Они подверглись только большему наказанію отъ того, что остались слѣпыми при своемъ зрѣніи. А ему какой вредъ отъ слѣпоты? Чрезъ нее онъ прозрѣлъ. Такимъ-то образомъ, какъ зло настоящей жизни не есть зло, такъ и добро не есть добро. Только грѣхъ есть зло, а слѣпота не зло. И Кто привелъ (слѣпца) изъ небытія въ бытіе, Тотъ имѣлъ власть и оставить его въ такомъ положеніи. А нѣкоторые говорятъ, что эта частица (ἵνα—чтобы, да) и указываетъ здѣсь не на причину, а на самое событіе: — точно также, какъ и въ другомъ мѣстѣ, гдѣ говорится: *на судъ азъ въ міръ сей пріидохъ, да невидящіи видятъ, и видящіи слѣпи будутъ* (Іоан. 9, 39). Ибо не для того, конечно, пришелъ Христосъ, чтобы видящіе слѣпы были. Равнымъ образомъ Павелъ говоритъ: *разумное Божіе явѣ есть въ нихъ, во еже быти имъ безотвѣтнымъ* (Рим. 1, 1), — хотя Господь не для того явилъ имъ это, чтобы они лишены были оправданія, а для того, чтобы получили оправданіе. И опять въ другомъ мѣстѣ: *законъ же привниде, да умножится прегрѣшеніе* (Рим. 5, 20), хотя законъ пришелъ не для этого, а для обузданія грѣха.

2. Видишь ли, что эта частица вездѣ указываетъ на событіе? Какъ отличный домостроитель, построивши одну часть дома, другую оставляетъ

недоконченною для того, чтобы остальными постройками защитить себя предъ невѣрующими въ устройствѣ всего дома: такъ и Богъ укрѣпляетъ и исправляетъ тѣло наше, какбы нѣкоторую обветшавшую храмину, — исцѣляетъ изсохшую руку, укрѣпляетъ разслабленные члены, выпрямляетъ хромыхъ, очищаетъ прокаженныхъ, воздвигаетъ больныхъ, возстановляетъ разслабленныхъ голенями, воскрешаетъ мертвыхъ, отверзаетъ смѣжившіяся очи, даетъ зрѣніе тѣмъ, которые никогда его не имѣли. Исправляя, такимъ образомъ, всѣ эти недостатки нашей немощной природы, Онъ являетъ свое могущество. Когда же (Христосъ) говоритъ: да явится слава Божія, говоритъ о Себѣ, — не объ Отцѣ: ибо слава Отца была явна. Такъ какъ знали, что Богъ создалъ человѣка, взявъ персть отъ земли; то и Христосъ поступилъ такимъ же образомъ. Если бы сказалъ Онъ: Я—Тотъ, Кто взялъ персть отъ земли и создалъ человѣка; то это показалось бы невыносимымъ для слушателей; а когда Онъ показалъ это на дѣлѣ,—они уже не могли оскорбляться. Вотъ почему, взявъ персть и растворивъ ее плюновеніемъ, Онъ такимъ образомъ обнаружилъ сокровенную свою славу. Ибо не малая слава въ томъ, чтобы Его признали за Содѣтеля твари. А изъ того (что Онъ создалъ зрѣніе) дѣйствительно слѣдовало заключать и о прочемъ: часть служила ручательствомъ за цѣлое; несомнѣнность большаго удостовѣряла и въ меньшемъ. Ибо человѣкъ превосходнѣе всей твари, а глазъ превосходнѣе всѣхъ нашихъ членовъ. Вотъ почему Христосъ

создалъ (здѣсь) зрѣніе не просто, а вышесказаннымъ образомъ. Глазъ хотя по величинѣ и малый членъ, но необходимѣе всего тѣла. На это указываетъ и Павелъ, когда говоритъ: *аще речетъ ухо, яко нѣсмь око, нѣсмь отъ тѣла: еда сего ради нѣсть отъ тѣла* (1 Кор. 12, 16)? Хотя все въ насъ служитъ доказательствомъ премудрости Божіей, но глазъ — по преимуществу. Онъ управляетъ всѣмъ тѣломъ; онъ всему тѣлу придаетъ красоту; онъ украшаетъ лицо, онъ служитъ свѣтильникомъ для всѣхъ членовъ. Что солнце во вселенной, то глазъ въ тѣлѣ. Погаси свѣтъ въ солнцѣ, — и все погибнетъ и придетъ въ смятеніе; погаси свѣтъ въ глазахъ,—безполезны будутъ и ноги, и руки, и душа. Ибо безъ глазъ становится невозможнымъ познаніе. Посредствомъ ихъ мы познали Бога: *невидимая бо его отъ созданія міра, твореньми помышляема, видима суть* (Рим. 1. 20). Такимъ образомъ, глазъ служитъ свѣтильникомъ не только для тѣла, но еще больше, чѣмъ для тѣла, — для души. Потому-то онъ и помѣщенъ какбы на нѣкоторомъ царскомъ мѣстѣ — въ верху, и предсѣдитъ всѣмъ другимъ чувствамъ. Вотъ его-то и устрояетъ Христосъ. Потомъ, чтобы ты не подумалъ, что Онъ имѣетъ нужду въ веществѣ, когда творитъ, и дабы зналъ, что и въ началѣ Онъ не имѣлъ нужды въ бреніи (ибо Кто произвелъ изъ ничего высшія существа, Тотъ тѣмъ болѣе могъ сотворить глазъ безъ вещества),—дабы, говорю, ты зналъ, что Онъ дѣлаетъ это (беретъ бреніе) не по нуждѣ, а для того, чтобы показать,

что Онъ же былъ Творцемъ и въ началѣ,—помазавши бреніемъ, говоритъ: *иди*, *умыйся*. «Познай, что Я не имѣю нужды въ бреніи, чтобы сотворить глаза, но (сдѣлалъ это) да явится на немъ (слѣпомъ) слава моя». А что Онъ о Себѣ самомъ сказалъ эти слова: да явится слава Божія, видно изъ того, что за тѣмъ прибавилъ: *мнѣ подобаетъ дѣлати дѣла пославшаго мя*. То есть: «Мнѣ должно явить Себя и совершить дѣла, которыя могли бы показать, что Я дѣлаю тоже, что и Отецъ, — не (что-нибудь) подобное, но тоже самое». А это служитъ знакомъ большаго равенства и говорится только о тѣхъ, изъ которыхъ одинъ нисколько не отличенъ отъ другаго. Кто же будетъ еще противорѣчить, видя, что Онъ можетъ (творить) тоже, что и Отецъ? Онъ не только образовалъ глаза, не только отверзъ ихъ, но и даровалъ зрѣніе; а это служитъ доказательствомъ, что Онъ вдохнулъ и душу: потому что безъ дѣйствія души и самый совершенный глазъ никогда не можетъ ничего видѣть. Итакъ, Онъ даровалъ и силу души, Онъ далъ и членъ со всѣми принадлежностями—съ артеріями, нервами и жилами, съ кровію и со всѣмъ прочимъ, изъ чего слагается наше тѣло.—*Мнѣ подобаетъ дѣлати, дондеже день есть* (Іоан. 9, 4). Что значатъ эти слова? И какую они имѣютъ связь (съ предыдущими)? Очень тѣсную. Вотъ значеніе этихъ словъ: «*дондеже день есть*, доколѣ можно людямъ вѣровать въ Меня, доколѣ продолжается эта жизнь,—*Мнѣ подобаетъ дѣлати. Пріидетъ нощь*, то есть будущее время,

егда никтоже можетъ дѣлати». Не сказалъ: когда Я не могу дѣлать, но: *когда никтоже можетъ дѣлати*, то есть, когда не будетъ уже ни вѣры, ни трудовъ, ни покаянія. А что дѣломъ Онъ называетъ вѣру, видно изъ того, что когда Ему говорили: *что сотворимъ, да дѣлаемъ дѣла Божія*,—Онъ отвѣчаетъ: *се есть дѣло Божіе, да вѣруете въ того, егоже посла онъ* (Іоан. 6, 28—29). Но почему же этого дѣла не можетъ никто дѣлать въ то время? Потому, что не будетъ уже и вѣры, но, волею или неволею, всѣ будутъ повиноваться. Итакъ,—чтобы кто-нибудь не сказалъ, что Онъ дѣлаетъ это (исцѣляетъ слѣпца) по тщеславію,—Онъ показываетъ, что дѣлаетъ все для пользы людей: такъ какъ они только здѣсь имѣютъ возможность вѣровать, а тамъ уже не могутъ сдѣлать для себя ничего полезнаго. Поэтому-то Онъ исцѣлилъ слѣпаго, не смотря на то, что тотъ даже не подходилъ къ Нему. Впрочемъ, что слѣпый достоинъ былъ исцѣленія и, если бы имѣлъ зрѣніе, то увѣровалъ бы и приступилъ бы ко Христу,—даже если бы услышалъ отъ кого о Его присутствіи, и тогда не преминулъ бы сдѣлать этого,—видно изъ послѣдующаго, изъ его мужества и вѣры. Ему естественно было подумать и сказать: «что это такое? Сотворилъ бреніе, помазалъ мнѣ глаза и сказалъ: *иди, умыйся*. Развѣ не могъ исцѣлить, и потомъ уже послать въ Силоамъ? Я часто умывался тамъ вмѣстѣ со многими другими, и не получилъ никакой пользы. Если бы имѣлъ Онъ какую-либо силу, то исцѣлилъ бы теперь

же». Такъ говорилъ и Нееманъ объ Елисеѣ. Получивъ приказаніе итти омыться въ Іорданѣ, онъ не повѣрилъ,—не повѣрилъ не смотря на великую славу Елисея. Но слѣпый былъ чуждъ невѣрія, не возражалъ и не разсуждалъ самъ съ собою: «что это такое? Бреніе ли нужно было возложить? Оно скорѣе можетъ ослѣпить. Кто когда прозрѣвалъ такимъ образомъ»? Нѣтъ, Онъ не подумалъ ничего такого. Видишь ли его твердую вѣру и доблесть душевную? *Пріидетъ нощь*. Этимъ показываетъ, что и послѣ креста будетъ имѣть попеченіе о нечестивыхъ и многихъ привлечетъ: ибо еще *день есть*; — но за тѣмъ уже окончательно отвергнетъ ихъ. На это и указываетъ словами: *егда въ мірѣ есмь, свѣтъ есмь міру*. Тоже самое говорилъ Онъ и другимъ: *вѣруйте, дондеже свѣтъ имате* (Іоан. 12, 36).

3. Какъ же Павелъ ночью назвалъ настоящую жизнь, а ту (будущую) — днемъ? Этимъ онъ не противорѣчитъ Христу, но говоритъ тоже самое, только не по словамъ, а по мыслямъ. *Нощь*, говоритъ онъ, *прейде, а день приближися* (Рим. 13, 12). Ночью называетъ настоящее время по причинѣ сѣдящихъ во тьмѣ, или по сравненію съ тѣмъ (будущимъ) днемъ. Христосъ ночью называетъ будущее (время), потому что тогда уже не будутъ дѣлать грѣховъ; а Павелъ ночью называетъ настоящую жизнь, потому что живущіе во злѣ и невѣріи находятся во тьмѣ. Такимъ образомъ, бесѣдуя съ вѣрными, (Павелъ) сказалъ: *нощь прейде, а день приближися*, такъ какъ (вѣрные) имѣютъ насладиться тѣмъ свѣтомъ;

ночью же называютъ ветхую жизнь, ибо говоритъ: *отложимъ дѣла темная*. Видишь ли, что въ нихъ-то, по его словамъ, и заключается ночь? Почему и прибавляетъ: *яко во дни, благообразно да ходимъ*, чтобы мы могли насладиться тѣмъ свѣтомъ. Если же такъ прекрасенъ этотъ свѣтъ, то подумай, каковъ будетъ тотъ. Сколько солнечный свѣтъ лучше свѣтильничнаго, столько же, или еще гораздо болѣе, будущій лучше нынѣшняго. Вотъ на это и указывалъ Христосъ, когда говорилъ: *солнце померкнетъ*, то есть, отъ обилія того свѣта не будетъ видно и солнце. И если теперь, для того, чтобы имѣть свѣтлыя и съ здоровымъ воздухомъ домы, мы тратимъ множество денегъ, подвергаясь тяжкимъ трудамъ при постройкахъ: то, подумай, не должны ли мы пожертвовать и самыми тѣлами, чтобы создать себѣ свѣтлыя обители тамъ, гдѣ тотъ неизреченный свѣтъ? Здѣсь споры и раздоры по поводу границъ и стѣнъ: тамъ нѣтъ ничего подобнаго; нѣтъ ни зависти, ни клеветы; никто не станетъ спорить съ нами изъ-за границъ. Притомъ этотъ домъ непремѣнно нужно будетъ покинуть, а тотъ останется при насъ навсегда. Этотъ со временемъ неизбѣжно подвергается гніенію и многочисленнымъ поврежденіямъ: тотъ не старѣется никогда. Этого бѣдный не можетъ построить: тотъ можно построить и на двѣ лепты, какъ (это сдѣлала) вдовица. Поэтому крайне прискорбно мнѣ, что при столькихъ, предлежащихъ намъ, благахъ мы безпечны и нерадивы. Чтобы имѣть блистательные домы здѣсь, о томъ мы всячески стараемся;

а чтобы на небесахъ устроить себѣ хотя малое пристанище, о томъ не заботимся, не помышляемъ. Скажи мнѣ: здѣсь гдѣ желалъ бы ты имѣть себѣ домъ? Въ пустынѣ, или въ одномъ изъ небольшихъ городовъ? Не думаю; а безъ сомнѣнія— въ столицахъ и въ большихъ городахъ, гдѣ больше торговли и больше блеска. Но я веду тебя въ такой городъ, котораго строитель и художникъ — Богъ. Тамъ, умоляю, устрояй и созидай себѣ домъ,—съ меньшими издержками и съ меньшимъ трудомъ. Этотъ домъ созидается руками нищихъ, и онъ есть наилучшее зданіе; а тѣ (домы), которые строятся теперь, — дѣло крайняго безумія. Если бы кто повелъ тебя въ Персію съ тѣмъ, чтобы посмотрѣть на эту страну и потомъ возвратиться, а между тѣмъ сталъ бы совѣтовать строить тамъ домы: не назвалъ ли бы ты его крайне безумнымъ за то, что онъ совѣтуетъ тебѣ тратиться по пустому? Какъ же ты дѣлаешь тоже самое на землѣ, которую скоро потомъ покинешь? «Да я, говоришь ты, оставлю все дѣтямъ». Но вѣдь и они оставятъ скоро послѣ тебя, а нерѣдко и прежде тебя; точно такъ же — и ихъ потомки. Такимъ образомъ и это бываетъ для тебя поводомъ къ скорби, когда ты не видишь послѣ себя наслѣдниковъ. Но тамъ нѣтъ нужды опасаться ничего подобнаго; тамъ пріобрѣтеніе остается постояннымъ и для тебя, и для дѣтей, и для внуковъ, если они будутъ подражать той же добродѣтели. Тѣмъ зданіемъ завѣдываетъ самъ Христосъ; строющему его нѣтъ нужды ни поставлять надсмотр-

щиковъ, ни заботиться, ни безпокоиться. Ибо когда дѣло принимаетъ на Себя Богъ, къ чему тогда заботы? Онъ самъ все собираетъ и воздвигаетъ жилище. И не это только удивительно, но и то, что Онъ создаетъ его такъ, какъ нравится тебѣ, или даже лучше, чѣмъ какъ тебѣ нравится и какъ ты желаешь: ибо Онъ наилучшій художникъ и весьма заботится о твоихъ выгодахъ. Хотя бы ты былъ нищимъ и пожелалъ создать такой домъ, это не породитъ противъ тебя зависти, не возбудитъ клеветы: ибо не видитъ его никто изъ тѣхъ, кому знакома зависть, а видятъ ангелы, умѣющіе только радоваться твоему благополучію. Никто не станетъ захватывать границъ твоего дома: потому что тамъ нѣтъ ни одного сосѣда, страждущаго такою болѣзнію. Твоими сосѣдями тамъ будутъ святые, Петръ и Павелъ, всѣ пророки, мученики, сонмъ ангеловъ и архангеловъ. Ради всего этого раздадимъ наше имѣніе нищимъ, чтобы наслѣдовать тѣ обители, которыхъ да сподобимся всѣ мы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ котораго и съ которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 57.

Сія рекъ, плюну на землю, и сотвори бреніе отъ плюновенія, и помаза очи бреніемъ слѣпому. И рече ему: иди, умыйся въ купѣли Силоамстѣ (Іоан. 9, 6—7).

Желающіе получить какой-либо плодъ отъ того, что прочитывается, не должны оставлять безъ вниманія ни одного слова. Потому-то и заповѣдано намъ изслѣдовать Писанія, что многое, что съ перваго взгляда представляется простымъ, заключаетъ въ себѣ глубокій сокровенный смыслъ. Вотъ таково и настоящее мѣсто. *Сія рекъ*, сказано, *плюну на землю*. Что же такое: *сія*? «Да явится слава Божія», и: *мнѣ подобаетъ дѣлати дѣла пославшаго мя*. Не безъ намѣренія Евангелистъ напомнилъ намъ эти слова, и за тѣмъ прибавилъ: *плюну*, но съ тѣмъ, чтобы показать, что слова Онъ подтвердилъ дѣлами. Но за чѣмъ (Христосъ) для бренія употребилъ не воду, но плюновеніе? Онъ хотѣлъ послать слѣпаго въ Силоамъ; потому, чтобы ты ничего не приписывалъ источнику, но позналъ, что именно изшедшая изъ устъ Его сила и образовала и отверзла очи,—Онъ плюнулъ на землю. На это самое ука-

зываетъ и Евангелистъ словами: *и сотвори бреніе отъ плюновенія.* За тѣмъ, чтобъ не подумали, что исцѣленіе произошло отъ земли, (Христосъ) повелѣлъ (слѣпому) умыться. Но для чего не (велѣлъ) сдѣлать этого тутъ же, но послалъ въ Силоамъ? Для того, чтобы ты видѣлъ вѣру слѣпаго и чтобы сдѣлать безотвѣтнымъ невѣріе Іудеевъ. Естественно, что всѣ видѣли его, когда онъ шелъ съ глазами, помазанными бреніемъ. Такою необычайностію онъ не могъ не привлечь на себя взоры всѣхъ, знакомыхъ и незнакомыхъ, и, конечно, всѣ смотрѣли на него со вниманіемъ. Такъ какъ не легко признать, что слѣпый прозрѣлъ: то (Христосъ) напередъ приготовляетъ дальностію пути многихъ свидѣтелей, а необычайностію зрѣлища — внимательныхъ зрителей, чтобы они, хорошо замѣтивъ (слѣпаго), не могли уже говорить: «это — онъ, это — не онъ». Кромѣ того, посылая въ Силоамъ, хочетъ и то показать, что Онъ не чуждъ закона и ветхаго Завѣта. А, наконецъ, нельзя было опасаться и того, что слава (исцѣленія) будетъ отнесена къ Силоаму. Многіе и много разъ умывали въ немъ глаза, но не испытали ничего подобнаго. Нѣтъ, и тутъ дѣйствовала сила Христова, все содѣвающая. Потому-то Евангелистъ присовокупляетъ намъ и толкованіе. Сказавши: *въ Силоамъ*, прибавилъ: *еже сказается*, *посланъ*, — чтобы ты зналъ, что и тутъ исцѣлилъ его Христосъ, какъ говоритъ Павелъ: *піяху бо отъ духовнаго послѣдующаго камене*, *камень же бѣ Христосъ* (1 Кор. 10, 4). Значитъ, какъ духовнымъ камнемъ

былъ Христосъ, такъ — и духовнымъ Силоамомъ. А мнѣ кажется, что и внезапное появленіе воды указываетъ намъ на непостижимое таинство. На какое же именно? На нечаянное и неожиданное явленіе (Христово). Но обрати вниманіе на душу слѣпца, во всемъ послушную. Не говорилъ онъ: «если бреніе, или плюновеніе можетъ даровать зрѣніе, то какая мнѣ нужда въ Силоамѣ? А если нуженъ Силоамъ, то за чѣмъ бреніе? За чѣмъ помазалъ мнѣ глаза? За чѣмъ приказалъ умыться»? Нѣтъ, не думалъ онъ ничего подобнаго, но заботился только о томъ, чтобы во всемъ повиноваться Повелѣвающему, и не соблазнялся ничѣмъ происходившимъ. Если же кто спроситъ: какъ онъ прозрѣлъ, отложивши бреніе, — то не услышитъ отъ насъ ничего другаго, кромѣ того, что мы не знаемъ, какъ это произошло. И что удивительнаго, если мы не знаемъ? Не зналъ того ни Евангелистъ, ни самъ исцѣленный. Онъ зналъ только, что произошло, а какъ—того не могъ понять. И когда спрашивали его объ этомъ, онъ говорилъ: *бреніе возложи мнѣ на очи, и умыхся, и вижу*; а какъ это сдѣлалось, онъ не можетъ сказать, хотя бы тысячекратно спрашивали его. *Сосѣди же, и иже бяху видѣли его прежде, яко слѣпъ бѣ, глаголаху: не сей ли есть сѣдяй и просяй. Овіи глаголаху, яко сей есть.* Необычайность событія приводила ихъ даже къ невѣрію, не смотря на то, что сдѣлано было такъ много, чтобы устранить всякое недовѣріе. Нѣкоторые говорили: *не сей ли есть сѣдяй и просяй?* О, какъ велико чело-

вѣколюбіе Божіе! До чего не снисшелъ Христосъ, когда съ великою благостію исцѣляетъ нищихъ, и тѣмъ заграждаетъ уста Іудеямъ! Не славныхъ только, и знаменитыхъ, и облеченныхъ властію, но и простыхъ удостоиваетъ одинаковаго попеченія: ибо пришелъ для спасенія всѣхъ. Но что было съ разслабленнымъ, тоже случилось и съ слѣпымъ. Ни тотъ не зналъ, кто таковъ исцѣлившій его, ни этотъ. Это произошло отъ того, что Христосъ удалился, а Онъ всегда удалялся послѣ исцѣленій, чтобы устранить отъ чудесъ всякое подозрѣніе. Ибо незнавшіе, кто Онъ таковъ, какимъ образомъ могли благопріятствовать Ему и помогать въ устроеніи этихъ дѣлъ? Что же касается этого слѣпаго, то онъ не былъ и изъ числа тѣхъ, которые ходятъ повсюду, но сидѣлъ при вратахъ храма. Но между тѣмъ, какъ всѣ недоумѣваютъ объ немъ, что говоритъ онъ самъ? *Азъ есмь*. Не устыдился прежней слѣпоты, не убоялся ярости народа, не отказался объявить себя, чтобы возвѣстить о Благодѣтелѣ. *Глаголаху ему: како ти отверзостеся очи*? Онъ отвѣчаетъ: *человѣкъ, глаголемый Іисусъ* (9, 10. 11)... Что ты говоришь? Человѣку ли творить такія дѣла? Но онъ еще не зналъ объ Немъ ничего великаго. *Человѣкъ, глаголемый Іисусъ, бреніе сотвори и помаза*.

2. Смотри, какъ онъ правдивъ. Не сказалъ, изъ чего (Христосъ) сдѣлалъ бреніе: чего не знаетъ, о томъ и не говоритъ. Ибо не видѣлъ, что (Христосъ) плюнулъ на землю; а что помазалъ, это узналъ онъ по ощущенію и осязанію.

И рече ми: иди въ купѣль Силоамлю, и умыйся. Объ этомъ ему сказало чувство слуха. Но откуда зналъ онъ Его голосъ? Изъ Его разговора съ учениками. Такимъ образомъ, онъ все это разсказываетъ, опираясь на свидѣтельство самаго дѣла, и однакожъ не можетъ сказать о способѣ исцѣленія. Если же по отношенію къ чувственному и осязаемому нужна вѣра, то тѣмъ болѣе по отношенію къ невидимому. *Рѣша убо ему: гдѣ той есть? Глагола: не вѣмъ* (9, 12). Спрашивали: *гдѣ той есть,* уже замышляя противъ Него убійство. Но замѣть, какъ далекъ Христосъ отъ желанія суетной славы! Онъ не оставался вмѣстѣ съ исцѣленными, потому что не хотѣлъ ни пріобрѣтать славы, ни увлекать народъ, ни выказывать Себя. Замѣть и то, какъ все согласно съ истиною отвѣчаетъ слѣпый. Іудеи хотѣли найти Христа, чтобы отвесть его къ священникамъ; но такъ какъ не нашли Его, то ведутъ слѣпаго къ фарисеямъ для болѣе строгаго допроса. Потому-то и Евангелистъ замѣчаетъ, что (тогда) была суббота, чтобы показать злый ихъ умыселъ и причину, по которой они искали (Спасителя), то есть, они полагали, что нашли возможность оклеветать чудо—мнимымъ нарушеніемъ закона. И это видно изъ того, что они, лишь только увидѣли слѣпаго, ничего другаго не сказали ему, а только: «*како отверзе очи твои*». И замѣть, какъ говорятъ. Не сказали: «какъ ты прозрѣлъ»,—но: *како отверзе очи твои*, представляя ему случай оклеветать Его за такое дѣло. Но онъ отвѣчаетъ имъ кратко, какъ людямъ, ко-

торые уже все слышали. Не упомянувъ ни объ имени, ни о словахъ, сказанныхъ ему: *иди, умыйся*, онъ прямо говоритъ: *бреніе возложи мнѣ на очи, и умыхся, и вижу* (9, 15), — какъ будто они уже сильно оклеветали Его и сказали: «смотри, что дѣлаетъ Іисусъ въ субботу,—помазываетъ бреніемъ». Но ты обрати лучше вниманіе на то, какъ не смущается слѣпый. Когда его спрашивали сосѣди, и онъ отвѣчалъ, не подвергаясь никакой опасности, тогда не такъ много значило сказать истину. Но удивительно то, что и теперь, находясь въ большомъ страхѣ, онъ не отказывается (отъ своихъ словъ), не говоритъ ничего, несогласнаго съ прежними словами. Что же фарисеи, или лучше, что вмѣстѣ съ ними и другіе? Привели его, полагая, что онъ откажется (отъ своихъ словъ), но услышали противное — то, чего не желали, — и точнѣе узнали все дѣло. Такъ было съ ними и при всѣхъ чудесахъ; но это мы яснѣе покажемъ въ послѣдствіи. Чтоже говорили фарисеи? *Глаголаху нѣцыи* (не всѣ, а болѣе дерзкіе): *нѣсть сей отъ Бога человѣкъ, яко субботу не хранитъ. Овіи глаголаху: како можетъ человѣкъ грѣшенъ сицева знаменія творити* (9, ,16)? Видишь, что они привлекаемы были чудесами? Вѣдь они же прежде посылали за тѣмъ, чтобы привесть Его (Христа), а теперь, слушай, что говорятъ,— хотя и не всѣ. Будучи начальниками, они впадали въ невѣріе отъ честолюбія. Впрочемъ, и изъ начальниковъ многіе вѣровали въ Него, только не выражали того открыто. Простый народъ былъ

пренебрегаемъ, такъ какъ онъ и не имѣлъ важнаго значенія въ ихъ сонмищѣ; но начальники, какъ люди болѣе знаменитые, съ большимъ трудомъ рѣшались говорить откровенно. Однихъ удерживало властолюбіе, другихъ робость и боязнь большинства. Потому-то и говорилъ (Христосъ): *како вы можете вѣровати, славу другъ отъ друга пріемлюще* (Іоан. 5, 44)? О себѣ эти люди говорили, что они отъ Бога, не смотря на то, что домогались неправеднаго убійства, а о томъ, Кто исцѣляетъ слѣпыхъ, говорятъ, что Онъ не можетъ быть отъ Бога, потому что не соблюдаетъ субботы. Другіе на это возражали, что грѣшникъ не можетъ творить такихъ знаменій. Такимъ образомъ, первые злонамѣренно умалчивали о чудномъ событіи и выставляли на видъ мнимое нарушеніе закона; ибо не говорили: исцѣляетъ въ субботу, но: *субботу не хранитъ*. Но и послѣдніе, съ своей стороны, отвѣчали слабо. Тогда какъ нужно было показать, что суббота не нарушается, они ссылаются только на знаменія; и это естественно: потому что они еще считали Его человѣкомъ. Въ противномъ случаѣ, они могли сказать въ Его оправданіе и то, что Онъ Господь субботы и Самъ установилъ ее. Но они не имѣли еще объ Немъ такого понятія. Впрочемъ, никто изъ нихъ и не осмѣливался прямо сказать то, что хотѣлъ; говорили не рѣшительно, но съ сомнѣніемъ, одни по недостатку смѣлости, другіе по властолюбію. *И распря бѣ въ нихъ*. Эта распря началась прежде въ народѣ, а потомъ уже перешла и къ начальникамъ. *И*

овіи глаголаху, яко благъ есть; иніи же: ни, но льститъ народы. (Іоан. 7, 12). Видишь, что начальники неразумнѣе народа и раздѣлились между собою уже послѣ (народа)? Но и раздѣлившись, они не выказали никакой твердости, видя настоянія фарисеевъ. А если бы отдѣлились совершенно, то скоро познали бы истину. Вѣдь и раздѣленіе можетъ быть хорошо; почему и Христосъ говорилъ: *не пріидохъ воврещи миръ на землю, но мечь* (Матѳ. 10, 17). Бываетъ и согласіе худо, бываетъ и разногласіе хорошо. Такъ строившіе башню были согласны между собою во вредъ себѣ; и они же опять, хотя и невольно, раздѣлились къ своему благу. И сообщники Корея не на добро согласились между собою; потому хорошо, что были раздѣлены. Іуда также былъ въ согласіи съ Іудеями, но это было худо. Значитъ, и разногласіе можетъ быть хорошо, и согласіе — худо. Потому-то (Христосъ) говоритъ: «*аще око твое соблазняетъ тя, изми е... аще нога твоя, отсѣцы ю* (Матѳ. 18, 8. 9). Если же нужно отсѣкать членъ, который, бывъ соединенъ съ нами, вредитъ намъ: то не гораздо ли болѣе должно удаляться отъ друзей, когда связь съ ними ведетъ не къ добру? Итакъ, не всегда хорошо согласіе, какъ и не всегда худо несогласіе.

3. Я говорю это для того, чтобы мы избѣгали людей злыхъ и искали добрыхъ. Если мы отсѣкаемъ согнившіе и неисцѣльные члены, опасаясь, чтобы все тѣло не подверглось той же заразѣ, и дѣлаемъ это не изъ пренебреженія къ

нимъ, а изъ желанія предохранить прочія части тѣла: то тѣмъ болѣе должно поступать такъ по отношенію къ людямъ, общество которыхъ зловредно для насъ. Если мы можемъ и ихъ исправить, и сами не потерпѣть вреда, то должны употребить на то все стараніе. Если же и они не исправятся, и мы получимъ вредъ, въ такомъ случаѣ необходимо ихъ отвергнуть и бросить. Отъ этого и они сами часто получаютъ гораздо болѣе пользы. Потому-то и Павелъ убѣждалъ такимъ образомъ: *измите злаго отъ васъ самѣхъ*, и: *да измется отъ среды васъ содѣявый дѣло сie* (1 Кор. 5, 13. 2). Пагубно, истинно пагубно обращеніе съ злыми людьми. Не такъ скоро пристаетъ зараза и короста губитъ подвергшихся этой болѣзни, какъ — злые нравы людей порочныхъ. *Тлятъ обычаи благи бесѣды злы* (1 Кор. 15, 33). И Пророкъ также говоритъ: «*изыдите отъ среды ихъ* и удалитесь (Іер. 51, 6)». Пусть же никто не имѣетъ порочнаго друга. Если мы отказываемся и отъ дѣтей порочныхъ, и не уважаемъ ни природы, ни ея законовъ, ни ея связей; то тѣмъ болѣе должны убѣгать порочныхъ друзей и знакомыхъ. Пусть мы и не получимъ отъ нихъ никакого вреда; но все же не въ состояніи будемъ избѣжать худой молвы. Посторонніе не всматриваются въ нашу жизнь, но судятъ насъ по нашему обществу. Заповѣдую это и женамъ, и дѣвамъ. Ибо сказано: *промышляюще добрая* не только предъ Богомъ, но и *предъ человѣки* (Римл. 12, 17). Будемъ же всячески стараться, чтобы не соблазнить

ближняго. Хотя бы жизнь наша была самая праведная, но если она служитъ соблазномъ для другихъ, — теряетъ всю цѣну. Но какъ возможно, чтобы праведная жизнь соблазняла? (Это бываетъ тогда,) когда сообщество съ другими людьми навлекаетъ на нее худую молву. Когда мы, надѣясь на себя, обращаемся съ людьми порочными, то, если сами и не терпимъ вреда, соблазняемъ другихъ. Говорю это и мужамъ, и женамъ, и дѣвамъ, предоставляя ихъ совѣсти узнать въ точности, сколько отсюда раждается золъ. Пусть я не подозрѣваю ничего худаго, а равно (не подозрѣваетъ) и никто другой изъ болѣе совершенныхъ; но простодушнѣйшій братъ терпитъ вредъ отъ твоего совершенства. А надобно обращать вниманіе и на его немощь. Но если и онъ не потерпитъ вреда, то потерпитъ язычникъ. А Павелъ заповѣдалъ быть безпреткновенными *Іудеемъ и Еллиномъ и церкви Божіей* (1 Кор. 10, 32). Я не подозрѣваю ничего худаго о дѣвѣ, потому что люблю дѣвство, а любовь не мыслитъ зла. Я крайне люблю такой образъ жизни, и не могу подумать ничего дурнаго. Но чѣмъ мы убѣдимъ внѣшнихъ? А надобно и о нихъ имѣть попеченіе. Будемъ же вести себя такъ, чтобы никто даже изъ невѣрныхъ не могъ найти повода справедливо упрекать насъ. Какъ тѣ, которые ведутъ жизнь праведную, прославляютъ Бога, такъ, напротивъ, живущіе худо подаютъ поводъ къ хулѣ на Него. Но не дай Богъ, чтобы между нами были такіе, а да свѣтятся дѣла наши такъ, чтобы прославлялся Отецъ нашъ, *иже на небесѣхъ*,

и чтобы мы могли насладиться славою Его, которой и да сподобимся всѣ мы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ котораго и съ которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 58.

Глаголаху убо слѣпцу паки: ты что глаголеши о немъ, яко отверзе очи твои? Онъ же рече, яко пророкъ есть. Не яша убо вѣры Іудее о немъ (Іоан. 9, 17—18).

Св. Писаніе должно читать не просто и не какъ-нибудь, но со всякимъ тщаніемъ, чтобы не впадать въ затрудненія. Вотъ и въ настоящемъ случаѣ справедливо кто-либо можетъ притти въ недоумѣніе, какимъ образомъ (Іудеи), сказавъ: *нѣсть сей отъ Бога, яко субботу не хранитъ*, говорятъ слѣпому: *ты что глаголеши о немъ, яко отверзе очи твои?* Не сказали: ты что скажешь о Немъ, потому что Онъ нарушилъ субботу; но вмѣсто обвиненія указываютъ теперь на то, что могло служить оправданіемъ. Что же должно сказать? Это были не тѣ, которые говорили: *нѣсть сей отъ Бога,* но отдѣ-

лившіеся отъ нихъ и говорившіе: *не можетъ человѣкъ грѣшенъ сицева знаменія творити.* Желая еще болѣе заградить тѣмъ уста и дабы не подать повода думать, что защищаютъ Христа, они выводятъ на средину и спрашиваютъ того, кто испыталъ на себѣ Его силу. Замѣть же мудрость нищаго: онъ отвѣчаетъ разумнѣе всѣхъ ихъ. И во первыхъ говоритъ: *яко пророкъ есть.* Не испугался суда развращенныхъ Іудеевъ, которые противорѣчили и говорили: какъ Онъ можетъ быть отъ Бога, когда не соблюдаетъ субботы; но сказалъ, что Онъ Пророкъ. *Не яша убо вѣры Іудее о немъ, яко слѣпъ бѣ и прозрѣ, дондеже возгласиша родителей того* (9, 18). Смотри, сколько употребляютъ способовъ, чтобы затмить и уничтожить чудо. Но таково свойство истины, что отъ того, чѣмъ люди думаютъ подорвать ее, она становится сильнѣе, и просіяваетъ чрезъ то, чѣмъ хотятъ затмить. Если бы этого не было, — чудо могло бы, пожалуй, остаться въ подозрѣніи у многихъ; теперь же они дѣйствуютъ такъ, какъ будто старались открыть истину; и не иначе они стали бы поступать и въ томъ случаѣ, если бы всячески заботились о Христѣ. Между тѣмъ они старались унизить Его уже тѣмъ самымъ, что говорили: *како отверзе очи твои*, то есть, не волшебствомъ ли какимъ? И при другомъ случаѣ, не имѣя ничего возразить, они старались оклеветать способъ врачеванія и говорили: *сей не изгонитъ бѣсы, токмо о веельзевулѣ* (Матѳ. 12, 24); и теперь опять, не зная, что сказать, обращаются къ времени и го-

ворятъ, что Онъ нарушаетъ субботу и что Онъ грѣшникъ. Но вѣдь Онъ со всею строгостію спрашивалъ васъ, своихъ завистниковъ, всегда готовыхъ порицать Его дѣла: *кто отъ васъ обличаетъ мя о грѣсѣ* (Іоан. 8, 46)? И никто (изъ васъ) не отвѣчалъ и не сказалъ: Ты богохульствуешь, называя Себя безгрѣшнымъ. А если бы они могли что сказать,—никакъ не умолчали бы. Въ самомъ дѣлѣ, люди, которые бросали въ Него камнями и сказали, что Онъ не отъ Бога, когда услышали, что Онъ былъ прежде Авраама, люди, которые, будучи сами человѣкоубійцами, хвалились, что они отъ Бога, а о Томъ, Кто совершаетъ такія знаменія, — когда Онъ исцѣлилъ въ субботу, — говорили, что Онъ не отъ Бога, потому что не хранитъ субботы,—эти люди, если бы имѣли противъ Него хотя тѣнь обвиненія, не преминули бы воспользоваться и тѣмъ. Если же теперь и называютъ Его грѣшникомъ за то, что Онъ, по видимому, нарушалъ субботу: то и это обвиненіе оказалось напраснымъ, такъ какъ сами же товарищи ихъ признали его неосновательнымъ и ничтожнымъ. Встрѣчая, такимъ образомъ, отвсюду препятствія, они обращаются къ новому средству, еще болѣе безстыдному и наглому. Къ какому же именно? *Не яша вѣры,* говоритъ (Евангелистъ), *яко слѣпъ бѣ и прозрѣ.* Какъ же обвиняли Его въ томъ, что не соблюдаетъ субботы? Не очевидно ли, что вѣровали? И какъ вы не вѣрите многочисленному народу, — сосѣдямъ, видѣвшимъ его? Но, какъ я сказалъ, ложь всегда изобличаетъ сама себя тѣмъ, чѣмъ думаетъ по-

вредить истинѣ, а истину обнаруживаетъ яснѣе. Этоже случилось и теперь. Чтобы не сказалъ кто-нибудь, что сосѣди и видѣвшіе его не сказали ничего рѣшительнаго, но говорили о подобномъ лицѣ, вотъ они выставляютъ на среду родителей, и чрезъ то невольно подтверждаютъ дѣйствительность событія: потому что родители лучше всѣхъ знали своего сына. Не могши устрашить слѣпаго и, видя, что онъ съ полнымъ дерзновеніемъ проповѣдуетъ о Благодѣтелѣ, они надѣялись повредить чуду чрезъ родителей. И замѣть ихъ злостный вопросъ. Что они говорятъ? Поставивъ ихъ на средину съ тѣмъ, чтобы привесть въ замѣшательство, они съ великимъ жаромъ и гнѣвомъ спрашиваютъ: *сей ли есть сынъ вашъ* (9, 19)? И не сказали: который былъ прежде слѣпымъ, но какъ? -- *Егоже вы глаголете, яко слѣпъ родися*,—какъ будто они злонамѣренно выдумали это изъ приверженности къ Христу. О беззаконные и пребеззаконные! Какой отецъ рѣшится солгать такъ о своемъ сынѣ? Ибо они почти такъ говорятъ: «котораго вы выдали за слѣпаго, и не только (выдали), но и повсюду распустили о томъ слухъ. *Како убо нынѣ видитъ*»? Какое безуміе! «Это ваша, говорятъ, хитрость и уловка». Такимъ образомъ, сказавъ: *егоже вы глаголете* и: *како убо нынѣ видитъ*, тѣми и другими словами стараются расположить ихъ къ тому, чтобы они отреклись.

2. Изъ трехъ предположенныхъ вопросовъ: сынъ ли онъ ихъ, былъ ли слѣпъ и какъ прозрѣлъ, родители отвѣчаютъ только на два, а на

третій не отвѣчаютъ. Но и это послужило къ утвержденію истины, что на него отвѣчалъ не кто другой, а самъ исцѣленный, который въ этомъ случаѣ и есть достовѣрный свидѣтель. И возможно ли послѣ сего допустить, чтобы родители благопріятствовали (Христу), когда они изъ опасенія Іудеевъ умолчали нѣчто и изъ того, что знали? Что же они говорятъ? *Вѣмы, яко сей есть сынъ нашъ и яко слѣпъ родися. Како же нынѣ видитъ, или кто отверзе ему очи, не вѣмы. Самъ возрастъ имать*, *самъ о себѣ да глаголетъ* (9, 20. 21). Такъ они отстранили себя, представивъ его достойнымъ вѣры. «Онъ не дитя, говорятъ, не малолѣтній, но можетъ самъ о себѣ свидѣтельствовать». *Сія рекоша родителя его*, *яко бояшася жидовъ* (9, 22). Замѣть, какъ и здѣсь Евангелистъ выставляетъ на видъ ихъ мысли и намѣренія. Говорю это по поводу того замѣчанія, которое они сдѣлали прежде, сказавъ; *равенъ ся творитъ Богу*. Если бы и это было мнѣніе только Іудеевъ, а не ученіе Христово; то Евангелистъ прибавилъ бы и сказалъ, что таково было мнѣніе Іудейское. Итакъ, когда родители отослали ихъ къ самому исцѣленному,—они снова позвали его—во второй разъ. Тутъ не говорятъ ему прямо и безстыдно: откажись отъ того, что Христосъ исцѣлилъ тебя, но хотятъ устроить это подъ видомъ благочестія. *Даждь*, говорятъ, *славу Богу* (9, 24). Сказать родителямъ: «скажите, что это не сынъ вашъ и что онъ не родился слѣпъ», казалось крайне смѣшнымъ; а сказать тоже ему самому—было

бы явнымъ бѣзстыдствомъ. Потому и не говорятъ этого, но избираютъ другой путь: *даждь*, говорятъ, *славу Богу*, то есть, сознайся, что Онъ (Христосъ) ничего не сдѣлалъ. *Мы вѣмы, яко человѣкъ сей грѣшенъ есть*. За чѣмъ же вы не обличили Его, когда Онъ говорилъ: *кто отъ васъ обличаетъ мя о грѣсѣ*? И откуда вы знаете, что Онъ грѣшенъ? Слѣпый ничего не отвѣчалъ на эти слова ихъ: *даждь славу Богу,* и Христосъ, встрѣтившись съ нимъ, похвалилъ его, а не осудилъ; не сказалъ: за чѣмъ ты не воздалъ славы Богу?—А что? *Вѣруеши ли въ Сына Божія*, дабы ты зналъ, что это и значитъ воздавать славу Богу. Если бы Онъ не былъ равночестенъ Отцу, то это не было бы славою: но такъ какъ, кто чтитъ Сына, чтитъ и Отца, то (Христосъ) по справедливости не порицаетъ слѣпаго. Итакъ, пока ожидали, что родители примутъ ихъ сторону и отрекутся, ничего не говорили ему самому; но когда увидѣли, что съ этой стороны имъ нечего болѣе надѣяться, то снова обращаются къ нему и говорятъ: *человѣкъ сей грѣшенъ есть. Отвѣща онъ и рече*: *аще грѣшенъ есть, не вѣмъ*; *едино вѣмъ, яко слѣпъ бѣхъ, нынѣ же вижу* (9, 24 — 25). Не испугался ли слѣпый? Нимало. Какъ же, сказавъ прежде, *яко пророкъ есть*, теперь говоритъ: *аще грѣшенъ есть, не вѣмъ*. Говоритъ не отъ страха и не потому, чтобы такъ думалъ, но чтобы свидѣтельствомъ самаго дѣла, а не своими словами оправдать (Христа) отъ обвиненій, и чтобы сдѣлать это оправданіе несомнѣннымъ, такъ какъ благодѣяніе сво-

имъ свидѣтельствомъ посрамляло ихъ. Уже послѣ многихъ словъ сказалъ онъ, что, если бы этотъ человѣкъ не былъ чтителемъ Бога, то не могъ бы творить такихъ знаменій; и тутъ они такъ вознегодовали на него, что сказали: *во грѣсѣхъ ты родился еси весь, и ты ли ны учиши*? Чего же бы не сдѣлали они и чего бы не сказали, если бы онъ сказалъ это въ началѣ? *Аще грѣшенъ есть, не вѣмъ*. Какбы такъ говорилъ онъ: «объ этомъ теперь ничего не говорю, и не даю пока моего мнѣнія; но то хорошо знаю, и готовъ утверждать, что, будучи грѣшникомъ, Онъ не могъ бы творить такихъ дѣлъ». Этимъ онъ устранилъ отъ себя всякое подозрѣніе и свое свидѣтельство сдѣлалъ безпристрастнымъ, потому что не говорилъ, какъ человѣкъ расположенный, но свидѣтельствовался самымъ дѣломъ. Не успѣвши, такимъ образомъ, отвергнуть и уничтожить событія, они снова обращаются къ прежнему, разбираютъ способъ исцѣленія, подобно людямъ, которые, отыскивая повсюду звѣря, въ безопасномъ мѣстѣ лежащаго, бѣгаютъ то туда, то сюда. Возвращаются къ прежнимъ словамъ, но опять для того, чтобы чрезъ частые вопросы высказать всю ихъ ничтожность. — *Что*, говорятъ, *сотвори тебѣ*? *Како отверзе очи твои* (9, 26)? Чтоже слѣпый? Побѣдивъ ихъ и низложивъ, онъ уже говоритъ теперь не униженно. Пока дѣло требовало изслѣдованія и разбирательства, онъ, представляя доказательства, говорилъ съ покорностію; а когда уловилъ ихъ и одержалъ блистательную побѣду, онъ уже смѣло нападаетъ на

нихъ. Чтоже онъ говоритъ? ***Рекохъ вамъ уже, и не слышасте: что паки хощете слышати*** (9, 27)? Замѣтилъ смѣлость нищаго предъ книжниками и фарисеями? Такъ могущественна истина и такъ безсильна ложь! Первая, когда бываетъ и у простыхъ людей, дѣлаетъ ихъ славными; послѣдняя же, хотя бы была на сторонѣ сильныхъ, являетъ ихъ слабыми. Слова нищаго значатъ: «вы не внимаете моимъ словамъ; поэтому я не стану больше говорить, не буду отвѣчать на ваши частые и пустые вопросы, потому что вы спрашиваете не для того, чтобы узнать, но чтобы наругаться надъ моими словами». ***Еда и вы ученицы его хощете быти***? Здѣсь уже включаетъ себя самаго въ число учениковъ; ибо выраженіе: ***еда и вы***, показываетъ, что онъ уже ученикъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ сильно осмѣиваетъ и уязвляетъ Іудеевъ.

3. Дѣйствительно, онъ зналъ, что это сильно уязвляло ихъ; а потому и сказалъ, желая какъ можно болѣе укорить, чѣмъ выказалъ душу дерзновенную, возвышенную и презирающую ихъ бѣшенство,— показалъ высокое достоинство Того, за Кого такъ смѣло говорилъ, и объявилъ, что они оскорбляли человѣка, который достоинъ удивленія. Самъ же онъ не оскорблялся, но считалъ за честь для себя то, что ему ставили въ укоризну. ***Ты***, говоритъ, ***ученикъ еси того, мы же Моѵсеевы есмы ученицы*** (9, 28). Но это не правда. Вы не ученики ни Моѵсея, ни Его. Если бы вы были учениками Моѵсея, то были бы учениками и Его. Поэтому-то и выше Хри-

стосъ говорилъ имъ: *аще бысте вѣровали Моѵсеови, вѣровали убо бысте и мнѣ: о мнѣ бо той писа* (Іоан. 5, 45); ибо они постоянно прибѣгали къ этимъ словамъ. *Мы вѣмы, яко Моисеови глагола Богъ* (9, 29). Кто сказалъ, кто сообщилъ вамъ объ этомъ? Наши предки, скажете. Такъ ужели не болѣе вашихъ предковъ заслуживаетъ вѣры Тотъ, Кто доказываетъ знаменіями, что Онъ пришелъ отъ Бога и возвѣщаетъ горнее ученіе? И не сказали они: «мы слышали, что Моѵсею глаголалъ Богъ», но: *мы вѣмы*. О чемъ вы слышали, Іудеи, то утверждаете, какъ люди знающіе; ужели же то, что сами видѣли, считаете менѣе достовѣрнымъ, чѣмъ то, о чемъ слышали? Вѣдь того вы не видѣли, а только слышали; а это не слышали, но сами видѣли. Чтоже слѣпый? *О семъ бо дивно есть, яко вы не вѣсте, откуду есть* (9, 30), и такія знаменія творитъ. «Удивительно, что Онъ, будучи человѣкомъ не изъ числа извѣстныхъ между вами, не изъ числа знаменитыхъ и славныхъ, творитъ такія дѣла; изъ этого совершенно очевидно, что Онъ Богъ, не имѣющій нужды ни въ какой человѣческой помощи». *Вѣмы же, яко грѣшники Богъ не послушаетъ* (9, 31). Такъ какъ они прежде сказали: *како можетъ человѣкъ грѣшенъ сицева знаменія творити* (9, 16), то онъ теперь и обращается къ ихъ суду, припоминая имъ ихъ собственныя слова. «Это мнѣніе, говоритъ, одинаково у меня съ вами; такъ оставайтесь же при немъ». И замѣть его благоразуміе. Вездѣ выставляетъ на видъ знаменіе, такъ какъ

они не могли отвергнуть его, и отъ него дѣлаетъ заключенія. Видишь ли, что и въ началѣ, когда говорилъ онъ: *аще грѣшенъ есть, не вѣмъ*, говорилъ не потому, чтобы сомнѣвался? Нѣтъ, онъ совершенно зналъ, что (Христосъ) не грѣшникъ; и потому-то теперь, когда настало благопріятное время, смотри, какъ оправдалъ Его. *Вѣмы же, яко грѣшники Богъ не послушаетъ, но аще кто богочтецъ есть и волю его творитъ* (9, 31). Здѣсь не только представилъ Его свободнымъ отъ грѣховъ, но и показалъ, что Онъ весьма угоденъ Богу и исполняетъ всѣ Его повелѣнія. Такъ какъ и Іудеи себя называли чтителями Бога, то Онъ прибавилъ: *и волю его творитъ*. «Недостаточно, говоритъ, знать Бога, но надобно и волю Его творить. За тѣмъ превозноситъ событіе, говоря: *отъ вѣка нѣсть слышано, яко кто отверзе очи слѣпу рожденну* (9, 32). Итакъ, если вы признаете, что грѣшниковъ Богъ не слушаетъ, а Онъ сотворилъ чудо, и такое чудо, какого не совершалъ ни одинъ человѣкъ; то очевидно, что Онъ всѣхъ превзошелъ силою и могущество Его больше, чѣмъ человѣческое». Что же Іудеи? *Во грѣсѣхъ ты родился еси весь, и ты ли ны учиши* (9, 34)? Пока надѣялись, что онъ отречется, считали его достойнымъ вѣры, и потому призвали разъ и другой. А если не считали его достойнымъ вѣры,— то за чѣмъ, мы могли бы сказать имъ, вы и призывали и спрашивали его въ другой разъ? Когда же, не смутившись ничѣмъ, онъ сказалъ истину, и когда особенно слѣдовало почтить его, — тогда

осуждають. Чтожъ значатъ слова: *во грѣсѣхъ ты родился еси весь*? Здѣсь безпощадно укоряютъ Его въ самой слѣпотѣ и какбы такъ говорятъ: «съ перваго возраста ты во грѣхахъ», давая разумѣть тѣмъ, что отъ того онъ и родился слѣпымъ;— но это несправедливо. Почему Христосъ, утѣшая его въ этомъ, говорилъ: *на судъ азъ въ міръ сей пріидохъ, да не видящіи видятъ, и видящіи слѣпи будутъ* (9, 39). *Во грѣсѣхъ ты родился еси весь, и ты ли ны учиши*? Чтоже сказалъ этотъ человѣкъ? Развѣ свое высказалъ онъ мнѣніе? Не общее ли (вамъ и ему) выставилъ рѣшеніе, сказавъ: *вѣмы, яко грѣшники Богъ не послушаетъ*? Не ваши ли собственныя слова привелъ онъ? *И изгнаша его вонъ*. Видѣлъ проповѣдника истины, (видѣль) какъ бѣдность не была препятствіемъ любомудрію? Видишь, чего не выслушалъ и чего не вытерпѣлъ онъ съ самаго начала, и какъ свидѣтельствовалъ и словомъ и дѣломъ?

4. Но объ этомъ написано для того, чтобы и мы были подражателями. Въ самомъ дѣлѣ, если нищій, слѣпый, не видѣвшій даже Христа, и прежде чѣмъ удостоился отъ Него ободренія, тотчасъ показалъ такое дерзновеніе, что сталъ противъ цѣлаго народа, бѣснующагося, дышащаго убійствомъ и бѣшенствомъ и желавшаго съ его словъ осудить Христа, и не уступилъ, и не отказался отъ своихъ словъ, но съ полнымъ дерзновеніемъ заградилъ имъ уста и предпочелъ лучше быть изверженнымъ вонъ, чѣмъ измѣнить истинѣ: то не тѣмъ ли болѣе мы, жившіе столько вре-

мени въ вѣрѣ, видѣвшіе безчисленныя чудеса, совершенныя чрезъ вѣру, облагодѣтельствованные больше его, прозрѣвшіе внутренними очами, созерцавшіе неизреченныя таинства и призванные къ столь великой чести,—не тѣмъ ли болѣе мы должны показывать всякое дерзновеніе за Христа противъ тѣхъ, которые стараются клеветать и говорить что-либо на христіанъ, (не должно ли такимъ людямъ) заграждать уста, а не соглашаться съ съ ними безразсудно? А это мы въ состояніи будемъ сдѣлать тогда, когда и дерзновеніе будемъ имѣть, и станемъ внимать Писаніямъ, а не слушать ихъ какъ-нибудь. И кто будетъ постоянно приходить сюда, тому, хотя бы онъ не читалъ дома, а внималъ только тому, что здѣсь говорится, достаточно и одного года, чтобы пріобрѣсть великую опытность (въ Писаніи). Ибо мы не читаемъ сегодня одно Писаніе, а завтра другое, но всегда и постоянно одно и тоже. И при всемъ томъ, есть многіе до того жалкіе, что, не смотря на такое чтеніе, не знаютъ даже названій книгъ. И не стыдятся, и не трепещутъ, что такъ небрежно посѣщаютъ божественное училище. Если игрокъ на цитрѣ, танцоръ, или другой кто изъ принадлежащихъ къ театру позоветъ городъ, всѣ бѣгутъ съ поспѣшностію, благодарятъ его за приглашеніе и тратятъ цѣлую половину дня, внимая ему одному. А когда Богъ бесѣдуетъ съ нами чрезъ Пророковъ и Апостоловъ. мы зѣваемъ, чешемся, скучаемъ. Лѣтомъ намъ кажется слишкомъ знойно, и мы отправляемся на площадь; зимою

опять помѣхою дождь и грязь, и мы сидимъ дома. На ристалищахъ, гдѣ нѣтъ кровли, защищающей отъ дождя, подъ проливнымъ дождемъ и при вѣтрѣ, бросающемъ воду въ лице, стоятъ многочисленне зрители, бѣснуясь и не обращая вниманія ни на холодъ, ни на дождь, ни на грязь, ни на дальность пути: ничто ихъ не удерживаетъ дома, ничто не препятствуетъ явиться туда. А сюда, гдѣ есть и кровля и пріятная теплота, не приходятъ и не собираются не смотря на то, что это нужно для блага ихъ собственной души. Скажи мнѣ: можно ли это снести? Потому-то, будучи опытнѣе всѣхъ въ тѣхъ вещахъ, мы въ необходимомъ знаемъ меньше дѣтей. Если кто назоветъ тебя возницею и танцоромъ, ты считаешь себя обиженнымъ и всячески стараешься отклонить отъ себя эту укоризну; а если повлечетъ тебя на подобныя зрѣлища, ты не отказываешься, и почти вполнѣ изучаешь то самое искуство, имени котораго избѣгаешь. Но здѣсь, гдѣ ты долженъ и знать дѣло и носить имя, и быть и называться христіаниномъ, ты не знаешь даже, что это за дѣло. Что можетъ быть хуже такого безумія? Я хотѣлъ бы постоянно говорить вамъ объ этомъ; но боюсь, чтобы напрасно и безъ пользы не сдѣлаться для васъ ненавистнымъ. Ибо вижу, что безумствуютъ не только юноши, но и старики, за которыхъ особенно стыжусь, когда вижу, какъ человѣкъ, почтенный сѣдиною, срамитъ свою сѣдину и увлекаетъ съ собою дитя. Что можетъ быть смѣшнѣе

и постыднѣе этого? Сынъ учится у отца постыднымъ дѣламъ!

5. Васъ огорчаютъ эти слова? Того я и хочу, чтобы непріятными рѣчами удержать васъ отъ постыдныхъ дѣлъ. А есть (между вами) и такіе, которые гораздо болѣе безчувственны, которые не только не стыдятся того, что мы говоримъ, но сплетаютъ еще длинныя разсужденія въ защиту такого рода дѣлъ. Если спросить ихъ: кто такой Амосъ, или Авдій, или сколько числомъ Пророковъ или Апостоловъ, не могутъ и рта раскрыть, а въ защиту коней и возницъ представятъ разсужденіе лучше софистовъ и риторовъ. И послѣ всего этого еще говорятъ: какой отсюда вредъ? Какая потеря? Потому-то я и воздыхаю, что вы не сознаете даже вреда и не чувствуете зла. Богъ далъ тебѣ опредѣленное время жизни, чтобы ты служилъ Ему; а ты попусту, напрасно и безъ всякой пользы тратишь его, и еще спрашиваешь: какая потеря? Когда ты истратишь напрасно хоть нѣсколько денегъ, называешь это потерею; а, тратя цѣлые дни своей жизни на сатанинскія зрѣлища, ничего, думаешь, не дѣлаешь предосудительнаго? Тебѣ слѣдовало бы всю жизнь проводить въ молитвахъ и моленіяхъ, а ты тратишь свою жизнь на крики, шумъ, сквернословіе, ссоры, безвременныя увеселенія и дѣла чародѣйскія, — тратишь напрасно и на свою погибель, и послѣ всего этого спрашиваешь: какая потеря? Или не знаешь, что всего болѣе слѣдуетъ беречь время? Если истратишь золото, можешь снова пріобрѣсть его; если же погубишь время,

трудно воротить его, потому что не много дано его намъ на настоящую жизнь. Итакъ, если не употребимъ его на что должно, что скажемъ, явившись туда? Скажи мнѣ: если бы ты приказалъ которому-нибудь изъ твоихъ сыновей выучиться какому-нибудь искуству, а онъ всегда оставался бы дома, или проводилъ время гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, не отказался ли бы отъ него учитель? Не сказалъ ли бы тебѣ: «ты заключилъ со мною условіе и назначилъ срокъ. Но если сынъ твой будетъ находиться это время не у меня, а гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ: то какъ представлю его тебѣ обученымъ»? Это же необходимо должны сказать и мы. Да и Богъ скажетъ намъ: Я далъ время для того, чтобы вы научились искуству благочестія; за чѣмъ же истратили это время даромъ и попусту? За чѣмъ не ходили постоянно къ учителю и не внимали словамъ его? А что дѣйствительно благочестіе есть искуство, послушай, что говоритъ Пророкъ: *пріидите чада, послушайте мене, страху Господню научу васъ* (Псал. 33, 11). И въ другомъ мѣстѣ: *Блаженъ человѣкъ, егоже аще накажеши Господи, и отъ закона твоего научиши его* (Пс. 93, 12). Итакъ, когда напрасно истратишь время, какое будешь имѣть оправданіе? «За чѣмъ же, говоришь, мало дано намъ времени»? Какая безчувственность и неблагодарность! За что особенно слѣдовало бы благодарить Господа, что Онъ сократилъ твои труды и уменьшилъ подвиги, и приготовилъ тебѣ продолжительное и безсмертное упокоеніе, за то ты

обвиняешь Его и тѣмъ недоволенъ. Но я не знаю, какъ перешло сюда мое слово и сдѣлалось продолжительнымъ? Поэтому и необходимо окончить его. Ибо и въ томъ наше несчастіе, что здѣсь, если продолжится слово, мы всѣ скучаемъ, а тамъ начинаютъ съ половины дня и расходятся при лампадахъ и свѣтильникахъ. Но чтобы не всегда осуждать васъ, мы просимъ и молимъ: окажите эту милость и намъ и себѣ,—оставивъ все прочее, посвятите себя этому (изученію благочестія). Такимъ образомъ, и мы пріобрѣтемъ чрезъ васъ радость и веселіе, заслужимъ похвалу за васъ и получимъ воздаяніе. Всю же награду воспріимите вы за то, что, бывъ до сихъ поръ съ такимъ безуміемъ преданы зрѣлищамъ, по страху Божію и въ слѣдствіе нашихъ убѣжденій, свергнули съ себя эту болѣзнь, разорвали узы и прибѣгли къ Богу. И не тамъ только получите награду, но и здѣсь будете имѣть чистѣйшее наслажденіе. Ибо такова добродѣтель: кромѣ вѣнцовъ тамъ, она и здѣсь уготовляетъ намъ жизнь пріятную. Будемъ же исполнять сказанное, чтобы достигнуть и здѣшнихъ и тамошнихъ благъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 59.

И изгнаша его вонъ. Услыша Іисусъ, яко изгнаша его вонъ, и обрѣтъ его, рече ему: ты вѣруеши ли въ Сына Божія? Отвѣща онъ и рече: и кто есть, Господи, да вѣрую въ него? и проч. (Іоан. 9, 34 и слѣд.).

Тѣ, которые за истину и исповѣданіе Христа подвергаются какимъ-либо бѣдствіямъ и терпятъ поношеніе, удостоиваются за то и особенныхъ почестей. Какъ тотъ особенно пріобрѣтаетъ имущество, кто тратитъ его ради Бога, и тотъ особенно любитъ душу свою, кто ее ненавидитъ: такъ, равнымъ образомъ, тотъ особенно удостоивается почестей, кто подвергается оскорбленіямъ. Такъ было и съ слѣпымъ. Изгнали его Іудеи изъ храма, но обрѣлъ его Владыка храма; онъ удаленъ былъ отъ заразительнаго сонмища, и очутился у спасительнаго источника; былъ обезчещенъ обезчестившими Христа, и почтенъ Владыкою Ангеловъ. Вотъ каковы награды за истину. Такъ и мы, если здѣсь раздадимъ имущество, обрѣтемъ тамъ дерзновеніе, если здѣсь дадимъ пособіе страждущимъ, получимъ успокоеніе на небесахъ; если потерпимъ поношеніе ради Бога, удостоимся почестей и здѣсь и тамъ. Когда изгнали слѣпаго изъ храма, его нашелъ Іисусъ. Евангелистъ показываетъ, что (Христосъ) для того и шелъ, чтобы

встрѣтиться съ нимъ. И смотри, чѣмъ награждаетъ его:—первымъ изъ благъ. Открываетъ Себя слѣпому, который прежде не зналъ Его, и включаетъ его въ число своихъ учениковъ. Но ты замѣть, съ какою подробностію повѣствуетъ Евангелистъ. Когда Христосъ спросилъ: *ты вѣруеши ли въ Сына Божія*, — (слѣпый) отвѣчаетъ: *и кто есть*? Ибо онъ еще не зналъ Его, хотя и получилъ отъ Него исцѣленіе; прежде чѣмъ приступилъ къ Благодѣтелю, былъ слѣпъ, а послѣ исцѣленія влачимъ былъ тѣми псами. Итакъ, (Христосъ), какъ нѣкій подвигоположникъ принимаетъ его, какъ подвижника, много потрудившагося и увѣнчаннаго. И что говоритъ? *Вѣруеши ли въ Сына Божія*? Что это значитъ? Послѣ такого состязанія съ Іудеями, послѣ столькихъ словъ (слѣпаго), спрашиваетъ: *вѣруеши ли*? (Спрашиваетъ) не по невѣдѣнію, но желая открыть Себя и показать, что высоко цѣнитъ его вѣру. «Столько людей, говоритъ, поносили Меня, но Я не обращаю на нихъ никакого вниманія; объ одномъ у Меня забота, чтобы вѣровалъ ты. Лучше одинъ, творящій волю Господню, чѣмъ тысячи беззаконныхъ». *Ты вѣруеши ли въ Сына Божія*? Спрашиваетъ такъ, давая разумѣть, что Онъ находится здѣсь и слышитъ отвѣтъ; и уже напередъ возбуждаетъ въ немъ любовь къ Себѣ. Не сказалъ вдругъ: вѣруй, но предложилъ вопросъ. Что же слѣпый? *И кто есть, Господи, да вѣрую въ него*? Гласъ души любящей и усильно ищущей! (Слѣпый) не знаетъ Того, кого столько защищалъ; познай отсюда его

любовь къ истинѣ; ибо онъ еще не видѣлъ Его. *Рече же ему: и видѣлъ еси его, и глаголяй съ тобою той есть* (9, 37). Не сказалъ: это—Я, но скромно и смиренно: *и видѣлъ еси его.* А какъ это еще было не ясно, то и прибавилъ яснѣе: *глаголяй съ тобою той есть. Онъ же рече: вѣрую, Господи, и поклонися ему* тотчасъ. Не сказалъ (Христосъ): Я—тотъ, кто исцѣлилъ тебя, кто сказалъ тебѣ: иди, умойся въ Силоамѣ; но, умолчавши обо всемъ этомъ, говоритъ: *вѣруеши ли въ сына Божія*? Тѣмъ не менѣе слѣпый, въ знакъ великаго расположенія, тотчасъ поклонился (Ему), что сдѣлали немногіе изъ исцѣленныхъ, какъ-то: прокаженные и нѣкоторые другіе. Этимъ онъ исповѣдалъ Его божественную силу; ибо чтобы не подумали, что сказанное имъ только слова, онъ присоединилъ и дѣло. Послѣ того, какъ онъ поклонился, Христосъ сказалъ: *на судъ азъ въ міръ сей пріидохъ, да невидящіи видятъ, и видящіи слѣпи будутъ* (9, 39). Тоже говоритъ и Павелъ; *что убо речемъ? Яко языцы, не гонящіи правду, постигоша правду, правду же, яже отъ вѣры. Израиль же, гоня законъ правды, въ законъ правды не постиже* (Римл. 9, 30—31). Сказавши: *на судъ азъ въ міръ сей пріидохъ*, (Христосъ) и слѣпаго еще болѣе утвердилъ въ вѣрѣ, и возбудилъ вниманіе въ слѣдовавшихъ за Нимъ; ибо за Нимъ шли фарисеи. А выраженіе: *на судъ*, значитъ: для большаго наказанія. Этимъ (Христосъ) показываетъ, что осудившіе Его сами осуждены и что обвинившіе Его, какъ грѣшника, сами обвинены.

Здѣсь говоритъ Онъ о двухъ родахъ прозрѣнія и слѣпоты: чувственномъ и духовномъ. На это Ему отвѣчаютъ (нѣкоторые) изъ слѣдовавшихъ за Нимъ: *еда и мы слѣпи есмы* (9, 40). Какъ въ другомъ мѣстѣ говорили: *никомуже работахомъ николиже* (Іоан. 8, 33). и: *мы отъ любодѣянія нѣсмы рождени* (—41); такъ и здѣсь смотрятъ только на чувственное и стыдятся этой слѣпоты. Поэтому, показывая, что лучше бы имъ быть слѣпыми, чѣмъ имѣть зрѣніе, (Христосъ) говоритъ: *аще бысте слѣпи были, грѣха не бысте имѣли* (9, 41). Такъ какъ они это несчастіе считали за стыдъ, то Онъ и обратилъ это на ихъ голову, сказавъ, что слѣпота облегчила бы для васъ наказаніе. Такъ повсюду Онъ разрушаетъ человѣческія помышленія и возводитъ къ великому и чудному разумѣнію! *Нынѣ же глаголете, яко видимъ*. Какъ прежде говорилъ: *егоже вы глаголете, яко Богъ вашъ есть* (Іоан. 8. 54), такъ и теперь: *нынѣ же глаголете, яко видимъ*; потому что въ самомъ дѣлѣ вы не видите. Такимъ образомъ, что они считали для себя великою похвалою, то Онъ выставляетъ здѣсь, какъ поводъ къ ихъ наказанію,—а вмѣстѣ съ тѣмъ утѣшаетъ и слѣпорожденнаго въ прежней слѣпотѣ. Потомъ разсуждаетъ объ ихъ слѣпотѣ. Такъ какъ они могли сказать, что не по слѣпотѣ нашей не приходимъ къ Тебѣ, но убѣгаемъ и отвращаемся Тебя, какъ обманщика, то противъ этого Онъ и направляетъ все свое слово.

2. И не безъ цѣли замѣтилъ Евангелистъ, что это слышали бывшіе со Христомъ фарисеи

и сказали: *еда и мы слѣпи есмы*; но чтобы напомнить тебѣ, что это были тѣ самые, которые прежде отстали отъ Него и потомъ бросали въ Него камни. Нѣкоторые, дѣйствительно, безъ твердой вѣры слѣдовали за Нимъ, и потому легко переходили на сторону противниковъ. Какъ же Онъ доказываетъ, что Онъ не обманщикъ, но пастырь? Представляетъ признаки того и другаго, какъ пастыря, такъ и обманщика—губителя, и чрезъ то даетъ имъ возможность открыть истину. И вопервыхъ показываетъ, кто обманщикъ и тать, заимствуя это названіе изъ Писанія и говоря: *аминь, аминь глаголю вамъ: не входяй дверьми во дворъ овчій, но прелазяй инудѣ, той тать есть и разбойникъ* (Іоан. 10, 1). Замѣть признаки разбойника: вопервыхъ, онъ входитъ не явнымъ образомъ; во вторыхъ — не по Писаніямъ, ибо это значитъ:—не дверьми. Здѣсь Христосъ указываетъ и на тѣхъ, которые были прежде Него, и на тѣхъ, которые явятся послѣ Него: на антихриста и лжехристовъ, Іуду и Ѳевду и другихъ имъ подобныхъ. И справедливо назвалъ Писаніе дверьми. Оно приводитъ насъ къ Богу и отверзаетъ путь богопознанія; оно производитъ овецъ, оно (ихъ) охраняетъ и не позволяетъ приходить волкамъ. Подобно какой-либо надежной двери, оно заграждаетъ входъ еретикамъ, поставляетъ насъ въ безопасности отъ всего и не позволяетъ впасть въ заблужденіе. И если мы сами не откроемъ этой двери, то будемъ недоступны врагамъ. По ней мы распознаемъ всѣхъ, какъ пас-

тырей, такъ и не пастырей. — Что значитъ: *во дворъ*? Значитъ къ овцамъ и къ попеченію объ нихъ. Ибо кто не пользуется Писаніемъ, но прелазитъ *инудѣ*, то есть не идетъ установленнымъ путемъ, но пролагаетъ себѣ иной (путь), тотъ есть тать. Видишь и отсюда, что Онъ согласенъ съ Отцемъ, потому что выставляетъ на видъ Писаніе? Поэтому Онъ и Іудеямъ говорилъ: *испытайте Писанія* (Іоан. 5, 39), и Моусея приводилъ и называлъ (своимъ) свидѣтелемъ, равно какъ и всѣхъ Пророковъ. Всѣ, говорилъ Онъ, послушавшіе Пророковъ, *пріидутъ ко мнѣ* (Іоан. 6, 45) и: *аще бысте вѣровали Моѵсеови, вѣровали бысте убо и мнѣ* (5, 46). И здѣсь Онъ высказалъ тоже самое, только иносказательно. А словами: *прелазя инудѣ*, Онъ указывалъ и на книжниковъ; потому что они учили заповѣдямъ и преданіямъ человѣческимъ, а законъ нарушали, въ чемъ Онъ и укорялъ ихъ, говоря: *никтоже отъ васъ творитъ закона* (7, 19). И хорошо сказалъ: *прелазя*, а не входя, — потому что такъ обыкновенно поступаетъ воръ, желающій проникнуть за ограду, и дѣлающій все съ опасностію. Видѣлъ, какъ Онъ изобразилъ разбойника? Замѣть и признаки пастыря. Какіе же они? *Входяй дверьми пастырь есть овцамъ, сему дверникъ отверзаетъ, и овцы гласъ его слышатъ, и своя овцы глашаетъ по имени*, и когда изгонитъ ихъ, *предъ ними ходитъ* (Іоан. 10, 2. 3. 4). Такъ (Христосъ) указалъ признаки и пастыря и разбойника. Посмотримъ теперь, какъ Онъ приложилъ къ

нимъ послѣдующее. *Сему*, говоритъ, *дверникъ отверзаетъ.* Продолжаетъ говорить иносказательно для большей выразительности. Если же хочешь разбирать въ притчѣ и каждое слово, то ничто не препятствуетъ разумѣть здѣсь подъ дверникомъ Моисея; ибо ему ввѣрены были слова Божіи. *И овцы гласъ его слышатъ и своя овцы глашаетъ по имени.* Такъ какъ (Іудеи) часто называли Его обманщикомъ и доказывали это своимъ собственнымъ невѣріемъ, говоря: *кто отъ князь вѣрова въ онь* (7, 48); то Онъ показываетъ, что, по причинѣ ихъ невѣрія, не Его должно называть губителемъ и обманщикомъ, но ихъ, такъ какъ они не внимаютъ Ему, и потому естественно исключены изъ числа овецъ. Если пастырю свойственно входить законною дверью, а Онъ вошелъ этою самою дверью: то всѣ послѣдововшіе за Нимъ могутъ быть (Его) овцами, а тѣ, которые отступили отъ Него, не пастыря унижаютъ, но самихъ себя отлучаютъ отъ стада овецъ. А что Онъ въ послѣдствіи Себя самаго называетъ дверью, то этимъ опять не должно смущаться. Онъ называетъ Себя и пастыремъ и овцою, указывая на различныя стороны своего служенія. Когда приводитъ насъ ко Отцу,—называетъ Себя дверью; а когда выражаетъ свое попеченіе объ насъ,—пастыремъ. Чтобы ты не подумалъ, что дѣло Его только въ томъ, чтобы приводить (къ Отцу),—Онъ называетъ Себя и пастыремъ. *И овцы гласъ его слышатъ, и своя овцы глашаетъ по имени, и изгонитъ ихъ, и* Самъ

предъ ними ходитъ (10, 2. 4). Пастыри обыкновенно поступаютъ иначе,—ходятъ сзади овецъ; но Онъ, показывая, что всѣхъ приведетъ къ истинѣ, поступаетъ не такъ, какъ они. Точно также, и посылая овецъ, Онъ посылалъ ихъ не всторону отъ волковъ, но въ средину волковъ. Ибо это пастырство гораздо удивительнѣе, чѣмъ то, какое бываетъ у насъ.

3. А мнѣ кажется, что здѣсь есть указаніе и на слѣпаго; потому что и его (Христосъ) призвалъ и извелъ изъ среды Іудеевъ, и онъ услышалъ и узналъ Его голосъ. *По чуждемъ же не идутъ, яко не знаютъ чуждаго гласа* (10. 5). Говоритъ здѣсь или о Ѳевдѣ и Іудѣ, такъ какъ всѣ, невѣрившіе имъ, какъ говоритъ (Писаніе), *разсыпашася* (Дѣян. 5, 36. 37),—или о лжехристахъ, которые будутъ прельщать въ послѣдствіи. А чтобы не сказали, что и Онъ изъ числа ихъ, — отличаетъ Себя отъ нихъ многими признаками. И первымъ отличіемъ поставляетъ (свое) ученіе, основанное на Писаніи. Онъ приводилъ къ Себѣ людей посредствомъ Писанія, а они привлекали не такъ. Вторымъ—послушаніе овецъ: Ему не только при жизни, но и по смерти всѣ вѣровали; а тѣхъ тотчасъ оставили. Къ этому можно присовокупить и третье немаловажное (отличіе). Тѣ все дѣлали, какъ тиранны и съ цѣлію возмущенія; а Онъ такъ далекъ былъ отъ подобныхъ намѣреній, что, когда даже хотѣли Его сдѣлать царемъ, удалился, и когда спрашивали, должно ли давать кинсонъ кесарю, приказалъ давать и Самъ заплатилъ дидрахму. Кромѣ того,

Онъ пришелъ для спасенія овецъ, *да животъ*, говоритъ, *имутъ и лише имутъ* (Іоан. 10, 10); а тѣ лишили ихъ и настоящей жизни. Тѣ предали повѣрившихъ имъ и бѣжали; а Онъ такъ твердо стоялъ, что положилъ и душу свою. Тѣ пострадали противъ воли, по необходимости, не успѣвъ убѣжать; а Онъ все претерпѣлъ добровольно и по собственному произволенію. *Сію причту рече имъ Іисусъ: они же не разумѣша, что бяше, яже глаголаше имъ* (10, 6). Для чего же Онъ говорилъ имъ неясно? Для того, чтобы сдѣлать ихъ болѣе внимательными. Посему, достигнувъ своей цѣли, оставляетъ уже неясный образъ рѣчи и говоритъ такимъ образомъ: *азъ есмь дверь, мною аще кто внидетъ и изыдетъ, и пажить обрящетъ* (10, 9); то есть будетъ пользоваться безопасностію и свободою. Подъ пажитью же разумѣетъ здѣсь пищу и кормъ овецъ, также власть и господство, то есть: (всякій обрѣтшій эту пажить) пребудетъ на ней и никто не изгонитъ его. Такъ и было съ Апостолами, которые свободно входили и исходили, какбы владѣли всей вселенной, и никто не могъ изгнать ихъ. *Вси, елико ихъ пріиде, татіе суть и разбойницы, но не послушаша ихъ овцы* (10, 8). Говоритъ здѣсь не о Пророкахъ, какъ утверждаютъ еретики; ибо ихъ послушали и чрезъ нихъ увѣровали всѣ, кто только увѣровалъ во Христа; но говоритъ о Ѳевдѣ и Іудѣ и другихъ возмутителяхъ. При томъ же слова: *не послушаша овцы*, сказаны въ похвалу (овцамъ). Но нигдѣ не видно, чтобы Онъ хва-

лилъ тѣхъ, которые не слушали Пророковъ, а вездѣ, напротивъ, сильно обличаетъ и осуждаетъ ихъ. Отсюда ясно, что это выраженіе: *не послушаша*, относится къ тѣмъ возмутителямъ. *Тать не приходитъ, развѣ да украдетъ, и убіетъ, и погубитъ* (10, 10). Такъ и было тогда, потому что всѣ были умерщвлены и погибли. *Азъ пріидохъ, да животъ имутъ и лишше имутъ* (10, 10). Что же, скажи мнѣ, больше жизни? Царство небесное. Но Онъ еще не называетъ его, а употребляетъ извѣстное имъ имя жизни. *Азъ есмь пастырь добрый* (10, 11). Здѣсь говоритъ уже о (своихъ) страданіяхъ и показываетъ, что подъемлетъ ихъ для спасенія міра и подвергается имъ не по неволѣ. За тѣмъ снова указываетъ признаки пастыря и наемника. *Пастырь душу свою полагаетъ. А наемникъ, иже нѣсть пастырь, емуже не суть овцы своя, видитъ волка грядуша, и оставляетъ овцы и бѣгаетъ: и волкъ* приходитъ и *расхититъ ихъ* (10, 11. 12). Здѣсь Онъ представляетъ Себя такимъ же Владыкою, какъ и Отецъ, потому что Онъ самъ Пастырь и у Него есть свои овцы. Видишь ли, какъ въ притчахъ Онъ говоритъ возвышеннѣе, такъ какъ здѣсь рѣчь прикровенна, и не подаетъ слушателямъ явнаго повода къ возстанію? Чтоже дѣлаетъ наемникъ? *Видитъ волка грядуща и оставляетъ овцы, и волкъ* приходитъ и *расхититъ ихъ*. Такъ поступили тѣ, но Онъ—напротивъ. Ибо и въ то время, какъ былъ схваченъ, Онъ говорилъ: *оставите сихъ ити, да сбудется слово*, что ни-

кто изъ нихъ не погибъ (Іоан. 18, 8). Но можно здѣсь разумѣть и волка мысленнаго; потому что и ему Онъ не попустилъ расхищать овецъ. Но это не только волкъ, но и левъ. Ибо *супостатъ нашъ діаволъ*, говоритъ Писаніе, *яко левъ рыкая ходитъ* (1 Петр. 5, 8). Это змѣй и драконъ. Ибо (сказано): наступайте *на змію и скорпію* (Лук. 10, 19).

4. Посему умоляю, будемъ всегда оставаться подъ руководствомъ Пастыря. А мы останемся, когда будемъ слушать гласа Его,—когда будемъ послушны Ему,—когда не будемъ слѣдовать за чужимъ. Какой же гласъ Его? *Блажени нищіи духомъ. Блажени чистіи сердцемъ. Блажени милостивіи* (Матѳ. 5, 3. 7. 8). Если будемъ исполнять это,—останемся подъ руководствомъ Пастыря, и волкъ не въ состояніи будетъ проникнуть къ намъ; а если и войдетъ, то сдѣлаетъ это на свою погибель. Мы имѣемъ Пастыря, который столько любитъ насъ, что положилъ за насъ и душу свою. Если же Онъ и могущъ, и любитъ насъ, то что можетъ воспрепятствовать намъ спастись? Ничто, если только мы сами не отступимъ отъ Него. А какъ мы можемъ отступить? Послушай, что говоритъ Онъ: *не можете двѣма господинома работати,... Богу и мамонѣ* (Матѳ. 6, 24). Итакъ, если мы будемъ работать мамонѣ, то не будемъ уже оставаться подъ владычествомъ Божіимъ. Пристрастіе къ богатству хуже всякаго тиранства: удовольствія не доставляетъ никакого, а пораждаетъ заботы, зависть, коварство, ненависть,

наговоры и безчисленныя препятствія къ добродѣтели,—безпечность, распутство, любостяжаніе, пьянство. А это и свободныхъ дѣлаетъ рабами, и даже хуже рабовъ, рабами не людей, но ужаснѣйшей изъ страстей и болѣзней души. Такой человѣкъ рѣшается на многое, что противно и Богу и людямъ, изъ опасенія, чтобы кто не исторгъ его изъ подъ этого владычества. Горькое рабство, діавольское владычество! Въ особенности пагубно (здѣсь) то, что, находясь въ столь несчастномъ положеніи, мы веселы духомъ, лобызаемъ свои оковы и, обитая въ узилищѣ, исполненномъ тьмы, не желаемъ выйти на свѣтъ, но привязываемся къ злу, и услаждаемся болѣзнію. Потому-то не можемъ и освободиться и находимся въ худшемъ состояніи, чѣмъ тѣ, которые работаютъ въ рудникахъ: потому что подвергаемся трудамъ и бѣдствіямъ, но не пользуемся плодами. Хуже же всего то, что, если бы кто и захотѣлъ избавить насъ отъ этого тяжкаго плѣна, мы не только не позволяемъ, но еще гнѣваемся и негодуемъ, и такимъ образомъ являемся ни чѣмъ не лучше безумныхъ, и даже гораздо несчастнѣе всѣхъ ихъ,— потому что не хотимъ и разстаться съ своимъ безуміемъ. Ужели для этого явился ты на этотъ свѣтъ, человѣкъ? Ужели для этого родился человѣкомъ, чтобы только разработывать рудники и собирать золото? Не для этого создалъ тебя (Господь) по образу своему, но чтобы ты угождалъ Ему, чтобы достигъ будущихъ благъ и ликовалъ съ Ангелами. За чѣмъ же ты лишаешь себя такого сообщества и низходишь до послѣдней степени без-

славія и униженія? Твой братъ по рожденію — разумѣю рожденіе духовное — погибаетъ отъ голода, а ты изнемогаешь отъ пресыщенія. Братъ ходитъ съ обнаженнымъ тѣломъ, а ты и для одеждъ устрояешь одежды, чтобы охранить ихъ отъ червей чрезъ такіе покровы. А не гораздо ли лучше было бы прикрыть ими тѣла бѣдныхъ? Тогда и одежды остались бы цѣлыми, и ты былъ бы свободенъ отъ всякой заботы, и это пріобрѣло бы тебѣ будущую жизнь. Ибо если не хочешь, чтобы одежды твои съѣдены были молью, отдай ихъ бѣднымъ: они умѣютъ хорошо вытряхивать эти одежды. Притомъ тѣло Христово и почетнѣе и безопаснѣе шкапа. Оно не только сберегаетъ одежды, не только сохраняетъ невредимыми, но и дѣлаетъ ихъ блистательнѣе. Шкапъ часто похищаютъ вмѣстѣ съ платьемъ, и чрезъ то подвергаютъ тебя крайнему убытку. Но этому хранилищу не можетъ повредить самая смерть. Тутъ не нужно намъ ни дверей, ни запоровъ, ни бодрствующихъ слугъ, ни другихъ какихъ подобныхъ предосторожностей. Оно не доступно ни для какой злонамѣренности, и что сохраняется въ немъ, также безопасно, какъ еслибы было на небесахъ; ибо туда не можетъ проникнуть никакое зло. Мы никогда не перестаемъ говорить объ этомъ, но вы не слушаетесь нашихъ словъ. А это отъ того, что душа наша бѣдна, привязана къ землѣ и пресмыкается долу. Впрочемъ, не подумайте, что я осуждаю всѣхъ васъ въ этомъ злѣ, какъ будто бы всѣ вы были больны неисцѣльно. Если люди, упоенные богатствомъ, заграждаютъ свой слухъ

для моихъ словъ: за то замѣтятъ ихъ живущіе въ бѣдности. «Но какъ, скажешь, идетъ это къ бѣднымъ? Вѣдь у нихъ нѣтъ ни золота, ни многихъ одеждъ». Но у нихъ есть хлѣбъ и холодная вода; есть двѣ лепты и ноги, чтобы посѣтить больныхъ; есть языкъ и слово, чтобы утѣшить несчастнаго; есть домъ и кровъ, чтобы принять странника. Мы и не требуемъ отъ бѣдныхъ столько-то и столько-то талантовъ золота, но (требуемъ) этого только отъ богатыхъ. Если же кто бѣденъ, и прійдетъ къ дверямъ другихъ (бѣдняковъ), отъ того Господь нашъ не постыдится принять и лепту, и даже скажетъ, что принялъ отъ него больше, чѣмъ отъ людей, которые подали много. Какъ многіе изъ предстоящихъ здѣсь желали бы жить въ то время, когда Христосъ во плоти пребывалъ на землѣ, чтобы быть подъ однимъ съ Нимъ кровомъ и раздѣлять съ Нимъ трапезу! Теперь вотъ это возможно: мы можемъ пригласить Его на вечерю и вечерять съ Нимъ даже съ большею пользою. Ибо изъ тѣхъ, которые тогда вечеряли съ Нимъ, многіе погибли, какъ то: Іуда и другіе подобные. Между тѣмъ всякій, кто нынѣ позоветъ Его въ домъ свой и предложитъ трапезу и кровъ, удостоится великаго благословенія. *Пріидите*, говоритъ Онъ, *благословенніи Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра. Взалкахся бо, и дасте ми ясти; возжадахся, и напоисте мене; страненъ бѣхъ, и введосте мене; боленъ, и посѣтисте мене; въ темницѣ бѣхъ, и пріидосте ко мнѣ*

(Матѳ. 25, 34). Итакъ, чтобы услышать эти слова, будемъ одѣвать нагаго, принимать страннаго, питать алчущаго, напоять жаждущаго, посѣщать болящаго, ходить къ находящемуся въ темницѣ. Чрезъ это мы получимъ дерзновеніе и прощеніе грѣховъ и удостоимся тѣхъ благъ, превосходящихъ и слово и умъ, которыхъ и да сподобимся всѣ мы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 60.

Азъ есмь пастырь добрый, и знаю моя, и знаютъ мя моя. Якоже знаетъ мя Отецъ, и азъ знаю Отца, и душу мою полагаю за овцы (Іоан. 10, 14. 15).

Великое дѣло, возлюбленные, великое дѣло предстоятельство въ Церкви. Оно требуетъ и много любомудрія, и такого мужества, что должно, какъ сказалъ Христосъ, полагать душу за овецъ, никогда не оставлять ихъ безъ защиты и помощи и твердо стоять противъ волка. Этимъ пастырь отличается отъ наемника. Послѣдній, не заботясь объ овцахъ, имѣетъ всегда въ виду собственную безопасность; первый, напротивъ, всегда заботит-

ся о спасеніи овецъ, забывая о себѣ самомъ. Указавъ, такимъ образомъ, признаки пастыря, Христосъ выставляетъ на видъ двухъ губителей (паствы): одинъ изъ нихъ тать, убивающій и расхищающій (овецъ), а другой самъ ничего этого не дѣлаетъ, но за то не обращаетъ вниманія и не препятствуетъ, когда другіе это дѣлаютъ. Въ лицѣ перваго Онъ указываетъ на Ѳевду и подобнымъ ему, а въ лицѣ другаго выставляетъ учителей Іудейскихъ, которые не пеклись и не заботились о ввѣренныхъ имъ овцахъ. Въ этомъ и Іезекіиль нѣкогда укорялъ ихъ, говоря: *оле пастыри Израилевы! Еда пасутъ пастыри самихъ себе? Не овецъ ли пасутъ пастыри* (Іезек. 34, 3)? Но они поступали напротивъ; а это величайшая степень нечестія и причина всѣхъ прочихъ золъ. Потому-то и говоритъ (Пророкъ), что они и заблуждшую (овцу) не обращали на путь, и погибшую не искали, и ту, у которой сокрушены голени, не обвязывали, и больную не врачевали; ибо пасли самихъ себя, а не овецъ (Іез. 34, 4. 8). На тоже самое указывалъ другими словами и Павелъ, говоря: *вси бо своихъ си ищутъ, а не яже Христа Іисуса* (Фил. 2, 21); и въ другомъ мѣстѣ: *никтоже своего си да ищетъ, но еже ближняго кійждо* (1 Кор. 10, 24). Но Христосъ отличаетъ Себя отъ того и другаго рода (враговъ паствы): отъ первыхъ, приходящихъ съ цѣлію губить (овецъ), — словами: *азъ пріидохъ, да животъ имутъ, и лишше имутъ* (Іоан. 10, 10); а отъ послѣднихъ, попускающихъ волкамъ расхищать

овецъ,—тѣмъ, что не только не оставилъ (ихъ), но и положилъ за овецъ душу свою, чтобы не дать имъ погибнуть. Въ самомъ дѣлѣ, когда положили убить Его, Онъ и не отступилъ отъ ученія, и не предалъ вѣрующихъ, но стоялъ твердо и благоволилъ умереть. Потому-то часто и говорилъ: *азъ есмь пастырь добрый*. Но такъ какъ слова Его представлялись бездоказательными; (ибо хотя это [изреченіе]: *душу мою полагаю*, и сбылось спустя немного времени, но другое: *да животъ имутъ и лишше имутъ*, имѣло осуществиться послѣ преселенія изъ здѣшней жизни, въ вѣкѣ будущемъ); то что Онъ дѣлаетъ? Посредствомъ одного удостовѣряетъ въ другомъ. Тѣмъ, что положилъ душу свою (удостовѣряетъ и въ томъ), что даруетъ жизнь. Объ этомъ говорилъ и Павелъ: *аще бо врази бывше, примирихомся Богу смертію Сына его, множае паче примирившеся спасемся* (Рим. 5, 10). Также и въ другомъ мѣстѣ: *иже убо своего Сына не пощадѣ, но за насъ всѣхъ предалъ есть его: како убо не и съ нимъ вся намъ дарствуетъ* (Рим. 8, 32)? Но почему (Іудеи) не обвиняютъ Его теперь, какъ прежде, говоря: *ты о себѣ самъ свидѣтельствуеши, свидѣтельство твое нѣсть истинно* (Іоан. 8, 13)? Потому, что Онъ часто уже заграждалъ имъ уста и чудесами пріобрѣлъ большее право свободно говорить предъ ними. Далѣе, такъ какъ Онъ выше говорилъ: *и овцы гласъ его слышатъ и по немъ идутъ*; то чтобы не сказалъ кто-нибудь: «отъ чего же (были)

невѣровавшіе», — послушай, что прибавилъ: *и знаю моя, и знаютъ мя моя* (Іоан. 10, 14). На это указывалъ и Павелъ, говоря: *не отрину Богъ людей своихъ, ихже прежде разумѣ* (Рим. 11, 2) и Моисей: *позна Господь сущихъ его* (Числ. 16, 5; сн. 2 Тим. 2, 19). «Разумѣю тѣхъ, говоритъ Христосъ, которыхъ Я предъувѣдѣлъ». А чтобы ты не представлялъ мѣры знанія одинаковою, послушай, какъ Онъ предупреждаетъ это дальнѣйшими словами! *Знаю*, говоритъ, *моя, и знаютъ мя моя.* Но здѣсь знаніе неодинаковое. Гдѣ же одинаковое? Въ Отцѣ и во Мнѣ; ибо здѣсь—*якоже знаетъ мя Отецъ, и азъ знаю Отца* (10, 15). Еслибы не это Онъ хотѣлъ показать, то зачѣмъ бы прибавлять тѣ слова? Но какъ Онъ часто поставляетъ Себя въ рядъ людей, то чтобы не подумалъ кто, что Его знаніе подобно человѣческому, Онъ прибавилъ: *якоже знаетъ мя Отецъ, и азъ знаю Отца.* «Также совершенно Я знаю Его, какъ Онъ (знаетъ) Меня». Потому-то Онъ и говорилъ: *никтоже знаетъ Сына, токмо Отецъ: ни Отца (кто знаетъ), токмо Сынъ* (Матѳ. 11, 27), разумѣя нѣкоторое особенное знаніе,—такое, какого никто другой не можетъ имѣть. *И душу мою полагаю.* Часто повторяетъ это, дабы показать, что Онъ не обманщикъ. Такъ и Апостолъ, когда хотѣлъ показать себя истиннымъ учителемъ и направлялъ свое слово противъ лжеапостоловъ, хвалился бѣдами и смертями, говоря: *въ ранахъ преболѣ, въ смертехъ многащи* (2 Кор. 11, 23). Выраженія (Христовы): *азъ есмь свѣтъ*, и:

азъ есмь животъ, казались для несмысленныхъ надменными; но слова: хочу умереть, не возбуждали ни зависти, ни ненависти. Потому и не говорять Ему: *ты о себѣ самъ свидѣтельствуеши, свидѣтельство твое нѣсть истинно*. Тѣ слова показывали въ Немъ великое попеченіе, такъ какъ Онъ хотѣлъ предать Себя за людей, которые бросали въ Него камнями.

2. Посему благовременно вводитъ слово и объ язычникахъ. *И ины овцы имамъ*, говоритъ, *яже не суть отъ двора сего: и тыя ми подобаетъ привести* (10, 16). Вотъ опять глаголъ! *подобаетъ*, означаетъ не принужденіе, но указываетъ на дѣйствіе, имѣющее непремѣнно послѣдовать. Какбы такъ говорилъ (Христосъ): «что удивительнаго, если эти пойдутъ за Мною и если овцы послушаютъ гласа Моего? Когда вы увидите, что и другія (овцы) слѣдуютъ за Мною, и слушаютъ Моего гласа, тогда изумитесь болѣе». Не смущайся тѣмъ, что Онъ говоритъ: *яже не суть отъ двора сего*. Это различіе только по отношенію къ закону, какъ и Павелъ говоритъ: *ни обрѣзаніе что можетъ, ни необрѣзаніе* (2 Кор. 7, 19). *И тыя ми подобаетъ привести*. Показываетъ, что тѣ и другіе (Іудеи и язычники) были разсѣяны и смѣшаны, и что тѣ и другіе не имѣли пастырей, до пришествія добраго Пастыря. За тѣмъ предсказываетъ и будущее ихъ соединеніе, что они будутъ *едино стадо*. Это же самое опять указалъ и Павелъ, сказавъ: *да оба созиждетъ собою во единаго*

новаго человѣка (Еф. 2, 15). *Сего ради мя Отецъ любитъ, яко азъ душу мою полагаю, да паки пріиму ю* (Іоан. 10, 17). Что можетъ быть уничиженнѣе этихъ словъ? Господь нашъ пользуется любовію (Отца) ради насъ, потому что умираетъ за насъ! Что же, скажи мнѣ, —развѣ прежде Онъ не былъ любимъ, а только теперь Отецъ сталъ любить Его, и мы были виновниками этой любви? Видишь ли, какъ Онъ приспособляется (къ нашей немощи)? Но чтоже Онъ хочетъ показать здѣсь? Такъ какъ (Іудеи) называли Его чуждымъ Отцу и обманщикомъ, и утверждали, что Онъ пришелъ для вреда и погибели; то Онъ говоритъ, что «если уже не что другое, то по крайней мѣрѣ, то побуждало Меня любить васъ, что васъ любитъ Отецъ, также какъ и Меня, и что Онъ любитъ (Меня) потому, что Я умираю за васъ». А вмѣстѣ съ симъ хочетъ и то показать, что идетъ на смерть не по неволѣ (ибо если бы по неволѣ, то какимъ образомъ это доставило бы Ему любовь!), и что это весьма угодно и Отцу. И не удивляйся, что Онъ говоритъ здѣсь, какъ человѣкъ. Мы уже много разъ указывали причину этого, и снова повторять тоже самое было бы излишне и скучно. *Азъ полагаю душу мою, да паки пріиму ю. Никтоже возметъ ю отъ мене; но азъ полагаю ю о себѣ. Область имамъ положити душу мою, и область имамъ паки пріяти ю* (10, 18). Такъ какъ (Іудеи) часто замышляли убить Его, то Онъ говоритъ: «безъ моего соизволенія, напрасенъ вашъ трудъ», и предыдущимъ доказываетъ

послѣдующее, — смертію воскресеніе. Это удивительно и необычайно, потому что и то и другое (смерть и воскресеніе) послѣдовало особеннымъ и необыкновеннымъ образомъ. Но будемъ тщательно внимать сказываемому. *Область имамъ*, говоритъ, *положити душу мою*. Да кто же не имѣетъ власти положить душу свою? Всякій, кто хочетъ, можетъ умертвить себя. Но слова Его имѣютъ не этотъ смыслъ. Какой же? «Я имѣю такую власть положить (душу мою), что, противъ моей воли, никто не можетъ отнять ее у Меня»;—а этого нельзя сказать о людяхъ. Мы не иначе сами по себѣ можемъ положить душу свою, какъ только умертвивъ себя. А если впадемъ въ руки людей, злоумышляющихъ (противъ насъ) и могущихъ убить насъ; то уже не имѣемъ власти положить и не положить (душу свою), но они убиваютъ насъ и противъ нашей воли. А Онъ—не такъ. Онъ властенъ былъ не положить душу свою даже и тогда, какъ другіе злоумышляли (противъ Него). Поэтому-то, сказавъ: *никтоже возметъ ю отъ мене*, за тѣмъ уже прибавилъ: *область имамъ положити душу мою*, то есть, Я одинъ властенъ положить ее, а вы не имѣете этой власти, потому что у васъ и многіе другіе могутъ взять ее. Въ началѣ Онъ этого не говорилъ, потому что тогда слова Его не показались бы и вѣроятными. Но когда Онъ имѣлъ уже доказательство въ самыхъ дѣлахъ, когда не разъ злоумышлявшіе противъ Него не могли захватить Его (ибо много разъ Онъ уходилъ изъ рукъ ихъ) — тогда уже говоритъ: *никтоже воз-*

метъ ю отъ мене. Если же это справедливо, то слѣдуетъ и то, что Онъ добровольно идетъ на смерть. А если и это справедливо, то несомнѣнно и то, что Онъ, когда захочетъ, снова можетъ пріять душу свою. Ибо если смерть Его была такимъ дѣломъ, которое превышаетъ силы человѣческія, то не сомнѣвайся уже и въ томъ (что Онъ можетъ воскреснуть). То, что Онъ одинъ имѣетъ власть положить душу свою, показываетъ, что, по той же самой власти, Онъ можетъ и снова пріять ее. Видишь ли, какъ первымъ утвердилъ второе, и смертію неоспоримо доказалъ и воскресеніе? *Сію заповѣдь пріяхъ отъ Отца.* Какую же *сію*? (Заповѣдь) — умереть за міръ. Такъ ужели Онъ ожидалъ, чтобы прежде Ему дана была такая заповѣдь, и послѣ того рѣшился, и ужели имѣлъ нужду узнавать о томъ? Но кто здравомыслящій можетъ сказать это? Нѣтъ, какъ выше словами: *сего ради мя любитъ Отецъ,* показалъ свое добровольное желаніе и уничтожилъ всякую мысль о противномъ; такъ и здѣсь, сказавъ, что получилъ заповѣдь отъ Отца, не выражаетъ ничего другаго, кромѣ того, что Отцу угодно то, что Я дѣлаю, дабы, когда умертвятъ Его, не думали, что умертвили, какъ оставленнаго и преданнаго Отцемъ, и не поносили такъ, какъ поносили: *иныя спасе, себе ли не можетъ спасти,* — и: *аще Сынъ еси Божій, сниди со креста* (Матѳ. 27, 40. 42). Потому-то именно Онъ и не сходитъ (со креста), что Онъ Сынъ Божій.

3. А чтобы ты, слыша, что Онъ пріялъ за-

повѣдь отъ Отца, не подумалъ, что это дѣло чуждое Ему, Онъ уже напередъ сказалъ: *пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы*, показывая тѣмъ, что овцы принадлежатъ Ему, что все послѣдовавшее было Его дѣломъ и что Онъ не имѣетъ нужды въ заповѣди. И если бы имѣлъ Онъ нужду въ заповѣди, то какъ бы могъ сказать: *полагаю о себѣ*? Кто полагаетъ (душу) самъ по себѣ, тотъ не имѣетъ нужды въ заповѣди. Притомъ Онъ указываетъ и причину, почему поступаетъ такъ. Какая же это причина? Та, что Онъ пастырь и пастырь добрый; а добрый пастырь не имѣетъ нужды, чтобы другой побуждалъ его къ такому дѣлу. Если такъ бываетъ у людей, то тѣмъ болѣе должно ожидать этого отъ Бога. Потому и Павелъ говоритъ (о Христѣ), что Онъ *себе умалилъ* (Фил. 2, 7). Итакъ слово: заповѣдь, означаетъ здѣсь не что другое, какъ только единомысліе Его со Отцемъ. Если же здѣсь говорится такъ уничиженно и по человѣчески, то причина этому—немощь слушателей. *Распря же паки бысть въ Іудеехъ за словеса сія. Глаголаху же мнози отъ нихъ: бѣса имать и неистовъ есть: что его послушаете? Иніи глаголаху: сіи глаголы не суть бѣснующагося. Еда можетъ бѣсъ слѣпымъ очи отверзти* (Іоан. 10; 19. 20. 21)? Такъ какъ слова Его были выше человѣческихъ и выходили изъ ряда обыкновенныхъ; то (Іудеи) называли Его бѣсноватымъ, отзываясь о Немъ такъ уже въ четвертый разъ. Ибо и прежде говорили: *бѣса ли имаши? Кто тебе ищетъ убити* (Іоан. 7, 20)?

И опять: *не добрѣ ли мы глаголемъ, яко Самарянинъ еси ты и бѣса имаши* (8, 49)? Также и здѣсь: *бѣса имать и неистовъ есть: что его послушаете*? Впрочемъ вѣрнѣе, что и не четыре раза, а чаще Онъ слышалъ такой отзывъ. Ибо слова: *не добрѣ ли мы глаголемъ, яко бѣса имаши*, — служатъ знакомъ, что они не два и не три раза, но часто говорили это. *Иніи*, сказано, *глаголаху: сіи глаголы не суть бѣснующагося: еда можетъ бѣсъ слѣпымъ очи отверзти*? Такъ какъ не могли заградить (имъ) уста, ссылаясь на слова, то, наконецъ, заимствуютъ доказательство отъ дѣлъ. И самыя слова (говорятъ), очевидно, не приличны бѣсноватому; но если васъ не увѣряютъ слова, то убѣдитесь дѣлами. Если это не дѣла бѣсноватаго, и между тѣмъ они выше человѣческихъ; то очевидно, что они суть дѣйствіе нѣкоей силы божественной. Понялъ ли умозаключеніе? Что дѣла (Его) были выше человѣческихъ, видно изъ словъ ихъ: *бѣса имать*. А что Онъ не имѣлъ бѣса, то доказалъ своими дѣлами. Что же Христосъ? Ничего не отвѣчаетъ на это. Прежде Онъ отвѣчалъ: *азъ бѣса не имамъ*, — а теперь не отвѣчаетъ. Представивъ уже доказательство отъ дѣлъ, Онъ теперь молчалъ. Да и не достойны были никакого отвѣта называвшіе Его бѣсноватымъ за то, чему слѣдовало удивляться и за что должно было признавать Его Богомъ. И нужны ли были еще съ Его стороны какія-либо обличенія, когда сами они возставали другъ противъ друга и обличали одни другихъ? Поэтому-то Онъ молчалъ и все переносилъ

силъ съ кротостію. Впрочемъ не только по этой причинѣ, но и для того, чтобы насъ научить кротости и всякому долготерпѣнію.

4. Итакъ будемъ подражать Ему. Онъ не ограничился однимъ молчаніемъ, но и снова выступилъ (на дѣло своего служенія); и когда Его (Іудеи) спросили, отвѣтствовалъ; и выказалъ свое (о нихъ) попеченіе. Его назвали бѣсноватымъ и неистовымъ люди, получившіе отъ Него безчисленныя благодѣянія, и (назвали) не однажды и не дважды, но много разъ; однакожъ Онъ не только не мстилъ, но и не переставалъ имъ благодѣтельствовать. И что я говорю — благодѣтельствовать? За нихъ Онъ и душу свою положилъ, и на крестѣ ходатайствовалъ за нихъ предъ Отцемъ. Будемъ же и мы подражать этому. Вѣдь быть ученикомъ Христовымъ и значитъ быть кроткимъ и незлобивымъ. Но какимъ же образомъ мы можемъ стяжать эту кротость? (Мы пріобрѣтемъ ее), если будемъ постоянно размышлять о своихъ грѣхахъ,—если будемъ скорбѣть (о нихъ) и плакать. Душа, погруженная въ такое сѣтованіе, не можетъ ни раздражаться, ни гнѣваться. Гдѣ скорбь, тамъ гнѣвъ невозможенъ; гдѣ печаль, тамъ нѣтъ мѣста злобѣ; гдѣ сокрушеніе духа, тамъ не можетъ быть негодованія. Душа, терзаемая скорбію, не имѣетъ и времени раздражаться; но горько сѣтуетъ и еще горьче плачетъ. Знаю, что многіе, слыша это, смѣются; но я не перестану плакать о смѣющихся. Настоящее время есть время скорби, слезъ и рыданій. Ибо мы много грѣшимъ и словами и дѣлами; а такихъ грѣш-

никовъ ожидаютъ геенна и рѣка, кипящая огненными волнами и, что всего хуже, лишеніе царствія. И при такихъ-то угрозахъ, скажи мнѣ, ты смѣешься и веселишься? И въ то время, какъ Господь твой гнѣвается и угрожаетъ, ты остаешься безпечнымъ? И ты не боишься возжечь тѣмъ для себя горящую пещь? Не слышишь ли, что взываетъ Онъ каждый день? «Вы видѣли Меня алчущимъ и не напитали;—жаждущимъ и не напоили. *Идите во огнь, уготованный діаволу и аггеломъ его* (Матѳ. 25, 41. 42)». Такія угрозы Онъ повторяетъ каждый день. «Но я, говоришь, питалъ Его». Когда и сколько дней? Десять, двадцать? Но Онъ хочетъ (чтобы ты питалъ Его) не въ теченіи этихъ только дней, но во все время, пока живешь на землѣ. Вѣдь и дѣвы имѣли елей; но не въ достаточномъ для ихъ спасенія количествѣ. И онѣ возжгли свѣтильники; но не были допущены въ брачный чертогъ. И совершенно справедливо: потому что свѣтильники ихъ угасли до пришествія жениха. Поэтому намъ должно имѣть много елея и много человѣколюбія. Послушай, что говоритъ Пророкъ: *помилуй мя, Боже, по велицѣй твоей милости* (Псал. 50, 1). Такъ и намъ должно миловать ближнихъ по великой, возможной намъ, милости. Каковы будемъ мы сами по отношенію къ подобнымъ намъ рабамъ, такого приготовимъ себѣ и владыку. Когда же милость бываетъ великою? Когда мы даемъ не отъ избытка, но отъ скудости. А если мы не даемъ и отъ избытка, то какая останется намъ надежда? Что избавитъ насъ отъ тѣхъ

золъ? Куда прибѣгнемъ и гдѣ найдемъ спасеніе? Если дѣвы послѣ столь многихъ и столь великихъ трудовъ не получили ниоткуда никакого утѣшенія: то кто будетъ нашимъ заступникомъ, когда мы услышимъ тѣ страшныя слова, когда самъ Судія, укоряя насъ, скажетъ: «вы не напитали Меня алчущаго. *Понеже*, говоритъ, *не сотвористе единому сихъ меньшихъ, ни мнѣ сотвористе* (Матѳ. 25, 45)», разумѣя здѣсь не учениковъ только и не избравшихъ (только) жизнь иноческую, но и всякаго человѣка вѣрующаго Хотя бы это былъ рабъ, хотя бы былъ изъ числа нищихъ, просящихъ на площади, но если онъ вѣруетъ въ Бога, имѣетъ право пользоваться всѣмъ (нашимъ) расположеніемъ. И если мы презримъ такого человѣка, когда онъ нагъ или алчетъ, то услышимъ тѣ слова. И совершенно справедливо; ибо труднаго ли и обременительнаго ли (Господь) требуетъ отъ насъ? Не того ли, напротивъ, что весьма легко и удобоисполнимо? Вѣдь не сказалъ Онъ: «Я былъ боленъ, и вы не исцѣлили Меня», но: *не посѣтисте мене*». Не сказалъ: «Я былъ въ темницѣ, и вы не освободили Меня», но: *не пріидосте ко мнѣ*. А чѣмъ легче заповѣди, тѣмъ большее наказаніе тѣмъ, которые не исполняютъ ихъ. Что же можетъ быть легче, скажи мнѣ, чѣмъ пойти и зайти въ темницу? Что даже пріятнѣе? Когда ты увидишь (здѣсь) однихъ въ оковахъ, другихъ въ грязи, однихъ обросшихъ волосами и одѣтыхъ въ рубища, другихъ истаевающихъ отъ голода и, подобно псамъ, прибѣ-

гающихъ къ (твоимъ) ногамъ, иныхъ съ растерзанными ребрами, иныхъ только теперь возвращающихся въ оковахъ съ площади, гдѣ они цѣлый день просятъ подаянія, но не сбираютъ и необходимаго пропитанія, а между тѣмъ вечеромъ принуждены бываютъ отдать стражамъ и то, что достали этимъ тяжкимъ и несноснымъ трудомъ: то, хотя бы ты былъ камень, непремѣнно сдѣлаешься человѣколюбивѣе; хотя бы велъ жизнь изнѣженную и распутную, непремѣнно будешь болѣе любомудрствовать, увидѣвъ участь людей въ чужихъ несчастіяхъ. Тогда непремѣнно придетъ тебѣ на мысль и тотъ страшный день съ его различными наказаніями. А когда будешь помнить и размышлять объ этомъ,—непремѣнно отвергнешь и гнѣвъ, и удовольствіе, и пристрастіе къ житейскимъ вещамъ, и содѣлаешь душу свою тише самой тихой пристани. Будешь любомудрствовать и о томъ судилищѣ, представляя, что если у людей такое устройство и порядокъ, (такой) страхъ и (такіе) угрозы: то тѣмъ болѣе у Бога. *Нѣсть бо власть аще не отъ Бога* (Римл. 13, 26). А Кто предоставилъ начальствующимъ распоряжаться такимъ образомъ, Тотъ тѣмъ болѣе сдѣлаетъ это самъ.

5. И если бы не было этого страха,—погибло бы все; потому что и теперь, когда угрожаетъ намъ столько наказаній, многіе устремляются къ злу. Разсуждая же объ этомъ, ты не только будешь усерднѣе къ дѣламъ милосердія, но и получишь великое удовольствіе,—гораздо большее, чѣмъ тѣ, которые приходятъ со

зрѣлища. Возвращающіеся оттуда пылаютъ огнемъ вожделѣнія. Увидѣвъ на сценѣ тѣхъ страстныхъ женщинъ и получивъ отъ того многочисленныя раны, они бываютъ ничѣмъ не лучше волнующагося моря: потому что взгляды (тѣхъ женщинъ), одежда, слова, поступь и все прочее представляются ихъ взорамъ и не даютъ покоя душѣ. Напротивъ, вышедшіе отсюда (изъ темницы) не подвергнутся ничему такому, а пріобрѣтутъ глубокое спокойствіе и безмятежность. Скорбь, произведенная зрѣлищемъ узниковъ, потушаетъ всякій такой огонь. Кто вышелъ отъ узниковъ, съ тѣмъ если бы и встрѣтилась какая-либо блудная и безстыдная женщина, она не причинитъ ему никакого вреда. Сдѣлавшись уже какбы невиннымъ, онъ не будетъ уловленъ сѣтями ея взоровъ, потому что вмѣсто безстыдныхъ ея взоровъ будетъ тогда предъ очами его страхъ суда. Потому-то испытавшій всѣ роды удовольствій и говорилъ: *благо ходити въ домъ плача, нежели ходити въ домъ пира* (Еккл. 7. 3). Такимъ образомъ, (посѣщающій узниковъ) и здѣсь выкажетъ великое любомудріе, и тамъ услышитъ слова, стоющія безчисленныхъ блаженствъ. Не будемъ же пренебрегать такимъ дѣломъ и занятіемъ. Пусть мы не можемъ принести пищи, или пособить деньгами; но можемъ словомъ утѣшить и ободрить унылую душу, и оказать много другихъ пособій, напримѣръ — уговорить тѣхъ, которые ввергли (въ темницу), расположить къ снисхожденію стражей, и всячески можемъ принесть большую или меньшую пользу. Если скажешь,

что тамъ (содержатся) не честные, добрые и кроткіе люди, но убійцы, грабители могилъ, воры, прелюбодѣи, люди распутные и злодѣи: то и въ этомъ опять укажешь мнѣ побужденіе, почему необходимо посѣщать такія мѣста. Ибо не то намъ заповѣдано, чтобы миловать добрыхъ и наказывать злыхъ, но (повелѣно) — всѣмъ оказывать человѣколюбіе. Будьте, сказано, подобны Отцу вашему, *иже есть на небесѣхъ, яко солнце свое сіяетъ на злыя и благія и дождитъ на праведныя и неправедныя* (Матѳ. 5, 45). Итакъ не осуждай строго другихъ, и не будь жестокимъ судьею, но кроткимъ и человѣколюбивымъ. Вѣдь и мы, если не виновны ни въ прелюбодѣяніи, ни въ расхищеніи могилъ, ни въ воровствѣ, за то имѣемъ другія согрѣшенія, достойныя многихъ наказаній. Ибо и брата часто называли глупцемъ, а это подвергаетъ насъ гееннѣ: и на женщинъ смотрѣли невоздержными очами, а это равняется совершенному любодѣянію; но что всего хуже—не участвуемъ достойнымъ образомъ въ таинствахъ, что дѣлаетъ насъ повинными тѣлу и крови Христовой. Не будемъ же строгими изслѣдователями чужихъ дѣлъ, но станемъ помышлять о своихъ собственныхъ, и тогда мы не будемъ такъ безчеловѣчны и жестоки. Кромѣ того нужно и то сказать, что тамъ (въ темницѣ) мы найдемъ много и добрыхъ людей, стоющихъ часто цѣлаго города. И въ той темницѣ, гдѣ былъ Іосифъ, находилось много порочныхъ, однако обо всѣхъ заботился этотъ праведникъ; да и самъ содержался (тамъ) вмѣстѣ съ другими. Онъ

стоилъ всего Египта, и однако жилъ въ темницѣ, и никто изъ бывшихъ тамъ не зналъ его. Такъ и теперь, быть можетъ, тамъ много есть честныхъ и добрыхъ людей, только они не всѣмъ извѣстны; и попеченіе о такихъ людяхъ вознаграждаетъ тебя за заботы о всѣхъ. А если бы не было и ни одного такого, то и въ этомъ случаѣ будетъ (тебѣ) великое воздаяніе. И самъ Господь твой не съ праведными только бесѣдовалъ: Онъ не убѣгалъ и нечистыхъ, а, напротивъ, и Хананеянку принялъ съ великою благосклонностію, и грѣшную и нечистую Самарянку. Принялъ также и уврачевалъ и другую блудницу, изъ-за которой и порицали Его Іудеи, и позволилъ омочить ноги свои слезами грѣшницы, научая насъ быть снисходительными къ грѣшникамъ. Вотъ въ чемъ состоитъ по преимуществу человѣколюбіе. Что ты говоришь? Въ темницѣ живутъ разбойники и грабители могилъ? А развѣ въ городѣ, скажи мнѣ,— все живутъ праведники? Нѣтъ ли, напротивъ, многихъ такихъ, которые хуже и тѣхъ и предаются разбою съ большимъ безстыдствомъ? Тѣ, если не другимъ чѣмъ, прикрываются, по крайней мѣрѣ, пустынею и тьмою, и дѣлаютъ это въ тайнѣ: эти, напротивъ, отбросивъ личину, совершаютъ зло съ открытымъ лицемъ, предаваясь насилію, хищничеству и любостяжанію. Да и трудно найти человѣка, чистаго отъ неправды.

6. Пусть мы не похищаемъ золота и (не отнимаемъ) столькихъ и столькихъ десятинъ земли; но все же, посредствомъ какого-нибудь обмана и утайки, дѣлаемъ тоже самое въ меньшихъ размѣ-

рахъ и сколько можемъ. Когда, напримѣръ, въ торговыхъ обязательствахъ и при покупкѣ или продажѣ чего-либо, мы споримъ и усиливаемся заплатить меньше, чѣмъ слѣдуетъ, и всячески стараемся объ этомъ,—не разбой ли это? Не воровство ли и хищеніе? Не говори мнѣ, что ты отнялъ не домъ, не рабовъ. Несправедливость опредѣляется не цѣнностію того, что похищается, но намѣреніемъ похитителей. Несправедливость и справедливость имѣютъ одинакую силу какъ въ большомъ, такъ и въ маломъ. И я одинаково называю воромъ какъ того, кто, отрѣзавъ кошелекъ, возметъ чужія деньги, такъ и того, кто, покупая что-нибудь на рынкѣ, удержитъ часть настоящей цѣны. И грабитель не тотъ только, кто разломаетъ стѣну и похититъ что-либо изъ дома, но и тотъ, кто нарушитъ справедливость и отниметъ что-либо у ближняго. Итакъ не будемъ судіями чужихъ дѣлъ, забывая о своихъ собственныхъ: не станемъ заниматься изслѣдываніемъ пороковъ, когда есть случай къ человѣколюбію: но помысливъ о томъ, чѣмъ и мы были нѣкогда, будемъ впредь кроткими и человѣколюбивыми. Чѣмъ же мы были? Послушай, что говоритъ Павелъ? *бѣхомъ бо иногда и мы несмысленни, и непокориви, и прельщени, работающе похотемъ и сластемъ различнымъ, мерзцы суще и ненавидяще другъ друга* (Тит. 3, 3). И въ другомъ мѣстѣ: *бѣхомъ естествомъ чада гнѣва* (Ев. 2, 3). Но Богъ, видя насъ какбы содержимыхъ въ темницѣ и связанныхъ тяжкими узами,—узами, гораздо тягчайши-

ми желѣзныхъ, не устыдился, но пришелъ и явился въ темницу, и насъ, достойныхъ безчисленныхъ наказаній, извелъ оттуда, привелъ въ (свое) царство и содѣлалъ свѣтлѣйшими неба, чтобы и мы дѣлали, по возможности, тоже самое. Ибо когда Онъ говоритъ ученикамъ: *аще убо азъ умыхъ ваши нозѣ, Господь и Учитель, и вы должни есте другъ другу умывати нозѣ. Образъ бо дахъ вамъ, да, якоже азъ сотворихъ вамъ, и вы творите* (Іоан. 13, 11—15); то даетъ этотъ законъ не объ умовеніи только ногъ, но и о всемъ прочемъ, въ чемъ Онъ служилъ намъ примѣромъ. Живетъ ли въ темницѣ убійца,—мы да не утомимся дѣлать добро. Грабитель ли могилъ и прелюбодѣй,—будемъ милосерды не къ пороку, но къ несчастію. Не рѣдко же, какъ я сказалъ, можетъ найтись тамъ и человѣкъ, который одинъ стоитъ весьма многихъ. И если ты постоянно будешь посѣщать узниковъ, то не упустишь такого пріобрѣтенія. Какъ Авраамъ, принимавшій всѣхъ безъ различія странниковъ, принялъ однажды и ангеловъ, такъ и мы встрѣтимъ и великихъ людей, если обратимъ это дѣло въ постоянное занятіе. Если же нужно сказать что-нибудь и удивительное, то не столько похвалъ заслуживаетъ тотъ, кто принимаетъ великаго, сколько тотъ, кто принимаетъ жалкаго и злосчастнаго. Тотъ въ обстоятельствахъ своей жизни представляетъ немаловажное побужденіе къ доброму съ нимъ обхожденію; а отверженный и всѣми оставленный имѣетъ только одно убѣжище—милосердіе того, кто съ добротою

призрѣваетъ его. И вотъ это по преимуществу и есть чистое человѣколюбіе. Притомъ, кто услуживаетъ человѣку славному и знаменитому, тотъ часто дѣлаетъ это изъ тщеславія передъ людьми; а кто (услуживаетъ) отверженному и презираемому, тотъ дѣйствуетъ единственно по заповѣди Божіей. Потому-то, когда мы устрояемъ вечерю, намъ заповѣдано принимать хромыхъ и слѣпыхъ; когда творимъ милостыню, заповѣдано творить ее меньшимъ и нисшимъ изъ людей. *Понеже бо*, говоритъ Спаситель, *сотвористе единому сихъ меньшихъ*, *мнѣ сотвористе*. Итакъ, зная о находящемся тамъ сокровищѣ, будемъ часто ходить туда и тамъ торговать, и туда перенесемъ свое усердіе къ зрѣлищамъ. Если бы ты и ничего не могъ принесть съ собою,—принеси утѣшеніе словомъ. Богъ награждаетъ не только питающаго, но и ходящаго туда. Когда ты придешь и ободришь трепещущую и боязливую душу своимъ утѣшеніемъ, пособіемъ, обѣщаніемъ защиты, наученіемъ любомудрствовать,—не малую и за то получишь награду. Когда ты будешь вести такую бесѣду въ другихъ мѣстахъ, многіе, изнѣженные многоразличными наслажденіями, станутъ надъ тобою и смѣяться. Но находящіеся въ несчастіяхъ, будучи смиренны духомъ, будутъ внимать твоимъ словамъ съ великою кротостію, похвалятъ тебя и сдѣлаются лучшими. И надъ Павломъ, когда онъ проповѣдывалъ, Іудеи часто смѣялись; но узники внимали ему въ великомъ молчаніи. Ибо ничто такъ не располагаетъ душу къ любомудрію, какъ бѣд-

ствіе, искушеніе и угрожающая скорбь. Итакъ, представивъ себѣ все это, (представивъ), сколько мы сдѣлаемъ добра и содержащимся въ темницахъ, и себѣ самимъ, если будемъ постоянно обращаться съ ними, станемъ употреблять на это все время, которое проводимъ въ безвременныхъ и пустыхъ занятіяхъ на площадяхъ. Чрезъ это мы и имъ доставимъ пользу, и себѣ самимъ веселіе, и, послуживъ къ славѣ Божіей, сподобимся вѣчныхъ благъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ котораго и съ которымъ Отцу со Святымъ Духомъ, слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 61.

Быша же тогда обновленія во Іерусалимѣхъ, и зима бѣ. И хождаше Іисусъ въ церкви, въ притворѣ Соломони. Обыдоша же его Іудее, и глаголаху ему: доколѣ души наши вземлеши (Іоан. 10, 22—24)?

Всякая добродѣтель хороша, но въ особенности—незлобіе и кротость. Эта (добродѣтель) выказываетъ въ насъ людей; она отличаетъ (насъ) отъ звѣрей; она дѣлаетъ (насъ) равными ангеламъ. Поэтому и Христосъ часто и много говоритъ объ этой добродѣтели, повелѣвая (намъ)

быть кроткими и незлобивыми. И не словами только заповѣдуетъ это, но учитъ тому и самыми дѣлами, то терпѣливо перенося заушенія, то подвергаясь поношеніямъ и навѣтамъ, и, не смотря на то, опять обращаясь съ навѣтниками. Вотъ тѣ именно, которые называли Его имѣющимъ бѣса и Самаряниномъ, которые неоднократно хотѣли умертвить Его и бросали въ Него камни,— тѣ самые, окруживъ Его, спрашивали: *аще ты еси Христосъ* (Іоан. 10, 24)? Но Онъ и теперь, послѣ столь многихъ и великихъ козней, не отвергъ ихъ отъ Себя, но отвѣчалъ съ великою кротостію. Но необходимо разсмотрѣть всю эту бесѣду сначала. *Быша*, сказано, *обновленія во Іерусалимѣхъ, и зима бѣ*. Это былъ великій и общенародный праздникъ. Іудеи съ великимъ усердіемъ праздновали этотъ день, въ который возстановленъ былъ храмъ по возвращеніи ихъ изъ продолжительнаго персидскаго плѣна (*). На этотъ праздникъ явился и Христосъ: теперь Онъ часто приходилъ въ Іудею, такъ какъ время страданія было уже при дверяхъ. *Обыдоша же Его Іудее, и глаголаху ему: доколѣ души наши вземлеши? Аще ты еси Христосъ, рцы намъ не обинуяся* (Іоан. 10, 24). (На это Христосъ) не сказалъ: «чего вы отъ Меня хотите? Вы неоднократно называли Меня бѣснующимся, и неистовымъ, и Самаряниномъ; вы считали меня противникомъ Божіимъ и обманщикомъ, и недав-

(*) У Златоуста Вавилонія и Ассирія часто называются Персіею.

но еще говорили: *ты о себѣ самъ свидѣтельствуеши: свидѣтельство твое нѣсть истинно* (Іоан. 8, 13). Какъ же теперь спрашиваете и хотите узнать отъ Меня (я ли Христосъ), тогда какъ отвергаете мое свидѣтельство»? Нѣтъ, ничего такого Онъ не сказалъ, хотя и зналъ, что намѣреніе, съ которымъ они спрашивали, было лукавое. Правда, окруживъ Его и сказавъ: *доколѣ души наши вземлеши*,—они тѣмъ, по видимому, выразили нѣкоторое усердіе (къ Нему) и желаніе узнать (истину); но, на самомъ дѣлѣ, мысль, съ какою спрашивали, была злая и коварная. Такъ какъ дѣлъ Его они не въ состояніи были оклеветать и опорочить, то старались уловить Его въ словахъ; и потому постоянно предлагали Ему вопросы, не съ тѣмъ, чтобы узнать (истину), но чтобы заградить Ему уста Его собственными словами. Не могши ничѣмъ опорочить Его дѣла, старались найти какой-нибудь предлогъ (къ обвиненію) въ Его рѣчахъ. Поэтому-то и говорили: *рцы намъ*, хотя Онъ уже неоднократно сказалъ (это). Такъ и Самарянкѣ Онъ говорилъ: *азъ есмь, глаголяй съ тобою* (Іоан. 4, 26), и слѣпому: *и видѣлъ еси его, и глаголяй съ тобою, той есть* (Іоан. 9, 37). Да и имъ самимъ Онъ сказалъ (это), хотя не такими, но другими словами. И еслибы они имѣли (здравый) умъ и дѣйствительно желали узнать: то могли бы уже и по тѣмъ словамъ признать Его (Сыномъ Божіимъ); потому что дѣлами Онъ много разъ доказалъ это. Между тѣмъ смотри, какое у нихъ развращеніе и упорство. Когда Онъ

проповѣдывалъ и училъ словами, они говорятъ: *кое убо ты твориши знаменіе* (Іоан. 6, 30)? А когда представлялъ доказательства въ дѣлахъ, тогда говорятъ Ему: *аще ты еси Христосъ, рцы намъ не обинуяся.* Такимъ образомъ, когда вопіютъ дѣла, они ищутъ словъ; а когда учатъ слова, прибѣгаютъ къ дѣламъ, всегда настаивая на противномъ. А что они спрашивали не съ тѣмъ, чтобы узнать (истину), это показалъ конецъ. Въ самомъ дѣлѣ, на Того самаго, котораго считали (теперь) столько достовѣрнымъ, что принимали Его свидѣтельство даже о Себѣ самомъ,—на Того самаго, едва только изрекъ Онъ нѣсколько словъ, тотчасъ начали бросать камни. Значитъ и то, что они окружили Его, и то, что настоятельно спрашивали,—дѣлалось съ лукавствомъ. Да и самый образъ вопроса являлъ въ нихъ великое недоброжелательство. *Рцы намъ*, говорятъ, *не обинуяся*, *аще ты еси Христосъ*? Хотя всегда, бывая во время праздниковъ, Онъ все говорилъ *не обинуяся* и ничего не говорилъ тайно; однакожъ, они для того обращаются къ нему съ льстивыми словами и говорятъ: *доколѣ души наши вземлеши,*—чтобы, вызвавъ Его (къ объясненію), опять найти какой-нибудь поводъ къ Его обвиненію. А что они всегда спрашивали Его съ этою цѣлію, — не для того, чтобы научиться, но чтобы уловить Его въ словахъ,—это видно не отсюда только, но и изъ многихъ другихъ мѣстъ. Такъ и тогда, когда они приступили (къ Нему) и спрашивали: *достойно ли есть дати кинсонъ кесареви, или ни*

(Матѳ. 22, 17),—и когда бесѣдовали о разводѣ съ женою, и когда спрашивали о той, о которой говорили, что она имѣла семь мужей,—они были уличены въ томъ, что предлагали (Ему) вопросы не съ желаніемъ узнать, но съ злымъ намѣреніемъ. Но въ тѣхъ случаяхъ Онъ обличаетъ ихъ, говоря: *что мя искушаете, лицемѣри* (Матѳ. 22, 18),—показывая тѣмъ, что Онъ знаетъ ихъ тайныя намѣренія: а здѣсь ничего такого не говоритъ, научая насъ не всегда обличать (своихъ) навѣтниковъ, но многое переносить съ кротостію и незлобіемъ. Итакъ, послику безумно было требовать свидѣтельства словъ, когда проповѣдывали о Немъ дѣла, то послушай, какъ Онъ имъ отвѣчаетъ, частію указывая на то, что они безъ нужды этого требуютъ и не для того, чтобы научиться, частію показывая, что Онъ уже далъ отвѣтъ болѣе ясный, чѣмъ на словахъ, то есть, отвѣтъ въ дѣлахъ. *Многажды*, говоритъ, *рѣхъ вамъ, и не вѣруете мнѣ: дѣла, яже азъ творю о имени Отца моего, та свидѣтельствуютъ о мнѣ* (Іоан. 10, 25). Это самое часто говорили между собою и умѣреннѣйшіе изъ нихъ: *не можетъ человѣкъ грѣшенъ сицева знаменія творити* (Іоан. 9, 16), и опять: *не можетъ бѣсъ слѣпымъ очи отверзти* (Іоан. 10, 21), и также: *никтоже можетъ знаменій сихъ творити, аще не будетъ Богъ съ нимъ* (Іоан. 3, 2) И видя знаменія, которыя Онъ творилъ, (одни) говорили: *не сей ли есть Христосъ* (7, 41), — а другіе говорили: *Христосъ егда пріидетъ, еда больша знаменія сотворитъ*,

яже сей творитъ (7, 31)? Да и эти самые (которые теперь спрашивали) хотѣли увѣровать въ Него на основаніи дѣлъ, говоря: *кое ты твориши знаменіе, да видимъ, и вѣру имемъ тебѣ* (Іоан. 6, 30)?

2. Итакъ, поелику въ то время они показывали видъ, будто убѣдятся простымъ словомъ,—между тѣмъ какъ не убѣдились столь многими дѣлами; то Онъ обличаетъ лукавство ихъ, говоря: «если вы дѣламъ не вѣруете, то какъ повѣрите словамъ? Значитъ, вопросъ (вашъ) излишній». Но *рѣхъ вамъ*, говоритъ, *и не вѣруете*: *нѣсте бо отъ овецъ моихъ* (Іоан. 10, 26). «Я, съ своей стороны, исполнилъ все, что слѣдовало сдѣлать пастырю. Если же вы не слѣдуете за Мной, то это происходитъ не отъ того, будто Я—не пастырь, но отъ того, что вы—не мои овцы». Ибо *овцы моя*, говоритъ, *гласа моего слушаютъ, и по мнѣ грядутъ, и азъ животъ вѣчный дамъ имъ, и не погибнутъ во вѣки, и не восхититъ ихъ никтоже отъ руки моея. Отецъ мой, иже даде мнѣ, болій всѣхъ есть*: *и никтоже можетъ восхитити ихъ отъ руки Отца моего. Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 27—30). Смотри, какъ Онъ, и не признавая ихъ (своими овцами), склоняетъ ихъ слѣдовать за Собою. «Вы, говоритъ, не слушаете Меня, потому что вы и не овцы мои; а тѣ, которые слѣдуютъ за Мною, принадлежатъ къ (моему) стаду». Это сказалъ Онъ съ тою цѣлію, чтобы они поревновали сдѣлаться (Его) овцами. Потомъ сказавъ, чего (овцы

Его) достигнуть, Онъ тѣмъ подстрекаетъ ихъ и возбуждаетъ въ нихъ желаніе (сдѣлаться Его овцами). Что же? Значитъ, по могуществу (только) Отца никто не восхититъ (ихъ)? А самъ Ты не можешь и не имѣешь силы охранить (ихъ)? Отнюдь нѣтъ. И дабы ты зналъ, что изреченіе— *Отецъ, иже даде мнѣ*, сказано ради Іудеевъ, чтобы они опять не назвали Его противникомъ Божіимъ; то вотъ Онъ, сказавъ: *не восхититъ никтоже отъ руки моея*, далѣе показалъ, что рука Его и рука Отца одна и таже. А еслибы это было не такъ, то (Ему) слѣдовало бы сказать, что *Отецъ мой, иже даде мнѣ, болій всѣхъ есть, и никтоже можетъ восхитити ихъ отъ руки* моея. Но Онъ не сказалъ такъ, а (сказалъ): *отъ руки Отца моего*. Потомъ, чтобы ты не подумалъ, что самъ Онъ безсиленъ, но овцы находятся въ безопасности по причинѣ силы Отца, Онъ присовокупилъ: *азъ и Отецъ едино есма*. Какбы такъ говорилъ: «не потому Я сказалъ, что ради Отца никто не похититъ овецъ, будто самъ Я не силенъ охранить ихъ; ибо *азъ и Отецъ едино есма*», то есть по отношенію къ могуществу, такъ какъ вся рѣчь у Него была о могуществѣ. Если же (у нихъ) одно и тоже могущество, то, очевидно, и существо, (одно и тоже). Такъ какъ Іудеи вооружались безчисленными средствами (противъ Его послѣдователей), строили (противъ нихъ) ковы, отлучали отъ синагоги, то Онъ говоритъ, что все это они предпринимали напрасно и безполезно; ибо овцы находятся въ рукѣ Отца моего,

какъ и Пророкъ говоритъ: *се на рукахъ моихъ написахъ стѣны твоя* (Ис. 49, 16). Потомъ, показывая, что рука (Его и Отца) одна, Онъ называетъ ее то своею, то Отчею А когда ты услышишь слово: *рука*, не предтавляй себѣ ничего чувственнаго, но (разумѣй) силу, власть. Если же потому никто не могъ восхитить (овецъ), что (Отецъ) облекъ Его силою; въ такомъ случаѣ излишне было бы дальнѣйшее изреченіе: *азъ и Отецъ едино есма*. Если бы Онъ былъ меньше (Отца), то это изреченіе было бы очень дерзновенно; потому что оно показываетъ не что другое, какъ равенство могущества. Такъ именно поняли Его и Іудеи, и потому стали бросать въ Него камни. Однакожъ, не смотря и на это, Онъ не опровергъ такого ихъ мнѣнія и предположенія. Между тѣмъ, если бы они сдѣлали предположеніе неправильное, (Ему) слѣдовало бы поправить ихъ и сказать: «для чего вы это дѣлаете? Я сказалъ это не для того, чтобы приписать Мнѣ и Отцу равное могущество». Но Онъ поступаетъ совсѣмъ напротивъ: Онъ утверждаетъ и одобряетъ ихъ предположеніе, и все это—несмотря на ихъ ожесточеніе. Ибо Онъ не только не извиняется въ своихъ словахъ, какъ не хорошо сказанныхъ; а напротивъ, еще ихъ укоряетъ въ томъ, что они имѣютъ о Немъ не надлежащее понятіе. Такъ, когда они сказали: *о добрѣ дѣлѣ каменіе не мещемъ на тя, но о хулѣ, яко ты, человѣкъ сый, твориши себе Бога* (Іоан. 10, 33),— послушай, что Онъ отвѣчаетъ: *аще оныхъ рече* (Писаніе) *боговъ, къ нимъ же слово Божіе*

бысть, *(како) вы глаголете, яко хулу глаголю, зане рѣхъ Сынъ Божій есмь* (ст. 35. 36). А эти слова означаютъ вотъ что: «если тѣ, которые получили это названіе по благодати, не подвергаются обвиненію, когда называютъ себя богами; то какъ можетъ по справедливости подлежать укоризнѣ Тотъ, Кто имѣетъ это по естеству»? Но Онъ такъ не сказалъ, а доказалъ это послѣ, употребивъ напередъ выраженія болѣе смиренныя и сказавъ: *егоже Отецъ святи и посла въ міръ* (ст. 36). Когда же утишилъ ихъ гнѣвъ, тогда приводитъ ясное доказательство. Сначала, чтобы слово Его было принято, Онъ говорилъ съ нѣкоторымъ уничиженіемъ; а наконецъ возвысилъ (свое слово) и сказалъ такъ: *аще не творю дѣла Отца моего, не имите ми вѣры: аще ли творю, аще и мнѣ не вѣруете, дѣломъ моимъ вѣруйте* (ст. 37, 38). Видишь ли, какъ Онъ доказываетъ то, что я выше сказалъ, именно, что Онъ ничѣмъ не меньше Отца, но во всемъ равенъ (Ему)? Такъ какъ невозможно было видѣть (божескаго) существа Его, то вотъ Онъ въ доказательство равенства своего могущества (съ могуществомъ Отца) представляетъ равенство и тожество дѣлъ.

3. Чему же именно, скажи, вѣровать? Тому, что «*азъ во Отцѣ, и Отецъ во мнѣ* (Іоан. 10, 38). Ибо Я не иное что, а тоже, что Отецъ, только пребываю Сыномъ; и Онъ не иное что, а тоже, что Я, только пребываетъ Отцемъ. И кто познаилъ Меня, тотъ позналъ и Отца, уразумѣлъ и Сына». Но еслибы (Сынъ) былъ меньше (Отца) по могу-

ществу, то и познаніе было бы ложное. Ибо нельзя познать ни существа, ни могущества одного лица посредствомъ другаго, отличнаго отъ него. *Искаху убо яти его, и изыде отъ рукъ ихъ. И иде на онъполъ Іордана, на мѣсто, идѣже бѣ Іоаннъ прежде крестя: и мнози пріидоша къ нему, и глаголаху, яко Іоаннъ убо знаменія не сотвори ни единаго: вся же, елика рече Іоаннъ о семъ, истинна бяху* (Іоан. 10, 39 — 41), Христосъ, послѣ того, какъ возвѣститъ что-нибудь великое и высокое, тотчасъ удаляется, уступая гнѣву Іудеевъ, чтобы своимъ отсутствіемъ укротить и утишить ихъ страсть. Такъ поступилъ Онъ и въ то время. Но для чего Евангелистъ указываетъ мѣсто? Для того, чтобы ты зналъ, что Онъ удалился въ это мѣсто съ намѣреніемъ напомнить Іудеямъ о томъ, что тамъ произошло и что сказано было Іоанномъ, равно какъ и о его свидѣтельствѣ. И дѣйствительно, пришедши туда, они тотчасъ вспомнили объ Іоаннѣ, поэтому и говорятъ, что *Іоаннъ знаменія не сотвори ни единаго.* Иначе какой поводъ былъ бы говорить это? Но такъ какъ мѣсто привело имъ на память Крестителя; то имъ пришло на память и его свидѣтельство. И смотри, какія неоспоримыя составляютъ они умозаключенія. Іоаннъ, говорятъ, не сотворилъ никакого знаменія, а этотъ (Христосъ) творитъ; слѣдовательно отсюда видно Его превосходство (предъ Іоанномъ). Если же мы вѣрили тому (Іоанну), хотя онъ не сотворилъ никакого знаменія; то гораздо болѣе (должны вѣровать) этому (Христу). За-

тѣмъ, такъ какъ Іоаннъ свидѣтельствовалъ (о Христѣ); то, дабы не показалось, что онъ, какъ не сотворившій знаменія, недостоинъ давать свидѣтельство,—они присовокупили: «хотя знаменія онъ не сотворилъ ни одного, однакожъ во всемъ, что говорилъ о Христѣ, былъ истиненъ», и тѣмъ показали, что не Христосъ содѣлался достойнымъ вѣры чрезъ Іоанна, а Іоаннъ чрезъ дѣла Христовы. Такимъ образомъ *мнози вѣроваша въ него* (ст. 42). И въ самомъ дѣлѣ, многое привлекало ихъ (ко Христу). Такъ, вспомнили они о тѣхъ рѣчахъ, которыя Іоаннъ говорилъ, называя Его (Христа) крѣпльшимъ себя, и свѣтомъ, и жизнію, и истиною, и всѣми прочими (именами); вспомнили и голосъ, нисшедшій свыше, и Духа, явившагося тогда въ видѣ голубя и всѣмъ Его указавшаго; а сверхъ того, они видѣли доказательство въ чудесахъ и тѣмъ, наконецъ, утверждались (въ своей вѣрѣ). Если Іоанну, говорили они, должно было вѣрить, то гораздо болѣе—Христу. Если тому (мы вѣрили) безъ знаменій; то гораздо болѣе (должны вѣрить) Христу, который, вмѣстѣ съ свидѣтельствомъ отъ Іоанна, имѣетъ еще доказательство отъ знаменій. Видишь ли, сколько пользы принесло имъ пребываніе въ этомъ мѣстѣ и удаленіе отъ злыхъ людей? Поэтой-то причинѣ (Христосъ) часто изводитъ и удаляетъ ихъ отъ сообщества такихъ людей. Это самое сдѣлалъ Онъ и въ ветхомъ Завѣтѣ, когда въ пустынѣ, вдали отъ Египтянъ, наставлялъ Іудеевъ и давалъ имъ устройство во всемъ. Тоже внушаетъ Онъ и намъ дѣлать, когда повелѣ-

ваетъ убѣгать торжищъ, шума и смятеній, молиться въ тишинѣ — въ своей клѣти. И корабль, неподверженный бурѣ, плыветъ благополучно: такъ и душа, не занятая общественными дѣлами, находится въ пристани. Поэтому-то женамъ слѣдовало бы быть любомудрѣе мужей, такъ какъ онѣ по большей части привязаны къ занятіямъ домашнимъ. Отъ того именно и Іаковъ былъ *не лукавъ*, что жилъ дома и былъ свободенъ отъ внѣшнихъ тревогъ; ибо не безъ причины Писаніе замѣтило о немъ: *живый въ дому* (Быт. 25, 27). Но и въ домѣ, скажешь, много безпокойства. Это отъ того, что ты сама того хочешь и сама себя окружаешь множествомъ заботъ. Мужъ, обращаясь на торжищахъ и въ судилищахъ, очевидно, обуревается внѣшними хлопотами, какбы нѣкоторыми волнами; а жена, сидя дома, какбы въ нѣкоемъ училищѣ любомудрія, и сосредоточивъ въ себѣ свои мысли, имѣетъ возможность заниматься и молитвою, и чтеніемъ, и другими дѣлами любомудрія. И какъ живущіе въ пустыняхъ не имѣютъ никого, кто бы безпокоилъ ихъ, такъ и жена, находясь всегда дома, постоянно можетъ наслаждаться тишиною. Еслижъ иногда представится ей необходимость и выйти (изъ дома), то и тогда нѣтъ для нея повода къ безпокойству. Въ самомъ дѣлѣ, женщинѣ нужно бываетъ выходить (изъ дома) или для того, чтобы прійти сюда, или когда надобно омыть тѣло въ банѣ; за тѣмъ большую часть времени она сидитъ дома. Поэтому она можетъ и сама любомудрствовать, и, принимая растревоженнаго му-

жа, утѣшать и успокоивать его, разгонять излишнія и тяжелыя его мысли и, такимъ образомъ, снова отпускать его (изъ дома) уже безъ тѣхъ непріятностей, какія онъ принесъ съ собою съ торжища, но съ добрымъ расположеніемъ, которое пріобрѣлъ дома. Подлинно, жена благочестивая и разумная, скорѣе всего можетъ образовать мужа и настроить его душу по своему желанію. Ибо ни друзей, ни учителей, ни начальниковъ не послушаетъ онъ такъ, какъ (послушаетъ) свою супругу, когда она увѣщаваетъ и даетъ совѣты. Это увѣщаніе доставляетъ ему и нѣкоторое удовольствіе, потому что онъ очень любитъ эту совѣтницу. И я могъ бы указать на многихъ суровыхъ и неукротимыхъ мужей, которые смягчены такимъ образомъ. Ибо жена участвуетъ съ мужемъ и въ трапезѣ, и въ ложѣ, и въ рожденіи дѣтей, и въ дѣлахъ явныхъ и тайныхъ, во входахъ и выходахъ, и въ весьма многомъ другомъ; она во всемъ ему предана и соединена съ нимъ такъ, какъ тѣло соединено съ головою. И если она будетъ разумна и рачительна, то всѣхъ другихъ превзойдетъ и побѣдитъ въ попеченіи о своемъ супругѣ.

4. Поэтому убѣждаю (васъ, жены): считайте это (своею) обязанностію и давайте (мужьямъ) надлежащіе совѣты. Женщина имѣетъ великую силу какъ для добродѣтели, такъ и для порока. Она погубила Авессалома; она (погубила) Амнона; она намѣревалась (погубить) Іова: но она же избавила Навала отъ смерти; она спасла цѣлый народъ. Такъ, Деввора и Іудиѳь выказали добле-

сти мужей— военачальниковъ. Таковы же (были) и многія другія жены. Поэтому и Павелъ говоритъ: *что бо вѣси, жено, аще мужа спасеши* (1 Кор. 7, 16)? И мы знаемъ, что въ тѣ времена Персида, Маріамъ и Прискилла приняли на себя подвиги апостольскіе. Этимъ-то женамъ и вы должны ревностно подражать, и не словами только, но и дѣлами наставлять своего супруга. Какъ же мы можемъ учить его дѣлами? (Ты научишь его), когда онъ увидитъ, что ты не злонравна, не роскошна, не любишь украшеній, не требуешь излишнихъ денежныхъ доходовъ, но довольствуешься тѣмъ, что есть; потому что въ этомъ случаѣ онъ непремѣнно послушаетъ и твоихъ совѣтовъ. Если же ты на словахъ будешь любомудрствовать, а на дѣлѣ станешь поступать напротивъ: то онъ обвинитъ тебя въ великомъ пустословіи. А когда вмѣстѣ съ словами ты представишь ему наставленіе и дѣлами: тогда онъ и похвалитъ тебя, и скорѣе послушаетъ. Такъ будетъ, напримѣръ, когда ты не станешь искать ни золота, ни жемчуга, ни драгоцѣнныхъ одеждъ, — но вмѣсто этого, (будешь искать) скромности, цѣломудрія, любезности, и, поступая такъ сама, будешь требовать того же и отъ него. Если же надобно что-нибудь дѣлать для угожденія мужу, то нужно душу украшать, а не тѣло наряжать и погублять. Не столько золото, которымъ ты украшаешься, сдѣлаетъ тебя любезною и пріятною для него, сколько — цѣломудріе и ласковость къ нему, и готовность умереть за своего супруга. Это по преимуществу

плѣняетъ мужей. То украшеніе (внѣшнее) непріятно мужу, потому что приводитъ въ стѣсненное положеніе его имѣніе и требуетъ большихъ издержекъ и заботъ; а это, о которомъ сказано выше, привяжетъ мужа къ женѣ. Ибо ласковость, дружба и любовь ни заботъ не приносятъ, ни издержекъ не требуютъ, но (доставляютъ) все противоположное. Притомъ тотъ нарядъ отъ привычки дѣлается приторнымъ; а украшеніе души цвѣтетъ каждый день и возжигаетъ сильнѣйшій пламень. Итакъ, если хочешь нравиться мужу, украшай душу цѣломудріемъ, благочестіемъ, попеченіемъ о домѣ. Эта красота и болѣе плѣняетъ, и никогда не прекращается. Ни старость не разрушаетъ этой красоты, ни болѣзнь не уничтожаетъ. Красоту тѣлесную и время продолжительное разрушаетъ, и болѣзнь истребляетъ, и (губитъ) многое другое; а что украшаетъ душу, то выше всего этого. Кромѣ того, та красота и зависть возбуждаетъ, и ревность возжигаетъ; а эта чиста отъ такой болѣзни и свободна отъ всякаго тщеславія. Такимъ образомъ, и въ домѣ все будетъ идти лучше, и доходы будутъ изобильнѣе, когда золото не будетъ лежать вокругъ твоего тѣла, не будетъ связывать твоихъ рукъ, но будетъ употребляться на необходимыя нужды, какъ, напримѣръ: на содержаніе слугъ, на необходимое попеченіе о дѣтяхъ и на другія дѣйствительныя потребности. Но если (ты будешь поступать) не такъ,—если (необходимыя нужды) будутъ со всѣхъ сторонъ лежать предъ глазами и стѣснять сердце: то какая (тебѣ) прибыль? Какая

польза? Печаль сердца не позволяетъ замѣчать того, чѣмъ (обыкновенно) плѣняются глаза. Вѣдь вы знаете, вѣрно знаете, что если бы кто увидѣлъ женщину, даже лучше всѣхъ украшенную, онъ не можетъ находить въ томъ удовольствія, когда у него душа болѣзнуетъ. Ибо кто хочетъ находить (въ чемъ-либо) удовольствіе, тому напередъ нужно быть веселымъ и имѣть расположеніе къ радости. Между тѣмъ, если золото все растрачено на украшеніе женина тѣла, а въ домѣ обитаетъ скудость, то для супруга нѣтъ (въ томъ) никакого удовольствія. Итакъ, если желаете нравиться мужьямъ, приводите ихъ въ пріятное расположеніе духа; а приведете ихъ въ это расположеніе, когда отвергнете наряды и украшенія. Все это, по видимому, имѣетъ для него нѣкоторую пріятность во время бракосочетанія; но въ послѣдствіи, съ теченіемъ времени, теряетъ свою цѣну. Если отъ привычки мы не очень удивляемся небу, которое такъ прекрасно, и солнцу, которое такъ блистательно, что ты не можешь сравнить съ нимъ ни одного тѣла: то какимъ образомъ будемъ (всегда) дивиться украшенному тѣлу? Это говорю я, желая, чтобы вы украшались красотою истинною, которую заповѣдалъ Павелъ: *не златомъ*, *или бисерми*, *или ризами многоцѣнными*, *но*, *еже подобаетъ женамъ*, *обѣщавающимся благочестію*, *дѣлы благими* (1 Тим. 2, 9—10). Или ты хочешь нравиться лицамъ постороннимъ и отъ нихъ получать похвалы? Но это желаніе отнюдь не жены цѣломудренной. Впрочемъ, если хочешь, то и они

будутъ очень любить тебя и хвалить за цѣломудріе. Въ самомъ дѣлѣ, ту (женщину, которая любитъ наряды) не похвалитъ ни одинъ скромный и порядочный человѣкъ; похвалятъ развѣ люди распутные и сладострастные, или, лучше сказать, и они не похвалятъ, а напротивъ станутъ говорить о ней худо, когда замѣтятъ, что ея безстыдство возбуждаетъ въ нихъ вожделѣніе. А эту (цѣломудренную) и тѣ, и другіе, и всѣ похвалятъ, такъ какъ не только не получаютъ отъ ней никакого вреда, а напротивъ (получаютъ) еще наставленіе въ любомудріи. И отъ людей ей будетъ великая похвала, и отъ Бога великая награда. Итакъ будемъ ревновать объ этой красотѣ, чтобы и здѣсь пожить въ безопасности, и достигнуть будущихъ благъ, которыхъ да сподобимся всѣ мы по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 62.

Бѣ же боля нѣкто Лазарь отъ Виѳаніи, отъ веси Маріины и Марѳы, сестры ея: бѣ же Марія, помазавшая Господа мѵромъ (Іоан. 11, 1. 2).

Многіе соблазняются, когда видятъ нѣкоторыхъ угодныхъ Богу людей въ какомъ-либо бѣдствіи, когда видятъ, напримѣръ, что они подверглись болѣзни, или бѣдности, или чему-нибудь другому подобному; а того не знаютъ, что такія страданія свойственны тѣмъ, которые особенно любезны Богу. Такъ вотъ и Лазарь былъ изъ (числа) друзей Христовыхъ, а былъ боленъ, какъ это именно говорили и пославшіе (ко Христу): *се, егоже любиши, болитъ* (ст. 3). Но разсмотримъ это отдѣленіе (евангельскаго чтенія) сначала. *Бѣ нѣкто*, сказано, *боля Лазарь отъ Виѳаніи*. Не просто и не случайно сказалъ (Евангелистъ), откуда былъ Лазарь, но по нѣкоторой причинѣ, которую укажетъ въ послѣдствіи. Но мы пока будемъ заниматься предложеннымъ мѣстомъ. Съ пользою также (Евангелистъ) упоминаетъ намъ и о сестрахъ его (Лазаря), присовокупляя къ тому, что особеннаго имѣла Марія, именно: *бѣ же Марія, помазавшая Господа мѵромъ*. Нѣкоторые съ недоумѣніемъ здѣсь спрашиваютъ: какъ Христосъ позволилъ сдѣлать это

женщинѣ? По этому, прежде всего необходимо замѣтить, что это — не блудница, упоминаемая у Матѳея, и не та, которая (упоминается) у Луки; нѣтъ, это—другая (женщина). Тѣ дѣйствительно были блудницы и преисполнены многихъ пороковъ; а эта была честная и усердная: ибо она заботилась о принятіи Христа. Евангелистъ сказываетъ еще, что и сестры (Лазаря) любили Христа, и однакожъ Онъ допустилъ Лазарю умереть. Но почему же онѣ не оставили болящаго брата и не пошли сами ко Христу, какъ поступилъ сотникъ и мужъ царевъ, но—послали къ Нему? Потому, что онѣ крѣпко надѣялись на Христа, и были очень близки къ Нему. А съ другой стороны, — онѣ были слабыя женщины и были одержимы скорбію. А что онѣ сдѣлали такъ не по небреженію, это показали въ послѣдствіи. Итакъ, очевидно, что Марія была не блудница. Но для чего, скажешь, и блудницу принялъ Христосъ? Для того, чтобы разрѣшить отъ порока, чтобы показать человѣколюбіе, чтобы ты позналъ, что нѣтъ недуга, побѣждающаго Его благость. Итакъ, не на то одно смотри, что Онъ принялъ, но и на то взирай, какъ Онъ перемѣнилъ ее. Для чего же Евангелистъ упоминаетъ намъ объ этомъ событіи? Или лучше, чему онъ хочетъ научить (насъ) словами: *любляше Іисусъ Марѳу и сестру ея и Лазаря* (ст. 5)? Тому, чтобы мы отнюдь не негодовали и не огорчались, когда случится впасть въ какую-нибудь болѣзнь людямъ добродѣтельнымъ и друзьямъ Божіимъ. *Се, егоже любиши, болитъ* (ст. 3). (Сестры Лазаря) хотѣли

возбудитъ въ Христѣ состраданіе; потому что еще смотрѣли на Него, какъ на человѣка, что видно изъ ихъ словъ: *аще бы еси здѣ былъ, не бы умеръ* (ст. 21), а также изъ того, что онѣ не сказали: *се*, Лазарь *болитъ*, но: — *се, егоже любиши, болитъ*. Что же Христосъ? *Сія болѣзнь нѣсть къ смерти*, *но о славѣ Божіи, да прославится Сынъ Божій ея ради* (ст. 4). Смотри, какъ Онъ опять показываетъ, что слава Его и слава Отца — одна. Ибо, сказавъ — *о славѣ Божіи,* присовокупилъ: *да прославится Сынъ Божій. Сія болѣзнь нѣсть къ смерти.* Такъ какъ Онъ намѣренъ былъ пробыть тамъ (гдѣ находился) два дня, то теперь и отсылаетъ ихъ (посланныхъ) съ этимъ извѣстіемъ. При этомъ слѣдуетъ подивиться сестрамъ Лазаря, какъ онѣ, услышавъ, что (болѣзнь) *нѣсть къ смерти*, и между тѣмъ увидѣвъ его умершимъ, не соблазнились тѣмъ, что на дѣлѣ вышло напротивъ; но и послѣ того приступили ко Христу, и не подумали, что Онъ сказалъ ложь. А частица *да* означаетъ здѣсь не причину, но событіе. Болѣзнь случилась по иной причинѣ; но Христосъ обратилъ ее къ славѣ Божіей. И, сказавъ это, *пребысть два дни* (ст. 6). Для чего же *пребысть*? Для того, чтобы (Лазарь) скончался и былъ погребенъ, чтобы потомъ никто не могъ сказать, что Онъ воскресилъ его тогда, какъ тотъ еще не умеръ, что то былъ только глубокій сонъ, или разслабленіе, или лишеніе чувствъ, но не смерть. По этой-то причинѣ Онъ и остался на столько времени, что произошло да-

же тлѣніе, такъ что говорили: *уже смердитъ* (ст. 39). *Потомъ же глагола ученикомъ: идемъ во Iудею* (ст. 7). Почему Онъ здѣсь говоритъ напередъ (куда хочетъ идти), тогда какъ въ другихъ мѣстахъ нигдѣ не предувѣдомлялъ объ этомъ? (Ученики) сильно боялись (Iудеевъ); и такъ какъ теперь находились въ такомъ расположеніи духа, то Онъ и предваряетъ ихъ этимъ извѣстіемъ, чтобы не встревожить внезапностію. Что же ученики? *Нынѣ искаху тебе каменіемъ побити Iудее, и паки ли идеши тамо* (ст. 8)? Такимъ образомъ, они боялись и за Него, но еще болѣе—за себя; потому что еще не были совершенны. Отъ того-то Ѳома, потрясаемый страхомъ, и говоритъ: *идемъ и мы, да умремъ съ нимъ* (ст. 16); такъ какъ онъ былъ слабѣе и маловѣрнѣе другихъ. Но смотри, какъ Iисусъ ободряетъ ихъ тѣмъ, что говоритъ далѣе: *не дванадесять ли часовъ есть во дни* (ст. 9). Этимъ Онъ сказалъ или то, что не сознающій за собой ничего худаго не потерпитъ никакой бѣды, а потерпитъ тотъ, кто поступаетъ худо; слѣдовательно намъ не должно страшиться, потому что мы не сдѣлали ничего достойнаго смерти: — или то, что видящій *свѣтъ міра сего* (ст. 9) находится въ безопасности, и что если (безопасенъ) видящій *свѣтъ міра сего*, то гораздо болѣе—тотъ, кто находится со Мною, если не отступитъ отъ Меня. Ободривъ ихъ такими словами, Онъ приводитъ и причину, почему имъ необходимо туда отправиться. И показывая, что они пойдутъ не въ Iерусалимъ, а въ Виѳанію, Онъ говоритъ: *Лазарь, другъ нашъ*,

успе, но иду, да возбужу его (ст. 11), то есть, иду не для того, что бы бесѣдовать опять о тѣхъ же предметахъ и обращаться тамъ между Іудеями, но за тѣмъ, чтобы возбудить нашего друга. *Рѣша убо ученицы его: Господи, аще успе, спасенъ будетъ* (ст. 12). Это не просто сказали они, но съ тѣмъ, чтобы воспрепятствовать Ему идти туда. Ты говоришь, возражаютъ они, что онъ спитъ? Значитъ, нѣтъ особенной нужды идти туда. Между тѣмъ Онъ для того и сказалъ: *другъ нашъ*, чтобы показать необходимость идти.

2. Когда же они все еще не рѣшались (идти), то Онъ говоритъ: *умре* (ст. 14). Первое выраженіе (то есть *успе*) Онъ употребилъ потому, что хотѣлъ научить не тщеславиться; но такъ какъ они не поняли, то Онъ присовокупляетъ: *умре, и радуюся васъ ради* (ст. 15). Почему же именно *васъ ради*?—Потому что Я предсказалъ (смерть его), не бывши тамъ; и, значитъ, когда Я воскрешу его, не будетъ никакого подозрѣнія. Видишь ли, какъ еще несовершенны были ученики, и не понимали, какъ должно, Его могущества? А это происходило отъ страха, который въ то время волновалъ и смущалъ ихъ души. И когда (Христосъ) сказалъ: *успе*, тогда прибавилъ: *иду, да возбужу его*; а сказавъ: *умре*, уже не присовокупилъ: иду, чтобы воскресить его. Ибо Онъ не хотѣлъ словами предрекать того, что имѣлъ подтвердить самымъ дѣломъ, вездѣ научая насъ не тщеславиться и не давать безъ разбора обѣщаній. А если Онъ и сдѣлалъ это, ког-

да сотникъ умолялъ Его,—потому что сказалъ: *азъ пришедъ исцѣлю его* (Матѳ. 8, 7); то сказалъ это для того, чтобы показать его вѣру. Если же кто скажетъ: отъ чего ученики пришли къ мысли о снѣ и не уразумѣли, что Онъ говоритъ о смерти, даже и послѣ того, какъ Онъ сказалъ: *иду да возбужу его*,—такъ какъ безумно было предполагать, что Онъ отправится за пятнадцать стадій для того, чтобы разбудить (Лазаря);—то мы отвѣтимъ, что они считали это загадкой, какихъ Онъ говорилъ много. Итакъ всѣ они боялись нападенія отъ Іудеевъ; но болѣе всѣхъ другихъ—Ѳома, который поэтому и сказалъ: *идемъ и мы, да умремъ съ нимъ* (ст. 16). Нѣкоторые говорятъ, что онъ дѣйствительно желалъ умереть; но это несправедливо: слова его болѣе выражаютъ страхъ. Однакожъ онъ не подвергся за то упреку, потому что (Христосъ) снисходилъ теперь его немощи. Въ послѣдствіи же онъ сдѣлался сильнѣе всѣхъ и былъ непобѣдимъ. И вотъ то-то и удивительно, что (апостола), столь слабаго прежде креста, — послѣ креста и послѣ того, какъ онъ повѣрилъ воскресенію, мы видимъ пламеннѣе всѣхъ прочихъ. Такъ велика сила Христова! Кто не смѣлъ пойти вмѣстѣ со Христомъ въ Виѳанію, тотъ не видя Христа, протекъ почти всю вселенную и обращался среди народовъ свирѣпыхъ и готовыхъ его умертвить. Но если Виѳанія отстояла на пятнадцать стадій, что составляетъ двѣ мили, то какимъ образомъ Лазарь могъ быть *четверодневенъ* (ст. 39)? (Христосъ) пробылъ на мѣстѣ два дня, да наканунѣ этихъ двухъ

дней приходилъ (къ Нему) посланный съ извѣстіемъ, — въ тотъ самый день, когда (Лазарь) и умеръ, такъ что Христосъ прибылъ (въ Виѳанію) именно въ четвертый день. Потому Онъ и ожидалъ, чтобы Его позвали, и не пошелъ самъ собою безъ приглашенія, чтобы кто-нибудь не заподозрилъ этого событія. Да и приходили (къ Нему) не сами (сестры), которыхъ Онъ любилъ; но были посланы (люди) посторонніе. *Бѣ же Виѳанія близъ Іерусалима стадій яко пятьнадесятъ* (ст. 18). Отсюда становится очевиднымъ, что тамъ могли присутствовать многіе изъ Іерусалима. И дѣйствительно, (Евангелистъ) тотчасъ присовокупилъ, что *мнози отъ Іудей бяху пришли, да утѣшатъ* (ст. 19). Отъ чего же они утѣшали этихъ (женщинъ), любимыхъ Христомъ? Вѣдь они же положили: *аще кто его исповѣстъ Христа, отлученъ отъ сонмища будетъ* (Іоан. 9,22)? (Утѣшали) или по особенной тяжести этого несчастія, или по уваженію къ нимъ, какъ женщинамъ благороднымъ, или—это были люди, не принадлежавшіе къ числу злыхъ, такъ какъ многіе и изъ нихъ вѣровали. А говоритъ объ этомъ Евангелистъ для того, чтобы увѣрить, что Лазарь умеръ. Зачѣмъ же (Марѳа), выходя на встрѣчу Христу, не беретъ съ собою сестры? Она хочетъ увидѣться съ Нимъ наединѣ, и разсказать Ему о случившемся. Когда Онъ возбудилъ въ ней добрыя надежды, она уходитъ и зоветъ Марію, которая и вышла ко Христу на встрѣчу, хотя скорбь ея была еще во всей силѣ. Видишь ли, какъ горяча была любовь?

Это та самая (Марія), о которой (Христосъ) говорилъ: *Марія же благую часть избра* (Лук. 10, 42). Но какъ же, скажешь, Мароа явилась теперь болѣе усердною? Она не была болѣе усердною; ибо Марія (не вышла на встрѣчу Христу потому, что) еще не слышала (о Его прибытіи). Напротивъ (Мароа) была слабѣе (въ вѣрѣ), потому что и послѣ того, какъ услышала (отъ Господа) столь многое, все еще говоритъ: *уже смердитъ, четверодневенъ бо есть* (ст. 39). А эта (Марія), хотя ничего не слышала, однакожъ не сказала ничего подобнаго, но тотчасъ увѣровала и говоритъ: *Господи, аще бы еси былъ здѣ, не бы умерлъ мой братъ* (ст. 32).

3. Видите, какое любомудріе у женъ, хотя и немощенъ ихъ умъ? Увидѣвъ Христа, онѣ не предаются тотчасъ слезамъ, рыданіямъ и стонамъ, что бываетъ съ нами, когда къ намъ приходитъ кто нибудь изъ знакомыхъ во время нашей скорби; но тотчасъ выказываютъ свое удивленіе къ Учителю. Такъ, онѣ обѣ вѣровали во Христа, но—еще не надлежащимъ образомъ. Онѣ не знали еще хорошо ни того, что Онъ Богъ, ни того, что Онъ творилъ это (чудеса) собственною силою и властію. Теперь Онъ научилъ ихъ и тому и другому. А что онѣ не знали этого, видно какъ изъ словъ ихъ: *аще бы еси здѣ былъ, не бы братъ* нашъ *умеръ*, (ст. 21), такъ и изъ того, что онѣ присовокупили: *елика аще просиши отъ Бога, дастъ тебѣ Богъ* (ст. 22). Такимъ образомъ онѣ говорятъ (о Христѣ), какъ о какомъ нибудь человѣкѣ добродѣ-

тельномъ и угодномъ Богу. Замѣть же, что отвѣчаетъ Христосъ: *воскреснетъ братъ твой* (ст. 23). Этимъ опровергаетъ пока слова: *елика аще просиши*. Ибо не сказалъ: Я буду просить, но что? *Воскреснетъ братъ твой*. Если бы Онъ сказалъ: женщина! еще ли ты долу смотришь? Я не нуждаюсь въ чужой помощи; Я все творю Самъ собою,—то это было бы очень тяжело и непріятно для женщины. Но сказавъ: *воскреснетъ*, Онъ тѣмъ естественно сдѣлалъ слово свое болѣе умѣреннымъ, а дальнѣйшими словами далъ разумѣть и то, что я выше сказалъ. Такъ, когда (Мароа) сказала: *вѣмъ, яко воскреснетъ въ воскрешеніе, въ послѣдній день* (ст. 24), тогда Онъ, яснѣе показывая свое самовластіе, говоритъ: *Азъ есмь воскрешеніе и животъ* (ст. 25), и тѣмъ означаетъ, что Онъ не нуждается въ содѣйствіи другаго, такъ какъ Самъ есть жизнь. А если бы Онъ нуждался въ другомъ, то какимъ бы образомъ Самъ могъ быть воскрешеніемъ и жизнію? Но Онъ не сказалъ такъ ясно, а только намекнулъ на это. Потомъ, такъ какъ она сказала: *елика аще просиши*, то Онъ еще говоритъ: *вѣруяй въ Мя, аще и умретъ, оживетъ* (ст. 25), показывая тѣмъ, что Онъ Самъ есть податель благъ, и у Него должно ихъ просить. *И всякъ живый и вѣруяй въ Мя, не умретъ во вѣки* (ст. 26). Смотри, какъ Онъ возвышаетъ ея мысли! Ибо не въ томъ только было дѣло, чтобы воскресить Лазаря, но надобно было и ее (Мароу), и присутствовавшихъ съ нею научить воскресенію. По этому Онъ прежде, чѣмъ воскре-

силъ (Лазаря), разсуждаетъ (о воскресеніи). Если же Онъ самъ есть *воскрешеніе и животъ*, то не ограничивается мѣстомъ, но можетъ исцѣлять вездѣ. И еслибы (сестры Лазаря), подобно сотнику, сказали: *рцы слово, и исцѣлѣетъ отрокъ мой* (Матѳ. 8, 8), то Онъ такъ бы и сдѣлалъ. Но такъ какъ онѣ звали Его и просили придти къ нимъ, то Онъ нисходитъ (къ этому ихъ желанію), чтобы возвести ихъ отъ уничиженнаго о Немъ понятія, и приходитъ на мѣсто. Но и при этомъ снисхожденіи Онъ показываетъ, что можетъ исцѣлять и не присутствуя на мѣстѣ. Съ этою-то цѣлію Онъ и медлитъ. Въ самомъ дѣлѣ, благодать не сдѣлалась бы очевидною, еслибы она тотчасъ была дарована, еслибы прежде не появился уже смрадъ. Но откуда знала эта женщина (Маѳа) о будущемъ воскресеніи? Она слышала многія бесѣды Христа о воскресеніи; а теперь желала увидѣть это на самомъ дѣлѣ. Смотри однакожъ, какъ она еще долу вращается! Въ самомъ дѣлѣ, уже услышавши: *Азъ есмь воскрешеніе и животъ*, она даже и послѣ того не сказала: воскреси его, но-что? *Азъ вѣровахъ, яко ты еси Христосъ, Сынъ Божій, иже въ міръ грядый* (ст. 27). Что же (сказалъ) ей Христосъ? Всякъ *вѣруй въ мя, аще и умретъ, оживетъ* (ст. 25), разумѣя здѣсь эту (тѣлесную) смерть, *и всякъ живый и вѣруяй въ мя не умретъ во вѣки* (ст. 26), указывая на ту (духовную) смерть. Итакъ поелику *Азъ есмь воскрешеніе*, то не смущайся, хотя (Лазарь) уже и умеръ, но вѣруй; ибо это не есть смерть. Такимъ

образомъ Онъ пока утѣшилъ ее въ случившемся и пробудилъ въ ней надежду, и тѣмъ, что сказалъ: *воскреснетъ,* и тѣмъ, что изрекъ: *Азъ есмь воскрешеніе,* и тѣмъ, что если послѣ воскресенія онъ и опять умретъ, то не потерпитъ никакого вреда. А потому и не должно страшиться этой смерти. Слова Его имѣютъ тотъ смыслъ, что ни онъ (Лазарь) не умеръ, ни вы не умрете. *Емлеши ли вѣру сему?* Мареа отвѣчаетъ: *вѣрую, яко ты еси Христосъ, Сынъ Божій, иже въ міръ грядый* (ст. 26, 27). Мнѣ кажется, что эта женщина не поняла словъ (Христовыхъ). Она сознавала, что въ нихъ есть что-то великое, но всего не выразумѣла. По этому, бывъ спрошена объ одномъ, она отвѣчаетъ другое. Но по крайней мѣрѣ она получила теперь ту пользу, что отложила свою скорбь. Такова-то сила словъ Христовыхъ! По этому-то и Мареа первая вышла на встрѣчу Христу, и Марія послѣдовала за нею. Любовь къ Учителю не давала имъ сильно чувствовать настоящую (скорбь). Такимъ образомъ, съ помощію благодати, и умъ этихъ женъ любомудрствовалъ.

4. А въ настоящее время, вмѣстѣ съ другими пороками, между женщинами господствуетъ и та болѣзнь, что онѣ выставляются на показъ въ плачѣ и рыданіяхъ, обнажая (себѣ) плечи, терзая волосы, дѣлая рубцы на щекахъ. И это дѣлаютъ—однѣ отъ скорби, другія изъ желанія высказаться и отличиться, а иныя обнажаютъ себѣ плечи, и при томъ въ глазахъ мущинъ—по распутству. Что ты дѣлаешь, женщина! Какъ ты,

скажи мнѣ, будучи членомъ Христовымъ, безъ всякаго приличія обнажаешь себя среди торжища, и при томъ тогда, какъ на торжищѣ присутствуютъ мущины? Ты рвешь на себѣ волосы, раздираешь одежду, громко рыдаешь, составляешь вокругъ себя позорище, являешься въ образѣ неистовыхъ женщинъ, — и не думаешь, что оскорбляешь Бога? Какъ велико такое безуміе! Не станутъ ли смѣяться надъ этимъ язычники? Не подумаютъ ли, что все наше (ученіе)—басни? Такъ, они скажутъ: воскресенія нѣтъ, и ученіе христіанъ—это смѣхъ, обманъ и выдумка. Женщины у нихъ рыдаютъ (объ умершихъ) такъ, какъ бы послѣ настоящей жизни ничего уже не было; онѣ не внимаютъ словамъ, начертаннымъ въ ихъ книгахъ, а этимъ сами показываютъ, что все то вымыселъ. Еслибы онѣ вѣровали, что умершій не умеръ, но преставился къ лучшей жизни; то не оплакивали бы его, какъ уже несуществующаго, не терзались бы такъ и не произносили бы этихъ словъ, исполненныхъ невѣрія: «ужъ не видѣть мнѣ тебя больше! ужъ не будешь ты опять со мною!» Все у нихъ баснь. Если они такъ не вѣруютъ высшему изъ благъ, то тѣмъ менѣе (вѣруютъ) всему другому, что у нихъ считается священнымъ. Не такъ малодушны самые язычники. Многіе у нихъ любомудрствовали. Такъ одна языческая женщина, услышавши, что сынъ ея палъ на войнѣ, тотчасъ спросила: а въ какомъ положеніи находятся дѣла города? И одинъ изъ философовъ, удостоенный вѣнка, когда услышалъ, что одинъ изъ его сыновей палъ за

отечество,—снялъ съ себя вѣнокъ и спросилъ: который изъ двухъ? И какъ скоро узналъ, кто именно изъ нихъ палъ, тотчасъ опять возложилъ на себя вѣнокъ. Многіе также отдавали даже сыновей и дочерей своихъ на жертву,—изъ почтенія къ демонамъ. А лакедемонскія женщины даже внушали своимъ дѣтямъ, чтобы они или принесли свой щитъ съ войны, или сами были принесены на немъ мертвыми. Потому-то стыдно мнѣ, что язычники такъ любомудрствуютъ, а мы поступаемъ непристойно. Не знающіе ничего о воскресеніи дѣйствуютъ такъ, какъ свойственно знающимъ; а знающіе поступаютъ, какъ не знающіе. Многіе даже, изъ-за стыда человѣческаго, нерѣдко дѣлаютъ то, чего не дѣлаютъ для Бога; такъ богатыя женщины не терзаютъ волосъ и не обнажаютъ плечь. Но и это также заслуживаетъ крайняго осужденія,—не потому, что онѣ не обнажаютъ себя, но потому, что дѣлаютъ это не по благочестію, а для того, чтобы не показаться безстыдными. Значитъ, стыдъ (человѣческій) обуздываетъ печаль, а страхъ Божій не обуздываетъ? Какъ же не достойно это крайняго осужденія! Слѣдовало бы по крайней мѣрѣ, чтобы то, что богатыя женщины дѣлаютъ въ слѣдствіе своего богатства, бѣдныя дѣлали по страху Божію; но теперь все бываетъ напротивъ: тѣ любомудрствуютъ по тщеславію, а эти поступаютъ неблагопристойно по малодушію. Что хуже такой несообразности? Все дѣлается для людей, все—по здѣшнимъ побужденіямъ. И рѣчи произносятся, полныя безумія и великаго смѣха. Господь говоритъ: *бла-*

жени плачущіи (Матѳ. 5, 4),—разумѣя плачущихъ о грѣхахъ, и между тѣмъ никто не плачетъ этимъ плачемъ, и не заботится о погибающей душѣ. Это напротивъ (плакать объ умершихъ) намъ не заповѣдано дѣлать, и однакожъ мы дѣлаемъ. Чтоже, скажешь, развѣ человѣку можно не плакать? Да я и не воспрещаю этого; я воспрещаю только терзаться (скорбію), плакать неумѣренно. Я не звѣрь и не безчеловѣченъ. Знаю, что въ этомъ обнаруживается природа, и что она ищетъ содружества и ежедневнаго общенія. (Человѣку) не возможно не печалится. Это самъ Христосъ показалъ; потому что прослезился надъ Лазаремъ. Такъ и ты поступай: плачь, но тихо, но благопристойно, но со страхомъ Божіимъ. Если такъ будешь плакать, то это будетъ знакомъ не того, будто ты не вѣруешь воскресенію, но того, что для тебя тяжела разлука.

5. Вѣдь мы плачемъ и о тѣхъ, которые отправляются въ дорогу и разлучаются съ нами; но—не такъ, какъ отчаявающіеся. Такъ и ты, плачь (объ умершемъ), какъ бы провожалъ отходящаго въ чужую сторону. Это говорю я не съ тѣмъ, чтобы поставить вамъ въ законъ, но—по снисхожденію (къ вашей немощи). Въ самомъ дѣлѣ, если умершій былъ грѣшникъ и много оскорбилъ Бога, въ такомъ случаѣ должно плакать, или лучше,—не плакать только, потому что отсюда для него нѣтъ никакой пользы,—но и дѣлать то, что можетъ принести ему нѣкоторое облегченіе, (творить напримѣръ) милостыню

и приношенія. А впрочемъ и въ этомъ случаѣ нужно радоваться, потому что у него отнята возможность грѣшить. Если же (умершій)—праведникъ, то еще болѣе должно радоваться; потому что онъ находится въ безопасности, и уже избавился отъ неизвѣсности будущаго. Если это юноша, (должно радоваться), что онъ скоро освободился отъ окружающихъ насъ золъ. Если старецъ,—(должно радоваться), что онъ отошелъ, до сытости насладившись тѣмъ, что считается (здѣсь) вожделѣннымъ. Но ты, забывъ думать объ этомъ, заставляешь рыдать служанокъ, какъ будто дѣлаешь этимъ честь отшедшему. Но это—крайнее безчестіе! Честь для умершаго составляютъ не плачь и рыданія, но священныя пѣсни и псалмопѣнія, и добрая жизнь. Такой человѣкъ, отойдя отсюда, отойдетъ съ ангелами, хотя бы и никого не было при его останкахъ. А человѣкъ развратный, хотя бы цѣлый городъ провожалъ его, не получитъ изъ того никакого плода. Хочешь почтить умершаго? Почти его инымъ образомъ,—милостынями, благотвореніями, литургіями. Какая польза отъ многихъ рыданій? А я слышалъ еще и о другомъ тяжкомъ злѣ; говорятъ, будто многія чрезъ плачь привлекаютъ къ себѣ даже любовниковъ, чрезмѣрностію своихъ воплей составляя себѣ славу женъ, любящихъ своихъ мужей. Какое діавольское изобрѣтеніе! Какая сатанинская выдумка! Доколѣ мы будемъ земля и пепелъ? Доколѣ—кровь и плоть? Воззримъ на небеса,—подумаемъ о духовномъ! Какая будетъ у насъ возможность укорять язычниковъ,

какая возможность утѣшать, когда сами поступаемъ такимъ образомъ? Какъ будемъ бесѣдовать съ ними о воскресеніи? Какъ (разсуждать) о всякомъ другомъ любомудріи? Какъ сами будемъ жить безъ страха? Ужели не знаешь, что отъ печали происходитъ смерть? Помрачая зрѣніе души, печаль не только не позволяетъ ей видѣть ничего должнаго, но и причиняетъ великій вредъ. Подлинно, когда мы предаемся излишней скорби объ умершемъ, тогда и Бога оскорбляемъ, и не доставляемъ пользы ни себѣ, ни одшедшему; а когда поступаемъ напротивъ,—и Богу благоугождаемъ, и пріобрѣтаемъ доброе мнѣніе у людей. Если мы и сами не будемъ упадать духомъ, въ такомъ случаѣ (Богъ) скоро уничтожаетъ (въ насъ) и остатокъ скорби; а если будемъ сильно огорчаться,—Онъ предоставляетъ насъ во власть печали. Если будемъ благодарить, не будемъ скорбѣть. Но какъ возможно, скажешь, не печалиться тому, кто потерялъ сына, или дочь, или жену? Я не говорю (можно) не печалиться, но: (можно) не печалиться безъ мѣры. Въ самомъ дѣлѣ, если мы помыслимъ, что ихъ взялъ Богъ, что мужъ и сынъ были у насъ смертные, то скоро получимъ утѣшеніе. Скорбѣть здѣсь,—значитъ требовать чего-то вышеестественнаго. Если ты родился человѣкомъ и смертнымъ, то зачѣмъ скорбишь о томъ, что совершилось сообразно съ природою? Ты вѣдь не скорбишь, что поддерживаешь жизнь свою пищею? Вѣдь не домогаешься того, чтобы жить безъ пищи? Такъ поступай и въ отношеніи къ смерти, и не ищи до времени

безсмертія, когда родился смертнымъ. Это опредѣлено однажды навсегда. Не скорби же и не сокрушайся, но переноси благодушно то, что для всѣхъ вообще законоположено. Печалься лучше о грѣхахъ: это хорошая печаль, это—величайшее любомудріе. Итакъ будемъ непрестанно печалиться объ этомъ, чтобы тамъ сподобиться радости, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 63.

Не уже бо бѣ пришелъ Іисусъ въ весь, но бѣ на мѣстѣ, идѣже срѣте Его Мараа. Іудее же убо сущіи съ нею и проч. (Іоан. 10, 30. 31).

Великое благо любомудріе,—разумѣю то любомудріе, которое у насъ. У язычниковъ все только слова и басни; да и самыя эти басни не заключаютъ въ себѣ никакого любомудрія, потому что у нихъ все дѣлается ради славы. Итакъ, великое благо любомудріе; оно и здѣсь уже вознаграждаетъ насъ. Такъ, кто презираетъ богатство, тотъ уже здѣсь получаетъ пользу, потому что избавляется отъ излишнихъ и безполезныхъ заботъ. Кто попираетъ славу, уже здѣсь

получаетъ награду, потому что не служитъ никому рабомъ, но бываетъ свободенъ истинною свободою. Кто желаетъ небесныхъ (благъ), — уже здѣсь получаетъ воздаянія, потому что, вмѣняя за ничто все настоящее, легко побѣждаетъ всякую печаль. Такъ вотъ и эта женщина (Марія) за свое любомудріе получила здѣсь награду. Въ то время, какъ всѣ сидѣли при ней—скорбѣвшей и плакавшей, она не ожидала, чтобы къ ней пришелъ Учитель, не обращала вниманіе на (свое) достоинство и не была удержана скорбію. Скорбящія (женщины) вмѣстѣ съ другими недугами имѣютъ еще и ту болѣзнь, что желаютъ быть въ почтѣ у присутствующихъ. Но въ ней не было ничего этого, а какъ только она услышала (что Господь пришелъ), тотчасъ идетъ къ нему. *Іисусъ же не убо бѣ пришелъ въ весь.* Онъ шелъ не скоро, дабы видно было, что Онъ не Самъ стремится къ (совершенію) чуда, но идетъ по ихъ просьбѣ. Или это именно хочетъ выразить Евангелистъ словами: *воста скоро* (ст. 29), или онъ этимъ показываетъ, что (Марія) побѣжала такъ для того, чтобы предупредить Его пришествіе. Между тѣмъ она идетъ не одна, но влечетъ за собою и бывшихъ въ домѣ Іудеевъ. Весьма благоразумно, поэтому, сестра и позвала ее тайно, чтобы не смутить собравшихся, и не сказала—за чѣмъ: иначе многіе и удалились бы; а теперь всѣ пошли за нею, полагая, что она идетъ плакать (на гробѣ). Можетъ быть также и чрезъ это (Евангелистъ) снова увѣряетъ въ томъ, что Лазарь дѣйствительно умеръ. *И паде ему на ногу* (ст. 32). Она была пла-

меннѣе своей сестры. Она не устыдилась ни народа, ни худаго мнѣнія, какое имѣли о Христѣ; ибо (здѣсь) были многіе и изъ враговъ Его, которые и говорили: *не можаше ли сей отверзый очи слѣпому сотворити, да и сей не умретъ* (ст. 37). Въ присутствіи Учителя, она отбросила все человѣческое, и заботилась только о томъ, чтобы почтить Учителя. И чтожъ она говоритъ? *Господи, аще бы еси былъ здѣ, не бы умерлъ мой братъ* (ст. 32). Что же Христосъ? Теперь пока ничего не говоритъ ей; не говоритъ даже того, что сказалъ ея сестрѣ. Ибо тутъ присутствовало много народа, и не время было для такихъ рѣчей. Онъ только смиряется и снисходитъ, и, чтобы увѣрить въ своей человѣческой природѣ, тихо плачетъ и отлагаетъ до времени чудо. Въ самомъ дѣлѣ, чудо это было великое,— такое, какихъ Онъ совершилъ немного,—и чрезъ него многіе должны были увѣровать. Поэтому,— чтобы оно не показалось народу невѣроятнымъ, если бы совершено было безъ него, и чтобы при всемъ величіи не осталось безъ пользы, — Христосъ привлекаетъ своимъ снисхожденіемъ многихъ свидѣтелей, чтобы не погубить добычи, и выказываетъ въ Себѣ то, что было свойственно Его человѣческой природѣ, то есть, плачетъ и смущается: такъ какъ скорбь обыкновенно производитъ плачъ. Потомъ Онъ обуздываетъ (επιτιμησας) свою скорбь (выраженіе: *запрети духу* [ст. 33] значитъ — удержалъ смущеніе), и тогда спрашиваетъ: *гдѣ положисте его*? дабы вопросъ не былъ соединенъ съ рыданіемъ. Но за чѣмъ же

Онъ спрашиваетъ? За тѣмъ, что не хочетъ самъ по себѣ приступить (къ совершенію чуда), но хочетъ все узнать отъ другихъ и сдѣлать по ихъ просьбѣ, чтобы освободить чудо отъ всякаго подозрѣнія. *Глаголаша ему: Господи, пріиди и виждь. Прослезися Іисусъ* (ст. 34. 35). Видишь ли, что еще до сихъ поръ Онъ ничѣмъ не указалъ на (имѣющее совершиться) воскресеніе, и и что Онъ идетъ (ко гробу) какъ будто не для того, чтобы воскресить (Лазаря), но чтобы плакать? А что дѣйствительно казалось, что Онъ пошелъ съ этимъ намѣреніемъ, т. е. съ тѣмъ, чтобы плакать, а не воскресить (Лазаря), это показываютъ Іудеи, которые потому и говорили: *виждь, како любляше его; нѣцыи же отъ нихъ рѣша: не можаше ли сей отверзый очи слѣпому сотворити, да и сей не умретъ* (ст. 36. 37). Даже и въ несчастіи они не оставили своей злобы. Но (Христосъ) намѣренъ совершить дѣло, еще болѣе удивительное; ибо отгнать смерть, уже наставшую и овладѣвшую (человѣкомъ), гораздо важнѣе, нежели остановить смерть наступающую. Такимъ образомъ, они порицаютъ Его тѣмъ самымъ, изъ-за чего слѣдовало бы дивиться Его могуществу. Допускаютъ до времени, что Онъ отверзъ очи слѣпому; но вмѣсто того, чтобы за это дивиться Ему, они, изъ-за смерти Лазаря, клевещутъ и на то чудо, какъ будто его не было. Впрочемъ не отсюда только видно, что они всѣ были развращены, но также и изъ того, что еще прежде, нежели Онъ пришелъ и явилъ (свою силу), они уже пред-

варяютъ Его обвиненіями, не дожидаясь конца дѣла. Видишь, какъ превратно было ихъ сужденіе?

2. Итакъ Онъ приходитъ ко гробу и опять удерживаетъ скробь. Но для чего Евангелистъ тщательно и не разъ замѣчаетъ, что Онъ плакалъ и что Онъ удерживалъ (свою) скорбь? Для того, чтобы ты зналъ, что Онъ истинно облеченъ былъ нашимъ естествомъ. Такъ какъ этотъ (Евангелистъ), очевидно, болѣе другихъ говоритъ о Немъ великаго, то и о дѣлахъ Его человѣческихъ повѣствуетъ здѣсь гораздо уничиженнѣе. О смерти Его Онъ не сказалъ ничего такого, что (говорили) другіе, именно, что Онъ былъ прискорбенъ, что Онъ былъ въ подвигѣ, но (говоритъ) совсѣмъ противное, напримѣръ, что Онъ и ницъ повергъ (воиновъ). Итакъ, что было опущено тамъ, то онъ восполнилъ здѣсь, сказавъ о плачѣ. И самъ Христосъ, бесѣдуя о смерти, говоритъ: *область имамъ положити душу мою* (Іоан. 10, 18), и не произноситъ ничего уничиженнаго. Поэтому-то, повѣствуя о (Его) страданіяхъ, (Евангелисты) и приписываютъ Ему много человѣческаго, показывая тѣмъ, что Его воплощеніе истинно. Такъ Матѳей удостовѣряетъ въ этомъ, говоря о Его предсмертныхъ мукахъ, смущеніи и потѣ; а этотъ (Евангелистъ) — повѣствуя о (Его) плачѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы Онъ не былъ нашего естества, то не былъ бы одержимъ скорбію, и притомъ не однажды, а дважды. Что же Іисусъ? Онъ нисколько не защищаетъ Себя предъ Іудеями отъ ихъ обвиненій. Да и для чего было словами опровергать тѣхъ, которые тотчасъ

же имѣли быть опровергнуты самымъ дѣломъ? А между тѣмъ это (опроверженіе) было не такъ тягостно и болѣе могло пристыдить ихъ. *Глагола Іисусъ: возмите камень* (ст. 39). Почему же Онъ не воззвалъ и не воскресилъ его, не бывъ еще на мѣстѣ? А особенно, почему Онъ не воскресилъ его, когда камень еще лежалъ (на гробѣ)? Кто могъ голосомъ подвигнуть мертвое тѣло и опять одушевить его, тотъ, конечно, гораздо болѣе могъ тѣмъ же голосомъ подвигнуть камень. Кто своимъ голосомъ далъ возможность ходить обвязанному убрусами и связанному по ногамъ, тотъ гораздо болѣе могъ подвигнуть камень. И что я говорю? Онъ могъ бы сдѣлать это и не находясь на мѣстѣ. Для чего же не сдѣлалъ? Для того, чтобы ихъ самихъ поставить свидѣтелями чуда, чтобы они не говорили того же, что говорили о слѣпомъ: «это—онъ, это—не онъ». Самыя руки ихъ и самое пришествіе ихъ ко гробу свидѣтельствовали, что это—онъ. Еслибы они не пришли, то, пожалуй, подумали бы, что видятъ призракъ или одного вмѣсто другаго. А теперь, когда пришли къ мѣсту (погребенія Лазаря) и отняли камень, когда получили повелѣніе разрѣшить отъ узъ обвязаннаго пеленами мертвеца, когда друзья, вынесшіе его изъ гроба, узнали по самымъ пеленамъ, что это—онъ, когда при этомъ находились самыя сестры, и одна изъ нихъ сказала: *уже смердитъ, четверодневенъ бо есть* (ст. 34), — теперь все это уже достаточно могло заградить неблагонамѣреннымъ свидѣтелямъ уста. Для того Онъ повелѣ-

ваетъ имъ отнять камень отъ гроба, дабы показать, что Онъ воскрешаетъ именно Лазаря. Для того и спрашиваетъ: *гдѣ положисте его* (ст. 34), чтобы тѣ, которые сказали: *пріиди и виждь* (ст. 34), и которые привели его (ко гробу), не могли сказать, что Онъ воскресилъ другаго; чтобы и голосъ, и руки свидѣтельствовали (о чудѣ), — голосъ, говорившій: *пріиди и виждь*, — руки, отвалившія камень и разрѣшившія повязки; (чтобы свидѣтельствовали) и зрѣніе и слухъ, — слухъ, такъ какъ слышалъ голосъ,—зрѣніе, такъ какъ видѣло изшедшаго (изъ гроба),—равно (свидѣтельствовало бы) и обоняніе, такъ какъ оно чувствовало смрадъ. Ибо (Мароа) говорила: *уже смердитъ, четверодневенъ бо есть.* Итакъ справедливо я сказалъ, что эта женщина ничего не поняла въ словахъ Христовыхъ: *аще и умретъ, оживетъ* (ст. 25). Смотри, что она здѣсь говоритъ; (она считаетъ) это дѣло (воскресеніе) уже невозможнымъ по продолжительности времени. И подлинно, дѣло было необычайное — воскресить четверодневнаго и предавшагося тлѣнію мертвеца. Ученикамъ (Христосъ) сказалъ: *да прославится Сынъ Божій* (ст. 40), указывая на Себя самаго; а женѣ этой говоритъ: *узриши славу Божію* (ст. 40), разумѣя Отца. Видишь ли, какъ немощь слушателей служитъ причиною разности изреченій? Онъ напоминаетъ (Мароѣ) о своей бесѣдѣ съ нею, какъ бы укоряя ее за то, что она не помнитъ (Его словъ); или же Онъ теперь не хотѣлъ приводить въ смущеніе присутствующихъ, и потому кротко говоритъ: *не рѣхъ*

ли ти, яко аще вѣруеши, узриши славу Божію (ст. 40).

3. Итакъ, великое благо—вѣра, великое благо и виновница многихъ благъ, такъ что люди во имя Божіе могутъ совершать дѣла Божіи. *Аще имате вѣру*, говоритъ (Христосъ), *речете горѣ сей, прейди отсюду тамо, и прейдетъ* (Матѳ. 17, 20); и опять: *вѣруй въ мя, дѣла, яже азъ творю, и той сотворитъ, и больша сихъ сотворитъ.* (Іоан. 14, 12). Какія же, скажешь, дѣла большія? Дѣла, совершенныя учениками въ послѣдствіи; ибо даже тѣнь Петра воскресила мертваго. Чрезъ это еще болѣе проповѣдывалась и сила Христова. Ибо не столько удивительно то, что Онъ при жизни своей чудодѣйствовалъ, сколько то, что по смерти Его другіе могли Его именемъ совершать большія чудеса: это служило несомнѣннымъ доказательствомъ Его воскресенія. Если бы даже Онъ всѣмъ явился (по своемъ воскресеніи), и это не возбудило бы такой вѣры; потому что видѣвшіе могли бы еще сказать, что это былъ призракъ. Но кто видитъ, что однимъ именемъ Его совершаются знаменія гораздо большія, нежели какія Онъ самъ творилъ, обращаясь съ людьми, тотъ не можетъ не увѣровать, если только онъ не крайне безчувственъ. Итакъ, великое благо — вѣра, когда она бываетъ отъ горячаго сердца, отъ многой любви и пламенной души. Она дѣлаетъ насъ мудрецами; она прикрываетъ ничтожество человѣческое и, оставляя умствованія земныя, любомудрствуетъ о вещахъ небесныхъ; даже болѣе: чего мудрость

человѣческая обрѣсти не можетъ, то она съ избыткомъ постигаетъ и совершаетъ. Итакъ будемъ держаться вѣры, и не станемъ ввѣрять нашихъ дѣлъ умствованіямъ. Отъ чего, въ самомъ дѣлѣ, язычники, скажи мнѣ, не могли ничего обрѣсти? Не знали ли они всей внѣшней мудрости? Почему же они не могли превзойти рыбарей, скинотворцевъ и неученыхъ? Не потому ли, что они все предоставляли своимъ умствованіямъ, а эти послѣдніе—вѣрѣ? Такъ, по этой причинѣ последніе превзошли Платона, Пиѳагора и всѣхъ вообще людей заблуждавшихъ, побѣдили обученныхъ астрологіи и математикѣ, геометріи и ариѳметикѣ, и изучившихъ всякую науку, и сдѣлались на столько лучше ихъ, на сколько истинные и дѣйствительные мудрецы лучше людей отъ природы глупыхъ и безумныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, смотри: эти (Апостолы) сказали, что душа безсмертна, или, лучше, не только сказали, но и убѣдили въ этомъ; а тѣ первоначально даже не знали, что такое душа, и когда узнали и отличили ее отъ тѣла, опять стали страдать тѣмъ же незнаніемъ. Такъ одни говорили, что она безтѣлесна, другіе, что она есть тѣло и вмѣстѣ съ тѣломъ разрушается. Равнымъ образомъ, о небѣ тѣ говорили, что оно одушевлено и есть Богъ; а рыбари и научили, убѣдили, что оно есть твореніе и произведеніе Божіе.—Впрочемъ, въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго, что язычники руководились умствованіями; но вотъ что достойно слезъ,—что люди, представляющіе себя вѣрующими, и эти люди оказываются душевными. Отъ того-то и они впали

въ заблужденія. Такъ одни изъ нихъ говорили, что знаютъ Бога такъ, какъ Онъ знаетъ Самъ Себя, чего не смѣлъ сказать даже никто изъ язычниковъ. Другіе говорили, что Богъ не можетъ раждать безстрастно, и не предоставляли Ему никакого преимущества предъ людьми. Иные же утверждаютъ, что ни хорошая жизнь, ни доброе поведеніе не приносятъ никакой пользы. Но теперь не время опровергать это.

4. А что правая вѣра, при порочной жизни, не приноситъ никакой пользы, это показываютъ и Христосъ и Павелъ, которые преимущественно заботились о доброй жизни. Такъ Христосъ учитъ: *не всякъ, глаголяй ми, Господи, Господи, внидетъ въ царствіе небесное* (Матѳ. 7, 21) и далѣе: *мнози рекутъ мнѣ во онъ день: Господи, Господи, не въ твое ли имя пророчествовахомъ? И тогда исповѣмъ имъ: яко николиже знахъ васъ, отыдите отъ мене дѣлающіи беззаконіе* (Матѳ. 7, 22. 23). Въ самомъ дѣдѣ, люди невнимательные къ себѣ самимъ, легко впадаютъ въ пороки, хотя вѣру имѣютъ правую. А Павелъ, въ своемъ посланіи къ Евреямъ, такъ говоритъ и убѣждаетъ: *миръ имѣйте и святыню со всѣми, ихже кромѣ никтоже узритъ Бога* (Евр. 12, 14). Святынею онъ называетъ цѣломудріе, по которому каждый долженъ довольствоваться своею женою, и не падать съ другою. Ибо кто не довольствуется (своею женою), тотъ не можетъ спастись, но неизбѣжно погибнетъ, хотя бы имѣлъ тысячи добродѣтелей. Въ самомъ дѣлѣ, блуднику

невозможно войти въ царство небесное; а тутъ уже не блудъ, но гораздо болѣе,—прелюбодѣяніе. Какъ жена, которая связана съ мужемъ, если будетъ еще въ связи съ другимъ, уже прелюбодѣйствуетъ: такъ точно и мужъ, связанный съ женою, если будетъ имѣть еще другую, прелюбодѣйствуетъ. А такой (человѣкъ) не наслѣдуетъ царства (небеснаго), но будетъ ввержень въ геенну. Послушай, что о такихъ людяхъ говоритъ Христосъ: *червь ихъ не умираетъ и огнь не угасаетъ* (Марк. 9, 44). Подлинно, для того нѣтъ никакого извиненія, кто при своей женѣ безчинствуетъ съ другою; ибо это уже невоздержаніе. Если многіе и отъ своей жены воздерживаются, когда наступаетъ время поста или время молитвы, то какой огонь собираетъ себѣ тотъ, кто не довольствуется даже своею (женою), но имѣетъ еще связь и съ другою? Если отпустившему и отвергшему отъ себя свою жену не позволяется сопрягаться съ другою, ибо это—прелюбодѣяніе; то какой грѣхъ дѣлаетъ тотъ, кто имѣя въ своемъ домѣ жену, приводитъ еще другую? Пусть же никто не позволяетъ оставаться такому недугу въ своей душѣ, но пусть всякій съ корнемъ исторгаетъ его. (Прелюбодѣй) не столько вредитъ женѣ (своей), сколько самому себѣ. Ибо этотъ грѣхъ столько тяжекъ и непростителенъ, что если жена оставитъ мужа, даже идолопоклонника, противъ его воли, то Богъ ее наказываетъ; а когда она оставитъ прелюбодѣя , — не наказываетъ. Видишь ли, какое это зло? Если какая нибудь вѣрная *жена*, говоритъ (Писаніе), *имать му-*

жа невѣрна, и той благоволитъ жити съ нею, да не оставляетъ его (1 Кор. 7, 13). Но о блудницѣ не то сказано, а что? *Всякъ, отпущаяй жену свою развѣ словесе прелюбодѣйнаго, творитъ ю прелюбодѣйствовати* (Матѳ. 5, 32). Если чрезъ сожитіе (мужъ и жена) составляютъ одно тѣло, то и живущій съ блудницею необходимо становится однимъ съ нею тѣломъ. Какъ же послѣ этого честная жена, будучи членомъ Христовымъ, приметъ такого (мужа)? Или какимъ образомъ она соединитъ съ собою членъ блудницы? И смотри, какая особенность! Сожительствующая невѣрному не становится оттого нечистою: *святится бо*, сказано, *мужъ невѣренъ о женѣ вѣрнѣ* (1 Кор. 7, 14). Но о блудницѣ не то сказано, но что? *Вземъ ли убо уды Христовы, сотворю уды блудничи* (1 Кор. 6, 15)? Тамъ освященіе пребываетъ и не отнимается, несмотря на сожительство съ невѣрнымъ; а здѣсь оно удаляется. Подлинно, тяжкій грѣхъ—прелюбодѣяніе, тяжкій грѣхъ и готовитъ нескончаемое наказаніе! Да и здѣсь оно навлекаетъ безчисленныя бѣдствія. Въ самомъ дѣлѣ, такой человѣкъ принужденъ бываетъ вести жизнь тяжкую и горестную, и его состояніе ничѣмъ не лучше состоянія осужденныхъ на казнь, когда онъ тайкомъ входитъ въ чужой домъ со страхомъ и великимъ трепетомъ, и всѣхъ равно опасается, — и рабовъ и свободныхъ. По этому умоляю васъ, потщитесь освободиться отъ этой болѣзни. Если не послушаетесь, то не входите въ эти священныя преддверія. Овцамъ, покры-

тымъ язвами и зараженнымъ болѣзнію, не слѣдуетъ пастись вмѣстѣ съ овцами здоровыми; но ихъ должно отгонять отъ стада, пока не освободятся отъ своей болѣзни. Мы сдѣлались членами Христовыми, не будемъ же членами блудницы! Здѣсь не блудилище, но церковъ; и если ты имѣешь члены блудодѣйцы, то не стой въ церкви, чтобы не безчестить этого мѣста. Если бы даже не было геенны, если бы даже не было наказанія,—и въ этомъ случаѣ, какъ ты, послѣ тѣхъ договоровъ и брачныхъ свѣтильниковъ, послѣ этого законнаго ложа, послѣ чадородія, послѣ такого общенія,—какъ ты можешь дозволить себѣ прилѣплятьса къ другой? Какъ не стыдишься и не краснѣешь? Развѣ не знаешь, что многіе осуждаютъ даже и тѣхъ, которые вводятъ къ себѣ другую жену по смерти своей (первой) жены, хотя это дѣло и не заслуживаетъ наказанія? А ты еще при жизни своей жены берешь себѣ другую! Каково же здѣсь невоздержаніе! Узнай, что сказано о такихъ людяхъ: *червь ихъ*, говоритъ (Христосъ), *не умираетъ и огнь не угасаетъ* (Марк. 9, 44). Устрашись этой угрозы! Убойся такого наказанія! Не такъ велико здѣсь удовольствіе, какъ велико тамъ наказаніе. Но дай Богъ, чтобы никто не подвергся тому наказанію; дай Богъ, чтобы мы, подвизаясь въ святости, узрѣли Христа и достигли обѣтованныхъ благъ, которыхъ да сподобимся всѣ мы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, вмѣстѣ со св. Духомъ, слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 64.

Іисусъ же возведе очи горѣ, и рече: Отче, хвалу тебѣ воздаю, яко услышалъ еси мя. Азъ же вѣдѣхъ, яко всегда мя послушаеши, но народа ради стоящаго окрестъ рѣхъ и проч. (Іоан. 11, 41. 42).

Что я много разъ говорилъ, то и теперь скажу,—что Христосъ не столько обращаетъ вниманіе на собственное достоинство, сколько на наше спасеніе,—и не заботится о томъ, чтобы сказать что-нибудь великое, но (старается говорить) то, что можетъ привлечь насъ. Поэтому высокаго и великаго въ Его словахъ немного, да и то (сказано) прикровенно, а уничиженнаго и обыкновеннаго — весьма много. Такъ какъ это послѣднее больше привлекало (къ Нему), то Онъ чаще объ этомъ и говоритъ. Впрочемъ Онъ и не всегда говоритъ уничиженное, чтобы не повредить будущимъ (слушателямъ своего ученія),—и не умалчиваетъ о немъ, чтобы не соблазнить тогдашнихъ. Люди, освободившіеся отъ низкихъ понятій, могутъ и изъ одного высокаго догмата уразумѣть все; а тѣ, которые всегда были съ понятіями низкими, и совсѣмъ не пришли бы (ко Христу), если бы не часто слышали уничиженное. Вѣдь извѣстно, что и послѣ этого, Іудеи не остаются

(со Христомъ), но бросаютъ въ Него камнями, преслѣдуютъ Его, стараются умертвить и называютъ хульникомъ. Такъ, когда Онъ представляетъ Себя равнымъ Богу, они говорятъ: *сей хулитъ* (Марк. 2, 7; Іоан. 10, 33. 36);—а когда сказалъ: *отпущаются тебѣ грѣси* (Марк. 2, 9),—называютъ Его даже бѣснующимся, точно также, какъ и тогда, когда сказалъ, что слушающій слова Его превыше смерти (Іоан. 8, 51). Равнымъ образомъ они оставляютъ Его, когда Онъ сказалъ: *азъ во Отцѣ, и Отецъ во мнѣ* (10, 38), и соблазняются, когда Онъ говоритъ о Себѣ, что сошелъ съ неба. Если же они не терпѣли такихъ словъ и тогда, какъ они произносились рѣдко, то конечно еще менѣе стали бы внимать Ему, если бы рѣчь Его всегда была высокою, и вся изъ такихъ словъ составлена. Между тѣмъ, когда Онъ говоритъ: *якоже заповѣда мнѣ Отецъ, сія глаголю* (Іоан. 8, 28), и также: *о себѣ не пріидохъ* (7, 28), тогда они вѣруютъ; и что именно *тогда*, видно изъ словъ Евангелиста, который, означая это, говоритъ: *сія ему глаголющу, мнози вѣроваша въ него* (8, 30). Итакъ, если рѣчи уничиженныя привлекали къ вѣрѣ, а высокія—отдаляли отъ нея, то не крайне ли безумно—не думать, что вся причина уничиженныхъ (рѣчей) состоитъ въ томъ, что онѣ говорены были приспособительно къ слушателямъ? Такъ и въ другомъ мѣстѣ Онъ хотѣлъ-было сказать нѣчто великое, но умолчалъ, указавъ на эту причину словами: *но да не соблазнимъ ихъ, шедъ, на море, верзи*

удицу (Матѳ. 17, 27). Тоже самое дѣлаетъ Онъ и здѣсь. Послѣ того, какъ сказалъ: *азъ же вѣдѣхъ, яко всегда мя послушаеши,* Онъ присовокупилъ: *но народа ради стоящаго окрестъ рѣхъ, да вѣру имутъ* (Іоан. 11, 42). Наши ли это слова? Человѣческое ли это предположеніе? Значитъ, если бы кто изъ написаннаго не могъ убѣдиться, что (Іудеи) соблазнялись рѣчами высокими, то можетъ ли онъ, слыша, какъ самъ Христосъ свидѣтельствуетъ, что Онъ для того говоритъ уничиженно, чтобы они не соблазнились,—можетъ ли еще думать, что Его уничиженныя слова были дѣломъ Его естества, а не снисхожденія? Такъ и въ другомъ мѣстѣ, когда слышенъ былъ голосъ свыше, Онъ сказалъ: *не мене ради гласъ сей бысть, но васъ ради* (Іоан. 12, 30). Впрочемъ великому можно многое говорить о себѣ уничиженно; но уничиженному неприлично возвѣщать о себѣ что-нибудь великое и высокое. То бываетъ по снисхожденію, и имѣетъ свою причину въ немощи слушающихъ; или лучше, (Христосъ говоритъ уничиженно) для того, чтобы расположить къ смиренномудрію, чтобы убѣдить, что Онъ облеченъ плотію, чтобы научить слушателей—не говорить о себѣ ничего великаго; а также—потому, что слушатели считали Его противникомъ Божіимъ, не вѣрили, что Онъ пришелъ отъ Бога, думали, что Онъ разоряетъ законъ, завидовали Ему и враждовали противъ Него за то, что Онъ называлъ себя равнымъ Богу. А когда кто, самъ по себѣ незначительный, говоритъ о себѣ что нибудь великое, то для это-

го нѣтъ никакой причины, ни благовидной, ни неблаговидной; это будетъ только безуміемъ, безстыдствомъ и непростительною дерзостью. Итакъ для чего (Христосъ) говоритъ уничиженно, при своемъ неизреченномъ и великомъ существѣ? Какъ по вышесказаннымъ причинамъ, такъ и для того, чтобы не сочли Его нерожденнымъ. Такъ и Павелъ, по видимому, убоялся чего-то подобнаго; почему и сказалъ: *развѣ покоршаго ему вся* (1 Кор. 15, 27). Дѣйствительно, нечестиво даже и помыслить это. Если бы, съ другой стороны, Онъ былъ меньше Родившаго, и инаго существа, а между тѣмъ Его почли бы равнымъ (Ему); то не сдѣлалъ ли бы Онъ всего, чтобы не считали Его такимъ? Но Онъ поступаетъ напротивъ, говоря: *аще не творю дѣла Отца моего, не имите ми вѣры* (Іоан. 10, 37). Равнымъ образомъ и тогда, когда говоритъ, что *азъ во Отцѣ, и Отецъ во мнѣ* (14, 10), Онъ указываетъ намъ на равенство. Ему слѣдовало бы со всею силою опровергнуть это, еслибы Онъ былъ меньше (Отца), и рѣшительно никогда не говорить: *азъ во Отцѣ, и Отецъ во мнѣ*, или: *едино есма* (10, 30), или, *видѣвый мене, видѣ Отца* (14, 9). А между тѣмъ Онъ, когда у Него была рѣчь о силѣ, говорилъ: *азъ и Отецъ едино есма* (10, 30), и когда была рѣчь о власти, опять говорилъ; *якоже Отецъ воскрешаетъ мертвыя и живитъ тако и Сынъ, ихже хощетъ, живитъ* (5, 21). Но этого Онъ не могъ бы дѣлать, еслибы былъ другаго существа; а если бы и могъ, то Ему не слѣдовало бы этого говорить, дабы

не подумали, что (у Нихъ) одно и тоже существо. Если для того, чтобы не считали Его противникомъ Богу, Онъ часто говоритъ и то, что Ему несвойственно, то тѣмъ болѣе (Ему) слѣдовало (поступить такъ) въ томъ случаѣ. Но Онъ и словами: *да чтутъ Сына, якоже чтутъ Отца* (Іоан. 5, 23), и словами: дѣла, *яже Онъ творитъ*, и Я также творю (ст. 19), и тѣмъ, что называетъ Себя воскресеніемъ и жизнію (11, 25) и свѣтомъ міру (8, 12), — показываетъ, что Онъ равенъ Родившему, и утверждаетъ то предположеніе, какое составили себѣ Іудеи. Видѣлъ, какъ много Онъ говорилъ, чтобы защитить себя въ томъ, что Онъ не разоряетъ закона? А мнѣніе о равенствѣ своемъ съ Отцемъ не только не опровергаетъ, но и утверждаетъ. Такъ и въ то время, когда они сказали: ты говоришь хулу, потому что творишь себя Богомъ (Іоан. 10, 39), Онъ подтвердилъ это, указавъ на равенство дѣлъ.

2. Но за чѣмъ я говорю о томъ, что Сынъ такъ поступалъ (говорилъ о Себѣ уничиженно), когда и Отецъ, не воспріявшій плоти, дѣлаетъ тоже самое? И Онъ, ради спасенія слушающихъ, попустилъ сказать о себѣ много уничиженнаго. Такъ слова: *Адаме, гдѣ еси* (Быт. 3, 9), и: *да разумѣю, аще по воплю ихъ совершаются* (18, 21), и: *нынѣ познахъ, яко боишися ты Бога* (22, 12) и: *аще убо послушаютъ, и аще убо повинутся* (Іезек. 3, 11), и: *кто дастъ, еже быти тако сердцу* сего народа (Втор. 5, 29), и также: *нѣсть подобенъ тебѣ въ бозѣхъ Господи* (Пс. 85, 8),—эти и многія другія

подобныя (выраженія), встрѣчающіяся въ ветхомъ завѣтѣ, очевидно недостойны величества Божія. И объ Ахаавѣ также сказано: *кто прельститъ мнѣ Ахаава* (2 Пар. 18, 19)? Да и Самаго Себя (Господь) всегда ставитъ выше языческихъ боговъ—чрезъ сравненіе Себя съ ними. Все это недостойно Бога (по Его божеству), но достойно Его въ другихъ отношеніяхъ; ибо Онъ столько человѣколюбивъ, что для нашего спасенія пренебрегаетъ выраженіями, подобающими Его достоинству. Вѣдь и то самое недостойно (Бога), что Онъ содѣлался человѣкомъ, что принялъ зракъ раба, что произносилъ уничиженныя рѣчи, и облачался въ смиренныя одежды,—недостойно, если кто станетъ смотрѣть на Его величіе, но достойно, если кто помыслитъ о неизреченномъ богатствѣ Его человѣколюбія. Но есть и другая причина уничиженности Его рѣчей. Какая именно? Та, что Отца и знали и исповѣдывали, а Его не знали. Поэтому Онъ часто обращается къ Отцу, такъ какъ Его уже исповѣдывали, а Самъ Онъ какъ будто еще не былъ достоинъ вѣры,—не по собственной немощи, но по неразумію и слабости слушателей. Поэтому Онъ и молится и говоритъ: *Отче, хвалу тебѣ воздаю, яко услышалъ еси мя*. Вѣдь если Онъ *ихже хощетъ, живитъ* (Іоан. 5, 21), и живитъ такъ же, какъ Отецъ, то для чего обращается съ молитвою (къ Отцу)? Но уже время приступить къ (разсмотрѣнію) предложеннаго мѣста. *Взяша убо камень, идѣже бѣ умерый лежа. Іисусъ же, возведъ очи горѣ и рече: Отче, хвалу тебѣ*

воздаю, яко услышалъ еси мя. Азъ же вѣдѣхъ, яко всегда мя послушаеши: но народа ради стоящаго окрестъ рѣхъ, да вѣру имутъ, яко ты мя послалъ еси (Іоан. 11, 41. 42). Спросимъ еретика: отъ молитвы ли Онъ получилъ силу и воскресилъ мертваго? Какъ же другія (чудеса) Онъ безъ молитвы совершалъ, говоря, напримѣръ: тебѣ говорю, демонъ, *изыди изъ него* (Марк. 9, 25), и еще: *хощу, очистися* (Марк. 1, 41), также: *возми одръ твой* (Іоан. 5, 9), и: *отпущаются ти грѣси твои* (Матѳ. 9, 2) и (говоря) морю: *молчи, престани* (Марк. 4, 39)? Да и чѣмъ Онъ будетъ больше апостоловъ, если и Самъ творитъ чудеса чрезъ молитву? Притомъ и они не все дѣлали по молитвѣ, а часто (совершали чудеса) и безъ молитвы, призывая только имя Іисуса. Если же имя Его имѣло такую силу, то какъ Онъ Самъ могъ нуждаться въ молитвѣ? А если бы Онъ нуждался въ молитвѣ, то и имя Его не имѣло бы силы. И нуждался ли Онъ въ какой молитвѣ, когда творилъ человѣка? Не великое ли тамъ равночестіе? Ибо сказано: *сотворимъ человѣка* (Быт. 1, 26). Да и что было бы немощнѣе (Его), если бы Онъ нуждался въ молитвѣ? Но посмотримъ, какая это и молитва: *Отче, хвалу тебѣ воздаю, яко услышалъ еси мя.* Кто когда-нибудь молился такъ? Прежде, чѣмъ сказалъ что-нибудь, говоритъ: *хвалу тебѣ воздаю,* показывая тѣмъ, что не нуждается въ молитвѣ. *Азъ же вѣдѣхъ, яко всегда мя послушаеши.* Это Онъ сказалъ не потому, чтобъ Самъ не могъ (воскресить Ла-

заря), но потому, что (у Нихъ) одна воля. Но для чего же Онъ и принялъ видъ молящагося? Послушай не меня, но Его самаго; а Онъ говоритъ: *народа ради стоящаго окрестъ, да вѣру имутъ, яко ты мя послалъ еси.* Не сказалъ: *да вѣру имутъ*, что я меньше (Тебя), что я имѣю нужду въ помощи свыше, что безъ молитвы не могу сотворить (чуда), но: *яко ты мя послалъ еси.* А между тѣмъ молитва означаетъ все это, если будемъ просто понимать ее. Не сказалъ: Ты послалъ меня немощнаго, знакомаго съ рабствомъ, не дѣлающаго ничего собственною силою. Но оставивъ все это, чтобы ты не предполагалъ ничего подобнаго, представляетъ истинную причину молитвы, именно: чтобъ не считали Меня противникомъ Божіимъ, чтобы не говорили, что я не отъ Бога; чтобы показать, что это дѣло (воскресеніе Лазаря) совершается по Твоей волѣ. Еслибы я былъ противникомъ Божіимъ, какъ бы такъ говоритъ Онъ: то не послѣдовало бы это (чудо). А выраженіе: *услышалъ еси мя*, употребляется и о друзьяхъ и о равночестныхъ. *Азъ же вѣдѣхъ, яко всегда мя послушаеши.* То есть, чтобы совершилась Моя воля, для этого Мнѣ не нужна молитва, но (Я говорю это), чтобы убѣдить, что у Тебя и у Меня—одно хотѣніе. Для чего же молишься? Для немощныхъ и неразумныхъ. *И сія рекъ, гласомъ веліимъ воззва* (ст. 43). Почему же Онъ не сказалъ: во имя Отца моего, гряди вонъ? Почему не сказалъ: Отче, воскреси его? Почему напротивъ, оставивъ все это и принявъ

на себя видъ молящагося, Онъ на дѣлѣ показываетъ свое самовластіе? И это дѣло Его премудрости—въ словахъ высказывать снисхожденіе, а въ дѣлахъ—власть. Такъ какъ (Іудеи) ни въ чемъ другомъ не могли обвинять Его, какъ только въ томъ, будто Онъ не отъ Бога, и этимъ именно обольщали народъ, то вотъ это самое (божественное свое происхожденіе) Онъ съ особенною очевидностію и показываетъ въ своихъ словахъ, и притомъ такъ, какъ того требовала ихъ немощь. Онъ могъ и иначе показать согласіе (свое съ Отцемъ), а вмѣстѣ собственное достоинство, но народъ не могъ до того возвыситься. *Лазаре, гряди вонъ*, говоритъ Онъ (ст. 42), — сообразно съ тѣмъ, что прежде сказалъ: *грядетъ часъ, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ* (Іоан. 5, 25). Чтобы ты не подумалъ, что Онъ отъ другаго получилъ силу, Онъ напередъ сказалъ тебѣ объ этомъ, а потомъ доказалъ самымъ дѣломъ. И не сказалъ: воскресни, но *гряди вонъ*, обращаясь къ мертвому, какъ къ живому.

3. Что можетъ сравниться съ такой властію? Но если Онъ совершаетъ это не собственною силою, то что будетъ имѣть большаго предъ Апостолами, которые говорятъ: *на ны что взираете, яко своею ли силою или благочестіемъ сотворихомъ его ходити* (Дѣян. 3, 12)? Если, дѣйствуя не своею силою, Онъ не присовокупляетъ того, что говорили о себѣ Апостолы, то они будутъ нѣкоторымъ образомъ даже болѣе Его любомудрствующими, по-

тому что отклоняли отъ себя славу. И въ другомъ мѣстѣ (Апостолы говорятъ): *мужіе, что сія творите? и мы подобострастни есмы вамъ человѣцы* (Дѣян. 14, 15). Такимъ образомъ Апостолы, поелику ничего не дѣлали собственною силою, то такъ и говорили, чтобы убѣдить въ этомъ. Ужели же Онъ, зная такое о себѣ мнѣніе, не опровергъ бы его, еслибы точно дѣйствовалъ не своею властію? Но кто можетъ утверждать это? Между тѣмъ, Христосъ поступаетъ напротивъ, говоря: *народа ради стоящаго окрестъ рѣхъ, да вѣру имутъ*; такъ что, еслибы вѣровали, то не было бы надобности и въ молитвѣ. И еслибъ молитва не была несообразна съ Его достоинствомъ, то для чего Онъ въ народѣ поставляетъ причину (молитвы)? Почему также не сказалъ: да вѣру имутъ, что Я не равенъ Тебѣ?—это слѣдовало бы сказать въ соотвѣтствіе (бывшему о Немъ) мнѣнію. Когда (Іудеи) подозрѣвали Его въ нарушеніи закона,—Онъ прежде, чѣмъ они сказали что-нибудь, произнесъ эти слова: *не мните, яко пріидохъ разорити законъ* (Матѳ. 5, 17); а здѣсь утверждаетъ ихъ предположеніе. Словомъ: къ чему нужны были такія околичности и загадки? Довольно было сказать: Я не равенъ, и тѣмъ рѣшить дѣло. «Чтоже, скажешь, не говорилъ ли Онъ, *яко не творю воли моея*» (Іоан. 6, 38)? Но и это (говорилъ) прикровенно, приноровительно къ ихъ немощи, и по той же причинѣ, по которой была и молитва. Что же значитъ: *яко услышалъ еси мя*? Значитъ, что у Меня нѣтъ ничего, против-

наго Тебѣ. И какъ эти слова: *яко услышалъ еси мя*, не то показываютъ, будто Онъ не имѣлъ силы (потому что въ этомъ случаѣ было бы (во Христѣ) не только безсиліе, но и незнаніе, такъ какъ прежде молитвы, очевидно, Онъ не зналъ, что Богъ услышитъ Его, а если не зналъ, то какъ могъ говорить: *иду, да возбужу его* (ст. 11)? Вѣдь не сказалъ: иду помолиться Отцу, чтобы Онъ возбудилъ его,—какъ, говорю, эти слова означаютъ не немощь, но единомысліе, такъ и слова: *всегда мя послушаеши*. Или такъ должно понимать (эти слова), или (допустить), что они сказаны примѣнительно къ мнѣнію Іудеевъ. Если же Онъ и зналъ, и не былъ немощенъ, то ясно, что Онъ для того говоритъ уничиженныя слова, чтобы ты, по самой крайней уничиженности ихъ, убѣдился и поневолѣ призналъ, что они (сказаны) не по сообразности съ Его достоинствомъ, но по снисхожденію. Что же враги истины? «Не по немощи слушателей, говорятъ, Христосъ сказалъ: *услышалъ еси мя*, но чтобы показать (свое) превосходство».—Но это значило бы не показать превосходство, но крайне унизить себя, и обнаружить, что Онъ ничѣмъ не больше человѣка. Ибо молиться несвойственно Богу, ни тому, Кто возсѣдитъ вмѣстѣ съ Нимъ на престолѣ. Видишь ли, что Онъ не почему другому сталъ молиться, какъ только по ихъ невѣрію? Но смотри, какъ и самое дѣло свидѣтельствуетъ о Его самовластіи. Онъ воззвалъ, и *изыде умерый обязанъ* (ст. 43, 44). Потомъ, чтобы такое дѣло не показалось обманомъ чувствъ,—ибо

то, что связанный вышелъ, казалось не менѣе чуднымъ самаго воскресенія, Онъ повелѣлъ разрѣшить его, чтобы они, прикоснувшись къ нему и подойдя близко, увидѣли, что это — именно онъ. И сказалъ: *оставите* его *ити* (ст. 44). Видишь ли, какъ Онъ далекъ отъ тщеславія! — Не изводитъ его, не повелѣваетъ ходить съ собою, чтобы не показаться кому-нибудь тщеславящимся: такъ Онъ былъ скроменъ! Когда чудо совершилось, одни удивлялись (Ему), а другіе пошли и сказали фарисеямъ. Что же фарисеи? Вмѣсто того, чтобы изумиться и подивиться, — совѣщаются убить Его, — Его, который воскресилъ мертваго. Какое безуміе! Думали предать смерти Того, Кто въ тѣлахъ другихъ побѣждалъ смерть. *Что сотворимъ, яко человѣкъ сей многа знаменія творитъ*, говорятъ они (ст. 47). Еще называютъ Его человѣкомъ, получивши такое удостовѣреніе въ Его божествѣ. *Что сотворимъ?*— Слѣдовало увѣровать, послужить и поклониться (Ему), и уже не почитать Его человѣкомъ. *Аще оставимъ его тако, пріидутъ Римляне, и возмутъ языкъ нашъ* и городъ (ст. 48). Что такое замышляютъ они сдѣлать? Хотятъ уже возмутить народъ, какъ будто бы имъ угрожаетъ опасность по подозрѣнію въ похищеніи верховной власти. Какъ скоро, говорятъ, Римляне узнаютъ объ Немъ, какъ о предводителѣ народа, они заподозрятъ насъ, возмутъ и разрушатъ нашъ городъ. Почему же, скажи мнѣ? Развѣ Онъ училъ измѣнѣ? Не заповѣдалъ ли Онъ давать дань кесарю? Не хотѣли ли вы сдѣлать

Его царемъ, и Онъ—скрылся? Не скромную ли и простую проводилъ Онъ жизнь, не имѣя ни дома, ни чего-либо подобнаго?—Очевидно, они говорили такъ не изъ опасенія, но изъ зависти. И однакожъ это случилось, хотя и противъ ихъ ожиданія: (Римляне) взяли и народъ и городъ, взяли потому, что они умертвили Его (Христа). Подлинно, дѣла Его были выше всякаго подозрѣнія. Кто врачевалъ больныхъ, училъ добродѣтельной жизни и заповѣдывалъ повиноваться начальству, тотъ, конечно, не замышлялъ присвоить себѣ верховную власть, напротивъ уничтожалъ всякое покушеніе на присвоеніе власти. «Мы, говорятъ, заключаемъ такъ по прежде бывшимъ (учителямъ). Но тѣ учили возмущенію, а Онъ—напротивъ. Видишь ли, что ихъ слова были притворны? Въ самомъ дѣлѣ, выказывалъ ли Онъ что-нибудь подобное? Водилъ ли (за собою) страшныхъ оруженосцевъ? Влачилъ ли колесницы? Не искалъ ли, напротивъ, пустынь? Но чтобы не подать вида, что они говорятъ по внушенію своей страсти, они утверждаютъ, что весь городъ находится въ опасности, что обществу угрожаютъ бѣды и что они боятся за послѣдствія. Не это, а противное этому, было причиною вашего плѣна—настоящаго (отъ Римлянъ), и Вавилонскаго, и того, который былъ послѣ (Вавилонскаго), при Антіохѣ. Не то, что у васъ были люди, почитающіе (Бога), но то, что между вами были неправедные, прогнѣвляющіе Бога, — вотъ что сдѣлало васъ плѣнниками. Но такова зависть! Она, ослѣпивъ однажды душу, не позволяетъ ей видѣть

ничего должнаго. Не училъ ли (Христосъ) быть кроткими? (Не заповѣдывалъ ли), — когда ударяютъ въ одну ланиту,—обращать и другую? (Не внушалъ ли) великодушно переносить обиды и показывать больше готовности—терпѣть зло, чѣмъ сколько другіе бываютъ склонны — дѣлать? зло? Это ли, скажи мнѣ, свойственно тому, кто замышляетъ похитить верховную власть? Не тому ли напротивъ, кто уничтожаетъ всякое покушеніе на присвоеніе власти?

4. Но, какъ я сказалъ, зависть—страшное зло и полна лицемѣрія. Она наполнила вселенную безчисленными бѣдствіями. Отъ этой болѣзни судилища наполнены судимыми. Отъ ней страсть къ славѣ и стяжанію; отъ ней властолюбіе и гордость. Отсюда на путяхъ преступные разбойники, и на моряхъ грабители. Отсюда—убійства во вселенной; отсюда раздѣленіе нашего рода. Какое ни увидишь зло, знай, что оно отъ зависти. Она вторглась и въ церкви. Она издавна была причиною множества золъ. Она породила сребролюбіе. Эта болѣзнь все превратила и растлила правду. *Дарове*, сказано, *ослѣпляютъ очи премудрыхъ*, *и якоже бразды на устѣхъ, отвращаютъ обличенія* (Сир. 20, 29). Она и свободныхъ дѣлаетъ рабами. Объ ней мы каждый день бесѣдуемъ, но нѣтъ никакой пользы. Мы бываемъ хуже звѣрей, грабимъ сиротъ, обнажаемъ вдовицъ, обижаемъ бѣдныхъ, прилагаемъ къ горю горе. *Лютѣ мнѣ*, (говорилъ Пророкъ), *яко погибе благочестивый отъ земли* (Мих. 7, 2). И намъ теперь время плакать, или, лучше, (и намъ) слѣдуетъ каждый

день говорить эти слова. Ничего не достигаемъ мы прозьбами, ничего—совѣтами и увѣщаніями; по этому остается только плакать. Такъ и Христосъ поступилъ: когда Іерусалимляне, послѣ многихъ Его увѣщаній, нисколько не воспользовались ими,— Онъ плакалъ о ихъ ослѣпленіи. Такъ поступаютъ и Пророки; такъ слѣдуетъ и намъ нынѣ поступить. Теперь время плача, слезъ и сѣтованія. Благовременно и намъ теперь сказать: *призовите плачевницъ*, *и къ женамъ премудрымъ послите*, *и да вѣщаютъ* (Iерем. 9 17). Можетъ быть, чрезъ это мы въ состояніи будемъ исцѣлить отъ болѣзни тѣхъ, которые хищеніемъ строятъ свѣтлые домы и пріобрѣтаютъ поля. Благовременно плакать; но и вы, ограбленные и обиженные, примите участіе въ моемъ плачѣ; присоедините къ своему плачу и мои слезы. Но будемъ плакать не о себѣ самихъ, а объ нихъ: не васъ они обидѣли, а себя погубили. Вы за обиду получите царство небесное; а они, за неправильное пріобрѣтеніе, (подвергнутся) гееннѣ. Поэтому лучше быть обиженнымъ, нежели обижать. Будемъ плакать объ нихъ, но не плачемъ человѣческимъ, а (заимствованнымъ) изъ священнаго Писанія, которымъ плакали и Пророки. Восплачемъ горько съ Исаіею, и скажемъ: *горе совокупляющимъ домъ къ дому*, *и село къ селу приближающимъ*, *да ближнему отымутъ что*, *еда вселитеся едини на земли;... Домове велицыи и добріи*, *и не будутъ живущіи въ нихъ* (Ис. 5, 8. 9). Восплачемъ вмѣстѣ съ Наумомъ, и скажемъ съ нимъ: горе созидающему

домъ свой въ высоту! Или лучше, будемъ плакать объ нихъ такъ, какъ самъ Христосъ (плакалъ) о жившихъ въ то время (Iудеяхъ), говоря: *горе вамъ богатымъ, яко воспрiемлете* мзду вашу и *утѣшенiе ваше* (Лук. 6, 24)! Такъ, умоляю, станемъ непрестанно плакать и мы; а если не будетъ неприлично, то станемъ даже ударять себя въ грудь при видѣ безпечности (нашихъ) братiй. Не станемъ оплакивать того, кто уже умеръ, но будемъ оплакивать хищника, корыстолюбца, сребролюбца, ненасытнаго. Зачѣмъ плакать объ умершихъ, которымъ нельзя уже принести (этимъ) никакой пользы? Будемъ плакать о тѣхъ, для которыхъ еще возможна перемѣна. Но въ то время, какъ мы плачемъ, они, можетъ быть, смѣются? И это достойно слезъ, что они смѣются надъ тѣмъ, о чемъ слѣдовало бы сокрушаться. Если бы они сколько-нибудь тронулись нашими рыданiями, то слѣдовало бы перестать рыдать, въ надеждѣ ихъ исправленiя. Но такъ какъ они остаются безчувственными, то и мы будемъ продолжать плакать,—не просто о богатыхъ, но о сребролюбцахъ, лихоимцахъ и хищникахъ. Богатство не есть зло: его можно употреблять и съ пользою, если, напримѣръ, мы тратимъ его на нуждающихся. Но зло—любостяжанiе; оно приготовляетъ нескончаемыя казни. Итакъ станемъ плакать. Можетъ быть, (отъ этого) и будетъ какое-нибудь исправленiе. Если же впавшiе (въ этотъ грѣхъ) и не освободятся (отъ него), то можетъ быть другiе не подвергнутся этому злу, но остерегутся отъ него. Но дай Богъ,

чтобы и тѣ освободились отъ этой болѣзни, и никто изъ насъ не подвергся ей, дабы всѣмъ вообще сподобиться обѣтованныхъ благъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 65.

Единъ же нѣкто отъ нихъ Каіафа, архіерей сый лѣту тому, рече имъ: вы не вѣсте ничесоже: ни помышляете, яко уне есть намъ, да единъ человѣкъ умретъ за люди и проч. (Іоан. 11, 49. 50).

Углѣбоша языцы въ пагубѣ, юже сотвориша: въ сѣти сей, юже скрыша, увязе нога ихъ (Пс. 9, 16). Это случилось съ Іудеями. Они говорили, что должно умертвить Іисуса, чтобы не пришли Римляне и не взяли ихъ языкъ и городъ; а между тѣмъ, когда умертвили (Его), тогда подверглись этому. Такимъ образомъ во избѣжаніе чего, по видимому, они (это) сдѣлали, того самаго не избѣжали, потому что сдѣлали. Тотъ, Кого умертвили, находится на небесахъ; а тѣ, которые умертвили, наслѣдуютъ геенну, хотя и не это имѣли въ намѣреніи,

но что? *Отъ того убо дне*, сказано: *совѣщаша, да убіютъ его* (Іоан. 11, 53); ибо говорили: *пріидутъ Римляне, и возмутъ языкъ нашъ* (ст. 48). *Единъ же отъ нихъ Каіафа, архіерей сый лѣту тому*, будучи безстыднѣе прочихъ, *рече: вы не вѣсте ничесоже* (ст. 49). Въ чемъ тѣ еще колебались и что предложили на разсужденіе въ видѣ мнѣнія (ибо говорили: *что сотворимъ?* (ст. 47), то самое этотъ провозгласилъ безстыдно, открыто и съ наглостію. Что онъ говоритъ? *Вы не вѣсте ничесоже, ни помышляете, яко уне есть, да единъ человѣкъ умретъ за люди, а не весь языкъ погибнетъ. Сего же о себѣ не рече, но архіерей сый... прорече* (ст. 49—51). Видишь, какова сила архіерейской власти? Сподобившись вполнѣ архіерейства, (Каіафа), хотя былъ недостоинъ этого, однакожъ пророчествовалъ, самъ не разумѣя того, что говорилъ. Благодать воспользовалась только его устами, но не коснулась нечистаго сердца. Такъ и многіе другіе предсказали будущее, хотя были недостойны этого, напримѣръ: Навуходоносоръ, Фараонъ, Валаамъ; причина этому извѣстна. А слова (Каіафы) значатъ вотъ что: «вы сидите, доселѣ мало обращаете вниманія на это дѣло, и не знаете, что должно пренебречь для (блага) общаго спасеніемъ одного человѣка». Смотри, какая сила Духа! Изъ лукавой души Онъ возмогъ извлечь слова, полныя чуднаго пророчества. А чадами Божіими Евангелистъ называетъ язычниковъ, примѣнительно къ будущему, точно также, какъ и самъ Гос-

подь говорить: *и ины овцы имамъ* (Іоан. 10, 16), называя ихъ такъ примѣнительно къ будущему. Но что значатъ слова: *архіерей сый лѣту тому*? То, что (у Іудеевъ) вмѣстѣ съ прочимъ и это (преемство священноначалія) было искажено съ тѣхъ поръ, какъ начальственныя должности сдѣлались продажными. (Архіереи) первосвященствовали уже не все время жизни, но одинъ годъ. Однакожъ и при этомъ Духъ (Святый) еще присутствовалъ (между ними). Только тогда, когда они воздвигли руки на Христа, Онъ оставилъ ихъ и перешелъ на Апостоловъ. Это показали и завѣса раздравшаяся, и гласъ Христа, который сказалъ: *се оставляется домъ вашъ пустъ* (Матѳ. 23, 38). Равнымъ образомъ и Іосифъ (Флавій), жившій спустя немного времени, сказалъ, что нѣкіе Ангелы, еще прибывавшіе съ ними въ ожиданіи ихъ исправленія, оставили ихъ. Доколѣ виноградъ еще стоялъ, все (у нихъ) было; но какъ скоро они умертвили наслѣдника, то стало уже не такъ, и они погибли. И Богъ, взявъ отъ Іудеевъ, какбы отъ неблагодарнаго сына, свѣтлую одежду, отдалъ ее добрымъ слугамъ изъ язычниковъ, а ихъ оставилъ нищими и нагими. Немаловажно и то было, что врагъ (Христа) пророчествовалъ объ этомъ. Это могло привлечь (ко Христу) и другихъ; потому что на дѣлѣ вышло совсѣмъ не такъ, какъ (врагъ) предполагалъ. Чрезъ смерть (Христову) вѣрные освободились отъ будущаго наказанія. Но что значитъ: *да соберетъ во едино* (ст. 52)? — То, что Онъ близкихъ и дальнихъ сдѣлалъ однимъ тѣломъ, такъ

что живущій въ Римѣ считаетъ своими членами Индійцевъ. Что можетъ сравниться съ такимъ собраніемъ? А глава всѣхъ—Христосъ. *Отъ того убо дне совѣщаша* Іудеи, *да убіютъ его* (ст. 53). И прежде они искали этого; ибо сказано: *сего ради искаху его Іудее убити* (Іоан. 5, 18), и еще: *что мене ищете убити* (7, 19); но тогда они только искали, а теперь постановили рѣшеніе, и смотрятъ на это дѣло, какъ на обязанность. *Іисусъ же ктому не явѣ хождаше въ Іудеехъ* (ст. 54). Опять спасаетъ Себя по-человѣчески, какъ и часто это дѣлаетъ.

2. Я уже сказалъ о причинѣ, по которой Онъ часто уходилъ и удалялся. И теперь Онъ живетъ близъ пустыни, въ Евфраѳѣ, и тамъ пребываетъ съ учениками своими (ст. 54). Какъ, думаешь, смущены были ученики, видя, что Онъ спасается по-человѣчески? За Нимъ уже никто не слѣдовалъ; такъ какъ, по случаю приближенія праздника, всѣ спѣшили въ Іерусалимъ. А они, когда всѣ веселились и праздновали, тогда-то именно скрываются, тогда-то находятся въ опасности; однакожъ, не смотря на это, они оставались (съ Учителемъ). Такъ они скрывались и въ Галилеи во время пасхи и праздника кущей. Равнымъ образомъ и послѣ этого, во время (одного) праздника, они одни изъ всѣхъ бѣгали и скрывались вмѣстѣ съ Учителемъ, и тѣмъ показали Ему свое расположеніе. Поэтому-то Лука замѣчаетъ, что (Христосъ) сказалъ имъ: «Я пребылъ съ вами въ напастехъ» (Лук. 22, 28). А это Онъ сказалъ, дабы показать, что они возмогаютъ Его бла-

годатію. *И взыдоша мнози (въ Іерусалимъ) отъ странъ, да очистятся. Даша же архіерее и фарисее заповѣдь, да имутъ его* (ст. 55. 57). Удивительное очищеніе — при намѣреніи оскверниться кровію, при мысли о человѣкоубійствѣ, при окровавленныхъ рукахъ! *И глаголаху: что мнится вамъ, яко не имать ли пріити въ церковь* (ст. 56). Въ пасху злоумышляли, и время праздника дѣлали временемъ убійства. Здѣсь, говорятъ, Ему должно попасть въ наши руки, такъ какъ теперь (праздничное) время призываетъ Его сюда. О нечестіе! Когда требовалось особенное благоговѣніе, когда слѣдовало отпустить и тѣхъ, которые уличены въ величайшихъ преступленіяхъ: тогда они стараются уловить человѣка, не сдѣлавшаго никакой неправды. Впрочемъ они уже и прежде такъ поступали, но не только ничего не достигли, но еще сдѣлались смѣшными. Онъ часто впадаетъ въ руки ихъ и уходитъ отъ нихъ, и когда они замышляютъ Его умертвить, удерживаетъ ихъ и приводитъ въ недоумѣніе, чтобы обнаруженіемъ своей силы расположить ихъ къ сердечному сокрушенію и чтобы, когда возмутъ Его, они знали, что это произошло не отъ ихъ собственной силы, но отъ Его соизволенія. Такъ и теперь они не могли Его взять при всемъ томъ, что Виѳанія была близко,—да когда и взяли, Онъ повергъ ихъ ницъ. *Прежде же шести дній пасхи пріиде (Іисусъ) во Виѳанію, идѣже бѣ Лазарь*, и вечерялъ у нихъ (сестеръ Лазаря), при чемъ Марѳа служитъ, а Лазарь возлежитъ (Іоан. 12, 1. 2). Вотъ

доказательство несомнѣннаго воскресенія (Лазаря): спустя много дней онъ былъ живъ, и ѣлъ. Отсюда видно также, что вечеря была въ домѣ Марѳы: (Лазарь и его сестры) принимаютъ Іисуса, какъ друзья и любимцы Его. Нѣкоторые впрочемъ говорятъ, что это было въ чужомъ домѣ. Марія при этомъ не прислуживала, а была ученицей. Опять и здѣсь она (является) болѣе духовною. Она не прислуживаетъ, какъ гостья, и не оказываетъ всѣмъ услугъ, но воздаетъ честь только одному (Христу), и приступаетъ къ Нему не какъ къ человѣку, а какъ къ Богу. Поэтому она и муро излила, и отерла (Его) волосами головы; это показываетъ, что она имѣла о Немъ понятіе не такое, какое имѣли другіе. Между тѣмъ Іуда, подъ предлогомъ благочестія, ее укорилъ (за это). Что же Христосъ? «Доброе, (говоритъ), дѣло сдѣлала она для погребенія моего» (ст. 7). Почему же Онъ не обличилъ ученика за эту жену и не сказалъ того, что сказалъ Евангелистъ, то есть, что Іуда укорялъ ее потому, что былъ тать? Онъ хотѣлъ тронуть Его великимъ долготерпѣніемъ. А что Онъ зналъ, что Іуда — предатель, (видно изъ того, что) Онъ прежде неоднократно обличалъ его, говоря: «не всѣ вѣруютъ», и: *единъ отъ васъ діаволъ есть* (Іоан. 6, 64. 70). Этимъ Онъ показалъ, что знаетъ его, какъ предателя, но не обличилъ его открыто, а оказалъ ему снисхожденіе, желая отвратить его (отъ такого дѣла). Какъ же другой (Евангелистъ) говоритъ, что такъ сказали всѣ ученики (Матѳ. 26, 8)? Правда, и всѣ (говорили это), и онъ; но другіе (говорили) не по

тому же побужденію. Если же кто спроситъ, почему (Христосъ) поручилъ татю ковчежецъ нищихъ и сребролюбца сдѣлалъ распорядителемъ;— то я отвѣчу, что сокровенную причину этого знаетъ Богъ. Если же слѣдуетъ что-нибудь сказать намъ, основываясь на соображеніяхъ, то это для того, чтобы отнять (у Іуды) всякое извиненіе. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не могъ сказать, что сдѣлалъ это (предалъ Іисуса) по любви къ деньгамъ, такъ какъ достаточное удовлетвореніе своей страсти находилъ въ ковчежцѣ; нѣтъ, это онъ сдѣлалъ по великому нечестію, которое Христосъ хотѣлъ обуздать, оказывая ему снисхожденіе. Поэтому Онъ и не обличалъ его въ кражѣ, хотя и зналъ объ этомъ, дабы тѣмъ обуздать его злое пожеланіе и отнять у него всякое оправданіе. *Не дѣйте ея*, говоритъ, потому что она сдѣлала это для дня моего погребенія (ст. 7). Сказавъ о погребеніи, опять Онъ сдѣлалъ намекъ на предателя. Но его не трогаетъ это обличеніе, не смягчаютъ эти слова, хотя они и могли возбудить состраданіе. Какбы такъ Онъ говорилъ: «Я непріятенъ (тебѣ) и тягостенъ? но подожди немного, и Я отойду». Къ этой же мысли Онъ приводилъ словами: *мене не всегда имате* (ст. 8). Но все это не преклонило человѣка звѣронравнаго и неистоваго. Впрочемъ (Господь) и сказалъ, и сдѣлалъ даже гораздо больше этого: Онъ и омылъ ноги его въ ту ночь, и сдѣлалъ его участникомъ трапезы и солила, — что могло бы укротить и души разбойниковъ; и сказалъ другія слова, которыя могли бы смягчить самый камень. И все

это (Онъ сдѣлалъ) не за долгое время, но въ тотъ же самый день, чтобы самое время не привело этого въ забвеніе. Но (Іуда) упорствовалъ, не смотря на все это.

3. Страшно, истинно страшно — сребролюбіе. Оно закрываетъ и глаза и уши, дѣлаетъ (насъ) свирѣпѣе звѣрей, не позволяетъ думать ни о совѣсти, ни о дружбѣ, ни объ общеніи, ни о спасеніи собственной души, но, за-разъ отвратившü отъ всего, дѣлаетъ плѣнниковъ своими рабами, какъ нѣкій жестокій тиранъ. И что всего хуже въ этомъ горькомъ рабствѣ, — оно заставляетъ даже услаждаться собою, такъ что, чѣмъ больше предаются ему, тѣмъ больше увеличивается удовольствіе. Отъ того-то преимущественно эта болѣзнь и бываетъ неизлечима; отъ того-то и неукротимъ этотъ звѣрь. Сребролюбіе Гіезія, изъ ученика и пророка, сдѣлало прокаженнымъ; оно погубило Ананію; оно сдѣлало Іуду предателемъ; оно растлило іудейскихъ начальниковъ, которые принимали дары и (чрезъ то) сдѣлались сообщниками татей. Оно породило безчисленныя войны, наполнило кровію пути, плачемъ и слезами — города. Оно и вечери сдѣлало нечистыми, и трапезы — оскверненными, и самыя яствы исполнило беззаконія. Потому-то Павелъ назвалъ его идолослуженіемъ (Еф. 5, 5), но и этимъ не устрашилъ. А почему онъ называетъ его идолослуженіемъ? Многіе, имѣя богатство, не смѣютъ имъ пользоваться, но считаютъ его святынею и передаютъ въ цѣлости внукамъ и ихъ потомкамъ, не смѣя коснуться его, какбы чего-нибудь посвященнаго

Богу. А если когда и принуждены бываютъ (коснуться его): то бываютъ въ такомъ состояніи, какъ будто сдѣлали что-нибудь непозволительное. Съ другой стороны, какъ язычникъ оберегаетъ идола, такъ ты ограждаешь золото дверями и запорами, вмѣсто храма устрояешь для него ковчегъ и влагаешь его въ серебряныя сосуды. Но ты не покланяешься (золоту), какъ тотъ — своему идолу? Тѣмъ не менѣе ты показываешь въ отношеніи къ нему всякое уваженіе. Далѣе, (язычникъ) скорѣе отдастъ свои глаза и душу, чѣмъ идола; такъ точно — и любящіе золото. Но я, скажешь, не покланяюсь золоту? И тотъ говоритъ, что онъ покланяется не идолу, но живущему въ немъ демону. Такъ и ты, если не покланяешься золоту , то (покланяешься) демону, который вторгается въ твою душу отъ взгляда на золото и отъ страсти къ нему. Страсть сребролюбія хуже демона, и ей многіе покорствуютъ больше, чѣмъ иные идоламъ. Идоловъ во многомъ не слушаютъ, а сребролюбію во всемъ повинуются и исполняютъ все, что бы оно ни приказало сдѣлать. Что же оно говоритъ? Будь, говоритъ, для всѣхъ врагомъ и непріятелемъ; забудь природу; презирай Бога; пожертвуй собою мнѣ,— и во всемъ (ему) повинуются. Истуканамъ приносятъ въ жертву воловъ и овецъ; а сребролюбіе говоритъ: принеси мнѣ въ жертву твою душу, и — это исполняютъ. Видишь, какіе оно имѣетъ олтари, какія принимаетъ жертвы? *Лихоимцы* (говоритъ Апостолъ) *царствія Божія не наслѣдятъ* (1 Кор. 6, 10), — но они и

этого не боятся. Впрочемъ эта страсть сама по себѣ слабѣе (другихъ); потому что не врождена намъ и не происходитъ отъ нашей природы; иначе она была бы въ насъ съ самаго начала: но въ началѣ не было золота, и никто не любилъ золота. Если хотите, я скажу, откуда возникло это зло. Каждый, соревнуя жившимъ прежде его, увеличивалъ эту болѣзнь, и предшественникъ возбуждалъ (страсть къ пріобрѣтенію въ своемъ преемникѣ) даже противъ его воли. Люди, какъ скоро видятъ свѣтлые домы, множество полей, толпы слугъ, серебряные сосуды, большое собраніе одеждъ, — всячески стараются имѣть еще больше, такъ что первые бываютъ причиною (этого зла) для вторыхъ, эти для послѣдующихъ. Между тѣмъ, еслибы (первые) хотѣли жить скромно, то не были бы учителями (сребролюбія) для другихъ. Впрочемъ и для этихъ послѣднихъ нѣтъ оправданія; потому что есть и такіе, которые презираютъ богатство. Да кто же, скажешь, презираетъ? Въ томъ-то и бѣда, что зло увеличилось до такой степени, что (добродѣтель нестяжанія) стала, повидимому, невозможною, — и что даже не вѣрится, чтобы кто-нибудь ей слѣдовалъ. Я могъ бы, конечно, назвать многихъ (такого рода людей) и въ городахъ и въ селахъ; но что пользы? Вѣдь и отъ этого вы не сдѣлаетесь лучшими. А сверхъ того, у насъ и рѣчь теперь не о томъ, чтобы вы растратили (свое) имущество. Я желалъ бы этого; но такъ какъ это бремя выше силъ вашихъ, то я не принуждаю. Я только убѣждаю, чтобы вы не желали чужаго, чтобы удѣ-

ляли и отъ своего. Вѣдь есть много такихъ, которые довольствуются своимъ, заботятся о своемъ и живутъ праведными трудами. Почему мы не ревнуемъ и не подражаемъ имъ? Вспомнимъ о тѣхъ, которые жили прежде насъ. Не стоятъ ли доселѣ ихъ имѣнія, на которыхъ только имена ихъ сохраняются? Вотъ баня такого то, вотъ предмѣстіе и гостинница такого-то. Увидѣвъ это, не вздохнемъ ли мы тотчасъ, представивши, сколько онъ трудовъ перенесъ, сколько хищенія совершилъ, и — нигдѣ нѣтъ его самаго; а его стяжаніемъ наслаждаются другіе, о которыхъ онъ и не думалъ,—можетъ быть, даже враги его,—между тѣмъ какъ самъ онъ терпитъ величайшее наказаніе. Это ожидаетъ и насъ: и мы непремѣнно умремъ; и насъ непремѣнно постигнетъ тотъ же конецъ. Сколько, скажи мнѣ, перенесли они гнѣва, сколько издержекъ, сколько вражды? И какой плодъ? Нескончаемое наказаніе, лишеніе всякаго утѣшенія и осужденіе отъ всѣхъ не только при жизни, но и послѣ смерти. Что въ томъ, что мы видимъ изображенія многихъ, поставленныя въ домахъ? Не больше ли отъ того плачемъ? Подлинно, хорошо сказалъ Пророкъ: *обаче всуе мятется всякъ человѣкъ живый* (Ис. 38, 6. 7). Попеченіе о такихъ вещахъ поистинѣ есть смятеніе и напрасное безпокойство. Но не такъ бываетъ въ обителяхъ вѣчныхъ и въ тѣхъ селеніяхъ: здѣсь иной трудился, и иной наслаждается (его трудомъ); а тамъ каждый будетъ господиномъ своихъ трудовъ, и получитъ многообразную награду. Будемъ же стремиться къ то-

му стяжанію. Тамъ устроимъ себѣ домы, да упокоимся во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава во вѣки. Аминь,

---

БЕСѢДА 66.

Разумѣ же народъ многъ отъ Іудей, яко ту есть: и пріидоша не Іисуса ради токмо, но да и Лазаря видятъ, егоже воскреси отъ мертвыхъ (Іоан. 12, 9).

Какъ богатство обыкновенно губитъ людей неосторожныхъ, такъ равно и власть. Первое доводитъ до любостяжанія, а послѣдняя до безумія. Вотъ смотри: подчиненные въ іудейскомъ народѣ судятъ здраво, а начальники — превратно. Что народъ вѣровалъ во Христа, объ этомъ часто говорятъ Евангелисты, (свидѣтельствуя), что *мнози отъ народа вѣроваша въ него* (Іоан. 7, 31). А изъ начальниковъ (большая часть) не вѣровали. Сами же начальники, а не народъ, говорятъ: *еда кто отъ князь вѣрова въ онь* (Іоан. 7, 48)? Но кто же? — *народъ*, говорятъ, *иже не вѣсть* Бога, *прокляти суть* (ст. 49). Вѣрующихъ называли проклятыми; а самихъ себя—убійцъ, благоразумными. Такъ и теперь, увидѣвъ чудо, (изъ наро-

да) многіе увѣровали,—а начальники не только не удовольствовались своими злодѣйствами, но покушались еще умертвить и Лазаря. Пусть (вы хотите убить) Христа за то, что Онъ нарушалъ субботу, что творилъ Себя равнымъ Отцу, изъ-за Римлянъ, какъ говорите вы; но въ чемъ вы можете обвинить Лазаря? За что его хотите умертвить? Уже ли въ томъ его вина, что онъ получилъ благодѣяніе? Видишь, какъ они склонны къ убійству? Много чудесъ сотворилъ (Христосъ), но ни одно до такой степени не ожесточило ихъ,— ни чудо надъ разслабленнымъ, ни чудо надъ слѣпымъ. Это потому, что чудо надъ Лазаремъ и по самой природѣ своей было удивительнѣе (другихъ), и было совершено послѣ многихъ чудесъ. Да и поразительно было видѣть, что четверодневный мертвецъ ходитъ и говоритъ. А прекрасное поистинѣ дѣло для праздника—къ торжеству присоединить убійство! Притомъ же, въ тѣхъ случаяхъ они думали обвинить Христа въ нарушеніи субботы и черезъ то отвлечь отъ Него народъ: а здѣсь ни въ чемъ не могли обвинить Его, и потому злоумышляютъ противъ того, кого Онъ воскресилъ. Здѣсь они не могли даже сказать и того, будто Онъ противится Отцу, потому что молитва Его заграждала имъ уста. Итакъ какъ всегдашній предлогъ къ обвиненію теперь у нихъ былъ отнятъ, а чудо между тѣмъ было явное, то они рѣшаются на убійство. Тоже самое, конечно, они сдѣлали бы и со слѣпымъ, если бы не имѣли повода къ обвиненію въ нарушеніи субботы. А кромѣ того, слѣпый былъ незнатенъ,—и они вы-

гнали его изъ храма, а этотъ (Лазарь) былъ человѣкъ знаменитый, какъ видно изъ того, что многіе собрались утѣшать сестеръ его. Да и чудо (надъ нимъ) было совершено въ виду всѣхъ и самымъ необыкновеннымъ образомъ, почему всѣ и спѣшили посмотрѣть. Вотъ то-то и мучило ихъ, что всѣ при наступленіи праздника, оставивъ торжество, идутъ въ Виѳанію. И такъ они замыслили умертвить Лазаря, не думая даже о томъ, что это преступленіе; до того они были склонны къ убійству!—Потому-то первоначальный законъ начинается съ заповѣди: *не убій.* И Пророкъ обличаетъ ихъ въ этомъ: *руки ихъ* (говоритъ) *исполнены крове* (Ис. 1, 15). — Но какъ же Христосъ, который (не задолго предъ симъ) открыто не ходилъ въ Іудеѣ и удалился въ пустыню, теперь опять смѣло входитъ (въ Іерусалимъ)? Своимъ удаленіемъ Онъ утушилъ ихъ ярость и возвращается къ нимъ уже тогда, какъ они успокоились. Съ другой стороны, они должны были бояться народа, который предшествовалъ и сопутствовалъ Ему: потому что ни одно чудо такъ не привлекло къ Нему народъ, какъ чудо надъ Лазаремъ. Другой Евангелистъ замѣчаетъ еще, что народъ постилалъ Ему подъ ноги *ризы своя* (Лук. 19, 36) и что *потрясеся весь градъ* (Матѳ. 21, 10); съ такою честію входилъ Онъ (въ Іерусалимъ)! А входилъ Онъ такъ для того, чтобы предъизобразить одно пророчество и исполнить другое; такъ что одно и тоже событіе служило и началомъ одного (пророчества), и концомъ другаго. Слова: радуйся,

яко царь твой грядетъ къ тебѣ кротокъ (Матѳ. 21, 5), означаютъ исполненіе пророчества; а что Онъ возсѣлъ на осла, это прообразуетъ будущее событіе, именно то, что Онъ имѣлъ покорить своей власти нечистое племя язычниковъ. Но какъ же другіе (Евангелисты) говорятъ, что Онъ послалъ учениковъ и сказалъ имъ: *отрѣшите осля и жребя* (Мат. 21, 2), а этотъ (Іоаннъ) не говоритъ ничего такого, но (сказываетъ), что Онъ, *обрѣтъ осля*, *всѣде на не* (Іоан. 12, 14)? — Вѣроятно, было и то и другое въ то время, какъ ученики, отрѣшивъ ослицу, вели ее къ нему,—вѣроятно, Онъ нашелъ осля и сѣлъ на него. Между тѣмъ народъ взялъ вѣтви финиковыхъ и масличныхъ деревъ и постилалъ одежды, показывая тѣмъ, что онъ уже имѣетъ о Немъ высшее понятіе, чѣмъ о Пророкѣ,—и говорилъ: *осанна, благословенъ грядый во имя Господне* (Іоан. 12, 13). Видишь ли, что всего болѣе ихъ уязвляло всеобщее убѣжденіе въ томъ, что Онъ не противникъ Божій?—что всего болѣе раздѣляло народъ то, что Онъ говорилъ о Себѣ, что пришелъ отъ Бога? А что значитъ: *радуйся зѣло дщи Сіоня*? Такъ какъ всѣ цари ихъ (Іудейскіе) были по большой части несправедливы и корыстолюбивы, предавали ихъ врагамъ, развращали народъ и подчиняли его непріятелямъ: то (Пророкъ) и говоритъ: *не бойся*; этотъ (царь) не таковъ, но кротокъ и незлобивъ, какъ показываетъ и ослица. Ибо не войскомъ окруженный вошелъ Онъ (во Іерусалимъ), а имѣя при Себѣ одного осла.—*Сихъ же не разумѣша ученицы*

его, яко сія быша о немъ писана (ст. 16). Видишь ли, что ученики многаго не понимали, когда Онъ самъ не открывалъ имъ? Такъ и тогда, когда сказалъ Онъ: *раззорите церковь сію, и треми денми воздвигну ю* (ст. 2, 19), — ученики также не поняли. И другой Евангелистъ говоритъ, что слово Его было сокровенно для нихъ (Лук. 17, 44) и что они не знали, что Ему надлежитъ воскреснуть изъ мертвыхъ. Но это по справедливости было сокрыто отъ нихъ: почему другой Евангелистъ и говоритъ, что они всякій разъ, какъ слышали объ этомъ, скорбѣли и печалились, потому что не разумѣли тайны воскресенія. Это, говорю, по справедливости было сокрыто отъ нихъ, такъ какъ превышало ихъ понятія. Но отъ чего же не было открыто имъ и знаменованіе ослицы?—Отъ того, что и это было дѣло великое.

2. Замѣть же любомудріе Евангелиста: онъ не стыдится выставлять на видъ прежнее ихъ невѣдѣніе. Что было написано, это они знали, но что написанное относилось къ Христу, этого не знали. Ихъ соблазнило бы то, что Онъ, будучи Царемъ, долженъ былъ столько претерпѣть и подвергнуться такому предательству. А съ другой стороны, они не уразумѣли бы вдругъ ученія о томъ царствѣ, о которомъ Онъ говорилъ. По словамъ другаго Евангелиста, они думали, что Онъ говоритъ о царствѣ міра сего. *Свидѣтельствоваше убо народъ*, что Онъ воскресилъ Лазаря (ст. 17, 18). Народъ, говоритъ (Евангелистъ), въ такомъ множествѣ не обратил-

ся бы вдругъ, если бы не увѣровалъ въ чудо. *Фарисее же рѣша къ себѣ: видите, яко никая же польза есть: се міръ по немъ идетъ* (ст. 19). Мнѣ кажется, эти слова принадлежатъ тѣмъ, которые разсуждали здраво, но не смѣли говорить открыто, и потому указаніемъ на событія хотѣли удержать другихъ отъ ихъ предпріятія, какъ отъ дѣла безполезнаго. А подъ именемъ міра они разумѣютъ здѣсь тотъ же народъ. Писаніе обыкновенно называетъ міромъ и тварь, и людей, живущихъ въ порокахъ; въ первомъ смыслѣ (употребляетъ это слово), когда говоритъ: *носяй по числу утварь* (κόσμον) *свою* (Ис. 40, 26), а въ послѣднемъ,—когда выражается: *не можетъ міръ ненавидѣти васъ: мене же ненавидитъ* (Іоан. 7, 7). Это хорошо нужно знать для того, чтобы неправильнымъ разумѣніемъ словъ не подать повода еретикамъ вооружаться противъ насъ. *Бяху же нѣцыи еллини отъ пришедшихъ, да поклонятся въ праздникъ* (ст. 20). Бывъ уже близки къ тому, чтобы сдѣлаться прозелитами, они пришли на праздникъ и, когда молва о Христѣ дошла и до нихъ, говорятъ (Филиппу): *хощемъ Іисуса видѣти* (ст. 21). Филиппъ приходитъ къ Андрею, какъ старшему, и сообщаетъ ему объ этомъ. Но и Андрей самъ собою не рѣшаетъ этого, такъ какъ онъ слышалъ уже: *на путь языкъ не идите* (Матѳ. 10, 5). Поэтому, поговоривъ съ Филиппомъ, онъ вмѣстѣ съ нимъ доводитъ дѣло до Учителя; ибо они оба сказали Ему объ этомъ. Что же говоритъ Христосъ? *Пріиде часъ, да*

прославится Сынъ человѣческій. Аще зерно пшенично падъ на земли не умретъ, то едино пребываетъ (ст. 23, 24). Что значить: *пріиде часъ?* Прежде Онъ говорилъ: *на путь языкъ не идите*, и тѣмъ удерживалъ учениковъ, чтобы отнять у Іудеевъ всякій предлогъ къ неблагодарности. Но такъ какъ Іудеи продолжали упорствовать, а язычники желали придти къ Нему; то Онъ и говоритъ: время уже идти на страданіе, такъ какъ все уже исполнилось. Если мы будемъ продолжать заботиться объ Іудеяхъ, не смотря на ихъ упорство, а язычниковъ не станемъ допускать къ себѣ, при всемъ ихъ желаніи (придти къ намъ): то это будетъ недостойно нашего промышленія. Итакъ, поелику Онъ намѣренъ былъ послать учениковъ своихъ къ язычникамъ уже послѣ креста, и между тѣмъ видитъ, что язычники сами идутъ къ Нему,—то и говоритъ: время идти на крестъ. Не прежде (своихъ страданій) Онъ послалъ ихъ, чтобы это служило свидѣтельствомъ противъ Іудеевъ. До тѣхъ поръ, пока (Іудеи) самымъ дѣломъ не отвергли Его, пока не предали Его распятію, Онъ не говорилъ: *шедше, научите вся языки* (Матѳ. 28, 19), а напротивъ: *на путь языкъ не идите* (Матѳ. 10, 5), и: *нѣсмь посланъ, токмо ко овцамъ погибшимъ дому Израилева*, и: *нѣсть добро отъяти хлѣби чадомъ, и поврещи псомъ* (Матѳ. 15, 24. 26). Но когда они возненавидѣли Его и возненавидѣли до того, что предали на смерть, то уже безполезно было продолжать заниматься ими, въ то время, какъ

они отвергаютъ Его. А они дѣйствительно отреклись отъ Него, сказавъ: *не имамы царя, токмо кесаря* (Іоан. 19, 15). Тогда уже и Онъ ихъ оставилъ, когда они Его оставили. Потому-то Онъ и говоритъ: *колькраты восхотѣхъ собрати чада* ваша, *и не восхотѣсте* (Матѳ. 23. 37). Что значитъ *аще зерно пшенично падъ на земли не умретъ*? Это Онъ говоритъ о крестѣ, Чтобы (ученики) не смущались мыслію, что Онъ умерщвленъ въ то самое время, когда и язычники начали приходить къ Нему,—Онъ говоритъ, что это-то самое въ особенности и будетъ содѣйствовать обращенію язычниковъ и распространенію Его проповѣди. Но какъ слова не такъ сильно убѣждали ихъ; то Онъ увѣряетъ ихъ въ томъ же дѣйствительнымъ опытомъ, говоря, что такъ бываетъ и съ пшеницею — она приноситъ большій плодъ, когда умретъ. Если же такъ бываетъ съ сѣменами, то тѣмъ болѣе (будетъ) со Мною. Но ученики не поняли Его словъ. Это Евангелистъ постоянно выставляетъ на видъ, желая извинить ихъ бѣгство въ послѣдствіи времени. Такую же рѣчь велъ и Павелъ, разсуждая о воскресеніи.

3. Какое же послѣ этого будутъ имѣть оправданіе невѣрующіе воскресенію, когда оно ежедневно представляется въ сѣменахъ, и въ растеніяхъ, и при нашемъ рожденіи? Вѣдь прежде нужно истлѣть сѣмени и потомъ уже бываетъ рожденіе. Впрочемъ, говоря вообще, — гдѣ дѣйствуетъ Богъ, тамъ нѣтъ нужды въ умствованіяхъ. Ибо какимъ образомъ Онъ сотворилъ насъ

изъ ничего? Это я говорю христіанамъ, которые говорятъ о себѣ, что вѣруютъ Писанію. Но я скажу нѣчто и на основаніи умствованій человѣческихъ. Одни изъ людей живутъ порочно, другіе добродѣтельно; но изъ числа порочныхъ многіе доживаютъ до глубокой старости, наслаждаясь счастіемъ, — а съ людьми добродѣтельными бываетъ противное. Когда же каждый изъ нихъ получитъ по заслугамъ? Въ какое время? Это такъ, говорятъ (невѣрующіе), но не будетъ воскресенія тѣлъ. А развѣ они не слышатъ, что сказалъ Павелъ: *подобаетъ тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе* (1 Кор. 15, 53)? Здѣсь рѣчь не о душѣ, потому что душа не подлежитъ тлѣнію. Да и востаніе свойственно тому, что пало; а пало тѣло. И почему ты не хочешь (допустить) воскресенія тѣлъ? Развѣ это невозможно для Бога? Но говорить такъ — дѣло крайняго безумія. Или, (скажешь), неприлично? Почему же неприлично, чтобы существо тлѣнное, участвовавшее въ трудѣ и смерти, приняло участіе и въ вѣнцахъ? Если бы было неприлично, то оно не было бы сотворено въ началѣ и Христосъ не принялъ бы на Себя плоти. А что Онъ и принялъ, и воскресилъ ее, — (объ этомъ), послушай, какъ Онъ говоритъ: *вложи* персты *и виждь, яко духъ* костей и жилъ *не иматъ* (Іоан. 20, 27; сн. Лук. 24, 39). Зачѣмъ также Онъ воскресилъ Лазаря, если лучше воскреснуть безъ тѣла? Зачѣмъ поставляетъ это въ ряду чудесъ и благодѣяній? Да зачѣмъ и вообще далъ пищу? Нѣтъ, возлюбленные, не обольщайтесь еретиками. Есть, подлинно,

и воскресеніе, есть и судъ; отвергаютъ ихъ только тѣ, которые не хотятъ дать отчета въ своихъ дѣлахъ. И притомъ воскресеніе должно быть такое же, каково было и воскресеніе Христово: потому что Христосъ есть *начатокъ и перворожденъ изъ мертвыхъ* (Колос. 1, 18). Но если воскресеніе состоитъ въ очищеніи души и освобожденіи отъ грѣховъ, а Христосъ не согрѣшилъ: то какъ Онъ воскресъ? А если и Онъ согрѣшилъ, то какъ мы избавились отъ клятвы? Да и какъ Онъ говоритъ: *грядетъ міра сего князь, и во мнѣ не имать ничесоже* (Іоан. 14, 30)? Вѣдь это значитъ, что Онъ безгрѣшенъ. Итакъ, по ихъ мнѣнію, Христосъ или не воскресъ, или, если воскресъ, то до воскресенія согрѣшилъ. Но Онъ и воскресъ, и грѣха не сотворилъ; слѣдовательно воскресъ тѣломъ. А то нечестивое ученіе есть не что иное, какъ порожденіе тщеславія. Будемъ же избѣгать этой болѣзни; ибо *тлятъ,* говоритъ (Писаніе), *обычаи благи бесѣды злы* (1 Кор. 15, 33). Это не ученіе апостольское; Маркіонъ и Валентинъ— вотъ кто это выдумалъ. Будемъ же убѣгать этого, возлюбленные. Вѣдь при неправыхъ догматахъ нѣтъ никакой пользы и отъ доброй жизни, точно также, какъ и на оборотъ,—здравые догматы безполезны при порочной жизни. Эллины породили это (лжеученіе), а они (еретики) распространили его, занявъ у языческихъ философовъ и утверждая какъ то, что вещество несозданно, такъ и многое тому подобное. Такимъ образомъ, какъ сказали они, что, если бы не было несозданнаго вещества, то

не было бы и Творца, такъ отвергли и воскресеніе. Но не будемъ внимать имъ, зная всемогущую силу Божію, — не будемъ внимать. Это я говорю вамъ; съ своей же стороны мы не откажемся вступить съ ними въ борьбу. Человѣкъ безоружный и беззащитный легко можетъ быть плѣненъ, хотя бы онъ вступилъ въ борьбу съ (непріятелемъ) слабымъ, хотя бы онъ былъ сильнѣе его. Если бы вы внимали Писанію и каждодневно упражнялись въ немъ, я не сталъ бы убѣждать васъ избѣгать борьбы съ ними, а напротивъ даже совѣтовалъ бы сразиться съ ними; потому что истина сильна. Но какъ вы не умѣете пользоваться Писаніемъ, то я и боюсь за эту борьбу, (боюсь), чтобы они, заставъ васъ безоруженными, не низложили васъ. Въ самомъ же дѣлѣ, нѣтъ ничего слабѣе ихъ, потому что они лишены помощи отъ Духа. Если же они пользуются мудростію языческою, то этому не должно удивляться, а напротивъ стоитъ посмѣяться, что они руководствуются глупыми наставниками. Въ самомъ дѣлѣ, эти наставники ни (въ ученіи) о Богѣ, ни (въ ученіи) о твари не могли дойти ни до чего истиннаго; но что у насъ теперь знаетъ всякая вдова, того не зналъ и самъ Пиѳагоръ. Они говорили, напримѣръ, что душа бываетъ то растеніемъ, то рыбою, то псомъ. Ужели такихъ (наставниковъ), скажи мнѣ, слѣдуетъ слушать? Какое же для этого основаніе? Они велики на улицахъ, отращаютъ красивыя волосы и одѣваются въ плащи,—этимъ и ограничивается ихъ любомудріе, А посмотришь внутрь, все—прахъ и пепелъ, нѣтъ ничего здороваго, но

гробъ отверстъ гортань ихъ, все полно нечистоты и тлѣнія, и всѣ догматы ихъ исполнены червей. Такъ первый между ними почиталъ богомъ воду, слѣдующій за нимъ—огонь, третій—воздухъ; всѣ же полагали найти его въ тѣлахъ. Ужели же такимъ (наставникамъ), скажи мнѣ, слѣдуетъ удивляться, которые не имѣли даже понятія о безтѣлесномъ Богѣ? Если же они наконецъ и пріобрѣли (такое понятіе), то это было уже послѣ того, какъ въ Египтѣ они вошли въ сношеніе съ нашими. Но чтобы не возбудить между вами большаго шума, я здѣсь окончу свое слово. Если бы я началъ подробно излагать ихъ мнѣнія, какъ разсуждали они о Богѣ, какъ — о веществѣ, какъ—о душѣ, какъ—о тѣлахъ, то послѣдовалъ бы великій смѣхъ. Притомъ они и не нуждаются въ нашемъ опроверженіи, — они сами опровергли другъ друга. Такъ, написавшій противъ насъ книгу о веществѣ, самъ себя опровергъ. Потому, чтобы не утруждать васъ понапрасну и не развивать передъ вами лабиринта словъ, — вмѣсто всего этого я скажу вамъ, что надобно внимать божественному Писанію и не вступать въ безполезныя словопренія. Это же внушаетъ и Павелъ Тимоѳею (2 Тим. 2, 14), не смотря на то, что послѣдній былъ исполненъ великой мудрости и имѣлъ силу чудотвореній. Послѣдуемъ же его внушенію и, оставивъ пустословіе, будемъ заниматься дѣлами, то есть, братолюбіемъ и страннолюбіемъ, и особенно позаботимся о милостынѣ, чтобы достигнуть обѣтованныхъ благъ по благодати и человѣколюбію Гос-

пода нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 67.

Любяй душу свою, погубитъ ю: и ненавидяй души своея въ мірѣ семъ, въ животъ вѣчный сохранитъ ю. Аще кто мнѣ служитъ, мнѣ да послѣдствуетъ (Іоан. 12, 25. 26).

Сладостна настоящая жизнь и заключаетъ въ себѣ много пріятнаго, но не для всѣхъ, а только для (людей), привязанныхъ къ ней. Если же кто посмотритъ на небо и увидитъ тамошнія блага, тотъ скоро станетъ пренебрегать этою жизнію и ставить ее ни во что. Вѣдь и тѣлесная красота, пока нѣтъ другой — лучшей, возбуждаетъ удивленіе: а когда явится красота лучшая, прежнею начинаютъ пренебрегать. Такъ и мы, если станемъ смотрѣть на ту красоту и созерцать благолѣпіе тамошняго царства, — скоро освободимся отъ настоящихъ узъ; такъ какъ привязанность къ настоящему дѣйствительно есть нѣкотораго рода узы. Къ сему-то и приводитъ насъ Христосъ, когда говоритъ: *любяй душу свою, погубитъ ю: и ненавидяй души своея въ мірѣ семъ, въ животъ вѣчный со-*

хранитъ ю. Аще кто мнѣ служитъ, мнѣ да послѣдствуетъ, и идѣже есмь азъ, ту и слуга мой будетъ (ст. 25. 26). Слова эти походятъ, по видимому, на загадку; но они — не загадка, — въ нихъ заключается великая мудрость. Какимъ же образомъ *любяй душу свою* погубитъ ее? (Это бываетъ тогда, когда) кто исполняетъ ея неумѣстныя пожеланія, когда кто угождаетъ ей больше, чѣмъ должно. Потому-то нѣкто и даетъ такое наставленіе; *въ слѣдъ похотей* души *твоей не ходи* (Спр. 18, 30), Чрезъ это ты погубишь ее; потому что (похоть) отдаляетъ отъ пути, ведущаго къ добродѣтели. Точно также и наоборотъ, *ненавидяй* душу свою *въ мірѣ семъ*, спасетъ ее. Что значитъ: *ненавидяй* душу свою? Это означаетъ того, кто не слушаетъ ея, когда она внушаетъ что нибудь вредное. Но (Христосъ) не сказалъ: кто не слушаетъ ея, а—*ненавидяй* ее. Какъ мы не можемъ ни слышать голоса ненавидимыхъ нами, ни видѣть лица ихъ равнодушно: такъ точно мы должны крайне отвращаться и души, когда она внушаетъ намъ что нибудь неугодное Богу. Такъ какъ (Христосъ) намѣревался уже бесѣдовать съ учениками о смерти, и именно о своей смерти, и предвидѣлъ ихъ скорбь и уныніе: то и употребляетъ усиленную рѣчь, говоря: «что сказать о томъ, что вы не можете перенести съ твердостію моей смерти? Вѣдь если и сами вы не умрете, — для васъ не будетъ никакой пользы». Но смотри, какъ Онъ и смягчаетъ свою рѣчь. Человѣку, любящему свою душу, очень тяжело и при-

скорбно было услышать, что онъ долженъ умереть. И нужно ли говорить о временахъ древнихъ, когда и нынѣ мы найдемъ много людей, которые, не смотря на то, что убѣждены въ будущемъ, охотно рѣшаются все перенести, лишь бы насладиться настоящей жизнію,—которые, смотря на зданія, на изобрѣтенія и произведенія искуствъ, со слезами приговариваютъ: какъ много замышляетъ человѣкъ, и между тѣмъ обращается въ прахъ! До такой степени сильна привязанность къ настоящей жизни! Итакъ, чтобы разрѣшить эти узы, Христосъ говоритъ: *ненавидяй души своея въ мірѣ семъ, въ животъ вѣчный сохранитъ ю.* А что Онъ сказалъ это ученикамъ съ тѣмъ, чтобы ободрить ихъ и удалить отъ нихъ страхъ, это видно изъ дальнѣйшихъ словъ: *аще кто мнѣ служитъ, мнѣ да послѣдствуетъ.* Здѣсь Онъ говоритъ о смерти и требуетъ послѣдованія (Себѣ) самымъ дѣломъ. Слуга, (говоритъ Онъ), непремѣнно долженъ слѣдовать за тѣмъ, кому служитъ. И замѣть, въ какое время Онъ бесѣдуетъ съ ними объ этомъ;—не тогда, когда они были гонимы, но когда были совершенно спокойны, когда, пользуясь отъ многихъ почетомъ и услугами почитали себя въ совершенной безопасности, — когда могли быть бодры духомъ и услышать: *и возметъ крестъ свой и по мнѣ грядетъ* (Матѳ. 16, 24); т. е., (послѣдователь Христовъ) долженъ быть всегда готовъ на опасности, на смерть, на переселеніе изъ этой жизни. Вслѣдъ за тѣмъ, такъ какъ Онъ сказалъ прискорбныя слова,—предлагаетъ и награду. Въ чемъ

же эта награда? Въ томъ, что будетъ слѣдовать за Нимъ и будутъ тамъ, гдѣ Онъ. Этимъ Онъ показалъ, что за смертью послѣдуетъ воскресеніе. *Идљже есмь азъ*, говоритъ Онъ, *ту и слуга мой будетъ*. Гдѣ же Христосъ? На небесахъ. Итакъ переселимся туда душею и умомъ еще и прежде воскресенія. *Аще кто мнљ служитъ*, возлюбитъ *его Отецъ*. (Іоан. 12, 26). Почему Онъ не сказалъ: Я возлюблю? Потому что ученики еще не имѣли объ немъ надлежащаго понятія, а думали выше объ Отцѣ. Вѣдь они не знали и того, что Ему надлежало воскреснуть: (какъ же могли помышлять объ Немъ что нибудь великое! Потому-то и сынамъ Зеведеевымъ Онъ говоритъ: *нљсть мое дати, но имъ же уготовася отъ Отца моего* (Матѳ. 20, 23), — хотя Онъ и самъ судія. А здѣсь Онъ представляетъ и свое истинное сыновство; потому что Отецъ приметъ слугъ Его, какъ слугъ своего истиннаго Сына. — *Нынљ душа моя возмутися: и что реку?— Отче, спаси мя отъ часа сего* (ст. 27). Такъ говорить, по видимому, не слѣдовало бы тому, кто убѣждаетъ (другихъ) идти на смерть; но на самомъ дѣлѣ эти слова особенно приличны такому человѣку. Чтобы не сказали, что Ему легко любомудрствовать о смерти, когда онъ самъ недоступенъ для человѣческихъ страданій, легко убѣждать насъ, когда Онъ самъ внѣ опасности,— Онъ показываетъ, что и Онъ страшится смерти, и однако-же для пользы (другихъ) не отказывается умереть. Впрочемъ это относится къ воспринятому Имъ человѣчеству, а не къ божеству. По-

этому Онъ говоритъ: *нынѣ душа моя возмутися.* А если не такъ, то какая будетъ послѣдовательность между этими словами и слѣдующими: *Отче, спаси мя отъ часа сего*? И (душа Его) до того была возмущена, что Онъ даже искалъ бы (Себѣ) избавленія (отъ смерти), если бы только можно было ея избѣжать.

2. Въ этомъ выразилась немощь человѣческой природы. Но Я, говоритъ Онъ, не могу ничего сказать, прося (Себѣ) избавленія (отъ смерти); ибо *сего ради пріидохъ на часъ сей.* Какбы такъ говорилъ Онъ: «хотя смерть и приводитъ насъ въ трепетъ и смущеніе, но все же мы не должны избѣгать ея. Вѣдь и Я возмущенъ нынѣ, но не говорю объ избавленіи отъ смерти; потому что надобно переносить то, чему слѣдуетъ быть. Не говорю: избавь Меня отъ часа сего, но что?—*Отче, прослави имя твое* (ст. 28). Хотя смущеніе и заставляетъ Меня говорить тѣ слова, но Я говорю противное: *прослави имя твое*, то есть, возведи уже (Меня) на крестъ». Въ этомъ ясно обнаруживаются свойства человѣческія и природа, которая не хочетъ смерти, но привязана къ настоящей жизни. Это показываетъ, что (Христосъ) былъ не чуждъ человѣческихъ ощущеній. Ибо какъ голодъ и сонъ не составляютъ преступленія, такъ точно —и привязанность къ настоящей жизни. Іисусъ Христосъ имѣлъ тѣло, только чистое отъ грѣховъ, но не лишенное естественныхъ потребностей; иначе оно не было бы и тѣломъ. Этимъ же самымъ Онъ внушаетъ намъ и нѣчто другое. Что же

именно? Чтобы мы даже и тогда, какъ случится намъ быть въ страхѣ и томленіи, не уклонялись отъ того, что намъ назначено.—*Отче, прослави имя твое.* Этимъ показываетъ, что умираетъ за истину; ибо смерть свою называетъ славою Божіею. Это и сбылось послѣ креста: тогда вся вселенная должна была обратиться, познать имя Божіе и служить Богу;—и (должна была познать) не имя только Отца, но и Сына, хотя (Христосъ) объ этомъ умалчиваетъ. *Пріиде же гласъ съ небесе: и прославихъ и паки прославлю* (ст. 28). Когда прославилъ?—Въ предшествовавшихъ событіяхъ. *И паки прославлю*—послѣ креста. Что же Христосъ? *Не мене ради гласъ сей бысть*, но васъ *ради*. А Іудеи подумали, что это былъ громъ, или что Ангелъ говорилъ Ему. Почему же они такъ думали? Развѣ голосъ былъ не ясенъ и не внятенъ? Нѣтъ, они были люди грубые, плотскіе, безпечные, и потому голосъ тотчасъ изчесъ для нихъ. Одни изъ нихъ удержали только звукъ, а другіе, хотя и знали, что это былъ голосъ членораздѣльный, но что онъ означалъ, не знали.—Что же Христосъ?—*Не мене ради гласъ сей бысть*, но васъ *ради*. Для чего Онъ сказалъ это?—Для опроверженія того, что они постоянно говорили, будто Онъ не отъ Бога. Въ самомъ дѣлѣ, могъ ли быть не отъ Бога тотъ, кого Богъ прославляетъ и кѣмъ имя Божіе прославляется? Для этого-то и гласъ низшелъ; для этого и самъ Онъ говоритъ: *не мене ради гласъ сей бысть*, но васъ *ради*; не для того, чтобы Я изъ него узналъ что нибудь,

чего прежде не зналъ,—Я знаю все Отчее, но для васъ. Такъ какъ они говорили, что Ангелъ говорилъ Ему или что это былъ громъ, а (словъ) не слышали: то (Христосъ) говоритъ, что это было для васъ, чтобы хоть такимъ образомъ заставить ихъ спросить, что было сказано. Но они, бывъ поражены, не спросили и тогда, какъ услышали, что это относилось къ нимъ. А кто не зналъ, къ кому относилось скааанное, для того естественно, голосъ могъ показаться невразумительнымъ. Васъ *ради гласъ бысть*. Видишь ли, что все уничиженное бываетъ для нихъ, а не потому, будто бы Сынъ имѣлъ нужду въ помощи? — *Нынѣ судъ есть міру сему: нынѣ князь міра сего* поверженъ *будетъ* долу (ст. 31). Какую это имѣетъ связь съ словами *прославихъ и прославлю*? Очень близкую и весьма тѣсную. Такъ какъ Онъ сказалъ: *прославлю,* то показываетъ и самый способъ прославленія. Какой же это способъ? Тотъ, говоритъ, что онъ (князь міра) будетъ поверженъ долу. Что же значитъ: *судъ есть міру сему*? —(Христосъ) какбы такъ говоритъ: «будетъ судъ и отмщеніе. Какъ это и какимъ образомъ? (Діаволъ) умертвилъ перваго человѣка, найдя его повиннымъ грѣху,—такъ какъ смертъ вошла чрезъ грѣхъ. Но во Мнѣ онъ этого не нашелъ; за что же онъ напалъ на Меня и предалъ (Меня) смерти? Зачѣмъ вложилъ въ душу Іуды мысль погубить Меня?» Неговори мнѣ теперь, что Богъ такъ устроилъ, что это дѣло не діавола, а Божіей премудрости. Будемъ пока разсматривать лишь мысль этого злаго существа.

Итакъ какимъ же образомъ міръ судится во Мнѣ? Діаволу. какбы на судѣ, будетъ сказано: пусть ты всѣхъ умертвилъ, потому что нашелъ ихъ виновными во грѣхѣ; но за что Христа умертвилъ? —Не очевидноли—несправедливо? Поэтому чрезъ Него тебѣ будетъ отмщеніе за весь міръ. А чтобы это было очевиднѣе, я объясню примѣромъ. Представь себѣ какого нибудь свирѣпаго тирана, который всѣхъ, кто ни попадется ему, подвергаетъ различнымъ жестокостямъ. Если этотъ человѣкъ, встрѣтивъ царя или царскаго сына, несправедливо умертвитъ и его: то смерть этого послѣдняго можетъ отмстить ему и за всѣхъ прочихъ. Представь себѣ еще, что какой нибудь заимодавецъ, взыскивая съ своихъ должниковъ, будетъ бить ихъ и сажать въ тюрьму; потомъ, по той же жестокости, заключитъ также въ темницу и того, кто ему нисколько не долженъ. Въ этомъ случаѣ онъ будетъ наказанъ и за то, что онъ сдѣлалъ другимъ: (невинно заключенный въ темницу) убьетъ его.

3. Такъ точно было и съ Сыномъ (Божіимъ). Изъ-за того, что діаволъ дерзнулъ сдѣлать со Христомъ, онъ получитъ наказаніе за все, что причинилъ намъ. И что (Христосъ) указываетъ именно на это, видно изъ того, что Онъ говоритъ: *нынѣ князь міра сего* будетъ низверженъ,—(то есть) моею смертію. *И аще азъ вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ себѣ* (ст. 32), т. е. и язычниковъ. А чтобы кто-нибудь не сказалъ: какъ же онъ будетъ низверженъ, если онъ побѣдитъ и Тебя самаго,—(Хри-

стосъ) говоритъ; не побѣдитъ; ибо можетъ ли это быть, когда Я и другихъ привлеку къ Себѣ?—И не говоритъ о воскресеніи, но (упоминаетъ о томъ, что важнѣе воскресенія: *вся привлеку къ себѣ*. Если бы сказалъ: воскресну, то еще не видно было бы, что увѣруютъ въ Него но сказавъ, увѣруютъ,—Онъ тѣмъ высказалъ и то и другое,—(показалъ), что Онъ и воскреснетъ: потому что, если бы Онъ оставался мертвымъ и былъ простымъ человѣкомъ, тогда никто бы не увѣровалъ *Вся привлеку къ себѣ*. А какъ же Онъ говоритъ, что Отецъ привлекаетъ? — Это значитъ, что, Отецъ привлекаетъ, когда привлекаетъ Сынъ. *Привлеку*, говоритъ Онъ, такъ какъ ихъ держитъ тиранъ и сами по себѣ они не могутъ придти и освободиться изъ его рукъ, потому что онъ не пускаетъ ихъ. Въ другомъ мѣстѣ это называетъ (Христосъ) *хищеніемъ. Никтоже можетъ сосуды крѣпкаго расхитити*, *аще не первѣе крѣпкаго свяжетъ*, *и тогда сосуды его расхититъ* (Марк. 3, 27): — такъ говоритъ Онъ, изображая силу (врага). Слѣдовательно, что тамъ назвалъ Онъ хищеніемъ, то здѣсь называетъ привлеченіемъ.—Итакъ, зная это, возстанемъ и прославимъ Бога,—не вѣрою только, но и жизнію; а иначе это будетъ не слава, а хула. Не столько хулится Богъ нечистою жизнію язычника, сколько развращеніемъ христіанина. Поэтому прошу васъ, старайтесь всячески о прославленіи Бога. Горе, сказано, тому рабу, которымъ имя Божіе хулится. А когда будетъ горе, тогда тотчасъ по-

слѣдуетъ всякое наказаніе и мученіе. Напротивъ блаженъ тотъ, кѣмъ имя Божіе прославляется. Такъ не будемъ же жить, какъ во тьмѣ, но постараемся избѣгать всякихъ грѣховъ, а особенно тѣхъ, которые клонятся къ общему вреду: потому что ими-то особенно и наносится хула Богу. Какое, въ самомъ дѣлѣ, мы получимъ прощеніе, когда, обязанные, по заповѣди, давать другимъ, мы будемъ похищать чужое? Какая будетъ для насъ надежда на спасеніе? Ты будешь наказанъ, если не напитаешь алчущаго: какое же получишь помилованіе, если обнажишь одѣтаго? Мы постоянно говоримъ это и не перестанемъ говорить. Можетъ быть, не послушавшіе сегодня послушаютъ завтра, а невнимательные завтра послушаютъ въ слѣдующіе дни; а если нѣкоторые и останутся непреклонными, то все же, по крайней мѣрѣ, мы будемъ правы на судѣ, потому что исполнили свое дѣло. Но дай Богъ, чтобы эти слова и насъ не приводили въ стыдъ, и васъ не заставляли закрываться. Дай Богъ всѣмъ съ дерзновеніемъ стать предъ судищемъ Христовымъ, чтобы и мы могли похвалиться вами, и для своихъ золъ найти какое нибудь облегченіе въ вашемъ добромъ имени, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу вмѣстѣ со Святымъ Духомъ слава во вѣки. Аминь.

БЕСѢДА 68.

Отвѣща ему народъ: мы слышахомъ отъ закона, яко Христосъ пребываетъ во вѣки: како ты глаголеши, вознестися подобаетъ сыну человѣческому? Кто есть сей сынъ человѣческій (Іоан. 12, 34)?

Ложь безсильна и легко изобличается, хотя снаружи и прикрывается многоразличными красками. Какъ тѣ, которые покрываютъ смазкою стѣны, близкія къ разрушенію, чрезъ эту смазку не могутъ поправить ихъ: такъ и люди, когда говорятъ ложь, легко изобличаются. Такъ именно случилось и теперь съ Іудеями. Когда Христосъ сказалъ; *аще азъ вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ себѣ*, — они возражаютъ: *мы слышахомъ отъ закона, яко Христосъ пребываетъ во вѣки: како ты глаголеши, вознестися подобаетъ сыну человѣческому? Кто есть сей сынъ человѣческій*? Итакъ они знали, что Христосъ есть лице безсмертное и имѣетъ жизнь безконечную. Слѣдовательно понимали и то, что Онъ говорилъ. Да и въ Писаніи во многихъ мѣстахъ говорится вмѣстѣ и о страданіи (Христа), и о воскресеніи. Такъ напр. Исаія поставляетъ то и другое вмѣстѣ, когда говоритъ: *яко овча на заколеніе*

ведеся, и такъ далѣе; и Давидъ во второмъ псалмѣ, равно какъ и во многихъ другихъ, соединяетъ то и другое; и патріархъ (Іаковъ), сказавъ: *возлегъ уснулъ еси яко левъ*, присовокупилъ: *и яко скименъ: кто возбудитъ его* (Быт. 49, 9)? — чѣмъ указываетъ вмѣстѣ и на страданіе, и на воскресесеніе. Но Іудеи потому говорятъ, что Христосъ пребываетъ во вѣкъ, что этимъ думали заградить Ему уста и показать, что Онъ не Христосъ. И смотри, какая злонамѣренность! Не сказали: мы слышали, что Христосъ не долженъ страдать, не долженъ быть распятъ; но: *яко пребываетъ во вѣки*,—хотя эти слова и не составляютъ возраженія: потому что страданіе не было препятствіемъ къ безсмертію. Отсюда можно видѣть, что они понимали многое, что могло казаться обоюднымъ, и что они по доброй волѣ поступали злонамѣренно. Такъ какъ выше Христосъ бесѣдовалъ о смерти, то они, услыша здѣсь слово: *вознестися,* пришли именно къ мысли о смерти. Затѣмъ говорятъ: *кто есть сей сынъ человѣческій*? И это также съ злымъ умысломъ. Не подумай, говорятъ они, что мы разумѣемъ здѣсь Тебя, и не говори, будто мы противорѣчимъ Тебѣ по враждѣ съ Тобою. Вотъ мы даже и не знаемъ, о комъ Ты говоришь, и все же однако высказываемъ свое мнѣніе. Что же Христосъ? Желая заградить имъ уста и показать, что Его страданія нисколько не препятствуютъ Ему пребывать во вѣкъ, Онъ говоритъ: *еще мало время свѣтъ въ васъ есть* (ст. 35). Этимъ показываетъ, что смерть Его есть только

представленіе; такъ какъ и солнечный свѣтъ не исчезаетъ совершенно, но скрывшись на краткое время, снова является. *Ходите, дондеже свѣтъ имате.* О какомъ времени говоритъ Онъ здѣсь? Разумѣетъ ли всю настоящую жизнь, или только время до креста? Я думаю,—и то и другое: потому что, по неизреченному Его человѣколюбію, многіе увѣровали въ Него и послѣ креста. А говоритъ Онъ это для того, чтобы побудить ихъ къ вѣрѣ, что и прежде дѣлалъ, когда говорилъ: *еще мало время съ вами есмь* (Іоан. 7, 33). *Ходяй во тьмѣ, не вѣсть, камо идетъ* (ст. 35). Въ самомъ дѣлѣ, чего не дѣлаютъ теперь Іудеи, и однакожъ не знаютъ, что дѣлаютъ, но ходятъ какбы во тьмѣ. Думаютъ, что идутъ по прямому пути, а на самомъ дѣлѣ идутъ противоположнымъ путемъ; соблюдаютъ субботу, хранятъ законъ, наблюдаютъ правила касательно пищи, но не знаютъ, куда идутъ. Потому и говорилъ (Христосъ): *ходите во свѣтѣ, да сынове свѣта будете*, т. е., (да будете) моими сынами. Въ началѣ Евангелистъ говоритъ (о вѣрующихъ), что они *не отъ крове, ни отъ похоти плотскія, но отъ Бога родишася* (Іоан. 1, 13), т. е., отъ Отца,—а здѣсь говорится о самомъ (Христѣ), что Онъ ихъ раждаетъ, дабы ты зналъ, что у Отца и Сына одно дѣйствіе. *Сія глагола Іисусъ, и отшедъ, скрыся отъ нихъ* (ст. 35). Зачѣмъ Онъ теперь скрывается? Вѣдь (Іудеи) не подняли противъ Него камней и не сказали никакой хулы, какъ было прежде: зачѣмъ же Онъ скрылся? Проникая въ сердца ихъ, Онъ

зналъ, что въ душѣ они ожесточились противъ Него, хотя и ничего не говорили; зналъ, что они кипѣли (ненавистью) и готовы были убить Его, и (потому) не ожидалъ, пока дойдутъ они до самаго дѣла, но скрылся, чтобы укротить ихъ ненависть. Смотри, какъ на это указалъ и Евангелистъ: онъ сейчасъ же присовокупилъ: *толика знаменія сотворшу ему, не вѣроваху въ него* (ст. 37). Какія это знаменія? — Знаменія, о которыхъ Евангелистъ умолчалъ. Да это же видно и изъ послѣдующаго. Послѣ того, какъ Онъ удалился и уступилъ имъ, Онъ снова приходитъ и кротко бесѣдуетъ съ ними, говоря такимъ образомъ: *вѣруяй въ мя, не вѣруетъ въ мя, но въ пославшаго мя* (ст. 44). А замѣть, какъ Онъ (обыкновенно) поступаетъ: начинаетъ рѣчь скромно и уничиженно, относя все къ Отцу, а потомъ возвышаетъ свое слово. Когда же видитъ, что они приходятъ въ ярость,—удаляется, а потомъ снова является и снова начинаетъ рѣчь уничиженную. Когда же Онъ такъ поступалъ? Скажи лучше, когда Онъ такъ не поступалъ? Вотъ, смотри, какъ Онъ говоритъ сначала: *якоже слышу, сужду* (Іоан. 5, 30); за тѣмъ возвышеннѣе: *якоже бо Отецъ воскрешаетъ мертвыя и живитъ, тако и Сынъ, ихже хощетъ, живитъ* (5, 21); и опять: *азъ не сужду* васъ, *инъ есть судяй* (8, 50); а потомъ опять удаляется. Затѣмъ, явившись въ Галилеи, говоритъ: *дѣлайте не брашно гиблющее* (6, 27); и, сказавъ о Себѣ (много) великаго, именно — что Онъ сошелъ съ неба, что Онъ даетъ животъ вѣч-

ный, снова уходитъ. А въ праздникъ кущей опять является и поступаетъ точно такимъ же образомъ.

2. Да и постоянно, какъ всякій можетъ видѣть, Онъ разнообразитъ такимъ образомъ свое ученіе: то приходитъ, то уходитъ, то говоритъ смиренно, то возвышенно. Такъ точно Онъ поступилъ и здѣсь. *Толика знаменія сотворшу ему*, говоритъ (Евангелистъ), *не вѣроваху въ него*: *да сбудется слово Исаіи пророка, еже рече: Господи, кто вѣрова слуху нашему, и мышца Господня кому открыся* (Іоан. 12, 37 — 38). И опять: *сего ради не можаху вѣровати, яко паки рече Исаія*: *слухомъ услышате, и не уразумѣете. Сія рече Исаія, егда видѣ славу его, и глагола о немъ* (ст. 39, 41; сн. Ис. 6, 9). Вотъ опять слова *яко*, и: *рече*, означаютъ не причину, а событіе. Не потому Іудеи не вѣровали, что такъ сказалъ Исаія, но потому сказалъ такъ Исаія, что они не будутъ вѣровать. Почему же Евангелистъ говоритъ не такъ, а напротивъ какъ будто представляетъ невѣріе слѣдствіемъ пророчества, а не пророчество—слѣдствіемъ невѣрія? Въ дальнѣйшихъ же словахъ онъ тоже самое выражаетъ еще сильнѣе, говоря такъ: *сего ради не можаху вѣровати, яко рече Исаія*. Этимъ онъ хочетъ яснѣе доказать, что Писаніе не ложно и что предсказанное имъ совершилось не иначе, а именно такъ, какъ было предсказано. А чтобы кто нибудь не сказалъ: зачѣмъ же и пришелъ Христосъ? или Онъ не зналъ, что Его не будутъ слушать?—для этого (Евангелистъ) и

приводитъ Пророковъ, показывая, что и они это знали. Пришелъ же Христосъ для того, чтобы (Іудеи) не имѣли никакого извиненія въ своемъ грѣхѣ. Ибо что предсказалъ Пророкъ, то предсказалъ потому, что такъ непремѣнно будетъ. А еслибы (предсказанное имъ) не должно было непремѣнно совершиться, то онъ и не предсказалъ бы; а оно должно было непремѣнно совершиться, потому что (Іудеи) были неизлечимы. Если же и поставлено здѣсь слово: *не можаху*, то оно значитъ тоже, что—не хотѣли. И ты не удивляйся этому. Вотъ и въ другомъ мѣстѣ говорится: *могій вмѣстити, да вмѣститъ* (Мате. 19, 22). Такъ и во многихъ мѣстахъ Писаніе обыкновенно употребляетъ слово: возможность, въ смыслѣ хотѣнія; вотъ напр. еще: *не можетъ міръ ненавидѣти васъ, мене же ненавидитъ* (Іоан. 7, 7). Да это же самое, какъ всякій можетъ видѣть, бываетъ и въ обыкновенномъ разговорѣ. Такъ, когда кто говоритъ: я не могу полюбить такого-то, — то подъ возможностію разумѣетъ особенную силу хотѣнія; точно также (бываетъ и тогда, когда говорятъ): такой-то не можетъ быть добрымъ. Да и Пророкъ какъ говоритъ? *Аще премѣнитъ Еѳіоплянинъ кожу свою и рысь нестроты своя*, и народъ сей возможетъ *благо творити, научившеся злу* (Іер. 13, 23). Не то разумѣетъ онъ, будто совершеніе добродѣтели для этихъ людей невозможно; но что они не хотятъ того, потому и не могутъ. И слова Евангелиста выражаютъ только то, что Пророку невозможно было сказать ложь. Но ни какъ нель-

зя сказать, чтобы поэтому самому Іудеямъ невозможно было увѣровать. Пророкъ могъ остаться вѣрнымъ и въ томъ случаѣ, еслибы они увѣровали: потому что, если бы они увѣровали, — онъ бы того и не предсказалъ. Такъ почему же, скажешь, Писаніе не выразилось такимъ образомъ? Въ Писаніи есть нѣкоторыя подобныя особенности, а потому надобно подчиняться его правиламъ. *Сія же рече, егда видѣ славу его.* Чью славу? Отца. Какъ же Іоаннъ прилагаетъ эти слова къ Сыну, а Павелъ къ Св. Духу? Это они говорятъ не потому, будто смѣшиваютъ Ѵпостаси, а дабы показать, что у Нихъ одно достоинство: что принадлежитъ Отцу, то принадлежитъ и Сыну, а принадлежащее Сыну принадлежитъ и Св. Духу. Хотя многое (Богъ) изрекъ чрезъ Ангеловъ, однакожъ никто не говоритъ: «какъ сказалъ Ангелъ», но: какъ сказалъ Богъ; ибо что изречено Богомъ чрезъ Ангеловъ, то принадлежитъ Богу, но принадлежащее Богу еще не принадлежитъ Ангеламъ. А здѣсь (Апостолъ) говоритъ, что это слова Духа (Дѣян. 26, 25 — 26). *И глагола о немъ.* Что глагола? *Видѣхъ Господа, сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ* (Ис. 6, 1), и проч. Итакъ славою онъ называетъ здѣсь все то видѣніе — дымъ, слышаніе неизреченныхъ таинствъ, зрѣніе Серафимовъ, молнію, исходящую отъ престола, на которую не могли смотрѣть (небесныя) Силы. *И глагола о немъ.* Что глагола? Что онъ слышалъ голосъ, говорившій ему: *кого послю и кто пойдетъ? И рекохъ: се азъ есмь, посли мя. И*

рече: слухомъ услышите, и не уразумѣете, и видяще узрите, и не увидите. Ибо *ослѣпи очи ихъ и окаменилъ есть сердца ихъ: да не видятъ очима, ни разумѣютъ сердцемъ* (Ис. 6, 8—20; сн. Іоан. 12, 40). Вотъ опять новое недоумѣніе; но его не будетъ, если вникнемъ въ дѣло надлежащимъ образомъ. Ибо, какъ солнце поражаетъ глаза больныхъ, но не потому, чтобы оно имѣло такое свойство; такъ бываетъ и съ тѣми, кто не внимаетъ словамъ Божіимъ. Въ этомъ же смыслѣ говорится и о Фараонѣ, что (Богъ) ожесточилъ его сердце. Такъ бываетъ и съ тѣми, которые какимъ нибудь образомъ противятся словамъ Божіимъ. И это—особенность Писанія, равно какъ и выраженія: *Богъ предаде въ неискусенъ умъ* (Рим. 1, 28), и: *раздѣли языкомъ* (Втор. 4, 19); это значитъ—позволилъ, попустилъ. Въ этихъ мѣстахъ (Писаніе) выражаетъ не то, будто Богъ и это производитъ, но показываетъ, что это происходитъ отъ злобы другихъ. Когда мы бываемъ оставлены Богомъ, тогда предаемся діаволу; а предавшись діаволу, подвергаемся безчисленнымъ бѣдствіямъ. Итакъ. чтобы устрашить слушателя, (слово Божіе) говоритъ: *ожесточи* и: *предаде.* А что Богъ не только не предаетъ насъ, но и не оставляетъ, если мы сами того не захотимъ,—послушай, что говоритъ (Писаніе): *не грѣси ли ваши разлучаютъ между вами и между* Мною (Ис. 59, 2)? И еще: *удаляющіи себѣ отъ тебе погибнутъ* (Ис. 72, 27); а Осія говоритъ: *забылъ еси законъ Бога своего, забуду и азъ* тебя (Ос. 4, 6). И самъ Христосъ въ

Евангеліи: *колькраты восхотѣхъ собрати чада твоя, и не восхотѣсте* (Лук. 13, 34). И опять Исаія *пріидохъ, и небяше человѣка: звихъ, и не бѣ послушающаго* (Ис. 50, 2). Говоря такимъ образомъ, (Писаніе) показываетъ, что мы сами полагаемъ начало оставленію насъ Богомъ, сами бываемъ виновны въ своей погибели. А Богъ не только не хочетъ ни оставлять насъ, ни наказывать, но когда и наказываетъ,—дѣлаетъ это противъ своего желанія. *Не хощу,* говоритъ Онъ, *смерти грѣшника, но еже обратитися ему и жити* (Іез. 18, 32). А Христосъ даже плачетъ о разрушеніи Іерусалима, какъ поступаемъ и мы въ отношеніи къ своимъ друзьямъ.

3. Итакъ, зная это, будемъ употреблять всѣ мѣры, чтобы не отпасть отъ Бога, и постараемся имѣть попеченіе о своей душѣ и любовь другъ ко другу; не будемъ отторгать отъ себя своихъ членовъ, — это свойственно бѣснующимся и умалишеннымъ, — но чѣмъ въ худшемъ найдемъ ихъ положеніи, тѣмъ бо̀льшую покажемъ объ нихъ заботливость. Вѣдь мы часто видимъ людей, одержимыхъ упорными и неисцѣлимыми тѣлесными недугами, и однакожъ не перестаемъ прилагать къ нимъ врачевства. Что наприм. хуже подагры? Что (ужаснѣе) хирагры? Но развѣ мы отсѣкаемъ изъ-за этого члены? Вовсе нѣтъ. Напротивъ употребляемъ всѣ мѣры, чтобы получить хоть какое нибудь облегченіе, если ужъ нѣтъ возможности уврачевать болѣзнь. Такъ же будемъ поступать и съ своими братьями: хотя бы они страдали неисцѣлимыми болѣзнями, будемъ

неотступно заботиться объ ихъ исцѣленіи и носить тяготы другъ друга. Чрезъ это мы исполнимъ и законъ Христовъ, и достигнемъ обѣтованныхъ благъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 69.

Обаче убо и отъ князь мнози вѣроваша въ него: но фарисей ради не исповѣдоваху, да не изъ сонмищъ изгнани будутъ. Возлюбиша бо паче славу человѣческую, неже славу Божію (Іоан. 12, 42. 43).

Мы должны избѣгать всѣхъ вообще душевредныхъ страстей, но особенно тѣхъ изъ нихъ, которыя и сами изъ себя раждаютъ много грѣховъ. Таково напр. сребролюбіе. Оно и само по себѣ тяжкая болѣзнь, но становится еще тяжелѣе потому, что оно корень и мать всѣхъ золъ. Таково же и тщеславіе. Вотъ, наприм., и эти (начальники іудейскіе) отторглись отъ вѣры по любви къ славѣ. *Мнози*, говоритъ Писаніе, *и отъ князь вѣроваша въ него*: *но* Іудеевъ *ради не исповѣдоваху, да не изъ сонмищъ*

изгнани будутъ. Такъ точно и (Христосъ) еще прежде говорилъ имъ: *како вы можете вѣровати, славу другъ отъ друга пріемлюще, и славы, яже отъ единаго Бога, не ищете* (Іоан. 5, 44)? Слѣдовательно они были не князи, а рабы, и рабы самые низкіе. Впрочемъ, въ послѣдствіи и этотъ страхъ исчезъ. При Апостолахъ мы нигдѣ уже не встрѣчаемъ одержимыхъ этою болѣзнію: при нихъ обращались къ вѣрѣ и князи, и священники; ибо низпосланная благодать Святаго Духа всѣхъ ихъ сдѣлала тверже адаманта. Но такъ какъ теперь это служило еще для нихъ препятствіемъ къ вѣрѣ, то послушай, что говоритъ Христосъ: *вѣруяй въ мя, не вѣруетъ въ мя, но въ пославшаго мя* (ст. 44). Какбы такъ говорилъ Онъ: «что боитесь вы увѣровать въ Меня? Вѣра въ Меня, равно какъ и невѣріе, черезъ Меня переходятъ къ Богу». Смотри, какъ всегда и во всемъ обнаруживаетъ Онъ совершеное равенство своего существа (съ существомъ Бога Отца). И не сказалъ: кто вѣруетъ Мнѣ, чтобы кто не подумалъ, будто Онъ здѣсь говоритъ о своихъ словахъ,—что можно было сказать и о людяхъ: такъ, кто вѣруетъ Апостоламъ, вѣруетъ не имъ, а Богу. Но чтобы ты зналъ, что Онъ здѣсь говорить о вѣрѣ въ свое существо, Онъ не сказалъ; кто вѣруетъ моимъ словамъ, но: *вѣруяй въ мя.* Но почему, скажешь, Онъ нигдѣ не сказалъ на оборотъ: кто вѣруетъ въ Отца, вѣруетъ не въ Отца, а въ Меня? Потому что (Іудеи) возразили бы: вотъ мы вѣруемъ въ Отца, а въ Тебя не вѣруемъ; вѣдь они были еще очень не-

мощны. Потому, бесѣдуя съ учениками, Онъ сказалъ такъ: *вѣруйте въ Бога, и въ мя вѣруйте* (Іоан. 14, 2); а съ Іудеями—видя, что они, по своей немощи, еще не могутъ услышать такія слова, ведетъ рѣчь иначе; имъ Онъ показываетъ, что невозможно увѣровать въ Отца не увѣровавъ въ Него. И чтобы ты не подумалъ, будто это сказано въ томъ же смыслѣ, въ какомъ можетъ быть сказано и въ отношеніи къ человѣку, Онъ присовокупляетъ: *видяй мя, видитъ пославшаго мя* (ст. 45). Что же? значитъ Богъ—существо тѣлесное? Вовсе нѣтъ. Христосъ говоритъ здѣсь о видѣніи умственномъ, и тѣмъ опять показываетъ свое единосущіе (съ Отцемъ). Но что значатъ слова: *вѣруяй въ мя*? Это тоже, какъ если бы кто сказалъ: кто беретъ воду въ рѣкѣ, беретъ ее не изъ рѣки, а изъ источника: а впрочемъ, и это еще весьма слабое подобіе настоящаго предмета. *Азъ свѣтъ въ міръ пріидохъ* (ст. 46). Такъ какъ Отецъ вездѣ называется свѣтомъ, и въ ветхомъ и въ новомъ завѣтѣ, то и онъ прилагаетъ къ себѣ это названіе; поэтому и Павелъ, научившись отсюда, называетъ Его сіяніемъ. Вообще Онъ здѣсь показываетъ (свое) великое сродство съ Отцемъ и не полагаетъ (между Имъ и Собою) никакого различія, потому что вѣра въ Него, говоритъ, не къ Нему относится, а переходитъ къ Отцу. А свѣтомъ Онъ Себя назвалъ потому, что Онъ уничтожаетъ заблужденіе и разсѣваетъ умственный мракъ. *Аще кто* Меня не слушаетъ, *азъ несужду ему: не пріидохъ бо, да сужду мірови, но да спасу міръ* (ст. 47). Чтобы не подумали, будто Онъ по

немощи не обращалъ вниманія на тѣхъ, которые пренебрегали Имъ, для этого Онъ сказалъ: *не пріидохъ, да сужду мірови.*

2. Потомъ, чтобы (Іудеи) не сдѣлались отъ этого нерадивѣе, узнавъ, что если вѣрующій получаетъ спасеніе, за то и невѣрующій не подвергается наказанію,—смотри, какъ Онъ поставляетъ имъ на видъ и страшный судъ, присовокупляя слѣдующія слова: *отметаяйся мене и не пріемляй глаголъ моихъ, имать судящаго ему* (ст. 48). Но если *Отецъ не судитъ никомуже* и Ты пришелъ не съ тѣмъ, чтобы судить міръ, такъ кто же его будетъ судить? *Слово еже глаголахъ, то судитъ ему въ послѣдній день.* Такъ какъ они говорили, будто Онъ не отъ Бога, то Онъ и сказалъ такъ, показывая, что для нихъ тогда не будетъ возможности говорить это, но слова, которыя Я изрекъ нынѣ, предстанутъ вмѣсто обвинителя, будутъ обличать нихъ и отнимутъ у нихъ всякое оправданіе. *И слово, еже глаголахъ.* Какое слово? *Яко азъ* не самъ отъ Себя пришелъ, *но пославый мя Отецъ, той мнѣ заповѣдь даде, что реку и что возглаголю* (ст. 49)—и всѣ другія подобныя слова. Слѣдовательно это говорилось такъ только для нихъ, чтобы они не могли имѣть никакого предлога къ извиненію. Въ противномъ случаѣ, какое (Христосъ, будетъ имѣть преимущество предъ Исаіею? Ибо и этотъ (послѣдній) говоритъ тоже самое: *Господь даетъ мнѣ языкъ наученія, еже разумѣти, егда подобаетъ рещи слово* (Ис. 50, 4). Какое (преимущество) предъ Іереміею, кото-

рый также, когда былъ посланъ, получилъ вдохновеніе? Какое (преимущество) предъ Іезекіилемъ? Ибо и этотъ говорилъ послѣ того, какъ поглотилъ свитокъ. Притомъ же, (въ этомъ случаѣ) тѣ, которые будутъ слушать Его слова, были бы причиною Его знанія. Ибо, если Онъ получилъ заповѣдь, что Ему говорить, только тогда, когда былъ посылаемъ; то наконецъ ты долженъ будешь сознаться, что Онъ того не зналъ прежде, чѣмъ былъ посланъ. И что можетъ быть нечестивѣе этихъ словъ, если кто станетъ принимать ихъ въ этомъ смыслѣ и не позаботится узнать причину ихъ уничиженности? Апостолъ Павелъ говоритъ, что даже ученики знали, *что есть воля Божія благая и угодная и совершенная* (Рим. 12, 2): Сыну ли не знать до тѣхъ поръ, пока Онъ не получилъ заповѣди? Есть ли въ этомъ какая нибудь сообразность? Видишь, что Онъ говоритъ съ чрезвычайнымъ уничиженіемъ для того, чтобы и (тогдашнихъ) Іудеевъ привлечь къ Себѣ, и на послѣдующихъ наложить молчаніе? Итакъ для того Онъ говоритъ по-человѣчески, чтобы хотя этимъ способомъ понудить ихъ къ тому, чтобы они избѣгали всего низкаго въ Его словахъ, зная, что Онъ такъ говоритъ не по (своему) существу, а по немощи слушателей. *И вѣмъ, яко заповѣдь его животъ вѣчный есть: яже убо азъ глаголю, яко рече мнѣ Отецъ, тако глаголю* (ст. 50). Видишь, какъ уничижены эти слова? Вѣдь кто получилъ заповѣдь, тотъ уже не господинъ надъ самимъ собою. А между тѣмъ, самъ же Онъ говоритъ: *якоже Отецъ*

воскрешаетъ мертвыя и живитъ, тако и Сынъ, ихже хощетъ, живитъ. Ужели же воскрешать, кого хочетъ, Онъ имѣетъ власть, а говорить, что хочетъ, не имѣетъ? Очевидно, Онъ этими словами хочетъ сказать вотъ что: «неестественно, чтобы иное говорилъ Онъ (Отецъ), и иное высказывалъ Я». *И вѣмъ, яко заповѣдь его животъ вѣчный есть*. Это Онъ сказалъ противъ тѣхъ, которые почитали Его обманщикомъ и говорили, будто Онъ пришелъ на погибель (людей). А словами: *азъ не сужду*, показываетъ, что Онъ нисколько не виновенъ въ ихъ погибели. Этимъ Онъ какбы такъ свидѣтельствуетъ, намѣреваясь оставить ихъ и больше не обращаться съ ними: «бесѣдуя съ вами, Я ничего не говорилъ собственно отъ Себя, но все отъ Отца». И для того Онъ заключаетъ свою бесѣду съ ними словами уничиженными, чтобы сказать, «что и при самомъ концѣ таковъ былъ мой послѣднiй голосъ къ нимъ». Какой же именно? *Яко же рече мнѣ Отецъ, тако глаголю*. «Если бы Я былъ противникомъ Богу, Я бы сказалъ напротивъ, что Я ничего не говорю угоднаго Богу, дабы всю славу присвоить Себѣ; но Я все отношу къ Нему, такъ что даже ничего своего не говорю. Почему же вы не вѣрите Мнѣ, когда Я говорю, что Я получилъ заповѣдь, и когда съ такою силою опровергаю ваше неправое мнѣнiе, будто Я противлюсь Отцу? Какъ получившимъ заповѣдь невозможно ни дѣлать, ни говорить ничего другаго, кромѣ того, что угодно пославшимъ ихъ, до тѣхъ поръ, пока они во всей точности

не исполнять заповѣди: такъ и Мнѣ нельзя ни дѣлать, ни говорить ничего другаго, кромѣ того, что хочетъ Отецъ. Что дѣлаю Я, то творитъ Онъ: ибо Онъ *со мною есть, и не остави мене единаго Отецъ*» (Іоан, 8, 29). Видишь, какъ Онъ всюду показываетъ, что Онъ тѣсно соединенъ съ своимъ Родителемъ и между Ними нѣтъ ничего посредствующаго? И въ томъ случаѣ, когда Онъ говоритъ: *о себѣ не пріидохъ*, Онъ тѣмъ не власть у себя отнимаетъ, а уничтожаетъ лишь мысль, будто Онъ чуждъ и противенъ Богу. Вѣдь если люди властны сами надъ собою, то тѣмъ болѣе единородный Сынъ (Божій). А что это справедливо,—послушай, что говоритъ Павелъ: *умалилъ себѣ и предаде за ны* (Филип. 2, 7). Но, какъ я сказалъ, страшно, истинно страшно—тщеславіе. Оно было причиною, что и эти люди не вѣровали, и другіе худо вѣровали, и что слова, которыя (Христосъ) говорилъ для нихъ же самихъ,—изъ человѣколюбія, они обращали въ поводъ къ нечестію.

3. Итакъ будемъ всячески избѣгать этого звѣря. Онъ бываетъ различнаго рода и вида, и разливаетъ свой ядъ на все,—и на сокровища, и на удовольствія, и на красоту тѣлесную. Потому-то мы вездѣ и выступаемъ изъ границъ нужды; отъ того и роскошь въ одеждѣ, и большая толпа слугъ; отъ того умѣренность во всемъ пренебрегается,—и въ домахъ, и въ одеждѣ, и въ столѣ, а роскошь (всюду) господствуетъ. Ты хочешь наслаждаться славою? Подавай милостыню: тогда тебя похвалятъ Ангелы, тогда тебя прославитъ

Богъ. А теперь вся слава достается на долю золотыхъ дѣлъ мастеровъ и ткачей; ты же остаешься безъ вѣнца и нерѣдко видишь себя обременяемою проклятіями! Но не обвѣшивай ты этими (драгоцѣнностями) своего тѣла, а издержи все это на пропитаніе нищихъ, и (тебѣ) со всѣхъ сторонъ будутъ рукоплесканія, отвсюду—великая похвала. Тогда ты будешь имѣть эти (сокровища), когда будешь ихъ раздавать другимъ; а покуда ты владѣешь ими одна, ты ихъ не имѣешь. Домъ—не надежное хранилище; вѣрное хранилище—это руки нищихъ. И зачѣмъ ты украшаешь (свое) тѣло, между тѣмъ какъ душа остается (у тебя) въ пренебреженіи и покрыта нечистотою? Зачѣмъ ты не столько заботишься о душѣ, сколько о тѣлѣ? Вѣдь о ней слѣдовало бы даже больше заботиться; но по крайней мѣрѣ, возлюбленные, будемъ имѣть о ней хоть такое же попеченіе. Скажи мнѣ: если бы кто спросилъ у тебя, чего бы ты лучше желала,—тѣло ли имѣть чистое, здоровое и прекрасное, а одѣяніе носить бѣдное, или—имѣть тѣло уродливое и больное, но (при томъ) ходить въ золотѣ и щеголять убранствомъ? Не гораздо ли скорѣя ты захотѣла бы имѣть благообразіе въ самой природѣ своего тѣла, чѣмъ въ пышности одеждъ? Ужели же ты въ отношеніи къ тѣлу пожелаешь этого, а по отношенію къ душѣ—противнаго? Имѣя душу отвратительную, безобразную и черную, ужели ты думаешь что-нибудь выиграть чрезъ золотыя украшенія? Не крайнее ли это безуміе? Обрати лучше эти украшенія внутрь и этими ожерельями убери свою душу.

Когда они лежатъ на тѣлѣ, они не служатъ ни къ его здоровью, ни къ красотѣ. Вѣдь они не сдѣлаютъ ни чернаго (тѣла) бѣлымъ, ни безобразнаго—красивымъ и благовиднымъ. Но если ты украсишь ими душу, то скоро сдѣлаешь ее изъ черной бѣлою, изъ отвратительной и безобразной—прекрасною и благовидною. И это не мое слово, но—самаго Господа, который говоритъ такъ: *аще будутъ грѣси ваши, яко багряное, яко снѣгъ убѣлю* (Ис. 1, 18); и еще: *дадите милостыню, и вся чиста вамъ будутъ* (Лук. 11, 41). И не себя только, а и мужа своего ты сдѣлаешь прекраснымъ, если будешь поступать такимъ образомъ. Ибо, когда мужья увидятъ, что вы оставили эти украшенія, тогда они уже не будутъ имѣть надобности въ большихъ издержкахъ; а не имѣя этой надобности, они вовсе отстанутъ отъ любостяжанія и будутъ болѣе склонны къ милостынѣ. Да и вы тогда въ состояніи будете смѣло совѣтовать имъ дѣлать то, что слѣдуетъ; а теперь вы совершенно лишены этой власти. Въ самомъ дѣлѣ, какими устами вы будете говорить имъ это? Какими глазами будете смотрѣть, требуя отъ мужей, чтобы они подавали милостыню, когда большую часть (имущества) вы издерживаете на украшеніе тѣла? Тогда ты въ состояніи будешь смѣло говорить мужу о милостынѣ, когда оставишь золотыя украшенія. И если бы даже ты нисколько въ томъ не успѣла,—по крайней мѣрѣ, ты исполнишь съ своей стороны все; а впрочемъ невозможно, чтобы ты не убѣдила и своего мужа, когда будешь

говорить ему самыми дѣлами. *Что бо вѣси жено, аще мужа спасеши* (1 Кор. 7, 16)? Посему, какъ теперь ты дашь отвѣтъ и за себя и за него, такъ, если отложишь весь этотъ внѣшній блескъ— получишь сугубый вѣнецъ: и будешь торжествовать, нося вѣнецъ вмѣстѣ съ мужемъ, въ безконечные вѣки, и будешь наслаждаться вѣчными благами, которыхъ да сподобимся всѣ мы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 70.

Прежде же праздника пасхи, вѣдый Іисусъ, яко пріиде ему часъ, да прейдетъ отъ міра сего ко Отцу, возлюбль своя сущія въ мірѣ, до конца возлюби ихъ (Іоан. 13, 1).

Подражатели мнѣ бывайте, говоритъ Павелъ, *якоже и азъ Христу* (1 Кор. 11, 1). Для того Христосъ и плоть принялъ изъ одного съ нами состава, чтобы чрезъ нее научить насъ добродѣтели. *Въ подобіи*, сказано, *плоти грѣха, и о грѣсѣ осуди грѣхъ во плоти* (Рим. 8, 3). Да и самъ Христосъ (говоритъ): *научитеся отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ*

сердцемъ (Матѳ. 11, 29). И этому Онъ училъ не словами только, но и дѣлами. Такъ, (Іудеи) называли Его и Самаряниномъ, и бѣсноватымъ, и обманщикомъ, и бросали въ Него камни; а фарисеи то слугъ посылали, чтобы схватить Его, то подсылали другихъ злоумышленниковъ, а притомъ и сами часто поносили Его, и все это тогда, какъ не только не имѣли ни малѣйшаго повода къ обвиненію Его, а напротивъ еще постоянно пользовались Его благодѣяніями. Однакожъ, и послѣ всего этого, Онъ не переставалъ дѣлать имъ добро и словомъ, и дѣломъ. И когда одинъ слуга ударилъ Его, Онъ говоритъ: *аще злѣ глаголахъ, свидѣтельствуй о злѣ: аще ли добрѣ, что мя біеши* (Іоан. 18, 23)? Но такъ поступалъ Онъ съ своими врагами и злоумышленниками. Посмотримъ же, какъ Онъ поступаетъ и съ своими учениками, а особенно—что Онъ теперь высказываетъ по отношенію къ (ученику) коварному. Вѣдь его слѣдовало ненавидѣть больше всѣхъ; потому что онъ, бывъ ученикомъ и участникомъ въ трапезахъ и вечеряхъ, и видѣвъ чудеса, и удостоившись получить такъ много, поступилъ съ Нимъ хуже всѣхъ,—не камни бросалъ въ Него и не поносилъ Его, но выдалъ и предалъ. Между тѣмъ смотри, какъ Онъ благосклонно принимаетъ его: Онъ умываетъ ему ноги. И этимъ также Онъ хотѣлъ удержать его отъ злаго намѣренія. Могъ Онъ, конечно, если бы захотѣлъ, и изсушить его, какъ смоковницу, и разорвать на части, какъ разорвалъ камни, и разодрать, какъ завѣсу; но Онъ хотѣлъ, чтобы (Іуда) оставилъ свое злое намѣре-

ніе не по принужденію, а по доброй волѣ. Съ этою цѣлію Онъ и умываетъ ему ноги. Но и этого не устыдился этотъ несчастный и жалкій человѣкъ. *Прежде же праздника пасхи, вѣдый Іисусъ, яко пріиде ему часъ.* Не тогда только узналъ (это), но зналъ, говоритъ (Евангелистъ), гораздо прежде, чѣмъ сдѣлалъ то, что сдѣлалъ. *Да прейдетъ.* Высоко-знаменательно Евангелистъ называетъ смерть Его переходомъ. *Возлюбль своя сущія въ мірѣ, до конца возлюби ихъ.* Видишь, какъ Онъ, намѣреваясь оставить ихъ, обнаруживаетъ къ нимъ сильнѣйшую любовь? Ибо слова: *возлюбль, до конца возлюби ихъ,* означаютъ, что Онъ не упустилъ ничего, что слѣдовало сдѣлать тому, кто сильно любитъ. Но почему Онъ сдѣлалъ это не сначала? Что важнѣе, то Онъ дѣлаетъ въ концѣ, чтобы усилить ихъ привязанность къ Себѣ и приготовить имъ великое утѣшеніе въ наступающихъ бѣдствіяхъ. *Своими* же Онъ называетъ ихъ по своему близкому съ ними общенію. Называетъ Онъ и другихъ *своими*, но — какъ свое созданіе, напримѣръ, когда говоритъ: *и свои его не пріяша* (Іоан. 1, 11). Но что значитъ: *сущія въ мірѣ*? Это значитъ, что у него были *свои* и между умершими, какъ напр. Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ и подобные имъ; но они были уже не въ мірѣ. Видишь ли, что Онъ есть Богъ и ветхаго, и новаго завѣта? А что значитъ: *до конца возлюби ихъ*? Этимъ (Евангелистъ) говоритъ, что Онъ никогда не переставалъ любить ихъ; и это называетъ свидѣтельствомъ особенно-сильной любви. Правда,

въ другомъ мѣстѣ (такимъ свидѣтельствомъ) называется не это, а положеніе души за друзей своихъ; но тогда этого еще не было. Но почему Онъ сдѣлалъ это (умылъ ноги) теперь? Потому что это было гораздо удивительнѣе (теперь), когда Онъ для всѣхъ казался столько славнымъ; да и утѣшеніе не малое Онъ оставилъ (чрезъ это ученикамъ своимъ), предъ разлукою съ ними. Такъ какъ имъ предстояло перенести жестокую скорбь, то Онъ предлагаетъ имъ чрезъ это и равносильное утѣшеніе. *И вечери бывшей, діаволу уже вложившу въ сердце Іудѣ, да его предастъ* (ст. 2). Въ изумленіи сказалъ это Евангелистъ, показывая, что (Христосъ) умылъ ноги Іудѣ тогда, какъ тотъ уже рѣшился предать Его. Этимъ Онъ обнаруживаетъ также великую злобу Іуды; потому что его не остановило ни участіе въ вечери, хотя это обыкновенно лучше всего укрощаетъ злобу, — ни то, что Учитель продолжалъ заботиться объ немъ до самаго послѣдняго дня. *Вѣдый Іисусъ, яко вся даде ему Отецъ въ руцѣ и яко отъ Бога изыде и къ Богу грядетъ* (ст. 3). Здѣсь (Евангелистъ) выражаетъ свое удивленіе, что Тотъ, кто такъ великъ и такъ высокъ, кто пришелъ отъ Бога и къ Богу отходитъ, кто все содержитъ въ своей власти,—что Онъ совершилъ это (умылъ ноги) и, не смотря на все свое величіе, не возгнушался принять на Себя такое дѣло. Подъ преданіемъ же, какъ мнѣ кажется, онъ разумѣетъ здѣсь спасеніе вѣрныхъ; ибо и Христосъ, когда говоритъ: *вся мнѣ предана суть Отцемъ моимъ* (Матѳ. 11, 27),—разумѣетъ

это же самое преданіе. Такъ точно Онъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *твои бѣша, и мнѣ ихъ далъ еси* (Іоан. 17, 6), и еще: *никто же можетъ пріити ко мнѣ, аще не Отецъ привлечетъ его* (Іоан. 6, 44); и: *аще не будетъ дано ему съ небесе* (3, 27). Итакъ, или это выражаетъ (Евангелистъ), или то, что умовеніе ногъ нисколько не могло унизить (Христа), такъ какъ Онъ пришелъ отъ Бога и идетъ къ Богу, и все имѣетъ (въ своей власти). А когда ты слышишь (слово): преданіе, то не предполагай ничего человѣческаго. Этимъ показывается только уваженіе къ Отцу и единомысліе съ Нимъ; потому что, какъ Отецъ предастъ Ему, такъ и Онъ предаетъ Отцу, какъ это и показываетъ Павелъ, когда говоритъ: *егда предастъ царство Богу и Отцу* (1 Кор. 15, 24). (Евангелистъ) говоритъ здѣсь объ этомъ по-человѣчески, показывая Его великую заботливость объ ученикахъ и обнаруживая неизреченную любовь Его къ нимъ,—такъ какъ Онъ теперь уже заботился объ нихъ, какъ о своихъ, научая ихъ матери всѣхъ благъ—смиренномудрію, которое Онъ назвалъ началомъ и концомъ добродѣтели. И не безъ причины присовокуплены (здѣсь) слова: *отъ Бога изыде, и къ Богу грядетъ*, но чтобы знали мы, что Онъ поступалъ достойно Того, кто пришелъ оттуда и туда идетъ, — поправъ всякую гордость. *И воставъ отъ вечери и положи ризы* (Іоан. 13, 4).

2. Смотри, какъ не умовеніемъ только (ногъ) Христосъ показываетъ свое смиреніе, но и другими дѣйствіями. Не прежде возлежанія Онъ всталъ,

а тогда уже, когда всѣ возлегли. Затѣмъ не просто умываетъ (ноги), но сначала сложилъ съ Себя одежду. Но и на этомъ не остановился, а еще опоясался полотенцемъ; да и этимъ не удовольствовался, но Самъ же влилъ воду (въ умывальницу), а не другому велѣлъ наполнить ее. Такъ все это Онъ дѣлаетъ самъ, дабы показать тѣмъ, что, когда мы дѣлаемъ добро, то должны дѣлать его не съ небреженіемъ, но со всѣмъ усердіемъ. И мнѣ кажется, что своему предателю Онъ умылъ ноги первому,—такъ какъ (Евангелистъ) сказавъ: *и начатъ умывати ноги ученикомъ* (ст. 5), за тѣмъ продолжаетъ: *пріиде же къ Симону Петру, и глаголай ему той: ты ли мои умыеши нозѣ* (ст. 6)?—то есть, тѣми ли самыми руками, которыми Ты отверзалъ очи (слѣпымъ), очищалъ прокаженныхъ и воскрешалъ мертвыхъ? Подлинно, уже и это (слово) выражаетъ собою весьма много; почему Петру и не было надобности сказать что нибудь больше, чѣмъ: *ты ли*? Въ этомъ одномъ уже высказывалось все. Но справедливо можетъ кто нибудь спросить: почему никто другой не воспрепятствовалъ Ему (умыть ноги), а только одинъ Петръ, что служитъ свидѣтельствомъ не малой любви и уваженія? Какая же этому причина? Мнѣ кажется, что Христосъ прежде умылъ ноги предателю, а потомъ приступилъ къ Петру, и что другіе были уже вразумлены примѣромъ Петра. А что дѣйствительно Онъ умылъ кого-то другаго прежде Петра, это видно изъ словъ: «когда же пришелъ къ Петру». Впрочемъ, Евангелистъ не говоритъ (этого) прямо, но

словомъ: *начатъ*, намекаетъ на это. И хотя первымъ (между Апостолами) былъ Петръ, но, вѣроятно, предатель, по своей наглости, возлежалъ даже выше верховнаго (Апостола). Его наглость высказывается и въ другихъ случаяхъ,—напримѣръ, когда онъ погружаетъ вмѣстѣ съ Учителемъ (руку въ солило), и когда, не смотря на обличенія, не чувствуетъ угрызенія совѣсти. Петръ, однажды подвергшись упреку еще прежде (настоящаго случая), и упреку за слова, которыя онъ сказалъ отъ любви, такъ смирился, что даже и тогда, какъ былъ въ томленіи и трепетѣ, обратился къ другому, чтобы тотъ вопросилъ (Христа о предателѣ); а этотъ (Іуда), не смотря на частыя обличенія, не приходилъ въ чувство. Итакъ, когда (Христосъ) подошелъ къ Петру, *глагола ему той: Господи, ты ли умыеши мои нозѣ*? (Христосъ(говоритъ ему: *еже азъ творю, ты не вѣси нынѣ, разумѣеши же по сихъ* (ст. 6, 7), т. е., (послѣ узнаешь), какая отъ этого выгода, какъ полезенъ этотъ урокъ, какъ это можетъ расположить насъ ко всякому смиренномудрію. Что же Петръ?—продолжаетъ противиться и говоритъ: *не умыеши ногу мою во вѣки* (ст. 6). Что ты дѣлаешь, Петръ? Развѣ не помнишь прежнихъ словъ? Не ты ли сказалъ: *милосердъ ты*, и (въ отвѣтъ) услышалъ: *иди за мною*, *сатано* (Матѳ. 16, 22. 23)? Ужели и это не вразумило тебя, и ты все еще горячъ? Такъ, говоритъ; но теперь совершается дѣло необыкновенное и поразительное. Итакъ, поелику Петръ поступалъ такимъ образомъ по великой любви; то и Христосъ опять

уловляетъ его тою любовію. Какъ тогда Онъ сильно укорилъ его, сказавъ: *соблазнъ ми еси*; такъ и теперь говоритъ: *аще не умыю тебе, не имаши части со мною* (ст. 8). Чтоже этотъ пылкій и пламенный (человѣкъ)? *Господи*, говоритъ, *не нозѣ мои токмо но и руцѣ и главу* (ст. 9). Горячъ въ сопротивленіи, но еще горячѣе въ изъявленіи согласія; а то и другое—отъ любви. Но почему (Христосъ) не сказалъ, для чего Онъ это дѣлалъ, а употребилъ угрозу? Потому что Петръ не послушалъ бы, еслибы (Христосъ) сказалъ: оставь, чрезъ это Я хочу научить васъ смиренію; то Петръ тысячу разъ обѣщалъ бы быть смиреннымъ, лишь бы только Владыка не дѣлалъ этого. А теперь что (Христосъ) говоритъ? То, чего Петръ всего болѣе боялся и страшился,—именно, чтобы не быть отлученнымъ отъ Него. Вѣдь это онъ часто спрашивалъ: *камо идеши*, и по этому-то поводу говорилъ: *душу мою положу за тя* (Іоан. 13, 36—37). Если онъ не уступилъ и тогда, какъ услышалъ: ты не знаешь теперь, что Я дѣлаю, а узнаешь послѣ; то тѣмъ болѣе (не уступилъ бы), еслибы узналъ. Поэтому-то (Христосъ) и сказалъ: *разумѣеши же по сихъ*,—зная, что, если бы онъ уразумѣлъ это теперь, то продолжалъ бы противиться. Да Петръ и не сказалъ: объясни мнѣ, и я не буду противиться но—что было знакомъ еще большей горячности—онъ даже не хотѣлъ знать этого, но опять настаиваетъ на своемъ, говоря: *не умыеши ногу мою*. Когда же (Христосъ) употребилъ угрозу,—онъ тотчасъ утихъ. Но что значитъ: *уразумѣеши*

по сихъ? Когда именно *по сихъ*? Тогда, говоритъ, когда именемъ моимъ будешь изгонять бѣсовъ, когда увидишь мое вознесеніе на небо, когда узнаешь отъ Духа, что Я возсѣдаю одесную Отца,—тогда поймешь то, что теперь совершается. Чтоже (отвѣчаетъ) Христосъ? Когда Петръ сказалъ: *Господи, не нозѣ мои токмо, но и руцѣ и главу*,—(Христосъ) говоритъ: *измовенный не требуетъ, токмо нозѣ умыти, есть бо весь чистъ: и вы чисти есте, но не вси. Вѣдяше бо предающаго его* (ст. 9—11). Но если они чисты,—для чего умываешь имъ ноги? Для того, чтобы мы научились скромности. По этому-то Онъ обратился не къ другой какой нибудь части тѣла, а именно къ той, которая менѣе всѣхъ другихъ цѣнится. Что значитъ: *измовенный*? Тоже, что чистый. А развѣ они были чисты? Вѣдь они еще не были освобождены отъ грѣховъ и не удостоились получить Св. Духа, такъ какъ грѣхъ еще владычествовалъ, клятвенное рукописаніе еще существовало и жертва еще не была принесена? Какъ же онъ называетъ ихъ чистыми? Чтобы ты не подумалъ, будто они въ томъ отношеніи чисты, что уже освобождены отъ грѣховъ.—Онъ присовокупилъ: *вы чисти есте за слово, еже рѣхъ вамъ* (Іоан. 13, 10),—т. е., вы пока чисты только съ этой стороны: вы уже приняли свѣтъ; вы уже освободились отъ іудейскихъ заблужденій. Такъ и Пророкъ говоритъ: *измыйтеся и чисти дудите, отъимите лукавства отъ душъ вашихъ* (Ис. 1, 16). Значитъ, такой (человѣкъ) уже омылся и чистъ. А

такъ какъ Апостолы отвергли отъ души своей всякое лукавство и обращались со Христомъ съ чистою совѣстію: то Онъ и говоритъ, сообразно съ словами Пророка, что *измовенный уже чистъ*. Подъ измовеніемъ Онъ разумѣетъ здѣсь не іудейское омовеніе водою, но очищеніе совѣсти.

3 Итакъ будемъ и мы чисты; научимся дѣлать добро. Но что такое добро? *Судите сиру и оправдите вдовицу, и пріидите, и истяжимся, глаголетъ Господь* (Ис. 1, 17). Въ Писаніи часто говорится такимъ образомъ о вдовахъ и сиротахъ; а мы о томъ и не думаемъ. Между тѣмъ, представь, какая (за то) награда! *Аще будутъ грѣси ваши*, сказано, *яко багряное, яко снѣгъ убѣлю: аще же будутъ, яко червленное, яко волну убѣлю* (Ис. 1, 18). Вдовицы беззащитны, а потому (Господь) много о нихъ и заботится. Онѣ, конечно, могли бы вступить и во второй бракъ, но изъ страха Божія онѣ переносятъ скорби вдовства. Подадимъ же имъ руку помощи всѣ мы, и мужи и жены, чтобы и намъ самимъ когда нибудь не подвергнуться тяжкой участи вдовства, или, если подвергнемся ей,—имѣть полное право ожидать человѣколюбія (отъ другихъ). Не малую имѣютъ силу слезы вдовицы; онѣ могутъ отверзть самое небо. Не будемъ же обижать ихъ, не станемъ увеличивать ихъ несчастія, но будемъ оказывать имъ всевозможную помощь. Если будемъ поступать такимъ образомъ, то доставимъ себѣ совершенную безопасность и въ настоящей жизни, и въ будущемъ вѣкѣ. Не только здѣсь, но и тамъ онѣ послужатъ для насъ

защитою; за оказанныя имъ благодѣянія онѣ избавятъ насъ отъ большей части нашихъ грѣховъ и дадутъ намъ возможность съ дерзновеніемъ предстать предъ судилищемъ Христовымъ, чего да сподобимся всѣ мы по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 71.

Пріятъ ризы своя и, *возлегъ паки, рече имъ: вѣсте ли, что сотворихъ вамъ* (Іоан. 13, 12).

Опасно, возлюбленные, опасно впасть во глубину золъ. Тогда уже трудно бываетъ душѣ исправиться. Поэтому нужно всячески стараться — не быть уловленнымъ въ началѣ; ибо легче не вдаться (въ зло), чѣмъ, вдавшись, исправиться. Посмотри на Іуду: когда онъ ввергъ себя (въ глубину золъ), то сколько ни получаетъ помощи,—все не возстаетъ. Сказалъ (Христосъ), обращаясь къ нему: *единъ отъ васъ діаволъ есть*; сказалъ: не всѣ *вѣруютъ* (Іоан. 6, 70. 64): сказалъ: *не о всѣхъ васъ глаголю,* и: *азъ вѣмъ, ихже избрахъ* (13, 18),—но онъ ничего этого не чувствуетъ. *Егда же умы ноги (ихъ) пріятъ ризы своя,*

возлегъ паки, рече имъ, вѣсте ли что сотворихъ вамъ; это говоритъ (Христосъ), обращаясь уже не къ одному Петру, но и ко всѣмъ (ученикамъ). *Вы глашаете мя*: Господь и Учитель; *и добрѣ глаголете, есмь бо* (13, 12. 13). *Вы глашаете мя*,—ссылается на ихъ сужденіе. Потомъ, чтобы не показалось, что это слова ихъ пріязни, присовокупляетъ: *есмь бо*. Такимъ образомъ, приведя ихъ собственныя слова, Онъ тѣмъ самымъ дѣлаетъ ихъ не тягостными; а подтвердивъ приведенныя слова своимъ (словомъ), отстраняетъ отъ нихъ всякое подозрѣніе. *Есмь бо*, говоритъ. Видишь ли, какъ, бесѣдуя съ учениками, Онъ гораздо открытѣе говоритъ о Самомъ Себѣ? Какъ сказалъ Онъ: не называйте учителя на землѣ; *единъ бо есть вашъ учитель*: такъ сказалъ: *и отца не зовите на земли* (Матѳ. 23. 8). А выраженіе: *единъ* и *единъ* сказано не объ Отцѣ только, но и о Немъ. Еслибы Онъ говорилъ, не разумѣя здѣсь и Себя, то какъ могъ бы сказать: *да сынове свѣта будете* (Іоан. 12, 36)? И опять: если бы называлъ учителемъ одного Отца, то какъ же говоритъ: *есмь бо*, и еще: *единъ есть наставникъ вашъ, Христосъ* (Матѳ. 23. 10)? *Аще убо азъ, Господь и Учитель, умыхъ ваши нозѣ, и вы должны есте другъ другу умывати (нозѣ): образъ бо дахъ вамъ, да якоже азъ сотворихъ*, такъ и *вы творите* (Іоан. 13, 14. 15). Но вѣдь это не одно и тоже; потому-что Онъ—Учитель и Господь, а вы между собою—сорабы. Что же значитъ: «такъ»? Съ такимъ же усердіемъ. Для того Онъ

и беретъ примѣры отъ большаго, чтобы мы дѣлали хоть мѣньшее. Такъ и учители пишутъ для дѣтей весьма красивыя буквы, чтобы они хотя несовершенно, подражали имъ. Чтоже теперь— презирающіе своихъ собратій? Что теперь — требующіе почестей? Христосъ умылъ ноги предателю, святотатцу и хищнику и съ самое время предательства, не смотря на нераскаянность (предателя), сдѣлалъ его общникомъ (своей) трапезы: а ты гордишься и надмеваешься? Такъ значитъ, скажешь, мы должны умывать ноги другъ другу, а слѣдовательно—и рабамъ? А что (въ томъ) особеннаго, если—и рабамъ? Здѣсь рабъ и свободный различаются только по имени, а тамъ—по существу дѣла. Христосъ по естеству Господь, а мы рабы; однакожъ, Онъ не отказался и это сдѣлать. Но теперь приходится довольствоваться, если и съ свободными мы не поступаемъ, какъ съ рабами и купленными невольниками. И что мы скажемъ тогда (въ свое оправданіе), такъ какъ, имѣя (передъ собою) образцы такого долготерпѣнія, мы нисколько не подражаемъ имъ, а поступаемъ совершенно напротивъ,—безъ мѣры превозносимся и не платимъ (своего) долга? Вѣдь Богъ, самъ сначала совершивъ это (умывъ ноги), сдѣлалъ насъ должниками другъ другу, хотя мы обязаны воздавать другъ другу и меньше (того, что Онъ сдѣлалъ). Онъ есть Господь, а мы, если будемъ дѣлать это, будемъ дѣлать для подобныхъ намъ рабовъ. На это самое и Онъ указалъ словами: *аще убо азъ, Господь и учитель,* и еще: такъ *и вы.* Слѣдовало бы сказать: тѣмъ болѣе вы

—рабы; но Онъ предоставилъ это совѣсти слушателей. Но почему же Онъ сдѣлалъ это теперь? Потому что (ученики) скоро уже должны были сподобиться чести, одни — большей, другіе — меньшей.

2. Поэтому, чтобы они не возносились другъ надъ другомъ и не говорили, какъ прежде: *кто есть болій,* и не негодовали другъ на друга, Онъ у всѣхъ ихъ отнимаетъ высокомѣріе, говоря: «хотя бы ты былъ и очень великъ, ты не долженъ нисколько возноситься надъ братомъ». И не сказалъ того, что важнѣе: именно «если Я умылъ ноги предателю, то что великаго въ томъ, если вы (будете умывать ноги) другъ другу»; но, показавъ это на самомъ дѣлѣ, предоставилъ судить о томъ зрителямъ. Поэтому Онъ говорилъ: *иже аще сотворитъ и научитъ, сей велій наречется* (Мато. 5, 19); ибо тогда-то и бываетъ (истинное) ученіе, когда исполняютъ самымъ дѣломъ то, чему учатъ. Какой не истребитъ это надменности? Какой не уничтожитъ гордости и высокомѣрія? Сѣдящій на Херувимахъ умылъ ноги предателю; а ты, человѣкъ,—земля и пепелъ, персть и прахъ, превозносишься и высокомудрствуешь? И какой же будешь достоинъ ты геенны? Если ты дѣйствительно желаешь имѣть чувства высокія,—приди, я покажу тебѣ путь; потому что ты даже не знаешь, что это значитъ. Кто прилѣпляется къ настоящему, какъ къ чему-то великому, у того душа низкая. Поэтому и смиренномудріе можетъ быть только привеличіи души, и надменность—только отъ низости души. Какъ малыя дѣти при-

страстны бываютъ къ ничтожнымъ вещамъ, къ мячикамъ, обручамъ и костямъ, а о великомъ не могутъ имѣть и понятія; такъ точно и здѣсь, кто любомудрствуетъ, тотъ будетъ считать за ничто блага настоящія, и потому ни самъ не захочетъ имѣть ихъ, ни у другаго не возметъ ихъ; а кто не любомудрствуетъ, тотъ будетъ думать иначе, будетъ пристрастенъ къ паутинѣ, къ тѣни, къ сонньмъ мечтамъ и къ тому, что еще ничтожнѣе этого. *Аминь, аминь глаголю вамъ: нѣсть рабъ болій господа своего, ни посланникъ болій пославшаго его. Аще сія вѣсте, блажени есте, аще творите я. Не о всѣхъ васъ глаголю, но да писаніе сбудется: ядый со мною хлѣбъ, воздвиже на мя пяту свою* (Іоан. 13, 16—18). Что сказалъ прежде, то и теперь говоритъ, для увѣщанія ихъ. Ибо, если рабъ не больше господина своего и посланникъ не больше пославшаго его, а Мною это сдѣлано; то тѣмъ болѣе вамъ должно дѣлать это. Потомъ, чтобы кто-нибудь не сказалъ: для чего Ты это говоришь? Развѣ мы не знаемъ этого?— Онъ присовокупилъ слѣдующее: Я говорю вамъ не потому, будто вы не знаете, но для того, чтобы вы осуществляли на самомъ дѣлѣ мои слова. Знать могутъ всѣ, а дѣлать—не всѣ. Потому Онъ и сказалъ: *блажени есте, аще творите я.* Потому же именно и я непрестанно повторяю вамъ объ этомъ, хотя вы и знаете,—чтобы расположить васъ къ дѣламъ. Вѣдь и Іудеи знаютъ, но они не блаженны, потому что не исполняютъ того, что знаютъ. *Не о всѣхъ*, говоритъ, *васъ*

глаголю. Ахъ, какое долготерпѣніе! Еще не открываетъ предателя, а напротивъ прикрываетъ его дѣло, подавая тѣмъ ему случай къ покаянію. И открываетъ, и не открываетъ, говоря такимъ образомъ: *ядый со мною хлѣбъ, воздвиже на мя пяту*. Мнѣ кажется, что слова: *нѣсть рабъ болій Господа своего*, сказаны и для того, чтобы тѣ, которымъ случится потерпѣть зло отъ рабовъ или отъ какихъ нибудь ничтожныхъ людей, не соблазнялись, взирая на примѣръ Іуды, который, получивъ безчисленныя благодѣянія, заплатилъ зломъ Благодѣтелю. Поэтому (Христосъ) и присовокупилъ: *ядый со мною хлѣбъ*, и, оставивъ все прочее, сказалъ о томъ, что по преимуществу могло его удержать и пристыдить. Тотъ, говоритъ, (возсталъ на Меня), кого Я питалъ, кого Я сдѣлалъ участникомъ своей трапезы. Это Онъ говорилъ, научая (насъ) благодѣтельствовать людямъ, дѣлающимъ намъ зло, даже и тогда, какъ они неисправимы. А такъ какъ Онъ сказалъ: *не о всѣхъ васъ глаголю*; то, чтобы не навесть страха на многихъ, Онъ отдѣляетъ наконецъ Іуду, говоря такъ: *ядый со мною хлѣбъ*. Выраженіе: *не о всѣхъ*, не указываетъ непремѣнно на одного; поэтому Онъ присовокупилъ: *ядый со мною хлѣбъ*, показывая сему несчастному (человѣку), что Онъ подвергается его нападенію не по невѣдѣнію, но совершенно зная (о томъ),—а это опять больше всего могло удержать его. И не сказалъ: предастъ Меня, но: *воздвиже на мя пяту*, чтобы тѣмъ выразить коварство, лукавство и скрытность его замысла.

3. Все же это написано для того, чтобы мы не были злопамятны къ людямъ, обижающимъ (насъ), но чтобы вразумляли и оплакивали ихъ. Дѣйствительно, слезъ достойны не тѣ, которые терпятъ обиду, но тѣ, которые причиняютъ ее. Лихоимецъ, клеветникъ и всякій, дѣлающій какое либо другое зло, вредятъ гораздо больше самимъ себѣ; а намъ приносятъ величайшую пользу, если мы не отмщаемъ за себя. Положимъ, напримѣръ, такой-то ограбилъ (тебя), а ты за обиду возблагодарилъ и прославилъ Бога. Чрезъ это благодареніе ты пріобрѣлъ себѣ безчисленныя награды, равно какъ тотъ (кто обидѣлъ тебя) приготовилъ себѣ неизреченный огонь. Если же кто скажетъ: чтожъ, если я не могъ отмстить обидѣвшему меня, потому что я слабѣе его?—то я отвѣчу вотъ что: ты могъ сердиться и гнѣваться, потому что это въ нашей власти, (могъ) желать зла опечалившему (тебя), тысячекратно проклинать его и всюду безславить. Слѣдовательно, кто этого не сдѣлалъ, тотъ получитъ награду и за то, что не мстилъ: ибо, очевидно, онъ не сталъ бы мстить и въ томъ случаѣ, еслибы могъ это сдѣлать. Вѣдь обиженный, если онъ малодушенъ, пользуется всякимъ оружіемъ,—мститъ обидѣвшему проклятіями, ругательствами, навѣтами. Итакъ ты не только не дѣлай этого, но и молись за него (обидчика); а если ты не только не сдѣлаешь этого, но и станешь молиться за него, то будешь подобенъ Богу. *Молитеся*, сказано, *за творящихъ вамъ напасть, яко да будете* подобны *Отцу вашему, иже есть на небесѣхъ* (Матѳ. 5, 44).

Видишь, какую великую пользу получаемъ мы отъ обидъ, причиняемыхъ намъ другими? Ничѣмъ такъ не услаждается Богъ, какъ тѣмъ, когда мы не воздаемъ зломъ за зло? Но что Я говорю: когда не воздаемъ зломъ за зло? Вѣдь намъ заповѣдано воздавать противнымъ,—благодѣяніями, молитвами. Поэтому и Христосъ воздалъ (Іудѣ), хотѣвшему предать Его, благодѣяніями, именно: умылъ (ему) ноги, обличалъ (его) тайно, укорялъ съ кротостію, служилъ (ему), удостоилъ его трапезы и цѣлованія: и хотя (Іуда) и отъ этого не сдѣлался лучше, однакожъ Онъ не переставалъ дѣлать свое. Но, если хочешь, я научу тебя и примѣромъ рабовъ, и въ особенности, рабовъ ветхозавѣтныхъ, дабы ты видѣлъ, что мы не можемъ имѣть никакого извиненія, когда бываемъ злопамятны. Итакъ, хотите ли, я скажу вамъ о Моусеѣ, или невозвести ли слово еще далѣе? Ибо чѣмъ древнѣе будутъ представлены примѣры, тѣмъ будутъ они убѣдительнѣе. Почему же такъ?—потому что тогда добродѣтель была труднѣе. Жившіе въ то время не имѣли ни письменныхъ наставленій, ни примѣровъ жизни; подвизалась одна только природа безъ всякой посторонней помощи и принуждена была всюду плавать безъ всякой опоры. Потому-то (Писаніе), похваляя Ноя, не просто назвало его совершеннымъ, но присовокупило: *въ родѣ своемъ,* то есть, въ такое время, когда было много препятствій. Конечно, послѣ него прославились и другіе, однакожъ онъ ничѣмъ не будетъ меньше ихъ; потому что онъ былъ совершенъ въ свое время. Кто же былъ долготерпѣ-

ливъ прежде Моусея? Блаженный и доблестный Іосифъ, который, прославившись цѣломудріемъ, не менѣе прославился долготерпѣніемъ. Его продали, между тѣмъ какъ онъ не сдѣлалъ никакой обиды, но служилъ, работалъ и исполнялъ все, свойственное рабамъ, На него взнесли злую хулу, но онъ не мстилъ, хотя имѣлъ и отца на своей сторонѣ; напротивъ, онъ даже понесъ братьямъ пищу въ пустыню и, когда не нашелъ ихъ (на мѣстѣ), не отчаялся и не возвратился назадъ, хотя и имѣлъ къ тому случай, если бы хотѣлъ, но всегда сохранялъ истинно братское расположеніе къ этимъ свирѣпымъ и жестокимъ людямъ. Опять, когда онъ сидѣлъ въ темницѣ и былъ спрошенъ о причинѣ, онъ не сказалъ о нихъ ничего худаго, а только: *ничто (зло) сотворихъ*, и: *татьбою украденъ изъ земли еврейскія* (Быт. 40, 15). И послѣ этого, когда снова получилъ власть, онъ и питалъ ихъ, и избавилъ отъ безчисленныхъ золъ. Такъ-то, когда мы бодрствуемъ надъ собою, злоба ближняго не можетъ отвратить насъ отъ добродѣтели. Но не таковы были его братья. Они сняли съ него одежду и хотѣли убить его, и поносили его за сновидѣніе. Онъ принесъ имъ пищу, а они замышляли лишить его свободы и жизни. Сами ѣли, а брата, бросивъ нагаго въ ровъ, презирали. Что можетъ быть хуже такого звѣрства? Какихъ убійцъ не были они безчеловѣчнѣе? А потомъ, извлекши изъ рва, они предали его тысячѣ смертей, — продали людямъ иноплеменнымъ и дикимъ, отправлявшимся къ варварамъ. Но онъ, сдѣлавшись царемъ, не только не мстилъ

имъ, но освободилъ ихъ, сколько было въ его власти, и отъ грѣха, назвавъ все случившееся дѣломъ Промысла Божія, а не ихъ злобы. И все, что онъ ни сдѣлалъ съ ними, сдѣлалъ не съ тѣмъ, чтобы отмстить за обиду, но притворно, ради (своего) брата. Отъ того то, когда увидѣлъ въ послѣдствіи, что они не отпускаютъ отъ себя его брата,—тотчасъ сбросилъ себя личину, сталъ громко рыдать и обнимать ихъ, какъ будто бы они, прежде погубившіе его, оказали ему величайшее благодѣяніе; перевѣлъ ихъ всѣхъ въ Египетъ посыпалъ безчисленными благодѣяніями. Какое же мы будемъ имѣть оправданіе, когда послѣ закона и благодати, послѣ такого умноженія любомудрія, не подражаемъ и тому, кто жилъ до благодати и закона? Кто избавитъ насъ отъ наказанія? Ибо нѣтъ, истинно нѣтъ ничего хуже злопамятства. И это показалъ должникъ десяти тысячъ талантовъ. Сначала ему долгъ былъ прощенъ, а потомъ снова потребованъ: прощенъ—по человѣколюбію Божію, а вновь потребованъ, — за его жестокость и злопамятство къ своему клеврету (Матѳ. 18, 24—38). Зная все это, будемъ прощать грѣхи нашимъ ближнимъ и воздавать имъ (за зло) добромъ, дабы и отъ Бога получить милость, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 72.

Аминь, аминь глаголю вамъ: пріемляй, аще кого послю, мене пріемлетъ: а пріемляй мене, пріемлетъ пославшаго мя (Іоан. 13, 20).

Великое (обѣщано) воздаяніе за услуги, оказываемыя рабамъ Божіимъ, и плоды отъ нихъ мы получаемъ еще въ настоящей жизни. *Пріемляй* васъ, говоритъ Христосъ, *мене пріемлетъ: а пріемляй мене, пріемлетъ пославшаго мя*. А что можетъ сравниться съ пріятіемъ Христа и Его Отца? Но какую это имѣетъ связь съ тѣмъ, что сказано прежде? Что общаго между словами: *аще творите я блажени есте,* и слѣдующими за тѣмъ: *пріемляй* васъ? (Связь здѣсь) тѣсная и весьма близкая. И смотри, какая именно. Такъ какъ (Апостолы) должны были выступить (на проповѣдь) и потерпѣть великія бѣдствія; то Христосъ утѣшаетъ ихъ двумя способами: во первыхъ—чрезъ самаго Себя, а во вторыхъ — чрезъ другихъ. Если говоритъ, вы будете любомудрствовать, имѣя всегда въ памяти Меня и представляя все, что Я потерпѣлъ и что сдѣлалъ, то легко перенесете бѣдствія. Но не этимъ только (утѣшаетъ ихъ), но и тѣмъ, что они будутъ пользоваться великими услугами отъ всѣхъ. На первое Онъ указалъ, сказавъ: *аще творите я, бла-*

жени есте; а на другое — словами: *пріемляй васъ, мене пріемлетъ.* Онъ отверзъ для нихъ дома всѣхъ, такъ что они имѣли двойное утѣшеніе—и въ своемъ любомудріи, и въ усердіи служащихъ имъ. Потомъ, завѣщавъ это имъ, какъ лицамъ, имѣющимъ обтечь всю вселенною, и помысливъ, что предатель лишился и того и другаго, и ничѣмъ этимъ не воспользуется, то есть, ни терпѣніемъ среди трудовъ, ни услугами людей, которые будутъ принимать (Апостоловъ),— Онъ опять возмутился духомъ. Евангелистъ, означая это и показывая, что Онъ поэтому именно смутился, присовокупляетъ: *сія рекъ Іисусъ, возмутися духомъ, и свидѣтельствова и рече*: *единъ отъ васъ предастъ мя* (Іоан. 13, 21). Опять на всѣхъ наводитъ страхъ, не назвавъ (предателя) по имени. Хотя (Апостолы) и не сознавали за собою ничего худаго, но приходятъ въ недоумѣніе, потому что болѣе вѣрили словамъ Христа, нежели собственнымъ своимъ помысламъ. Поэтому они и смотрѣли другъ на друга. Такимъ образомъ, приписавъ все дѣло (предательства) одному, Христосъ тѣмъ уменьшилъ страхъ; а присовокупивъ: *единъ отъ васъ*, привелъ всѣхъ въ смущеніе. И что же? Всѣ прочіе (Апостолы) смотрятъ другъ на друга, а всегда пламенный Петръ подаетъ знакъ Іоанну. Такъ какъ онъ уже прежде подвергся упреку и, когда (Христосъ) хотѣлъ умыть ему ноги, не дозволилъ (того), да и вездѣ, не смотря на то, что дѣйствовалъ по влеченію любви, подвергался порицанію: то теперь, опасаясь (новаго упрека), онъ не сталъ

ни молчать, ни говорить, но чрезъ Іоанна хочетъ узнать (предателя). Здѣсь прилично спросить: отъ чего въ то время, когда всѣ были въ томленіи и трепетѣ, когда верховный (Апостолъ) боялся,— (отъ чего) Іоаннъ, какбы въ радости, возлежитъ на лонѣ Іисусовомъ и не только возлежитъ, но и припадаемъ къ персямъ? И не это только достойно изслѣдованія, но и слѣдующее. Что же именно? То, что онъ говоритъ о себѣ: *егоже любляше Іисусъ*. Въ самомъ дѣлѣ, почему никто другой не сказалъ этого о себѣ? Вѣдь и другіе были любимы? Но Іоаннъ (былъ любимъ) больше другихъ. Если же не другой кто сказалъ это о немъ, но онъ самъ о себѣ, то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Такъ поступаетъ по требованію обстоятельствъ и Павелъ, когда говоритъ: *вѣмъ человѣка прежде лѣтъ четыренадесяти* (2 Кор. 12, 2); да не мало онъ приписалъ себѣ и другихъ похвалъ. И ужели маловажнымъ тебѣ кажется то, что (Іоаннъ), какъ только услышалъ: *гряди по мнѣ* (Матѳ. 4, 18 — 20), тотчасъ же, оставивъ мрежи и отца, послѣдовалъ (за Христомъ), что онъ одинъ съ Петромъ взятъ былъ на гору, и опять, при другомъ случаѣ, вошелъ въ домъ (архіерея)? Притомъ, сколько онъ же восхвалилъ Петра! Онъ не скрылъ, что Христосъ сказалъ ему: Петре, *любиши ли мя паче сихъ* (Іоа. 21, 15)? И вездѣ онъ выказываетъ Петра пламеннымъ и искренно расположеннымъ къ себѣ. Такъ, когда (Петръ) сказалъ: *сей же что* (Іоан. 21, 21), то сказалъ это отъ великой любви. Вотъ почему никто другой не сказалъ (этого) о себѣ;

да и онъ не сказалъ бы, еслибы ему не пришлось говорить объ этомъ обстоятельствѣ. Если бы онъ, сказавши, что Петръ далъ знакъ Іоанну спросить (Христа о предателѣ), ничего больше не присовокупилъ: то привелъ бы насъ въ большое недоумѣніе и заставилъ бы искать причину (поступка Петра). Потому-то, чтобы отстранить это недоумѣніе, онъ самъ говоритъ: *бѣ возлежа на лонѣ Іисусовѣ.* А ужели, по твоему мнѣнію, ты мало узналъ, услышавъ, что онъ возлежалъ и что Учитель дозволилъ ему такое дерзновеніе? Если же ты желаешь знать и этого причину, то это сдѣлано было по любви. Потому-то онъ и говоритъ: *егоже любляше Іисусъ.* А я думаю, что онъ сдѣлалъ это и съ другою цѣлію, именно—желая показать, что онъ былъ чуждъ обвиненія въ предательствѣ. Отъ того-то онъ безбоязненно говоритъ и дѣйствуетъ. Иначе, почему онъ сказалъ это не въ другое время, а именно тогда, когда верховный (Апостолъ) подалъ ему знакъ? Такъ, чтобы ты не подумалъ, что (Петръ) подалъ ему знакъ, какъ старшему,—онъ говоритъ, что это сдѣлано было по великой (къ нему) любви. Для чего же онъ припадаетъ и къ персямъ? (Ученики) не думали еще о Христѣ ничего великаго, а притомъ (Іоаннъ) чрезъ это облегчалъ и печаль свою. Естественно, что тогда и лица ихъ были печальны; ибо, если они были смущены въ своей душѣ, то тѣмъ болѣе (это смущеніе видно было) на ихъ лицахъ. Потому-то, утѣшая ихъ и словами и вопросами, (Іисусъ) допускаетъ и позволяетъ припадать къ своимъ персямъ. Замѣть же и то, какъ Іоаннъ

чуждъ хвастовства. Онъ не назвалъ себя по имени, но сказалъ: *егоже любляше*, подобно тому, какъ и Павелъ говорилъ: *вѣмъ человѣка прежде лѣтъ четыренадесяти*. При этомъ случаѣ Іисусъ въ первый разъ обличаетъ предателя, но и теперь,—не называя его по имени, а какъ? *Емуже азъ омочивъ хлѣбъ подамъ*. И самый этотъ образъ обличенія могъ тронуть его, если уже онъ не устыдился и трапезы, вкушая отъ одного (со Христомъ) хлѣба. Въ самомъ дѣлѣ, пусть общеніе въ трапезѣ не тронуло его; но кого бы не привлекло и то, что онъ принялъ отъ Христа хлѣбъ? Но его не привлекло. Потому-то и *вниде* тогда *сатана въ онь*, посмѣявшись надъ его безстыдствомъ. Пока онъ былъ въ ликѣ (Апостоловъ), сатана не смѣлъ войти въ него, но извнѣ нападалъ на него; а когда (Христосъ) обнаружилъ его и отлучилъ, тогда уже безбоязненно вошелъ въ него. Такъ какъ онъ былъ столько развращенъ и неисправимъ, то его не слѣдовало долго держать въ ликѣ (Апостоловъ). Потому-то Христосъ наконецъ и извергъ его; а когда онъ былъ изверженъ, тогда овладѣлъ имъ сатана и онъ, оставивъ собраніе, вышелъ ночью. *Глагола убо ему Іисусъ: друже, еже твориши, сотвори скоро. И никтоже разумѣ отъ возлежащихъ* (ст. 27, 28).

2. Ахъ, какая безчувственность! Какъ можно было не смягчиться и не устыдиться! Но онъ вышелъ вонъ, сдѣлавшись еще болѣе безстыднымъ. Слова же: *сотвори скоро*, не означаютъ ни повелѣнія, ни совѣта; напротивъ ими (Христосъ)

укоряетъ и показываетъ, что Онъ хотѣлъ бы, чтобы (предатель) исправился, и что Онъ оставляетъ его только потому, что онъ былъ неисправимъ. И *сего*, говоритъ (Евангелистъ), *никтоже разумѣ отъ возлежащихъ*. Здѣсь можетъ кто-либо придти въ недоумѣніе касательно того, отъ чего ученики и послѣ того, какъ спросили (о предателѣ): *кто есть*, и получили въ отвѣтъ: *ему же азъ омочивъ хлѣбъ подамъ*,—и послѣ того не узнали (предателя)? Вѣроятно (это произошло отъ того, что) Христосъ сказалъ тихо, такъ, что никто не слышалъ. Потому-то, конечно, и Іоаннъ, припавъ къ персямъ Его, спрашивалъ почти подъ ухо, дабы не сдѣлать явнымъ предателя; и Христосъ отвѣчалъ такимъ же образомъ, такъ что и теперь не сдѣлалъ его явнымъ. И хотя Онъ съ выразительностію сказалъ: *друже, еже твориши, сотвори скоро*; однакожъ Апостолы, не смотря и на это, не поняли (словъ Его). Этими словами Онъ показывалъ, что все, сказанное Имъ Іудеямъ о смерти, было истинно. А Іудеямъ Онъ говорилъ: *область имамъ положити душу мою, и область имамъ паки пріяти ю: и никтоже возметъ ю отъ мене* (Іоан. 10, 18). И дѣйствительно, доколѣ Онъ не дозволялъ взять (душу свою), никто не въ силахъ былъ (взять ее); а когда позволилъ, тогда это стало дѣломъ легкимъ. Намекая на все это, Онъ и сказалъ: *еже твориши, сотвори скоро*. Но и тогда еще Онъ не сдѣлалъ предателя извѣстнымъ. Ибо могло статься, что онъ былъ бы растерзанъ и убитъ. Поэтому-то *никтоже разумѣ*

отъ возлежащихъ. Ужели (не уразумѣлъ) и Іоаннъ? Да, и Іоаннъ; потому что онъ не предполагалъ, чтобы ученикъ могъ дойти до столь великаго беззаконія. Будучи сами далеки отъ такого злодѣйства, (Апостолы) не могли подозрѣвать и въ другихъ ничего подобнаго. Итакъ, какъ прежде (Христосъ) сказалъ имъ: *не о всѣхъ глаголю*, и нигдѣ не открылъ (предателя); такъ и теперь они подумали, что Онъ говоритъ о (чемъ либо) постороннемъ. *Бѣ же*, говоритъ (Евангелистъ), *нощь, егда изыде* (ст. 30). Для чего ты говоришь мнѣ о времени? Для того, чтобы ты позналъ безстыдство (предателя), такъ какъ время не удержало его отъ исполненія предпріятія. Однакожъ и это не сдѣлало его явнымъ. Въ то время Апостолы, будучи одержимы страхомъ и большимъ безпокойствомъ, находились въ смущеніи и не поняли истиннаго смысла словъ Христовыхъ. Они думали, что (Христосъ) сказалъ: *нищимъ да нѣчто дастъ* (ст. 29), такъ какъ Онъ много заботился о нищихъ, научая и насъ имѣть о нихъ великое попеченіе. И такъ думали они не безъ причины, а потому, что (Іуда) имѣлъ у себя ковчежецъ. Впрочемъ не видно, чтобы кто-нибудь приносилъ Христу деньги. Что ученики питали Его отъ своихъ имуществъ, объ этомъ (Писаніе) сказало, а на то нигдѣ не намекнуло. Какимъ же образомъ Тотъ, Кто повелѣвалъ не носить ни дорожной сумы, ни мѣди, ни жезла, носилъ ковчежецъ для служенія нищимъ? Это для того, дабы ты зналъ, что и человѣку крайне бѣдному и распявшему плоть свою нужно имѣть объ этомъ ве-

ликую заботу. Вѣдь (Христосъ) многое дѣлалъ для нашего наставленія. Такимъ образомъ ученики подумали, что Онъ это и говоритъ, то есть, чтобы Іуда далъ что нибудь нищимъ. Но (Іуду) не тронуло и то, что Онъ не хотѣлъ обличить его до самаго послѣдняго времени. Такъ должны поступать и мы, — не обнаруживать грѣховъ людей, живущихъ съ нами, хотя бы они были неизлечимы. Да и послѣ этого (Христосъ), когда Іуда пришелъ предать Его, далъ ему лобзаніе и соизволилъ на такое дѣло тогда, когда уже шелъ на подвигъ, гораздо болѣе тяжкій, (когда шелъ) на крестъ и на поносную смерть; и при этомъ опять показалъ свое человѣколюбіе. Здѣсь же Онъ называетъ свою смерть даже славою, научая насъ, что нѣтъ ничего столь постыднаго и поноснаго, что́ бы не обратилось къ большей славѣ человѣка, если онъ подвергается тому ради Бога. Послѣ того, какъ Іуда вышелъ, чтобы предать Его, Онъ говоритъ: *нынѣ прославися Сынъ человѣческій* (ст. 31). Этимъ Онъ ободряетъ поверженныя въ уныніе души учениковъ и убѣждаетъ не только не сѣтовать, но даже радоваться. По этой-то причинѣ Онъ и Петру еще прежде сдѣлалъ упрекъ. Ибо быть преданнымъ смерти и побѣдить смерть — это, дѣйствительно, великая слава. Вотъ это и значатъ слова, которыя Онъ говорилъ о Себѣ: *егда вознесенъ буду, тогда познаете, яко азъ есмь* (Іоан. 12, 42; сн. 8, 28), и опять: *разорите церковь сію* (Іоан. 2, 19), и еще: *знаменіе не дастся вамъ, токмо знаменіе Іоны* (Лук. 11, 29). И не великая

ли, въ самомъ дѣлѣ, слава въ томъ, что Онъ послѣ смерти явился болѣе могущественнымъ, чѣмъ прежде смерти? Ибо ученики, чтобы увѣрить въ (Его) воскресеніи, совершили бóльшія чудеса. А если бы Онъ не воскресъ и не былъ Богъ, то какъ бы они именемъ Его совершили такія дѣла? *И Богъ прославитъ Его* (Іоан. 13, 32). Что значитъ: *и Богъ прославитъ его въ себѣ*? То есть, чрезъ самаго Себя, а не чрезъ другаго. *И абіе прославитъ Его*, — то есть, вмѣстѣ съ крестомъ. Не послѣ продолжительнаго времени, говоритъ, (прославитъ Его), не будетъ ожидать отдаленнаго времени воскресенія и не тогда явитъ Его славнымъ; но тотчасъ же, на самомъ крестѣ обнаружится слава (Христа). И въ самомъ дѣлѣ, тогда солнце померкло, камни распались, (церковная) завѣса раздралась, многія тѣла усопшихъ святыхъ воскресли: на гробѣ были печати, его окружала стража, надъ тѣломъ лежалъ камень, и однакожъ тѣло воскресло. Прошло сорокъ дней, и снизшелъ Духъ, и всѣ тотчасъ-же стали проповѣдывать Его. Это-то и значитъ: *прославитъ его въ себѣ, и абіе прославитъ его*: не чрезъ Ангеловъ и Архангеловъ, и не чрезъ другую какую-либо силу, а чрезъ самаго Себя.

3. Но какъ же Онъ прославилъ Его чрезъ самаго Себя? Онъ все сдѣлалъ для славы Сына, хотя все совершилъ самъ Сынъ. Видишь ли, что (Христосъ) свои дѣла относитъ къ Отцу? *чадца, еще съ вами мало есмь: взыщете мене, и якоже рѣхъ Іудеомъ: яко аможе азъ иду, вы не можете пріити: и вамъ глаголю ны-*

нѣ (Іоан. 17, 33). Послѣ вечери Христосъ начинаетъ уже бесѣду печальную. Когда вышелъ Іуда, тогда былъ уже не вечеръ, а ночь. И такъ какъ скоро должны были придти (слуги), дабы взять Его (Христа); то надлежало передать Апостоламъ все, дабы они имѣли это въ памяти. Впрочемъ, справедливѣе сказать, имъ напомнилъ все (Святый) Духъ. Ибо естественно, что они многое забыли, такъ какъ тогда въ первый разъ о томъ слышали и къ тому же должны были подвергнуться столь великимъ искушеніямъ. Они были одолѣваемы сномъ, какъ и замѣчаетъ другой Евангелистъ, и были одержимы печалію, какъ говоритъ и самъ Христосъ: *но яко сія глаголахъ вамъ, скорби исполнихъ сердца ваша* (Іоан. 16, 6): какъ же могли они хорошо удержать все это въ памяти? Такъ для чего же имъ было говорено? Не мало способствовало въ ихъ мнѣніи къ славѣ Христовой то, что они, ясно узнавъ объ этомъ въ послѣдствіи, припоминали, что еще прежде слышали о томъ отъ самаго Христа. А для чего Онъ заранѣе повергаетъ ихъ души въ уныніе, говоря: *аще съ вами мало есмь*? Іудеямъ это сказано было по справедливости. Но для чего же Ты насъ ставишь на ряду съ этими неблагодарными? Отнюдь нѣтъ. Для чего же сказалъ: *якоже рѣхъ Іудеомъ*? Этимъ Онъ напомнилъ, что предсказываетъ это не теперь только, когда бѣдствія уже наступали, но предвидѣлъ это еще прежде; и этому свидѣтели они сами, такъ какъ они слышали, что Онъ говорилъ это и Іудеямъ Для того-то Онъ и присовокупилъ: *чадца*, дабы

Апостолы услышавъ: *якоже рѣхъ Іудеомъ*, не подумали, что и къ нимъ эти слова были сказаны точно также, какъ къ Іудеямъ. Такимъ образомъ Онъ сказалъ это не для того, чтобы повергнуть ихъ въ уныніе, а чтобы ободрить ихъ, дабы нечаянно пришедшія бѣдствія не смутили ихъ. *Аможе азъ иду, вы не можете пріити*. Этимъ показываетъ, что Его смерть есть преставленіе и переходъ къ лучшему, къ мѣсту, куда не допускаются тѣла, подверженныя тлѣнію. Говорить же это для того, чтобы и возбудить въ нихъ любовь къ Себѣ, и сдѣлать ее болѣе пламенною. Вѣдь вы знаете, что мы воспламеняемся особенною любовію къ друзьямъ своимъ тогда, когда видимъ, что они удаляются отъ насъ, и особенно, когда видимъ, что они удаляются въ такое мѣсто, куда намъ невозможно идти. Итакъ Іудеямъ Онъ говорилъ это съ тѣмъ, чтобы ихъ устрашить, а Апостоламъ—чтобы воспламенить въ нихъ любовь. Таково это мѣсто (говоритъ Онъ), что не только они, но даже и вы — возлюбленнѣйшіе не можете придти туда. Здѣсь же Онъ показываетъ и свое достоинство. *И вамъ глаголю нынѣ*. Почему *нынѣ*? Иначе (говорилъ) имъ и иначе (говорю) вамъ, то есть, не вмѣстѣ съ ними. Когда же искали Его Іудеи, и когда ученики? Ученики послѣ того, какъ убѣжали, а Іудеи тогда, какъ, по взятіи ихъ города и по пришествіи на нихъ отвсюду гнѣва Божія, подверглись ужаснымъ и неизобразимымъ бѣдствіямъ. Итакъ Іудеямъ Я говорилъ тогда—по причинѣ ихъ невѣрія а вамъ (говорю) теперь, дабы бѣдствіе не

постигло васъ неожиданно. *Заповѣдь новую даю вамъ* (ст. 34). Такъ какъ они, слыша эти слова, естественно могли придти въ смущеніе, какъ люди, которые будутъ лишены всякой помощи; то Онъ утѣшаетъ ихъ, ограждая любовію—этимъ корнемъ и утвержденіемъ всѣхъ благъ. Онъ какбы такъ говорилъ: вы скорбите о томъ, что Я отхожу? Но если вы будете любить другъ друга, то вы будете еще сильнѣе. Почему же Онъ не такъ сказалъ? Потому что сказалъ то, что было для нихъ гораздо полезнѣе: *о семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте*. Этимъ Онъ уже показалъ вмѣстѣ и то, что соборъ ихъ не разрушится, коль скоро Онъ даровалъ имъ и отличительный признакъ. Это Онъ сказалъ уже тогда, когда предатель былъ отдѣленъ отъ нихъ. Какъ же Онъ называетъ эту заповѣдь новою, когда она была и въ ветхомъ завѣтѣ? Онъ сдѣлалъ ее новою по образу любви (τῷ τρόπῳ); поэтому присовокупилъ: *якоже возлюбихъ вы*. Я, говоритъ, не долгъ вамъ отдалъ за предшествовавшія ваши заслуги, а Самъ началъ (любить васъ). Такъ и вы должны благотворить своимъ друзьямъ, хотя бы и ничѣмъ не были обязаны имъ. Такимъ образомъ, умалчивая о чудесахъ, которыя они имѣли совершить, Онъ отличительнымъ признакомъ ихъ поставляетъ любовь. Почему же такъ? Потому что она-то въ особенности означаетъ святыхъ людей; такъ какъ она есть основаніе всякой добродѣтели. Ею по преимуществу всѣ мы и спасаемся. Она-то, говоритъ, и означаетъ (моего) учени-

ка. Тогда всѣ похвалятъ васъ, когда увидятъ, что вы подражаете моей любви.

4. Что же? Не гораздо ли лучше показываютъ это чудеса? Нѣтъ. *Мнози бо рекутъ: Господи, не твоимъ ли именемъ бѣсы изгонихомъ* (Матѳ. 7, 22)? И опять, когда Апостолы радовались, что имъ повинуются бѣсы, (Христосъ) сказалъ: *не радуйтеся, яко дуси вамъ повинуются: но яко имена ваша написани суть на небесѣхъ* (Лук, 10, 20). Правда, чудеса привели (ко Христу) вселенную, но это потому, что имъ предшествовала любовь. Если бы не было любви, не было бы и чудесъ. Она тотчасъ сдѣлала Апостоловъ людьми добрыми и прекрасными, такъ что у всѣхъ было одно сердце и одна душа. А если бы они были несогласны между собою, то погибло бы все. Но не къ нимъ однимъ это сказано, но и ко всѣмъ имѣющимъ увѣровать въ Него. Вѣдь и теперь не другое что соблазняетъ язычниковъ, а именно то, что нѣтъ любви. Но они, скажешь, упрекаютъ насъ и въ томъ, что (теперь) не бываетъ чудесъ?—(Упрекаютъ), но не столько. Въ чемъ же Апостолы показали (взаимную) любовь? Видишь, что Петръ и Іоаннъ неразлучны другъ съ другомъ и вмѣстѣ входятъ въ храмъ? Видишь, что Павелъ также одушевленъ любовію къ нимъ,—и ужели еще сомнѣваешься? Если они стяжали другія добродѣтели, то тѣмъ болѣе имѣли любовь, которая есть мать добра: она произрастаетъ отъ души добродѣтельной, а гдѣ порокъ, тамъ издыхаетъ это растеніе. Когда, сказано, умножится беззаконіе, *изсякнетъ любы*

многихъ (Матѳ. 24, 12). Да и язычниковъ не столько обращаютъ чудеса, сколько жизнь; а жизни ничто такъ не благоустрояетъ, какъ любовь. Тѣхъ, которые совершали знаменія, язычники, часто называли и обманщиками; но чистой жизни они не могутъ укорить. Поэтому, доколѣ проповѣдь не была еще (довольно) распространена,— чудеса по справедливости были предметомъ удивленія; а теперь нужно возбудить удивленіе жизнію. Дѣйствительно, ничто столько не вразумляетъ язычниковъ, какъ добродѣтель, и ничто столько не соблазняетъ, какъ порокъ; и— справедливо. Ибо, когда язычникъ увидитъ, что тотъ, кому заповѣдано любить и враговъ, лихоимствуетъ, грабитъ, побуждаетъ къ враждѣ и обращается съ одноплеменниками, какъ съ дикими звѣрями,—то назоветъ наши слова пустыми бреднями. Когда увидитъ, что (христіанинъ) трепещетъ смерти, то какъ приметъ слова о безсмертіи? Когда увидитъ, что мы властолюбивы и раболѣпствуемъ другимъ страстямъ; то еще больше будетъ приверженъ къ своему ученію, не думая о насъ ничего великаго. Мы, истинно мы виновны въ томъ, что язычники остаются въ заблужденіи. Свое ученіе они давно уже осудили и на наше смотрятъ съ уваженіемъ; но жизнь наша ихъ удерживаетъ отъ обращенія. На словахъ любомудрствовать легко,—многіе и изъ нихъ это дѣлали; но они требуютъ доказательства отъ дѣлъ. Пусть, скажешь, они подумаютъ о нашихъ древнихъ мужахъ? Но они совсѣмъ не вѣрятъ (древнимъ), а хотятъ видѣть (добродѣтельныхъ)

людей, живущихъ теперь. Покажи намъ, говорятъ, вѣру отъ дѣлъ твоихъ; а дѣлъ нѣтъ. Напротивъ, опи видятъ, что мы хуже звѣрей терзаемъ ближняго своего, и потому называютъ насъ язвою вселенной. Вотъ что удерживаетъ язычниковъ и не дозволяетъ имъ присоединиться къ намъ. Поэтому мы будемъ наказаны и за нихъ,— не только за то, что творимъ зло, но и за то, что чрезъ насъ хулится имя Божіе. Доколѣ мы будемъ привязаны къ богатству, роскоши и другимъ страстямъ? Отстанемъ наконецъ отъ нихъ. Послушай, что говоритъ Пророкъ о нѣкоторыхъ безумцахъ: *да ямы и піемъ, утрѣ бо умремъ* (Ис. 22, 13). О нынѣшнихъ же людяхъ и этого нельзя сказать. Теперь многіе присвояютъ себѣ достояніе всѣхъ, за что и порицаетъ ихъ Пророкъ, говоря: *еда вселитеся едини на земли* (Ис. 5, 8)? Посему-то я боюсь, чтобы не случилось чего либо худаго и чтобы намъ не привлечь на себя наказанія Божія. А чтобы этого не было, будемъ упражнятся во всякой добродѣтели, дабы достигнуть и будущихъ благъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ котораго и съ которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 73.

Глагола Симонъ Петръ: Господи, камо идеши; отвѣща ему Іисусъ; аможе азъ иду, не можеши нынѣ по мнѣ ити: послѣди же по мнѣ идеши (Іоан. 13, 36).

Великое благо — любовь. Она сильнѣе огня, восходитъ къ самому небу, и нѣтъ препятствія, которое бы могло удержать ея сильное стремленіе. Вотъ, напримѣръ, пламеннѣйшій Петръ: послѣ того, какъ услышалъ: *аможе азъ иду, вы не можете пріити*,—что говоритъ? *Господи, камо идеши*? Это онъ сказалъ, желая не столько узнать, (куда идетъ Христосъ), сколько послѣдовать за Нимъ. Сказать прямо: я пойду, онъ пока еще не смѣлъ; а говоритъ: *камо идеши*? И Христосъ отвѣчалъ не на слова его, а на мысль, такъ что его желаніе видно изъ самыхъ словъ Христа. Ибо что Онъ сказалъ? — *Аможе азъ иду, не можеши нынѣ по мнѣ ити.* Видишь ли, что Петръ желалъ послѣдовать за Нимъ, а потому и спросилъ? Да и тогда, какъ услышалъ: *послѣди же по мнѣ идеши*, онъ не удержалъ своего желанія, хотя и получилъ вожделѣнную надежду, но желалъ до того, что сказалъ: *почто не могу нынѣ по тебѣ ити; душу мою за тя положу* (Іоан. 13, 37), Такъ какъ онъ уже освободился отъ страха предатель-

ства и увидѣлъ себя въ числѣ искренних (учениковъ); то уже съ дерзновеніемъ самъ спрашиваетъ, между тѣмъ какъ другіе молчатъ. Что ты говоришь, Петръ? (Христосъ) сказалъ: *не можеши*, а ты говоришь: могу? Итакъ ты узнаешь на самомъ опытѣ, что твоя любовь, безъ помощи свыше, ничто. Отсюда ясно, что Христосъ и паденіе Петра допустилъ для его же пользы. И прежними дѣйствіями Онъ хотѣлъ вразумить его; но такъ какъ Петръ оставался при своей горячности, то хотя Онъ и не довелъ его и не побудилъ къ тому, чтобы онъ отрекся, однакожъ оставилъ его безъ помощи, дабы онъ позналъ свою немощь. Христосъ сказалъ, что Ему надлежитъ быть предану, а Петръ говоритъ: *милосердъ ты, не имать быти тебѣ сіе* (Матѳ. 16, 22). Ему сдѣланъ былъ (за это) упрекъ, но онъ не вразумился, а напротивъ, когда Христосъ хотѣлъ умыть ему ноги, опять сказалъ: *не умыеши ногу мою во вѣки* (Іоан. 13, 8). И теперь, когда услышалъ: *не можеши нынѣ по мнѣ ити*, снова говоритъ: *аще и вси отвергутся, азъ не отвергуся.* Привыкнувъ такимъ образомъ противорѣчить Христу, онъ легко могъ бы впасть и въ гордость; а потому-то Христосъ наконецъ и научаетъ его не противодѣйствовать. Вотъ на это и намекаетъ Лука, когда говоритъ, что Христосъ сказалъ (Петру): *азъ же молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя* (Лук. 22, 32), то есть, чтобы ты не погибъ окончательно. Чрезъ все это (Христосъ) научаетъ его смиренію и показываетъ, что человѣческое есте-

ство само по себѣ—ничто. Такъ какъ великая любовь побуждала Петра къ противорѣчію, то Христосъ наконецъ вразумляетъ его, дабы онъ не подвергался тому-же и въ послѣдствіи, но, воспоминая о томъ, что случилось съ нимъ, зналъ бы самаго себя. И смотри, какое сильное паденіе! Не однажды и не дважды онъ подвергся этому паденію, но испугался до того, что въ короткое время трижды произнесъ слово отреченія, дабы такимъ образомъ позналъ, что не столько онъ любилъ, сколько былъ любимъ. Однакожъ послѣ такого паденія Христосъ опять говоритъ: *любиши ли мя паче сихъ* (Іоан. 21, 15)? Значитъ, это паденіе произошло не отъ холодности (Петра), а отъ того, что онъ лишился помощи свыше. Любовь Петра Христосъ принимаетъ, но происходящее отъ ней противорѣчіе отсѣкаетъ. Если ты любишь, то долженъ покаряться тому, кого любишь. (Христосъ) сказалъ и тебѣ, и бывшимъ съ тобою: *не можеши*; для чего же ты споришь? Развѣ ты не знаешь, что значитъ отвергать слова Божіи? Но такъ какъ ты не хочешь изъ этого уразумѣть, что невозможно не быть тому, что Я говорю; то узнаешь о томъ изъ отреченія, хотя оно тогда казалось тебѣ гораздо невѣроятнѣе. Объ этомъ ты даже не зналъ, а то сознавалъ въ своей душѣ; и однакожъ случилось то, чего ты вовсе не ожидалъ. *Душу мою за тя положу*. (Петръ) слышалъ, что больше сей любви *никтоже иматъ*, и потому, будучи не насытимъ и желая достигнуть самой высшей (любви), тотчасъ же устремился къ ней. Но Христосъ, показывая, что

только Онъ одинъ можетъ съ увѣренностію возвѣщать это, говоритъ: *прежде даже алекторъ не возгласитъ*, т. е., теперь же. Дѣйствительно, немного уже оставалось времени, такъ какъ (Христосъ) бесѣдовалъ поздно ночью, когда уже прошла первая и вторая стража. *Да не смущается сердце ваше* (Іоан. 14, 1). Это Онъ говоритъ потому, что ученики, услышавъ (слова Его) по всей вѣроятности, смутились. Въ самомъ дѣлѣ, если верховному и столько пламенному (ученику) сказано было, что онъ прежде, нежели алекторъ возгласитъ, трижды отречется; то имъ естественно было ожидать, что ихъ постигнетъ какое либо несчастіе, которое въ состояніи потрясти и адамантовыя души. А такъ какъ, помышляя объ этомъ, они естественно приходили въ ужасъ; то смотри, какъ Онъ успокоиваетъ ихъ, говоря: *да не смущается сердце ваше*. Этимъ Онъ прежде всего показываетъ свою божественную силу, такъ какъ Онъ знаетъ и обнаруживаетъ то, что у нихъ было на душѣ. *Вѣруйте въ Бога, и въ мя вѣруйте*, то есть,—всѣ бѣдствія пройдутъ. Вѣра въ Меня и въ Отца сильнѣе угрожающихъ вамъ бѣдствій; она не допуститъ, чтобы какое либо несчастіе одолѣло васъ. Затѣмъ прибавляетъ: *въ дому Отца моего обители многи суть* (ст. 2). Какъ въ утѣшеніе скорбящему Петру Онъ говорилъ: *послѣди же по мнѣ идеши*; такъ и имъ (прочимъ Апостоламъ) подаетъ такую же надежду. Дабы они не подумали, что только ему одному дано обѣщаніе, Онъ говоритъ; *въ дому Отца моего обители многи*

суть: аще ли же ни, реклъ быхъ вамъ: иду уготовати мѣсто вамъ—то есть, и вы будете въ томъ же мѣстѣ, гдѣ и Петръ. Тамъ весьма много обителей и нельзя сказать, чтобы нужно было приготовлять ихъ. А такъ какъ Онъ сказалъ: не можете *нынѣ по мнѣ ити*, то, дабы не подумали, что они навсегда отлучены отъ Него, Онъ присовокупилъ: *да идѣже есмь азъ, и вы будете* (ст. 3). Я столько забочусь объ этомъ, что уже приготовилъ бы это мѣсто, еслибы издавна оно не было уготовано для васъ. Этимъ Онъ показываетъ, что они должны вполнѣ надѣяться и уповать на Него.

2. Потомъ, дабы они не подумали, что Онъ говоритъ это только для ободренія ихъ, но вѣрили, что это дѣйствительно такъ, Онъ присовокупляетъ: *и аможе азъ иду вѣсте, и путь вѣсте* (Іоан. 14, 4). Видишь ли, какъ Онъ удостовѣряетъ ихъ, что то не напрасно было сказано? Говоритъ же это потому, что видѣлъ ихъ душу, (видѣлъ), какъ она желаетъ знать это. Петръ сказалъ вышеприведенныя слова не для того, чтобы узнать, но чтобы послѣдовать (за Христомъ). Когда же онъ подвергся (за это) упреку и между тѣмъ Христосъ объявилъ возможнымъ то, что въ то время казалось невозможнымъ; то эта самая невозможность привела Петра къ желанію тщательно узнать о томъ. Потому-то (Христосъ) и говоритъ имъ: *и пусть вѣсте*. Какъ вслѣдъ за словами: *отвержешися мене*,—не смотря на то, что никто ничего не сказалъ, Онъ, испытуя сокровенное въ сердцѣ,

присовокупилъ: не смущайтесь; такъ и теперь, сказавши: *вмѣсте*, выразилъ желаніе ихъ души и Самъ подалъ имъ поводъ спросить объ этомъ. Слова же: *камо идеши*? Петръ сказалъ по внушенію великой любви, а Ѳома отъ страха. *Господи, не вѣмы, камо идеши* (ст. 5). Мы не знаемъ, говоритъ, мѣста и какъ можемъ знать путь, туда ведущій? И смотри, съ какою робостію (говоритъ Ѳома). Не сказалъ: укажи намъ это мѣсто, но: *не вѣмы, камо идеши*. Объ этомъ давно уже всѣ желали знать. Въ самомъ дѣлѣ, если Іудеи, слыша (эти слова), приходили въ недоумѣніе, не смотря на то, что хотѣли освободиться отъ Христа; то тѣмъ болѣе желали узнать объ этомъ тѣ, которые никогда не хотѣли разлучиться съ Нимъ. Потому-то, хотя они боялись спросить Его, однакожъ спрашиваютъ, будучи побуждаемы къ тому великою любовію и безпокойствомъ. Что же Христосъ? *Азъ есмь путь и истина и животъ: никтоже пріидетъ къ Отцу, токмо мною* (ст. 6). Почему же Онъ не тотчасъ, какъ Петръ спросилъ: *камо идеши*, отвѣчалъ: Я иду къ Отцу, а вы теперь не можете идти,—но ввелъ въ свою рѣчь столько околичныхъ словъ, предлагая вопросы и отвѣты? Іудеямъ, конечно, Онъ по справедливости такъ не сказалъ; но почему (не сказалъ) ученикамъ? И ученикамъ, и Іудеямъ Онъ говорилъ, что пришелъ отъ Бога и къ Богу идетъ; но теперь говоритъ объ этомъ яснѣе, чѣмъ прежде. Іудеямъ Онъ не сказалъ такъ ясно, потому что, еслибы сказалъ: не можете придти *къ Отцу*,

токмо мною, то они тотчасъ же подумали бы, что это сказано по гордости; а теперь, когда Онъ умолчалъ объ этомъ, Онъ повергъ ихъ въ безпокойство. Но для чего же, спросишь, Онъ также говорилъ и ученикамъ, и Петру? Онъ зналъ великую ревность Петра, (зналъ), что, въ противномъ случаѣ, онъ еще болѣе сталъ бы безпокоить Его. Итакъ, чтобы отвлечь его отъ этого, Онъ говоритъ прикровенно; а когда достигъ того, чего хотѣлъ, темнотою и прикровенностію рѣчи, то опять говоритъ открыто. Сказавши: *идѣже есмь азъ*, туда никто не можетъ придти, Онъ присовокупилъ: *въ дому Отца моего обители многи суть*, и еще: *никтоже пріидетъ къ Отцу, токмо мною*. Онъ не хотѣлъ такъ сказать имъ въ самомъ началѣ, чтобы не повергнуть ихъ въ большую печаль; когда же утѣшилъ ихъ, тогда и говоритъ. Послѣ упрека, сдѣланнаго Петру, Онъ, дѣйствительно, много отнялъ у нихъ печали; а между тѣмъ и они сами, опасаясь, какъ бы не услышать того же, сдѣлались болѣе смиренными. *Азъ есмь путь*. Это — подтвержденіе словъ: *никтоже пріидетъ, токмо мною;* а слова: *и истина и животъ*—удостовѣреніе въ томъ, что такъ непремѣнно будетъ. Если Я истина, то отъ Меня не можетъ быть лжи. Если же Я и жизнь, то и самая смерть не можетъ воспрепятствовать вамъ придти ко Мнѣ. Иначе сказать: если *азъ есмь путь*, то вы не будете имѣть нужды въ руководителѣ; если Я истина, то слова мои—не ложь; если Я жизнь, то, хотя вы и умрете, однакожъ получите то, о

чемъ Я сказалъ. Что касается до пути, то это они поняли и исповѣдали; а остальнаго не уразумѣли и однакожъ не смѣли спросить о томъ, чего не уразумѣли. Впрочемъ и изъ того, что было сказано о пути, они получили большое утѣшеніе. Если въ моей власти, говоритъ (Христосъ), привести васъ къ Отцу, то вы непремѣнно туда придете. А другимъ путемъ туда и невозможно придти. Словами же, которыя Онъ сказалъ прежде: *никтоже можетъ пріити ко мнѣ, аще не Отецъ привлечетъ его* (Іоан. 6, 44), и еще: *аще вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ себѣ* (Іоан. 12, 32), а также словами, сказанными теперь: *никтоже пріидетъ къ Отцу, токмо мною*, — Онъ показываетъ свое равенство съ Отцемъ. Какъ же Онъ, сказавши: *аможе азъ иду вѣсте, и путь вѣсте*, присовокупилъ: *аще мя бысте знали, и Отца моего знали бысте убо: и отселѣ познаете его и видѣсте его* (ст. 7)? Этимъ Онъ не противорѣчитъ Себѣ; потому что ученики, хотя и знали Его, но не такъ, какъ слѣдовало. Бога они знали, а Отца еще не знали. Уже въ послѣдствіи Духъ, низшедшій на нихъ, сообщилъ имъ совершенное вѣдѣніе. Смыслъ словъ Христа такой: еслибы вы знали мое существо и достоинство, то знали бы (существо и достоинство) и Отца. *И отселѣ познаете его и видѣсте его* (одно относится къ будущему, а другое къ настоящему), то есть, чрезъ Меня. Подъ видѣніемъ же Онъ разумѣетъ познаніе умомъ. Ибо кого мы видимъ, тѣхъ можемъ и ви-

дѣть, и не знать; а кого знаемъ, тѣхъ не можемъ знать и не знать. Поэтому Онъ говоритъ: *и видѣсте его*, въ томъ же смыслѣ, въ какомъ сказано, что Его видѣли и Ангелы (1 Тим, 3, 16). Хотя они видѣли не самое существо Его, однакожъ говорится, что они видѣли Его, то есть, такъ, какъ могли видѣть. А сказалъ Онъ такъ для того, чтобы ты зналъ, что кто видѣлъ Его, тотъ знаетъ Родителя Его. Видѣли же Его не въ простомъ Его существѣ, но облеченнымъ плотію. Есть и другія мѣста (въ Писаніи), гдѣ Онъ называетъ познаніе видѣніемъ,—напримѣръ, когда говоритъ: *блажени чистіи сердцемъ*, *яко тіи Бога узрятъ* (Матѳ. 5, 8). Чистыми Онъ называетъ тѣхъ, которые свободны не только отъ блуда, но и отъ всѣхъ грѣховъ; такъ какъ всякій грѣхъ оскверняетъ душу.

3. Итакъ будемъ всячески стараться очистить себя отъ скверны (грѣховной). Очищается же она во-первыхъ крещеніемъ, а потомъ и другими многоразличными средствами. Богъ, по своему человѣколюбію, даровалъ намъ разнообразныя средства къ очищенію и послѣ крещенія. Первое изъ всѣхъ этихъ средствъ — милостыня; ибо сказано: милостынями и вѣрою очищаются грѣхи (Сир. 3. 30). Но я разумѣю милостыню не отъ неправды; потому что это уже не милостыня, а жестокость и безчеловѣчіе. Въ самомъ дѣлѣ, что за польза—обнажить одного и одѣть другаго? Милостыня должна происходить отъ сострадапія, а это—безчеловѣчіе. И хотя бы мы отдали даже все, что похитили у другихъ, для насъ не

будетъ никакой пользы. Это показываетъ Закхей, который тогда умилостивилъ Бога, когда обѣщалъ возвратить похищенное четверицею (Лук. 19, 8). А мы, похищая весьма много, а отдавая мало, думаемъ умилостивить Бога, не зная, что тѣмъ еще болѣе прогнѣвляемъ Его. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ: еслибы ты, притащивъ съ распутій и дорогъ мертваго и сгнившаго осла, возложилъ его на жертвенникъ,—не стали ль бы всѣ бросать въ тебя камнями, какъ въ нечестивца и беззаконника? Что жъ, если я докажу, что жертва, (приносимая) отъ хищенія, еще болѣе мерзка? Какое мы будемъ имѣть оправданіе? Положимъ, что принесенъ какой либо драгоцѣнный даръ изъ того, что пріобрѣтено хищеніемъ: не зловоннѣе ли онъ мертваго осла? Хочешь знать, какъ велико зловоніе грѣха? Послушай, что говоритъ Пророкъ: *возсмердѣша и согниша раны моя* (Пс. 37. 6). Между тѣмъ ты въ то время, какъ словами умоляешь Бога, чтобы Онъ предалъ забвенію содѣланные тобою грѣхи, самъ же своими дѣлами, тѣмъ, что похищаешь и лихоимствуешь, и возлагаешь свой грѣхъ на жертвенникъ, заставляешь непрестанно помнить о нихъ. Но не въ этомъ только грѣхъ, но—что еще хуже—(поступая такъ), ты оскверняешь души Святыхъ. Жертвенникъ—камень, хотя онъ и освящается, а души Святыхъ всегда носятъ (въ себѣ) самаго Христа: какъ же ты осмѣливаешься приносить туда дары отъ такой нечистоты? Нѣтъ, скажешь, я (приношу) не отъ этого имущества, а другаго? Это — смѣшное и глупое пустословіе. Развѣ не

знаешь, что, если въ великое множество имущества попадетъ и одна капля неправды, то все оно оскверняется? Какъ чистый источникъ дѣлается весь нечистымъ, коль скоро въ него броситъ кто либо нечистоту; такъ и богатство, если привзойдетъ въ него сколько нибудь лихоимства, все заражается отъ того зловоніемъ. Вѣдь мы умываемъ же руки, когда входимъ въ церковь: зачѣмъ же не омываемъ сердца? Развѣ руки издаютъ голосъ? Душа произноситъ слова; на нее взираетъ Богъ; и когда она нечиста, ни къ чему не служитъ чистота тѣлесная. Въ самомъ дѣлѣ, что пользы, если ты наружныя руки умываешь, а внутреннія оставляешь въ нечистотѣ? Вотъ то-то и худо, и отъ того все идетъ у насъ превратно, что мы, крайне заботясь о маломъ, пренебрегаемъ великимъ. Молиться съ неумытыми руками—дѣло безразличное; а молиться съ нечистою душею, это—величайшее изъ всѣхъ золъ. Послушай, что сказано и Іудеямъ, которые обращали особенное вниманіе на наружную нечистоту: *омый отъ лукавства сердце твое: доколѣ будутъ въ тебѣ помышленія бѣдъ твоихъ* (Іер. 4, 14). Омоемъ же себя и мы, но не грязью, а водою чистою,—милостынею, а не лихоимствомъ. Прежде отстань отъ хищенія и потомъ подавай милостыню. *Уклонися отъ зла и сотвори благо* (Пс. 36, 27). Удержи руки отъ лихоимства и тогда простирай ихъ на милостыню. Если же мы тѣми же самыми руками однихъ будемъ обнажать, а другихъ одѣвать, то хотя бы одѣвали и не тѣмъ, что похитили, и въ этомъ случаѣ не избѣжимъ

наказанія. Иначе милостыня будетъ поводомъ ко всякому преступленію. Лучше не оказывать милосердія, чѣмъ оказывать такое милосердіе. Вѣдь и Каину лучше было совсѣмъ не приносить ничего. И если онъ, принесши меньшее, прогнѣвалъ Бога; то какъ же не прогнѣваетъ Его тотъ, кто подаетъ чужое? Я тебѣ заповѣдалъ, скажетъ Богъ, не похищать, а ты чествуешь Меня похищеннымъ? Ужели ты думаешь, что для меня пріятно это? Поэтому Онъ скажетъ тебѣ: *возненицевалъ еси беззаконіе, яко буду тебѣ подобенъ· обличу тя и представлю предъ лицемъ твоимъ грѣхи твоя* (Пс. 49, 21). Но не дай Богъ никому услышать этотъ гласъ! (Дай Богъ), чтобы мы, совершивъ (здѣсь) дѣла чистаго милосердія, съ ясными свѣтильниками вошли въ брачный чертогъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 74.

Глагола ему Филиппъ: Господи покажи намъ Отца, и довлѣетъ намъ: глагола ему Іусусъ: толико время съ вами есмь, и не позналъ еси мене, Филиппе; видѣвый мене, видѣ Отца (Іоан. 14, 8. 9).

Пророкъ говорилъ Іудеямъ: *лице блудницы бысть тебѣ, не хотѣла еси постыдѣтися ко всѣмъ* (Іер. 3, 3); но, кажется, это прилично сказать не одному тому народу, но и всѣмъ, безстыдно противящимся истинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, на слова Филиппа: *покажи намъ Отца* твоего, Христосъ отвѣчалъ: *толико время съ вами есмь, и не позналъ еси мене, Филиппе*? И однакожъ есть люди, которые и послѣ этихъ словъ отдѣляютъ Сына отъ Отца. Между тѣмъ, какой искать еще близости больше этой? Вѣдь нѣкоторые, вслѣдствіе этого изреченія, впали даже въ недугъ Савеллія. Но оставимъ и тѣхъ и другихъ, какъ людей, держащихся совершенно противоположныхъ, но равно нечестивыхъ мыслей, и разсмотримъ подлинный смыслъ сказанныхъ словъ. *Толико время съ вами есмь,* говоритъ (Христосъ), *и не позналъ еси мене, Филиппе*. Что жъ? Развѣ Ты Отецъ, котораго я ищу? Нѣтъ, говоритъ. Потому-то Онъ и

не сказалъ: не позналъ Его,—но: *не позналъ еси мене,*—показывая тѣмъ именно то, что Сынъ есть не иное что, но тоже, что Отецъ, хотя и пребываетъ Сыномъ. Но что же привело Филиппа къ такимъ словамъ? То, что Христосъ сказалъ: *аще мя бысте знали, и Отца моего знали бысте убо* (Іоан. 14, 7), какъ не разъ Онъ говорилъ это и Іудеямъ. А такъ какъ у Него часто спрашивалъ уже Петръ, спрашивали и Іудеи: кто есть Отецъ?—спрашивалъ также и Ѳома, и между тѣмъ никто ничего яснаго не узналъ, но все оставалось еще неизвѣстнымъ; то Филиппъ, дабы не показаться докучливымъ и безпокоющимъ Его, подобно Іудеямъ,—сказавъ: *покажи намъ Отца* твоего, присовокупилъ: *и довлѣетъ намъ,* то есть, мы ничего болѣе не ищемъ. Христосъ сказалъ: *аще мя бысте знали, и Отца моего знали бысте убо,* и чрезъ Себя показывалъ Отца; но Филиппъ перемѣняетъ этотъ порядокъ и говоритъ: покажи Отца,—какъ будто бы уже въ точности позналъ самаго Христа. Но Христосъ не удовлетворяетъ его желанію, а поставляетъ его на (надлежащій) путь и убѣждаетъ познавать Отца чрезъ Себя. Филиппъ хотѣлъ видѣть Отца этими тѣлесными очами, (и хотѣлъ), быть можетъ потому, что слышалъ о Пророкахъ, что они видѣли Бога. Но вѣдь то, Филиппъ, было говорено приспособительно къ нашей немощи. Потому-то Христосъ сказалъ: *Бога никтоже видѣ нигдѣже* (Іоан. 1, 18), и еще: *всякъ слышавый отъ Отца и навыкъ, пріидетъ ко мнѣ* (6, 45). *Ни гласа его нигдѣже слышасте, ни*

видѣнія его видѣсте (5, 37). И въ ветхомъ завѣтѣ сказано: *не бо узритъ человѣкъ лице мое, и живъ будетъ* (Исх. 33. 10). Что же (на слова Филиппа отвѣчаетъ) Христосъ? Сильно упрекаетъ его (говоря): *толико время съ вами есмь, и не позналъ еси мене, Филиппе.* И не сказалъ: не видѣлъ Меня, но: *не позналъ еси мене.* Но вѣдь я, могъ сказать Филиппъ, не Тебя хочу познать; я желаю теперь увидѣть твоего Отца, а Ты мнѣ говоришь: *не позналъ еси мене*? Какая тутъ связь? Весьма близкая. Такъ какъ (Христосъ), пребывая Сыномъ, есть тоже самое, что и Отецъ; то Онъ справедливо въ Себѣ самомъ показываетъ Отца. Потомъ Онъ раздѣляетъ Упостаси, говоря: *видѣвый мене, видѣ Отца*, дабы кто нибудь не сказалъ, что Онъ вмѣстѣ и Отецъ, и Сынъ. Если бы Онъ былъ Отецъ, то не сказалъ бы: кто видѣлъ Меня, тотъ видѣлъ и Его. Почему же Онъ не сказалъ Филиппу: ты требуешь невозможнаго, того, что несообразно съ человѣческою природою, что одному только Мнѣ возможно? Такъ какъ Филиппъ сказалъ: *довлѣетъ намъ*, какъ будто бы уже позналъ (Христа); то Христосъ показываетъ, что онъ и Его не видѣлъ; иначе, еслибы онъ могъ видѣть Его, то увидѣлъ бы и Отца. Потому и сказалъ: *видѣвый мене, видѣ Отца*,—кто видѣлъ Меня, тотъ увидитъ и Его. А это значитъ вотъ что: ни Меня, ни Его видѣть невозможно. Филиппъ хотѣлъ познать чрезъ зрѣніе, и такъ какъ думалъ, что уже видѣлъ Христа, и хотѣлъ такимъ же образомъ увидѣть и Отца; то Христосъ

показываетъ, что онъ не видѣлъ и Его. Если бы кто подъ видѣніемъ сталъ разумѣть (здѣсь) познаніе, то я и тому не буду противорѣчить; потому что кто позналъ Меня, говоритъ Христосъ, тотъ позналъ Отца. Но Онъ не сказалъ такъ, а желая представить (свое) единосущіе (съ Отцемъ), сказалъ: кто позналъ мое существо, тотъ знаетъ и существо Отца. Какимъ же это образомъ, скажешь? Вѣдь и тотъ, кто позналъ тварь, знаетъ уже и Бога. Нѣтъ, тварь знаютъ и видятъ всѣ, а Бога знаютъ не всѣ. Но посмотримъ, что хочетъ видѣть Филиппъ: премудрость ли Отца, или благость Его? Нѣтъ; онъ хочетъ видѣть именно то, что есть Богъ, — самое существо (Божіе). Вотъ на это и отвѣчаетъ Христосъ: *видѣвый мене*. А кто видитъ тварь, тотъ еще не видитъ существа Божія. Если кто видѣлъ Меня, говоритъ Христосъ, тотъ видѣлъ и Отца моего. А если бы Онъ былъ, инаго существа, то не сказалъ бы такъ. Употреблю и болѣе простый образъ рѣчи: не зная золота, никто не можетъ увидѣть сущности золота въ серебрѣ; такъ какъ естество одного не обнаруживается чрезъ естество другаго. Потому-то Христосъ справедливо сдѣлалъ упрекъ Филиппу, сказавъ: *толико время съ вами есмь*. Ты пользовался столько времени ученіемъ, ты видѣлъ чудеса, совершенныя со властію, видѣлъ все, что свойственно Божеству и что творитъ одинъ только Отецъ, какъ то: отпущеніе грѣховъ, обнаруженіе сокровенныхъ таинъ, прогнаніе смерти, созданіе изъ земли, *и не позналъ еси мене?*

2. Такъ какъ Онъ облеченъ былъ плотію, то и сказалъ: *не позналь еси мене.* Если ты видѣлъ Отца,—не домогайся видѣть больше того; потому что въ Немъ ты видѣлъ и Меня. Если видѣлъ Меня, не любопытствуй больше ни о чемъ; потому что во Мнѣ ты позналъ и Его. *Не вѣруеши ли, яко азъ во Отцѣ* (ст. 10), то есть, являюсь въ Его существѣ? *Глаголы, яже азъ глаголю, о себѣ не глаголю.* Видишь, какая чрезвычайная близость и какое доказательство единства существа? *Отецъ же во мнѣ пребываяй, той творитъ дѣла.* Почему, начавши рѣчь о словахъ, Онъ перешелъ къ дѣламъ? Ему слѣдовало бы сказать: Той глаголетъ глаголы. Это потому, что Онъ здѣсь говоритъ о двухъ предметахъ, объ ученіи и чудесахъ, или же потому, что и слова Его были дѣлами. Какъ же *той творитъ*? Въ другомъ мѣстѣ Онъ говоритъ: *аще не творю дѣлъ Отца моего, не имите ми вѣры* (Іоан. 10, 37). Какъ же здѣсь говоритъ, что Отецъ творитъ? Этимъ Онъ показываетъ именно то, что между Отцемъ и Сыномъ нѣтъ ничего посредствующаго. Слова Его значатъ вотъ что: не иначе творилъ бы Отецъ, чѣмъ какъ творю Я. А въ другомъ мѣстѣ Онъ, дѣйствительно, представляетъ дѣлающимъ и Себя самаго, и Отца, говоря: *Отецъ мой доселѣ дѣлаетъ, и азъ дѣлаю* (Іоан. 5, 17). Тамъ Онъ показываетъ безразличіе, а здѣсь — тождество дѣлъ. Если же слова Его съ перваго взгляда представляются уничиженными, то ты не удивляйся этому. Онъ напередъ сказалъ: *не вѣруеши ли*, и потомъ

уже произнесъ тѣ слова, показывая, что Онъ далъ такой образъ рѣчи для того, чтобы привести Филиппа къ вѣрѣ. Вѣдь Онъ проникалъ сердца учениковъ. *Вѣруйте, яко азъ во Отцѣ и Отецъ во мнѣ* (ст. 11). Вамъ, которые слышите объ Отцѣ и Сынѣ, не слѣдовало бы искать никакого другаго доказательства на Ихъ сродство по существу. Но если вамъ недостаточно этого для доказательства Ихъ равночестія и единосущія, то познайте, это хотя отъ дѣлъ. Значитъ, слова: *видѣвый мене, видѣ Отца* моего, сказаны были не о дѣлахъ; иначе Онъ не сказалъ бы послѣ: *аще ли же ни, за дѣла вѣру имите ми*. Потомъ, показывая, что можетъ совершать не только эти дѣла, но и другія гораздо большія, Онъ говоритъ объ этомъ съ чрезвычайною силою. Не говоритъ: Я могу совершить дѣла и больше этихъ, но, что гораздо удивительнѣе, могу, говоритъ, и другимъ дать власть совершать дѣла больше этихъ дѣлъ. *Аминь, аминь глаголю вамъ: вѣруяй въ мя, дѣла яже азъ творю, и той сотворитъ, и больша сихъ сотворитъ: яко азъ къ Отцу моему гряду* (ст. 12). То есть, теперь уже вы будете совершать чудеса; ибо Я отхожу. Затѣмъ, достигши того, къ чему клонилась рѣчь, Онъ говоритъ: *аще что просите во имя мое*, пріимете, и *Я то сотворю: да прославится Отецъ во мнѣ*. Видишь ли, какъ опять Онъ самъ творитъ это? *Сотворю*, говоритъ, Я; и не сказалъ: умолю Отца, но: *да прославится Отецъ во мнѣ*. Въ другомъ мѣстѣ Онъ сказалъ: *Богъ прославитъ его въ себѣ* (Іоан. 18, 32), а

здѣсь (говоритъ), что Самъ прославитъ Отца. Ибо, когда Сынъ явится обладающимъ великимъ могуществомъ, тогда прославится и Отецъ. Что же значитъ: *во имя мое*? То, что говорили Апостолы: *во имя Іисусъ Христа востани и ходи* (Дѣян. 3, 6). Всѣ знаменія, которыя они совершали, были дѣломъ Его силы, и рука Господня была съ ними (Дѣян. 16, 21). *Азъ*, говоритъ, *сотворю* (ст. 14). Видишь самовластіе? Онъ совершаетъ и то, что дѣлалось другими: ужели же того, что Онъ самъ дѣлаетъ, Онъ не можетъ совершать своею силою, но совершаетъ при содѣйствіи Отца? Но кто можетъ сказать это? Для чего же Онъ говоритъ это во второй разъ? Для того, чтобы утвердить свое слово и показать, что прежде Онъ говорилъ приспособительно. А слова: *къ Отцу гряду* означаютъ: Я не погибаю, но пребываю въ своемъ достоинствѣ и нахожусь на небесахъ. Все же это Онъ говорилъ для утѣшенія учениковъ. Такъ какъ они не понимали еще Его словъ о воскресеніи и потому, вѣроятно, заняты были прискорбными мыслями; то Онъ обѣщаетъ имъ, что они сами будутъ совершать такія (дѣла) для другихъ, во всемъ обнаруживаетъ свою заботливость о нихъ и показываетъ, что Онъ всегда пребываетъ, и не только пребываетъ, но и выкажетъ еще бо́льшую силу.

3. Итакъ послѣдуемъ за Христомъ и возмемъ крестъ. Если и нѣтъ теперь гоненій, за то теперь время для другаго рода смерти. *Умертвите*, сказано, *уды ваши, яже на земли* (Кол. 3, 5). Итакъ погасимъ вожделѣніе, умертвимъ

гнѣвъ, истребимъ зависть. Это—жертва живая. Жертва эта не оканчивается пепломъ, не разсѣевается въ дымѣ, не требуетъ ни дровъ, ни огня, ни ножа. Для ней огонь и ножъ—Духъ Святый. Воспользовавшись этимъ ножемъ, отсѣки отъ сердца все излишнее и чуждое, открой заключенный слухъ. Страсти и злыя пожеланія обыкновенно заграждаютъ входъ слову (Божію). Такъ, усилившаяся привязанность къ богатству не дозволяетъ слушать слово о милостынѣ; появившаяся зависть преграждаетъ путь ученію о любви; да и всякая другая страсть, вторгшись въ душу, дѣлаетъ ее крайне нерадивою ко всему. Итакъ истребимъ злыя пожеланія. Вѣдь нужно только захотѣть, и—все исчезнетъ. Не будемъ думать, будто сама по себѣ сильна любовь къ богатству: вся сила заключается въ нашей безпечности. Есть много людей, которые, говорятъ, даже не знаютъ, что такое серебро; потому что любовь къ богатству—страсть неестественная. Естественныя положенія вложены въ насъ съ самаго начала; а о золотѣ и серебрѣ долгое время даже не было извѣстно, существуютъ ли они. Отъ чего же усилилась эта страсть (къ нимъ)? Отъ тщеславія и крайней безпечности. Изъ пожеланій одни необходимы, другія естественны, а иныя ни то, ни другое. Такъ всѣ тѣ желанія, отъ неудовлетворенія которымъ гибнетъ животное, естественны и необходимы, какъ напримѣръ — желаніе пищи, питья и сна. Вожделѣніе плотское естественно, но не необходимо, такъ какъ многіе преодолѣли его, и однакожъ не погибли. А же-

ланіе богатства ни естественно, ни необходимо, а излишне: если мы захочемъ, то и не подчинимся ему. Вѣдь и Христосъ бесѣдуя о дѣвствѣ, сказалъ: *могій вмѣстити, да вмѣститъ* (Матѳ. 19, 12), а о богатствѣ (говоритъ) не такъ, а какъ? *Иже не отречется всего своего имѣнія, не можетъ быти мой ученикъ* (Лук. 14, 33). Что легко, къ тому увѣщаваетъ, а что превосходитъ силы многихъ, то оставляетъ на произволъ. Итакъ зачѣмъ мы лишаемъ сами себя всякаго оправданія? Кто плѣненъ страстію особенно сильною, тотъ понесетъ не столь большое наказаніе; а кто уловленъ страстію слабою, тотъ лишится всякаго оправданія. И въ самомъ дѣлѣ, что мы будемъ отвѣчать, когда (Господь) скажетъ: вы видѣли Меня алчущимъ, и не напитали (Матѳ. 25, 42)? Какое будемъ имѣть оправданіе? Сошлемся, конечно, на бѣдность? Но мы не бѣднѣе той вдовицы, которая, положивши двѣ лепты, превзошла всѣхъ. Богъ требуетъ отъ насъ не значительности дара, а мѣры сердечнаго благорасположенія; и это — знакъ Его промышленія. Подивимся же Его человѣколюбію и будемъ приносить (Ему), что можемъ, дабы и въ настоящей, и въ будущей жизни, воспользовавшись великимъ Его человѣколюбіемъ, мы могли насладиться обѣщанными благами, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 75.

Аще любите мя, заповѣди моя соблюдите. И азъ умолю Отца, и иного Утѣшителя дастъ вамъ, да будетъ съ вами въ вѣкъ, Духъ истины, егоже міръ не можетъ пріяти, яко не видитъ его, ниже знаетъ его (Іоан. 14, 15. 16. 17).

Вездѣ нужны намъ дѣла, а не увѣренія на словахъ: потому что говорить и обѣщать всякому легко, а сдѣлать не такъ легко. Къ чему я это сказалъ? Къ тому, что теперь много людей, которые говорятъ, что они боятся Бога и любятъ Его, а дѣлами показываютъ противное. Но Богъ требуетъ (отъ насъ) любви, являемой въ дѣлахъ. Потому-то (Христосъ) и ученикамъ говорилъ: *аще любите мя, заповѣди моя соблюдите*. Такъ какъ Онъ сказалъ: *аще чесо просите, азъ сотворю*; то, дабы не подумали они, что довольно только просить, Онъ присовокупилъ: *аще любите мя*,—то есть, въ этомъ случаѣ сотворю. А какъ ученики, услышавъ (слова Его): *азъ къ Отцу гряду*, естественно пришли въ смущеніе, то Онъ говоритъ, что любовь состоитъ не въ этомъ, не въ настоящемъ (ихъ) смущеніи, а въ повиновеніи словамъ Его. Я далъ вамъ заповѣдь, чтобы вы любили

другъ друга, чтобы вы также поступали другъ съ другомъ, какъ Я поступалъ съ вами. Любовь въ томъ и состоитъ, чтобы исполнять это и подражать тому, кого любимъ. *И (азъ) умолю Отца, и иного Утѣшителя дастъ вамъ.* Опять рѣчь приспособительная. Такъ какъ ученики еще не знали Его (совершенно), и потому, естественно, сильно желали быть вмѣстѣ съ Нимъ, (слышать) Его рѣчи, (видѣть) Его во плоти, и ни въ чемъ не находили для себя утѣшенія, скорбя о Его отшествіи; то что Онъ говоритъ? *Умолю Отца, и иного Утѣшителя дастъ вамъ*, то есть, инаго такого же, какъ Я. Да постыдятся же и зараженные недугомъ Савеллія, и имѣющіе не надлежащее понятіе о Духѣ Святомъ! Въ этомъ изреченіи то особенно и удивительно, что оно однимъ ударомъ ниспровергаетъ совершенно противоположныя ереси. Сказавъ: *иного,* (Христосъ) указываетъ на различіе Его Vпостаси; а сказавъ: *Утѣшителя*, на единство существа. Почему же Онъ говоритъ: *умолю Отца*? Потому, что еслибы сказалъ: Я пошлю, то (ученики) не столько бы повѣрили; а теперь Онъ заботился о томъ, чтобы Ему вѣровали. Въ послѣдствіи Онъ высказываетъ, что Самъ посылаетъ Его, говоря: *пріимите Духъ Святъ*: а здѣсь говоритъ: *умолю Отца*, дабы сдѣлать для нихъ слово (свое) достовѣрнымъ. Вѣдь Іоаннъ говоритъ объ Немъ, что *отъ исполненія его мы вси пріяхомъ* (Іоан. 1, 16): какъ же Онъ можетъ принимать отъ другаго то, что Самъ имѣетъ? И опять (сказано): *той вы креститъ Духомъ Свя-*

тымъ и огнемъ (Лук. 3, 16). Какое же Онъ имѣлъ бы преимущество предъ Апостолами, если-бы долженъ былъ умолять Отца, чтобы даровать Духа другимъ, между тѣмъ какъ Апостолы часто дѣлали это, какъ видно и безъ молитвы? И если Духъ Святый по молитвѣ посылается отъ Отца, то какимъ же образомъ Онъ самъ собою нисходитъ? И какъ можетъ отъ другаго быть посылаемъ Тотъ, Кто вездѣсущь, Кто самъ по себѣ раздѣляетъ (дарованія) *коемуждо, якоже хощетъ*, а говоритъ со властію: *отдѣлите ми Варнаву и Савла* (Дѣян. 13, 2)? Хотя Богу служили эти служители, однакожъ Онъ со властію призвалъ ихъ на свое собственное дѣло,—не потому, чтобы дѣло, на которое призвалъ ихъ, было иное, но для того. чтобы показать свою власть. Итакъ, что же, скажешь, значатъ (слова): *умолю Отца*? (Ими Христосъ) показываетъ время пришествія (Духа Святаго); потому что, когда Онъ очистилъ ихъ (учениковъ) жертвою, тогда и низшелъ Духъ Святый. А почему Онъ не пришелъ въ то время, когда (Христосъ) былъ съ ними? Потому что не была еще принесена жертва. Когда уже и грѣхъ былъ истребленъ, и Апостолы, получивъ повелѣніе идти на опасности, готовились къ борьбѣ; тогда надлежало придти Тому, Кто укрѣпляетъ на подвиги. Для чего же Духъ приходитъ не тотчасъ по воскресеніи? Для того, чтобы Апостолы сильнѣе возжелали Его и приняли съ большею любовію. Доколѣ былъ съ ними Христосъ, они не были въ скорби; когда же Онъ отошелъ, они, лишившись Его, находились въ ве-

ликомъ страхѣ и, естественно, должны были принять Духа Святаго съ великимъ усердіемъ. *Да будетъ съ вами.* Это значитъ, что и по смерти (ихъ Духъ Святый) не отойдетъ. А дабы они, услышавъ объ Утѣшителѣ, не предположили другаго новаго воплощенія и не надѣялись увидѣть Его (тѣлесными) очами,—Христосъ, отклоняя ихъ отъ этого, говоритъ: *егоже міръ не можетъ пріяти, яко не видитъ его.* Онъ не такъ будетъ съ вами, какъ Я, но будетъ обитать въ самыхъ душахъ вашихъ; это и значитъ: *въ васъ будетъ.* А называя Его Духомъ истины, Онъ тѣмъ указываетъ на образы, бывшіе въ ветхомъ завѣтѣ. *Да будетъ съ вами.* Что значитъ: *да будетъ съ вами?* Тоже, что Онъ о Себѣ говоритъ: *азъ съ вами есмь* (Матѳ. 28, 20). Сверхъ того, Онъ (здѣсь) намекаетъ и на нѣчто другое, именно: (Духъ Святый) не претерпитъ того, что Я претерпѣлъ, и не отойдетъ. *Егоже міръ не можетъ пріяти, яко не видитъ его.* А развѣ другой кто, скажи мнѣ, можетъ видѣть Его? Нѣтъ (Христосъ) говоритъ здѣсь о познаніи, почему и присовокупляетъ: *ниже знаетъ его.* Онъ обыкновенно зрѣніемъ называетъ и точное познаніе. Такъ какъ зрѣніе яснѣе другихъ чувствъ, то имъ всегда и означаетъ точное познаніе. А подъ міромъ Онъ разумѣетъ здѣсь злыхъ людей. Такимъ образомъ Онъ утѣшаетъ учениковъ тѣмъ, что дастъ имъ особенный даръ. Смотри, какъ Онъ превознесъ этотъ даръ: сказалъ, что (Духъ Святый) есть иной (Утѣшитель), такой же, какъ Я; сказалъ: Онъ не оставитъ васъ; сказалъ: къ

вамъ однимъ придетъ, также какъ и Я; сказалъ: *въ васъ будетъ*. И однакожъ, не смотря на все это, не уничтожилъ въ нихъ печали. Они хотѣли видѣть Его и (желали), чтобы Онъ былъ съ ними. Потому-то, удовлетворяя ихъ желанію, Онъ говоритъ: и Я *не оставлю васъ сиры*: *пріиду къ вамъ* (Іоан. 14, 18). Не бойтесь, говоритъ; не потому Я сказалъ: пошлю иного Утѣшителя, что Самъ навсегда оставляю васъ; не потому сказалъ: *въ васъ будетъ*, что Самъ уже не увижу васъ. Нѣтъ, Я и Самъ приду къ вамъ: *не оставлю васъ сиры*. Какъ въ началѣ рѣчи сказалъ: *чадца*, такъ и здѣсь говоритъ: *не оставлю васъ сиры*.

2. Въ началѣ Христосъ сказалъ: (и вы) придете туда, *аможе азъ иду*, и: *въ дому Отца моего обители многи суть*; а здѣсь, такъ какъ то время было далеко,—даетъ Духа. Но поелику ученики, не понявъ значенія словъ Его, не довольно ими утѣшились; то Онъ говоритъ: *не оставлю васъ сиры*; потому что этого они особенно и желали. А такъ какъ изреченіе: *пріиду къ вамъ*, указывало на (Его) пришествіе, то, дабы они не ожидали опять такого же самаго пришествія, какое было прежде, — смотри, какъ Онъ, не сказавъ объ этомъ ясно, далъ однакожъ это разумѣть. Сказавши: *еще мало, и міръ ктому неувидитъ мене*, Онъ присовокупилъ: *вы же увидите мя* (ст. 19). Какбы такъ говорилъ: Я приду къ вамъ, но не такъ, какъ прежде, когда Я каждый день непрестанно былъ съ вами. А чтобы они не спросили: какъ же Ты сказалъ

Іудеямъ: *отселѣ не узрите мене,* — Онъ, въ разрѣшеніе этого возраженія говоритъ: *(пріиду) къ вамъ* однимъ, — также, какъ и Духъ. *Яко азъ живу, и вы живи будете.* Крестъ не разлучитъ насъ навсегда, но только на самое малое время сокроетъ Меня. А подъ жизнію Онъ разумѣетъ, какъ мнѣ кажется, жизнь не только настоящую, но и будущую. *Въ той день уразумѣете, яко азъ во Отцѣ моемъ, и вы во мнѣ, и азъ въ васъ* (ст. 20). По отношенію къ Отцу, это сказано о существѣ, а по отношенію къ ученикамъ,—о единомысліи и помощи, ниспосылаемой отъ Бога. Но какъ, спросишь, возможно, скажи мнѣ, допустить это? А какъ возможно допустить противное? Вѣдь между Христомъ и учениками разстояніе великое и даже безконечное. А что (здѣсь) употреблены одни и тѣже слова,—этому не удивляйся. Писаніе, говоря о Богѣ и людяхъ, часто употребляетъ одни и тѣже слова не въ одинаковомъ смыслѣ. Такъ и мы называемся и богами, и сынами Божіими, но эти названія имѣютъ не одно и тоже значеніе, когда прилагаются къ намъ и къ Богу. Равно и Сынъ (Божій) называется образомъ и славою, точно также какъ и мы, но — въ совершенно различномъ значеніи. И опять (говорится): *вы же Христовы, Христосъ же Божій* (1 Кор. 3, 23); но Христосъ не въ томъ же смыслѣ Божій, въ какомъ мы Христовы. Итакъ, что же значатъ тѣ слова? Когда Я воскресну, говоритъ (Христосъ), тогда вы узнаете, что Я не отдѣленъ отъ Отца, но имѣю туже силу, и что Я всегда пребываю съ

вами; такъ какъ въ то время самыя событія будуть возвѣщать о подаваемой вамъ отъ Меня помощи, враги будутъ укрощены, вы получите дерзновеніе, опасности исчезнуть, проповѣдь съ каждымъ днемъ будетъ расцвѣтать и всѣ уступять и покарятся слову благочестія. *Якоже посла мя Отецъ, и азъ посылаю вы.* Видишь ли, что и здѣсь одно и тоже выраженіе имѣетъ не одну и туже силу? Ибо, если мы примемъ его въ одномъ значеніи, то Апостолы ничѣмъ не будутъ отличаться отъ Христа. Почему же Онъ сказалъ: тогда *уразумѣете*? Потому, что тогда они увидѣли Его воскресшимъ и пребывающимъ съ ними, и тогда же познали истинную вѣру; такъ какъ велика была сила Духа, который научалъ ихъ всему. *Имѣяй заповѣди моя и соблюдаяй ихъ, той есть любяй мя* (ст. 21) Значитъ, не довольно только имѣть (заповѣди), но намъ нужно еще тщательно соблюдать (ихъ). Но для чего Онъ много разъ говоритъ имъ одно и тоже, именно; *аще любите мя, заповѣди моя соблюдите* (ст. 15.) и: *имѣяй заповѣди моя соблюдаяй ихъ* (ст. 21), и еще: если кто услышитъ слово мое *и соблюдетъ* его, *той есть любяй мя*: а кто *не слушаетъ словесъ моихъ*, тотъ не любитъ Меня (сн. ст. 23, 24)? Я думаю, Онъ этимъ намекаетъ на ихъ скорбь. Такъ какъ Онъ уже много любомудрствовалъ съ ними о смерти, напримѣръ: *ненавидяй души своея въ мірѣ семъ, въ животъ вѣчный сохранитъ ю* (Іоан. 12, 25), и: *иже не пріиметъ креста своего, и въ слѣдъ*

мене грядетъ, *нѣсть мене достоинъ* (Мат. 10, 38), а притомъ намѣревался сказать имъ еще и больше этого; то теперь, укоряя ихъ, говоритъ: вы думаете, что ваша скорбь происходитъ изъ любви? Но любви свойственно было бы не скорбѣть. Это именно Онъ хотѣлъ доказать всѣмъ тѣмъ, что говорилъ, и потому-то далѣе этимъ и заключилъ свою рѣчь. *Аще бысте любили мя*, сказалъ Онъ, *возрадовалися бысте убо*, *яко рѣхъ*, *иду ко Отцу* (Іоан. 14, 28). Значитъ, вы теперь скорбите отъ страха; а страшиться смерти несвойственно тѣмъ, которые помнятъ мои заповѣди. Вамъ слѣдовало бы распять себя, еслибы вы истинно любили Меня: потому что мое слово внушало вамъ не приходить въ страхъ отъ убивающихъ тѣло. Такихъ-то (людей) и Отецъ любитъ, и Я (люблю). *И явлюся* имъ *самъ*. Тогда Іуда сказалъ: *и что (бысть)*, *яко намъ хощеши явитися* (ст, 21, 22)?

3. Видишь, какъ душа ихъ была стѣснена страхомъ? Іуда смутился, встревожился и подумалъ, что они увидятъ и Его также, какъ мы видимъ мертвыхъ во снѣ. Итакъ, дабы отклонить ихъ отъ такого мнѣнія,—послушай, что Онъ говоритъ: *азъ и Отецъ къ нему пріидемъ и обитель у него сотворимъ* (ст. 23). Какбы такъ говоритъ: какъ Самъ Отецъ является, такъ (явлюсь) и Я. И не этимъ только уничтожилъ ихъ несправедливое мнѣніе, но и словами: *обитель у него сотворимъ*; потому что это уже не сновидѣніе. Но ты обрати вниманіе на ученика: онъ и смущается, и не смѣетъ ясно сказать то-

го, что хочетъ сказать. Онъ не сказалъ: горе намъ,— Ты умираешь и хочешь явиться намъ, какъ (являются) мертвые; нѣтъ, не сказалъ такъ, а сказалъ: *что бысть, яко намъ хощеши явитися, а не міровы?* На это (Христосъ) говоритъ: васъ Я особенно люблю, потому что вы соблюдаете мои заповѣди. Напередъ говоритъ имъ о своемъ явленіи для того, чтобы они, когда увидятъ Его въ послѣдствіи (по воскресеніи), не сочли за призракъ. А дабы они не думали, что Онъ явится имъ такъ, какъ я сказалъ, Онъ высказываетъ и причину (своего явленія), то есть, соблюденіе Его заповѣдей, — говоритъ, что такимъ же образомъ явится и Духъ. Если же они и послѣ того, какъ столько времени жили съ Нимъ, не могли еще вынести такого явленія Его существа и даже не понимали его; то что было бы съ ними, еслибы Онъ такъ явился имъ съ самаго начала? Потому Онъ и вкушалъ съ ними пищу, чтобы они не почли явленія Его за призракъ. Если они подумали такъ въ то время, какъ увидѣли Его ходящимъ по водамъ, не смотря на то, что Онъ явился въ томъ же самомъ видѣ и не задолго предъ тѣмъ разлучился съ ними, — то чего бы не подумали они, еслибы вдругъ увидѣли Его воскресшимъ, между тѣмъ какъ прежде видѣли, какъ Онъ былъ взятъ и связанъ? Для того-то Онъ часто и говоритъ имъ, что Онъ явится, и почему явится, и какъ, дабы они не почли Его явленія за призракъ. *Не любяй мя, словесъ моихъ не соблюдаетъ и слово, еже слышасте, нѣсть мое, но пославшаго мя* (ст. 24). Значитъ, кто не

слушаетъ этихъ словъ, тотъ не Меня только не любитъ, но и Отца. Ибо если доказательствомъ любви служитъ повиновеніе заповѣдямъ, а заповѣди отъ Отца: то, очевидно, кто повинуется имъ, тотъ уже любитъ не Сына только, но и Отца. Какимъ же образомъ *(слово)* и Твое, и не Твое? Это значитъ, что Я не говорю ничего безъ Отца и не говорю чего либо своего, отличнаго отъ того, что угодно Ему. *Сія глаголахъ вамъ въ васъ сый* (ст. 25). Такъ какъ все это было не ясно и они иннаго не понимали, а во многомъ и сомнѣвались; то чтобы опять не пришли въ смущеніе и не стали спрашивать: какія заповѣди,—(Христосъ) избавилъ ихъ отъ всякаго безпокойства, сказавъ: *Утѣшитель же, егоже пос-летъ Отецъ во имя мое, той вы научитъ* (ст. 26). Можетъ быть, не ясно то, что Я теперь вамъ сказалъ; но это изъяснитъ вамъ тотъ Учитель. А словами: *въ васъ пребываетъ*, (Христосъ) намекаетъ на свое отшествіе. Затѣмъ, дабы они не печалились, говоритъ, что доколѣ Онъ будетъ оставаться съ ними и пока не придетъ Духъ, они не въ состояніи будутъ уразумѣть ничего великаго и высокаго. Это Онъ говоритъ съ тѣмъ, чтобы приготовить ихъ къ мужественному перенесенію Его отшествія, такъ какъ оно будетъ для нихъ источникомъ великихъ благъ. А безпрестанно упоминаетъ объ Утѣшителѣ потому, что они тогда были одержимы скорбію. Но такъ какъ, и послѣ этихъ словъ, они приходили въ смущеніе при мысли о скорбяхъ, о борьбѣ, о Его отшествіи; то смотри, какъ Онъ опять утѣшаетъ ихъ, говоря: *миръ остав-*

ляю вамъ (ст. 27). Какбы такъ говоритъ: какой вамъ будетъ вредъ отъ смятеній міра, когда вы будете имѣть миръ со Мною? Этотъ миръ не такой (какой бываетъ обыкновенно). Внѣшній миръ часто бываетъ и вреденъ, и безплоденъ, и безполезенъ для тѣхъ, которые имѣютъ его; а Я даю такой миръ, по которому вы будете жить въ мирѣ между собою, а это сдѣлаетъ васъ особенно сильными. Поелику же Онъ опять сказалъ: *оставляю*, что указывало на Его отшествіе и могло привести ихъ въ смущеніе, — то опять говоритъ: *да не смущается сердце ваше, ни устрашаетъ* (ст. 27). Видишь ли, что они смущались частію отъ любви, частію отъ страха? *Слышасте, яко азъ рѣхъ вамъ: иду ко Отцу и пріиду къ вамъ. Аще бысте любили мя, возрадовалися бысте убо, яко иду ко Отцу, яко Отецъ болій мене есть* (ст. 28). Какую же это могло принесть имъ радость и какое утѣшеніе? Что значатъ эти слова?

4. Апостолы еще ничего не знали о воскресеніи и даже не имѣли надлежащаго понятія о Христѣ. Возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, чтобы они имѣли это понятіе, когда даже не знали, что Онъ воскреснетъ? Но Отца они признавали великимъ. Поэтому Христосъ и говоритъ: если вы и страшитесь за Меня, какъ будто Я не въ состояніи защитить Себя, и не надѣетесь, что послѣ креста Я опять увижу васъ; то все же, коль скоро услышали, что Я къ Отцу иду,—должны были радоваться, потому что Я иду къ большему и могущему уничтожить всѣ бѣдствія. Вы *слышас-*

те яко азъ рѣхъ вамъ. Для чего это сказалъ? Я такъ далекъ отъ страха, говоритъ этимъ Христосъ, такъ увѣренъ въ событіяхъ, что даже предсказалъ ихъ. И это, и что будетъ послѣ, *рѣхъ вамъ прежде даже не будетъ, да егда будетъ, вѣру имете*, яко Азъ есмь (ст. 29). Какбы такъ говорилъ: вы не знали бы, еслибы Я не сказалъ; а Я не сказалъ бы, еслибъ не былъ вполнѣ увѣренъ. Видишь ли, что тѣ слова были сказаны приспособительно? Такъ и тогда, когда Онъ говоритъ: *мните ли, яко не могу умолити Отца, и представитъ ми дванадесять легеона ангелъ* (Матѳ. 26, 53),—говоритъ приспособительно къ мнѣнію слушателей. Ибо, конечно, никто, и даже крайне неистовый, не скажетъ, что Онъ не могъ помочь Самъ Себѣ, а имѣлъ нужду въ Ангелахъ. О Немъ думали, какъ о человѣкѣ; поэтому Онъ и говоритъ: *дванадесять легеона ангелъ*. А между тѣмъ Онъ только спросилъ пришедшихъ взять Его, и — отбросилъ ихъ назадъ. Если же кто назоветъ Отца большимъ въ томъ отношеніи, что Онъ виновникъ Сына, то я не буду и этому противорѣчить; но это отнюдь не значитъ, чтобы Сынъ былъ инаго существа. Слова Его значатъ вотъ что: доколѣ Я здѣсь, вамъ естественно думать, что мы находимся въ опасности; если же Я отойду туда (къ Отцу),— вѣрьте, что мы внѣ опасности, потому что никто не можетъ одолѣть Его. Все же это Онъ говорилъ приспособительно къ немощи учениковъ. Самъ Я, говоритъ, вполнѣ спокоенъ и не забочусь о смерти; потому-то и сказалъ: *сія рѣхъ вамъ прежде*

даже не будетъ. Но такъ какъ вы не можете еще принять слова объ этомъ, то Я и заимствую для васъ утѣшеніе отъ Отца, котораго вы признаете великимъ. Утѣшивъ ихъ такимъ образомъ, Онъ опять говоритъ о предметахъ печальныхъ. *Ктому не (много) глаголю съ вами*. Почему? *Грядетъ бо сего міра князь, и во мнѣ не иматъ ничесоже* (ст. 30). Говоря о князѣ міра, разумѣетъ діавола и злыхъ людей; ибо діаволъ владычествуетъ не надъ небомъ и землею, — иначе онъ все бы низвратилъ и ниспровергъ, но господствуетъ надъ тѣми, которые сами предаются ему. Поэтому (Писаніе) называетъ его и княземъ тьмы вѣка сего, разумѣя опять и здѣсь подъ тьмою злыя дѣла. Что же? Значитъ, діаволъ умертвитъ Тебя? Нѣтъ; онъ *не иматъ во мнѣ ничесоже*. Какъ же умертвятъ Тебя? (Умертвятъ), потому что Я такъ хочу, и да познаетъ міръ, что Я люблю Отца. Я, говоритъ, не подвластенъ смерти и не подлежу ей, но переношу ее изъ любви къ Отцу. А это говоритъ для того, чтобы снова ободрить учениковъ и показать имъ, что Онъ не противъ воли, но добровольно идетъ на смерть, и что Онъ презираетъ діавола. Въ самомъ дѣлѣ, Онъ не ограничился тѣмъ, что сказалъ: *еще мало время съ вами есмь*, но часто повторяетъ эти печальныя слова. А чтобы сдѣлать ихъ удобопріемлемыми, Онъ справедливо примѣшиваетъ къ нимъ и слова радостныя. Потому-то Онъ иногда и говоритъ: *иду и пріиду*; также: *идѣже есмь азъ, и вы будете;* и еще: *не можете нынѣ по мнѣ ити, послѣди*

же идете; также: *ко Отцу иду*, и: *Отецъ болій мене есть*, и: *прежде даже не будетъ, рѣхъ вамъ*, и еще: Я не по необходимости терплю это (страданія и смерть), а по любви къ Отцу,—чѣмъ внушаетъ ученикамъ, что Его смерть не пагубна и не вредна, коль скоро соизволяетъ на нее и сильно любящій Его, и Самъ любимый Имъ. Итакъ, примѣшивая съ этою цѣлію слова радостныя, Онъ часто говорилъ и о предметахъ печальныхъ, чтобы пріучить къ тому ихъ умъ. Вѣдь и словами: *въ васъ будетъ* и: *уне вамъ есть, да азъ иду* (Іоан. 16, 7), Онъ также ихъ утѣшалъ. Для того-то Онъ напередъ весьма много и сказалъ о Духѣ, какъ-то: *въ васъ есть*, и: *міръ не можетъ пріяти*, и: Онъ *воспомянетъ вся*, и: Онъ *Духъ истины*, *Духъ Святый, Утѣшитель*, и: *уне вамъ есть*,—дабы они не скорбѣли, какъ будто уже у нихъ не было никакого заступника и помощника. А словами: *уне есть* показываетъ, что (Духъ Святый) содѣлаетъ ихъ духовными.

5. И мы видимъ, что это дѣйствительно сбылось. Робкіе и боязливые, (Апостолы), по принятіи Духа, устремились въ среду опасностей и безбоязненно пошли и на желѣзо, и въ огонь, и на звѣрей, и въ пучину морскую, и на всякое мученіе. Некнижные и простые, они говорили съ такимъ дерзновеніемъ, что поражали слушателей. Изъ скудельныхъ Духъ содѣлалъ ихъ желѣзными, окрылилъ ихъ и не допустилъ впасть ни въ какую слабость человѣческую. Такова-то благодать Духа! Она, если находитъ печаль, уничто-

жаетъ ее; если злое вожделѣніе,—истребляетъ; если страхъ,—изгоняетъ; и кто сподобился ея, того не допускаетъ уже быть человѣкомъ, но, какбы переселивъ на самое небо, располагаетъ помышлять только о томъ, что на небѣ. Потому-то *ни единъ же что отъ имѣній своихъ глаголаше свое быти*, но (всѣ) непрестанно пребывали въ молитвахъ, *въ радости и простотѣ сердца* (Дѣян. 4, 32; 2, 46). Этого преимущественно и требуетъ Духъ Святый; *плодъ бо духовный есть радость, миръ, вѣра, кротость* (Гал. 5, 22). Однакожъ, скажешь, часто печалятся и люди, исполненные Духа? Но эта печаль сладостнѣе радости. Печалился и Каинъ, но печалію мірскою; печалился и Павелъ, но печалію по Богѣ. Все духовное приноситъ величайшую пользу, равно какъ и все мірское—крайній вредъ. Привлечемъ же къ себѣ, чрезъ исполненіе заповѣдей, необоримую помощь Духа, и—мы будемъ ничѣмъ не меньше Ангеловъ. Вѣдь и они не потому таковы, что безплотны,—иначе никто изъ безплотныхъ не былъ бы злымъ; но вездѣ причиною всему—свободное произволеніе. Потому-то и между безплотными нашлись такіе, которые хуже людей и даже безсловесныхъ, и между облеченными плотію—такіе, которые лучше безплотныхъ. Такъ всѣ праведники, хотя жили на землѣ и имѣли тѣло, однакожъ совершили великія дѣла. На землѣ они жили, какъ пришельцы и странники, а на небѣ—какъ граждане. Не говори же и ты: я облеченъ плотію, не могу одолѣть (ее), не могу взять на себя трудовъ добро-

дѣтели. Не обвиняй Создателя. Ибо, если отъ того, что мы носимъ плоть, добродѣтель становится для насъ невозможною, то мы уже не виновны. Но что она не дѣлается отъ того невозможною, это доказываетъ ликъ Святыхъ. Такъ, плотское естество не воспрепятствовало ни Павлу быть такимъ, какимъ онъ былъ, ни Петру получить ключи неба. И Енохъ, бывъ во плоти, *преложенъ бысть и не обрѣташеся* (Евр. 11, 5). Равно и Илія восхищенъ былъ съ плотію (на небо), и Авраамъ съ Исаакомъ и Іаковомъ просіяли, бывъ облечены плотію; съ плотію же и Іосифъ устоялъ противъ той распутной жены. И что я говорю о плоти? Хотя бы ты возложилъ на плоть и оковы,—и тогда не было бы никакого вреда. Хотя я и во узахъ, говоритъ Павелъ, *но слово Божіе не вяжется* (2 Тим. 2, 9). И что я говорю о узахъ и оковахъ? Присоедини еще темницу и заключеніе, и все это не будетъ препятствіемъ для добродѣтели. Такъ именно училъ Павелъ. Оковы для души — не желѣзо, а рабскій страхъ, любостяжаніе и безчисленныя страсти. Вотъ что связываетъ (ее), хотя бы тѣло и было свободно. Но отъ тѣла, скажешь, раждаются и страсти? Это пустое извиненіе и ничтожная отговорка. Еслибы дѣйствительно отъ тѣла раждались эти страсти, то имъ были бы подвержены всѣ. Какъ никому нельзя избѣжать усталости, сна, голода и жажды, потому что все это естественно; такъ никто не избѣжалъ бы и подчиненія страстямъ, если бы онѣ были таковы. Если же многіе избѣгаютъ ихъ, то ясно, что та-

кого рода недостатки раждаются отъ безпечности души. Итакъ отсѣчемъ безпечность и не будемъ обвинять тѣло, а подчинимъ его душѣ, дабы, имѣя его въ послушаніи, достигнуть вѣчныхъ благъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 76.

Востаните, идемъ отсюду. Азъ есмь лоза истинная, вы же рождіе, и Отецъ мой дѣлатель есть (Іоан. 14, 31; 15, 1. сн. 5).

Отъ невѣжества душа дѣлается робкою и боязливою, точно также, какъ отъ знанія небесныхъ догматовъ — великою и возвышенною. Лишенная всякаго попеченія, она бываетъ какъ-то робка, — не по естеству, а по свободному произволенію. Ибо, когда я вижу, что человѣкъ мужественный, бывшій нѣкогда смѣлымъ, становится робкимъ, я уже не считаю этого состоянія естественнымъ; потому что все естественное неизмѣнно. Равнымъ образомъ, когда вижу, что люди робкіе вдругъ дѣлаются смѣлыми, и опять думаю тоже самое,—все приписываю свободному произволенію. Такъ и ученики были весьма робки, доколѣ не узнали того, что слѣдовало (знать) и не сподобились дара Святаго Духа; а въ по-

слѣдствіи сдѣлались неустрашимѣе львовъ. Напримѣръ, Петръ, который не вынесъ угрозъ служанки, (въ послѣдствіи) былъ повѣшенъ внизъ головою, былъ бичуемъ, находился въ тысячѣ опасностей, и однакожъ не молчалъ, а говорилъ такъ смѣло, какъ будто терпѣлъ это во снѣ. Но все это—не прежде креста. Потому-то Христосъ и говорилъ: *востаните, идемъ отсюду*. Для чего же, скажи мнѣ? Ужели Онъ не зналъ времени, когда долженъ былъ придти Іуда? Или Онъ боялся, чтобы Іуда не пришелъ туда и не задержалъ ихъ, и чтобы не напали злоумышленники прежде, чѣмъ Онъ кончитъ свою превосходную бесѣду? Отнюдь нѣтъ; это несовмѣстно съ Его достоинствомъ. Если же Онъ не боялся, то для чего заставляетъ учениковъ идти оттуда и потомъ, когда кончилъ бесѣду, ведетъ ихъ въ садъ, знакомый Іудѣ? Да еслибы и пришелъ Іуда, развѣ не могъ Онъ ослѣпить имъ глаза, что Онъ и сдѣлалъ, только не теперь? Для чего же Онъ уходитъ?—Чтобы дать ученикамъ нѣсколько успокоиться. Находясь въ извѣстномъ мѣстѣ, они, естественно, были въ страхѣ и трепетѣ и отъ времени, и отъ мѣста. Въ самомъ дѣлѣ, ночь была уже очень глубокая, и могло статься, что они даже не внимали словамъ (Христовымъ), а постоянно были заняты мыслію о томъ, что на нихъ нападутъ, тѣмъ болѣе, что и слова Учителя заставляли ожидать бѣдствій. *Еще мало,* говорилъ Онъ, *съ вами есмь*, и: *грядетъ міра сего князь*. Итакъ, поелику они, слыша эти и подобныя слова, смущались, полагая, что ихъ тот-

часъ же схватятъ; то Онъ и ведетъ ихъ въ другое мѣсто, дабы они, считая себя въ безопасности, могли свободно уже слушать, такъ какъ имѣли услышать великіе догматы. Вотъ почему Онъ говоритъ: *востаните идемъ отсюду*. Затѣмъ, продолжая рѣчь, говоритъ: *азъ есмь лоза, вы же рождіе*. Что Онъ хочетъ сказать этою притчею? То, что не внимающему Его словамъ невозможно жить и что будущія знаменія совершатся силою Христовою. *Отецъ мой дѣлатель есть*. Что же? Значитъ, Сынъ нуждается въ помощи? Нѣтъ; указаніе на Отца не означаетъ этого. Въ самомъ дѣлѣ, смотри, съ какою точностію Онъ излагаетъ притчу. Только о вѣтвяхъ говоритъ, что онѣ пользуются попеченіемъ Дѣлателя, а не о корнѣ. О корнѣ здѣсь упомянуто только для того, дабы показать ученикамъ, что безъ Его силы они ничего не могутъ дѣлать и что имъ должно такъ соединиться съ Нимъ вѣрою, какъ (соединены) вѣтви съ лозою. *Всяку розгу, о мнѣ не творящую плода, изметъ ю* Отецъ (Іоан. 15, 2). Здѣсь Онъ намекаетъ на жизнь, показывая, что безъ дѣлъ невозможно быть въ Немъ. *И всяку, творящую плодъ, отребитъ ю*, то есть, сдѣлаетъ ее предметомъ великаго попеченія. Хотя о корнѣ нужно бываетъ больше заботиться, чѣмъ о вѣтвяхъ,—нужно его окапывать, очищать; однакожъ Онъ ничего не говоритъ здѣсь о корнѣ, но все о вѣтвяхъ, показывая тѣмъ, что Онъ самодоволенъ, а ученики, хотя бы были и весьма добродѣтельны, имѣютъ нужду въ великой помощи Дѣлателя. Потому-то Онъ и гово-

ритъ: *творящую плодъ отребитъ ю*. Когда вѣтвь безплодна и можетъ быть на лозѣ, (дѣлатель) отсѣкаетъ ее, а когда приноситъ плодъ,— очищаетъ ее и чрезъ то дѣлаетъ еще болѣе плодоносною. Это впрочемъ можно разумѣть и о бѣдствіяхъ, которыя въ то время угрожали ученикамъ. Выраженіе: *отребитъ ю* значитъ— обрѣжетъ,—отъ чего вѣтвь дѣлается болѣе плодоносною. Этимъ показывается, что искушенія сдѣлаютъ учениковъ особенно сильными. А чтобы они не стали спрашивать, о комъ это сказано, и чтобы опять не привесть ихъ въ безпокойство, Онъ говоритъ: *уже вы чисти есте за слово, еже глаголахъ вамъ* (ст. 3). Видишь, какъ Онъ представляетъ самаго Себя заботящимся о вѣтвяхъ? Я, говоритъ, очистилъ васъ. Хотя выше показываетъ, что это дѣлаетъ Отецъ; но между Отцемъ и Сыномъ нѣтъ никакого различія. Теперь нужно, чтобы и вы, съ своей стороны, дѣлали то, что слѣдуетъ. Затѣмъ, дабы показать, что Онъ сдѣлалъ это не потому, чтобы имѣлъ нужду въ ихъ служеніи, а для ихъ преспѣянія, Онъ присовокупляетъ: *якоже розга не можетъ плода сотворити о себѣ*, такъ и тотъ, кто во Мнѣ не пребудетъ. А чтобы они не отдѣлились отъ Него изъ страха, Онъ укрѣпляетъ ослабѣвшую отъ боязни ихъ душу, тѣсно соединяетъ (ихъ) съ Собою и уже подаетъ благія надежды. Ибо корень всегда остается, а отдѣляться и отпадать свойственно вѣтвямъ. Потомъ побудивъ ихъ съ обѣихъ сторонъ — и со стороны пользы, и со стороны вреда, Онъ требуетъ того,

что составляетъ нашу первую обязанность. *Иже будетъ во мнѣ, и азъ въ немъ* (ст. 5). Видишь, что и Сынъ участвуетъ въ попеченіи объ ученикахъ не меньше Отца? Если Отецъ очищаетъ, за то Сынъ содержитъ въ Себѣ; а отъ пребыванія на корнѣ и зависитъ плодоносіе вѣтвей. Пусть вѣтвь и не очищается, но все же, оставаясь на корнѣ, она приноситъ плодъ, хотя и не въ такомъ количествѣ, въ какомъ бы слѣдовало; если же не остается (на корнѣ),—и совсѣмъ не приноситъ плода. Впрочемъ уже показано, что и Сыну свойственно очищать, равно какъ быть корнемъ—Отцу, родившему и корень.

2. Видишь ли, какъ (у Отца и Сына) все общее? (И тотъ и другой) и очищаетъ, и имѣетъ силу корня. Конечно, великъ вредъ (для вѣтви) и въ томъ, когда она не можетъ ничего производить; но (Христосъ) не въ этомъ только поставляетъ наказаніе, а ведетъ рѣчь далѣе. *Извержется*, говоритъ, *вонъ*,—не будетъ уже пользоваться попеченіемъ Дѣлателя; *и изсышетъ*, то есть, потеряетъ все, что имѣла отъ корня; если имѣла какую либо благодать, лишится ея и останется безъ помощи и жизни, сообщаемой отъ корня. И что же наконецъ? *Въ огнь влагается* (ст. 6). Но не таковъ удѣлъ человѣка, пребывающаго во Христѣ. Далѣе (Христосъ) показываетъ, что значитъ пребывать (въ Немъ), и говоритъ: *аще глаголы мои въ васъ пребудутъ* (ст. 7). Видишь ли, что и прежде я справедливо сказалъ, что Онъ требуетъ отъ насъ доказательства отъ дѣлъ? Дѣйствительно, сказавши:

еже аще что просите, то сотворю (Иоан. 14, 13), Онъ присовокупилъ: *аще любите мя, заповѣди моя соблюдите* (ст. 15). Такъ и здѣсь (говоритъ): *аще пребудете во мнѣ, и глаголы мои въ васъ пребудутъ, его же аще хощете, просите, и будетъ вамъ* (15, 7). Все же это Онъ говорилъ для того, дабы показать, что злоумышляющіе противъ Него будутъ сожжены, а они принесутъ плодъ. Перенесши такимъ образомъ страхъ отъ нихъ на злоумышленниковъ и показавъ, что они будутъ непобѣдимы, Христосъ говоритъ: *о семъ прославися Отецъ мой, да плодъ многъ сотворите, и будете мои ученицы* (ст. 8). Чрезъ это Онъ придаетъ своему слову достовѣрность. Въ самомъ дѣлѣ, если принесеніе плодовъ имѣетъ отношеніе къ славѣ Отца, то Онъ не оставитъ въ небреженіи своей славы. *И будете мои ученицы.* Видишь ли, что тотъ Его ученикъ, кто приноситъ плодъ? А что значитъ: *о семъ прославися Отецъ*? Это значитъ: Онъ радуется, когда вы во Мнѣ пребываете, когда приносите плодъ. *Якоже возлюби мя Отецъ, и азъ возлюбихъ васъ* (ст. 9). Здѣсь уже говоритъ человѣкообразнѣе, потому что рѣчь, приспособленная къ понятіямъ людей, имѣетъ особенную силу. Подлинно, сколь великую мѣру любви выказалъ Тотъ, Кто благоволилъ (за насъ) умереть, Кто, удостоивъ такой чести (своихъ) рабовъ, враговъ и противниковъ, возвелъ (ихъ) на небо! А если Я люблю васъ, то не бойтесь. Если слава Отца въ томъ, чтобы вы приносили плодъ; то не опасайтесь никакого зла.

Потомъ, чтобы не сдѣлать ихъ безпечными, — смотри, какъ Онъ поощряетъ ихъ. *Будите въ любви моей*;—это уже отъ васъ зависитъ. Какъ же это сдѣлать? *Аще заповѣди моя*, говоритъ, *соблюдете, якоже азъ заповѣди Отца моего соблюдохъ* (ст. 10). Опять идетъ рѣчь человѣкообразная; ибо Законодатель, очевидно, не могъ подлежать заповѣдямъ. Видишь ли, что и здѣсь такъ сказано, какъ я всегда говорю, по немощи слушающихъ? Дѣйствительно, Онъ многое говоритъ сообразно съ ихъ понятіями и всячески показываетъ, что они въ безопасности и что ихъ враги погибнутъ, и что все, что они имѣютъ, имѣютъ отъ Сына, и что, если они будутъ вести жизнь неукоризненную, никто и никогда не одолѣетъ ихъ. Замѣть же и власть, съ какою Онъ бесѣдуетъ съ ними. Не сказалъ: *будите въ любви* Отца, но: *въ* (*любви*) *моей*. Такимъ образомъ, дабы (ученики) не сказали: Ты сдѣлалъ насъ ненавистными для всѣхъ, и теперь оставляешь насъ и отходишь,—(Христосъ) показываетъ, что Онъ не оставляетъ ихъ, а напротивъ, если только они пожелаютъ, такъ тѣсно соединится съ ними, какъ лоза (соединена) съ вѣтвями. А чтобы они, съ другой стороны, предавшись надеждѣ, не сдѣлались безпечными, Онъ говоритъ, что ихъ благополучіе не будетъ неизмѣнно, если они будутъ нерадивы. Потомъ, дабы не приписать всего дѣла Себѣ самому и не подать имъ повода къ большему паденію,—говоритъ: *о семъ прославися Отецъ*. Такъ вездѣ выказываетъ свою любовь къ нимъ вмѣстѣ съ

любовію Отца. Значитъ, не въ томъ слава, что было у Іудеевъ, но въ томъ, что они имѣли получить. А чтобы они не сказали: мы лишились отцовскаго наслѣдства, мы всѣми оставлены и сдѣлались нагими и ничего не имѣющими, Христосъ говоритъ: посмотрите на Меня. Меня любитъ Отецъ, и однакожъ Я подвергаюсь предстоящимъ бѣдствіямъ. Такъ и васъ Я оставляю теперь не потому, чтобы не любилъ васъ. Если Я подвергаюсь смерти и однакожъ не считаю этого знакомъ не любви къ Себѣ Отца; то и вамъ не должно смущаться. Если вы пребудете въ любви моей, то всѣ эти бѣдствія нисколько не повредятъ вамъ въ любви.

3. Итакъ, если любовь сильна и необорима, и состоитъ не въ однихъ словахъ; то покажемъ ее на дѣлѣ. Христосъ примирилъ насъ съ Собою, когда мы были врагами; мы же, сдѣлавшись друзьями, постараемся остаться ими. Онъ началъ, а мы будемъ хотя продолжать. Онъ любитъ не для Своей пользы, потому что ни въ чемъ не нуждается; а мы будемъ любить хотя изъ за своей выгоды. Онъ возлюбилъ враговъ, а мы станемъ любить хотя друга. Но мы поступаемъ напротивъ. Мы ежедневно хулимъ Бога, (хулимъ) хищеніемъ и любостяжаніемъ. Можетъ быть, кто нибудь изъ васъ скажетъ: ты каждый день бесѣдуешь о любостяжаніи. О, если бы можно было говорить объ этомъ и каждую ночь! О, если бы и тотъ, кто сопутствуетъ вамъ на площади и сидитъ съ вами за трапезою, если бы и жены, и друзья, и дѣти, и рабы, и земледѣль-

цы, и сосѣди, и даже полъ и стѣны могли из ливать эту рѣчь, дабы чрезъ то, хотя немного, мы отстали (отъ любостяжанія)! Этотъ недугъ объялъ всю вселенную, обладаетъ душами всѣхъ, — и, по истинѣ, велика сила мамоны! Мы искуплены Христомъ, а служимъ золоту; проповѣдуемъ владычество одного, а покаряемся другому, и чтобы онъ ни приказалъ, исполняемъ съ усердіемъ, и забываемъ для него и родство, и дружбу, и природу, и законы, и все. Никто не обращаетъ взоровъ на небо, никто не помышляетъ о будущемъ. Но настанетъ время, когда не будетъ пользы и отъ этихъ словъ. *Во адѣ*, говоритъ (Писаніе), *кто исповѣстся тебѣ* (Пс. 6, 6)? Вожделѣнно золото,—оно доставляетъ намъ много наслажденій, и придаетъ почетъ; но — не столько, сколько небо. Богача многіе и отвращаются, и ненавидятъ, а человѣка добродѣтельнаго (всѣ) уважаютъ и почитаютъ. Но надъ бѣднымъ, скажешь, смѣются, хотя бы онъ былъ и добродѣтеленъ. Смѣются, но не люди, а безсловесные; почему и не нужно обращать на то вниманія. Вѣдь, если бы (на насъ) мычали ослы и кричали вороны, а всѣ люди мудрые хвалили бы (насъ), — мы, конечно, не пренебрегли бы мнѣніемъ послѣднихъ и не стали бы обращать вниманія на крики безсловесныхъ. А тѣ, которые высоко цѣнятъ предметы настоящіе, подобны воронамъ и хужеословъ. Если бы тебя хвалилъ царь земной, — ты, вѣрно, нисколько не заботился бы о мнѣніи толпы, хотя бы и всѣ смѣялись надъ тобою. Ужели же,

когда тебя хвалитъ Владыка всѣхъ, ты будешь искать еще похвалы отъ жуковъ и комаровъ? А таковы, дѣйствительно, эти люди въ сравненіи съ Богомъ, и даже не таковы, а еще хуже. Доколѣ же мы будемъ пресмыкаться въ грязи? Доколѣ будемъ поставлять для себя судьями безпечныхъ лѣнивцевъ и чревоугодниковъ. Они могутъ хорошо оцѣнивать игроковъ въ кости, пьяницъ и живущихъ для чрева, а добродѣтели и порока они не могутъ вообразить себѣ и во снѣ. Еслибы кто сталъ смѣяться надъ тобою потому, что ты не знаешь, какъ провести каналы для стока воды; ты, безъ сомнѣнія, не оскорбился бы, а напротивъ, даже посмѣялся бы надъ укоряющимъ (тебя) въ такомъ незнаніи. Зачѣмъ же, желая подвизаться въ добродѣтели, поставляешь для себя судьями людей, которые совсѣмъ не знаютъ ея? Потому-то мы никогда и не успѣваемъ въ этомъ искусствѣ. Мы ввѣряемъ свое дѣло не людямъ опытнымъ, а невѣждамъ; а они судятъ не такъ, какъ требуетъ искусство, а по собственному невѣжеству. Посему, умоляю васъ, будемъ презирать мнѣніемъ толпы; особенно же, не станемъ желать ни похвалъ, ни имѣній, ни богатства, и не будемъ считать бѣдность за какое либо зло. Бѣдность научаетъ насъ и мудрости, и терпѣнію, и всякому любомудрію. Вѣдь и Лазарь жилъ въ бѣдности и, однакожъ, былъ увѣнчанъ; и Іаковъ желалъ имѣть только хлѣбъ; и Іосифъ находился въ крайней бѣдности и былъ не только рабомъ, но и узникомъ, и, однакожъ, поэтому мы еще болѣе удивляемся ему. Мы не

столько восхваляемъ его въ томъ случаѣ, когда онъ раздавалъ пшеницу, сколько въ томъ, когда находился въ темницѣ,—не столько тогда, когда имѣлъ на себѣ царскій вѣнецъ, сколько тогда, когда былъ въ оковахъ, — не тогда, когда возсѣдалъ на тронѣ, а когда подвергался кознямъ и былъ проданъ. Итакъ, представляя себѣ все это и помышляя о вѣнцахъ, сплетаемыхъ этими подвигами, будемъ удивляться не богатству и почестямъ, не удовольствіямъ и владычеству, а бѣдности, оковамъ, узамъ и терпѣнію ради добродѣтели. Конецъ первыхъ исполненъ смятенія и безпокойства, и обладаніе ими соединено съ настоящею только жизнію; а плодъ послѣднихъ — небо и небесныя блага, *ихже око не видѣ и ухо не слыша*, которыхъ и да сподобимся всѣ мы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 77.

Сія глаголахъ вамъ, да радость моя въ васъ будетъ, и радость ваша исполнится. Сія есть заповѣдь моя, да любите другъ друга, якоже возлюбихъ вы (15, 11. 12).

За всякое доброе дѣло тогда бываетъ награда, когда оно приходитъ къ надлежащему концу;

если же оно прервется, не достигнувъ конца, то уже бываетъ кораблекрушеніе. И какъ корабль, везущій богатый грузъ, если не успѣетъ войти въ пристань, а потонетъ въ срединѣ моря, не получаетъ никакой пользы отъ долгаго плаванія, а напротивъ, тѣмъ бываетъ несчастнѣе, чѣмъ больше понесъ трудовъ: такъ точно и души, которыя падаютъ прежде конца трудовъ и ослабѣваютъ среди подвиговъ. Потому и Павелъ сказалъ, что слава, честь и миръ будутъ удѣломъ тѣхъ, которые текутъ *по терпѣнію* добрыхъ дѣлъ (Рим. 2, 7). Это же и Христосъ внушаетъ теперь ученикамъ. Онъ выразилъ имъ свою любовь,—и они радовались о Немъ. Но такъ какъ наступавшее страданіе и печальныя рѣчи должны были прекратить ихъ радость; то Онъ, достаточно побесѣдовавши съ ними и утѣшивши ихъ, говоритъ: *сія глаголахъ вамъ, да радость моя въ васъ будетъ, и радость ваша исполнится*, — то есть, чтобы вы не отпали отъ Меня, чтобы не прекратили своего теченія. Вы радовались о Мнѣ и много радовались; но вотъ вы подверглись печали. Итакъ, чтобы радость ваша достигла конца, Я уничтожаю эту печаль, показывая вамъ, что о настоящихъ событіяхъ нужно не печалиться, а радоваться. Я видѣлъ, что вы соблазнились, но—не пренебрегъ (вами), не сказалъ: зачѣмъ вы теряете мужество?—но говорилъ то, что могло принесть вамъ утѣшеніе. Такъ хочу Я всегда соблюдать васъ въ тойже любви. Вы слышали о царствіи и—радовались. А Я сказалъ вамъ это,

чтобы исполнилась радость ваша. *Сія есть заповѣдь, да любите другъ друга, якоже азъ возлюбихъ вы.* Видишь ли, что любовь къ Богу тѣсно связана съ нашею (взаимною любовію) и соединена съ нею какбы нѣкоторою цѣпью? Потому-то (Христосъ) иногда говоритъ о двухъ заповѣдяхъ, а иногда объ одной,—такъ какъ невозможно, получивши одну, не имѣть и другой. Иногда Онъ говоритъ: въ семъ *законъ и пророцы висятъ* (Матѳ. 22, 40); а иногда: *елика хощете, да творятъ вамъ человѣцы, тако и вы творите имъ: се бо есть законъ и пророцы* (Матѳ. 7, 12). Также (сказано) *исполненіе закона любы (есть)* (Рим. 13, 10): Это же (Христосъ) говоритъ и здѣсь. Ибо, если пребываніе (въ Богѣ) зависитъ отъ любви, а любовь отъ исполненія заповѣдей, а заповѣдь состоитъ въ томъ, чтобы мы любили другъ друга; то, очевидно, пребываніе въ Богѣ зависитъ отъ нашей взаимной любви. И не просто говоритъ о любви, но указываетъ и образъ любви: *якоже азъ возлюбихъ вы.* Затѣмъ снова показываетъ, что Онъ отходитъ не по ненависти, а по любви; и потому-то, говоритъ, вы особенно и должны были прославлять Меня, такъ какъ за васъ Я полагаю душу мою. Впрочемъ Онъ нигдѣ не говоритъ такъ, но выше (высказываетъ это), изображая добраго пастыря, а здѣсь—наставляя учениковъ и показывая (имъ) какъ величіе любви, такъ и то, каковъ Онъ. А почему Онъ вездѣ превозноситъ любовь? Потому, что она есть признакъ учениковъ, она—утвержденіе добродѣтели. Потому-то и Павелъ такъ много

говоритъ о ней, какъ истинный ученикъ Христовъ, узнавшій ее по опыту. *Вы друзи мои есте. Не ктому васъ глаголю рабы, яко рабъ не вѣсть, что творитъ господь его: васъ же рѣкохъ други, яко вся, елика слышахъ отъ Отца моего, сказахъ вамъ* (ст. 14. 15). Какъ же онъ говоритъ: *много имамъ глаголати вамъ, но не можете носити нынѣ* (Іоан. 16, 12)? Словами: *вся* и: *елика слышахъ*— Онъ внушаетъ не другое что, но именно то, что Онъ не говоритъ ничего посторонняго, но (возвѣщаетъ) только слышанное отъ Отца. А такъ какъ преимущественнымъ знакомъ дружбы считается то, когда сообщаются тайны; то вы, говоритъ, удостоены и этого общенія. Когда же говоритъ: *вся*, то разумѣетъ все, что имъ нужно было слышать. Потомъ выставляетъ и другой не малый знакъ дружбы. Какой же именно? *Не вы*, говоритъ, *мене избрасте*, *но азъ избрахъ васъ* (ст. 16), то есть, Я искалъ вашей дружбы. И на этомъ не остановился; но еще говоритъ: *и положихъ васъ*, то есть, насадилъ, *да вы идете* (все еще продолжаетъ сравненіе съ виноградною лозою), то есть, чтобы вы распространялись, — *и плодъ принесете*, *и плодъ вашъ пребудетъ*. Если же плодъ пребудетъ, то тѣмъ болѣе вы. Я не только, говоритъ, возлюбилъ васъ, но и осыпалъ васъ величайшими благодѣяніями, распростирая вѣтви ваши по всей вселенной.

2. Видишь ли, сколько Онъ употребляетъ способовъ, чтобы выказать (свою) любовь? Онъ

открылъ (имъ) тайны, Онъ первый искалъ ихъ дружбы, Онъ даровалъ имъ великія блага, Онъ за нихъ подвергся страданіямъ. Здѣсь же, показываетъ, что Онъ и постоянно будетъ пребывать съ ними; ибо они будутъ приносить плодъ, а чтобы приносить плодъ, для этого необходимо имѣть Его помощь. *Да егоже аще просите отъ Отца во имя мое, дастъ вамъ* (ст. 16). Но вѣдь исполнять прошенія — дѣло того, кого просятъ; какъ же исполняетъ Сынъ, когда просятъ Отца? (Это сказано), дабы ты зналъ, что Сынъ не меньше Отца. *Сія глаголахъ вамъ, да любите другъ друга* (ст. 17), то есть, Я говорю не въ укоръ (вамъ), что Я душу мою полагаю, что Я предварилъ васъ дружбою, но — для того, чтобы привести васъ къ дружеству. Потомъ, такъ какъ терпѣть отъ большей части людей гоненіе и поношеніе — дѣло тяжелое и невыносимое, которое можетъ повергнуть въ уныніе и душу возвышенную; то Христосъ приступаетъ къ этому предмету уже послѣ того, какъ напередъ сказалъ весьма многое. Предварительно Онъ смягчилъ ихъ душу, а уже потомъ начинаетъ говорить объ этомъ и ясно показываетъ, что и это, равно какъ и все другое, какъ уже Онъ показалъ, совершается для ихъ пользы. Какъ прежде сказалъ, что не только не нужно скорбѣть, а напротивъ должно еще радоваться тому, что Онъ отходитъ къ Отцу,—такъ какъ Онъ дѣлаетъ это не потому, что покидаетъ ихъ, а потому, что очень любитъ, такъ и здѣсь показываетъ, что имъ должно радоваться, а не скорбѣть. И смотри, какъ Онъ распола-

гаетъ къ этому. Не сказалъ: знаю, что это прискорбно, но потерпите для Меня, такъ какъ вы и страдаете за Меня. Такая причина была еще недостаточна для ихъ утѣшенія; и потому, оставивъ ее, Онъ предлагаетъ другую. Какую же именно?—Ту, что это служитъ доказательствомъ самой высокой добродѣтели и что слѣдуетъ скорбѣть не о томъ, что васъ будутъ теперь ненавидѣть, а напротивъ тогда, когда бы васъ стали любить. На это Онъ намекаетъ словами: *аще отъ міра бысте были, міръ убо свое любилъ бы* (ст. 19). Значитъ, еслибы вы были любимы, то это было бы явнымъ знакомъ вашей порочности. Но такъ какъ, сказавъ это, Онъ не успѣлъ еще утѣшить ихъ; то опять продолжаетъ рѣчь: *нѣсть рабъ болій господа своего. Аще мене изгнаша, и васъ изженутъ* (ст. 20). Здѣсь показываетъ, что поэтому-то въ особенности они будутъ (Его) подражателями. Въ самомъ дѣлѣ, пока Христосъ былъ во плоти, брань велась противъ Него; а когда Онъ переселился (на небо), тогда настала брань противъ нихъ. И такъ какъ они, будучи малочисленны, тревожились тѣмъ, что должны будутъ сражаться противъ такого множества; то Онъ ободряетъ ихъ души, говоря, что потому-то особенно имъ и должно радоваться, что ихъ будутъ ненавидѣть. Чрезъ это, говоритъ, вы сдѣлаетесь соучастниками Мнѣ въ страданіяхъ. Итакъ вы не должны смущаться; вы не лучше Меня, потому что, какъ Я уже сказалъ: *нѣсть рабъ болій Господа своего.* Затѣмъ слѣдуетъ и третье утѣшеніе, именно то, что вмѣстѣ съ ни-

ми подвергается оскорбленію и Отецъ. *Сія вся,* говоритъ, *сотворятъ за имя мое, яко не вѣдятъ пославшаго мя* (ст. 21), то есть, оскорбляютъ и Его. Далѣе, лишая враговъ всякаго извиненія, а вмѣстѣ предлагая и новое утѣшеніе, говоритъ: *аще не быхъ пришелъ, и глаголалъ имъ, грѣха не быша имѣли* (ст. 22). Этимъ показываетъ, что всѣ дѣйствія враговъ и въ отношеніи къ Нему, и въ отношеніи къ нимъ, — несправедливы. Зачѣмъ же, (могли сказать ученики), Ты привелъ насъ къ такимъ бѣдствіямъ? Ужели не предвидѣлъ брани и ненависти? Поэтому Онъ опять говоритъ: *ненавидяй мене, и Отца моего ненавидитъ* (ст. 23), — предвозвѣщая и здѣсь врагамъ не малое наказаніе. Такъ какъ они въ свое оправданіе ссылались на то, что гонятъ Его ради Отца; то этими словами Онъ отнялъ у нихъ такое оправданіе. Они не имѣютъ никакого извиненія. Преподавъ ученіе на словахъ, Я подтвердилъ его дѣлами, согласно съ закономъ Моисеевымъ, который всѣмъ повелѣлъ повиноваться тому, кто будетъ подобнымъ образомъ говорить и дѣйствовать, кто будетъ и руководить къ благочестію, и совершать величайшія чудеса. И не просто сказалъ Онъ: чудеса, но — *ихже инъ никтоже сотвори* (ст. 24). Объ этомъ и сами они свидѣтельствовали, когда говорили: *николиже явися тако во Израили* (Матѳ. 9, 33), — и: *отъ вѣка нѣсть слышано, яко кто отверзе очи слѣпу рождену* (Іоан. 9, 32). Таково же и чудо надъ Лазаремъ; таковы же и всѣ другія чудеса, равно какъ и образъ чу-

додѣйствія, — все ново и необыкновенно. За что же, могли сказать (ученики), и Тебя и насъ преслѣдуютъ? *Яко отъ міра нѣсте. Аще отъ міра бысте были, міръ убо свое любилъ бы* (ст. 19). Напоминаетъ имъ слова, которыя нѣкогда сказалъ и братьямъ своимъ; но тогда Онъ говорилъ осторожнѣе, дабы не устрашить ихъ, а теперь, напротивъ, открылъ все. Изъ чего же видно, что насъ ненавидятъ за это? Изъ того, что было со Мною. Въ какомъ, скажи Мнѣ, словѣ или дѣлѣ (Іудеи) могли обвинить Меня? И, однакожъ они не приняли Меня. А чтобы это не было для насъ изумительно, Онъ указалъ и причину, именно—злобу ихъ; но и на этомъ не остановился, а приводитъ еще и Пророка, показывая, что онъ издревле предвозвѣстилъ и сказалъ: *возненавидѣша мя туне* (Пс. 68, 5). Такъ поступаетъ и Павелъ. Когда многіе удивлялись, отъ чего не увѣровали Іудеи,—онъ приводитъ Пророковъ, которые издревле предсказали объ этомъ и сказали причину невѣрія, именно, — ихъ злобу и гордость. Что же? Если они не соблюли твоего слова, а потому не соблюдутъ и нашего; если они Тебя преслѣдовали, а потому будутъ преслѣдовать и насъ; если они видѣли такія знаменія, какихъ никто другой не совершилъ, если слышали такія слова, какихъ никто не говорилъ, и—не получили никакой пользы; если они ненавидятъ твоего Отца, а вмѣстѣ съ Нимъ и Тебя: то для чего же, скажи, Ты насъ ввергъ въ среду ихъ? Какъ возможно, чтобы мы были достойны вѣры?

И кто изъ единоплеменниковъ нашихъ послушаетъ насъ?

3. Чтобы, помышляя объ этомъ, они не смущались, смотри, какое Онъ предлагаетъ утѣшеніе. *Егда пріидетъ Утѣшитель, егоже азъ послю, Духъ истины, иже отъ Отца исходитъ, той свидѣтельствуетъ о мнѣ. И вы же свидѣтельствуете, яко искони со мною есте* (ст. 26, 27). Онъ будетъ достоинъ вѣры; ибо Онъ—Духъ истины. Потому-то и называлъ Его не Духомъ Святымъ, а Духомъ истины. А слова: *иже отъ Отца исходитъ*—показываютъ, что Онъ знаетъ все въ точности. Такъ Христосъ и о самомъ Себѣ говоритъ: *вѣмъ, отк̀уду пріидохъ и камо иду*, разсуждая и здѣсь объ истинѣ. *Егоже азъ послю.* Вотъ видишь, не одинъ только Отецъ посылаетъ, но и Сынъ. И вы также будете достойны вѣры, такъ какъ вы были со Мною, а не отъ другихъ слышали. И Апостолы, дѣйствительно, утверждались на этомъ, говоря: *иже съ нимъ ядохомъ и пихомъ* (Дѣян. 10, 41). А что это сказано не изъ лести, о томъ свидѣтельствуетъ Духъ. *Сія глаголахъ вамъ, да не соблазнитеся* (Іоан. 16, 1), — то есть, когда увидите, что многіе не вѣруютъ, и когда сами вы подвергнетесь бѣдствіямъ. *Отъ сонмищъ ижденутъ вы;* ибо уже постановили, *да аще кто исповѣсть Христа, отлученъ отъ сонмища будетъ* (Іоан. 9, 22). *Но пріидетъ часъ, да всякъ, иже убіетъ вы, возмнится службу приносити Богу* (16, 2). Будутъ домогаться вашей смерти, какбы дѣла

благочестиваго и богоугоднаго. Затѣмъ опять предлагаетъ утѣшеніе. *И сія сотворятъ, яко не познаша Отца, ни мене* (ст. 3). Достаточно для вашего утѣшенія, что вы будете терпѣть это за Меня и за Отца. Здѣсь опять напоминаетъ имъ о блаженствѣ, о которомъ говорилъ въ началѣ: *блажени есте, егда поносятъ вамъ, и иждемутъ и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы: лжуще мене ради. Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ* (Мат. 5, 11) *Сія глаголахъ вамъ, да егда пріидетъ часъ, воспомянете сія*, а поэтому признаете вѣрнымъ и все прочее. Вамъ, конечно, уже нельзя будетъ сказать, что Я, льстя вамъ, говорилъ только пріятное для васъ, и что слова мои были обманъ. Кто имѣлъ бы въ виду обмануть, тотъ не сталъ бы и предсказывать вамъ непріятнаго. Для того Я предсказалъ объ этихъ бѣдствіяхъ, дабы они нечаяннымъ нашествіемъ не смутили васъ, а съ другой стороны, и для того, дабы не говорили, будто Я не предвидѣлъ, что они наступятъ. Итакъ вспоминайте, *яко азъ рѣхъ вамъ* (ст. 4). И дѣйствительно, Іудеи, преслѣдуя ихъ, всегда прикрывались коварнымъ предлогомъ, будто гонятъ ихъ, какъ людей вредныхъ. Но это не смущало учениковъ. Они уже напередъ слышали и знали, за что они страдаютъ, и эта причина могла вполнѣ ободрить ихъ. Потому-то Христосъ вездѣ и выставляетъ ее, говоря: *не познаша мене,* и: *(сіе) сотворятъ* за Меня, *за имя мое* и за Отца (Іоан. 15, 21; 16. 3) и:

«Я первый пострадалъ», и: «(Іудеи) отваживаются на это несправедливо».

4. Будемъ же и мы помышлять объ этомъ во время искушеній. Когда терпимъ что либо отъ злыхъ людей, то, взирая на Начальника нашего и Совершителя вѣры, будемъ представлять себѣ, что терпимъ отъ злыхъ людей, терпимъ за добродѣтель и за Него. Если станемъ помышлять объ этомъ, то все будетъ легко и сносно. Въ самомъ дѣлѣ, если каждый даже хвалится тѣмъ, когда страдаетъ за (своихъ) возлюбленныхъ; то будетъ ли чувствовать какую либо скорбь тотъ, кто претерпитъ что нибудь за Бога? Если Христосъ ради насъ назвалъ славою то, что всего поноснѣе,—крестъ: то тѣмъ болѣе такъ должно думать намъ. Если же мы можемъ столько презирать страданія, то тѣмъ болѣе—богатство и любостяжаніе. Итакъ, когда намъ предстоитъ потерпѣть что нибудь непріятное, мы должны помышлять не только о трудахъ, но и о вѣнцахъ. Какъ купцы думаютъ не только о моряхъ, но и о прибыли; такъ и намъ должно помышлять о небѣ и о дерзновеніи къ Богу. Если пріятною представится тебѣ любостяжательность,—подумай, что на это не соизволяетъ Христосъ, и она тотчасъ же покажется тебѣ противною. Опять, если тебѣ тяжело будетъ подать нищему, то ты не останавливайся мыслію на издержкѣ, а тотчасъ же представь себѣ жатву отъ этого сѣянія. И когда тебѣ трудно будетъ воздержаться отъ страстнаго вожделѣнія чужой жены, то подумай о вѣнцѣ за подвигъ и—легко совершишь подвигъ. Если и

людской страхъ удерживаетъ отъ постыдныхъ дѣлъ, то тѣмъ болѣе—любовь ко Христу. Сурова добродѣтель, но будемъ представлять ее облеченною въ величіе будущихъ обѣтованій. Люди съ душею возвышенною находятъ ее и безъ этого, саму по себѣ, прекрасною, и потому стремятся къ ней, живутъ добродѣтельно не изъ за наградъ, а для угожденія Богу, и высоко цѣнятъ цѣломудріе не для того, чтобы избѣжать наказанія, а потому, что такъ повелѣлъ Богъ. Если же кто болѣе немощенъ, тотъ пусть представляетъ себѣ и награды. Такъ будемъ поступать и по отношенію къ милостынѣ: будемъ милосерды къ единоплеменникамъ и не станемъ презирать гибнущихъ отъ голода. Ибо не крайняя ли несообразность въ томъ, что мы сами сидимъ за трапезою въ смѣхѣ и пресыщеніи, а между тѣмъ, слыша, какъ другіе плачуть, проходя по улицѣ, не только не обращаемъ на ихъ плачь вниманія, но еще негодуемъ на нихъ и называемъ ихъ обманщиками? Что ты говоришь, человѣкъ? Ужели изъ за одного хлѣба станетъ кто нибудь обманывать? Да, скажешь ты. Въ такомъ случаѣ, тѣмъ скорѣе нужно сжалиться надъ нимъ, тѣмъ скорѣе нужно избавить его отъ нужды. Если же ты не хочешь подать, — по крайней мѣрѣ, не оскорбляй; если не хочешь спасти отъ потопленія,—по крайней. мѣрѣ, не ввергай въ пропасть. Подумай, какъ ты будешь умолять Бога о помощи, когда отвергаешь пришедшаго къ тебѣ нищаго. *Въ нюже*, сказано, *мѣру мѣрите*, *возмѣрится вамъ* (Матѳ. 7, 2). Подумай съ какимъ сокруше-

ніемъ онъ отходитъ: голова его склонилась долу, онъ плачетъ, при нищетѣ онъ получилъ еще новую рану отъ презрительнаго съ нимъ обращенія. Если и просить милостыню вы считаете крайнимъ несчастіемъ, то подумай, какую (душевную) бурю испытываетъ тотъ, кто проситъ, но не получаетъ и еще отходитъ поруганнымъ. Доколѣ мы будемъ уподобляться дикимъ звѣрямъ и забывать самую природу изъ любостяжанія? Многіе вздыхаютъ при этомъ, но я хочу, чтобы вы не теперь только, а всегда имѣли это страданіе. Помысли о томъ днѣ, когда мы предстанемъ на судъ Христовъ, когда будемъ просить о помилованіи себя и Христосъ, поставивъ нищихъ предъ лице всѣхъ, скажетъ намъ изъ за одного хлѣба и одного овола вы возбудили такую бурю въ этихъ душахъ. Что мы скажемъ тогда? Какое принесемъ оправданіе? А что Онъ поставитъ ихъ предъ лице всѣхъ, это ты можешь узнать изъ Его словъ: *понеже не сотвористе единому сихъ, ни мнѣ сотвористе* (Мато. 25, 45). Не они уже будутъ обращаться къ намъ съ рѣчью, а Богъ будетъ обличать насъ за нихъ. Когда и (евангельскій) богачъ увидѣлъ Лазаря,—Лазарь ничего не сказалъ ему, но говорилъ за него Авраамъ. Такъ будетъ и съ нищими, которыхъ мы теперь презираемъ. Мы увидимъ ихъ не въ жалкомъ видѣ, не съ простертыми (для милостыни) руками, но въ состояніи покоя; а между тѣмъ сами явимся въ ихъ видѣ, И о, еслибы мы явились только въ ихъ видѣ, а не подверглись гораздо тягчайшему наказанію! Вѣдь богачъ не отъ крупицъ только

желалъ тамъ насытиться, а томился въ пламени, жестоко мучился и слышалъ: *яко воспріялъ еси благая въ животѣ твоемъ, и Лазарь такожде злая* (Лук. 16, 25). Итакъ не будемъ считать богатство чѣмъ нибудь великимъ. Оно приведетъ насъ къ мученію, если мы не будемъ внимательны; а если будемъ внимательны, то и бѣдность доставитъ намъ и наслажденіе, и покой. Если будемъ переносить ее съ благодарностію, то и отъ грѣховъ освободимся, и пріобрѣтемъ великое дерзновеніе предъ Богомъ.

5. Итакъ не будемъ всегда искать покоя, чтобы тамъ насладиться покоемъ. Предпримемъ труды для добродѣтели, отсѣчемъ излишнее, не станемъ искать ничего большаго, но все, что имѣемъ, будемъ расточать на нуждающихся. Иначе, какое мы будемъ имѣть оправданіе, когда Богъ обѣщаетъ намъ небо, а мы не подаемъ Ему и хлѣба? Онъ возжигаетъ для тебя солнце и предоставляетъ всю тварь въ твое служеніе; а ты не даешь Ему и одежды и не хочешь раздѣлить съ Нимъ твоего крова? И что я говорю о солнцѣ и о твари? Онъ предложилъ тебѣ (свое) тѣло и даровалъ честную кровь; а ты не даешь Ему и чаши воды? Но ты подалъ однажды? Да это — не милость; если ты не подаешь, пока имѣешь, ты не все еще исполнилъ. Вѣдь и дѣвы, у которыхъ были свѣтильники, имѣли елей, но не въ достаточномъ количествѣ. И въ томъ случаѣ, еслибы ты подавалъ отъ своего, тебѣ не слѣдовало бы скупиться; но ты подаешь принадлежащее Господу, — зачѣмъ же скряжничаешь? Хотите ли, я

скажу причину такого безчеловѣчія? Эти люди любостяжаніемъ наживаютъ имѣніе и отъ того скупы на милостыню. Кто привыкъ такъ пріобрѣтать, тотъ не умѣетъ издерживать. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, тому, кто привыкъ къ хищничеству, расположить себя къ противному? Какъ будетъ давать другому свое, кто беретъ чужое? И песъ коль скоро привыкъ питаться мясомъ, уже не можетъ охранять стада; почему пастухи и убиваютъ такого рода псовъ. Чтобы и съ нами не случилось того же, будемъ воздерживаться отъ такой пищи; ибо и тѣ питаются плотію, которые бываютъ причиною голодной смерти. Не видишь ли, какъ Богъ сдѣлалъ все для насъ общимъ? Если же допустилъ инымъ быть въ бѣдности, то и это для облегченія богатыхъ, дабы они, подавая бѣднымъ милостыню, могли освободиться отъ грѣховъ. А ты и въ этомъ отношеніи сталъ жестокъ и безчеловѣченъ. Отсюда видно, что, если бы и въ большемъ ты имѣлъ такую же власть, то совершилъ бы множество убійствъ и отказалъ бы всѣмъ и въ свѣтѣ, и въ жизни. Чтобы этого не случилось, (Богъ) въ богатствѣ положилъ предѣлъ твоей ненасытности. Если вамъ больно слышать это, то тѣмъ больнѣе мнѣ видѣть это на дѣлѣ. Доколѣ ты богатъ, а тотъ бѣденъ? До вечера, — не далѣе. Жизнь такъ коротка и все уже при дверяхъ, такъ что на все нужно смотрѣть, какъ на короткій часъ. Къ чему тебѣ наполненныя кладовыя, множества слугъ и управителей? Для чего бы не имѣть тебѣ тысячи проповѣдниковъ милосердія? Кладовая не

издасть никакого голоса, а еще привлекаетъ къ себѣ множество разбойниковъ; а что сберегается для бѣдныхъ, то взойдетъ къ самому Богу и усладитъ настоящую жизнь, и разрѣшитъ всѣ грѣхи, и доставитъ славу у Бога и честь у людей. Зачѣмъ же ты не желаешь самому себѣ стольких благъ? Вѣдь не столько бѣднымъ ты сдѣлаешь добра, сколько самому себѣ, когда будешь имъ благотворить. Для нихъ ты улучшишь настоящее состояніе, а самому себѣ приготовишь будущую славу и дерзновеніе, котораго и да сподобимся всѣ мы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, которому слава и держава во вѣки. Аминь.

БЕСѢДА 78.

Сихъ же вамъ исперва не рѣхъ, яко съ вами бѣхъ. Нынѣ же иду къ пославшему мя, никтоже отъ васъ вопрошаетъ мене: камо идеши; Но яко сія глаголахъ вамъ, скорби исполнихъ сердца ваша (Іоа. 16, 4—6).

Велика сила печали, и намъ нужно много мужества, чтобы съ твердостію противостоять этой душевной болѣзни и, извлекая изъ ней пользу,—такъ какъ въ ней есть нѣчто полезное,—избѣгать всего излишняго. Именно, только тогда

хорошо печалиться, когда мы, или другіе, грѣшимъ; а когда мы впадаемъ въ обыкновенныя человѣческія несчастія, тогда печаль безполезна. Потому-то, когда печаль поразила и учениковъ, какъ людей еще несовершенныхъ,—смотри, какъ (Христосъ) исправляетъ ихъ упрекомъ. Прежде они обращались къ Нему съ множествомъ вопросовъ; такъ и Петръ говорилъ: *камо идеши* (Іоан. 13, 36)? и Ѳома: *не вѣмы, камо идеши: и како можемъ путь вѣдѣти?*—и Филиппъ, *покажи намъ Отца твоего* (Іоан. 14, 5—8). А теперь услышавъ, что *отъ сонмищъ ижденутъ вы*, что *возненавидятъ* васъ и что *всякъ, иже убіетъ вы, возмнится службу приносити Богу*, такъ упали духомъ, что даже объяты были нѣмотою и уже ничего Ему не говорятъ. Вотъ въ этомъ Онъ и укоряетъ ихъ, говоря: *сихъ же вамъ испервa не рѣхъ, яко съ вами бѣхъ. Нынѣ же иду къ пославшему мя, и никтоже отъ васъ вопрошаетъ мене: камо идеши; но яко сія глаголахъ вамъ скорби исполнихъ сердца ваша*. Опасна, подлинно, неумѣренная печаль; опасна и можетъ довести до смерти; потому и Павелъ говорилъ: *да не како многою скорбію пожертъ будетъ таковый* (2 Кор. 2, 7). *Сихъ же вамъ испервa не рѣхъ*, говоритъ (Господь). Почему же не сказалъ сначала? Дабы не сказалъ кто, что Онъ говоритъ по заключенію изъ многократныхъ прежнихъ случаевъ, и (не подумалъ), зачѣмъ приступаетъ Онъ къ столь трудному дѣлу, — Я зналъ, говоритъ Онъ, это и сначала, и не говорилъ вамъ

не по незнанію, но потому, что *съ вами бѣхъ*. Опять и это (сказано) человѣкообразно. (Христосъ) какбы такъ говоритъ: вы были въ безопасности и вамъ можно было спрашивать (Меня) всегда, когда вы хотѣли; вся война воздвигнута была противъ Меня, и потому излишне было говорить объ этомъ сначала. Но ужели, дѣйствительно, Онъ этого не говорилъ? Не сказалъ ли Онъ, призвавъ двѣнадцать (учениковъ) *предъ владыки и цари ведени будете, и на соборищахъ біютъ васъ* (Матѳ. 10, 18)? Какъ же теперь говоритъ: *исперва не рѣхъ*? Тогда Онъ предсказывалъ только удары и веденіе на судъ, а не то, что ихъ смерть будетъ казаться столь вожделѣнною, что убіеніе ихъ станутъ даже считать за служеніе Богу. А между тѣмъ, это особенно и могло устрашить ихъ, что ихъ будутъ судить, какъ нечестивцевъ и людей вредныхъ. Къ этому нужно прибавить и то, что тамъ Онъ говорилъ о страданіяхъ, которыя они должны были претерпѣть отъ язычниковъ; а здѣсь съ особенною силою сказалъ еще и о гоненіяхъ іудейскихъ, и показалъ, что они уже при дверяхъ. *Нынѣ же иду къ пославшему мя, и никтоже отъ васъ вопрошаетъ мене: камо идеши; Но яко сія глаголахъ вамъ, скорби исполнихъ сердца ваша*. Не малое они получили и отсюда утѣшеніе, узнавъ, что Ему извѣстна чрезмѣрность ихъ скорби. Ибо они были въ крайнемъ смущеніи отъ страха разлуки съ Нимъ и отъ ожиданія имѣющихъ постигнуть ихъ бѣдствій, такъ какъ не знали, будутъ ли въ силахъ мужественно пере-

несть ихъ. Но почему Онъ не сказалъ имъ объ этомъ послѣ, когда они уже удостоились Духа?— Дабы ты зналъ, что они были весьма добродѣтельны. Если, не удостоившись еще Духа, они не отпали, несмотря на то, что погружены были въ скорбь: то подумай, какими имѣли быть они, сподобившись благодати. Еслибы они тогда услышали и перенесли, мы все приписали бы Духу; а теперь это всецѣло—плодъ ихъ души и ясное доказательство любви ко Христу, проистекавшей изъ одного ихъ сердца. *Но азъ истину вамъ глаголю* (ст. 7). Смотри, какъ Онъ опять утѣшаетъ ихъ. Не то, говоритъ, Я возвѣщаю вамъ, что пріятно для васъ; но, хотя вы и крайне печалитесь, однако надобно выслушать полезное. Вамъ хотѣлось бы, чтобы Я остался, но полезно—иное. А кто (истинно) заботится, тому свойственно не щадить друзей (своихъ), когда дѣло идетъ о ихъ пользѣ, и не отвлекать ихъ отъ того, что для нихъ выгодно. *Аще бо не иду азъ, Утѣшитель не пріидетъ.* Что скажутъ здѣсь не имѣющіе надлежащаго понятія о Духѣ? Ужели лучше, чтобы отшелъ Господь и пришелъ рабъ? Видишь ли, какъ велико достоинство Духа? *Аще ли же иду, послю его къ вамъ.* Какая же отсюда польза? *И пришедъ, онъ обличитъ міръ* (ст. 8), то есть, если Онъ придетъ, враги, поступая такъ, не останутся безъ наказанія. Конечно, и того, что уже сдѣлано, достаточно, чтобы заградить имъ уста; но когда и чрезъ Него явлены будутъ тѣже дѣла, когда и ученіе будетъ предложено совершеннѣйшее, и чудеса совершены еще

большія, тогда они гораздо болѣе подвергнутся осужденію, такъ какъ будутъ видѣть, что все это совершается во имя мое, чѣмъ еще очевиднѣе доказывается (мое) воскресеніе. Теперь они могутъ еще говорить: Онъ сынъ тектона, мы знаемъ Его отца и матерь; но когда увидятъ, что смерть разрушается, зло истребляется, исправляются недостатки природы, прогоняются демоны,—когда увидятъ неизреченное подаяніе Духа и (узнаютъ), что все это дѣлается чрезъ призываніе Меня,—что они скажутъ тогда? Свидѣтельствовалъ о Мнѣ и Отецъ: свидѣтельствовать будетъ и Духъ. Онъ уже свидѣтельствовалъ и въ началѣ; но будетъ свидѣтельствовать и теперь.

2. Выраженіе: *обличитъ о грѣсѣ*, значитъ —отниметъ у нихъ всякое оправданіе и покажетъ, что ихъ преступленіе непростительно. *И о правдѣ, яко ко Отцу моему иду, и ктому не видите мене* (ст. 10)—то есть, что Я велъ жизнь неукоризненную; и доказательство этому въ томъ, что Я иду ко Отцу. Такъ какъ они всегда въ обвиненіе Его говорили, что Онъ не отъ Бога, и потому называли Его грѣшникомъ и беззаконникомъ: то Онъ говоритъ, что (Духъ) отниметъ у нихъ и этотъ предлогъ къ обвиненію. Въ самомъ дѣлѣ, если потому являюсь Я беззаконникомъ, что они думаютъ, будто Я не отъ Бога; то, когда Духъ покажетъ, что Я отшелъ къ Богу, и —не на время, но съ тѣмъ, чтобы (всегда) пребывать тамъ (ибо это и значатъ слова: *ктому не видите мене*), — что скажутъ они тогда? Смотри, какъ этими двумя (изреченіями) опровергает-

ся ихъ злое предположеніе. Ибо и творить чудеса несвойственно грѣшнику, потому что грѣшникъ не можетъ творить чудесъ; и всегда быть у Бога также несвойственно грѣшнику. Слѣдовательно, вы уже не можете говорить, что Онъ грѣшникъ, что Онъ не отъ Бога. *О судѣ же, яко князь міра осужденъ есть* (ст. 11). Здѣсь опять возобновляетъ рѣчь о правдѣ, такъ какъ Онъ побѣдилъ противника. Еслибы Онъ былъ грѣшникомъ, то не побѣдилъ бы; потому что этого не могъ сдѣлать никто даже изъ людей праведныхъ. А что (діаволъ) осужденъ чрезъ Меня, это узнаютъ тѣ, которые впослѣдствіи будутъ попирать его и ясно увидятъ мое воскресеніе, которое служитъ знакомъ его осужденія, такъ какъ онъ не могъ удержать Меня. Значитъ, и то, что (Іудеи) говорили, будто Я бѣса имѣю и будто Я обманщикъ, и это окажется тогда ложнымъ. Я не побѣдилъ бы его, еслибы Я былъ повиненъ грѣху. Теперь же онъ осужденъ и низверженъ. *Еще много имамъ глаголати вамъ, но не можете носити нынѣ* (ст. 12). Значитъ, лучше Мнѣ отойти, если вы въ состояніи будете разумѣть тогда, когда Я отойду. Что же? Развѣ Духъ больше Тебя, что теперь мы не можемъ разумѣть, а Онъ дастъ намъ возможность разумѣть? Ужели Его дѣйствіе сильнѣе и совершеннѣе (твоего)? Нѣтъ; ибо и Онъ будетъ говорить мое. Поэтому и прибавляетъ: *не отъ себе глаголати имать, но елика аще услышитъ, глаголати имать, и грядущая возвѣститъ. Онъ мя прославитъ, яко отъ моего пріиметъ, и возвѣститъ вамъ.*

Вся, елика имать Отецъ, моя суть (ст. 13, 14. 15). Такъ какъ Онъ сказалъ, что Духъ васъ научитъ и воспомянетъ (вамъ вся), и утѣшитъ васъ въ скорбяхъ,—чего самъ Онъ не сдѣлалъ,—и что лучше Мнѣ отойти, а Ему придти, что теперь вы не можете разумѣть, а тогда будете имѣть эту возможность, и что Онъ наставитъ на всякую истину: то, дабы, слыша это, они не подумали, что Духъ больше (Его), и не впали въ крайнюю глубину нечестія, Онъ говоритъ: *отъ моего пріиметъ*,—то есть, что говорилъ Я, то и Онъ будетъ говорить. А словами: ничего не будетъ отъ Себя,—даетъ разумѣть, что Духъ не будетъ говорить ничего противнаго, ничего отличнаго, сравнительно съ Его (ученіемъ). Слѣдовательно, какъ, говоря о самомъ Себѣ: *отъ себе не глаголю* (Іоан. 14, 10), разумѣетъ то, что Онъ не говоритъ ничего, не принадлежащаго Отцу, ничего такого, что было бы отлично отъ (ученія) Отца и чуждо (Ему); такъ точно говоритъ и о Духѣ. А выраженіе: *отъ моего*, значитъ: изъ того, что Я знаю, отъ моего знанія. Ибо одно знаніе у Меня и у Духа. *И грядущая возвѣститъ вамъ*. Этимъ Онъ ободрилъ ихъ души, такъ какъ ни къ чему столько не склоненъ человѣческій родъ, какъ къ знанію будущаго. Объ этомъ они постоянно спрашивали Его: *камо идеши*? Какой это путь? Итакъ, чтобы избавить ихъ и отъ этой заботы, Онъ говоритъ, что (Духъ) предвозвѣститъ вамъ все, дабы ничто не постигло васъ нечаянно. *Онъ мя прославитъ*. Чѣмъ? Тѣмъ, что во имя мое совершитъ знаменія. И такъ какъ ученики, по при-

шествіи Духа, имѣли совершить большія чудеса, —то, чтобы опять выставить (свое) равночестіе (съ Духомъ), Христосъ говоритъ: *онъ мя прославитъ*. Но о какой говоритъ Онъ всякой истинѣ, когда свидѣтельствуетъ, что наставитъ насъ *на всякую истину*? Самъ (Христосъ) и потому, что былъ облеченъ плотію, и для того, чтобы не подумали, что Онъ говоритъ самъ о Себѣ, и потому, что Апостолы еще не ясно знали о Его воскресеніи и были еще несовершенны, а также и по причинѣ Іудеевъ, чтобы не дать имъ повода думать, будто они наказываютъ Его, какъ законопреступника,—часто не говорилъ о Себѣ ничего великаго и явно не отступалъ отъ закона. Когда же впослѣдствіи ученики отдѣлились отъ Іудеевъ, и Іудеи были уже отвергнуты, когда многіе имѣли увѣровать и получить отпущеніе грѣховъ, когда уже другіе говорили о Немъ, а не самъ Онъ о Себѣ; тогда справедливо было сказано (все) великое. Не моему, значитъ, невѣдѣнію, говоритъ (Христосъ), надобно приписать то, что Я не сказалъ всего, что слѣдовало сказать, но—немощи слушателей. Поэтому, сказавъ: *наставитъ (вы) на всяку истину*, прибавилъ: *не отъ себе глаголати иматъ*. А что Духъ не нуждается въ наученіи, — послушай, что говоритъ Павелъ: *такожде и Божія никтоже вѣсть*, *точію Духъ Божій* (1 Кор. 2, 11). Слѣдовательно, какъ духъ человѣка знаетъ (то что въ человѣкѣ,) не по наученію отъ другаго, такъ и Духъ Святый. *Отъ моего пріиметъ*, то есть, будетъ говорить согласно съ моими (словами). *Вся*, *елика иматъ*

Отецъ, моя суть (ст. 15). Если же Отчее—мое, а Духъ будетъ говорить отъ принадлежащаго Отцу; то, значитъ, Онъ будетъ говорить отъ моего.

3. Почему же (Духъ Святый) не пришелъ прежде отшествія Христова? Тогда проклятіе не было еще уничтожено, грѣхъ не былъ еще истребленъ, но всѣ еще были повинны наказанію; поэтому Онъ и не пришелъ. Надобно, говоритъ Христосъ, чтобы напередъ вражда была уничтожена и вы примирились съ Богомъ, и тогда уже получили тотъ даръ. Но почему говоритъ: *послю его*? Это значитъ: предуготовлю васъ къ принятію Его. Ибо возможно ли посылать Того, Кто вездѣсущъ? Съ другой стороны, Онъ этимъ показываетъ и различіе Ѵпостасей. Все же это говоритъ такъ по двумъ причинамъ: такъ какъ ученикамъ тяжело было разлучиться съ Нимъ, то этимъ Онъ и убѣждаетъ ихъ держаться Духа и (научаетъ) чтить Его. Онъ могъ, конечно, и самъ дѣлать тоже (что будетъ дѣлать и Духъ); но предоставляетъ Ему творить чудеса, дабы они познали Его достоинство. Какъ Отецъ могъ создать все существующее, и однакожъ творитъ Сынъ, чтобы мы познали Его могущество; такъ точно и здѣсь. Для того Сынъ и воплотился, чтобы предоставить дѣйствіе (ἐνέργεια) Духу и чрезъ то заградить уста тѣмъ, которые доказательство неизреченнаго человѣколюбія обращаютъ въ поводъ къ нечестію. Въ самомъ дѣлѣ, они говорятъ, будто Сынъ потому воплотился, что Онъ ниже Отца; но мы отвѣтимъ имъ: что же вы скажете

о Духѣ? Вѣдь Онъ не принялъ плоти, и однако же вы не говорите на этомъ основаніи, что Онъ больше Сына или что Сынъ ниже Его. Потому-то и при крещеніи воспоминается Троица. Хотя и Отецъ все можетъ сдѣлать, и Сынъ, и Святый Духъ; но такъ какъ объ Отцѣ никто не сомнѣвается, сомнѣніе же было о Сынѣ и Духѣ Святомъ: то и принята (Троица) въ тайнодѣйствіи, чтобы, по общенію (Ихъ) въ подаяніи тѣхъ неизреченныхъ благъ, мы познали и общеніе въ достоинствѣ. А что Сынъ и самъ по Себѣ можетъ (совершить) то, что совершаетъ съ Отцемъ въ крещеніи, равно какъ и Духъ Святый, — послушай, какъ ясно объ этомъ сказано. Такъ, (Христосъ) говорилъ Іудеямъ: *да увѣсте, яко власть имать Сынъ человѣческій на земли отпущати грѣхи* (Марк. 2, 10); и опять: *да сынове свѣта будете* (Іоан. 12, 36); и: *азъ животъ вѣчный дамъ имъ* (Іоан. 10, 28); и потомъ еще: *да животъ*, говоритъ, *имутъ и лишше имутъ* (Іоан. 10, 10). Посмотримъ теперь, какъ тоже самое совершаетъ и Духъ. Гдѣ это можно видѣть? *Коемуждо же,* говоритъ (Апостолъ), *дается явленіе Духа на пользу* (1 Кор. 12, 17). А кто даруетъ это, тотъ тѣмъ болѣе отпускаетъ и грѣхи. И опять (сказано): *Духъ есть, иже оживляетъ* (Іоан. 6, 63); и: *оживотворитъ живущимъ Духомъ его въ васъ* (Римл. 8, 11); и: *Духъ живетъ правды ради* (Римл. 8, 10); и еще: если же Духомъ водитесь, *нѣсте подъ закономъ. Не пріясте бо духа работы въ боязнь: но пріясте Ду-*

ха сыноположенія (Римл. 8, 15). Да и всѣ чудеса, какія тогда творили (Апостолы), творили по дѣйствію пришествія Духа. И въ посланіи къ Коринѳянамъ Павелъ говорилъ: *но омыстеся, но освятистеся именемъ Господа нашего Іисуса Христа и Духомъ Бога нашего* (1 Кор. 6, 11). Итакъ, поелику (ученики) объ Отцѣ многое слышали, а Сына видѣли многое совершающимъ, о Духѣ же ничего ясно не знали; то (Духъ Святый) творитъ чудеса и вводитъ совершенное знаніе. Но, чтобы, на этомъ основаніи они не стали считать Его, какъ я и прежде сказалъ, бо̀льшимъ, — (Христосъ) говоритъ: *елика аще услышитъ, глаголати имать, и грядущая возвѣститъ*. Если же это не такъ, то не должны ли вы будете допустить нелѣпости, будто (Духъ Святый) только тогда долженъ былъ услышать, и (услышать) ради учениковъ? Вѣдь, по вашему мнѣнію, Онъ и тогда долженъ былъ получить знаніе только ради слушателей. А что можетъ быть беззаконнѣе такихъ словъ! Съ другой стороны, что̀ бы Онъ могъ и услышать? Не все ли это Онъ сказалъ уже чрезъ Пророковъ? Если Онъ долженъ былъ учить о упраздненіи закона,— это уже было сказано. Если о Христѣ, о Его божествѣ и домостроительствѣ спасенія, — и это уже сказано. О чемъ же еще, и съ большею ясностію, Онъ долженъ былъ сказать впослѣдствіи? *И грядущая возвѣститъ*. Этимъ въ особенности (Христосъ) показываетъ Его достоинство, такъ какъ предсказывать будущее преимущественно свойственно Богу. А еслибы и это (Духъ

Святый) узнавалъ отъ другихъ, то не имѣлъ бы ничего болѣе въ сравненіи съ Пророками. Но здѣсь (Христосъ) обнаруживаетъ (въ Немъ) совершенное знаніе, какое свойственно Богу, такъ какъ невозможно, чтобы Онъ говорилъ что нибудь иное. Выраженіе же: *отъ моего пріиметъ*—значитъ: (пріиметъ) или отъ дарованія, которое привзошло въ плоть мою, или отъ знанія, которое и Я имѣю, — но не потому, чтобы Онъ нуждался (въ чемъ либо) или научался отъ другаго, а потому, что знаніе одно и тоже. Почему же (Христосъ) сказалъ такъ, а не иначе? Потому, что (Апостолы) еще не знали ученія о Духѣ. Поэтому Онъ заботится только объ одномъ, чтобы они увѣровали въ Него и приняли Его, и не соблазнились. Такъ какъ Онъ сказалъ: *единъ есть вашъ учитель, Христосъ* (Матѳ. 23, 8); то, дабы они не подумали, что окажутъ Ему преслушаніе, вѣруя Святому Духу, — (Онъ говоритъ): мое и Его ученіе одно и тоже. Откуда Я долженъ былъ заимствовать мое ученіе, изъ того же источника и Онъ будетъ говорить. Не думайте же, что Его ученіе — иное. И оно — мое, и увеличиваетъ мою славу. Ибо одна воля Отца и Сына, и Святаго Духа. Это же Онъ желаетъ видѣть и въ насъ, говоря: *да будутъ едино, якоже* и Ты, и Я *едино есмы* (Іоан. 17, 22).

4. Подлинно, ничто не можетъ сравниться съ единомысліемъ и согласіемъ; при этомъ и одинъ бываетъ равенъ многимъ. Если, напримѣръ, будутъ единодушны два или десять, то одинъ уже не одинъ, но каждый изъ нихъ бываетъ въ

десять разъ больше, и ты въ десяти найдешь одного, и въ одномъ—десять. Если у нихъ есть врагъ,—онъ уже нападаетъ не на одного, и бываетъ побѣжденъ такъ, какъ еслибы нападалъ на десятерыхъ; потому что подвергается пораженію не одного только, но десятерыхъ. Если одинъ обѣднѣлъ, — онъ не въ бѣдности, потому что имѣетъ достатокъ въ большей части, то есть въ девяти, и обѣднѣвшая часть, меньшая, прикрывается большею, имѣющею достатокъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ двадцать рукъ и двадцать глазъ, и столько же ногъ. Не своими только глазами онъ смотритъ, но и глазами другихъ; не своими только ногами ходитъ, но и ногами другихъ; не своими только руками работаетъ, но и руками другихъ. Онъ имѣетъ и десять душъ, ибо не только самъ о себѣ, но и другіе о немъ заботятся. Еслибы ихъ было и сто,—опять будетъ тоже самое, и сила еще увеличится. Видишь ли необыкновенную силу любви, какъ она дѣлаетъ одного непобѣдимымъ и многочисленнымъ? При ней и одинъ можетъ быть во многихъ мѣстахъ;—одинъ и тотъ же и въ Персіи, и въ Римѣ. Чего не можетъ сдѣлать природа, то можетъ любовь. Одною частію онъ будетъ здѣсь, а другою тамъ или, лучше, онъ весь — здѣсь, и весь—тамъ. А если онъ имѣетъ тысячу друзей или двѣ тысячи, то подумай, на сколько еще увеличится его сила. Видишь ли, какое умноженіе производитъ любовь? Чудно, въ самомъ дѣлѣ, то, что изъ одного она дѣлаетъ тысячу! Для чего же мы не пріобрѣтаемъ этой силы и не утверждаемъ себя въ безопаснос-

ти? Любовь лучше власти и всякаго богатства; она дороже здоровья и самаго свѣта; она — основаніе благодушія. Доколѣ однимъ или двумя мы будемъ ограничивать любовь? Возьми себѣ урокъ и изъ противнаго. Пусть кто нибудь не имѣетъ ни одного друга (что служитъ знакомъ крайняго неразумія, потому что только глупый скажетъ: нѣтъ у меня друга): какова будетъ жизнь его? Хотя бы онъ былъ чрезвычайно богатъ, хотя бы (жилъ) въ довольствѣ и роскоши, хотя бы пріобрѣлъ безчисленныя блага,—онъ бываетъ одинокъ и безпомощенъ. Между друзьями же не такъ; но хотя бы они были и бѣдны,—они бываютъ богаче богатыхъ. Чего кто нибудь не посмѣетъ сказать самъ за себя, то скажетъ за него другъ; чего не можетъ доставить самъ себѣ, того достигнетъ чрезъ другаго, и даже гораздо болѣе того. Такимъ образомъ дружба будетъ для насъ основаніемъ всякаго удовольствія и всякой безопасности. Въ самомъ дѣлѣ, невозможно потерпѣть какое-либо зло тому, кто охраняется столькими оруженосцами. И царскіе тѣлохранители не столько бдительны, какъ эти: тѣ охраняютъ по нуждѣ и страху, а эти по доброжелательству и любви; любовь же гораздо сильнѣе страха. Притомъ царь боится своихъ стражей, а человѣкъ, имѣющій друзей, больше надѣется на нихъ, чѣмъ на себя, и при нихъ не боится никого изъ злоумышляющихъ. Будемъ же пріобрѣтать этотъ товаръ,— бѣдный, чтобы имѣть утѣшеніе въ бѣдности, богатый, чтобы въ безопасности владѣть богатствомъ, начальникъ, чтобы безопасно начальство-

вать, подчиненный, чтобы имѣть благосклонныхъ начальниковъ. Это—поводъ къ снисходительности, это—основаніе кротости. Вѣдь и между звѣрьми тѣ особенно жестоки и неукротимы, которые не живутъ стадами. Потому-то мы и живемъ въ городахъ, и имѣемъ площади, чтобы обращаться другъ съ другомъ. Это и Павелъ повелѣлъ, говоря: *не оставляюще собранія своего* (Евр. 10, 25); ибо нѣтъ ничего хуже одиночества, необщительности и недоступности. Что же, скажешь, монахи и тѣ, которые заняли вершины горъ? И они не безъ друзей. Они удалились отъ шума городскаго, но имѣютъ многихъ товарищей, единодушныхъ съ ними и искренно привязанныхъ другъ къ другу. Для того они и удалились отъ міра, чтобы достигнуть этого. Такъ какъ преніе о дѣлахъ производитъ многія распри, то они, удалясь отъ міра, съ великимъ усердіемъ упражняются въ любви. Что же, скажешь, если кто будетъ одинъ? Ужели и онъ имѣетъ безчисленныхъ друзей? — Я желалъ бы, конечно, видѣть, если возможно, чтобы (отшельники) и жили вмѣстѣ; но и теперь да будетъ несомнѣнна (ихъ) дружба. Вѣдь не мѣсто дѣлаетъ друзьями. И у нихъ есть много почитателей; но ихъ не почитали бы, еслибы не любили. Да и они, съ своей стороны, молятся о всей вселенной, а это служитъ величайшимъ доказательствомъ дружества. Потому-то и въ таинствахъ мы лобзаемъ другъ друга, чтобы намъ—многимъ быть единымъ, и о непосвященныхъ совершаемъ общія молитвы, молимся о больныхъ, о плодахъ вселенной, о землѣ

и морѣ. Видишь ли всю силу любви въ молитвахъ, въ таинствахъ, въ увѣщаніяхъ? Она—причина всѣхъ благъ. Если мы будемъ усердно держаться ея, то и настоящее (наше) состояніе хорошо устроимъ, и достигнемъ царствія, котораго да сподобимся всѣ мы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ котораго и съ которымъ слава Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 79.

Вмалѣ, и ктому не видите мене: и паки вмалѣ, и узрите мя, яко иду ко Отцу. Рѣша же отъ ученикъ его къ себѣ: что есть сіе, еже глаголетъ: вмалѣ, и проч. (Іоан. 15, 16. 17. 18).

Душу, страждущую и одержимую великою скорбію, ничто обыкновенно такъ не поражаетъ, какъ частое повтореніе словъ, раждающихъ печаль. Для чего же Христосъ сказавъ: *иду* и: *ктому не глаголю съ вами* (Іоан. 14, 30), часто повторяетъ тоже самое, говоря: *вмалѣ, и ктому не видите мене,* и: *яко иду къ пославшему мя*? Лишь только ободрилъ учениковъ словами о Духѣ, какъ опять низлагаетъ ихъ по-

мыслы. Для чего Онъ такъ поступаетъ?—Онъ испытываетъ ихъ душу, дѣлаетъ ее совершеннѣе и, заставляя ихъ слушать печальное, тѣмъ самымъ наилучшимъ образомъ пріучаетъ ихъ къ мужественному перенесенію разлуки съ Нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, привыкши къ этому на словахъ, они легко уже могли потомъ перенести это и на дѣлѣ. А если кто тщательно разсмотритъ (эти слова),—тотъ найдетъ, что и то самое служитъ утѣшеніемъ, что Онъ сказалъ: *иду ко Отцу*: ибо этимъ Онъ показалъ, что Онъ не погибнетъ, но что смерть Его есть нѣкотораго рода представленіе. Въ тоже время Христосъ предложилъ имъ и другое утѣшеніе. Онъ не сказалъ только: *вмалѣ, и ктому не видите мене*, но и прибавилъ: *вмалѣ, и узрите мя*, показывая тѣмъ, что возвратится, что (Его) разлука съ ними будетъ кратковременная, а пребываніе — постоянное. Но этого они не поняли. Посему справедливо кто нибудь можетъ подивиться, для чего они, много разъ слышавъ объ этомъ, недоумѣваютъ, какъ будто ничего о томъ не слышали. Отъ чего же, въ самомъ дѣлѣ, они не поняли?—Или отъ печали, какъ я, по крайней мѣрѣ, думаю,—такъ какъ она изглаждала изъ ихъ памяти то, что говорилось,—или отъ неясности самыхъ словъ. Имъ казалось, будто Онъ утверждаетъ два противорѣчія, хотя (въ Его словахъ) і не было противорѣчія, Если мы увидимъ Тебя, говорили они, то куда Ты отходишь? Если же Ты отходишь, то какъ мы увидимъ Тебя? Поэтому и говорятъ: *не вѣмы, что глаголетъ*. Что Онъ долженъ былъ

отойти, это они знали; а что спустя немного времени Онъ опять придетъ къ нимъ, — того не знали. Поэтому-то Христосъ и упрекаетъ ихъ въ томъ, что они не поняли сказаннаго. А дабы лучше напечатлѣть въ нихъ догматъ о смерти, что Онъ говоритъ? *Аминь, аминь глаголю вамъ, яко восплачетеся и возрыдаете вы*,— какъ и было во время смерти и креста,—*а міръ возрадуется* (ст. 20). Такъ какъ они, не желая (видѣть Его смерти), легко склонялись къ вѣрѣ, что Онъ не умретъ, и, когда услышали, что Онъ умретъ, были въ недоумѣніи, не зная, что значитъ: *вмалѣ*; то Онъ говоритъ: *восплачетеся и возрыдаете. Но печаль ваша въ радость будетъ*. Потомъ, дабы показать, что послѣ печали бываетъ радость и что печаль раждаетъ радость, и что печаль кратковременна, а радость безконечна,—обращается къ примѣру изъ обыкновенной жизни и говоритъ: *жена, егда раждаетъ, скорбь иматъ* (ст. 21). Употребляетъ притчу, которою часто пользовались и Пророки, сравнивая скорбь съ тяжкими болѣзнями рожденія. Слова Его значатъ вотъ что: васъ постигнутъ какбы болѣзни рожденія, но болѣзнь рожденія бываетъ причиною радости. Въ одно и тоже время Онъ и увѣряетъ въ истинѣ воскресенія, и показываетъ, что отшествіе отсюда подобно изшествію на свѣтъ изъ утробы матерней. Какбы такъ говоритъ: не удивляйтесь, что чрезъ такую печель Я веду васъ къ полезному; ибо и мать также чрезъ печаль достигаетъ того, что становится матерью. Здѣсь Онъ намекаетъ и на нѣчто

таинственное, именно—что Онъ разрушилъ болѣзни смерти и содѣлалъ то, что родился новый человѣкъ. И не сказалъ только, что скорбь пройдетъ; но что о ней нѣтъ и воспоминанія: такъ велика слѣдующая за нею радость.—Такъ будетъ и со Святыми.—Но вѣдь жена радуется не потому, что пришелъ человѣкъ въ міръ, но потому, что у ней родилось дитя; если бы она по той причинѣ радовалась, то ничто не препятствовало бы и женамъ нераждающимъ радоваться за другихъ, раждающихъ. Для чего же Онъ такъ сказалъ? — Онъ привелъ этотъ примѣръ только для того, дабы показать, что печаль временна, а радость постоянна, что (смерть) есть переходъ къ жизни и что отъ скорби великая польза. И не сказалъ: родилось дитя; но: *человѣкъ*. Этимъ, мнѣ кажется, Онъ намекаетъ на свое воскресеніе и на то, что Онъ имѣлъ радоваться не для этой болѣзненной смерти, но для царства. Поэтому не сказалъ: родилось у ней дитя; но: *родися человѣкъ въ міръ. И вы же печаль имате убо нынѣ: паки же узрю вы, и печаль ваша въ радость будетъ* (ст. 22; сн. 20). Затѣмъ, показывая, что Онъ уже не умретъ, говоритъ: *и никтоже* ю *возметъ отъ васъ. Въ той день мене не воспросите ничесоже* (ст. 23). Этимъ опять (Христосъ) показываетъ не что иное, какъ то, что Онъ—отъ Бога. Тогда вы уже будете знать все. Что же значитъ: *мене не воспросите*?—Вы не будете нуждаться въ посредникѣ, но довольно будетъ произнесть только (мое) имя, чтобы получить все. *Аминь, аминь*

глаголю вамъ, яко елика аще чесо проси-те отъ Отца во имя мое (ст. 23). Показываетъ силу своего имени, такъ какъ (Апостолы), не видя и не прося Его, но только называя Его имя будутъ имѣть великую цѣну у Отца. Когда же такъ было? Тогда, когда они говорили: *при-зри на прещенія ихъ, и даждь рабомъ тво-имъ со дерзновеніемъ глаголати слово твое* и творитъ во имя твое чудеса. *И подвижеся мѣсто, идѣже бяху* (Дѣян. 4, 29—36). *Досе-лѣ не просисте ничесоже* (ст. 24). Этимъ опять показываетъ, что Ему лучше отойти; такъ какъ до самаго времени они ничего не просили, а тогда получатъ все, о чемъ ни попросятъ. Хотя Я уже не буду вмѣстѣ съ вами,—вы не думайте, что вы оставлены: имя мое дастъ вамъ большее дерзновеніе.

2. Такъ какъ эти слова были прикровенны, то Онъ говоритъ: *сія въ притчахъ глаголахъ вамъ: но пріидетъ часъ, егда ктому въ притчахъ не глаголю вамъ* (ст. 25). Будетъ время, когда вы всѣ ясно уразумѣете. Это Онъ говоритъ о времени воскресенія. Тогда *явѣ о Отцѣ возвѣщу вамъ.* И дѣйствительно, въ продолженіе сорока дней Онъ былъ и бесѣдовалъ съ ними, вмѣстѣ вкушая пищу и *глаголя яже о царствіи Божіи* (Дѣян. 1, 3—4). Теперь, будучи въ страхѣ, вы не внимаете словамъ моимъ; тогда же, увидѣвъ Меня воскресшимъ и пребывая со Мною, вы безбоязненно узнаете все, потому что самъ Отецъ возлюбитъ васъ, когда ваша вѣра въ Меня сдѣлается твердою. *И не (глаго-*

лю вамъ, яко азъ) умолю Отца (ст. 26). Ваша любовь ко Мнѣ достаточно ходатайствуетъ о васъ. *Яко вы мене возлюбисте, и вѣровасте, яко азъ отъ Бога изыдохъ, и пріидохъ въ міръ. И паки оставляю міръ, и иду ко Отцу* (ст. 27. 28). Такъ какъ слово о воскресеніи не мало утѣшало ихъ, равно какъ и то, что Онъ говорилъ: Я пришелъ отъ Бога и къ Нему иду; то Онъ часто повторяетъ эти слова. Одно удостовѣряло въ томъ, что они вѣруютъ въ Него правильно; а другое, — что они будутъ въ безопасности. Итакъ, когда Онъ говорилъ: *вмалѣ, и не видите мене: и (паки) вмалѣ, и узрите мя,*—ученики, естественно, не понимали этого; теперь же не такъ. Но что же значитъ: *мене не воспросите*?—Не скажете: *покажи намъ Отца твоего*, и: *камо идеши*?—потому что узнаете все, и Отецъ также будетъ расположенъ къ вамъ, какъ и Я. Теперь они узнали, что будутъ друзьями Отцу, и это особенно ободрило ихъ. Посему и говорятъ: *нынѣ вѣмы, яко вѣси вся* (ст. 30). Видишь, какъ Его отвѣтъ сообразенъ былъ съ ихъ мыслями? *И не требуеши, да тя кто воспрошаетъ* (ст. 38), то есть, прежде, чѣмъ Ты услышалъ, Ты зналъ, что соблазняетъ насъ, и успокоилъ (насъ), сказавъ: *Отецъ любитъ вы, яко вы мене возлюбисте* (ст. 27). Теперь только, послѣ столь многихъ и столь великихъ (словъ), ученики говорятъ: *нынѣ вѣмы*! Видишь, какъ они были еще несовершенны? Затѣмъ, такъ какъ они, какбы изъявляя Ему нѣкоторую благодарность, говорятъ: *нынѣ*

вѣмы,—Онъ отвѣчаетъ: вамъ еще многое нужно, чтобы придти къ совершенству; вы ни въ чемъ еще не совершенны. Вотъ и теперь вы предадите Меня врагамъ, и такой вами овладѣетъ страхъ, что вы не въ состояніи будете даже удалиться всѣ вмѣстѣ. Но я не потерплю отъ того никакого зла. Видишь ли, какъ опять слово Его приноровлено къ ихъ понятіямъ? Въ томъ-то Онъ и обвиняетъ ихъ, что они постоянно нуждаются въ такомъ снисхожденіи. Такъ какъ они сказали: *се нынѣ не обинуяся глаголеши, а притчи никоеяже не глаголеши* (ст. 28), и посему вѣруемъ Тебѣ (ст. 30); то (Христосъ) показываетъ, что и теперь, когда (по ихъ словамъ) они вѣруютъ, они еще не вѣруютъ, и не допускаетъ ихъ словъ. Это Онъ говоритъ, имѣя въ виду дальнѣйшее время. Выраженіе же: *Отецъ со мною есть* (ст. 32) Онъ опять употребилъ для нихъ; потому что всегда и вездѣ хотѣлъ научить ихъ этому. Потомъ, дабы показать, что, говоря такимъ образомъ, Онъ еще не преподалъ имъ знанія совершеннаго, но сказалъ такъ для того, чтобы они не смущались мыслями, — ибо имъ естественно было подумать нѣчто человѣческое и (бояться), что они не получатъ отъ Него никакой помощи, —говоритъ: *сія глаголахъ вамъ, да во мнѣ миръ имате* (—33), то есть, чтобы вы не удаляли Меня изъ вашихъ мыслей, но всегда имѣли бы въ своемъ сердце. Итакъ, пусть никто не возводитъ въ догматъ этихъ словъ: они сказаны (только) въ наше утѣшеніе и по любви. Не теперь только, говоритъ (Христосъ), вы подвергае-

тесь такимъ страданіямъ, и ваши бѣдствія этимъ не окончатся; но до тѣхъ поръ, пока вы будете въ мірѣ, вы будете имѣть скорбь,—не теперь только, когда предаютъ Меня, но и послѣ. Но будте бодры духомъ; ибо вы не потерпите никакого зла. Когда Учитель побѣдилъ враговъ,—не должно скорбѣть ученикамъ. Но какъ, скажи мнѣ, Ты побѣдилъ міръ? Вѣдь Я сказалъ уже, что Я низложилъ его князя; но вы это узнаете и впослѣдствіи, когда все будетъ уступать и повиноваться вамъ.

3. И мы, если захотимъ, можемъ побѣждать, взирая на Начальника вѣры нашей и идя тѣмъ путемъ, какой Онъ проложилъ намъ. Въ этомъ случаѣ и смерть не одолѣетъ насъ. Что же, скажешь, ужели мы не умремъ? Вѣдь изъ этого было бы видно, что она не одолѣетъ насъ. Но подвижникъ не тогда бываетъ славенъ, когда не вступаетъ въ борьбу съ врагомъ, но тогда, когда, сразившись съ нимъ, остается непобѣжденнымъ. Такъ и мы еще не смертны, потому что вступаемъ въ борьбу (со смертію), но безсмертны, потому что ее побѣждаемъ. Тогда мы были бы смертны, еслибы навсегда оставались въ ея власти. Посему, какъ не могу я назвать безсмертными самыхъ долговѣчныхъ животныхъ, хотя они и долго не умираютъ, такъ точно (не назову) и смертнымъ того, кто, бывъ пораженъ смертію, послѣ смерти воскреснетъ. Скажи мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, еслибы кто покраснѣлъ на короткое время, ужели бы мы, поэтому, стали всегда называть его краснымъ? Нѣтъ; ибо это не есть обыкновенное его

состояніе. И еслибы кто поблѣднѣлъ,—ужели бы мы сказали, что онъ одержимъ желтухою? Нѣтъ; ибо это состояніе минутное. Такъ не называй же и смертнымъ того, кто на короткое время подвергся смерти. Иначе мы должны будемъ сказать тоже и о спящихъ; потому что и они, такъ сказать, умираютъ и становятся бездѣйственны. Но (смерть) разрушаетъ тѣла? Что же изъ этого? Разрушаетъ, но не для того, чтобы они оставались въ тлѣніи, но чтобы содѣлались лучшими. Будемъ же побѣждать міръ, будемъ стремиться къ безсмертію! Послѣдуемъ за Царемъ, поставимъ побѣдный знакъ, будемъ презирать мірскія удовольствія! И (для этого) не нужно трудовъ. Перенесемъ душу на небо, и побѣжденъ весь міръ. Если ты не будешь пристрастенъ къ нему,—онъ побѣжденъ. Если будешь смѣяться надъ нимъ.—онъ посрамленъ. Мы—странники и пришельцы: не будемъ же огорчаться ничѣмъ печальнымъ. Вѣдь еслибы ты, происходя изъ славнаго отечества и отъ знаменитыхъ предковъ, отправился въ какую нибудь далекую землю, не будучи тамъ никому знакомъ, не имѣя ни слугъ, ни богатства, и еслибы тамъ кто нибудь обидѣлъ тебя,—ты, конечно, не огорчился бы такъ, какъ еслибы потерпѣлъ это дома. Ясное сознаніе, что ты находишься не въ своей, а въ чужой странѣ, помогло бы тебѣ легко перенесть все,—и презрѣніе, и голодъ, и жажду, и все, что̀ бы ни случилось. Такъ думай и теперь, что ты странникъ и пришлецъ, и пусть ничто не смущаетъ тебя въ этой чужой странѣ. Ибо ты имѣешь городъ, художникъ и строитель котораго—

Богъ; а пребываніе твое здѣсь кратковременно и непродолжительно. Пусть, кто хочетъ, бьетъ, обижаетъ, поноситъ: мы—въ чужой странѣ и живемъ въ бѣдности. Тяжело потерпѣть это въ отечествѣ, между согражданами: тогда—это величайшее безчестіе и несчастіе. Но если кто будетъ тамъ, гдѣ у него нѣтъ ни одного знакомаго; то ему все легко перенесть. Обида бываетъ особенно тяжела тогда, когда обижаютъ съ намѣреніемъ. Напримѣръ, если кто оскорбитъ начальника, зная, что онъ—начальникъ, тогда оскорбленіе горько; если же оскорбитъ его, принявъ за простаго человѣка, то оскорбленіе не можетъ и коснуться того, кто подвергся ему. Такъ точно будемъ разсуждать и мы. Оскорбляющіе насъ совсѣмъ не знаютъ, кто мы такіе, то есть, что мы—граждане неба, записаны въ горнемъ отечествѣ и принадлежимъ къ лику Херувимовъ. Итакъ, не будемъ огорчаться и не станемъ оскорбленіе считать оскорбленіемъ. Еслибы они знали насъ, то не оскорбили бы. Но насъ считаютъ бѣдными и ничтожными? Не будемъ и это считать оскорбленіемъ. Скажи мнѣ: еслибы какой нибудь путешественникъ, предупредивъ на малое разстояніе своихъ слугъ, остановился, въ ожиданіи ихъ, въ гостинницѣ, и еслибы содержатель гостинницы или кто нибудь изъ путешественниковъ, не зная, кто онъ, сталъ досадовать на него и поносить его,—не посмѣется ли онъ надъ такимъ невѣдѣніемъ? Это заблужденіе не доставитъ ли ему скорѣе удовольствія? Не станетъ ли онъ забавляться имъ, какъ будто бы оскорбляли кого нибудь дру-

гаго? Такъ будемъ поступать и мы; ибо и мы сидимъ въ гостинницѣ, ожидая нашихъ спутниковъ, идущихъ тѣмъ же путемъ. Когда мы всѣ будемъ вмѣстѣ, тогда узнаютъ, кого оскорбляли. Тогда они поникнутъ головою и скажутъ: *сей есть, егоже* мы, безумные, *имѣхомъ въ посмѣхъ* (Прем. Сол. 5, 3).

4. Итакъ будемъ утѣшать себя двумя мыслями: во первыхъ—тѣмъ, что насъ не оскорбляютъ, потому что оскорбляющіе не знаютъ, кто мы; во вторыхъ—тѣмъ, что, если мы захотимъ требовать удовлетворенія, они подвергнутся самому тяжкому наказанію. Но не дай Богъ, чтобы кто нибудь имѣлъ столь жестокую и безчеловѣчную душу. Чтожъ, если насъ оскорбляютъ единоплеменники? Вѣдь это уже тяжело. Напротивъ, это-то и легко. Почему такъ? Потому, что не одинаково переносимъ мы обиды отъ тѣхъ, кого любимъ, и отъ тѣхъ, кого не знаемъ. Поэтому, утѣшая обиженныхъ, мы часто говоримъ такія слова: тебя обидѣлъ братъ, перенеси великодушно; обидѣлъ отецъ, обидѣлъ дядя. Если же имя брата и отца имѣетъ такую силу, — что же, если я назову имя еще болѣе родное? Мы не только братья другъ другу, но и члены, и одно тѣло. Если мы цѣнимъ имя брата, — тѣмъ болѣе (должны цѣнить) имя члена. Не слыхалъ ли ты мірской пословицы, которая говоритъ, что въ друзьяхъ надобно терпѣть и недостатки? Не слышалъ ли, что и Павелъ говоритъ: *другъ друга тяготы носите* (Гал. 6, 2)? Не видишь ли любовниковъ? Между вами я не могу найти дру-

гаго примѣра, и потому принужденъ обратить рѣчь на этотъ предметъ. Тоже, впрочемъ, дѣлаетъ и Павелъ, говоря такъ: *къ симъ. плоти нашей отцы имѣхомъ наказатели, и срамляхомся* (Евр. 12, 9); особенно же прилично сказать здѣсь то, что онъ пишетъ Римлянамъ: *якоже,* говоритъ, *представисте уды ваша рабы нечистотѣ и беззаконію въ беззаконіе; тако представите уды ваша рабы правдѣ* (ст. 6, 19). Посему и мы смѣло будемъ держаться этого примѣра. Итакъ, не видишь ли любовниковъ? Сколько они переносятъ бѣдствій, пылая страстію къ блуднымъ женщинамъ! Ихъ бьютъ по щекамъ, колотятъ, надъ ними смѣются; они терпятъ блудницу развратную, которая отвращается отъ нихъ и наноситъ имъ тысячу оскорбленій. И при всемъ томъ, если хотя однажды они увидятъ что нибудь пріятное и ласковое, все имъ кажется благополучнымъ, все прежнее исчезаетъ и все переносится легко, будетъ ли то бѣдность, или болѣзнь, или другое что подобное. Жизнь свою они считаютъ бѣдственною или блаженною, смотря по тому, какъ расположена къ нимъ ихъ любовница. Не знаютъ они ни человѣческой славы, ни безчестія; но, хотя бы кто и оскорбилъ ихъ,—отъ великаго удовольствія и за ея благосклонность они все переносятъ легко. А она сама, хотя бы ругала ихъ, хотя бы плевала имъ въ лицо, — они терпятъ это и думаютъ, что въ нихъ бросаютъ розами. И что удивительнаго, если они такъ расположены къ ней! Они домъ ея считаютъ великолѣпнѣе всѣхъ домовъ, хотя бы

онъ былъ глиняный, хотя бы клонился къ паденію. И что я говорю о стѣнахъ? Они воодушевляются даже при видѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они бываютъ вечеромъ. Но здѣсь дайте мнѣ, наконецъ, сказать апостольское слово. Какъ онъ сказалъ: *якоже представисте уды ваша рабы нечистотѣ, тако представите уды ваша (рабы) правдѣ*; такъ точно и я говорю; какъ возлюбили вы этихъ (женщинъ), такъ любите другъ друга, и нічто не будетъ казаться вамъ тяжкимъ. И что я говорю, другъ друга? Такъ будемъ любить Бога. Вы ужаснулись, услышавъ, что я требую такой же мѣры любви къ Богу, какую показываютъ иные къ орудіямъ своихъ страстей А я ужасаюсь, что мы не показываемъ и такой любви. Если хотите, разсмотримъ это подробнѣе, хотя говорить объ этомъ и очень тяжело. Любовница не обѣщаетъ любовнику ничего добраго, но — безчестіе, стыдъ и поношеніе. Знакомство съ блудною женщиною именно это и производитъ,—дѣлаетъ человѣка смѣшнымъ, позорнымъ, безчестнымъ. Богъ же обѣщаетъ намъ небо и небесныя блага; Онъ сдѣлалъ насъ сынами своими, братіями Единороднаго; Онъ и въ сей жизни предоставилъ тебѣ безчисленныя блага, и по смерти обѣщаетъ даровать воскресеніе и столько благъ, сколько и представить невозможно; Онъ дѣлаетъ насъ достойными чести и уваженія. И опять, та заставляетъ расточить все имѣніе въ пропасть и пагубу; а Богъ повелѣваетъ сѣять для неба, воздаетъ сторицею и даруетъ вѣчную жизнь. Та поступаетъ съ любовникомъ, какъ съ неволь-

никомъ, распоряжаясь хуже всякаго тирана; а Богъ говоритъ: *не ктому васъ глаголю рабы, но други* (Іоан. 15, 15).

5. Видѣли, какъ много золъ—тамъ, и сколько благъ—здѣсь. И что же послѣ этого? Для любовницы многіе проводятъ ночи безъ сна и, что̀ бы она ни приказала, все исполняютъ съ усердіемъ—оставляютъ и домъ, и отца, и мать, и друзей, и богатство, и почести, и все свое имѣніе подвергаетъ разстройству и запустѣнію. Для Бога же или, лучше, для себя самихъ мы не хотимъ истратить и третьей части нашего имущества. Видя алчущаго, мы отвращаемъ отъ него взоръ; проходимъ мимо нагаго и не удостоиваемъ его даже слова. А любовники, если увидятъ даже служанку любовницы, женщину грубую, останавливаются съ нею среди площади и, какбы красуясь и величаясь тѣмъ, разговариваютъ съ нею, разливаясь въ длинныхъ рѣчахъ. Для любовницы за ничто считаютъ жизнь, начальниковъ, царство (какъ это извѣстно тѣмъ, которые испытали эту болѣзнь) и бываютъ болѣе благодарны ей за ея приказанія, чѣмъ другимъ за услуги. Не справедливо ли послѣ сего быть гееннѣ? Не справедливы ли безчисленныя наказанія? Отрезвимся же и предоставимъ на служеніе Богу хотя столько же, хотя половинную часть того, что иные отдаютъ блудницѣ, хотя даже третью долю. Можетъ быть, вы опять ужаснетесь? Да, и я ужасаюсь. Но я хотѣлъ бы, чтобы вы ужасались не словъ только, но и самаго дѣла. А между тѣмъ, здѣсь сердце у насъ сжимается; а лишь

выйдемъ, — все бросаемъ. Что же изъ того пользы? Тамъ, если надобно тратить деньги, никто не жалуется на бѣдность; но часто, плѣнившись, и занимаютъ, и даютъ; здѣсь же, если мы вспомнимъ о милостынѣ, намъ представляютъ дѣтей, и женъ, и домъ, и начальство, и тысячи извиненій. Но тамъ, скажешь, много удовольствія! Объ этомъ-то я и плачу, и рыдаю. Но что если я покажу, что здѣсь больше удовольствія? Тамъ отнимаютъ не мало удовольствія стыдъ, поношеніе трата денегъ, наконецъ—ссоры и вражда: а здѣсь нѣтъ ничего такого. Да и что, скажи мнѣ, можетъ сравниться съ этимъ удовольствіемъ—жить въ ожиданіи неба и небеснаго царства, свѣтлости Святыхъ и нескончаемой жизни? Но это, скажешь, въ ожиданіи, а то—въ дѣйствительности. Въ какой дѣйствительности? Хочешь ли, я скажу, что и здѣсь въ дѣйствительности? Подумай, какою ты наслаждаешься свободою: живя добродѣтельно, ты никого не боишься и не страшишься,— ни врага, ни навѣтника, ни клеветника, ни соперника, ни соискателя въ любви, ни завистника, ни бѣдности, ни болѣзни, ни другаго чего нибудь человѣческаго. Тамъ, напротивъ, хотя бы и весьма много сбывалось по желанію, хотя бы и богатство стекалось, какъ изъ источника,—ссора съ соперниками въ любви, навѣты и козни сдѣлаютъ самою несчастною жизнь того, кто связывается съ ними. Изъ угожденія той презрѣнной, развратной и сластолюбивой женщинѣ, дѣйствительно, неизбѣжно возникаютъ ссоры; а это хуже тысячи смертей и несноснѣе всякаго наказа-

нія. Но здѣсь нѣтъ ничего такого. ***Плодъ же духовный,*** говоритъ (Апостолъ), ***любы, радость, миръ*** (Гал. 5, 22). Нѣтъ здѣсь ни ссоръ, ни безвременной траты денегъ, ни поношенія послѣ траты. Хотя бы ты далъ оволъ, хотя бы (кусокъ) хлѣба, хотя бы чашу холодной воды, — за все будетъ тебѣ великая благодарность и ничто не заставитъ тебя огорчаться и печалиться, но все послужитъ къ тому, чтобы сдѣлать тебя славнымъ и избавить отъ всякаго стыда. Какое же мы будемъ имѣть оправданіе, какое извиненіе, когда, оставляя это, предаемся противному и добровольно ввергаемъ самихъ себя въ печь, огнемъ горящую? Посему умоляю страдающихъ такою болѣзнію—вновь собрать свои силы, возвратиться къ здоровью и не позволять себѣ впасть въ отчаяніе. Блудный сынъ потерпѣлъ бѣдствія еще болѣе жестокія; но такъ какъ возвратился въ отеческій домъ, то сталъ въ прежней чести и явился славнѣе того, кто всегда поступалъ хорошо. Поревнуемъ ему и мы, и, возвратившись ко Отцу избавимъ себя, хотя поздно, отъ этого плѣна и перейдемъ къ свободѣ, чтобы сподобиться и царства небеснаго, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ которымъ слава Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 80.

Сія глагола Іисусъ, и возведе очи свои на небо, и рече: Отче, пріиде часъ: прослави Сына твоего, да и Сынъ твой прославитъ тя (Іоан. 17, 1).

Иже сотворитъ и научитъ, сказано, *сей велій наречется въ царствіи небеснѣмъ* (Матѳ. 5. 19); и (сказано) весьма справедливо. Ибо любомудрствовать на словахъ легко, а показывать (любомудріе на дѣлѣ — свойственно лишь душѣ доблестной и великой. Потому-то и Христосъ, бесѣдуя о незлобіи, представляетъ въ образецъ самого Себя, повелѣвая брать съ Себя примѣры. Поэтому же и теперь, послѣ увѣщанія, Онъ обращается къ молитвѣ, научая насъ въ искушеніяхъ оставлять все и прибѣгать къ Богу. Такъ какъ словами: *въ мірѣ скорбни будете*, Онъ поколебалъ души учениковъ; то молитвою опять ободряетъ ихъ. Они все еще смотрѣли на Него, какъ на человѣка, и для нихъ-то Онъ и молится, подобно тому, какъ (молился) и при (воскрешеніи) Лазаря, когда высказываетъ и причину: *народа ради стоящаго рѣхъ, да вѣру имутъ, яко ты мя посламъ еси* (Іоан. 11, 42). Такъ, скажешь, при Іудеяхъ этому и слѣдо-

вало быть, но къ чему же это при ученикахъ? Этому слѣдовало быть и при ученикахъ; ибо тѣ, которые послѣ столь многаго (ими видѣннаго и слышаннаго) говорятъ: *нынѣ вѣмы, яко вѣси вся,* больше всѣхъ нуждались въ утвержденіи. А впрочемъ, Евангелистъ и не называетъ сего дѣйствія молитвою, но какъ говоритъ? *Возведе очи свои на небо.* Значитъ, по его словамъ, это скорѣе была бесѣда со Отцемъ. Если же въ другихъ мѣстахъ онъ и говоритъ о молитвѣ, и представляетъ Христа то преклоняющимъ колѣна, то возводящимъ очи на небо,—не смущайся. Изъ этого мы научаемся, съ какимъ усердіемъ должно приносить молитвы, научаемся, и стоя, взирать (на небо) очами не только тѣлесными, но и душевными, и преклонять колѣна съ сокрушеніемъ сердца. Въ самомъ дѣлѣ, Христосъ пришелъ не для того только, чтобы явить Себя (міру), но и для того, чтобы научить неизреченной добродѣтели; а учитель долженъ учить не словами только, но и дѣлами. Итакъ послушаемъ, что Онъ говоритъ здѣсь. *Отче, пріиде часъ: прослави Сына твоего, да и Сынъ твой прославитъ тя.* Снова показываетъ намъ, что Онъ не неволею идетъ на крестъ. Иначе, какъ бы Онъ сталъ молиться о томъ, чтобы это сбылось, и называть крестъ славою не только для самаго Распинаемаго, но и для Отца? Такъ дѣйствительно и было: не Сынъ только прославился, но и Отецъ. До креста даже и Іудеи не знали Его: *Исраиль же*, сказано, *мене не позна* (Исаіи 1, 3); а послѣ креста (къ Нему) притекла вся вселенная. Затѣмъ

Христосъ говоритъ и о самомъ образѣ славы, и (показываетъ), какъ Онъ прославитъ Отца. *Якоже далъ еси ему власть всякія плоти, да всяко еже далъ еси ему* не погибнетъ (ст. 2). Слава Божія въ томъ, дѣйствительно, и состоитъ, чтобы всегда благодѣтельствовать. Что же значитъ: *якоже далъ еси ему власть всякія плоти*? (Этимъ Христосъ) уже показываетъ, что дѣло проповѣди не ограничится одними Іудеями, но простретса на всю вселенную, и полагаетъ начало званію язычниковъ. Такъ какъ Онъ сказалъ: *на путь языкъ не идите* (Матѳ. 10, 5), а впослѣдствіи скажетъ: *шедше научите вся языки* (Матѳ. 28, 19); то теперь показываетъ, что это угодно и Отцу. Въ самомъ дѣлѣ проповѣдь язычникамъ весьма соблазняла Іудеевъ и даже учениковъ. Ученики и впослѣдствіи не легко дозволяли себѣ входить въ общеніе съ язычниками, пока не получили наставленія отъ Духа; такъ какъ отсюда происходилъ не малый соблазнъ для Іудеевъ. Отъ того-то даже послѣ столь великаго явленія Духа, Петръ, пришедши въ Іерусалимъ, едва могъ избѣгнуть порицаній, разсказавъ о плащаницѣ (Дѣян. 11. 1—19). Что же значитъ: *далъ еси ему власть всякія плоти*? (Здѣсь) я спрошу еретиковъ: когда Онъ получилъ эту власть? Прежде ли созданія людей, или послѣ созданія? Самъ Онъ говоритъ, (что получилъ ее) послѣ распятія и воскресенія, такъ какъ тогда сказалъ: *дадеся ми всяка власть. Шедше научите вся языки* (Матѳ. 28, 18. 19). Чтожъ? Ужели Онъ не имѣлъ власти надъ дѣломъ (рукъ)

своихъ? Ужели Онъ только сотворилъ людей, а власти надъ ними послѣ сотворенія не имѣлъ? Но и въ предшествующія времена Онъ, какъ видно, все дѣлаетъ Самъ: однихъ наказываетъ, какъ грѣшниковъ , другихъ, обращающихся, исправляетъ: *еда утаю*, говоритъ, *отъ Авраама раба моего, яже азъ творю* (Быт. 18, 17); а иныхъ и удостоиваетъ чести, какъ—праведниковъ. Или тогда Онъ имѣлъ (власть), а теперь потерялъ и опять получилъ? Но какой демонъ можетъ сказать это! Если же одна и таже власть (у Него) и тогда, и теперь: *якоже*, говоритъ, *Отецъ воскрешаетъ мертвыя и живитъ*, *тако и Сынъ*, *ихже хощетъ*, *живитъ* (Іоан. 5, 21); то что значитъ сказанное? Онъ намѣренъ былъ послать Апостоловъ къ язычникамъ; а чтобы они не почли этого нововведеніемъ, такъ какъ Онъ говорилъ: *нѣсмь посланъ, токмо ко овцамъ погибшимъ дому Исраилева* (Матѳ. 15, 24),— Онъ показываетъ, что это угодно и Отцу. А что Онъ говоритъ объ этомъ съ великимъ уничиженіемъ, въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго: ибо такимъ образомъ Онъ и ихъ (Апостоловъ) тогда назидалъ, и тѣхъ, которые будутъ послѣ и, какъ я уже говорилъ, такою чрезмѣрностію уничиженія всегда ясно внушалъ, что Онъ говоритъ приспособительно.

2. Что же значитъ: *всякія плоти*? Вѣдь извѣстно, что не всѣ увѣровали. Сколько отъ Него зависѣло,—всѣ увѣровали. Если же не (всѣ) внимали словамъ Его, то въ этомъ вина не учащаго, но не принимающихъ (ученія). *Да*

всяко, еже далъ еси ему, дастъ имъ животъ вѣчный (ст. 2). Не удивляйся, что и здѣсь Онъ говоритъ человѣкообразно. Онъ поступаетъ такъ и по вышесказаннымъ причинамъ, и потому, что всегда остерегался говорить самъ о Себѣ что нибудь великое, такъ какъ это противно было слушающимъ, которые все еще не думали о Немъ ничего великаго. Отъ того-то Іоаннъ, когда говоритъ отъ своего лица, поступаетъ не такъ, но возводитъ слово до высокаго, говоря такимъ образомъ: *вся тѣмъ быша, и безъ него ничтоже бысть* (Іоан. 1, 3), и: (въ Немъ) *животъ бѣ* (—1, 4), и: (Онъ) *свѣтъ бѣ* (—1, 9), и: *во своя пріиде* (— 1, 11): — не то, что Онъ не имѣлъ бы власти, если бы не получилъ ея, но что Онъ и другимъ далъ власть *чадомъ Божіимъ быти* (— 1, 12). Подобнымъ образомъ и Павелъ называетъ Его равнымъ Богу. Самъ же Онъ проситъ, какъ обыкновенный человѣкъ, говоря такъ: *да всяко еже далъ еси ему, дастъ имъ животъ вѣчный. Се же есть животъ вѣчный, да знаютъ тебе единаго истиннаго Бога, и егоже послалъ еси Іисусъ Христа* (Іоан. 17, 3). *Единаго истиннаго Бога*: — говоритъ такъ для отличія отъ ложныхъ боговъ, такъ какъ хотѣлъ послать Апостоловъ къ язычникамъ. Если же (еретики) не согласятся съ этимъ, но на одномъ этомъ основаніи станутъ отвергать, что Сынъ есть истинный Богъ; то, идя такимъ образомъ дальше, они отвергнутъ и то, что Онъ есть Богъ. Въ самомъ дѣлѣ, (Христосъ) говоритъ: *славы яже отъ еди-*

наго Бога, не ищете (Іоан. 5, 44). Что же? Ужели поэтому Сынъ уже не Богъ? Если же Сынъ—Богъ, хотя Отецъ и называется единымъ (Богомъ); то явно, что Онъ и истинный (Богъ), хотя (Отецъ) и именуется единымъ истиннымъ (Богомъ). Притомъ, когда Павелъ говоритъ: *или единъ азъ и Варнава* (1 Кор. 9, 6),—ужели онъ исключаетъ Варнаву? Совсѣмъ нѣтъ; слово: *единъ* употреблено только для различенія отъ другихъ. И если (Сынъ)—не истинный Богъ; то какимъ образомъ Онъ есть—*истина*? Истина отъ истиннаго различается весьма не много. Чѣмъ назовемъ мы, скажи мнѣ, не истиннаго человѣка? Конечно, уже и не человѣкомъ! Такъ точно, если Сынъ не есть истинный Богъ, то какъ Онъ можетъ быть Богомъ? Да какъ Онъ и насъ можетъ дѣлать богами и сынами (Божіими), не будучи Самъ истиннымъ (Богомъ)? Но объ этомъ подробнѣе сказано нами въ другомъ мѣстѣ. Посему пойдемъ далѣе. *Азъ прославихъ тя на земли* (ст. 4). Хорошо сказано: *на земли*; потому что на небѣ Отецъ уже прославленъ, имѣя славу и по естеству, и будучи поклоняемъ отъ Ангеловъ. Слѣдовательно, не о той славѣ говоритъ (Христосъ), которая нераздѣльна съ существомъ Его,—такъ какъ эту славу Онъ всегда имѣетъ вполнѣ, хотя бы и никто не прославлялъ Его: но—о славѣ, происходящей отъ служенія людей. Посему и выраженіе: *прослави мя*, нужно разумѣть точно также. И чтобы убѣдиться, что Онъ говоритъ объ этомъ родѣ славы, послушай далѣе. *Дѣло совершихъ, еже далъ еси*

мнѣ, да сотворю его (ст. 4). Но вѣдь дѣло только было еще начато или даже еще и не начато; какъ же Онъ говоритъ: *совершихъ*? Это — или по тому, что Онъ съ своей стороны сдѣлалъ все; или по тому, что о будущемъ говоритъ, какъ уже о совершившемся; или, что всего лучше сказать,—по тому, что все, дѣйствительно, было уже совершено, когда положенъ былъ корень (всѣхъ) благъ, изъ котораго непремѣнно должны были произрасти плоды, и Онъ уже соприсутствуетъ и соприкасается тому, что должно было совершиться впослѣдствіи. При этомъ Онъ опять выражается приспособительно: *еже далъ еси мнѣ*. Ибо, еслибы, дѣйствительно, Онъ ожидалъ, пока не услышитъ и не узнаетъ, —это было бы гораздо ниже Его славы. Но что Онъ пришелъ на сіе (дѣло) по своему произволенію, это явно изъ многихъ мѣстъ. Такъ, напримѣръ, Павелъ говоритъ: Онъ такъ возлюбилъ насъ, что предалъ Себя самаго за насъ (Еф. 5, 2),—и: *себе умалилъ, зракъ раба пріимъ*(Филип. 2, 7). И опять (Онъ самъ говоритъ): *якоже возлюби мя Отецъ, и азъ возлюбихъ васъ* (Іоан. 15, 9).—*Прослави мя ты, Отче, у тебе самаго славою, юже имѣхъ у тебе прежде міръ не бысть* (ст. 5). Гдѣ же слава? Пусть у людей Онъ, дѣйствительно, былъ не славенъ, облекшись въ одежду (плоти); но какимъ образомъ Онъ ищетъ прославленія и у Бога? О чемъ же Онъ здѣсь говоритъ? (Здѣсь) рѣчь — о воплощеніи. Естество плоти, дѣйствительно, не было еще прославлено; оно не сподобилось еще нетлѣнія и не

пріобщилось царскаго престола; поэтому Онъ не сказалъ: *на земли;* но: *у тебе.*

3. Этой славы сподобимся и мы въ свою мѣру, если будемъ бодрствовать. Посему и Павелъ говоритъ: *понеже съ нимъ страждемъ, да и съ нимъ прославимся* (Рим. 8, 17). Итакъ, безчисленныхъ достойны слезъ тѣ, которые, не смотря на предстоящую имъ такую славу, лѣностію и сонливостію вредятъ самимъ себѣ. Еслибы и геенны не было, и тогда несчастнѣе всѣхъ были бы тѣ, которые, имѣя возможность царствовать и прославляться вмѣстѣ съ Сыномъ Божіимъ, сами себя лишаютъ столь великихъ благъ. Подлинно, еслибы надобно было подвергнуться растерзанію и умереть тысячею смертей, и отдать каждый день тысячу душъ и столько же тѣлъ,— не слѣдовало ли бы перенесть все это за столь великую славу? А между тѣмъ, мы не пренебрегаемъ и богатствомъ, которое впослѣдствіи и по неволѣ оставимъ,—не пренебрегаемъ богатствомъ, которое навлекаетъ на насъ тысячу золъ, останется здѣсь и не принадлежитъ намъ, потому что мы не своимъ (имуществомъ) распоряжаемся, хотя бы получили его и отъ отцевъ. А когда есть еще и геенна, и червь нескончаемый, и огонь неугасимый, и скрежетъ зубовъ, — то какъ, скажи мнѣ, мы будемъ терпѣть это? Доколѣ не откроемъ глазъ и будемъ тратить все время на ежедневныя распри, ссоры и пустыя слова? Доколѣ будемъ питать землю, утучнять тѣло и нерадѣть о душѣ, не обращая никакого вниманія на необходимое, и прилагая великую заботу объ излишнемъ и пус-

томъ? Мы строимъ себѣ блистательныя гробницы, покупаемъ дорогіе дома, влачимъ за собою толпы всякаго рода слугъ и выдумываемъ разныхъ распорядителей, поставляя начальниковъ надъ домами, деньгами, и начальниковъ надъ начальниками; а о запустѣвшей душѣ нѣтъ у насъ никакой заботы. И гдѣ этому будетъ конецъ? Не одно ли чрево наполняемъ мы? Не одно ли тѣло одѣваемъ? Къ чему же это множество хлопотъ! Зачѣмъ и для чего душу, которую получили, мы разрываемъ и раздираемъ на столь разнообразныя службы, вымышляя сами для себя жестокое рабство? Кто нуждается во многомъ, тотъ, дѣйствительно, рабъ многаго, хотя, по видимому, и владѣетъ всѣмъ этимъ. Такъ и господинъ есть рабъ своихъ слугъ и вводитъ новый болѣе тяжкій родъ рабства. Но онъ рабъ еще и въ томъ отношеніи, что безъ нихъ не смѣетъ выйти ни на площадь, ни въ баню, ни въ поле. Слуги и безъ него часто ходятъ повсюду, а онъ, считающійся господиномъ, если нѣтъ при немъ рабовъ, не смѣетъ выйти изъ дома одинъ, а если и выступитъ изъ дома одинъ, считаетъ себя смѣшнымъ. Можетъ быть, нѣкоторые станутъ смѣяться надъ нами за эти слова, но по этому-то самому они и достойны безчисленныхъ слезъ. А дабы показать, что это, дѣйствительно рабство, я охотно спрошу тебя: захотѣлъ ли бы ты нуждаться въ томъ, чтобы кто нибудь клалъ кусокъ хлѣба въ твой ротъ или подставлять чашу къ твоимъ устамъ? Не считалъ ли бы ты такого рода услугу достойною слезъ? Или, еслибы для того, чтобы пойти куда нибудь,

ты всегда имѣлъ нужду въ какихъ нибудь носильщикахъ, — не счелъ ли бы ты себя поэтому самымъ несчастнымъ и жалкимъ изъ людей? Такъ точно тебѣ слѣдовало бы разсуждать и теперь: потому что нѣтъ никакого различія въ томъ, носятъ ли кого безсловесныя животныя, или люди. И не тѣмъ ли, между прочимъ, скажи мнѣ, отличаются отъ насъ Ангелы, что они не нуждаются въ столь многомъ, какъ мы? Слѣдовательно, чѣмъ меньше мы имѣемъ нуждъ, тѣмъ болѣе приближаемся къ нимъ, а чѣмъ больше, тѣмъ глубже ниспадаемъ въ эту тлѣнную жизнь. И чтобы убѣдиться, что это дѣйствительно такъ, спроси у стариковъ, какую жизнь они считаютъ счастливою, ту ли, когда они были подъ властію этихъ суетныхъ вещей, или ту, когда они уже сами владѣютъ ими? Мы потому обратились къ старикамъ, что люди, упоенные молодостію, не чувствуютъ даже чрезмѣрности этого рабства. А—одержимые лихорадкою? Тогда ли они считаютъ себя счастливыми, когда, томясь сильною жаждою, много пьютъ и многаго просятъ, или тогда, когда, выздоровѣвъ, избавляются отъ этой потребности? Видишь, что во всѣхъ случаяхъ нуждаться во многомъ—дѣло жалкое и не свойственное любомудрію, и что чрезъ это усиливается рабство и пожеланіе! Итакъ, зачѣмъ мы добровольно увеличиваемъ для самихъ себя бѣдственность нашего положенія? Скажи мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, еслибы тебѣ можно было безъ всякаго вреда жить безъ кровли и стѣнъ,—не согласился ли бы ты лучше на это? Для чего же ты

умножаешь знаки своей немощи? Не за то ли мы называемъ блаженнымъ Адама, что онъ не нуждался ни въ чемъ, ни въ жилищахъ, ни въ одеждахъ?—Такъ, скажешь; но теперь мы уже имѣемъ нужды. Зачѣмъ же мы умножаемъ эти нужды? Если многіе отказываютъ себѣ и во многомъ нужномъ, напримѣръ: въ рабахъ, жилищахъ, деньгахъ; то какое мы будемъ имѣть оправданіе, преступая предѣлы нужды? Чѣмъ больше ты окружишь себя нуждами, тѣмъ большему подвергнешься рабству; потому что, чѣмъ въ большемъ будешь нуждаться, тѣмъ болѣе сократишь свою свободу. Совершенная свобода состоитъ въ томъ, чтобы вовсе ни въ чемъ не нуждаться, а слѣдующая за нею—нуждаться въ немногомъ: и эту-то свободу имѣютъ преимущественно Ангелы и ихъ подражатели. А достигнуть до этого, пребывая въ смертномъ тѣлѣ, — подумай, сколько въ этомъ славы! Это выразилъ и Павелъ, пиша Коринѳянамъ: *азъ же вы щажду*, и: да не *скорбь плоти имѣти будутъ таковіи* (1 Кор. 7, 28). Деньги потому и называются деньгами (χρῆματα), что ихъ слѣдуетъ употреблять (χρωμεθα) на нужды, а не хранить и не зарывать въ землю; ибо это значитъ уже не владѣть, но быть во владѣніи. Если мы станемъ только то имѣть въ виду, какъ бы ихъ больше пріобрѣсть, а не то, чтобы пользоваться ими на нужды; то уже превращается порядокъ, и онѣ владѣютъ нами, а не мы ими. Итакъ освободимся отъ этого жестокаго рабства и содѣлаемся, наконецъ, свободными. Зачѣмъ мы сами для себя выдумываемъ множество

разнообразныхъ узъ? Не довольно ли для тебя узъ естественныхъ, житейскихъ необходимостей и скопленія безчисленныхъ дѣлъ? А ты сплетаешь для себя еще другія сѣти и связываешь себя ими по ногамъ! Когда ты достигнешь неба и будешь имѣть силу стоять на такой высотѣ? Вожделѣнно, истинно вожделѣнно, чтобы ты, разорвавъ всѣ эти связи, могъ достигнуть высшаго града. Препятствій такъ много и другихъ. Чтобы побѣдить ихъ, будемъ соблюдать умѣренность. Чрезъ это мы достигнемъ и вѣчной жизни, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 81.

Явихъ имя твое человѣкомъ, ихже далъ еси мнѣ отъ міра: твои бѣша, и мнѣ ихъ далъ еси: и слово твое сохраниша (Іоан. 17, 6).

Сынъ Божій называется Ангеломъ великаго совѣта, какъ по причинѣ другихъ (истинъ), которыя Онъ открылъ (намъ), такъ особенно потому, что Онъ возвѣстилъ людямъ объ Отцѣ. Вотъ объ этомъ то Онъ и теперь говоритъ: *явихъ имя твое человѣкомъ*. Сказавъ: Я совершилъ твое дѣло, Онъ снова подробнѣе говоритъ о томъ же,

объясняя, какое это дѣло.—Но вѣдь имя (Божіе) было уже извѣстно! Исаія, напримѣръ, говоритъ: *клятися будутъ Богомъ истиннымъ* (Исаія 65, 16).—На это я и теперь скажу тоже, что много разъ говорилъ, то есть: оно было извѣстно, но только Іудеямъ, и то не всѣмъ; а теперь (Христосъ говоритъ о язычникахъ. Притомъ Онъ показываетъ не только то (что Онъ открылъ имъ имя Божіе), но и то, что они познали Бога, какъ Отца; а не одно и тоже—значитъ, что (Богъ) есть Творецъ, и — что Онъ имѣетъ Сына. Явилъ же Христосъ имя Его и словами, и дѣлами. *Ихже далъ еси мнѣ отъ міра*. Какъ прежде сказалъ: *никтоже пріидетъ ко мнѣ, аще не будетъ дано ему*, и: *аще не привлечетъ его Отецъ мой* (Іоан. 6, 65. 44); такъ и здѣсь говоритъ: *ихже далъ еси мнѣ*. Но такъ какъ Онъ же говоритъ, что Онъ самъ есть путь; то отсюда явно, что въ этихъ словахъ Онъ высказываетъ двѣ (мысли), именно, что Онъ не противенъ Отцу, и—что такова воля Отца, чтобы люди вѣровали Сыну. *Твои бѣша, и мнѣ ихъ далъ еси*. Этимъ Онъ хочетъ научить, что Отецъ весьма любитъ Его. А что Ему, дѣйствительно, не нужно было принимать ихъ, это видно изъ того, что самъ Онъ и сотворилъ ихъ, самъ постоянно и промышляетъ о нихъ. Какъ же возможно, чтобы Онъ принялъ ихъ? — Нѣтъ; это, какъ я сказалъ, означаетъ только единомысліе Его со Отцемъ. Если же кто захочетъ понимать это по человѣчески и такъ, какъ сказано, то (люди) не будутъ уже принадлежать Отцу. Въ самомъ

дѣлѣ, если въ то время, какъ Отецъ имѣлъ ихъ, Сынъ ихъ не имѣлъ; то очевидно, что, когда Онъ отдалъ ихъ Сыну, Самъ пересталъ ими владычествовать. А отсюда опять выйдетъ еще бóльшая нелѣпость, то есть: доколѣ они были у Отца, они были несовершенны; а какъ скоро перешли къ Сыну, стали совершенными. Но смѣшно это и сказать! Итакъ, что же Онъ выражаетъ этимъ?— То, что и Отцу угодно, чтобы они вѣровали Сыну.—*И слово твое сохраниша, и нынѣ разумѣша, яко вся, елика далъ еси мнѣ, отъ тебе суть* (ст. 7). Какимъ образомъ они слово твое сохранили? Они увѣровали въ Меня и не внимали Іудеямъ; ибо, кто вѣруетъ въ Него, тотъ *утверди*, какъ Онъ говоритъ, *яко Богъ истиненъ есть* (Іоан. 3, 33). Нѣкоторые, правда, читаютъ (это мѣсто) такъ: *нынѣ разумѣхъ, яко вся, елика далъ еси мнѣ, отъ тебе суть*; но этого нельзя допустить. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, возможно, чтобы Сынъ не зналъ того, что принадлежитъ Отцу? Нѣтъ, это сказано объ ученикахъ. Коль скоро, говоритъ, Я сказалъ (имъ), они уразумѣли, что все, что Ты далъ Мнѣ, отъ Тебя есть; что нѣтъ у Меня ничего чуждаго, ничего особеннаго отъ Тебя; потому что особенное какбы предполагаетъ уже много чуждаго. Итакъ они уразумѣли, что все, чему Я училъ, твое,— и наставленія, и догматы. Но откуда они узнали? Изъ моихъ словъ, потому что Я такъ и училъ. И не только это (они узнали), но и то, что Я отъ Тебя пришелъ (ст. 8),—какъ это, дѣйствительно, Онъ и старался внушить во всемъ Еван-

геліи. *Азъ о сихъ молю* (ст. 9). Что Ты говоришь? Ты учишь Отца, какбы невѣдущаго? Ты бесѣдуешь, какъ будто съ человѣкомъ не знающимъ? Что, въ самомъ дѣлѣ, значитъ это раздѣленіе? Видишь ли, что не для чего инаго Онъ молится, какъ только для того, чтобы показать (ученикамъ), какую любовь Онъ имѣетъ къ нимъ? Кто не только подаетъ свое, но и другаго умоляетъ о томъ же, тотъ, дѣйствительно, выказываетъ великую любовь. Итакъ, что же значитъ: *о сихъ молю*? *Не о всемъ*, то есть, *мірѣ*, *но о тѣхъ, ихже далъ еси мнѣ.* Онъ часто повторяетъ слово: *далъ еси*, дабы показать, что это угодно Отцу. Потомъ, такъ какъ Онъ многократно говорилъ: *твои суть*, *и* Ты *мнѣ ихъ далъ еси*; то, дабы не подумалъ кто нибудь, что власть Его недавняя и что Онъ только теперь принялъ ихъ,—Онъ, устраняя эту неправую мысль, говоритъ: *моя вся твоя суть*, *и твоя моя*: *и прославихся въ нихъ* (ст. 10). Видишь ли равночестіе? Дабы ты, слыша (слова): *далъ еси мнѣ,* не подумалъ, что они отчуждаются теперь отъ власти Отца или что прежде (были чужды власти) Сына, Онъ уничтожилъ и то и другое (предположеніе), сказавъ тѣ слова. Онъ какбы такъ говоритъ: когда ты слышишь: *мнѣ ихъ далъ еси*, — не думай, что они становятся уже чуждыми Отцу: потому, что все мое принадлежитъ Ему равнымъ образомъ, когда слышишь слова: *твои бѣша*, — не думай, что они были чужды Мнѣ: потому что все, принадлежащее Ему, есть мое. Такимъ образомъ слово: *далъ еси*, сказано

только по одному приспособленію; ибо все, что имѣетъ Отецъ, принадлежитъ Сыну, и все, что имѣетъ Сынъ, принадлежитъ Отцу. Но этого нельзя сказать даже о Сынѣ по (Его) человѣчеству; но (говорится о Немъ), такъ какъ Онъ больше (человѣка). Всякому извѣстно, что принадлежащее меньшему принадлежитъ и бо̀льшему, но—не на оборотъ; а здѣсь говорится и на оборотъ, что и показываетъ равенство. Это же Христосъ показалъ и въ другомъ мѣстѣ, когда, бесѣдуя о вѣдѣніи, сказалъ: *вся, елика иматъ Отецъ, моя сутъ* (Іоан. 16, 15). А выраженія: *далъ еси мнѣ*, и всѣ подобныя (Онъ употребляетъ только для того), дабы показать, что Онъ, не какъ чуждый, пришелъ и привлекъ ихъ къ Себѣ, но принялъ ихъ, какъ своихъ. Затѣмъ Онъ представляетъ причину и доказательство, говоря: *и прославихся въ нихъ*, то есть, что Я имѣю власть надъ ними, или что они прославятъ Меня, вѣруя Тебѣ и Мнѣ, и прославятъ одинаково. Если же (допустить, что) Онъ прославился въ нихъ не одинаково, то принадлежащее Отцу не принадлежитъ уже Ему. А никто не прославляется тѣмъ, надъ чѣмъ не имѣетъ власти.

2. Какъ же Онъ прославился одинаково (со Отцемъ)? Всѣ одинаково умираютъ за Него, какъ и за Отца, проповѣдуютъ Его, какъ и Отца, и, какъ говорятъ, что все совершается именемъ Отца, такъ — и именемъ Сына. *И ктому нѣсмь въ мірѣ, и сіи въ мірѣ сутъ* (ст. 11): то есть, хотя Я и не буду видимъ во плоти, однако чрезъ нихъ буду прославляться. Но почему Онъ непре-

станно говоритъ: *въ мірѣ нѣсмь*, и: такъ какъ Я оставляю ихъ, то поручаю ихъ Тебѣ,—и: *егда бѣхъ въ мірѣ, азъ соблюдахъ ихъ* (ст. 12)? Кто станетъ понимать эти слова просто, тотъ придетъ ко многимъ нелѣпостямъ. Возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, допустить, чтобы Его дѣйствительно, не было въ мірѣ и чтобы, отходя, Онъ поручалъ ихъ (учениковъ) другому? — А тѣ слова сказаны какбы простымъ человѣкомъ, который навсегда разлучается съ ними. Видишь ли, что Онъ говоритъ весьма многое по человѣчески и приспособляясь къ ихъ понятіямъ, такъ какъ они думали, будто въ Его присутствіи они будутъ безопаснѣе? Потому-то Онъ и говоритъ: *егда бѣхъ (съ ними), азъ соблюдахъ ихъ*. Но вѣдь Онъ же сказалъ: *пріиду къ вамъ* (Іоан. 14, 18), и: *съ вами есмь до скончанія (вѣка)* (Матѳ. 28, 20). Почему же теперь говоритъ такъ, какбы дѣйствительно намѣревался разлучиться (съ ними)? Какъ я уже сказалъ, (здѣсь Онъ говоритъ) приспособляясь къ ихъ мнѣнію, — для того, чтобы они нѣсколько успокоились, слыша, что Онъ говоритъ такъ поручаетъ ихъ Отцу. Такъ какъ они, послѣ многихъ съ Его стороны утѣшеній, не убѣждались, то Онъ, наконецъ, обращается съ бесѣдою къ Отцу, выказывая (въ ней) сильную любовь къ нимъ. Онъ какбы такъ говорилъ: такъ какъ Ты призываешь Меня къ Себѣ, то утверди ихъ въ безопасности, потому что Я къ Тебѣ иду. Что Ты говоришь? Развѣ Самъ не можешь хранить ихъ? Конечно, могу. Для чего же говоришь это? — *Да имутъ радость мою исполнену*

(ст. 13), то есть, для того, чтобы они не смущались, такъ какъ они еще несовершенны. Этими словами Онъ показалъ, что все это говорилъ такъ для ихъ успокоенія и радости: иначе слова Его представляются противорѣчащими. *Нынѣ же нѣсмь въ мірѣ, и сіи въ мірѣ суть.* Такъ, дѣйствительно, думали ученики; а Онъ пока приспособляется къ нимъ. Еслибы Онъ сказалъ: Я соблюду ихъ,—они не столько повѣрили бы; поэтому говоритъ: *Отче святый соблюди ихъ во имя твое* (ст. 11), то есть, твоею помощію. *Егда бѣхъ въ мірѣ, азъ соблюдахъ ихъ во имя твое* (ст. 12). Опять бесѣдуетъ, какъ человѣкъ и какъ пророкъ, потому что нигдѣ не видно, чтобы Онъ дѣлалъ что нибудь именемъ Божіимъ. *Ихже далъ еси мнѣ, сохранихъ, и никтоже отъ нихъ погибе, токмо сынъ погибельный, да сбудется писаніе* (ст. 12). И въ другомъ мѣстѣ Онъ говоритъ: *все, еже даде ми, не погублю отъ него* (Іоан. 6, 39). Но вѣдь не одинъ только тотъ (Іуда) погибъ, но и многіе (другіе)—впослѣдствіи. Какъ же Онъ говоритъ: *не погублю?* —Сколько отъ Меня зависитъ,—не погублю. Въ другомъ мѣстѣ Онъ показываетъ это еще яснѣе, говоря: *не изжену его вонъ* (Іоан. 6, 37). Не моя вина (что они гибнутъ): Я (никого) не отгоняю и не оставляю; если же кто самъ собою отпадаетъ, Я насильно не влеку. *Нынѣ же къ тебѣ гряду* (ст. 13). Видишь, какъ по-человѣчески составлена эта бесѣда? Посему, если кто захочетъ на этомъ основаніи унижать Сына, тотъ унизитъ и Отца. Смотри, въ

самомъ дѣлѣ, какъ Онъ съ самаго начала то какбы учитъ Его и поясняетъ Ему, то какбы заповѣдуетъ. Какбы учитъ, когда говоритъ: *не о мірѣ молю*; а какбы заповѣдуетъ, когда говоритъ: *азъ соблюдахъ ихъ доселѣ, и никтоже погибе*, и: такъ и Ты *соблюди ихъ*. И опять: *твои бѣша, и мнѣ ихъ далъ еси*, и: *егда бѣхъ въ мірѣ, азъ соблюдахъ ихъ*. Но разрѣшеніе на все въ томъ, что всѣ эти слова сказаны были приспособительно къ ихъ немощи. Сказавъ, что *никтоже отъ нихъ погибе*, *токмо сынъ погибельный*, Онъ прибавилъ: *да сбудется писаніе*. О какомъ Онъ говоритъ Писаніи? — О томъ, которое многое о Немъ предсказываетъ. Но (Іуда) погибъ не потому, дабы чрезъ это исполнилось Писаніе. Касательно этого я уже много и прежде говорилъ, (и показалъ), что это особенный оборотъ, свойственный Писанію, — представлять какбы причиною то, что сбывается впослѣдствіи. И если мы не хотимъ ошибаться, то должны все тщательно изслѣдывать,—и свойство говорящаго, и предметъ (рѣчи), и законы, свойственные Писанію. *Братіе, не дѣти бывайте умы* (1 Кор. 14, 20).

3. Но это надобно прилагатѣ не къ разумѣнію только Писанія, но и къ жизни. Малыя дѣти не ищутъ, дѣйствительно, великаго, а обыкновенно удивляются ничего не стоющему. Такъ, они съ радостію смотрятъ на колесницы, коней, возничаго и колеса, когда все это сдѣлано изъ глины; а если видятъ дѣйствительно царя, сидящаго на золотой колесницѣ, и запряженныхъ бѣлыхъ ло-

шаковъ, и великую пышность,—не обращають и вниманія. Или еще,—получивъ куклу, сдѣланную изъ того же вещества и представляющую невѣсту, они наряжають ее; а на невѣстъ настоящихъ и блистающихъ красотою и не взглянуть. Такъ поступають они и во многихъ другихъ случаяхъ. Этому же нынѣ подвержены многіе и изъ взрослыхъ. Слыша о небесномъ, они не обращають и вниманія, а ко всему бренному пристрастны, какъ дѣти, — изумляются земному богатству, высоко цѣнять и славу, и наслажденіе въ настоящей жизни, хотя все это — такія же дѣтскія (игрушки), какъ и тѣ, а небесное доставляеть жизнь и славу, и успокоеніе. И какъ дѣти, лишаясь игрушекъ, плачуть, а небеснаго и пожелать не умѣють; такъ точно — и многіе изъ тѣхъ, которыхъ считають мужами. Поэтому-то сказано: *не дѣти бывайте умы*. Ты любишь, скажи мнѣ, богатство? Зачѣмъ же ты любишь не богатство пребывающее, а дѣтскія игрушки? Вѣдь, еслибы ты увидѣлъ, что кто нибудь дорожить свинцовой монетой и наклоняется, чтобы поднять ее, — не заключилъ ли бы ты о его большой бѣдности? А ты собираешь вещи еще болѣе ничтожныя и — считаешь себя въ числѣ богатыхъ! Есть ли въ этомъ какой нибудь смыслъ? Нѣтъ, богатымъ мы назовемъ того, кто презираетъ все настоящее; потому что никто, поистинѣ, никто не рѣшится пренебречь этими ничтожными вещами — серебромъ, золотомъ и другими призрачными благами, если не имѣетъ любви къ большему, точно также, какъ (никто не пренебрежетъ) и свинцо-

вой монетой, если не имѣетъ золотыхъ монетъ. Посему и ты, когда видишь человѣка, оставляющаго безъ вниманія весь міръ, будь увѣренъ, что онъ это дѣлаетъ не по чему нибудь другому, а именно по тому, что имѣетъ въ виду міръ лучшій. Такъ и земледѣлецъ пренебрегаетъ небольшимъ количествомъ пшеницы, потому что надѣется на большую жатву. Если же, при невѣрной еще надеждѣ, мы пренебрегаемъ тѣмъ, что имѣемъ; то тѣмъ болѣе должны поступать такъ при ожиданіи несомнѣнномъ. Посему-то я прошу и умоляю (васъ),—не вредите самимъ себѣ и, владѣя грязью, не лишайте себя сокровищъ горнихъ, не ведите въ пристань корабля съ соломою и мякиною. Пусть, что хотятъ, говорятъ обо мнѣ, пусть сердятся на меня за частое повтореніе этого увѣщанія, пусть называютъ меня пустословомъ, докучливымъ, несноснымъ: я никогда не перестану увѣщавать въ этомъ и постоянно буду повторять всѣмъ вамъ эти пророческія слова: *грѣхи твоя милостынями искупи, и неправды твоя щедротами убогихъ* (Дан. 4, 24). *И обѣси тыя на своей выи, да не днесь убо сотвориши, утрѣ же оставиши*. Какъ это тѣло требуетъ ежедневной пищи, такъ, — или еще гораздо болѣе,—и душа. И если мы не будемъ питать ея, она становится весьма слабою и безобразною. Не станемъ же презирать ее, когда она гибнетъ и томится голодомъ. Много разъ она получаетъ каждый день,—отъ пожеланій, отъ гнѣва, отъ нерадѣнія, отъ злословія, мщенія и зависти: надобно, слѣдовательно, приготовлять для

ней и лекарства. А не маловажно лекарство милостыни: его можно прилагать ко всѣмъ ранамъ. *Дадите*, сказалъ (Господь), *милостыню, и се вся чиста вамъ будутъ* (Лук. 11, 41),—милостыню, но не то, что пріобрѣтено любостяжаніемъ; потому что удѣляемое отъ пріобрѣтеннаго любостяжаніемъ не имѣетъ значенія, хотя бы ты подавалъ и нуждающимся. Такъ, истинная милостыня свободна отъ всякой неправды, и она-то все дѣлаетъ чистымъ. Такая милостыня лучше и поста, и простертія на землѣ. Хотя эти подвиги тяжелѣе и труднѣе, но она — плодотворнѣе. Она просвѣщаетъ душу, утучняетъ ее и дѣлаетъ благообразною и прекрасною. Не столько плодъ маслины оживляетъ силы борцевъ, сколько этотъ елей укрѣпляетъ подвижниковъ благочестія. Будемъ же умащать имъ свои руки, чтобы успѣшно поднимать ихъ на противника (спасенію). Кто старается быть милосердымъ къ нуждающемуся, тотъ скоро отстанетъ и отъ любостяжанія. Кто постоянно подаетъ бѣднымъ, тотъ легко и отъ гнѣва отстанетъ, и никогда не будетъ высоко думать о себѣ. Какъ врачъ, постоянно пользующій раненыхъ, легко смиряется, вглядываясь въ человѣческую природу при несчастныхъ случаяхъ съ другими; такъ и мы, если рѣшимся помогать бѣднымъ, удобно научимся любомудрствовать, не будемъ дивиться богатству и не станемъ считать настоящаго чѣмъ нибудь великимъ; но будемъ пренебрегать всѣмъ и, воспаривъ къ небу, удобно достигнемъ вѣчныхъ благъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего

Іисуса Христа, съ которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 82.

Азъ дахъ имъ слово твое, и міръ возненавидѣ ихъ, яко не суть отъ міра, якоже и азъ отъ міра нѣсмь **(Іоан. 17, 14).**

Когда мы, живя добродѣтельно, подвергаемся преслѣдованію людей злыхъ и за привязанность къ добродѣтели терпимъ отъ нихъ осмѣяніе,— не будемъ печалиться и скорбѣть. Таково уже свойство добродѣтели, что она, обыкновенно, въ людяхъ злыхъ возбуждаетъ къ себѣ ненависть. Завидуя тѣмъ, кто хочетъ жить праведно, и думая самимъ себѣ приготовить оправданіе, если очернятъ добрую славу другихъ, злые люди ненавидятъ (добрыхъ), какъ идущихъ противоположнымъ путемъ, и всячески стараются обезславить ихъ жизнь. Но не будемъ сокрушаться; потому что ненависть злыхъ служитъ знакомъ добродѣтели. Посему-то и Христосъ говоритъ: *аще отъ міра бысте были, міръ убо свое любилъ бы* (Іоан. 15, 19), и опять въ другомъ мѣстѣ: *горе вамъ, егда добрѣ рекутъ вамъ вси человѣцы* (Лук. 6, 26). Поэтому же и здѣсь Онъ говоритъ:

дахъ имъ слово твое, и міръ возненавидѣ ихъ. Этимъ опять высказываетъ причину, по которой они достойны великаго попеченія Отца. За Тебя, говоритъ, и за слово твое они подверглись ненависти; поэтому достойны всего (Твоего) промышленія. *Не молю, да возмеши ихъ отъ міра, но да соблюдеши ихъ отъ непріязни* (ст. 15). Снова поясняетъ свою рѣчь, снова дѣлаетъ ее вразумительнѣе,—чѣмъ не иное что показываетъ, какъ только то, что Онъ много заботится объ ученикахъ, такъ какъ молится за нихъ съ такимъ тщаніемъ. Но вѣдь Онъ сказалъ, что Отецъ все сдѣлаетъ, чего бы они ни попросили. Почему же здѣсь Самъ молится за нихъ? Это, какъ я сказалъ, только для того, чтобы выразить (свою) любовь къ нимъ. *Отъ міра не суть, якоже и азъ отъ міра нѣсмь* (ст. 16). Какъ же Онъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *ихже далъ еси мнѣ отъ міра: твои бѣша* (ст. 6)?—Тамъ Онъ разумѣетъ (подъ міромъ) природу, а здѣсь—злыя дѣла. Такимъ образомъ (Христосъ) многое говоритъ въ похвалу учениковъ, и во-первыхъ,—что̀ они *не суть отъ міра*, потомъ,—что самъ Отецъ далъ ихъ (Ему),—что они соблюли слово Его и что за это ихъ ненавидятъ. А что Онъ говоритъ: *якоже и азъ отъ міра нѣсмь*,—этимъ не смущайся. Слово: *якоже* не означаетъ здѣсь совершеннаго сходства. Какъ въ томъ случаѣ, когда говорится о Христѣ и объ Отцѣ, словомъ: *якоже* выражается полное равенство, по сродству Ихъ естества; такъ тогда, когда говорится о насъ и о Христѣ, оно допускаетъ великое раз-

личіе, по причинѣ великой и безпредѣльной разности между Его и нашимъ естествомъ. И если Христосъ *беззаконія не сотвори, ниже обрѣтеся лесть во устѣхъ его* (Исаіи 53, 9); то какъ могутъ быть сравниваемы съ Нимъ Апостолы! Что же значатъ слова Его: *отъ міра не суть*?—Они имѣютъ въ виду другой (міръ), у нихъ ничего нѣтъ общаго съ землею,—они сдѣлались небесными гражданами. И этимъ также Онъ показываетъ свою любовь (къ нимъ),—такъ какъ хвалитъ ихъ предъ Отцемъ и поручаетъ ихъ Родившему. Сказавъ же: *соблюди ихъ,* Онъ сказалъ не только объ избавленіи ихъ отъ опасностей, но и объ утвержденіи въ вѣрѣ. Посему и прибавилъ: *святи ихъ во истину твою* (ст. 17),—сдѣлай святыми преподаніемъ Св. Духа и правыхъ догматовъ. Какъ прежде сказалъ: *чисти есте за слово, еже глаголахъ вамъ* (15, 3); такъ и теперь говоритъ тоже самое: наставь ихъ, научи истинѣ. Но вѣдь Онъ сказалъ, что это дѣлаетъ Духъ: какъ же теперь проситъ объ этомъ Отца? Это—опять для того, чтобы ты позналъ (Ихъ) равночестіе. А исповѣданіе правыхъ догматовъ о Богѣ, дѣйствительно, освящаетъ душу. Не удивляйся и тому, что Онъ приписываетъ освященіе слову. А что Онъ говоритъ (здѣсь) о догматахъ, это видно изъ того, что Онъ прибавилъ: *слово твое истина есть,* то есть, нѣтъ въ немъ ничего ложнаго, но все сказанное должно непремѣнно исполниться; нѣтъ также ничего образнаго, ничего тѣлеснаго. Такъ и Павелъ говоритъ о Церкви, что Христосъ освятилъ ее—*въ глаго-*

лъ (Ефес. 5, 26). Значитъ, и глаголъ Божій можетъ очищать. Впрочемъ, мнѣ кажется, что выраженіе: *святи ихъ*, значитъ и нѣчто другое, именно: отдѣли ихъ для слова и проповѣди. И это опять видно изъ дальнѣйшихъ словъ. *Якоже мене*, говоритъ Христосъ, *послалъ еси въ міръ, и азъ послалъ ихъ въ міръ* (ст. 18). Тоже говоритъ и Павелъ: *положивъ въ насъ слово примиренія* (2 Кор. 5, 19). Дѣйствительно, для чего пришелъ Христосъ, для того и Апостолы обошли вселенную. Но слово: *якоже* опять и здѣсь не означаетъ равенства между Имъ и Апостолами: иначе какимъ бы образомъ люди могли быть посланы? А говорить о будущемъ, какъ о прошедшемъ, — дѣло Ему обыкновенное. *И за нихъ азъ священу себе, да и тіи будутъ священи во истину* (ст. 19). Что значитъ: *священу себе*? Приношу Тебѣ жертву. Жертвы же всѣ называются святыми, какъ и дѣйствительно свято все, принесенное Богу. Но такъ какъ въ ветхомъ завѣтѣ освященіе было въ прообразѣ и (совершалось чрезъ приношеніе) овцы, а теперь оно уже не въ прообразѣ, но въ самой истинѣ; то Онъ говоритъ: *да и тіи священи будутъ во истину* Твою. И ихъ самихъ Я посвящаю Тебѣ, и дѣлаю приношеніемъ. Это Онъ говоритъ или потому, что Глава ихъ дѣлается жертвою, или потому, что они и сами будутъ жертвою. *Представите*, сказано, *уды ваши жертву живу, святу* (Римл. 12, 1), и еще: *вмѣнихомся, яко овцы заколенія* (Пс. 43, 23). Такимъ образомъ и безъ смерти Онъ дѣлаетъ ихъ жертвою и при-

ношеніемъ. А что словомъ: *священу* Онъ намекалъ на свою жертву, это видно изъ того, что слѣдуетъ далѣе. *Не о сихъ же молю токмо, но и о вѣрующихъ словесе ихъ ради въ мя* (ст. 20). Такъ какъ Онъ умеръ за (всѣхъ) вѣрующихъ, а между тѣмъ сказалъ: *за нихъ азъ священу себе*; то, дабы кто не подумалъ, что Онъ умеръ только за Апостоловъ, Онъ прибавилъ: *не о сихъ же молю токмо, но и о вѣрующихъ словесе ихъ ради въ мя* (ст. 20).

2. Чрезъ это Онъ опять ободрилъ ихъ души, показавъ, что (у нихъ) будетъ много учениковъ. Такъ какъ Онъ сдѣлалъ общимъ достояніемъ то, что имъ принадлежало по преимуществу, то опять утѣшаетъ ихъ, объявляя, что они же будутъ виновниками и спасенія другихъ. А сказавъ и о спасеніи ихъ, и объ освященіи вѣрою и жертвою, Онъ говоритъ, наконецъ, о единомысліи и тѣмъ заключаетъ свое слово. Этимъ Онъ началъ, этимъ и оканчиваетъ. Въ началѣ Онъ сказалъ: *заповѣдь новую даю вамъ* (13, 34), а теперь (говоритъ): *да (вси) едино будутъ, якоже ты, Отче, во мнѣ, и азъ въ тебѣ* (ст. 21). Слово: *якоже* опять не означаетъ, по отношенію къ ученикамъ, точнаго равенства; потому что для нихъ и невозможно было такое (единеніе). Оно значитъ: сколько возможно для людей,—подобно тому, какъ и въ словахъ: *будите милосерди, якоже Отецъ вашъ* (Лук. 6, 36). А что значитъ: *въ насъ?*— По вѣрѣ въ Насъ. Такъ какъ ничто столько не соблазняетъ всѣхъ, какъ раздоръ: то Онъ старается, чтобы (всѣ) были едино. Что же, ска-

жешь, достигъ ли Онъ этого? И очень достигъ; потому что всѣ, увѣровавшіе чрезъ Апостоловъ, суть едино, хотя нѣкоторые изъ нихъ и отдѣлились. Впрочемъ, и это (отдѣленіе) не укрылось отъ Него; напротивъ, Онъ предсказалъ и о немъ, и показалъ, что оно происходитъ отъ человѣческаго нерадѣнія. *Да и міръ вѣру иметъ, яко ты мя послалъ еси* (ст. 21). Это же самое Онъ говоритъ и въ началѣ: *о семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (13, 35). Но какимъ образомъ другіе могли чрезъ это увѣровать? — Увѣруютъ, говоритъ, потому что Ты — Богъ мира. Итакъ, если они будутъ соблюдать все то, чему научились, то слушающіе ихъ узнаютъ Учителя по ученикамъ. Если же они будутъ въ несогласіи, то никто не скажетъ, что они—ученики Бога мира; а не признавая Меня миротворцемъ, никто не будетъ исповѣдывать и того, что Я посланъ Тобою. Видишь ли, какъ до самаго конца Онъ старается утвердить свое единомысліе со Отцемъ?—*И азъ славу, юже далъ еси мнѣ, дахъ имъ* (ст. 22), то есть, славу чудесъ, славу ученія и славу—да будутъ единодушны.—Ибо и въ томъ слава, *да будутъ едино*, и слава—больше чудесъ. Какъ предъ Богомъ мы изумѣваемъ, потому что въ естествѣ Его нѣтъ ни несогласія, ни борьбы, и это — величайшая слава; такъ, говоритъ, и они да прославятся тѣмъ же. Но почему же, скажешь, Онъ проситъ Отца даровать имъ это, тогда какъ, по Его же словамъ, даетъ Самъ? Говоритъ ли Онъ, дѣйствительно,

о чудесахъ, или о единомысліи, или о мирѣ,— вездѣ видно, что Онъ самъ преподалъ имъ это. Все это показываетъ, что Онъ проситъ (Отца только) для утѣшенія ихъ. *Азъ въ нихъ, и ты во мнѣ* (ст. 23). Какимъ образомъ Онъ далъ (имъ) славу?—Тѣмъ, что Онъ пребывалъ въ нихъ самъ, имѣя съ собою и Отца, чтобы тѣснѣе соединить ихъ. А въ другомъ мѣстѣ Онъ говоритъ не такъ: не чрезъ Него Отецъ пріидетъ, но Самъ Онъ и Отецъ пріидутъ, и обитель у него (вѣрующаго) сотворятъ (Іоан. 14, 13). Такимъ образомъ тамъ Онъ уничтожаетъ мнѣніе Савеллія, а здѣсь — Арія.—*Да будутъ совершени во едино, и да разумѣетъ міръ, яко ты мя послалъ еси* (ст. 23). Часто повторяетъ это, дабы показать, что миръ можетъ привлекать больше, чѣмъ чудеса. И дѣйствительно, какъ вражда имѣетъ силу раздѣлять, такъ согласіе—соединять. — *И Я возлюбилъ ихъ, якоже мене возлюбилъ еси* (ст. 23). Опять и здѣсь слово: *якоже* (означаетъ, что Онъ возлюбилъ) столько, сколько человѣкъ можетъ быть любимъ. А доказательство этой любви то, что Онъ Себя самого предалъ за нихъ. Сказавъ такимъ образомъ, что (ученики) будутъ въ безопасности, что они не совратятся, что они будутъ святы, что многіе увѣряютъ чрезъ нихъ, что они сподобятся великой славы, что не только самъ Онъ возлюбилъ ихъ, но и Отецъ.—Христосъ говоритъ, наконецъ, и о томъ, что будетъ (съ ними) по отшествіи отсюда, о наградахъ и вѣнцахъ, имъ уготованныхъ. *Отче*,—такъ говоритъ Онъ,—*ихже далъ еси мнѣ, хощу, да*

идѣже есмь азъ, и тіи будутъ со мною (ст. 24). А этого они всегда и домогались говоря: *камо идеши* (Іоан. 14, 5). Но что Ты говоришь? Ты просишь, чтобы получить это, а Самъ еще не имѣешь? Какъ же Ты сказалъ имъ: *сядите на двоюнадесяте престолу* (Матѳ. 19, 28)? Какъ обѣщалъ много и другаго, еще большаго? Видишь ли, что Онъ говоритъ все это приспособительно? Иначе, какъ бы Онъ могъ сказать: *послѣди же идеши* (Іоан. 13, 36)? Очевидно, Онъ говоритъ такъ для большаго удостовѣренія въ (своей) любви. *Да видятъ славу мою, юже далъ еси мнѣ* (ст. 24). Это опять доказательство (Его) единомыслія со Отцемъ. Оно, конечно, выше прежнихъ, потому что Онъ сказалъ: *прежде сложенія міра*; но и въ немъ есть нѣкоторое приспособленіе, такъ какъ Онъ говоритъ: *далъ еси мнѣ*. Если же это не такъ; то я очень желалъ бы спросить противниковъ: тотъ, кто дастъ,—дастъ, конечно, кому либо существующему? Итакъ, неужели Отецъ прежде родилъ Сына, и уже послѣ далъ Ему славу, а сначала оставилъ Его безъ славы? Но какъ можно допустить это? Видишь ли, что слово: *далъ* значитъ тоже, что родилъ?

3. Но почему Христосъ не сказалъ: да будутъ причастниками славы, но: *да видятъ славу*? Этимъ Онъ намекаетъ на то, что все (будущее) блаженство состоитъ именно въ созерцаніи Сына Божія; а отсюда происходитъ уже и слава. Такъ и Павелъ говоритъ: *откровеннымъ лицемъ славу Господню взираю-*

ице (2 Кор. 3, 18). Въ самомъ дѣлѣ, какъ тѣ, которые смотрятъ на солнечные лучи и наслаждаются прозрачнѣйшимъ воздухомъ, получаютъ удовольствіе чрезъ зрѣніе; такъ и тогда, но гораздо въ высшей степени, созерцаніе (Сына Божія) доставитъ намъ наслажденіе. Въ тоже время Христосъ здѣсь показываетъ, что предметомъ созерцанія будетъ не то, что подлежитъ обыкновенному зрѣнію, но нѣкая страшная сущность. — *Отче праведный, и міръ тебе не позна* (ст. 25). Что это значитъ? Какая здѣсь послѣдовательность? Этимъ (Христосъ) показываетъ, что никто не знаетъ Бога, кромѣ тѣхъ, которые познали Сына. Смыслъ словъ Его слѣдующій: Я хотѣлъ бы, чтобы всѣ были въ этомъ состояніи, но не (всѣ) познали Тебя, хотя и ничего не могутъ сказать въ свое оправданіе. Вотъ это именно и значатъ слова: *Отче праведный*. Въ этихъ словахъ, мнѣ кажется, Онъ выражаетъ и негодованіе на то, что (люди) не хотѣли познать столько Благаго и Праведнаго. Такъ какъ Іудеи говорили, что Бога они знаютъ, а Его не знаютъ; то противъ этого Онъ говоритъ: *яко возлюбилъ мя еси прежде сложенія міра* (ст. 24), и тѣмъ защищаетъ Себя отъ іудейскихъ обвиненій. Въ самомъ дѣлѣ, Кто пріялъ славу, Кто возлюбленъ прежде сложенія міра, Кто желаетъ ихъ самихъ имѣть свидѣтелями этой славы,—какъ могъ Тотъ быть противникомъ Отцу? Несправедливо, значитъ, то, что говорятъ Іудеи, будто они знаютъ Тебя, а Я не знаю; напротивъ, Я знаю Тебя, другіе же Тебя не познали. *И сіи позна-*

ша, яко ты мя послалъ еси (ст. 25). Видишь ли, что Онъ намекаетъ на тѣхъ, которые говорили, будто Онъ не отъ Бога, и къ этому направляетъ все слово? *И сказахъ имъ имя твое, и скажу* (ст. 26). Но вѣдь Ты сказалъ, что совершенное знаніе даруется Духомъ? Такъ; но что принадлежитъ Духу, то—мое. *Да любы, еюже мя еси возлюбилъ, въ нихъ будетъ, и азъ въ нихъ* (ст. 26). Когда они уразумѣютъ, кто Ты; тогда узнаютъ, что Я не чуждъ (Тебѣ), но весьма любимъ (Тобою), что Я истинный Сынъ (твой) и соединенъ съ Тобою. Убѣдившись же въ этомъ, какъ должно, они соблюдутъ и вѣру въ Меня, и твердую любовь. А когда они будутъ любить, какъ должно; тогда Я буду пребывать въ нихъ. Видишь ли, къ какому прекрасному Онъ пришелъ концу, заключивъ рѣчь словомъ о любви, матери всѣхъ благъ? Итакъ будемъ вѣровать и любить Бога, чтобы и о насъ не было сказано: *Бога исповѣдуютъ вѣдѣти, а дѣлы отмещутся его* (Тит. 1, 16), и еще: *вѣры отвергся есть, и невѣрнаго горшій есть* (1 Тим. 5, 8). Въ самомъ дѣлѣ, если невѣрный оказываетъ пособіе и рабамъ, и сродникамъ, и чужимъ, а ты не заботишься и о принадлежащихъ къ твоему роду; то какое, наконецъ, будетъ тебѣ оправданіе, когда чрезъ тебя Богъ подвергается хулѣ и поношенію? Посмотри, сколько Богъ далъ намъ поводовъ къ благотворительности. Одного, говоритъ Онъ, милуй, какъ сродника, другаго—какъ друга, третьяго—какъ сосѣда, того—какъ согражданина, этого—какъ человѣка. Если же ничто это

не трогаетъ тебя, но ты разрываешь всѣ узы; то узнай отъ Павла, что ты хуже невѣрнаго. Тотъ, ничего не слышавъ о милостынѣ, ничего о томъ, что на небѣ, превзошелъ тебя человѣколюбіемъ; а ты, обязанный любить самихъ враговъ, смотришь на своихъ, какъ на враговъ, и деньги бережешь больше, чѣмъ людей. Между тѣмъ деньги, бывъ истрачены, не потерпятъ никакого вреда; а человѣкъ, оставленный безъ призрѣнія, погибнетъ. Что это за безуміе—беречь деньги и не беречь родныхъ! Откуда вселилась эта страсть? Откуда это безчеловѣчіе и жестокость?

4. Еслибы кто, сѣвши какбы на вершинѣ театра, взглянулъ на весь міръ, — или лучше, ограничимся пока, если хотите, однимъ нашимъ городомъ,—такъ, еслибы кто, сѣвши на высокомъ мѣстѣ, могъ разглядѣть все человѣческое,—подумай, сколько увидѣлъ бы онъ безразсудства, сколько пролилъ бы слезъ, какимъ посмѣялся бы смѣхомъ, сколько почувствовалъ бы ненависти! Мы, дѣйствительно, поступаемъ такъ, что наши дѣла и смѣшны, и глупы, и жалки, и ненавистны. Вотъ одинъ кормитъ собакъ, чтобы ловить дикихъ звѣрей, а самъ впадаетъ въ звѣрство; другой (утучняетъ) ословъ и воловъ, чтобы возить камни, а презираетъ людей, истаявающихъ отъ голода; — тратитъ бездну золота, чтобы соорудить каменныхъ людей, а людей настоящихъ, которые отъ бѣдствій сдѣлались каменными, оставляетъ въ небреженіи. Иной собираетъ драгоцѣнные камешки и съ большимъ трудомъ убираетъ ими стѣны; а видя нагіе члены нищихъ, нисколь-

ко не трогается. Одни къ своимъ одеждамъ придумываютъ еще одежды, а между тѣмъ, другіе не имѣють, чѣмъ покрыть и нагаго тѣла. Въ судахъ, опять, одинъ пожираетъ другаго. Иной расточаетъ все на блудницъ и тунеядцевъ; другой — на комедіянтовъ и плясуновъ; иной — на пышныя постройки, на покупку селъ и домовъ. Опять, одинъ вычисляетъ проценты, другой — проценты на проценты; иной сочиняетъ бумаги, наполненныя многими убійствами, и даже ночью не имѣетъ отдыха, неусыпно бодрствуя на пагубу другимъ. Едва насталъ день, одинъ бѣжить на прибыль неправедную, другой — на трату распутную, а иные—на кражу государственную. Вообще, объ излишнемъ и запрещенномъ—много заботы, а о необходимомъ нѣтъ и мысли. Судящіе носятъ, дѣйствительно, имя судей, а поступаютъ, какъ разбойники и человѣкоубійцы. Если кто разсмотритъ тяжбы или завѣщанія, тотъ опять и здѣсь найдетъ множество зла, — коварство, воровство, злые умыслы. И объ этомъ—все попеченіе, а о духовномъ нѣтъ и мысли. Въ церковь всѣ приходятъ только для того, чтобы посмотрѣть; но отъ насъ требуется не это, — намъ нужны дѣла и чистая душа. Если же ты весь день истратишь на любостяжаніе и потомъ, пришедши (въ церковь), скажешь нѣсколько словъ; то не только не умилостивишь Бога, но еще болѣе раздражишь Его. Если ты хочешь преклонить на милость твоего Господа, то покажи дѣла: познай множество всякаго рода бѣдствій, призри нагихъ, алчущихъ, обижаемыхъ. Богъ открылъ

тебѣ тысячи путей къ человѣколюбію. Итакъ, не будемъ обманывать самихъ себя, живя напрасно и даромъ, и не будемъ небрежны потому, что теперь здоровы. Мы уже не разъ подвергались болѣзни и, дойдя до крайней степени изнеможенія, умирали отъ страха и ожиданія будущаго. Помышляя объ этомъ, будемъ думать, что опять можемъ подвергнуться тому же; пріобрѣтемъ тотъ же самый страхъ и сдѣлаемся лучшими, — такъ какъ настоящія наши дѣла достойны тысячи осужденій. Засѣдающіе въ судахъ (у насъ) подобны львамъ и псамъ, а торгующіе на рынкахъ—лисицамъ. Да и тѣ, которые живутъ, не занимаясь никакими дѣлами, — и тѣ пользуются свободою отъ дѣлъ не какъ должно, но губятъ весь досугъ на театры и происходящія оттуда дурныя дѣла. И нѣтъ никого, кто обличалъ бы за все это; а соревнующихъ и сокрушающихся, что сами не могутъ дѣлать наравнѣ съ другими,—много. Но и эти послѣдніе также подвергнутся наказанію, хотя они и не дѣлаютъ худаго. *Не точію* (говоритъ Апостолъ), *сія творятъ, но и соизволяютъ творящимъ* (Римл. 1, 32). Наклонности ихъ одинаково растлѣнны, а изъ словъ Апостола видно, что будетъ наказаніе и за сердечное расположеніе. Каждый день я говорю это и не перестану говорить. Если кто послушаетъ,—хорошо; а если (теперь) и никто не обратитъ вниманія, то все же вы услышите это тогда, когда вамъ не будетъ отъ того никакой пользы, и вы станете укорять самихъ себя, а я буду чистъ отъ вины. Но не дай Богъ, чтобы я имѣлъ

только это оправданіе; нѣтъ, я желалъ бы, чтобы вы были и похвалою для меня предъ судилищемъ Христовымъ, дабы вмѣстѣ насладиться небесными благами, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 83.

И сія рекъ Іисусъ, изыде со ученики своими на онъ полъ потока кедрска, идѣже бѣ вертоградъ, въ онь же вниде самъ и ученицы его (Іоан. 18, 1).

Страшна смерть и великаго исполнена ужаса, но—не для тѣхъ, кому извѣстно высшее любомудріе. Кто ничего ясно не знаетъ о будущемъ, но считаетъ смерть разрушеніемъ и окончаніемъ жизни, тому естественно страшиться и ужасаться ея, потому что онъ какбы отходитъ въ небытіе. А мы, по благодати Божіей, познавшіе безвѣстная и тайная премудрости божественной, и почитающіе смерть переселеніемъ, мы несправедливо стали бы трепетать ея; напротивъ, мы должны радоваться и благодушествовать, потому что, остав-

ляя эту временную жизнь, мы отходимъ къ другой, гораздо лучшей, блистательнѣйшей и конца не имѣющей. Вотъ этому-то и Христосъ научаетъ насъ самымъ дѣломъ, идя на страданіе не по насилію и необходимости, но добровольно. *Сія рекъ Іисусъ*, говоритъ (Евангелистъ), *изыде со ученики своими на онъ полъ потока кедрска, идѣже бѣ вертоградъ, въ онь же вниде самъ и ученицы его Вѣдяше же и Іуда, предаяй его, мѣсто: яко множицею собирашеся ту Іисусъ со ученики своими* (Іоан. 18, 1—2). Идетъ среди ночи, переходитъ потокъ, спѣшитъ достигнуть мѣста, извѣстнаго предателю, и чрезъ то, избавляя злоумышленниковъ отъ труда и освобождая ихъ отъ всякаго безпокойства, показываетъ (своимъ) ученикамъ, что идетъ на страданіе добровольно,—а это въ особенности могло утѣшить ихъ,—и заключаетъ Себя въ саду, какбы въ темницѣ. *Сія рекъ* имъ. Что ты говоришь, (Евангелистъ)? Вѣдь Онъ бесѣдовалъ съ Отцемъ, вѣдь Онъ молился? Почему же ты не говоришь, что Онъ пришелъ туда, окончивъ молитву? По тому, что то была не молитва, но рѣчь—ради учениковъ. Съ Нимъ вошли и ученики Его въ садъ. До такой степени Онъ избавилъ ихъ отъ боязни, что они не только уже не противорѣчатъ (Ему), но и вошли (съ Нимъ) въ садъ. Но какимъ образомъ пришелъ туда Іуда? Какое онъ имѣлъ побужденіе идти туда? Изъ этого видно, что Христосъ часто проводилъ ночи внѣ дома. Иначе, еслибы Онъ всегда проводилъ ночь дома,—Іуда не пришелъ бы въ пустое мѣсто, но пошелъ бы въ

домъ, въ надеждѣ найти Его тамъ спящимъ. А чтобы ты, услышавъ о садѣ, не подумалъ, что Христосъ скрывался, Евангелистъ присовокупилъ: *вѣдяше Іуда мѣсто*, — и не только это, но еще и то, что (Іисусъ) *множицею собирашеся ту со ученики своими*. Дѣйствительно, Онъ часто бывалъ съ ними наединѣ и бесѣдовалъ о предметахъ необходимыхъ, о которыхъ другимъ не слѣдовало слышать. Это Онъ дѣлалъ по преимуществу въ горахъ и въ садахъ, всегда изыскивая мѣстность, удаленную отъ шума, дабы вниманіе (слушателей) не отклонялось отъ слушанія. *Іуда убо, пріемъ спиру и отъ архіерей и фарисей слуги, пріиде тамо* (ст. 3). Архіереи и фарисеи не однократно и прежде посылали схватить Его (Іисуса), но—не могли. Изъ этого видно, что Онъ и теперь предалъ Себя добровольно. Но какимъ образомъ уговорили спиру? Это были солдаты, готовые дѣлать все за деньги. *Іисусъ же, вѣдый вся грядущая нань, изшедъ рече имъ: кого ищете* (ст. 4)? То есть, не теперь только и не изъ того, что они пришли, Онъ узналъ объ этомъ, но уже напередъ зналъ все сіе и потому безъ смущенія говорилъ и дѣйствовалъ. Почему же они приходятъ съ оружіемъ, намѣреваясь схватить Его? Они боялись Его послѣдователей. По этой же причинѣ они и напали на него поздно ночью. *Изшедъ рече имъ: кого ищете; Отвѣщаша ему: Іисуса Назорея* (ст. 4, 5). Видишь ли непреоборимую силу,—какъ Онъ, находясь среди ихъ, ослѣпилъ глаза ихъ? А что не темнота была причиною (того, что они не узнали

Іисуса), это показалъ Евангелистъ, сказавши, что они имѣли (съ собой) и свѣтильники. Да еслибы и не было свѣтильниковъ, все же они должны были бы узнать Его по голосу. Если же они и не знали Его, то какъ могъ не знать Іуда, который неразлучно находился съ Нимъ? Вѣдь и онъ стоялъ вмѣстѣ съ ними, и однакожъ, не только, подобно имъ, не узналъ Его, но и повергся вмѣстѣ съ ними на землю. Это сдѣлалъ Іисусъ для того, дабы показать, что безъ Его соизволенія они не только не могли бы взять Его, но (не могли) и увидѣть Его, хотя Онъ находился среди ихъ. *Паки вопроси ихъ (Іисусъ): кого ищете* (ст. 7)? О, безуміе! Слово Его повергло ихъ на землю; а они и послѣ того, какъ испытали столь великую силу, не обратились, но опять устремляются на тоже. Посему, исполнивъ, съ своей стороны все, Онъ, наконецъ, предаетъ Себя и говоритъ имъ: *рѣхъ вамъ, яко азъ есмь* (ст. 8). *Стояше же и Іуда, иже предаяше его* (ст. 5). Замѣть незлобіе Евангелиста: онъ не поноситъ предателя, но (просто) расказываетъ событіе, стараясь то одно показать, что все произошло по Его соизволенію. А чтобы кто нибудь не сказалъ, что Онъ самъ расположилъ ихъ къ тому, (чтобы взять Его), такъ какъ самъ Себя отдалъ имъ и объявилъ Себя предъ ними,—Христосъ сначала сдѣлалъ все, что могло отклонить ихъ отъ предпріятія, и уже тогда, какъ они остались упорными въ злобѣ и не имѣли никакого оправданія, предалъ имъ Себя, говоря: *аще убо мене ищете, оставите сихъ ити* (ст. 8). Такъ до послѣдней минуты

выказываетъ свою любовь къ ученикамъ! Если, говоритъ, вы во Мнѣ имѣете нужду, то не трогайте ихъ. Вотъ Я самъ Себя предаю вамъ. *Да сбудется слово, еже рече, яко не погублю отъ нихъ никогоже* (ст. 9). Подъ именемъ погибели (Христосъ) разумѣетъ здѣсь не эту смерть, но ту — вѣчную; а Евангелистъ принялъ эти слова и въ смыслѣ настоящей смерти. Можетъ быть, кто нибудь удивится, какъ (воины) не взяли вмѣстѣ съ Нимъ и не умертвили Апостоловъ, особенно, когда Петръ раздражилъ ихъ своимъ поступкомъ съ рабомъ. Кто же удержалъ ихъ? Не другой кто, а таже сила, которая повергла ихъ на землю. Потому-то и Евангелистъ, желая показать, что это произошло не по ихъ волѣ, но по силѣ и волѣ Того, Кто былъ взятъ ими, присовокупилъ: *да сбудется слово, еже рече, яко никтоже отъ нихъ погибе* (сн. 17, 12).

2. Одушевленный этими словами, равно какъ и тѣмъ, что уже совершилось, Петръ поднимаетъ въ это время оружіе противъ пришедшихъ. Но какъ же, скажешь, былъ ножъ у того, кому заповѣдано было не имѣть ни дорожной сумы, ни двухъ одеждъ (Матѳ. 10, 9)? Мнѣ кажется, Петръ боялся именно этого (нападенія) и потому заранѣе приготовилъ (ножъ). Если же ты спросишь: какимъ образомъ тотъ, кому дано повелѣніе не ударять въ ланиту, дѣлается человѣкоубійцею,— (я отвѣчу), что, дѣйствительно, ему заповѣдано было не мстить за себя; но здѣсь онъ отмщалъ не за себя самаго, а за своего Учителя. Притомъ же

ученики не были еще вполнѣ совершенны. Если ты хочешь видѣть Петра любомудрствующимъ, то посмотри на него впослѣдствіи, когда онъ подвергается ранамъ и—переноситъ ихъ съ кротостію, терпитъ безчисленное множество бѣдствій и—не раздражается. — А Христосъ и здѣсь совершаетъ чудо и тѣмъ въ одно и тоже время и научаетъ насъ творящимъ зло благодѣтельствовать, и обнаруживаетъ свою силу. Рабу Онъ возвращаетъ ухо, а Петру говоритъ: *вси пріемшіи ножъ, ножемъ погибнутъ* (Матѳ. 26, 52). Какъ поступилъ при умовеніи (ногъ), смиривъ горячность Петра угрозою, такъ поступаетъ и здѣсь. А о имени раба Евангелистъ упоминаетъ по той причинѣ, что это событіе было весьма важно не потому только, что Христосъ исцѣлилъ, но и потому, что исцѣлилъ человѣка, который пришелъ взять Его и не много послѣ имѣлъ ударить Его въ ланиту, что этимъ Онъ отстранилъ долженствовавшую возникнуть отсюда брань на Его учениковъ. Поэтому-то Евангелистъ сказалъ и имя (раба), чтобы тогдашніе читатели могли изыскать и изслѣдовать, дѣйствительно ли это такъ было. Не безъ намѣренія также онъ говоритъ и о (томъ, что отсѣчено было) правое ухо; но, какъ мнѣ кажется, онъ хотѣлъ этимъ показать горячность Апостола, такъ какъ онъ устремился почти на самую голову. Но Іисусъ не только Петра останавливаетъ угрозою, но и другихъ (Апостоловъ) утѣшаетъ слѣдующими словами: *чашу, юже даде мнѣ Отецъ, не имамъ ли пити ея* (ст. 11)? Этимъ Онъ показываетъ, что все, что теперь

совершается, зависитъ не отъ силы враговъ, но отъ Его соизволенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаетъ, что Онъ не противникъ Божій, но послушенъ Отцу даже до смерти. Тогда-то уже *яша Іисуса, и связаша его, и ведоша его ко Аннѣ первѣе* (ст. 12. 13). Для чего же къ Аннѣ? Отъ полноты удовольствія они хвалились этимъ событіемъ, какбы одержали побѣду. Анна *бѣ тесть Каіафѣ. Бѣ же Каіафа давый совѣтъ Іудеомъ, яко уне есть единому человѣку умрети за люди* (ст. 13. 14). Для чего Евангелистъ опять напомнилъ намъ это пророчество? Для того, чтобы показать, что все это совершилось для нашего спасенія, и что таково величіе этой истины, что и самые враги предвозвѣщали о томъ. Итакъ, чтобы слушатель не смутился, услышавъ объ узахъ (Христа), (Евангелистъ) напоминаетъ объ этомъ пророчествѣ, то есть, — что смерть Его была спасеніемъ для вселенной. *По Іисусѣ же идяше Симонъ Петръ и другій ученикъ* (ст. 15). Кто этотъ другой ученикъ? Тотъ, кто написалъ объ этомъ. Почему же онъ не называетъ себя по имени? Когда онъ возлежалъ на персяхъ Іисусовыхъ, тогда была у него причина скрыть свое имя; но почему онъ это дѣлаетъ теперь? По той же самой причинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, и здѣсь онъ повѣствуетъ о великомъ подвигѣ, то есть, что въ то время, когда всѣ разбѣжались, онъ послѣдовалъ (за Христомъ). Поэтому-то онъ скрываетъ свое имя и о Петрѣ упоминаетъ прежде, чѣмъ о себѣ. О себѣ же онъ былъ вынужденъ упомянуть здѣсь, дабы пока-

зать, что онъ обстоятельнѣе всѣхъ другихъ разсказываетъ о происшествіяхъ во дворѣ (архіерейскомъ), потому что онъ самъ былъ внутрь двора. И смотри, какъ онъ отстраняетъ отъ себя похвалу! Дабы кто нибудь не сказалъ, что онъ въ то время, какъ всѣ удалились, прошелъ (вслѣдъ за Христомъ) даже далѣе Симона, онъ говоритъ: *(ученикъ той) знаемъ бѣ архіереови* (ст. 15),—дабы никто не удивлялся тому, что онъ послѣдовалъ (за Іисусомъ во дворъ), и никто не превозносилъ его за мужество. Напротивъ, поведеніе Петра, точно, удивительно: онъ былъ весьма боязливъ, и однакожъ дошелъ до самаго двора, тогда какъ всѣ другіе удалились. Что онъ пришелъ туда, это показываетъ его любовь (къ Учителю); а что онъ не вошелъ во дворъ, это зависѣло отъ его страха и боязни. Для того именно Евангелистъ и описалъ это, чтобы напередъ приготовить извиненіе его отреченію. О себѣ же самомъ онъ, не какъ что нибудь важное, замѣчаетъ, что онъ *знаемъ бѣ архіереови*; но такъ какъ сказалъ, что онъ одинъ вошелъ съ Іисусомъ (во дворъ), то, дабы ты не подумалъ, что это было дѣломъ его великой души, онъ выставляетъ на видъ и причину этого поступка. А что и Петръ вошелъ бы, еслибы ему было дозволено, (Евангелистъ) показалъ это въ послѣдующемъ повѣствованіи. Дѣйствительно, когда (Іоаннъ) вышелъ и приказалъ привратницѣ ввести его, Петръ тотчасъ вошелъ. Почему же онъ самъ не ввелъ его? Онъ не отставалъ отъ Христа, но слѣдовалъ за Нимъ, и потому приказалъ женщинѣ ввести Петра.

Чтожъ (говоритъ) эта женщина? *Еда и ты ученикъ еси человѣка сего?* А онъ отвѣчаетъ: *нѣсмь* (ст. 17). Что ты говоришь, Петръ? Не сказалъ ли ты недавно, что, если надобно будетъ мнѣ и душу свою положить за Тебя, я положу? Итакъ, что же случилось, что ты не въ состояніи перенести даже вопроса привратницы? Развѣ воинъ спрашивалъ тебя? Развѣ одинъ изъ тѣхъ, которые взяли (Іисуса)? То была простая и ничтожная привратница, да и вопросъ былъ не наглый. Въ самомъ дѣлѣ, она не сказала: и ты ученикъ этого обманщика и губителя, но—*человѣка сего*; а это, скорѣе, были слова сострадающей и соболѣзнующей. Но Петръ и этого не вытерпѣлъ. А слова: *еда и ты*—сказаны потому, что Іоаннъ былъ уже во дворѣ. Такъ кротко говорила эта женщина! Но (Петръ) ничего этого не замѣтилъ и не обратилъ на это вниманія ни въ первый разъ, (когда его спросили), ни во второй, ни даже въ третій, доколѣ алекторъ не возгласилъ; да и это не образумило его, пока Іисусъ не взглянулъ на него съ горестію. Онъ стоялъ съ слугами архіерейскими и грѣлся (ст. 18), а Христосъ, связанный, содержался въ домѣ. Впрочемъ, это говоримъ мы не съ тѣмъ, чтобы осудить Петра, но чтобы показать истину словъ Христовыхъ. *Архіерей же вопроси Іисуса о ученицѣхъ его, и о ученіи его* (ст. 19).

3. Какое лукавство! Теперь хочетъ узнать (ученіе Христово), между тѣмъ какъ постоянно слышалъ Христа, когда Онъ проповѣдывалъ во храмѣ и училъ открыто! Не имѣя возможности

ни въ чемъ обвинить Его, стали спрашивать объ ученикахъ и, вѣроятно, (спрашивали): гдѣ они, для чего Онъ ихъ собралъ, съ какимъ намѣреніемъ и съ какою цѣлію. Все же это говорилъ (архіерей) съ желаніемъ обличить Его, какъ возмутителя и нововводителя, какъ будто никто другой не внималъ Ему, кромѣ ихъ однихъ (учениковъ), какъ будто то было какое нибудь злое скопище. Что же Христосъ? Опровергая это, Онъ говоритъ: *азъ не обинуяся глаголахъ міру* (ст. 20), — а не ученикамъ —наединѣ; Я открыто училъ въ церкви. Что же? Развѣ Онъ ничего не говорилъ втайнѣ? Говорилъ, но не потому, какъ думали они,—не изъ боязни и не съ намѣреніемъ произвести возмущеніе а только въ тѣхъ случаяхъ, когда преподаваемое Имъ ученіе превышало понятіе простаго народа. *Что мя вопрошаеши; вопроси слышавшихъ* (ст. 21). Это слова не человѣка надменнаго и упрямаго, но твердо увѣреннаго въ истинѣ своихъ словъ. Что́ Онъ въ началѣ говорилъ: *аще азъ свидѣтельствую о мнѣ, свидѣтельство мое нѣсть истинно* (Іоан. 5, 31), тоже самое выражаетъ и теперь, желая представить свидѣтельство вполнѣ достовѣрное. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ архіерей спрашивалъ Его объ ученикакъ, какъ ученикахъ; то Онъ отвѣчаетъ: «Меня ты спрашиваешь о моихъ (ученикахъ)? Спроси (лучше) враговъ, навѣтниковъ, тѣхъ, которые связали Меня: пусть они говорятъ». Ибо это несомнѣнное доказательство истины, когда кто призываетъ враговъ въ свидѣтели своихъ словъ. Что же архіерей? Ему надобно было бы произвести

такое изслѣдованіе, но онъ этого не сдѣлалъ,—а между тѣмъ за то, что Христосъ сказалъ такъ, *единъ отъ предстоящихъ слугъ удари его въ ланиту* (ст. 22). Что можетъ быть наглѣе этого? Ужаснись небо, вострепещи земля при такомъ долготерпѣніи Владыки и при такой несправедливости рабовъ! И что же было Имъ сказано? Вѣдь Онъ сказалъ: *что мя вопрошаеши*;—не потому, чтобы отказывался отвѣчать, но потому, что хотѣлъ устранить всякій поводъ къ несправедливости. И между тѣмъ, какъ за такой отвѣтъ Его ударили въ ланиту, Онъ, несмотря на то, что могъ все поколебать и истребить и ниспровергнуть,—ничего такого не дѣлаетъ, а напротивъ, произноситъ слова, могущія укротить всякое звѣрство. *Аще злѣ*, говоритъ, *глаголахъ, свидѣтельствуй о злѣ*, т. е., если ты можешь порицать мои слова,—докажи это; если же не можешь,—*что мя біеши* (ст. 23)? Видишь ли судилище, исполненное шума, смятенія, ярости и безчинства? Архіерей спрашивалъ злонамѣренно и коварно; Христосъ отвѣчалъ прямо и какъ должно. Что же затѣмъ слѣдовало сдѣлать? Опровергнуть или принять слова Его. Но этого не дѣлаютъ; а рабъ ударяетъ Его въ ланиту. Значитъ, это уже не судилище, а заговоръ и насиліе. Потомъ, такъ какъ и при всемъ этомъ не нашли ничего (къ обвиненію Его), то отсылаютъ *его связаннаго къ Каіафѣ* (ст. 24). *Бѣ же Симонъ Петръ стоя и грѣяся* (ст. 25). Ахъ, въ какую безчувственность погруженъ былъ этотъ горячій и пламенный человѣкъ въ то время, какъ

отводили Іисуса! И послѣ всего этого, онъ даже не трогается съ мѣста, но все еще грѣется,—дабы ты зналъ, какъ велика слабость нашей природы, когда ее оставитъ Богъ. И когда (снова) спросили его, — онъ опять отрицается. Затѣмъ родственникъ раба, *емуже Петръ урѣза ухо*, негодуя на этотъ поступокъ, говоритъ: *не азъ ли тя видѣхъ въ вертоградѣ* (ст. 26)? Но ни садъ, ни пламенная любовь, которую тамъ выказалъ (Христосъ) въ бесѣдѣ съ учениками, не привели ему на память то, что̀ было: онъ все это забылъ отъ страха. Но для чего всѣ Евангелисты согласно написали объ этомъ? Не для того, чтобы осудить ученика, но чтобы насъ научить, какъ худо не возлагать всего упованія на Бога, а надѣяться на себя. Ты же, съ своей стороны, подивись попечительности Учителя: и въ то время, какъ Самъ находился во власти (враговъ) и былъ связанъ, Онъ оказываетъ великое промышленіе объ ученикѣ,—возстановляетъ своимъ взглядомъ падшаго и приводитъ его въ слезы. *Ведоша же Іисуса отъ Каіафы въ преторъ* (ст. 28). Такъ было для того, чтобы множество судей, даже противъ воли, засвидѣтельствовало, что истину изслѣдовали съ точностію. *Бѣ же утро* (ст. 28). Къ Каіафѣ ведутъ (Іисуса) прежде, нежели алекторъ возгласилъ, а къ Пилату— утромъ. Такимъ обозначеніемъ времени Евангелистъ показываетъ, что Каіафа цѣлую половину ночи допрашивалъ Его, но ни въ чемъ не обличилъ, а потому и отослалъ къ Пилату. Предоставивъ другимъ (Евангелистамъ) повѣствовать о

томъ, (что происходило у Каіафы), самъ Іоаннъ говоритъ о дальнѣйшемъ. И смотри, какъ смѣшны Іудеи! Схватили невиннаго, взялись за оружіе, а въ преторію не входятъ, *да не осквернятся* (ст. 28). Между тѣмъ, какое, скажи мнѣ, оскверненіе—войдти въ судилище, гдѣ преступники получаютъ законное возмездіе? Но тѣ, которые одесятствовали мяту и анисъ (Матѳ. 23, 23), не думали, что они оскверняются, когда убиваютъ несправедливо; а войти въ судилище считали для себя оскверненіемъ. Но почему они сами не убили Его, а привели къ Пилату? Главнымъ образомъ потому, что ихъ начальство и власть въ то время были уже весьма ограниченны, такъ какъ они находились подъ владычествомъ у Римлянъ; а съ другой стороны, они опасались, чтобы въ послѣдствіи времени не быть обвиненными отъ Пилата и не подвергнуться наказанію. А что̀ значатъ слова: *да ядятъ пасху* (ст. 28)? Вѣдь и самъ Христосъ совершилъ пасху *въ первый день опрѣсночный* (Матѳ. 26, 17)? Или Евангелистъ называетъ здѣсь пасхою весь праздникъ, или Іудеи, дѣйствительно, тогда совершали пасху, а Христосъ совершилъ ее однимъ днемъ прежде, дабы Его закланіе было въ пятокъ, когда совершалась и ветхозавѣтная пасха. Такимъ-то образомъ Іудеи, взявшись за оружіе, что̀ было непозволительно, и проливая кровь, выказываютъ особенную разборчивость въ отношеніи къ мѣсту и вызываютъ къ себѣ Пилата. Пилатъ вышелъ и говоритъ: *кую вину приносите на человѣка сего* (Іоан. 18, 29)?

4. Видишь человѣка, чуждаго ихъ властолюбія и зависти? Хотя Христосъ былъ связанъ и приведенъ такимъ множествомъ людей,—(Пилатъ) не почелъ этого за несомнѣнное доказательство вины, но спрашиваетъ, признавая несправедливымъ то, что судъ они присвоили себѣ, а ему предоставили наказаніе безъ суда. Что же они? *Аще не бы былъ сей злодѣй, не бѣхомъ предали его тебѣ* (ст. 30). О, безуміе! Почему же вы не высказываете самаго злодѣянія, а прикрываете его? Почему не обличаете зла?—Видишь ли, какъ они вездѣ отказываются отъ прямаго обвиненія и ничего не могутъ сказать? Анна спросилъ (Христа) объ ученіи и, выслушавъ отвѣтъ, отослалъ къ Каіафѣ. Этотъ, съ своей стороны, снова спросилъ Его и, не найдя ничего, препроводилъ къ Пилату. Пилатъ говоритъ: *кую вину приносите на него?* Но и тутъ они ничего не могутъ сказать, а опять прибѣгаютъ къ однимъ предположеніямъ. Потому-то Пилатъ въ недоумѣніи говоритъ: *поимите его вы, и по закону вашему судите ему. Рѣша же Іудее: намъ не достоитъ убити никогоже.* Это они сказали, *да слово Іисусово сбудется, еже рече, назнаменуя, коею смертію хотяше умрети* (ст. 31. 32). Но какимъ образомъ на это указывали слова: *намъ не достоитъ убити никогоже*? Евангелистъ говоритъ такъ или по тому, что Христосъ долженъ былъ умереть не за нихъ только однихъ, но и за язычниковъ, или по тому, что имъ нельзя было никого распинать. Если же они говорятъ: *намъ не достоитъ (убити) никогоже*; то этимъ

указываютъ на обстоятельства того времени. А что они убивали, и убивали другимъ способомъ, это показываетъ примѣръ Стефана, побитаго камнями. Но Христа они хотѣли распять, чтобы и самый образъ смерти Его сдѣлать позорнымъ. Пилатъ, желая избавиться отъ безпокойства, не входитъ въ продолжительное изслѣдованіе дѣла; но, войдя (въ преторію), спрашиваетъ Іисуса и говоритъ: *ты ли еси царь іудейскъ?* Іисусъ отвѣчалъ: *о себѣ ли ты сіе глаголеши, или иніи тебѣ рекоша о мнѣ* (ст. 33. 34)? Для чего Христосъ спрашиваетъ объ этомъ? — Чтобы обнаружить злой умыселъ Іудеевъ. Пилатъ слышалъ уже объ этомъ отъ многихъ; но такъ какъ Іудеи ничего не могли сказать, то, во избѣжаніе продолжительнаго изслѣдованія, онъ рѣшается выставить на видъ то самое (обвиненіе), которое всегда на Него взводили. Притомъ, когда онъ сказалъ имъ: *по закону вашему судите ему,*— они, желая показать, что преступленіе Его не іудейское, отвѣчаютъ: *намъ не достоитъ*, т. е., Онъ виновенъ не противъ нашего закона, но вина его общественная. Пилатъ уразумѣлъ это и потому, какъ будто ему самому угрожала опасность, говоритъ: *ты ли еси царь іудейскъ?* Слѣдовательно Христосъ спрашиваетъ его не по незнанію, но говоритъ: *иніи тебѣ рекоша* — для того, чтобы и онъ обвинилъ Іудеевъ. Это самое выказываетъ и Пилатъ, когда говоритъ: *еда азъ жидовинъ есмь? Родъ твой и архіерее предаша тя мнѣ: что еси сотворилъ* (ст. 35)? Этимъ онъ хотѣлъ оправдать себя. Но такъ

какъ онъ сказалъ: *ты ли еси царь іудейскъ*; то Іисусъ, обличая Его, говоритъ: «ты, конечно, слышалъ объ этомъ отъ Іудеевъ; почему же не дѣлаешь точнѣйшаго изслѣдованія? Они сказали, что Я—злодѣй; спроси же: какое Я зло сотворилъ? Но ты этого не дѣлаешь, а просто высказываешь вину. *О себѣ ли ты сіе глаголеши*, или по внушенію другихъ»? Пилатъ не могъ тотчасъ сказать, что слышалъ объ этомъ, но просто ссылается на народъ и говоритъ: *предаша тя мнѣ*, и потому надобно спросить Тебя, что Ты сдѣлалъ. Что же Христосъ? *Царство мое нѣсть отъ міра сего* (ст. 38). Возводитъ (къ высшимъ понятіямъ) Пилата, который былъ не очень золъ и не похожъ на Іудеевъ, и хочетъ показать, что Онъ не простой человѣкъ, но Богъ и Сынъ Божій. И чтожъ Онъ говоритъ? *Аще отъ міра сего было бы царство мое, слуги мои убо подвизалися быша, да не преданъ быхъ былъ Іудеомъ* (ст. 36). Этимъ Онъ уничтожилъ то, чего именно доселѣ страшился Пилатъ,—уничтожилъ подозрѣніе въ похищеніи Имъ царской власти. Ужели же царство Его не *отъ міра сего*? Конечно, отъ міра. Какъ же Онъ говоритъ: *нѣсть*? Это не то означаетъ, будто Онъ здѣсь (на землѣ) не владычествуетъ, но то, что Онъ имѣетъ начальство и на небѣ, и что власть Его не есть человѣческая, но гораздо выше и славнѣе человѣческой. Но если Его власть выше (власти земной), то какимъ образомъ Онъ взятъ этою послѣднею? Онъ предалъ самъ Себя добровольно. Но Онъ пока не открываетъ этого, а что

говоритъ? «Еслибы Я былъ отъ міра сего, *слуги мои убо подвизалися быша, да не преданъ быхъ былъ Іудеомъ».* Этимъ показываетъ слабость царства земнаго, такъ какъ оно получаетъ свою силу отъ слугъ; а горнее царство сильно само по себѣ и не нуждается ни въ комъ. Еретики въ этихъ словахъ находятъ предлогъ утверждать, что Христосъ отличенъ отъ Творца (δημιουργοῦ). Но какъ же о Немъ сказано: *во своя пріиде* (Іоан. 1, 11)? И что, съ другой стороны, значатъ слова Его: *отъ міра не суть, якоже и азъ отъ міра нѣсмь* (Іоан. 17, 16)? Въ такомъ же смыслѣ Онъ говоритъ и о царствѣ, что оно не отъ міра. Этимъ Онъ не отнимаетъ у Себя власти надъ міромъ и промышленія о немъ, но показываетъ, что царство Его, какъ я уже сказалъ, не есть человѣческое и скоропреходящее. Что же Пилатъ? *Убо царь ли еси ты; Отвѣща Іисусъ: ты глаголеши, яко царь азъ есмь: азъ на сіе родихся* (ст. 37). Если же Онъ родился царемъ, то отъ рожденія же имѣетъ и все прочее, и нѣтъ у Него ничего, чтобы Онъ пріобрѣлъ впослѣдствіи. Слѣдовательно, когда ты слышишь: *якоже Отецъ иматъ животъ въ себѣ, тако даде и Сынови животъ имѣти въ себѣ* (Іоан. 5, 26): то не представляй здѣсь ничего другаго, кромѣ рожденія. Такимъ же образомъ разумѣй и другія подобныя мѣста (св. Писанія). *И на сіе пріидохъ въ міръ, да свидѣтельствую истину* (ст. 37), т. е., чтобы это самое всѣмъ возвѣстить, всѣхъ этому научить и всѣхъ въ этомъ убѣдить.

3. А ты, человѣкъ, когда слышишь это и видишь своего Владыку связаннымъ и водимымъ туда и сюда, почитай за ничто все настоящее. А то, съ чѣмъ сообразно, что тогда, какъ Христосъ претерпѣлъ за тебя столь многое, ты часто не переносишь даже словъ! Онъ подвергается оплеванію, а ты украшаешься дорогими одеждами и перстнями, и если не отъ всѣхъ слышишь похвалы, то считаешь и жизнь не въ жизнь. Онъ терпитъ поношеніе, переноситъ насмѣшки и позорные удары по ланитамъ; а ты хочешь, чтобы тебя всѣ почитали, и не переносишь поношенія Христова. Не слышишь ли, что говоритъ Павелъ: *подражатели мнѣ бывайте, якоже и азъ Христу* (1 Кор. 11, 1)? Итакъ, если кто станетъ осмѣивать тебя,—ты вспомни о твоемъ Владыкѣ: Ему поклонялись съ насмѣшкою, Его безчестили и словами и дѣлами, надъ Нимъ много смѣялись; а Онъ не только не отмщалъ тѣмъ же, но за все воздавалъ противнымъ,—кротостію и терпѣніемъ. Ему-то станемъ и мы подражать. Чрезъ это мы въ состояніи будемъ избавиться и отъ всякаго оскорбленія. Въ самомъ дѣлѣ, не тотъ, кто оскорбляетъ, но кто малодушествуетъ и огорчается оскорбленіемъ, тотъ бываетъ причиною оскорбленія, такъ какъ придаетъ ему язвительность. Вѣдь еслибы ты не огорчился, — оскорбленіе не было бы для тебя и оскорбленіемъ. А чувствовать огорченіе отъ оскорбленій,—это зависитъ не отъ тѣхъ, которые причиняютъ ихъ, но отъ тѣхъ, которые имъ подвергаются. Да изъ-за чего тебѣ и огорчаться? Если тебя оскорбили несправедли-

во, въ такомъ случаѣ приличнѣе всего не негодовать, а жалѣть о томъ (кто тебя оскорбилъ); если же справедливо,—то тѣмъ болѣе надобно быть спокойнымъ. Какъ въ томъ случаѣ, когда кто нибудь назоветъ тебя богатымъ, между тѣмъ, какъ ты бѣденъ,—такая похвала нисколько не относится къ тебѣ, а скорѣе служитъ для тебя насмѣшкой; такъ и тогда, когда оскорбляющій тебя скажетъ что-нибудь такое, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ,—его порицаніе также нисколько не относится къ тебѣ. Но если совѣсть укоряетъ тебя въ томъ, что сказано (обидчикомъ), въ такомъ случаѣ не огорчайся его словами, но исправься въ своихъ дѣлахъ. Это я говорю объ оскорбленіяхъ дѣйствительныхъ. Если же кто станетъ укорять тебя за бѣдность и незнатное происхожденіе, — ты посмѣйся надъ нимъ. Это служитъ безчестіемъ не для того, кто слышитъ, но для того, кто говоритъ: такъ какъ онъ не умѣетъ любомудрствовать. Но когда это говорится, скажешь, въ присутствіи многихъ, которые не знаютъ истины, тогда рана бываетъ невыносима! Напротивъ, тогда-то особенно это и сносно, когда предстоитъ предъ тобой множество свидѣтелей, которые тебя хвалятъ и одобряютъ, а того (обидчика) укоряютъ и осмѣиваютъ. Вѣдь не тотъ у людей разсудительныхъ пользуется почтеніемъ, кто отмщаетъ, но тотъ, кто ничего не говоритъ на обиду. Если же между присутствующими не найдется ни одного разсудительнаго, въ такомъ случаѣ еще болѣе посмѣйся надъ своимъ обидчикомъ и порадуйся зрѣлищу небесному; потому что тамъ (на

небѣ) всѣ тебя похвалятъ, будутъ рукоплескать тебѣ и одобрять тебя. А между тѣмъ, достаточно и одного Ангела, въ сравненіи съ цѣлою вселенною. И что я говорю объ Ангелахъ, когда и самъ Господь прославитъ тебя? Въ такихъ-то помышленіяхъ будемъ упражнять себя. Нѣтъ никакого вреда въ томъ, когда мы промолчимъ въ случаѣ оскорбленія, а напротивъ, вредно мстить за оскорбленіе. Еслибы, дѣйствительно, было вредно въ молчаніи переносить оскорбительныя слова; то Христосъ не сказалъ бы: *аще тя кто ударитъ въ десную твою ланиту, обрати ему и другую* (Матѳ. 5, 39). Посему, если кто скажетъ о насъ неправду,—будемъ жалѣть о немъ, потому что онъ навлекаетъ на себя наказаніе и мученіе, назначенное за злорѣчіе, и становится даже недостойнымъ читать свящ. Писаніе. *Ибо грѣшнику рече Богъ: вскую ты повѣдаеши оправданія моя, и воспріемлеши завѣтъ мой усты твоими; Сѣдя на брата твоего клеветалъ еси* (Пс. 49, 16. 20). А еслибы онъ сказалъ и правду,—и въ этомъ случаѣ онъ достоинъ сожалѣнія. Вѣдь и фарисей говорилъ правду; но тѣмъ нисколько не повредилъ тому, кто слушалъ его, а напротивъ, еще принесъ ему пользу, а себя самаго лишилъ безчисленныхъ благъ, потерпѣвъ кораблекрушеніе отъ этого осужденія. Такимъ образомъ, въ томъ и другомъ случаѣ, кто оскорбляетъ тебя, тотъ терпитъ вредъ, а не ты. Ты, напротивъ, если будешь внимателенъ, пріобрѣтешь сугубую пользу: съ одной стороны, ты умилостивишь Бога своимъ молчаніемъ, а съ дру-

гой — сдѣлаешься гораздо скромнѣе, найдешь въ сказанныхъ о тебѣ словахъ поводъ къ исправленію своихъ поступковъ и научишься пренебрегать славою человѣческою. А вѣдь и отъ того происходило для насъ огорченіе, что многіе (изъ насъ) крайне пристрастны къ мнѣнію людскому. Вотъ если такъ мы захотимъ любомудрствовать, то ясно узнаемъ, что все человѣческое—ничтожно. Научимся же этому и, сообразивъ свои недостатки, станемъ мало по малу исправлять ихъ; опредѣлимъ для себя исправить въ настоящій мѣсяцъ одинъ недостатокъ, въ слѣдующій за тѣмъ—другой, а еще въ слѣдующій — третій. Такимъ образомъ, восходя какбы по нѣкотораго рода ступенямъ, мы достигнемъ неба по лѣствицѣ Іаковлевой; ибо, мнѣ кажется, эта лѣствица, вмѣстѣ съ тѣмъ зрѣлищемъ, какое видѣлъ Іаковъ, между прочимъ, указываетъ и на постепенное восхожденіе по лѣствицѣ добродѣтели, по которой можно взойти отъ земли на небо,—не по ступенямъ чувственнымъ, но чрезъ исправленіе и улучшеніе нравовъ. Итакъ приступимъ къ этому путешествію и къ этому восхожденію, чтобы достигнуть неба и насладиться тамъ всѣми благами, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 84.

Азъ на сіе родихся, и на сіе пріидохъ въ міръ, да свидѣтельствую истину: и всякъ, иже есть отъ истины, послушаетъ гласа моего (Іоан. 18, 37).

Чудное дѣло — терпѣніе! Оно поставляетъ душу какбы въ тихое пристанище, избавляя ее отъ волнъ и зловредныхъ вѣтровъ. Христосъ и всегда насъ училъ терпѣнію, но въ особенности (учитъ) теперь, когда Его судятъ и водятъ по разнымъ мѣстамъ. Такъ, когда Его привели къ Аннѣ, Онъ отвѣчалъ съ великою кротостію, и слугѣ, который ударилъ Его въ ланиту, сказалъ такія слова, которыя могутъ уничтожить всякую гордость. Отсюда Онъ перешелъ къ Каіафѣ, потомъ къ Пилату и, проведя такимъ образомъ цѣлую ночь, Онъ вездѣ и во всемъ обнаруживалъ великую кротость. Въ то время, какъ о Немъ говорили, что Онъ — злодѣй, хотя доказать того не могли, — Онъ стоялъ молча; а когда былъ спрошенъ о царствѣ, тогда отвѣчалъ Пилату, чтобы научить его и возвести къ высшимъ понятіямъ. Но почему Пилатъ производитъ допросъ не въ присутствіи Іудеевъ, но наединѣ, вошедши въ преторію? Онъ имѣлъ о Христѣ довольно высо-

кое понятіе, и потому хотѣлъ, вдали отъ смятенія іудейскаго, узнать все въ точности. Когда же онъ спросилъ: *что сотворилъ еси*,—Христосъ въ своемъ отвѣтѣ объ этомъ ничего не сказалъ; а о чемъ преимущественно желалъ Пилатъ услышать, именно о царствѣ Его, о томъ сказалъ слѣдующее: *царство мое нѣсть отъ міра сего*, т. е., Я, дѣйствительно, царь, но не такой, какого ты себѣ представляешь, а гораздо славнѣе. Этими и дальнѣйшими словами Онъ уже даетъ замѣтить, что Онъ не сдѣлалъ никакого зла. Въ самомъ дѣлѣ, кто говоритъ о Себѣ: *азъ на сіе родихся*, *и на сіе пріидохъ*, *да свидѣтельствую истину*; Тотъ показываетъ, что Имъ не сдѣлано никакого зла. Потомъ, сказавши: *всякъ, иже есть отъ истины, послушаетъ гласа моего*, — Онъ привлекаетъ вниманіе Пилата и склоняетъ его сдѣлаться слушателемъ своихъ словъ. Если кто, говоритъ, истиненъ и любитъ истину, тотъ непремѣнно будетъ слушать Меня. И этими немногими словами до того, дѣйствительно, плѣнилъ Пилата, что тотъ сказалъ: *что есть истина* (ст. 38)? Впрочемъ, (Пилатъ) продолжалъ пока заниматься дѣломъ, которое не терпѣло отлагательства. Онъ понималъ, что этотъ вопросъ требовалъ времени (для своего разрѣшенія): а между тѣмъ, хотѣлъ избавить Іисуса отъ неистовства Іудеевъ. Потому-то онъ вышелъ и—что̀ говоритъ? *Азъ ни единыя вины обрѣтаю въ немъ* (ст. 38). Смотри, какое благоразуміе! Не сказалъ: такъ какъ Онъ погрѣшилъ и достоинъ смерти, то простите Его для праздника; но сна-

чала оправдалъ Его отъ всякой вины, и потомъ уже съ полнымъ правомъ проситъ, чтобы они, если не хотятъ отпустить Его, какъ невиннаго,— по крайней мѣрѣ, пощадили бы Его, какъ виновнаго, ради праздника. Поэтому и присовокупилъ: *есть обычай вамъ, да единаго вамъ отпущу на пасху,* и потомъ, желая преклонить ихъ, (продолжалъ): *хощете ли убо, да отпущу вамъ царя іудейска;* **Возопиша же вси:** *не сего, но Варавву* (ст. 39, 40). Какое гнусное желаніе! За подобныхъ себѣ просятъ и виновныхъ отпускаютъ, а невиннаго повелѣваютъ предать казни! Таковъ уже издавна ихъ обычай! Но ты во всемъ этомъ замѣчай человѣколюбіе Господа. *(Тогда) би его Пилатъ* (19, 1), — быть можетъ, желая чрезъ то утишить и укротить ярость Іудеевъ. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ прежними средствами Онъ не могъ освободить Христа; то, желая этимъ, по крайней мѣрѣ, ограничить зло, приказалъ бить Его и позволилъ дѣлать съ Нимъ все, что было сдѣлано,—возложить на Него *ризу багряну и вѣнецъ* (ст. 2), чтобы только утишить ихъ гнѣвъ. Для того онъ и вывелъ Его къ нимъ въ вѣнцѣ, чтобы они, увидѣвши позоръ, какому Его подвергли, нѣсколько успокоились отъ страсти и извергли изъ себя ядъ. Но почему воины дѣлали это, если, дѣйствительно, не было приказанія отъ начальника? Изъ угожденія Іудеямъ. Такъ они и въ началѣ, не по его приказанію, пошли ночью; но отважились на все изъ-за денегъ, въ угожденіе Іудеямъ. Между тѣмъ, Христосъ и при столь многихъ и столь великихъ по-

руганіяхъ стоялъ молча, какъ поступилъ и при допросѣ, и—ничего не отвѣчалъ. А ты не только слушай это, но и непрестанно содержи въ своемъ умѣ; и когда видишь, что Владыка вселенной и всѣхъ Ангеловъ, подвергаясь отъ воиновъ поруганію словами и дѣлами, все переноситъ молчаливо,—поступай такъ же и самъ. Пилатъ назвалъ Христа царемъ іудейскимъ; поэтому (воины) и возлагаютъ на Него одежду посмѣянія. Затѣмъ онъ вывелъ Его и говоритъ: *ни единыя вины обрѣтаю въ немъ* (ст. 4). И вышелъ (*Іисусъ*), *нося вѣнецъ*, — но и это не погасило ярости Іудеевъ; они кричали: *распни*, *распни его* (ст. 5, 6). Тогда Пилатъ, видя, что всѣ его усилія напрасны, говоритъ: *поимите его вы и распните* (ст. 6). Отсюда видно, что и прежнія (поруганія) онъ дозволилъ для укрощенія ихъ неистовства: *азъ бо*, говоритъ, *не обрѣтаю въ немъ вины* (ст. 6).

2. Смотри, сколько средствъ употребляетъ судія, чтобы защитить Его, постоянно объявляя Его невиннымъ; но тѣхъ псовъ ничто не могло преклонить. Ибо и эти слова: *поимите и распните*—показываютъ, что онъ отрекается и не хочетъ имѣть съ ними участіе въ беззаконномъ дѣлѣ. Такимъ образомъ они привели Христа (къ Пилату) съ тѣмъ, чтобы умертвить Его по приговору начальника; но случилось противное: по приговору начальника скорѣе слѣдовало отпустить Его. Бывъ посрамлены этимъ, они говорятъ: *мы законъ имамы, и по закону нашему долженъ есть умрети, яко себе Сына Божія*

сотвори (ст. 7). Но какъ же, когда судія сказалъ вамъ: *поимите его вы и по закону вашему судите ему*,—вы говорили: *намъ не достоитъ убити никогоже*, а теперь прибѣгаете къ (вашему закону? И замѣть обвиненіе: *яко себе Сына Божія сотвори*! Но, скажи мнѣ, развѣ это преступленіе, когда тотъ, кто совершаетъ дѣла, свойственныя Сыну Божію, называетъ себя Сыномъ Божіимъ?—Что же Христосъ? И въ это время, когда они такъ разговаривали между собой, Онъ молчалъ, исполняя пророческое изреченіе: *не отверзаетъ устъ своихъ*: *во смиреніи его судъ его взятся* (Исаіи 53, 7. 8). Между тѣмъ, Пилатъ, услышавъ отъ нихъ, что Онъ *себе Сына Божія, сотвори*, испугался, боясь, какъ бы въ самомъ дѣлѣ не было справедливо то, что они сказали, и какъ бы ему не показаться законопреступникомъ. А они, хотя знали это какъ изъ словъ, такъ и изъ дѣлъ,—не ужасаются, но умерщвляютъ Его за то самое, за что подобало бы поклоняться Ему. По этой причинѣ Пилатъ уже не спрашиваетъ Его: *что еси сотворилъ*; но, колеблемый страхомъ, опять сначала производитъ допросъ, говоря: *аще ты еси Христосъ*? Но (Іисусъ) не отвѣчалъ (ст. 9); потому что (Пилатъ) уже слышалъ: *азъ на сіе родихся*; *и на сіе пріидохъ*, и: *царство мое нѣсть отъ міра сего*, и поэтому долженъ былъ воспротивиться Іудеямъ, и освободить Христа, но онъ этого не сдѣлалъ, а напротивъ, уступилъ неистовству іудейскому. Затѣмъ Іудеи, опровергнутые во всемъ (что они утверждали), обращаются къ обвиненію въ преступле-

ніи государственномъ и говорятъ: *всякъ, иже царя себе творитъ, противится кесарю* (ст. 12). Итакъ надобно было бы тщательно изслѣдовать, дѣйствительно ли Онъ домогался власти и замышлялъ низвергнуть кесаря съ царства; но Пилатъ такого тщательнаго изслѣдованія не дѣлаетъ. Потому Христосъ ничего не отвѣчалъ ему, такъ какъ зналъ, что онъ обо всемъ спрашиваетъ напрасно. Съ другой стороны, о Немъ свидѣтельствовали дѣла, и потому Онъ не хотѣлъ опровергать и защищаться словами, показывая тѣмъ, что Онъ добровольно идетъ на смерть. А такъ какъ Онъ молчалъ, то Пилатъ говоритъ: *не вѣси ли, яко власть имамъ распяти тя* (ст. 10)? Видишь ли, какъ уже напередъ осудилъ самъ себя? И подлинно, если все отъ тебя зависитъ, то почему же ты, не найдя въ Немъ никакой вины, не отпускаешь Его? Когда такимъ образомъ Пилатъ самъ на себя произнесъ осужденіе, — (Іисусъ) говоритъ: *предавый мя тебѣ болій грѣхъ имать* (ст. 11), показывая тѣмъ, что и онъ также повиненъ грѣху. А чтобы низложить его высокомѣріе и гордость,—говоритъ: *не имаши власти ни единыя на мнѣ, аще не бы ти дано было* (ст. 11),—чѣмъ показываетъ, что все это совершается не случайно и не по обыкновенному порядку, но таинственно. А чтобы (Пилатъ), услышавъ слова: *аще не бы ти дано было*, не подумалъ, что онъ свободенъ отъ всякой вины, — (Христосъ) присовокупилъ: *предавый мя тебѣ болій грѣхъ имать*. Но вѣдь если въ самомъ дѣлѣ *дано было*; то, оче-

видно, ни онъ (Пилатъ), ни они (Іудеи) не подлежатъ обвиненію? Напрасно ты будешь говорить это. Выраженіе: *дано* здѣсь значитъ—допущено. Христосъ какбы такъ сказалъ: (Богъ) допустилъ быть этому; однакожъ по этому вы не чужды преступленія. Этими словами Онъ устрашилъ Пилата и представилъ ясное Себѣ оправданіе; почему Пилатъ и *искаше пустити его*. Но Іудеи снова стали кричать: *аще сего пустиши, нѣси другъ кесаревъ* (ст. 12). Такъ какъ, представивши обвиненія отъ своего закона, они нисколько не успѣли (обвинить Его); то теперь злонамѣренно обращаются къ чужимъ законамъ, говоря: *всякъ, иже царя себе творитъ, противится кесарю*. Но гдѣ же Онъ являлся похитителемъ царской власти? И чѣмъ вы можете доказать это? Порфирою? діадемою? одѣяніемъ? воинами? Но не всегда ли Онъ ходилъ одинъ съ двѣнадцатью учениками, употребляя все простое—и пищу, и одежду, и жилище? Но какое малодушіе и какая неумѣстная робость! Пилатъ, подумавъ, что онъ дѣйствительно подвергнется опасности, если пренебрежетъ этимъ, выходитъ какбы съ намѣреніемъ изслѣдовать дѣло (ибо это значитъ выраженіе: *сѣде на судищи*); а между тѣмъ, не сдѣлавъ никакого изслѣдованія, предаетъ Его, думая тѣмъ преклонить ихъ. А что онъ съ такимъ намѣреніемъ дѣлалъ это, послушай, что онъ говоритъ: *се царь вашъ* (ст. 15). Когда же они сказали: *распни его* (ст. 14),—онъ опять присовокупилъ слѣдующія слова: *царя ли вашего распну* (ст. 15)? Но они вопіяли: *не имамы*

царя, токмо кесаря (ст. 15), и тѣмъ добровольно сами себя подвергли наказанію. По тому и Богъ предалъ ихъ, что они уже напередъ сами отвергли отъ себя Его промышленіе и покровительство. И такъ какъ они единогласно отреклись отъ Его царства; то Онъ и попустилъ имъ подвергнуться ихъ собственному приговору. То, что было сказано, конечно, могло уже укротить ихъ гнѣвъ; но они боялись, чтобы Христосъ, бывъ отпущенъ не собралъ опять вокругъ Себя народъ, и потому всячески старались не допустить этого. Великое, по-истинѣ, зло — властолюбіе, великое зло и — можетъ погубить душу. Поэтому-то они никогда Его и не слушали. Пилатъ, вслѣдствіе однихъ Его словъ, хотѣлъ его отпустить; а они не перестаютъ говорить: *распни*! Но почему они настоятельно желаютъ подвергнуть Его такого рода смерти? По тому, что это была смерть самая позорная. Опасаясь, чтобы впослѣдствіи не осталось какой нибудь памяти о Немъ, они стараются подвергнуть Его и казни позорной, не разумѣя того, что препятствіями возвышается истина. А что они это имѣли въ предположеніи, послушай, что̀ говорятъ они: *помянухомъ, яко льстецъ онъ рече еще сый живъ, по тріехъ днехъ возстану* (Матѳ 27, 63). Поэтому они все привели въ движеніе и употребили всѣ мѣры, чтобы очернить послѣдующія событія; поэтому непрестанно кричали: *распни*—т. е., кричала безпорядочная толпа, подкупленная начальниками.

3. А мы станемъ не только читать объ этомъ, но и будемъ все это содержать въ своемъ

умѣ, — терновый вѣнецъ, одежду, трость, побои, удары по ланитамъ, заплеванія, посмѣянія. Постоянное памятованіе объ этомъ въ состояніи уничтожить какой бы то ни было гнѣвъ. Будутъ ли насъ осмѣивать, или будемъ мы терпѣть что либо несправедливо, — постоянно станемъ говорить: *нѣсть рабъ болій господа своего* (Іоан. 15, 20), и будемъ представлять себѣ слова Іудеевъ, которыя они въ неистовствѣ говорили Христу, *бѣса имаши*; *самарянинъ еси ты* (Іоан. 8, 48); *о веельзевулѣ изгонитъ бѣсы* (Матѳ. 12, 24). Для того Христосъ и потерпѣлъ все это, чтобы мы шли по стопамъ Его и терпѣливо переносили насмѣшки. Насмѣшки раздражаютъ несравненно болѣе, чѣмъ ругательства, и однакожъ Онъ не только перенесъ ихъ, но и все сдѣлалъ для того, чтобы издѣвавшихся надъ Нимъ избавить и освободить отъ предлежащаго имъ наказанія. Такъ и Апостоловъ Онъ послалъ для ихъ спасенія, и потому-то ты слышишь, какъ они говорятъ: *вѣмы, яко по невѣдѣнію сія сотвористе* (Дѣян. 3, 17), и такими словами привлекаютъ ихъ къ покаянію. Этому станемъ и мы подражать; ибо ничто такъ не умилостивляетъ Бога, какъ любовь ко врагамъ и благотвореніе обижающимъ насъ. Когда кто нибудь обидитъ тебя, ты смотри не на него, но на діавола, который побуждаетъ его къ тому; на діавола изливай весь свой гнѣвъ, а о немъ даже жалѣй, такъ какъ онъ находится подъ вліяніемъ діавола. Ибо, если ложь—отъ діавола (Іоан, 8, 44); то тѣмъ болѣе отъ него же—безразсудный гнѣвъ. Равнымъ

образомъ, когда увидишь издѣвающагося надъ тобою, помышляй, что это діаволъ побуждаетъ его; потому что насмѣшки—не христіанское дѣло. И если тотъ, кому заповѣдано плакать (Матѳ. 5, 4), кто слышалъ слова: *горе смѣющимся* (Лук. 6, 25),—если тотъ поноситъ другихъ, осмѣиваетъ и раздражается; то онъ заслуживаетъ съ нашей стороны не порицанія, а слезъ. Вѣдь и Христосъ возмутился духомъ, когда помыслилъ объ Іудѣ. Итакъ будемъ стараться осуществлять все это на дѣлѣ. Если же мы не будемъ такъ поступать, то мы напрасно и безъ пользы, или лучше сказать,—на зло себѣ пришли въ этотъ міръ. Одна вѣра не можетъ ввести насъ въ царство небесное, напротивъ, изъ за ней-то особенно и будутъ осуждены тѣ, которые ведутъ жизнь порочную. Ибо *вѣдѣвый волю господина своего, и не сотворивъ, біенъ будетъ много* (Лук. 12, 47), и опять: *аще не быхъ пришелъ и глаголалъ имъ, грѣха не быша имѣли* (Іоан. 15, 24). Итакъ, какое мы будемъ имѣть оправданіе, когда мы находимся внутри царскихъ чертоговъ, удостоились проникнуть въ самое святилище, сдѣлались причастниками очистительныхъ таинствъ, и, между тѣмъ, живемъ хуже язычниковъ, которые не сподобились ни одного изъ этихъ даровъ! Если они, ради суетной славы, обнаружили столько любомудрія; то тѣмъ болѣе надлежитъ намъ, для угожденія Богу, упражняться во всякой добродѣтели. А между тѣмъ, мы не пренебрегаемъ даже богатствомъ! Они не однократно пренебрегали даже собственною жиз-

нію и во время войны жертвовали своими дѣтьми неистовству демоновъ, и презирали собственную природу, ради угожденія демонамъ; а мы не хотимъ пренебречь даже серебромъ—ради Христа, и (не отказываемся) отъ гнѣва — для угожденія Богу, но воспламеняемся и бываемъ ничѣмъ не лучше страдающихъ горячкой. И какъ эти послѣдніе, будучи одержимы болѣзнію, горятъ какбы въ огнѣ; такъ и мы, какъ мучимые нѣкоторымъ огнемъ, никогда не бываемъ въ состояніи удержаться отъ пожеланія, а напротивъ, усиливаемъ и гнѣвъ, и любостяжаніе. Потому-то я стыжусь и изумляюсь, когда между язычниками вижу людей, которые пренебрегаютъ богатствомъ, а у насъ (нахожу) всѣхъ безумно преданными ему. Если же и найдуся (между нами) такіе, которые презираютъ богатство,—за то они бываютъ одержимы другою какою нибудь страстію, напр. гнѣвомъ и завистію: такъ что трудное дѣло—найти чистое любомудріе. А причина этого—въ томъ, что мы не стараемся получить врачевство отъ св. Писанія и слушаемъ его не съ умиленіемъ, скорбію и стенаніемъ, но безъ всякаго вниманія, когда случится свободное время. Оттого-то, когда случится свободное время. Оттого-то, когда найденъ грязный потокъ житейскихъ дѣлъ, онъ все потопляетъ и губитъ всякую пользу, какая и была, можетъ быть, пріобрѣтена. Вѣдь еслибы кто, имѣя рану, приложилъ къ ней лекарство, но не привязалъ бы его тщательно, а позволилъ ему отпасть, и допустилъ въ свою язву попасть водѣ и пыли, и жару, и безчисленному множе-

ству другихъ вещей, которыя могутъ растравлять его рану,—въ такомъ случаѣ, конечно, онъ не получилъ бы никакой пользы, но—не отъ слабости врачебныхъ средствъ; а отъ собственной безпечности. Такъ обыкновенно случается и съ нами, когда мы божественнымъ словамъ внимаемъ мало, а житейскимъ заботамъ предаемся всецѣло и непрерывно. Въ этомъ случаѣ, всякое сѣмя подавляется и все дѣлается безплоднымъ. Итакъ, чтобы этого не было, откроемъ, хотя немного, глаза, воззримъ на небо, посмотримъ на гробницы и могилы отшедшихъ людей. И насъ ожидаетъ тотъ же конецъ, и эта необходимость переселенія часто настаетъ для насъ прежде наступленія вечера. Станемъ же готовиться къ сему отшествію. Намъ нужно многое запасти на этотъ путь; потому что тамъ великій жаръ, большой зной, совершенная пустыня. Нельзя уже тамъ остановиться въ гостинницѣ; нельзя ничего купить; но все надобно взять съ собою отсюда. Послушай, что говорятъ (евангельскія) дѣвы: *идите къ продающимъ* (Матѳ. 25, 9); но тѣ, которыя пошли, ничего не пріобрѣли. Послушай, что говоритъ Авраамъ: *пропасть велика между нами и вами* (Лук. 16, 26). Послушай, что говоритъ Іезекіиль о томъ днѣ: *Ное, и Іовъ, и Даніилъ не избавятъ сыновъ своихъ* (Іез. 14, 14. 18). Но не дай Богъ намъ услышать эти слова! Дай Богъ, напротивъ, чтобы мы запаслись здѣсь всѣмъ нужнымъ для вѣчной жизни и съ дерзновеніемъ узрѣли Господа нашего Іисуса Христа, съ которымъ Отцу, вмѣстѣ со Св. Духомъ,

слава, держава, честь нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 85.

Тогда убо предаде его имъ, да распнется. Посмше Іисуса и ведоша, и нося крестъ свой изыде на глаголемое лобное мѣсто, еже глаголется еврейски Голгоѳа, идѣже пропяша его (Іоан. 19, 16. 17. 18).

Счастіе легко можетъ обольстить и развратить людей невнимательныхъ. Вотъ, напримѣръ, Іудеи еще въ началѣ, пользуясь покровительствомъ Божіимъ, домогались закона, по которому управляются царства языческія, и въ пустынѣ послѣ манны вспоминали о лукѣ. Такъ точно и теперь, отказываясь отъ царства Христова, они провозглашаютъ надъ собою царство кесарево. Посему-то (Господь) и поставилъ надъ ними царя, согласно съ ихъ приговоромъ. А Пилатъ, услышавъ это, *предаде его имъ, да распнется*,—(дѣло) крайне несправедливое! Ему слѣдовало бы допросить, дѣйствительно ли Христосъ домогался присвоить Себѣ царскую власть, а онъ произнесъ приговоръ единственно по страху. Чтобы предостеречь его

отъ этого (страха), Христосъ напередъ уже сказалъ: *царство мое нѣсть отъ міра сего;* но онъ, всецѣло предавъ себя настоящему, не хотѣлъ любомудрствовать ни о чемъ великомъ. Равнымъ образомъ, и сонъ жены его долженъ былъ поразить его; но онъ ни отъ чего этого не образумился и не воззрѣлъ на небо, но предалъ Христа. Тогда (Іудеи) возложили на Него крестъ. уже какъ на осужденнаго; ибо такъ они гнушались этимъ древомъ, что не позволяли себѣ даже прикоснуться къ нему. Такъ было и въ прообразѣ: и Исаакъ (самъ на себѣ) несъ дрова. Только тогда все дѣло ограничилось произволеніемъ отца, такъ какъ то было прообразованіе; а теперь все исполнилось самымъ дѣломъ, потому что это была истина. *И изыде на лобное мѣсто*. Нѣкоторые говорятъ, что здѣсь умеръ и погребенъ Адамъ, и что Іисусъ водрузилъ знаменіе побѣды на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ царствовала смерть. Дѣйствительно, Онъ вышелъ, неся крестъ, какъ знакъ побѣды надъ державою смерти, и, подобно побѣдителямъ, несъ знаменіе побѣды на своихъ раменахъ. Что за важность, если Іудеи и съ другимъ намѣреніемъ опредѣлили Ему нести крестъ? Они распинаютъ Его даже вмѣстѣ съ разбойниками, но и въ этомъ случаѣ противъ воли исполняютъ пророчество: такъ все, что они дѣлали въ поношеніе (Ему), служило къ подтвержденію истины, дабы ты позналъ, сколь велика ея сила. Ибо и объ этомъ издревле предсказалъ Пророкъ: *яко со беззаконными вмѣнися* (Исаіи 53, 11). Итакъ. діаволъ хотѣлъ помрачить это событіе,

но—не могъ: распяты были трое, но просіялъ одинъ Іисусъ, дабы ты позналъ, что все совершилось Его силою. И хотя чудеса совершались въ то время, когда трое пригвождены были ко крестамъ; однакожъ никто и ни одного изъ нихъ не приписалъ никому другому, кромѣ одного Іисуса. Такъ безсильны оказались козни діавола, и все обратилось на главу его! Вѣдь даже изъ тѣхъ двухъ (разбойниковъ) одинъ спасся. Такимъ образомъ діаволъ не только не повредилъ славѣ креста, но и не мало содѣйствовалъ ей; потому что обратить разбойника на крестѣ и ввести его въ рай—не меньше значитъ, чѣмъ потрясти камни. *Написа же и титла Пилатъ* (ст. 19) для того, чтобы съ одной стороны, отмстить Іудеямъ, а съ другой — защитить Христа. Такъ какъ они предали Его, какъ преступника, и старались подтвердить это мнѣніе распятіемъ Его вмѣстѣ съ разбойниками; то, чтобы никто уже впослѣдствіи не имѣлъ права взносить на Него злобныхъ обвиненій и осуждать Его, какъ какого нибудь преступника и злодѣя, Пилатъ, заграждая уста какъ Іудеямъ, такъ и всѣмъ, кто захотѣлъ бы осуждать Его, и показывая, что они возстали противъ своего собственнаго царя, положилъ (на крестѣ), какбы на побѣдномъ памятникѣ, надпись, которая издаетъ свѣтлый голосъ и возвѣщаетъ Его побѣду, и провозглашаетъ царство, хотя—и не всецѣлое. И это Пилатъ объявилъ не на одномъ, но на трехъ языкахъ. Такъ какъ естественно было предполагать, что между Іудеями, по случаю праздника, много было иноплеменниковъ; то, чтобы ни

одинъ изъ нихъ не оставался въ невѣдѣніи объ оправданіи Его, Пилатъ возвѣстилъ о неистовствѣ Іудеевъ на всѣхъ языкахъ. Между тѣмъ, Іудеи завидовали (Іисусу) и тогда, какъ Онъ былъ распятъ. Но какой могъ произойти для васъ вредъ отъ этой надписи? Никакого. Вѣдь если (Христосъ) былъ смертенъ и немощенъ, и долженъ былъ изчезнуть; то чего вы боитесь надписи, которая говоритъ, что Онъ—царь іудейскій? И что̀ они говорятъ? Скажи, что Онъ самъ (это) сказалъ (ст. 21); потому что теперь (эта надпись выражаетъ судебный) приговоръ и общее мнѣніе, а если прибавлено будетъ: *яко самъ рече*, въ такомъ случаѣ это припишется Его собственной дерзости и наглости. Однакожъ Пилатъ не перемѣнилъ своего рѣшенія, но остался при прежнемъ мнѣніи. А чрезъ это опять устрояется не малое какое-либо дѣло, но событіе весьма важное. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ древо креста зарыто было въ землю,—потому что никто не позаботился убрать его, частію отъ страха, а частію отъ того, что вѣрующіе заняты были другими, крайне необходимыми дѣлами; такъ какъ, съ другой стороны, это древо впослѣдствіи имѣли отыскивать, а между тѣмъ, естественно, что три креста лежали вмѣстѣ: то, чтобы крестъ Господень не остался неузнаннымъ, Господь допустилъ быть на немъ надписи, и такимъ образомъ этотъ крестъ сдѣлался извѣстнымъ всѣмъ во-первыхъ отъ того, что онъ лежалъ посреди другихъ, а потомъ и по бывшей на немъ надписи, такъ какъ кресты разбойниковъ не имѣли надписей.—Воины раздѣли-

ли между собою ризы (Христовы), а хитона не раздѣлили (ст. 23). Смотри, какъ чрезъ всѣ ихъ худыя дѣла исполняются пророчества! Ибо и это (раздѣленіе одеждъ) издревле было предсказано Пс. 21, 19). Хотя распяты были трое, но предсказанія Пророковъ исполнялись только на Немъ. Почему, въ самомъ дѣлѣ, (воины) не поступили такъ и съ одеждами другихъ, а только—съ одеждами Его одного? Но ты замѣть точность пророчества. Пророкъ сказалъ не о томъ только, что они раздѣлили, но и о томъ, что не раздѣлили. И дѣйствительно, одежды они раздѣлили, а хитона не раздѣлили, но дѣло о немъ предоставили жребію (ст. 24).

2. Не безъ значенія также употреблено выраженіе: *свыше истканъ* (ст. 23); но одни говорятъ, что оно имѣетъ смыслъ иносказательный и означаетъ то, что Распятый былъ не простой человѣкъ, но (вмѣстѣ съ человѣчествомъ) имѣлъ и *свыше* Божество; а другіе утверждаютъ, что Евангелистъ въ этомъ случаѣ описываетъ самый видъ хитона. Дѣйствительно, такъ какъ въ Палестинѣ ткутъ одежды, сложивъ вмѣстѣ два куска матеріи; то Іоаннъ, чтобы показать, что таковъ именно былъ хитонъ (Христовъ), говоритъ: *свыше истканъ*. А говоритъ онъ объ этомъ, мнѣ кажется, для того, чтобы указать на бѣдность одеждъ (Христовыхъ) и на то, что Христосъ, какъ во всемъ прочемъ, такъ и въ одѣяніи наблюдалъ простоту. Въ то время, какъ воины раздѣляли между собою одежды, самъ Распятый поручаетъ Матерь свою ученику, научая насъ вся-

чески заботиться до послѣдняго издыханія о нашихъ родителяхъ. Такимъ образомъ, когда она неблаговременно безпокоила Его, Онъ говорилъ: *что есть мнѣ и тебѣ, жено* (Іоан. 2, 4)!—и: *кто есть мати моя* (Матѳ. 12, 48)? А теперь выказываетъ величайшую любовь къ ней и поручаетъ ее попеченію ученика, *егоже любляше* (ст. 26). Іоаннъ опять скрываетъ свое имя по скромности; ибо, еслибы онъ хотѣлъ хвалиться, то непремѣнно представилъ бы и причину, по которой былъ любимъ, такъ какъ этою причиною, конечно, было что-нибудь великое и дивное. Но почему Христосъ ни о чемъ другомъ не бесѣдуетъ съ Іоанномъ и не утѣшаетъ его въ скорби? Потому, что не было времени для словъ утѣшенія. А съ другой стороны, (для Іоанна) не маловажно было уже и то, что онъ почтенъ былъ столь великою честію и получилъ такую награду за свое постоянство. Но ты замѣть, съ какимъ душевнымъ спокойствіемъ Христосъ все дѣлалъ въ то время, когда распятый висѣлъ на крестѣ, — съ ученикомъ бесѣдовалъ о своей Матери, исполнялъ пророчества, разбойнику подавалъ добрыя надежды, между тѣмъ какъ прежде распятія мы видимъ Его въ потѣ, душевномъ томленіи и страхѣ. Что же это значитъ? Тутъ нѣтъ ничего непонятнаго, ничего неяснаго: тамъ обнаруживалась немощь (нашего) естества, а здѣсь открывалось величіе (Его) силы. Съ другой стороны, тѣмъ и другимъ Христосъ научаетъ насъ, что и мы, хотя и смущаемся предъ наступленіемъ бѣдствій, тѣмъ не менѣе не должны уклоняться отъ нихъ,

и что, вступивъ въ подвигъ, мы должны все считать легкимъ и удобнымъ. Итакъ не будемъ трепетать смерти. Правда, душа по самой природѣ имѣетъ любовь къ жизни; однакожъ отъ насъ зависитъ или разрѣшить эти узы души и ослабить это стремленіе къ жизни, или скрѣпить (эти узы) и усилить (это стремленіе). Какъ мы, хотя имѣемъ вожделѣніе къ плотскому совокупленію, тѣмъ не менѣе, когда любомудрствуемъ, ослабляемъ силу похоти; такъ точно бываетъ и съ любовію къ жизни. Какъ вожделѣніе плотское Богъ вложилъ въ насъ для дѣторожденія, съ тѣмъ, чтобы сохранить преемство въ нашемъ родѣ, а не для того, чтобы воспрепятствовать шествованію высшимъ путемъ воздержанія; такъ и любовь къ жизни Онъ всѣялъ въ насъ для того, чтобы отвратить насъ отъ самоубійства, а не для того, чтобы воспретить намъ презирать настоящую жизнь. Зная это, мы должны соблюдать мѣру и, съ одной стороны, никогда не должны сами собою идти на смерть, хотя бы насъ угнетали безчисленныя бѣдствія, а съ другой — не должны уклоняться и отказываться отъ ней, когда насъ влекутъ на смерть за богоугодныя дѣла, но смѣло идти на смерть, предпочитая будущую жизнь настоящей. — *Стояху же при крестѣ* жены (ст. 25) Немощнѣйшій полъ явился тогда наиболѣе мужественнымъ: такъ все перемѣнилось! Христосъ, поручая Матерь свою ученику, говоритъ: *се сынъ твой* (ст. 26). Ахъ, какою великою честію Онъ почтилъ своего ученика! Такъ какъ самъ уже отходилъ, то и поручилъ (свою

Матерь) на попеченіе ученику. Какъ мать, она, естественно, скорбѣла и искала (себѣ) покровительства; а потому Онъ справедливо вручаетъ ее возлюбленному ученику и говоритъ ему: *се мати твоя* (ст. 27). Это Онъ сказалъ съ тѣмъ, чтобы соединить ихъ взаимною любовію. Ученикъ такъ и понялъ (слова Христовы), и потому *поятъ ю во свояси* (ст. 27). Но почему Христосъ не упомянулъ ни о какой другой женѣ, хотя и другія стояли при крестѣ? Чтобы научить насъ оказывать предпочтеніе своимъ матерямъ. Дѣйствительно, какъ въ томъ случаѣ, когда родители препятствуютъ въ дѣлахъ духовныхъ, не должно и знать ихъ; такъ, напротивъ, когда они нисколько въ томъ не препятствуютъ,—имъ надобно воздавать все должное и предпочитать ихъ всѣмъ другимъ людямъ, за то, что они насъ родили, за то, что воспитали, за то, что понесли изъ-за насъ множество трудовъ и горя. Этимъ Христосъ заграждаетъ уста и безстыдству Маркіонову. Въ самомъ дѣлѣ, если Онъ не родился по плоти и не имѣлъ матери; то почему Онъ только о ней одной показываетъ столь великое попеченіе? *Посемъ вѣдый Іисусъ, яко вся совершишася* (ст. 28), т. е., что не остается уже ничего не исполненнаго въ планѣ домостроительства Божія. Такъ во всѣхъ случаяхъ Онъ старался показать, что смерть Его — необыкновенная; потому что все зависѣло отъ власти Умирающаго, и смерть приступила къ тѣлу Его не прежде того, какъ самъ Онъ восхотѣлъ; а Онъ восхотѣлъ тогда, какъ все уже исполнилось. Потому-то Онъ и говорилъ: *область*

имамъ положити душу мою, и область имамъ паки пріяти ю (Іоан. 10, 18). Итакъ, зная, что все уже исполнилось, Христосъ говоритъ: *жажду* (ст. 28), — и въ этомъ случаѣ опять исполняетъ пророчество. Но ты помысли о злодѣйствѣ (людей), стоящихъ при крестѣ. Вѣдь мы, хотя бы имѣли безчисленное множество враговъ, хотя бы испытали отъ нихъ нестерпимыя обиды,—мы плачемъ отъ жалости, когда видимъ, что ихъ умерщвляютъ; а враги Христа и при этомъ не примирились съ Нимъ. и не смягчились, смотря на Его страданія, но еще болѣе ожесточались и увеличивали насмѣшки, и, поднесши уксусъ губою, напоили Его такъ, какъ обыкновенно напояютъ преступниковъ,—для чего и была при нихъ трость. *Егда же пріятъ оцетъ Іисусъ рече: совершишася* (ст. 30). Видишь, какъ Онъ все дѣлалъ безъ смущенія и со властію? Это же видно и изъ дальнѣйшаго. Когда все уже совершилось,—Христосъ, *преклонь главу*, такъ какъ она не была пригвождена *предаде духъ* (ст. 30),—то есть, испустилъ (послѣднее) дыханіе. Обыкновенно испускаютъ духъ не послѣ преклоненія головы; но здѣсь было напротивъ Христосъ преклонилъ главу не тогда, когда уже испустилъ духъ, какъ обыкновенно бываетъ съ нами; но тогда испустилъ духъ, когда преклонилъ главу. Всѣмъ этимъ Евангелистъ показалъ, что Онъ—Господь всего міра.

3. Между тѣмъ, Іудеи, пожирающіе верблюда и оцѣждающіе комаровъ (Матѳ. 23, 24), совершивъ столь великое злодѣяніе, опять выказы-

ваютъ особенную заботливость о днѣ. *Понеже пятокъ бѣ, да не останутъ на крестѣ тѣлеса въ субботу, молиша Пилата, да пребіютъ голени ихъ* (ст. 31). Видишь, какъ могущественна истина? О чемъ они такъ ревностно стараются, чрезъ то самое исполняется пророчество и сбывается новое, бывшее имъ, предсказаніе. Въ самомъ дѣлѣ, когда воины пришли, то у другихъ перебили голени, а у Христа не перебили; но въ угожденіе Іудеямъ произили копіемъ ребра Его и такимъ образомъ поругались даже надъ мертвымъ Его тѣломъ. Какое гнусное и отвратительное злодѣяніе! Но не смущайся, возлюбленный, и не унывай! Что они дѣлали съ злымъ намѣреніемъ, то самое содѣйствовало къ утвержденію истины; ибо и объ этомъ было пророчество, которое говоритъ: *воззрятъ нань, егоже прободоша* (ст. 37). Кромѣ того, это злодѣяніе послужило основаніемъ вѣры для тѣхъ, которые впослѣдствіи имѣли невѣровать, напримѣръ, для Ѳомы и подобныхъ ему. А вмѣстѣ съ тѣмъ, тутъ совершилось и неизреченное таинство: *абіе изыде кровь и вода* (ст. 34). Не безъ значенія и не случайно истекли эти источники, но—потому, что изъ того и другаго составлена Церковь. Это знаютъ посвященные въ таинства: водою они возраждаются, а кровію и плотію питаются. Такъ, отсюда получаютъ свое начало (наши) таинства; и потому когда ты приступаешь къ страшной чашѣ, приступай такъ, какъ бы ты пилъ отъ самаго ребра (Христова). *И видѣвый* это *свидѣтельствова, и истинно есть сви-*

дѣтельство его (ст. 35), т. е.: «я не отъ другихъ слышалъ, но самъ былъ при томъ и видѣлъ, и свидѣтельство (мое) истинно». Это справедливо; потому что онъ повѣствуетъ о поношеніи, какому подвергся Христосъ, а не о чемъ-нибудь великомъ и чудномъ, изъ-за чего бы ты могъ заподозрить его слово. Онъ подробно разсказываетъ о случившемся, чтобы заградить уста еретикамъ и предвозвѣстить будущія таинства, — созерцая заключающееся въ нихъ сокровище. При этомъ исполняется и другое пророчество, именно: *кость не сокрушится отъ него* (ст. 36). Хотя это сказано было объ агнцѣ іудейскомъ; но въ прообразѣ такъ было напередъ ради истины, и совершеннѣе это исполнилось въ настоящемъ случаѣ. Потому-то Евангелистъ и представилъ на видъ слова Пророка. Такъ какъ, непрестанно указывая на собственное свое свидѣтельство, онъ могъ показаться недостойнымъ вѣры; то онъ представляетъ во свидѣтели Моусея, говоря, что и это совершилось не случайно, но уже издревле было предначисано. Вотъ это именно и значатъ слова: *кость не сокрушится отъ него.* Съ другой стороны, своимъ свидѣтельствомъ онъ подтерждаетъ слова Пророка. «Я, говоритъ, сказалъ объ этомъ для того, чтобы вы узнали, что между прообразомъ и истиною находится большое сходство». Видишь, сколько онъ употребляетъ старанія, чтобы увѣрить въ томъ, что кажется позорнымъ и, по видимому, наноситъ безчестіе? Подлинно, то обстоятельство, что воинъ поругался даже надъ мертвымъ тѣломъ (Христо-

вымъ), было гораздо хуже самаго распятія; однакожъ *я*, говоритъ (Евангелистъ), и объ этомъ сказалъ, и сказалъ съ великимъ тщаніемъ, *да вы вѣру имете* (ст. 35). Итакъ, пусть никто не отказывается вѣровать, пусть никто не стыдится и не причиняетъ чрезъ то вреда нашимъ дѣламъ. То, что кажется особенно позорнымъ, то именно и составляетъ наше драгоцѣннѣйшее благо. *По сихъ* пришедъ *Іосифъ, иже отъ Аримаѳеа, сый ученикъ* (ст. 38), не изъ числа двѣнадцати, но, можетъ быть, изъ числа семидесяти. Полагая, что наконецъ крестъ укротилъ неистовство (Іудеевъ), послѣдователи Христовы безбоязненно приходятъ и заботятся о погребеніи. Іосифъ, представъ предъ Пилата, проситъ у него позволенія (снять съ креста тѣло Іисусово) и тотъ позволяетъ. Да и почему бы онъ могъ не позволить? Въ дѣлѣ Іосифа принимаетъ участіе и Никодимъ, и они совершаютъ великолѣпное погребеніе; потому что все еще думали о Христѣ, какъ о простомъ человѣкѣ. Они приносятъ такіе ароматы, которые преимущественно имѣли силу надолго сохранять тѣло и не давать ему скоро предаться тлѣнію. Это показываетъ, что они не представляли о Христѣ ничего великаго; тѣмъ не менѣе, однакожъ, въ этомъ видна ихъ великая любовь къ Нему. Но почему не пришелъ никто изъ двѣнадцати (учениковъ), ни Іоаннъ, ни Петръ, ни другой кто изъ знаменитыхъ? Евангелистъ не скрываетъ и этого. Можетъ быть, кто нибудь скажетъ: они боялись Іудеевъ; но и тѣ (Іосифъ и Никодимъ) также одержимы были страхомъ. Объ Іосифѣ

именно сказано, что онъ былъ *потаенъ страха ради іудейска* (ст. 38). Итакъ нельзя сказать, что онъ сдѣлалъ это потому, что совершенно пренебрегалъ Іудеями; нѣтъ, и онъ боялся, и однакожъ пришелъ. А Іоаннъ, хотя присутствовалъ при крестѣ и видѣлъ кончину Христову,—не сдѣлалъ ничего подобнаго. Чтожъ это значитъ? Мнѣ кажется, что Іосифъ былъ изъ числа людей весьма знаменитыхъ, какъ это видно и изъ самаго погребенія, и что онъ былъ извѣстенъ Пилату. Потому-то онъ и получилъ дозволеніе (погребсти Іисуса). И онъ погребаетъ Его, уже не какъ преступника, но, по обычаю іудейскому,—великолѣпно, какъ человѣка великаго и славнаго.

4. Но такъ какъ у нихъ не много оставалось времени (смерть Христова послѣдовала въ девятомъ часу, и потому естественно, что, пока они ходили къ Пилату, и пока снимали тѣло со креста, наступилъ уже вечеръ, когда нельзя было заниматься работою); то они полагаютъ (тѣло Іисусово) въ ближайшую гробницу. Устроилось такъ, что Христосъ положенъ былъ въ новомъ гробѣ, въ которомъ никто прежде не былъ положенъ, чтобы воскресеніе не могло быть приписано кому нибудь другому, вмѣстѣ съ Нимъ лежащему, чтобы ученики, по близости этого мѣста, легко могли придти и быть зрителями случившагося, и чтобы свидѣтелями погребенія были не только они, но и враги. То, что положены были печати на гробѣ и приставлена стража изъ воиновь, это дѣйствительно, съ ихъ стороны было свидѣтельствомъ погребенія, такъ какъ Христосъ

хотѣлъ, чтобы и погребеніе Его было не менѣе достовѣрно, чѣмъ воскресеніе. Потому-то и ученики ревностно стараются доказать, что Онъ дѣйствительно умеръ. Воскресеніе Его имѣло быть подтверждаемо всѣмъ послѣдующимъ временемъ; между тѣмъ, еслибы смерть Его въ то время была сокрыта и не сдѣлалась совершенно извѣстною, то это могло бы повредить слову о воскресеніи. Впрочемъ, не по этому только совершилось то, что Христосъ былъ близко положенъ, но и для того, чтобы обнаружилась лживость молвы о похищеніи Его тѣла. *Во едину же отъ субботъ*, т. е., въ день воскресный, *Марія Магдалина пріиде заутра, еще сущей тьмѣ, на гробъ, и видѣ камень взятъ отъ гроба* (20, 1). Христосъ воскресъ въ то время, какъ (на гробѣ Его) лежали печати и камень. Но такъ какъ надобно было, чтобы и другіе совершенно убѣдились (въ истинѣ Его воскресенія); то гробъ, послѣ Его воскресенія, отверзается, и такимъ образомъ это событіе становится достовѣрнымъ. Это именно привело въ волненіе и Марію. Пламенѣя самою нѣжною любовію къ Учителю, она, какъ только минула суббота, не могла оставаться въ покоѣ, но пошла (ко гробу) въ глубокое утро, желая отъ мѣста получить какое нибудь утѣшеніе. Когда она увидѣла это мѣсто и камень отваленный, то не вошла и не посмотрѣла въ гробъ, но, побужденная сильною любовію, побѣжала къ ученикамъ. Она заботилась о томъ, чтобы сколько можно скорѣе узнать, что́ случилось съ тѣломъ (Іисусовымъ). На ато именно указываетъ

и бѣгство ея, это же означаютъ и ея слова: *взяша*, говоритъ она, *Господа моего, и не вѣмъ, гдѣ положиша его* (ст. 2). Видишь, что она еще ничего ясно не знала о воскресеніи, но думала, что перенесено тѣло (Христово), и безъ всякаго притворства о всемъ объявляетъ ученикамъ? Но Евангелистъ не отнялъ у этой жены принадлежащей ей великой похвалы и не счелъ для себя стыдомъ того, что ученики отъ нея первой узнали о воскресеніи, такъ какъ она бодрствовала цѣлую ночь. Такъ во всѣхъ случаяхъ блистаетъ истинолюбивый нравъ Евангелиста! Когда же она пришла и сказала объ этомъ, — ученики, выслушавъ ее, поспѣшно приходятъ ко гробу и видятъ лежащія пелены; а это было знакомъ воскресенія. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы кто перенесъ тѣло (Христово въ другое мѣсто), то сдѣлалъ бы это, не обнажая его; равно какъ еслибы кто укралъ его, то не сталъ бы заботиться о томъ, чтобы снять сударь, свить его и положить *на единомъ мѣстѣ*, но — какъ (поступилъ бы)? Взялъ бы тѣло въ томъ видѣ, въ какомъ оно лежало. Потому-то Евангелистъ предварительно и сказалъ, что при погребеніи Христа употреблено было много смирны, которая не хуже свинца приклеиваетъ пелены къ тѣлу. Итакъ, когда ты слышишь, что головныя повязки лежали отдѣльно,—не вѣрь тѣмъ, которые говорятъ, будто (тѣло Христово) украдено. Воръ не былъ бы такъ глупъ, чтобы сталъ столько заботиться о предметѣ совершенно излишнемъ. Въ самомъ дѣлѣ, для чего ему было оставлять погребальныя пелены? Да и

какъ бы онъ могъ скрыться, еслибы сталъ дѣлать это? Естественно, ему нужно было истратить на это много времени, а еслибы онъ замедлилъ, то былъ бы пойманъ. Но для чего отдѣльно лежатъ пелены, и отдѣльно — платъ свитый? Для того, чтобы ты зналъ, что это сдѣлано безъ торопливости и безъ смущенія, такъ какъ отдѣльно положено одно, и отдѣльно положено и свито другое. Поэтому-то ученики и повѣрили воскресенію. И когда впослѣдствіи Христосъ является имъ,— они уже убѣждены были (въ Его воскресеніи) тѣмъ, что видѣли. Замѣть и здѣсь, какъ далекъ Евангелистъ отъ хвастовства и какъ онъ свидѣтельствуетъ о тщательности изслѣдованія Петрова! Самъ онъ, предваривъ Петра и увидѣвъ лежащія пелены, ничего болѣе не изслѣдуетъ, но удаляется; а пламенный Петръ вошелъ внутрь гроба, разсмотрѣлъ все съ тщательностію и, увидѣвъ нѣчто болѣе, пригласилъ и его посмотрѣть. Войдя во гробъ послѣ Петра, Іоаннъ увидѣлъ погребальныя пелены лежащими отдѣльно однѣ отъ другихъ. А то, что онѣ были раздѣлены, и однѣ положены въ одномъ мѣстѣ, а другія, свитыя, въ другомъ, показывало, что это сдѣлано кѣмъ-то съ заботливостію, а не какъ нибудь, — въ смущеніи.

3. А ты, когда слышишь, что Христосъ воскресъ нагимъ, перестань безумно тратиться на погребеніе. Что, въ самомъ дѣлѣ, значатъ эти излишенія и безполезныя издержки? Погребающимъ онѣ причиняютъ большой убытокъ, а умершему не приносятъ никакой пользы и, если ска-

зать правду,—даже вредны. Великолѣпныя похороны неоднократно бывали причиною разграбленія могилъ и производили то, что погребенный нѣкогда со всею изысканностію лежалъ потомъ нагой и безъ погребенія. Но, о тщеславіе! Сколь великую власть оно обнаруживаетъ среди самаго плача! До какого безумія доводитъ оно! Многіе, въ отвращеніе грабежа, раздираютъ тонкія погребальныя пелены и наполняютъ ихъ множествомъ ароматовъ, чтобы вдвойнѣ сдѣлать ихъ безполезными для похитителей, и такимъ образомъ предаютъ землѣ. Не безуміе ли это? Не помѣшательство ли это ума—выказывать великолѣпіе и въ тоже время уничтожать его? Нѣтъ, скажешь, мы придумываемъ все это для того, чтобы (одежды) безопасно лежали на мертвецѣ. Чтоже? Если не возьмутъ ихъ воры, то не поядятъ ли ихъ моль и черви? А если не поядятъ моль и черви, то не истребитъ ли время и тлѣніе? Но, положимъ, что ни воры, ни моль, ни черви, ни время, ни другое что, не истребятъ вещей, положенныхъ въ могилу; положимъ, что и тѣло останется не поврежденнымъ до самаго воскресенія, и всѣ тѣ вещи сохранятся новыми, прочными и тонкими: какая отъ этого польза для отшедшихъ, когда тѣло возстанетъ нагимъ, а всѣ эти вещи останутся здѣсь (на землѣ) и не принесутъ намъ никакой пользы во время будущихъ истязаній? Но почему же, скажешь, такъ было при погребеніи Христовомъ? Тебѣ вовсе не слѣдуетъ сравнивать погребенія Христова съ погребеніями человѣческими. Тамъ было и то, что блудница изліяла муро

на святыя ноги Его. Впрочемъ, если и объ этомъ надобно сказать что нибудь, то, во-первыхъ, это было сдѣлано людьми, которые не знали ученія о воскресеніи. Потому-то (Евангелистъ) и говоритъ: *якоже обычай есть Іудеомъ погребати* (19, 40). Вѣдь не изъ числа двѣнадцати (учениковъ) были тѣ, которые почтили Іисуса погребеніемъ; но то были (ученики), которые не весьма высоко цѣнили Его. Двѣнадцать (Апостоловъ) не такъ Его почтили, но—своею смертію, преданіемъ себя на закланіе и перенесеніемъ за Него разныхъ напастей. Правда, и то была честь, но гораздо ниже этой, о которой я сейчасъ сказалъ. Съ другой стороны, у насъ, какъ я уже сказалъ, теперь рѣчь о людяхъ; а тогда все это сдѣлано было для Господа. А чтобы ты зналъ, что Христосъ нисколько не желалъ этого, — (послушай), что Онъ сказалъ: «вы видѣли Меня алчущимъ и — напитали; жаждущимъ и — напоили; нагимъ и—одѣли» (Матѳ. 25, 35—39); но гдѣ не сказалъ: «умершимъ и—погребли». Я это говорю не съ тѣмъ, чтобы истребить обычай погребенія; нѣтъ,— но съ тѣмъ, чтобы пресѣчь роскошь и неумѣстное великолѣпіе. Къ этому, скажешь, располагаетъ скорбь и печаль, и состраданіе къ умершему? Нѣтъ,—это происходитъ не отъ состраданія къ умершему, но отъ тщеславія. Если же ты хочешь оказать соболѣзнованіе умершему,—я укажу тебѣ иной способъ погребенія и научу тебя облекать его въ такія одежды, которыя возстанутъ съ нимъ и представятъ его въ блистательномъ видѣ. Эти одежды ни молью не истребляются, ни

временемъ не разрушаются, ни ворами не похищаются. Какія же это одежды? Это—одѣяніе милостыни. Эта одежда возстаетъ вмѣстѣ съ умершимъ, потому что печать милостыни навсегда остается съ нимъ. Этими-то одеждами будутъ блистать тѣ, которые тогда услышатъ: «вы напитали Меня, когда Я алкалъ». Эти одежды дѣлаютъ умершихъ славными, знаменитыми и безопасными, а одежды нынѣшнія—не что иное, какъ пища моли и трапеза червей. И это я говорю не по тому, чтобы запрещалъ имѣть попеченіе объ умершихъ; но для того, чтобы вы дѣлали это съ умѣренностію,—прикрывали лишь тѣло и не предавали его землѣ нагимъ. Если и живымъ не слѣдуетъ имѣть ничего больше, какъ только покровъ тѣла, то тѣмъ болѣе—умершимъ: потому что мертвое тѣло не столько нуждается въ одеждахъ, сколько живое и дышущее. Пока мы живемъ, намъ нужно одѣяніе и по причинѣ холода, и для благоприличія; а коль скоро мы умерли,—у насъ нѣтъ этихъ нуждъ, и только для того, чтобы тѣло не лежало нагимъ, намъ нужны погребальныя пелены. Самыя же лучшія у насъ погребальныя пелены, это—земля, покрывало прекраснѣйшее и самое приличное нашему земному тѣлу. Итакъ, если теперь, когда у насъ столько нуждъ, не надобно искать ничего излишняго; то тѣмъ болѣе неумѣстна пышность тогда, когда нѣтъ такихъ нуждъ.

6. Но люди, скажешь, которые будутъ видѣть это, станутъ смѣяться. Если бы и сталъ кто смѣяться, на того, очевидно, не слѣдуетъ

обращать большаго вниманія, какъ на человѣка совершенно глупаго. Многіе, напротивъ, скорѣе будутъ удивляться намъ и похвалять наше любомудріе. Не это, (чему мы учимъ), достойно смѣха, но—то, что̀ мы теперь дѣлаемъ, когда плачемъ, рыдаемъ и какбы погребаемъ себя съ умершими. Вотъ что достойно и смѣха, и наказанія; а любомудріе во всемъ этомъ, равно какъ и соблюденіе умѣренности въ одеждахъ, доставляетъ намъ вѣнцы и похвалы. Въ этомъ случаѣ всѣ насъ восхвалятъ, подивятся силѣ Христовой и скажутъ: «ахъ, какъ велика сила Распятаго! Онъ убѣдилъ смертныхъ и тлѣнныхъ, что смерть не есть смерть, и вотъ они поступаютъ (при погребеніи умершихъ) такъ, какъ будто они не умираютъ, но переселяются въ лучшую страну. Онъ убѣдилъ ихъ, что это тлѣнное и земное тѣло облечется въ одежду гораздо блистательнѣйшую шелковыхъ и златотканныхъ одеждъ,—облечется въ нетлѣніе; и потому они не много заботятся о похоронахъ, но считаютъ самымъ лучшимъ погребальнымъ украшеніемъ добродѣтельную жизнь». Такъ всѣ будутъ говорить о насъ; когда увидятъ насъ любомудрствующими. Если же увидятъ, что мы терзаемся скорбію, малодушествуемъ и окружаемъ себя хоромъ рыдающихъ женщинъ; то будутъ смѣяться и издѣваться надъ нами, и тысячу разъ осудятъ насъ, укоряя за безразсудную трату и напрасный трудъ. И мы слышимъ, что за это, дѣйствительно, всѣ осуждаютъ насъ; и—весьма справедливо. Въ самомъ дѣлѣ, какое мы будемъ имѣть извиненіе, когда тѣло наше, истребляемое тлѣніемъ и

червями, украшаемъ, а Христа жаждущаго, нагаго и странника презираемъ? Отстанемъ же отъ этой суетной заботы. Будемъ погребать умершихъ такъ, чтобы это полезно было и намъ, и имъ, къ славѣ Божіей. Будемъ раздавать за нихъ обильную милостыню и препровождать ихъ съ этимъ прекраснѣйшимъ напутствіемъ. Если память скончавшихся знаменитыхъ мужей защищала живыхъ, какъ говоритъ Господь: *защищу градъ сей мене ради, и Давида ради раба моего* (4 Цар. 19, 34); то тѣмъ воскрешала даже мертвыхъ; такъ было, когда окружили (Петра) *вдовицы, показующа, елика творяше съ ними сущи Серна* (Дѣян. 9, 39). Итакъ, когда кто будетъ умирать, пусть родственники умирающаго приготовляютъ для него погребальное одѣяніе и пусть убѣждаютъ его предъ кончиною оставить что нибудь бѣднымъ. Пусть съ этою одеждою онъ отойдетъ (въ вѣчность), пусть и Христа оставитъ своимъ наслѣдникомъ. Если тѣ, которые назначаютъ по себѣ наслѣдниками царей, оставляютъ чрезъ то въ величайшей безопасности своихъ родныхъ; то представь себѣ, какое пріобрѣтетъ благоволеніе и себѣ, и всѣмъ своимъ, тотъ, кто вмѣстѣ съ дѣтьми оставитъ своимъ наслѣдникомъ и Христа! Вотъ прекрасное одѣяніе для умершихъ! Оно полезно, какъ остающимся въ живыхъ, такъ и отходящимъ (въ вѣчность). Если въ такомъ видѣ мы будемъ погребены, то явимся блистательными во время воскресенія. А если, заботясь о тѣлѣ, пренебрежемъ душу, то потерпимъ тогда много бѣдъ и подвергнемся ве-

ликому осмѣянію. Не малое безобразіе — отойти отсюда безъ добродѣтели; не столько позорно для тѣла быть поверженнымъ безъ погребенія, сколько для души—явиться тогда безъ добрыхъ дѣлъ. Итакъ станемъ одѣвать душу, станемъ убирать ее въ продолженіе всей нашей жизни. Если же при жизни мы нерадѣли о ней, — образумимся, по крайней мѣрѣ, при смерти и заповѣдуемъ сродникамъ нашимъ помочь намъ, по смерти, милостынею. При такомъ взаимномъ содѣйствіи другъ другу, мы получимъ великое дерзновеніе, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 86.

Идоста же паки къ себѣ ученика. Марія же стояше у гроба внѣ плачущи (Іоан. 20, 10. 11).

Женскій полъ какъ-то особенно чувствителенъ и весьма склоненъ къ состраданію. Говорю это для того, чтобы для тебя не было удивительнымъ, отъ чего Марія горько плакала при гробѣ,

а Петръ не обнаружилъ ничего подобнаго. *Ученики*, говоритъ Евангелистъ, *идоста къ себѣ*, а Марія *стояше плачущи*. Она, (какъ женщина), по самой своей природѣ, легко трогалась,. а притомъ она еще не знала ясно ученія о воскресеніи; напротивъ, ученики, увидѣвъ пелены, увѣровали (воскресенію) и отправились домой въ изумленіи. Почему же они не пошли прямо въ Галилею, какъ было имъ заповѣдано предъ страданіемъ? Можетъ быть, они ожидали прочихъ (учениковъ); а съ другой стороны, они еще находились въ крайнемъ изумленіи. Итакъ они пошли домой, а Марія стояла у гроба. Великое, поистинѣ, утѣшеніе, какъ я уже сказалъ, доставляетъ намъ самый видъ гроба. Видишь ли поэтому, какъ она, для бóльшаго утѣшенія, приникаетъ взоромъ во гробъ и хочетъ видѣть мѣсто, *идѣже бѣ лежало тѣло (Іисусово)* (ст. 12)? Оттого не малую получила она и награду за столь великое усердіе. Чего не видѣли ученики, то первая узрѣла жена, именно — Ангеловъ въ бѣлыхъ ризахъ, сидящихъ, одного у ногъ, а другаго у главы (ст. 12); самая одежда ихъ показывала уже великую радость и веселіе. Такъ какъ умъ жены не былъ столько возвышенъ, чтобы отъ гробныхъ пеленъ придти къ вѣрѣ въ воскресеніе; то вотъ совершается нѣчто большее: она видитъ Ангеловъ, сидящихъ въ свѣтлыхъ одеждахъ, дабы чрезъ это могла уже воспрянуть отъ скорби и утѣшиться. Впрочемъ, Ангелы ничего не говорятъ ей о воскресеніи: она возводится къ этому догмату мало-по-малу. Она видитъ лица, болѣе обык-

новеннаго свѣтлыя; видитъ одежды блестящія; слышитъ голосъ участія, такъ какъ Ангелы говорятъ ей: *жено, что плачешися* (ст. 13)? Чрезъ все это, какъ чрезъ отверзтую дверь, она мало-по-малу приводима была къ слову о воскресеніи. Да и самый образъ сидѣнія Ангеловъ располагалъ ее къ вопросу: изъ него видно было, что они знаютъ о случившемся, и потому-то сидятъ не вмѣстѣ, а отдѣльно другъ отъ друга. Но такъ какъ невѣроятно было, чтобы она сама прямо осмѣлилась спросить; то они и вопросомъ, и образомъ сидѣнія, располагаютъ ее къ разговору. Что же она? Она съ жаромъ и вмѣстѣ съ любовію говоритъ: *взяша Господа моего и не вѣмъ, гдѣ положиша его* (ст. 13). Что ты говоришь? Такъ ты еще ничего не знаешь о воскресеніи, а все еще воображаешь, что тѣло Христово переложено?—Видишь ли, какъ она еще не разумѣла этого высокаго догмата? *И сія рекши обратися вспять* (ст. 14). Что здѣсь за послѣдовательность? Марія вступаетъ въ разговоръ съ Ангелами и, еще ничего не услышавъ отъ нихъ, обращается назадъ. Мнѣ кажется, что въ то время, какъ она говорила, Христосъ внезапнымъ своимъ явленіемъ позади ея привелъ въ изумленіе Ангеловъ, и они, узрѣвши Владыку, и видомъ, и взоромъ, и движеніемъ тотчасъ обнаружили, что увидѣли Господа; а это и заставило жену оглянуться и обратиться назадъ. Такъ явился Христосъ Ангеламъ; а Маріи—не такъ, чтобы не поразить ее изумленіемъ съ перваго взгляда, но—въ видѣ болѣе смиренномъ и обыкновенномъ. Это

видно уже изъ того, что она приняла Его за садовника. Женщину съ такими уничиженными понятіями, очевидно, надобно было возводить къ высшимъ понятіямъ не вдругъ, но постепенно. Поэтому и Христосъ спрашиваетъ ее: *жено, что плачеши, кого ищеши* (ст. 15)? Этимъ Онъ показалъ, что Ему извѣстно, о чемъ она хочетъ спросить, и расположилъ ее къ отвѣту. Такъ поняла это и Марія, и потому (въ своемъ отвѣтѣ) не произноситъ имени Іисуса, но, полагая, что вопрошающій уже знаетъ, о комъ она освѣдомляется, говоритъ: *аще ты еси взялъ его, повѣждь ми, гдѣ еси положилъ его, и азъ возму его* (ст. 15). Опять говоритъ о положеніи, взятіи и переложеніи (Христа), бесѣдуя о Немъ, какъ о мертвомъ! Смыслъ словъ ея такой; «если вы, боясь Іудеевъ, взяли Его отсюда, то скажите мнѣ, (гдѣ Его положили), и я возьму Его». Велико усердіе, велика любовь жены; но высокаго въ ней еще нѣтъ ничего. Потому-то, наконецъ, Христосъ открываетъ ей высокую тайну (своего воскресенія), не видомъ своимъ, а голосомъ. Какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда Онъ находился среди Іудеевъ, иногда они узнавали Его, а иногда не узнавали; такъ и въ то время, какъ Онъ говорилъ, Его узнавали лишь тогда, когда Онъ хотѣлъ. Такъ, когда Онъ говорилъ Іудеямъ: *кого ищете*?—они не узнавали Его ни по виду, ни по голосу, до тѣхъ поръ, пока Онъ хотѣлъ. Тоже самое случилось и здѣсь. Христосъ произнесъ теперь только имя Маріи, укоряя ее и упрекая за то, что она такъ думаетъ о Немъ, тогда

какъ Онъ живъ. Но какъ же она отвѣчаетъ *обращшися*, между тѣмъ, какъ Христосъ съ нею бесѣдовалъ? Мнѣ кажется, что она, сказавъ: *гдѣ еси положилъ его*, обратилась къ Ангеламъ, съ намѣреніемъ спросить ихъ, чему они изумились, и что Христосъ, назвавъ ее по имени, снова заставилъ ее обернуться отъ Ангеловъ въ Его сторону и по голосу далъ узнать Себя. Дѣйствительно, она узнала Его тогда, когда онъ назвалъ ее, сказавъ: *Маріе* (ст. 16), и значитъ, узнала не по виду, но по голосу. Можетъ быть, кто нибудь спроситъ: откуда извѣстно, что Ангелы пришли въ изумленіе и что поэтому Марія обратилась назадъ? Но въ такомъ случаѣ нужно будетъ также спросить: откуда извѣстно, что Марія прикоснулась ко Христу и пала къ ногамъ Его? И какъ это послѣднее открывается изъ словъ: *не прикасайся мнѣ* (ст. 17); такъ и первое видно изъ того, что сказано: *обратися*. Но почему Христосъ сказалъ: *не прикасайся мнѣ*? Нѣкоторые говорятъ, что Марія просила у Него духовной благодати, такъ какъ слышала, что Онъ говорилъ ученикамъ: *аще поиду* ко Отцу, *умолю* Его, *и инаго Утѣшителя дастъ вамъ* (Іоан. 14, 3. 16).

2. Но какъ она могла слышать эти слова, не бывши тогда съ учениками? Съ другой стороны, и по своимъ понятіямъ она далека была отъ подобнаго желанія. Да и какъ она могла просить объ этомъ, когда Онъ еще не отошелъ къ Отцу? Что же это значитъ? Мнѣ кажется, что она и теперь желала обращаться съ Нимъ, какъ прежде,

и отъ радости не представляла себѣ ничего великаго, хотя Онъ и сдѣлался по плоти гораздо совершеннѣйшимъ. Поэтому Христосъ, чтобы отклонить ее отъ такого мнѣнія и внушить ей не говорить съ Нимъ безъ всякой осторожности (потому что и съ учениками, какъ видно, Онъ уже не обращался по прежнему),—возвышаетъ ея помышленія и чрезъ то научаетъ ее болѣе благоговѣйному съ Нимъ обращенію. Еслибы Онъ сказалъ: «не подходи ко Мнѣ, какъ прежде; теперь обстоятельства измѣнились, и Я уже не буду обращаться съ вами по прежнему»; то это было бы (для Маріи) непріятно и отзывалось бы хвастовствомъ и тщеславіемъ. Но слова: *не у бо взыдохъ ко Отцу*, были не тягостны и, между тѣмъ, выражали тоже самое. Сказавъ: *не у бо взыдохъ ко Отцу*, — Христосъ даетъ разумѣть, что Онъ спѣшитъ туда и стремится. А кто готовъ уже отойти на небо и не будетъ болѣе обращаться съ людьми, на того уже не слѣдовало смотрѣть съ такими же мыслями, съ какими смотрѣли прежде. Что такое обьясненіе справедливо, видно изъ слѣдующихъ словъ: *иди и рцы братіи моей, яко иду ко Отцу моему и Отцу вашему, и Богу моему и Богу вашему* (ст. 17). Но вѣдь Онъ намѣренъ былъ сдѣлать это не тотчасъ, но спустя сорокъ дней; для чего же говоритъ такъ? Для того, чтобы возвысить помыслы Маріи и увѣрить ее, что Онъ восходитъ на небо. А слова: *ко Отцу моему и Отцу вашему, и Богу моему и Богу вашему* — сказаны Имъ по воспріятію плоти, такъ какъ и возшествіе свой-

ственно только плоти. Христосъ выражается такъ по тому, что говоритъ съ женою, которая не представляла себѣ ничего великаго. Значитъ, Богъ въ иномъ смыслѣ Отецъ Его и въ иномъ — нашъ? Такъ точно. Ибо, если Богъ не въ одинаковомъ смыслѣ—Богъ праведныхъ и Богъ прочихъ людей; то тѣмъ болѣе (въ различномъ смыслѣ Онъ — Богъ) Сына и (Богъ) нашъ. А такъ какъ Христосъ сказалъ: *рцы братіи*; то, чтобы на основаніи этихъ словъ не стали предполагать какого-либо равенства (между Нимъ и учениками),—Онъ показываетъ и различіе. самъ Онъ будетъ возсѣдать на престолѣ Отчемъ, а они будутъ предстоять этому престолу. Слѣдовательно, хотя Христосъ, по человѣческому естеству своему, и содѣлался братомъ нашимъ, однакожъ по славѣ — весьма отличенъ отъ насъ, отличенъ на столько, что и выразить нельзя. Между тѣмъ, Марія уходитъ, чтобы возвѣстить объ этомъ ученикамъ (ст. 18). Вотъ какъ хорошо усердіе и постоянство! Но отчего ученики теперь не скорбятъ о томъ, что Христосъ намѣренъ отойти отъ нихъ, и не говорятъ того, что говорили прежде? Тогда они скорбѣли по тому, что Онъ шелъ на смерть; а теперь, когда Онъ воскресъ, изъ-за чего имъ было печалиться?. Марія возвѣстила имъ и о своемъ видѣніи, и о словахъ, (которыя она слышала отъ Христа) и которыя могли утѣшить ихъ. Но легко могло случиться, что ученики, слушая это, или не повѣрятъ женѣ, или, повѣривъ, будутъ скорбѣть о томъ, что Христосъ не удостоилъ ихъ своего явленія, хотя и обѣщалъ явиться имъ въ Галилѣе.

Поэтому, чтобы они не тревожились такими мыслями, Христосъ не далъ миновать и одному дню, но, возбудивъ въ нихъ желаніе видѣть Его, какъ тѣмъ, что они уже знали о Его воскресеніи, такъ и разсказомъ жены,—въ тотъ же день, по наступленіи вечера, когда они горѣли желаніемъ видѣть Его и были одержимы страхомъ, — отъ чего еще болѣе усиливалось ихъ желаніе,—предсталъ предъ ними, и притомъ — чудеснымъ образомъ. Почему же Онъ явился вечеромъ? По тому, что особенно въ это время, по всей вѣроятности, они находились въ наибольшемъ страхѣ. Но вотъ что удивительно: какъ они не сочли Его за призракъ, тогда какъ Онъ вошелъ чрезъ затворенныя двери и внезапно? Это, безъ сомнѣнія, по тому, что Марія успѣла уже произвесть въ нихъ сильную вѣру (въ Его воскресеніе); а притомъ Онъ и явился къ нимъ въ свѣтломъ и кроткомъ видѣ. Днемъ же Онъ не явился для того, чтобы ученики собрались всѣ вмѣстѣ,—такъ какъ они были въ великомъ страхѣ. Поэтому Онъ даже не стучалъ въ дверь, но внезапно сталъ посреди ихъ, показалъ имъ ребра и руки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и голосомъ успокоилъ волновавшіяся мысли ихъ, сказавъ: *миръ вамъ* (ст. 20), т. е., не смущайтесь. Этимъ Онъ напомнилъ имъ слова, сказанныя предъ страданіемъ: *миръ мой оставляю вамъ, миръ мой даю вамъ* (Іоан. 14, 27), и еще: *во мнѣ миръ* имѣйте: *въ мірѣ скорбни будете* (Іоан. 16, 33). *Возрадовашася же ученицы, видѣвше Господа* (ст 20). Видишь ли, какъ слова Его оправдались на дѣлѣ? Что сказалъ Онъ

предъ страданіемъ: *паки узрю вы и возрадуется сердце ваше, и радости вашея никтоже возметъ отъ васъ* (Іоан. 16, 22), — то исполнилъ теперь самымъ дѣломъ. Все же это привело учениковъ къ совершенной вѣрѣ. А такъ какъ они имѣли непримиримую брань съ Іудеями; то Онъ часто повторяетъ: *миръ вамъ*, — предлагая такимъ образомъ равносильное брани утѣшеніе.

3. Вотъ какое первое слово сказалъ Христосъ (ученикамъ) по воскресеніи. Потому-то и Павелъ повсюду говоритъ: *благодать вамъ и миръ*. Женамъ Господь благовѣствуетъ радость, такъ какъ женскій полъ былъ въ печали и на печаль осужденъ былъ первымъ проклятіемъ. Такимъ образомъ Онъ, совершенно прилично, мужамъ благовѣствуетъ миръ — по причинѣ брани, а женамъ радость — по причинѣ печали. Уничтоживъ все, что было поводомъ къ скорби (учениковъ), Христосъ далѣе говоритъ о благотворныхъ слѣдствіяхъ креста. Такимъ слѣдствіемъ былъ—миръ. Значитъ, всѣ препятствія теперь отстранены, Христосъ одержалъ блистательную побѣду, и все приведено къ вожделѣнному концу. Поэтому Онъ, наконецъ, говоритъ: *якоже посла мя Отецъ, и азъ посылаю вы* (ст. 21). Для васъ не будетъ (въ этомъ посольствѣ) никакой трудности, какъ по причинѣ совершившихся уже событій, такъ и по достоинству моего лица,—такъ какъ Я посылаю васъ. Этимъ Онъ возвышаетъ души учениковъ и показываетъ, что ихъ слова будутъ вполнѣ достовѣрны, такъ какъ они при-

мутъ на себя Его дѣло. И теперь Онъ уже не умоляетъ Отца, но собственною властію даруетъ ученикамъ силу. *Дуну и глагола имъ: пріимите Духъ Святъ: имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ, и имже держите, держатся* (ст. 22. 23). Какъ царь, посылая правителей, даетъ имъ власть и заключать въ темницу, и освобождать изъ темницы; такъ и Христосъ, посылая учениковъ, облекаетъ ихъ такою же властію. Какъ же Онъ прежде сказалъ: *аще не иду азъ, Утѣшитель не пріидетъ* (Іоан. 16, 7), а теперь даетъ Духа? Нѣкоторые говорятъ, что Христосъ (въ настоящемъ случаѣ) не сообщилъ ученикамъ Духа, а только посредствомъ дуновенія сдѣлалъ ихъ способными къ Его принятію. Ибо, если Даніилъ, при видѣ Ангела, пришелъ въ *ужасъ* (Дан. 8, 17); то чего не испытали бы и ученики, еслибы приняли эту неизреченную благодать, не бывъ напередъ къ тому приготовлены? Посему-то, говорятъ, Христосъ не сказалъ: «вы пріяли Духа Святаго», но—*пріимите Духъ Святъ*. Но не погрѣшитъ тотъ, кто скажетъ, что и тогда ученики получили нѣкоторую духовную власть и благодать, только—не воскрешать мертвыхъ и совершать чудеса, а отпускать грѣхи,—такъ какъ различны дарованія Духа. Посему-то Христосъ и присовокупилъ: *имже отпустите (грѣхи), отпустятся*,—показывая, какой родъ благодатной силы дается имъ. А впослѣдствіи, спустя сорокъ дней, они получили силу чудотвореній; почему Христосъ и говоритъ: *пріимите силу нашедшу Святому Духу*

на вы, и будете ми свидѣтели во Іерусалимѣ же и во всей Іудеи (Дѣян. 1, 8); а свидѣтелями они сдѣлались посредствомъ чудесъ. Неизреченна, поистинѣ, благодать Духа и многоразличны дары Его! Сообщаетъ же Христосъ дары Духа, дабы ты зналъ, что у Отца и Сына и Святаго Духа одинъ даръ и одна власть. Въ самомъ дѣлѣ, что присвояется, по видимому, Отцу,—тоже самое оказывается принадлежащимъ и Сыну, и Святому Духу. Какъ же сказано, что никто не приходитъ къ Сыну, *аще не Отецъ привлечетъ его* (Іоан. 6, 64)? Но это же самое, очевидно, принадлежитъ и Сыну: *азъ есмь*, говоритъ Онъ, *путь: никтоже пріидетъ ко Отцу, токмо мною* (Іоан. 14, 6). А вотъ, смотри, это же приписывается и Духу: *никтоже можетъ рещи Господа Іисуса, точію Духомъ Святымъ* (1 Кор. 12, 3). Такъ точно и Апостолы представляются дарованными Церкви то отъ Отца, то отъ Сына, то отъ Духа Святаго. И раздѣленіе дарованій, какъ видимъ, усвояется и Отцу, и Сыну, и Святому Духу.

4. Итакъ употребимъ всѣ мѣры къ тому, чтобы имѣть въ себѣ Духа, и будемъ со всею почтительностію обращаться съ тѣми, кому ввѣрена власть дѣйствовать благодатными дарами. Подлинно, велико достоинство священниковъ! *Имже*, сказано, *отпустите грѣхи, отпустятся*. Потому-то и Павелъ говоритъ: *повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покаряйтеся* (Евр. 13, 17), и: *имѣйте ихъ по преизлиха въ любви* (1 Сол. 5, 13). Въ самомъ дѣлѣ, ты заботишь-

ся только о своихъ дѣлахъ, и, если ихъ устроишь хорошо, — не будешь отвѣчать за другихъ людей. А священникъ, хотя бы и хорошо устроилъ свою собственную жизнь, но если не будетъ съ должнымъ усердіемъ заботиться о жизни твоей и всѣхъ другихъ, ввѣренныхъ его попеченію, то вмѣстѣ съ порочными пойдетъ въ геенну, и часто, невинный по своимъ дѣламъ, онъ погибаетъ за ваши беззаконія, если не исполнитъ надлежащимъ образомъ всего, что у него касается. Итакъ, зная, какая великая угрожаетъ священникамъ опасность, оказывайте имъ великую любовь. На это указалъ и Павелъ, когда сказалъ: *тіи бо бдятъ о душахъ вашихъ*, и—не просто, но *яко слово воздати хотяще* (Евр. 13, 17). Посему имъ надобно оказывать великое уваженіе. Если же и вы вмѣстѣ съ другими станете оскорблять ихъ; то и ваши дѣла не будутъ благоуспѣшны. Доколѣ кормчій благодушествуетъ, до тѣхъ поръ и плывущіе на кораблѣ безопасны; а коль скоро онъ, отъ оскорбленій и враждебныхъ дѣйствій со стороны спутниковъ, находится въ горѣ, то уже не можетъ ни быть бдительнымъ по прежнему, ни дѣйствовать съ обыкновеннымъ своимъ искусствомъ, и нехотя подвергаетъ ихъ безчисленнымъ бѣдствіямъ. Такъ и священники, если будутъ пользоваться у васъ надлежащею честію, въ состояніи будутъ устроить и ваши дѣла, какъ слѣдуетъ; а если вы будете опечаливать ихъ, то ослабите ихъ руки и сдѣлаете то, что они вмѣстѣ съ вами легко будутъ увлечены волнами, хотя бы они были и весьма мужественны.

Помысли о томъ, что сказалъ Христосъ объ Іудеяхъ: *на Моисеовѣ сѣдалищи сѣдоша книжницы и фарисее: вся убо, елика аще рекутъ вамъ блюсти, творите* (Мато. 23, 23). Теперь же нельзя сказать, что священники возсѣли на сѣдалищѣ Моисеевомъ; нѣтъ, они возсѣли на сѣдалищѣ Христовомъ, потому что пріяли Христово ученіе. Потому и Павелъ говоритъ: *по Христѣ посольствуемъ, яко Богу молящу нами* (1 Кор. 5, 20). Не видите ли, какъ всѣ подчиняются властямъ мірскимъ? Хотя подчиненные часто превосходятъ начальствующихъ и знатностію рода, и жизнію, и мудростію; однакожъ, изъ уваженія къ тому, кто ихъ поставилъ, они не думаютъ ни о чемъ этомъ, но чтутъ опредѣленіе царя, каковъ бы ни былъ тотъ, кто получилъ надъ ними начальство. Таковъ то у насъ страхъ, когда поставляетъ начальника человѣкъ! Но когда рукополагаетъ Богъ,—мы и презираемъ рукоположеннаго, и оскорбляемъ его, и преслѣдуемъ безчисленными поношеніями, и, тогда какъ намъ запрещено судить и своихъ братьевъ, — изощряемъ языкъ на священниковъ! И какое найдемъ мы себѣ оправданіе, когда въ своемъ глазѣ не видимъ бревна, а у другаго съ злобнымъ стараніемъ замѣчаемъ и сучецъ? Ужели не знаешь, что, когда судишь такимъ образомъ другихъ, приготовляешь и себѣ самому тягчайшее осужденіе? Говорю это не потому, чтобы я одобрялъ недостойно проходящихъ служеніе священства; нѣтъ, — я крайне жалѣю о нихъ и плачу: тѣмъ не менѣе однакожъ утверждаю, что и въ этомъ случаѣ подчиненные,

и особенно люди, самые простые, не имѣютъ права судить ихъ. Пусть жизнь священника будетъ самая порочная: но, если ты внимателенъ къ самому себѣ, то не потерпишь никакого вреда въ томъ, что ему ввѣрено отъ Бога. Если Господь заставилъ говорить ослицу и чрезъ волхва даровалъ духовныя благословенія; если, такимъ образомъ, и чрезъ безсловесныя уста ослицы, и чрезъ нечистый языкъ Валаама Онъ дѣйствовалъ для неблагодарныхъ Іудеевъ: то тѣмъ болѣе для васъ, если вы будете признательны, Онъ сдѣлаетъ съ своей стороны все, что нужно, и ниспошлетъ Духа Святаго, — хотя бы и крайне порочны были священники. Вѣдь и чистый (священникъ) не своею собственною чистотою привлекаетъ Духа Святаго; но все совершаетъ благодать. *Вся бо ваша суть*, говоритъ (Апостолъ), *аще Павелъ*, *или Аполлосъ*, *или Кифа* (1 Кор. 3, 22). Все, что ввѣрено священнику, есть единственно Божій даръ; и, сколько бы ни преуспѣвало человѣческое любомудріе, оно всегда будетъ ниже той благодати. Говорю это не для того, чтобы мы безпечно располагали своею жизнію, но для того, чтобы вы, подчиненные, видя нерадѣніе кого-либо изъ предстоятелей, не преумножали по этому поводу для самихъ себя зла. Но что я говорю о священникахъ? Ни Ангелъ, ни Архангелъ не можетъ оказать никакого дѣйствія на то, что даруется отъ Бога: здѣсь все устрояетъ Отецъ и Сынъ и Святый Духъ, а священникъ только ссужаетъ свой языкъ и простираетъ свою руку. Да и несправедливо было бы, еслибы, по причинѣ

порочности другаго лица, терпѣли вредъ тѣ, которые съ вѣрою приступаютъ къ символамъ нашего спасенія. Итакъ, зная все это, будемъ и Бога бояться, и уважать Его священниковъ, оказывая имъ всякую честь, дабы и за свои добрыя дѣла, и за уваженіе къ нимъ, получить отъ Бога великую награду, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 87.

Ѳома же, единъ отъ обоюнадесяте, глаголемый близнецъ, не бѣ съ ними, егда пріиде Іисусъ. Глаголаху же ему друзіи ученицы: видѣхомъ Господа. Онъ же рече имъ: аще не вижу.., не иму вѣры, и пр. (Іоан. 20, 24. 25).

Какъ вѣровать просто и безъ разбора—дѣло легкомыслія; такъ сверхъ мѣры испытывать и больше, чѣмъ нужно, изслѣдывать — дѣло ума крайне упорнаго. Поэтому-то и Ѳома подвергается порицанію. Когда Апостолы сказали ему: *видѣхомъ Господа*,—онъ не повѣрилъ, не столько

по недовѣрію къ нимъ, сколько по тому, что считалъ невозможнымъ это дѣло, то есть, воскресеніе изъ мертвыхъ. Онъ не сказалъ: я не вѣрю вамъ, но: *аще не вложу руку мою, не иму вѣры*. Но отъ чего въ то время, какъ всѣ были собраны, не было его одного? Вѣроятно, онъ тогда не возвратился еще изъ прежде бывшаго разсѣянія. А ты, когда видишь этого ученика невѣрующимъ, подумай о человѣколюбіи Господа, который и ради одной души показываетъ Себя въ ранахъ, приходитъ и для спасенія одного, хотя и болѣе другихъ упорнаго. Въ самомъ дѣлѣ, (Ѳома) искалъ себѣ удостовѣренія посредствомъ самаго грубаго чувства и не вѣрилъ даже глазамъ. Онъ не сказалъ: если не увижу, но: если не осяжу, дабы узнать, не призракъ ли то, что я вижу. Безъ сомнѣнія, и ученики, возвѣстившіе (о явленіи Господа), были уже достойны вѣры, равно какъ и Самъ (Господь), обѣщавшій это; тѣмъ не менѣе однакожъ, поелику Ѳома искалъ себѣ большаго удостовѣренія), то Христосъ не отказалъ ему и въ этомъ. Для чего же Онъ является ему не тотчасъ, а спустя восемь дней? Для того, чтобы Ѳома, внимая въ теченіе этого времени убѣжденіямъ учениковъ и слыша одно и тоже, воспламенился бо́льшимъ желаніемъ и сдѣлался болѣе твердымъ въ вѣрѣ на будущее время. Но откуда онъ зналъ, что и ребра (Христовы) прободены? Слышалъ это отъ учениковъ. Отъ чего же этому онъ повѣрилъ, а тому не повѣрилъ? Отъ того, что то было событіе совершенно необыкновенное и чудесное. Но ты замѣть правдолюбіе

Апостоловъ: они не скрываютъ недостатковъ ни своихъ, ни чужихъ, но описываютъ ихъ со всею истиною. Итакъ снова является Іисусъ и не ожидаетъ, пока (Ѳома) станетъ просить Его или скажетъ что нибудь подобное, но еще прежде, чѣмъ тотъ сказалъ что нибудь, исполняетъ его желаніе, показывая тѣмъ, что Онъ былъ съ учениками и въ то время, какъ (Ѳома) говорилъ съ ними. Онъ употребилъ тѣже самыя слова (какія Ѳома произнесъ), сильно укоряя его и вразумляя на будущее время. Сказавъ: *принеси перстъ твой сѣмо, и виждь руцѣ мои: и вложи руку твою въ ребра моя*,— прибавилъ: *и не буди невѣренъ, но вѣренъ* (ст. 27). Видишь ли, что сомнѣніе происходило отъ невѣрія? Но такъ было прежде, чѣмъ (ученики) получили Духа Святаго; а послѣ — не такъ: они уже были совершенны. И не этими только словами Христосъ укорилъ (Ѳому), но и дальнѣйшими. Когда Ѳома, удостовѣрившись, успокоился и воскликнулъ: *Господь мой и Богъ мой*,— Христосъ сказалъ: *яко видѣхъ мя вѣровалъ еси: блажени не видѣвшіи и вѣровавше* (ст. 28. 29). Вѣра въ томъ, дѣйствительно, и состоитъ, чтобы принимать невидимое: *есть вѣра уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ* (Евр. 11, 1). А блаженными Онъ называетъ здѣсь не однихъ только учениковъ, но и тѣхъ, которые увѣруютъ послѣ нихъ. Но вѣдь ученики, скажешь, увидѣли и увѣровали? Однакожъ, они ничего подобнаго не требовали, но отъ погребальныхъ пеленъ тотчасъ приняли слово о

воскресеніи и прежде, чѣмъ увидѣли самаго Христа, уже показали полную вѣру. Итакъ, если кто въ настоящее время скажетъ: какъ бы я желалъ жить въ тѣ времена и видѣть Христа чудодѣйствующаго!—тотъ пусть подумаетъ, что *блажени не видѣвшіи и вѣровавше*. При этомъ случаѣ справедливо можно придти въ недоумѣніе, какимъ образомъ тѣло нетлѣнное имѣло на себѣ язвы гвоздинныя, и какъ можно было касаться его смертною рукою? Но не смущайся: это было дѣломъ снисхожденія. Тѣло столь тонкое и легкое, что вошло сквозь затворенныя двери (ст. 26), очевидно, чуждо было всякой дебелости; но (Христосъ) показываетъ его такимъ для того, чтобы увѣрить въ воскресеніи и научить, что именно Онъ былъ распятъ, и не другой воскресъ вмѣсто Его. Поэтому-то Онъ воскресъ, имѣя на Себѣ знаки креста; поэтому же Онъ вкушаетъ и пищу. И Апостолы очень часто представляли это, какъ свидѣтельство воскресенія, говоря: *иже съ нимъ ядохомъ и пихомъ* (Дѣян. 10, 41). Посему, какъ до распятія мы видимъ Его ходящимъ по волнамъ и однако же не говоримъ, что тѣло Его было другаго естества, а не нашего: такъ и послѣ воскресенія, видя на Немъ язвы, не станемъ называть Его тлѣннымъ; потому что Онъ показывалъ ихъ для ученика. *Многа же и ина знаменія сотвори Іисусъ* (ст. 30). Такъ какъ этотъ Евангелистъ сказалъ (о чудесахъ) меньше другихъ (Евангелистовъ), то говоритъ, что и всѣ прочіе сказали не все, но столько, сколько нужно было для привлеченія слушающихъ къ вѣрѣ. А

еслибы, говоритъ, все было описано, то думаю, что и міръ не вмѣстилъ бы книгъ (21, 25).

2. Отсюда явно, что (Евангелисты) не изъ хвастовства сказали о чудесахъ, которыя они описали, но единственно—для пользы. Ибо какъ возможно, чтобы они описали эти (чудеса) изъ хвастовства, когда большую часть опустили? Но почему же они не о всѣхъ разсказали? Преимущественно—по множеству (чудесъ); а потомъ они думали и то, что, кто не повѣритъ сказанному, тотъ не повѣритъ и большему, а кто приметъ это, тому ничего больше не нужно будетъ для утвержденія въ вѣрѣ. Впрочемъ, мнѣ кажется, что здѣсь (Евангелистъ) говоритъ только о знаменіяхъ, бывшихъ послѣ воскресенія; почему и замѣчаетъ: *предъ ученики своими* (ст. 30). Какъ до воскресенія нужны были многія (чудеса) для того, чтобы увѣровали, что Христосъ есть Сынъ Божій; такъ послѣ воскресенія—для того, чтобы убѣдились, что Онъ воскресъ. Поэтому (Евангелистъ) и присовокупилъ: *предъ ученики своими*, такъ какъ послѣ воскресенія (Христосъ) обращался только съ ними, почему и говорилъ: *міръ ктому не увидитъ мене* (Іоан. 14, 19). Потомъ, дабы ты зналъ, что все это было сдѣлано только ради учениковъ, (Евангелистъ) прибавляетъ: *и да вѣрующе животъ* вѣчный *имате во имя его* (ст. 31). Здѣсь Онъ обращаетъ рѣчь вообще къ людямъ и показываетъ, что сказалъ объ этомъ не ради Того, въ кого мы вѣруемъ, но преимущественно для нашей собственной пользы. *Во имя его*, то есть, чрезъ Него;

потому что Онъ есть *животъ* (Іоан. 14, 6). *Посемъ явися ученикомъ на мори Тиверіадстѣмъ* (Іоан. 21, 1). Видишь, что Онъ не постоянно обращается съ ними и не такъ, какъ прежде? Явился вечеромъ, и скрылся; потомъ—еще однажды, спустя восемь дней, и опять скрылся: затѣмъ (является) теперь на морѣ, и опять (явленіе его сопровождается) великимъ страхомъ. Но что значитъ: *явися*? Изъ этого видно, что, еслибы Онъ не снизшелъ, то не былъ бы видимъ, такъ какъ тѣло Его было уже нетлѣнно и безсмертно. А для чего (Евангелистъ) упомянулъ о мѣстѣ? Дабы показать, что Христосъ избавилъ (учениковъ) отъ ихъ чрезмѣрнаго страха, такъ что они выходили уже изъ дома и ходили повсюду. Они уже не сидѣли, запершись въ домѣ, но, избѣгая опасности отъ Іудеевъ, отправились въ Галилею. И вотъ Симонъ идетъ ловить рыбу. Такъ какъ Христосъ не постоянно находился съ ними, а Духъ Святый еще не былъ имъ дарованъ, и они оставались тогда безъ всякаго порученія; то, не имѣя никакого дѣла, они обратились къ своему (прежнему) промыслу. *Бяху вкупѣ Симонъ и Ѳома и Наѳанаилъ*, призванный Филиппомъ, *и сыны Зеведеовы и ини два* (ст. 2). Такъ какъ, говорю, у нихъ не было никакого дѣла, то они пошли ловить рыбу и занимались этимъ ночью, потому что боялись. О ловлѣ же рыбы говоритъ и Лука (гл. 5, ст. 1—10), но разумѣетъ не это событіе, а другое. Прочіе ученики пошли (за Петромъ), такъ какъ они уже не разлучались другъ отъ друга, а вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣли посмотрѣть на ловлю и

съ пользою употребить свободное время. Итакъ они трудятся, и когда утомились, — имъ предстаетъ Іисусъ, но не тотчасъ обнаруживаетъ Себя, а сначала входитъ съ ними въ разговоръ. Онъ говоритъ имъ: *еда что снѣдно имате* (ст. 5)? — вступаетъ въ разговоръ совершенно по-человѣчески, какбы намѣреваясь что-нибудь купить у нихъ. Когда же они отозвались, что у нихъ нѣтъ ничего, — Онъ повелѣлъ имъ бросить (мрежу) направо: они бросили и получили уловъ. А когда они узнали Его, то ученики Петръ и Іоаннъ опять обнаруживаютъ особенности своихъ характеровъ. Тотъ былъ пламеннѣе, а этотъ возвышеннѣе; тотъ стремительнѣе, а этотъ проницательнѣе. Поэтому Іоаннъ первый узналъ Іисуса, а Петръ первый пошелъ къ Нему, — такъ какъ не малыя были при этомъ и знаменія. Какія же именно? — Во-первыхъ, — поймано было множество рыбы, потомъ, — мрежа не разорвалась, далѣе, — они нашли готовыми уголья *и рыбу лежащу и хлѣбъ* (ст. 9) прежде, чѣмъ достигли (берега). Теперь Христосъ творилъ уже не изъ готоваго вещества, какъ по нѣкоему смотрѣнію творилъ прежде креста. Итакъ Петръ, какъ только узналъ Его, бросилъ все — и рыбу, и мрежи, и препоясался. Видишь и почтительность, и любовь? Хотя ученики были въ разстояніи двухъ сотъ лактей (отъ берега), но Петръ, несмотря и на это, не захотѣлъ ожидать, пока придетъ на суднѣ, но поспѣшилъ (ко Христу) вплавь. Чтоже Іисусъ? *Пріидите*, говоритъ, *обѣдуйте. Ни единъ же смѣяше истязати его* (ст. 12). Теперь они уже не имѣли своей

обычной смѣлости, не дерзали, какъ прежде, и не обращались къ Нему съ рѣчью, но въ молчаніи, съ великимъ страхомъ и благоговѣніемъ сидѣли и смотрѣли на Него. Они знали, *яко Господь ёсть* (ст. 12), и потому не спрашивали: *кто еси*? Видя измѣнившееся лице, исполненное необычайнаго величія, они были очень изумлены и хотѣли бы что нибудь спросить объ этомъ; но страхъ и сознаніе, что это былъ не другой кто, а именно Онъ, удерживали ихъ отъ вопроса, и они лишь вкушали то, что Онъ создалъ своею высокою властію. Здѣсь Онъ уже не взираетъ на небо и не дѣлаетъ ничего человѣческаго, какъ это было прежде, показывая, что и тогда это дѣлалось по снисхожденію. А что Онъ не постоянно и не такъ, какъ прежде, обращался съ учениками, объ этомъ говоритъ (Евангелистъ): *се уже третіе явися (Іисусъ ученикомъ своимъ) воставъ отъ мертвыхъ* (ст. 14). Христосъ повелѣваетъ принести и часть (пойманной) рыбы, дабы показать (ученикамъ), что видимое ими—не призракъ. Впрочемъ, здѣсь не говорится, чтобы Онъ самъ ѣлъ съ ними, но Лука въ другомъ мѣстѣ говоритъ объ Немъ: *съ ними же и ядый* (Дѣян. 1, 4). Какъ это было,—мы не можемъ сказать. Безъ сомнѣнія, это происходило какъ нибудь чудесно, не по тому, чтобы естество (Христово) еще нуждалось въ пищѣ, но—по снисхожденію, для доказательства воскресенія.

3. Слушая объ этомъ, вы, можетъ быть, воспламенились (желаніемъ видѣть Христа) и назвали блаженными тѣхъ, которые обращались

съ Нимъ, равно какъ и тѣхъ, которые будутъ въ общеніи съ Нимъ въ день общаго воскресенія. Употребимъ же всѣ мѣры къ тому, чтобы узрѣть Его чудное лице. Если теперь, когда только слышимъ объ этомъ, мы такъ воспламеняемся и желали бы жить въ тѣ дни, когда и Онъ жилъ на землѣ, слышать Его голосъ, видѣть лице, приходить къ Нему, касаться Его и служить Ему; то подумай, что значитъ—видѣть Его, когда Онъ уже не въ смертномъ тѣлѣ и дѣйствуетъ не по-человѣчески, но дориносится Ангелами, когда и мы сами будемъ въ безсмертномъ тѣлѣ и, созерцая Его, будемъ наслаждаться и прочимъ блаженствомъ, превосходящимъ всякое слово. Поэтому-то, умоляю васъ, будемъ всячески стараться о томъ, чтобы не лишиться такой славы. И въ этомъ нѣтъ ничего труднаго, если только мы захотимъ,—ничего тягостнаго, если будемъ внимательны; ибо, *аще терпимъ, съ нимъ и воцаримся* (2 Тим. 2, 12). Что же значитъ: *аще терпимъ?* Если будемъ переносить скорби, гоненія, если будемъ идти тѣснымъ путемъ. Тѣсный (путь) самъ по себѣ труденъ, но отъ нашей рѣшимости и надежды на будущее дѣлается легкимъ. *Еже бо нынѣ легкое печали (нашея) по преумноженію въ преспѣяніе тяготу вѣчныя славы содѣловаетъ намъ: не смотряющимъ намъ видимыхъ, но не видимыхъ* (2 Кор. 4, 17. 18). Итакъ возведемъ очи наши на небо и будемъ постоянно представлять и созерцать (благá) небесныя. Если мы всегда будемъ имѣть ихъ въ мысляхъ, то и здѣшнія

удовольствія не будутъ для насъ привлекательны, и горести не будутъ тягостны. И надъ этимъ, и надъ (всѣмъ) подобнымъ мы будемъ смѣяться, и уже ничто не въ состояніи будетъ ни поработить, ни возгордить насъ, если только мы желаніемъ своимъ устремимся туда и будемъ взирать на ту любовь. И что я говорю: не будемъ скорбѣть при настоящихъ бѣдствіяхъ? Мы не будемъ даже замѣчать ихъ: таково уже свойство любви. Кого мы любимъ и кто находится не вмѣстѣ съ нами, но вдали отъ насъ, того-то именно мы и представляемъ себѣ каждый день. Велика, поистинѣ, сила любви: она устраняетъ душу отъ всего и привязываетъ къ любимому предмету. Если мы такъ возлюбимъ Христа, то все здѣшнее будетъ казаться намъ тѣнью, все—только образомъ и сномъ. Тогда и мы скажемъ: *кто ны разлучитъ отъ любве* Христовы? *Скорбь ли или тѣснота* (Рим. 8, 35)? Не сказалъ (Апостолъ): имущество, богатство, красота, такъ какъ все это крайне ничтожно и презрѣнно, но указалъ на то, что почитается тяжкимъ,—на голодъ, гоненія, смерть. Онъ и это презрѣлъ, какъ ничего не значущее, а мы изъ-за денегъ разлучаемся съ нашею жизнію и устраняемся отъ свѣта. Павелъ предпочитаетъ любовь къ Нему и смерти, и жизни, и настоящему, и будущему и всякой вообще твари; а мы, лишь только увидимъ немного золота, тотчасъ воспламеняемся (жадностію) и попираемъ законы Христовы. Если (вамъ) непріятно слышать объ этомъ, то тѣмъ менѣе надобно терпѣть это на дѣлѣ. Но въ томъ-то и бѣда, что мы,

когда слышимъ это, — ужасаемся, а когда дѣлаемъ,—неужасаемся, напротивъ, мы и легкомысленно клянемся, и преступаемъ клятвы, и хищничаемъ, и требуемъ лихвенныхъ процентовъ, и нерадимъ о цѣломудріи, и оставляемъ прилежную молитву, и преступаемъ бо̀льшую часть заповѣдей, и ради денегъ не обращаемъ никакого вниманія на своихъ собратій. Да, кто пристрастенъ къ богатству, тотъ причиняетъ тысячу золъ ближнему, а вмѣстѣ съ нимъ и себѣ самому. Онъ легко раздражается, поноситъ (ближняго), называетъ его уродомъ, клянется, преступаетъ клятву и не соблюдаетъ даже и того, что предписываетъ ветхозавѣтный законъ. Кто любитъ богатство, тотъ не будетъ любить даже ближняго, а между тѣмъ, намъ заповѣдано ради царствія любить самыхъ враговъ. И если мы, исполняя древнія заповѣди, не можемъ достигнуть царства небеснаго, *аще не избудетъ правда* наша *паче* тѣхъ заповѣдей (Мат. 5, 20); то, преступая и ихъ, какъ получимъ оправданіе? Пристрастный къ богатству не только не станетъ любить враговъ, но и на самыхъ друзей будетъ смотрѣть, какъ на враговъ.

4. И что я говорю о друзьяхъ? Пристрастные къ богатству часто не признаютъ самой природы. Такой человѣкъ ни родства не знаетъ, ни знакомства не помнитъ, ни возраста не почитаетъ, никого не имѣетъ другомъ, но ко всѣмъ являетъ расположеніе враждебное, больше же всѣхъ—къ самому себѣ,—не по тому только, что губитъ душу свою, но и потому, что обреме-

няетъ себя безчисленными заботами, трудами, печалями. Онъ рѣшается на путешествія, подвергается непріятностямъ, опасностямъ, ковнямъ и всему подобному, лишь бы только имѣть у себя корень золъ и насчитать много золота. Что можетъ быть ужаснѣе такой болѣзни! Человѣкъ, одержимый ею, отказывается и отъ роскоши и отъ всякаго удовольствія, изъ за которыхъ такъ много грѣшатъ люди, и лишаетъ себя славы и чести. Любящій богатство всѣхъ подозрѣваетъ и имѣетъ множество обвинителей, завистниковъ, клеветниковъ и злоумышленниковъ. Тѣ, которые обижены имъ, ненавидятъ его, потому что потерпѣли отъ него зло; тѣ, которые еще ничего не потерпѣли, вооружаются противъ него, изъ опасенія потерпѣть и изъ соболѣзнованія къ потерпѣвшимъ; а наконецъ, и люди великіе и могущественные, частію по негодованію на него изъ состраданія къ низшимъ, а частію и по зависти, также становятся его врагами и ненавидятъ его. И что я говорю о людяхъ? Противъ кого самъ Богъ вооруженъ,—какая остается тому надежда, какое утѣшеніе, какая отрада? Пристрастный къ богатству никогда не будетъ въ состояніи пользоваться имъ; онъ будетъ рабомъ и стражемъ его, но не господиномъ. Стараясь всегда увеличить, онъ никогда не захочетъ тратить его; но будетъ изнурять себя, будетъ бѣднѣе всѣхъ нищихъ, потому что никогда не удовлетворитъ своей страсти. А вѣдь деньги существуютъ не для того, чтобы беречь ихъ, но для того, чтобы ими пользоваться. Если же мы станемъ зарывать ихъ отъ

другихъ, то что можетъ быть жалче насъ, когда мы всюду бѣгаемъ и стараемся все захватить, чтобы запереть у себя въ дому и изъять изъ общаго употребленія! Есть, впрочемъ, и другой недугъ, не меньше этого. Одни зарываютъ деньги въ землю, а другіе расточаютъ для чрева, на роскошь и пьянство, и такимъ образомъ вмѣстѣ съ наказаніемъ за неправду навлекаютъ на себя наказаніе за сластолюбіе. Одни употребляютъ ихъ на тунеядцевъ и льстецовъ, другіе на игру и блудницъ, а третьи на другія подобныя издержки, и такимъ образомъ пролагаютъ себѣ безчисленные пути, ведущіе въ геенну, и оставляютъ прямый и законный путь, ведущій къ небу, между тѣмъ какъ этотъ путь не только доставляетъ выгоду, но и пріятнѣе тѣхъ путей. Кто даетъ блудницамъ, тотъ дѣлается смѣшнымъ и позорнымъ; онъ будетъ имѣть много ссоръ, а удовольствіе краткое, лучше же сказать—даже и краткаго не получитъ. Сколько бы ни давалъ онъ отверженнымъ женщинамъ, онѣ ничуть не будутъ благодарны ему: *сосудъ бо сокрушенъ чуждій домъ* (Прит. 23, 27). Притомъ же этотъ родъ безстыденъ, и Соломонъ любовь такой женщины уподобилъ аду. Она тогда только успокоивается, когда увидитъ своего любовника ничего уже не имѣющимъ. Лучше же сказать,—она и тогда не успокоивается, но еще больше величается, попираетъ лежащаго, предаетъ его великому осмѣянію и столько дѣлаетъ ему зла, что и описать нельзя. Не таково удовольствіе спасаемыхъ. Здѣсь никто не имѣетъ соперника въ любви, но всѣ радуются

и веселятся—какъ тѣ, которые благоденствуютъ, такъ и тѣ, которые смотрятъ на нихъ. Ни гнѣвъ, ни печаль, ни стыдъ, ни поношеніе не смущаютъ души такого человѣка; напротивъ, тамъ великое спокойствіе совѣсти и великая надежда на будущее, свѣтлая слава и великая честь, полное благоволеніе Божіе и безопасность. Нѣтъ тамъ ни одного утеса и никакой опасности, напротивъ, — недоступное для волнъ пристанище и тишина. Представляя себѣ все это и сравнивая одно удовольствіе съ другимъ, изберемъ для себя лучшее, чтобы сподобиться и будущихъ благъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 88.

Егда же обѣдоваше, глагола Симону Петру Іисусъ: Симоне Іонинъ, любиши ли мя паче сихъ; глагола ему: ей, Господи, ты вѣси, яко люблю тя (Іоан. 21, 15).

Многое и другое можетъ доставить намъ дерзновеніе предъ Богомъ и сдѣлать насъ славными и достопочтенными; но преимущественно предъ

всѣмъ, мы пріобрѣтаемъ благоволеніе свыше — попеченіемъ о ближнихъ. Вотъ этого и Христосъ требуетъ отъ Петра. Когда трапеза учениковъ приходила къ концу,—*глагола Симону Петру Іисусъ*: *Симоне Іонинъ, любиши ли мя паче сихъ; глагола ему*: *ей, Господи, ты вѣси*, *яко люблю тя. Глагола ему*: *паси овцы моя* (ст. 15. 16). Почему же (Христосъ), помимо другихъ учениковъ, бесѣдуетъ объ этомъ съ Петромъ? По тому, что онъ былъ избранный изъ Апостоловъ, уста учениковъ, верховный въ ихъ ликѣ, отъ чего и Павелъ приходилъ нѣкогда видѣть его преимущественно предъ другими. Вмѣстѣ съ тѣмъ Христосъ поручаетъ ему попеченіе о братіи и для того, дабы показать, что отнынѣ онъ долженъ имѣть дерзновеніе, такъ какъ отреченіе его предано забвенію. Не воспоминаетъ (Христосъ) объ его отреченіи и не порицаетъ его за то, что было; но говоритъ: если ты любишь Меня, то заботься о братіи; покажи теперь ту горячую любовь, которую ты всегда обнаруживалъ и которою утѣшался; душу свою, которую ты обѣщалъ положить за Меня, предай за моихъ овецъ. Будучи спрошенъ въ первый и во второй разъ, Петръ призвалъ въ свидѣтели (своей любви) самаго Вѣдущаго сокровенныя тайны сердца. Когда же потомъ спрошенъ былъ и въ третій разъ, то смутился, убоявшись, чтобы опять не случилось того же, что было прежде; потому что и тогда онъ говорилъ съ увѣренностію, но послѣдствія опровергли его. Поэтому снова прибѣгаетъ ко Христу и говоритъ: *ты вѣси*

вся, то есть, и настоящее, и будущее. Видишь, какъ онъ исправился и сталъ благоразумнѣе? Уже не упорствуетъ въ своемъ мнѣніи и не противорѣчитъ. Поэтому-то онъ и смутился. «Можетъ быть, я думаю только, будто люблю, а на самомъ дѣлѣ не люблю, какъ и прежде я много думалъ о себѣ и говорилъ съ увѣренностію, но послѣдствія опровергли меня» А троекратно Христосъ спрашиваетъ его и троекратно заповѣдуетъ ему одно и тоже, дабы показать, какъ высоко Онъ цѣнитъ попеченіе о своихъ овцахъ, и что это въ особенности служитъ знакомъ любви къ Нему. Сказавъ ему о любви къ Себѣ, Христосъ предрекаетъ ему и мученичество, которому онъ подвергнется, и тѣмъ показываетъ, что то, что Онъ говорилъ ему, говорилъ не по недовѣрію къ нему, а напротивъ, по совершенной увѣренности въ немъ, желая показать образецъ любви къ Себѣ и научить насъ, какимъ образомъ преимущественно мы должны любить Его. Вотъ почему говоритъ: *егда былъ еси юнъ, поясался еси самъ*, *и ходилъ еси, аможе хотѣлъ еси. Егда же состарѣешися*, *воздѣжеши руцѣ твои*. *и* иные *тя* пояшутъ и ведутъ, *аможе не хощеши* (ст. 18). Несомнѣнно, что Петръ самъ этого хотѣлъ и желалъ; потому Христосъ и возвѣстилъ ему это. Онъ неоднократно говорилъ: *душу мою за тя положу* (Іоан. 13, 37), и: *аще ми есть и умрети съ тобою, не отвергуся тебе* (Мат. 26, 35); поэтому Христосъ и устроилъ по его желанію. Что же значитъ: *аможе не хощеши*? Христосъ говоритъ

здѣсь о свойствѣ (нашего) естества, о необходимомъ законѣ плоти, о томъ, что душа не охотно разрѣшается отъ тѣла, такъ что, хотя бы произволеніе было и твердое, но и при этомъ природа обнаруживаетъ себя. Никто безъ страданія не разстается съ тѣломъ, и это Богъ устроилъ, какъ я и прежде говорилъ, для пользы, чтобы немного было насильственныхъ смертей. Ибо, если и при этомъ діаволъ успѣваетъ побуждать къ самоубійству и весьма многихъ доводитъ до стремнинъ и пропастей, то, еслибы не такова была любовь души къ тѣлу, многіе тотчасъ устремлялись бы къ этому даже отъ самой ничтожной печали. Итакъ слова: *аможе не хощеши* означаютъ естественную любовь (души къ тѣлу). Но почему Христосъ, сказавъ: *егда былъ еси юнъ*, говоритъ потомъ: *егда же состарѣешися*? Этимъ показываетъ, что Петръ тогда былъ уже не молодъ, какъ это и справедливо, но и не старъ, — а въ совершенномъ возрастѣ. Для чего же Онъ напомнилъ ему о прежней жизни? Дабы показать, что таковы Его дѣла. Въ житейскихъ дѣлахъ человѣкъ молодой бываетъ полезенъ, а состарѣвшійся безполезенъ; а въ моихъ дѣлахъ, говоритъ, не такъ: напротивъ, съ наступленіемъ старости доблесть (бываетъ) блистательнѣе и мужество славнѣе, не встрѣчая никакихъ препятствій отъ возраста. И это Онъ говорилъ не съ тѣмъ, чтобы устрашить (Петра), но для того, чтобы одушевить его; потому что Онъ зналъ его желаніе, зналъ, что онъ издавна пламенно стремился къ этому благу. Вмѣстѣ съ тѣмъ Христосъ

указываетъ здѣсь и на образъ его смерти. Такъ какъ Петръ всегда хотѣлъ быть въ опасностяхъ за Него, то Онъ говоритъ: будь спокоенъ; Я исполню твое желаніе, такъ что, чего ты не потерпѣлъ въ юности, то потерпишь въ старости. Далѣе, Евангелистъ, возбуждая слушателя, прибавилъ: *сіе же рече, назнаменуя, коею смертію прославитъ Бога* (ст. 19). Не сказалъ: умретъ, но: *прославитъ Бога*, дабы ты зналъ, что страданія за Христа составляютъ славу и честь для страждущаго. *И сія рекъ, глагола ему: иди по мнѣ.* Здѣсь Христосъ опять указываетъ на свое попеченіе о немъ и на свое великое расположеніе къ нему. Если же кто спроситъ: почему же престолъ іерусалимскій получилъ Іаковъ; то я отвѣчу, что Петра Христосъ поставилъ учителемъ не для этого престола, но для вселенной. *Обращся же Петръ, видѣ ученика, егоже любляше Іисусъ, во слѣдъ идуща, иже и возлеже на вечери на перси его, и глагола: Господи, сей же что* (ст. 20, 21).

2. Для чего (Евангелистъ) напомнилъ намъ о бывшемъ тогда возлежаніи? Не просто и не безъ причины, но—чтобы показать, какое Петръ имѣлъ дерзновеніе послѣ своего отреченія. Прежде онъ не смѣлъ спросить (Христа), но поручилъ это другому, а теперь ему ввѣрено даже попеченіе о братіи. Теперь онъ не только не поручаетъ другому того, что до него касается, но уже и самъ за другаго спрашиваетъ Учителя: Іоаннъ молчитъ, а онъ говоритъ. Здѣсь же Евангелистъ показы-

ваетъ и любовь къ нему (Петра). Дѣйствительно, Петръ очень любилъ Іоанна; это видно и изъ последующихъ событій, да и вообще во всемъ евангеліи и въ Дѣяніяхъ (апостольскихъ) обнаруживается ихъ взаимная любовь. Итакъ, поелику Христосъ предсказалъ Петру величіе, вручилъ ему вселенную, предвозвѣстилъ мученичество и засвидѣтельствовалъ, что его любовь больше любви другихъ (учениковъ); то Петръ, желая имѣть своимъ общникомъ и (Іоанна), говоритъ: *сей же что*? Не пойдетъ ли и онъ однимъ съ нами путемъ? Какъ прежде, не дерзая самъ спросить (Господа), поручилъ это Іоанну; такъ теперь, платя ему тѣмъ же и думая, что онъ хотѣлъ бы спросить о себѣ, но не смѣетъ, самъ беретъ на себя предложить о немъ вопросъ. Что же Христосъ? *Аще хощу, да той пребываетъ, дондеже пріиду, что къ тебѣ* (ст. 22)? Такъ какъ Петръ говорилъ по крайней заботливости и не желая разлучиться съ Іоанномъ, то Христосъ, показывая, что сколько бы онъ ни любилъ его, но его любовь не сравняется съ любовію самаго Христа,—говоритъ: *аще хощу, да той пребываетъ, что къ тебѣ?* Этимъ Онъ научаетъ насъ не сокрушаться (о будущемъ) и не любопытствовать больше, чѣмъ сколько Ему угодно. Петръ всегда былъ пылокъ и скоръ на такіе вопросы, а потому Христосъ этими словами снова обуздываетъ его горячность и научаетъ не быть сверхъ мѣры любопытнымъ. *Изыде же слово се къ братіи*, то есть, къ ученикамъ, *яко (ученикъ) той не умретъ. И не рече (ему) Іи-*

сусъ, яко не умретъ, но: аще хощу тому пребывати дондеже пріиду, что къ тебѣ (ст. 23). Не думай, говоритъ, что Я одинаково устрою вашу судьбу. А это Онъ сдѣлалъ по тому, что теперь неблаговременна была ихъ взаимная любовь. Такъ какъ они должны были принять на себя попеченіе о вселенной, то имъ уже не слѣдовало быть вмѣстѣ другъ съ другомъ: это было бы весьма вредно для вселенной. Поэтому-то Христосъ и говоритъ Петру: тебѣ поручено дѣло; заботься о немъ, совершай его, терпи и подвизайся. Что́ (тебѣ), если Я хочу, чтобъ Іоаннъ здѣсь пребывалъ? Ты смотри за своимъ дѣломъ и о немъ заботься. А ты замѣть и здѣсь скромность Евангелиста. Сказавъ о мнѣніи учениковъ, онъ исправляетъ его, такъ какъ они не уразумѣли того, что Христосъ сказалъ. *Не рече*, говоритъ, *Іисусъ, яко не умретъ*, но: *аще хощу тому пребывати* (ст. 23). *Сей есть ученикъ свидѣтельствуяй о сихъ, иже и написа сія, и* вѣмы, *яко истинно есть свидѣтельство его* (ст. 24). Почему онъ одинъ такъ говоритъ, тогда какъ никто другой этого не дѣлаетъ, и уже въ другой разъ самъ свидѣтельствуетъ о себѣ, между тѣмъ какъ это непріятно слушателямъ? Какая тому причина? Говорятъ, что онъ послѣ всѣхъ приступилъ къ написанію (евангелія), бывъ на то подвигнутъ и возбужденъ Богомъ. Поэтому онъ постоянно указываетъ на любовь Его къ себѣ, намѣкая тѣмъ на причину, по которой рѣшился писать. Поэтому же часто упоминаетъ и о томъ (что его свидѣтельство истинно), придавая чрезъ то

достовѣрность своему слову и показывая, что онъ приступилъ къ этому (дѣлу) по побужденію свыше: *и вѣмъ*, говоритъ, *яко истинно есть* то, о чемъ онъ повѣствуетъ. Если же многихъ это не увѣритъ, то имъ можно увѣриться изъ слѣдующаго. Изъ чего же? Изъ того, что сказано далѣе. *Суть же,* говоритъ (Евангелистъ), *и ина многа, яже сотвори Іисусъ, яже аще бы по единому писана быша, ни самому мню* (*всему міру*) *вмѣстити пишемыхъ книгъ* (ст. 25). Отсюда видно, что я писалъ безъ пристрастія. Если при такомъ множествѣ (дѣлъ Іисуса) я не сказалъ даже и столько, сколько другіе, но, опустивъ большую часть ихъ, выставилъ на видъ козни Іудеевъ и разсказалъ, какъ они бросали въ Него камни, какъ ненавидѣли Его, оскорбляли и поносили, какъ именовали Его даже бѣсноватымъ и обманщикомъ; то явно, что я писалъ безъ лести. Кто льститъ, тотъ обыкновенно поступаетъ напротивъ, все позорное—скрываетъ, а дѣла блистательныя—излагаетъ. Итакъ, поелику онъ съ совершенною увѣренностію написалъ то, что написалъ; то не отказывается выставить свое собственное свидѣтельство, вызывая (всѣхъ) разсмотрѣть и изслѣдовать каждое въ отдѣльности событіе. Вѣдь и у насъ есть обыкновеніе, когда мы считаемъ что-нибудь несомнѣнно-вѣрнымъ, не отказываться отъ собственнаго о томъ свидѣтельства. Если же это дѣлаемъ мы, то тѣмъ болѣе (могъ сдѣлать) онъ, писавшій по внушенію Духа. Такъ говорили, проповѣдуя, и другіе Апостолы: *мы есмы свидѣтели* тому, что проповѣдуемъ,

и Духъ, его же даде (Богъ) повинующимся ему (Дѣян. 2, 32). Притомъ Іоаннъ присутствовалъ при всѣхъ (событіяхъ), не оставлялъ Христа и во время распятія, и ему поручена была Матерь: все это (служить) знакомъ, что (Христосъ) любилъ его и что онъ зналъ все въ точности. Если же онъ сказалъ, что знаменій было совершено такъ много,—ты этому не удивляйся, но подумай о неизреченной силѣ Творящаго и прими съ вѣрою сказанное. Какъ для насъ легко говорить, такъ, или еще гораздо легче для Него, дѣлать то, что Ему угодно. Ему довольно было восхотѣть, и—все исполнилось.

3. Будемъ же тщательно внимать сказанному (въ евангеліи) и не перестанемъ читать и изъяснять его. Отъ частаго его чтенія мы получимъ много пользы; чрезъ это мы въ состояніи будемъ очистить жизнь свою и истребить въ себѣ терніе. Таковы-то именно грѣхи и житейскія заботы, — безплодны и болѣзненны. Какъ терніе, съ какой бы стороны ни коснулось его, уязвляетъ касающагося: такъ и житейскія дѣла, съ какой стороны ни приступишь къ нимъ, всегда наводятъ печаль на того, кто связываетъ себя ими и заботится о нихъ. Но духовныя дѣла не таковы; напротивъ, они похожи на драгоцѣнный камень, который, какъ не обратишь его,—отвсюду увеселяетъ зрѣніе. Напримѣръ, сотворилъ ли кто милостыню? Онъ не только питается надеждою на будущее (воздаяніе), но наслаждается и здѣшними благами: онъ ничего не опасается и все дѣлаетъ съ великимъ дерзновеніемъ. Преодолѣлъ ли

кто злое вожделѣніе? Еще прежде наступленія царствія, онъ уже здѣсь получаетъ плодъ, слыша похвалу и одобреніе отъ всѣхъ, а прежде всего отъ собственной совѣсти. Да таково и каждое доброе дѣло, между тѣмъ какъ дѣла злыя, еще прежде геенны, здѣсь уже мучатъ совѣсть. Если ты грѣшишь, то, подумаешь ли о будущемъ, поражаешься страхомъ и трепетомъ, хотя никто не наказываетъ тебя; подумаешь ли о настоящемъ,—(видишь), что имѣешь много враговъ и живешь въ подозрѣніи, и не можешь даже прямо и посмотрѣть на обидѣвшихъ тебя, лучше же сказать, и на тѣхъ, которые не обидѣли. Отъ грѣха не столько получаемъ мы удовольствія, сколько скорби: тутъ и совѣсть вопіетъ, и посторонніе люди осуждаютъ, и Богъ прогнѣвляется, и геенна угрожаетъ поглотить насъ, и мысли не могутъ успокоиться. Тяжелъ, поистинѣ тяжелъ и невыносимъ грѣхъ,—тяжелѣе всякаго свинца. Кто сознаетъ его за собою, тотъ отнюдь не можетъ смотрѣть прямо, хотя бы былъ и очень безчувственъ. Такъ Ахаавъ, хотя былъ крайне нечестивъ, но, почувствовавъ грѣхъ, ходилъ съ поникшею главою, сокрушался и скорбѣлъ. Потому-то онъ и вретище возложилъ на себя, и проливалъ источники слезъ. Если и мы будемъ это дѣлать если будемъ плакать, какъ Ахаавъ, и сложимъ съ себя грѣхи, какъ Закхей; то и мы получимъ прощеніе. Какъ при опухоляхъ и язвахъ, сколько бы кто ни прилагалъ къ нимъ лекарствъ, не остановивъ напередъ притекающей и растравляющей рану матеріи, — все бываетъ напрасно: потому что

не остановленъ источникъ зла; такъ бываетъ и съ нами: если мы не удержимъ рукъ отъ любостяжанія и не прервемъ этого нечистаго потока, то, хотя бы стали давать и милостыню,—все будетъ напрасно. Что уврачуетъ милостыня, то затопитъ, испортитъ и сдѣлаетъ еще худшимъ любостяжаніе. Итакъ перестанемъ сначала хищничать, и тогда уже станемъ подавать милостыню. Если же мы сами будемъ стремиться въ пропасть,—какую будемъ имѣть возможность остановиться? Когда человѣка падающаго одинъ станетъ тянуть вверхъ (что дѣлаетъ милостыня), а другой будетъ увлекать внизъ; то отъ такой борьбы не произойдетъ ничего болѣе, кромѣ того, что этотъ человѣкъ будетъ разорванъ. Итакъ, чтобы намъ не потерпѣть этого и чтобы милостыня не оставила и не покинула насъ въ то время, какъ любостяжаніе влечетъ насъ долу,—облегчимъ себя и воспаримъ горѣ. Тогда, освободившись отъ дѣлъ злыхъ и сдѣлавшись совершенными чрезъ упражненіе въ дѣлахъ добрыхъ, мы сподобимся вѣчныхъ благъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ которымъ Отцу, вмѣстѣ со св. Духомъ, слава, держава, честь нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран

ОПЕЧАТКИ

ЧАСТЬ I.

Страв.	Строк.	Напечатано:	Должно читать
9	9 свизу	изерчевіяхъ	изречевіяхъ
35	7 —	путь	пусть
60	4 —	тварахъ,	тваряхъ,
104	1 сверху.	этс	это
232	6 свизу	*бобро*	*добро*
237	7 —	прглacивъ	приглacивъ
312	8 —	*вѣруй*	*вѣруяй*
322	11 —	какому	такому
323	1 —	къ тинѣ	въ тинѣ
439	3 сверху.	впередь	вредь
447	3 —	кякъ	какъ
453	7 —	воздѣ	вездѣ
493	8 евизу.	сея	себя
536	11 —	*во воскрешеніе*	*въ воскрешеніе*
539	8 сверху.	воли, Отца;	воли Отца;
540	5 свизу.	тщеславящимъ	тщеславящимся
541	3 —	ни спросили	ни спорили
549	8 сверху.	на послужили	не послужили
554	14 свизу.	томиться	томится

ОПЕЧАТКИ

ЧАСТЬ II.

Стран.	Строк.	Напечатано:	Должно читать:
17	4 снизу.	наказаніе.—	наказаніе,—
70	15 —	*октуду*	*откуду*
98	4 сверху.	объ этотъ	объ этомъ
113	8 —	Не нельзя	Но нельзя
142	10 —	(ченіе)	(ученіе)
145	1 снизу.	площать	площадь
182	8 —	увидятельное,	удивительное,
183	2 —	считили	считали
188	8 сверху.	кто	что
221	4 —	скробь.	скорбь.
248	16 снизу.	прибывавщіе	пребывавшіе
265	13 сверху.	*въ нетлѣніи*	*въ нетлѣніе*
272	1 —	будетъ	будутъ
276	2 —	Діаволу.	Діаволу,
284	7 снизу.	*нестроты*	*пестроты*
287	3 сверху.	Исаія	Исаія:
—	4 —	*звихъ*	*звахъ*
294	18 снизу.	*себѣ*	*себе*
304	3 сверху.	*но умыю*	*не умыю*
305	8 —	*рукѣ*	*руцѣ*
309	7 —	съ самое	въ самое
316	8 —	себя	съ себя
—	11 —	перевѣлъ	перевелъ
—	11 —	посыпалъ	и осыпалъ
323	3 —	векаго	великаго
326	10 снизу.	*аще*	*еще*
328	12 сверху.	*всѣ*	*вси*
336	4 снизу.	*пусть*	*путь*
359	10 —	*соблюдаяй*	*и соблюдаяй*
391	3 —	видѣ, И о еслибы	видѣ. И, о еслибы
414	9 —	*воспрошаетъ* (ст. 38).	*вопрошаетъ* (ст. 30),
415	4 —	средце.	сердцѣ.
421	6 сверху.	*виша*	*ваша*

422	10	—	подвергаетъ	подвергаютъ
428	9	снизу.	и тѣхъ,	и тѣхъ,
445	4	—	Много разъ	Много разъ
453	7	—	увѣряютъ	увѣруютъ
483	14	сверху.	Божія,	Божія
489	10	—	Христу,	Христу:
510	13	—	но гдѣ не сказалъ	но нигдѣ не сказалъ
549	12	—	коснулось	коснулись